

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> приятного чтения!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков
Романы. Пьесы

1891-1940

Был май

Был май. Прекрасный месяц май. Я шел по переулку, по тому самому, где помещается Театр. Это был отличный, гладкий, любимый переулок, по которому непрерывно проезжали машины. Проезжая, они хлопали металлической крышкой, вделанной в асфальт. «Может быть, это канализационная крышка, а может быть, крышка водопроводная», – размышлял я. Эти машины отчаянно кричали разными голосами, и каждый раз, как они кричали, сердце падало и подгибались ноги.

«Вот когда-нибудь крикнет так машина, а я возьму и умру», – думал я, тыча концом палки в тротуар и боясь смерти.

«Надо ускорить шаг, свернуть во двор, пройти вовнутрь Театра. Там уже не страшны машины, и весьма возможно, что я не умру».

Но свернуть во двор мне не удалось. Я увидел его. Он стоял, прислонившись к стене Театра и заложив ногу на ногу. Ноги эти были обуты в кроваво-рыжие туфли на пухлой подошве, над туфлями были толстые шерстяные чулки, а над чулками – шоколадного цвета пузырями штаны до колен. На нем не было пиджака. Вместо пиджака на нем была странная куртка, сделанная из замши, из которой некогда делали мужские кошельки. На груди – металлическая дорожка с пряжечкой, а на голове – женский берет с коротким хвостиком.

Это был молодой человек ослепительной красоты, с длинными ресницами, бодрыми глазами. Перед ним стояли пять человек актеров, одна актриса и один режиссер. Они преграждали путь в ворота.

Я снял шляпу и низко поклонился молодому человеку. Он приветствовал меня странным образом. Именно: сцепил ладони обеих рук, поднял их кверху и как бы зазвонил в невидимый колокол. Он посмотрел на меня пронзительно, лихо улыбаясь необыкновенной красоты глазами. Я смутился и уронил палку.

– Как поживаете? – спросил меня молодой человек.

Я поживал хорошо, мешали мне только машины своим адским криком, я что-то мямлил и криво надел шляпу.

Тут на меня обратилось всеобщее внимание.

– А вы как поживаете? – спросил я, причем мне показалось, что у меня распух язык.

– Хорошо! – ответил молодой человек.

– Он только что приехал из-за границы, – тихо сказал мне режиссер.

– Я читал вашу пьесу, – заговорил молодой человек сурово.

«Надо было мне другим ходом, через двор, в Театр пойти», – подумал я тоскливо.

– Читал, – повторил молодой человек звучно.

– И как же вы нашли, Полиевкт Эдуардович? – спросил режиссер, не спуская глаз с молодого человека.

– Хорошо, – отрывисто сказал Полиевкт Эдуардович, – хорошо. Третий акт надо переделать. Вторую картину из третьего акта надо выбросить, а первую перенести в четвертый акт. Тогда уж будет совсем хорошо.

– Пойдите-ка домой да и перенесите, – шепнул мне режиссер и беспокойно подмигнул.

– Ну-с, продолжаю, – заговорил Полиевкт Эдуардович. – И вот они врываются и арестовывают Ганса.

– Очень хорошо! Очень хорошо! – заметил режиссер. – Его надо арестовать, Ганса. Только не находите ли вы, что его лучше арестовать в предыдущей картине?

– Вздор! – ответил молодой человек. – Именно здесь его надо арестовать и нигде больше.

«Это заграничный рассказ, – подумал я. – Но только за что он так на Ганса озверел? Я хочу слушать заграничные рассказы, умру я или не умру».

Я потянулся к молодому человеку, стараясь не проронить ни слова. Душа моя раскисла, потом что-то дрогнуло в груди. Мне захотелось услышать про раскаленную Испанию. И чтоб сейчас заиграли на гитарах. Но ничего этого я не услышал. Молодой человек, терзая меня, продолжал рассказывать про несчастного Ганса. Мало того, что его арестовали, его еще и избили в участке. Но и этого мало – его посадили в тюрьму. Мало и этого – бедная старуха, мать этого Ганса, была выгнана с квартиры и ночевала на бульваре под дождем.

«Господи, какие мрачные вещи он рассказывает! И где он, на горе мое, встретился с этим Гансом за границей? И пройти в ворота нельзя, пока он не кончит про Ганса, потому что это невежливо – на самом интересном месте...»

Чем дальше в лес, тем больше дров. Ганса приговорили к каторжным работам, а мать его простудилась на бульваре и умерла. Мне хотелось нарзану, сердце замирало и падало, машины хлопали и рывкали. Выяснилось, что на самом деле никакого Ганса не было, и молодой человек его не встречал, а просто он рассказывал третий акт своей пьесы. В четвертом акте мать перед смертью произнесла проклятие палачам, погубившим Ганса, и умерла. Мне показалось, что померкло солнце, я почувствовал себя несчастным.

Рядом оборванный человек играл на скрипке мазурку Венявского. Перед ним на тротуаре, в картузе, лежали медные пятаки. Несколько поодаль другой торговал жестяными мышами, и жестяные мыши на резинках проворно бегали по досточке.

– Вещь замечательная! – сказал режиссер. – Ждем, ждем, ждем с нетерпением!

Тут дешевая маленькая машина подкатила к воротам и остановилась.

– Ну, мне пора, – сказал молодой человек. – Товарищ Ермолай, к Герцену.

Необыкновенно мрачный Ермолай за стеклами задергал какими-то рычагами. Молодой человек покачал колокол, скрылся в каретке и беззвучно улетел. Немедленно перед его лицом вспыхнул зеленый глаз и пропустил каретку Ермолая. И молодой человек въехал прямо в солнце и исчез.

И я снял шляпу, и поклонился ему вслед, и купил жестяную мышь для мальчика, и спасся от машин, войдя во дворе в маленькую дверь, и там опять увидел режиссера, и он сказал мне:

– Ох, слушайте его. Вы слушайте его. Вы переделайте третью картину. Она – нехорошая картина. Большие недоразумения могут получиться из-за этой картины. Бог с ней, с третьей картиной!

И исчез май. И потом был июнь, июль. А потом наступила осень. И все дожди поливали этот переулок, и, беспокоя сердце своим гулом, поворачивался круг на сцене, и ежедневно я умирал, и потом опять настал май.

Жизнь господина де Мольера

Пролог

Я РАЗГОВАРИВАЮ С АКУШЕРКОЙ

Что помешает мне, смеясь, говорить правду?

Гораций

Молиер был славный писатель французских комедий в царство Людовика XIV.

Антиох Кантемир

Некая акушерка, обучившаяся своему искусству в родовспомогательном Доме Божьем в Париже под руководством знаменитой Луизы Буржуа, приняла 13 января 1622 года у милейшей госпожи Поклен, урожденной Крессе, первого ребенка – недоношенного младенца мужского пола.

С уверенностью могу сказать, что, если бы мне удалось объяснить почтенной повитухе, кого именно она принимает, возможно, что от волнения она причинила бы какой-нибудь вред младенцу, а с тем вместе и Франции.

И вот: на мне кафтан с громадными карманами, а в руке моей не стальное, а гусиное перо. Передо мной горят восковые свечи, и мозг мой воспален.

– Сударыня! – говорю я. – Осторожнее поворачивайте младенца! Не забудьте, что он рожден ранее срока. Смерть этого младенца означала бы тяжелейшую утрату для вашей страны!

– Мой Бог! Госпожа Поклен родит другого.

– Госпожа Поклен никогда более не родит такого, и никакая другая госпожа в течение нескольких столетий такого не родит.

– Вы меня изумляете, сударь!

– Я и сам изумлен. Поймите, что по прошествии трех веков, в далекой стране, я буду вспоминать о вас только потому, что вы сына господина Поклена держали в руках.

– Я держала в руках и более знатных младенцев.

– Что понимаете вы под словом – знатный? Этот младенец станет более известен, чем ныне царствующий король ваш Людовик XIII, он станет более знаменит, чем следующий король, а этого короля, сударыня, назовут Людовик Великий, или Король-Солнце! Добрая госпожа, есть далекая страна, вы не знаете ее, это – Московия. Населена она людьми, говорящими на странном для вашего уха языке. И в эту страну вскоре проникнут слова того, кого вы сейчас принимаете. Некий поляк, шут царя Петра Первого, уже не с вашего, а с немецкого языка переведет их на варварский язык.

Шут, прозванный Королем Самоедским, скрипя пером, выведет корявые строки:

«Горжибюс. Есть нужно даты так великия деньги за ваши лица изрядные. Скажите мне нечто мало что соделалысте сым господам, которых аз вам показывах и которых выжду выходящих з моего двора з так великим встыдом...»

Переводчик русского царя этими странными словами захочет передать слова вашего младенца из его комедии «Смешные драгоценные»:

«Горжибюс. Вот уж действительно, нужно тратить деньги на то, чтобы вымазать себе физиономию! Вы лучше скажите, что вы сделали этим господам, что они вышли от вас с таким холодным видом...»

В «Описании комедиям что каких есть в Государственном Посольском приказе мая по 30 число 1709 года» отмечены в числе других такие пьесы: шутовская «О докторе битом» (он же «Доктор принужденный») и другая – «Порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитер». Мы узнаем их. Первая – это «Лекарь поневоле» – комедия

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru все того же вашего младенца. Вторая – «Амфитрион» – его же. Тот самый «Амфитрион», который в 1668 году будет разыгран сьером де Мольером и его комедиантами в Париже в присутствии Петра Иванова Потемкина, посланника царя Алексея Михайловича.

Итак, вы видите, что русские узнают о том человеке, которого вы принимаете, уже в этом столетии. О связь времен! О токи просвещения! Слова ребенка переведут на немецкий язык. Переведут на английский, на итальянский, на испанский, на голландский. На датский, португальский, польский, турецкий, русский...

– Возможно ли это, сударь?

– Не перебивайте меня, сударыня! На греческий! На новый греческий, я хочу сказать. Но и на греческий древний. На венгерский, румынский, чешский, шведский, армянский, арабский...

– Сударь, вы поражаете меня!

– О, в этом еще мало удивительного. Я мог бы назвать вам десятки писателей, переведенных на иностранные языки, в то время как они не заслуживают даже того, чтоб их печатали на их родном языке. Но этого не только переведут, о нем самом начнут сочинять пьесы, и одни ваши соотечественники напишут их десятки. Такие пьесы будут писать и итальянцы, а среди них – Карло Гольдони, который, как говорили, и сам-то родился при аплодисментах муз, и русские.

Не только в вашей стране, но и в других странах будут сочинять подражания его пьесам и писать переделки этих пьес. Ученые различных стран напишут подробные исследования его произведений и шаг за шагом постараются проследить его таинственную жизнь. Они докажут вам, что этот человек, который сейчас у вас в руках подает лишь слабые признаки жизни, будет влиять на многих писателей будущих столетий, в том числе на таких – неизвестных вам, но известных мне, – как соотечественники мои Грибоедов, Пушкин и Гоголь.

Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!

Это строчки из финала пьесы моего соотечественника Грибоедова «Горе от ума».

А я, быв жертвою коварства и измены,
Оставлю навсегда те пагубные стены,
Ту бездну адскую, где царствует разврат,
Где ближний ближнему – враг лютей, а не брат!
Пойду искать угла в краю, отсель далеко,
Где можно как-нибудь быть честным человеком!

А это строчки из финала пьесы этого самого Поклена «Мизантроп» в переводе русского автора Федора Кокоткина (1816 год).

Есть сходство между этими финалами? Ах, мой Бог, я не знаток! Пусть в этом разбираются ученые! Они расскажут вам о том, насколько грибоедовский Чацкий похож на Альцеста-Мизантропа, и о том, почему Карло Гольдони считают учеником этого самого Поклена, и о том, как подросток Пушкин подражал этому Поклену, и много других умных и интересных вещей. Я во всем этом плохо разбираюсь. Меня это совершенно не интересует!

Другое занимает меня: пьесы моего героя будут играть в течение трех столетий на всех сценах мира, и неизвестно, когда перестанут играть. Вот что для меня интересно! Вот какой человек разовьется из этого младенца!

Да, я хотел сказать о пьесах. Весьма почтенная дама, госпожа Аврора Дюдеван, впрочем, более известная под именем Жорж Санд, будет в числе тех, кто напишет пьесы о моем герое.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В финале этой пьесы Мольер, поднимаясь, скажет:

– Да, я хочу умереть дома... Я хочу благословить свою дочь.

И принц Конде, подойдя к нему, подаст реплику:

– Обопритесь о меня, Мольер!

Актер же Дюпарк, которого ко времени смерти Мольера, кстати сказать, не будет на свете, рыдая, воскликнет:

– О, потерять единственного человека, которого я когда-либо любил!

Дамы пишут трогательно, с этим ничего уж не поделаешь! Но ты, мой бедный и окровавленный мастер! Ты нигде не хотел умирать – ни дома и ни вне дома! Да и вряд ли, когда у тебя изо рта хлынула рекою кровь, ты изъявлял желание благословлять свою мало кому интересную дочь Мадлену!

Кто пишет трогательнее, чем дамы? Разве что иные мужчины: русский автор Владимир Рафаилович Зотов даст не менее чувствительный финал.

– Король идет. Он хочет видеть Мольера. Мольер! Что с ним?

– Умер.

И принц, побеговав навстречу Людовику, воскликнет:

– Государь! Мольер умер!

И Людовик XIV, сняв шляпу, скажет:

– Мольер бессмертен!

Что можно возразить против последних слов? Да, действительно, человек, который живет уже четвертое столетие, несомненно, бессмертен. Но весь вопрос в том, признавал ли это король?

В опере «Аретуза», сочиненной господином Камбре, было возвещено так:

– Боги правят небом, а Людовик – землей!

Тот, кто правил землей, шляпы ни перед кем никогда, кроме как перед дамами, не снимал и к умирающему Мольеру не пришел бы. И он действительно не пришел, как не пришел и никакой принц. Тот, кто правил землей, считал бессмертным себя, но в этом, я полагаю, ошибался. Он был смертен, как и все, а следовательно – слеп. Не будь он слепым, он, может быть, и пришел бы к умирающему, потому что в будущем увидел бы интересные вещи и, возможно, пожелал бы приобщиться к действительному бессмертию.

Он увидел бы в том месте теперешнего Парижа, где под острым углом сходятся улицы Ришелье, Терезы и Мольера, неподвижно сидящего между колоннами человека. Ниже этого человека – две светлого мрамора женщины со свитками в руках. Еще ниже их – львиные головы, а под ними – высохшая чаша фонтана.

Вот он – лукавый и оболстительный галл, королевский комедиант и драматург! Вот он – в бронзовом парике и с бронзовыми бантами на башмаках! Вот он – король французской драматургии!

Ах, госпожа моя! Что вы толкуете мне о каких-то знатных младенцах, которых вы держали когда-то в руках! Поймите, что этот ребенок, которого вы принимаете сейчас в покленовском доме, есть не кто иной, как господин Мольер! Ага! Вы поняли меня? Так будьте же осторожны, прошу вас! Скажите, он вскрикнул? Он дышит? Он живет!

Глава 1

Итак, 13 примерно января 1622 года, в Париже, у господина Жана-Батиста Поклена и супруги его Марии Поклен-Крессе появился хилый первенец. 15 января его окрестили в церкви Святого Евстафия и назвали в честь отца Жаном-Батистом. Соседи поздравили Поклена, и в цехе обойщиков стало известно, что родился на свет еще один обойщик и торговец мебелью.

У каждого архитектора есть свои фантазии. На углах приятного трехэтажного дома с острой двухскатной крышей, стоявшего на углу улиц Святого Гонория и Старых Бань, строитель XV века поместил скульптурные деревянные изображения апельсиновых деревьев с аккуратно подрезанными ветвями. По этим деревьям цепью тянулись маленькие обезьянки, срывающие плоды. Само собою разумеется, что дом получил у парижан кличку обезьяньего дома. И дорого обошлись впоследствии комедианту де Мольеру эти мартышки! Не раз доброжелатели говорили о том, что ничего удивительного нет в карьере старшего сына почтенного Поклена, сына, ставшего гороховым шутом. Чего же и требовать от человека, выросшего в компании гримасниц-обезьян? Однако в будущем комедиант не отрекся от своих обезьян и на склоне жизни уже, проектируя свой герб, который неизвестно зачем ему понадобился, изобразил в нем своих хвостатых приятельниц, карауливших отчий дом.

Дом этот находился в шумнейшем торговом квартале в центре Парижа, недалеко от Нового Моста. Домом этим владел и в доме этом жил и торговал придворный обойщик и драпировщик Жан-Батист-отец.

С течением времени обойщик добился еще одного звания – камердинера его величества короля Франции. И это звание не только с честью носил, но и наследственно закрепил за своим старшим сыном Жаном-Батистом.

Ходил слухок, что Жан-Батист-отец, помимо торговли креслами и обоями, занимался и отдачей денег в займы, за приличные проценты. Не вижу в этом ничего предосудительного для коммерческого человека! Но злые языки утверждали, что будто бы Поклен-отец несколько пересаливал в смысле процентов и что якобы драматург Мольер, когда описывал противного скрягу Гарпагона, вывел в нем своего родного отца. Гарпагон же этот был тот самый, который одному из своих клиентов пытался в счет денег всучить всякую рухлядь, в том числе набитое сеном чучело крокодила, которое, по мнению Гарпагона, можно было привесить к потолку в виде украшения.

Не хочу я верить этим пустым рассказам! Драматург Мольер не порочил памяти своего отца, и я не намерен ее порочить!

Поклен-отец был настоящим коммерсантом, видным и уважаемым представителем своего почтенного цеха. Он торговал, и над входом в обезьянью лавку развевался честный флаг с изображением все той же обезьяны.

В темноватом первом этаже, в лавке, пахло краской и шерстью, в кассе звякали монеты, и целый день сюда стремился народ, чтобы выбрать ковры и обои. И шли к Поклену-отцу и буржуа, и аристократы. В мастерской же, окнами выходящей на двор, столбами стояла жирная пыль, были нагромождены стулья, валялись куски фурнитурового дерева, обрезки кожи и материи, и в этом хаосе возились, стучали молотками, кроили ножницами покленовские мастера и подмастерья.

В комнатах второго этажа, выше флага, царствовала мать. Там слышалось ее постоянное покашливание и шум ее гроденаплевых юбок. Мария Поклен была состоятельной женщиной. В шкафах ее лежали дорогие платья и куски флорентийских материй, белье из тончайшего полотна, в комодах хранились кольца, браслеты с алмазами, жемчуга, перстни с изумрудами, золотые часы и дорогое столовое серебро. Молясь, Мария перебирала перламутровые четки. Она читала Библию и даже, чему я мало верю, греческого автора Плутарха в сокращенном переводе. Она была тиха, любезна и образованна.

Большинство ее предков были обойщики, но попадались среди них и люди других профессий, например, музыканты и адвокаты.

Так вот, в верхних комнатах обезьяньего дома расхаживал белокурый толстогубый мальчик. Это и был старший сын Жан-Батист. Иногда он спускался в лавку и в мастерские и мешал подмастерьям работать, расспрашивая их о разных разностях.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мастера подсмеивались над его заиканием, но любили его. По временам он сидел у окна и глядел, подперев щеки кулаками, на грязную улицу, по которой сновал народ.

Мать однажды, проходя мимо него, похлопала его по спине и сказала:

– Эх ты, созерцатель...

И созерцателя в один прекрасный день отдали в приходскую школу.

В приходской школе он выучился именно тому, чему можно выучиться в такой школе, то есть овладел первыми четырьмя правилами арифметики, стал свободно читать, усвоил начатки латыни и познакомился со многими интересными фактами, изложенными в «Житиях святых».

Так дела и шли, мирно и хорошо. Поклен-отец богател, детей родилось уже четверо, как вдруг в обезьяний дом пришла беда.

Весною 1632 года нежная мать захворала. Глаза у нее стали блестящие и тревожные. В один месяц она исхудала так, что ее трудно было узнать, и на бледных ее щеках расцвели нехорошие пятна. Затем она стала кашлять кровью, и в обезьяний дом начали приезжать верхом на мулах в зловещих колпаках врачи. 15 мая пухлый созерцатель плакал навзрыд, вытирал грязными кулаками слезы, и весь дом рыдал вместе с ним. Тихая Мария Поклен лежала неподвижно, скрестив руки на груди.

Когда ее похоронили, в доме настали как бы непрерывные сумерки. Отец впал в тоску и рассеянность, и первенец его несколько раз видел, как в летние вечера отец сидел один в сумерках и плакал. Созерцатель от этого расстраивался и слонялся по квартире, не зная, чем бы ему заняться. Но потом отец плакать перестал и зачастил в гости в некую семью Флеретт. Тут одиннадцатилетнему Жану-Батисту объявили, что у него будет новая мама. И вскоре Екатерина Флеретт, новая мама, появилась в обезьяньем доме. Тут, впрочем, обезьяний дом семейство покинуло, потому что отец купил другой дом.

Глава 2

ИСТОРИЯ ДВУХ ТЕАТРАЛОВ

Новый дом был расположен уже на самом Рынке, в том районе, где происходила знаменитая Сен-Жерменская ярмарка. И на новом месте предприимчивый Поклен с еще большим блеском развернул все приманки своей лавки. В прежнем доме хозяйничала и рожала детей Мария Крессе, в новом ее сменила Екатерина Флеретт. Что можно сказать об этой женщине? По-моему, ничего – ни дурного и ни хорошего. Но потому, что она вошла в семью с кличкой мачехи, многие из тех, кто интересовался жизнью моего героя, стали утверждать, что Жану-Батисту-малому плохо жилось при Екатерине Флеретт, что она была злой мачехой и будто бы именно ее, под именем Белины, вероломной жены, Мольер изобразил в комедии «Мнимый больной». По-моему, все это неверно. Нет никаких доказательств, что Екатерина обижала Жана-Батиста, и тем более нет никаких, что она – это Белина. Екатерина Флеретт была незлой второй женой, исполнившей свое назначение на земле: она родила Поклену через год после свадьбы дочку Екатерину, а еще через два – Маргариту.

Итак, Жан-Батист проходил курс приходской школы и наконец его закончил. Поклен-отец решил, что первенец его достаточно расширил свой кругозор, и велел ему присматриваться к делу в лавке. Тут Жан-Батист стал мерить материи, приколачивать что-то гвоздиками, точить лясы с подмастерьями, а в свободное время читать замасленную книжку Плутарха, оставшуюся от Марии Крессе.

И вот тут, при свете моих свечей, в открывшейся двери появляется передо мной в скромном, но солидном кафтане, в парике и с тростью в руке, очень оживленный для своих лет господин буржуазного вида, с живыми глазами и приличными манерами. Имя его – Луи, фамилия – Крессе, он покойной Марии родной отец, следовательно, Жану-малому он дед.

По профессии господин Крессе был обойщиком, так же как и его зять. Но только Крессе был не придворным обойщиком, а частным, и торговал он на Сен-Жерменской

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru ярмарке. Проживал Крессе в Сент-Уане под Парижем, где владел прекрасным домом со всеми удобствами. По воскресным дням семейство Поклен обычно отправлялось в Сент-Уан к деду гостить, причем у покленовских детишек от этих посещений оставались приятные воспоминания.

Так вот, этот самый дед Крессе свел удивительную дружбу с Жаном-Батистом-малым. Что могло связать старика с мальчишкой? Разве что черт! Да, пожалуй, именно он! Общая страсть, однако, недолго была секретом для Поклена-отца и вскорости вызвала его хмурое удивление. Оказалось, что дед и внук без памяти любят театр! В свободные вечера, когда дед бывал в Париже, оба обойщика, и старый и малый, сговорившись и таинственно переглянувшись, уходили из дому. Проследить их путь было нетрудно. Обычно они направлялись на угол улиц Моконсейль и Французской, где в низком и мрачном зале Бургонского Отеля играла королевская труппа актеров. У почтенного деда Крессе были прочные знакомства среди старшин некоего общества, объединенного религиозными, но также и коммерческими целями. Общество это носило название Братства Страстей Господних и владело привилегией представлять в Париже мистерии. Братство именно и построило Бургонский Отель, но в то время, когда Жан-Батист был мальчиком, мистерий уже не представляло, а сдавало Отель различным труппам.

Итак, дед Крессе отправлялся к старшине Братства, и уважаемому обойщику и его внуку предоставляли бесплатные места в одной из свободных лож.

В театре Бургонского Отеля, премьером в котором был в то время известнейший актер Бельроз, играли трагедии, трагикомедии, пасторали и фарсы, причем виднейшим драматургом Отеля считался Жан де Ротру, большой любитель испанских драматургических образцов. Деду Крессе Бельроз своей игрой доставлял величайшее наслаждение, и внук вместе с дедом аплодировал Бельрозу. Но внуку гораздо больше тех трагедий, в которых выступал Бельроз, нравились бургонские фарсы – грубые и легкие фарсы, заимствованные большею частью у итальянцев и нашедшие в Париже прекрасных исполнителей, вольно жонглировавших злободневным текстом в своих смешных ролях.

Да, показал дед Крессе, на горе Поклену-отцу, его сыну ход в Бургонский Отель! И вот вместе с дедом, когда Жан-Батист был мальчишкой, и позже, вместе с товарищами, когда Жан-Батист стал юношей, он успел пересмотреть в Отеле замечательные вещи.

Знаменитый Гро-Гильом, выступавший в фарсах, поражал Жана-Батиста своим красным плоскодонным беретом и белой курткой, обтягивающей чудовищный живот. Другая знаменитость, фарсер Готье-Гаргюиль, одетый в черный камзол, но с красными рукавами, вооруженный громадными очками и с палкой в руках, не хуже Гро-Гильома укладывал в лоск бургонскую публику. Поражали Жана-Батиста и Тюрюпен, неистощимый в выдумке трюков, и Ализон, играющий роли смешных старух.

В глазах у Жана-Батиста в течение нескольких лет, вертась, как в карусели, пролетели вымазанные мукой и краской или замаскированные педанты доктора, скупые старики, хвастливые и трусливые капитаны. Под хохот публики легкомысленные жены обманывали ворчливых дураков мужей и фарсовые сводни-кумушки тархтели как сороки. Хитрые, легкие, как пух, слуги водили за нос стариков Горжибюсов, старых хрычей били палками и запихивали в мешки. И стены Бургонского Отеля тряслись от хохота французов.

Посмотрев все, что можно было посмотреть в Бургонском Отеле, одержимые страстью обойщики переключивались в другой большой театр – Театр на Болоте. Здесь царила трагедия, в которой отличался знаменитый актер Мондори, и высокая комедия, лучшие образцы которой предоставил театру знаменитый драматург того времени Пьер Корнель.

Внука Людовика Крессе как бы окунали в разные воды: бургонский разукрашенный, как индийский петух, Бельроз был слащав и нежен. Он закатывал глаза, потом устремлял их в неизвестные дали, плавно взмахивал шляпой и читал монологи подвывающим голосом, так что нельзя было разобрать, говорит он или поет. А там, на Болоте, Мондори потрясал громовым голосом зал и с хрипением умирал в трагедии.

Мальчишка возвращался в дом отца с лихорадочным блеском в глазах и по ночам видел во сне буфонов Ализонов, Жакменов-Жадо, Филипенов и знаменитого Жодле с

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
выбеленным лицом.

Увы! Бургонский Отель и Болото далеко не исчерпывали всех возможностей для тех, кто болен не излечимой никогда страстью к театру.

У Нового Моста и в районе Рынка в ширь и мах шла торговля. Париж от нее тучнел, хорошел и лез во все стороны. В лавках и перед лавками бурлила такая жизнь, что звенело в ушах, в глазах рябило. А там, где Сен-Жерменская ярмарка раскидывала свои шатры, происходило настоящее столпотворение. Гам! Грохот! А грязи, грязи!..

– Боже мой! Боже мой! – говорил однажды про эту ярмарку калека-поэт Скаррон. – Сколько грязи навалит всюду эти зады, незнакомые с кальсонами!

Целый день идут, идут, толкутся! И мещане, и красотки-мещаночки. В цирюльнях бреют, мылят, дергают зубы. В человеческом месиве среди пеших видны конные. На мулах проезжают важные, похожие на ворон врачи. Гарцуют королевские мушкетеры с золотыми стрелами девизов на ментиках. Столица мира, ешь, пей, торгуй, расти! Эй, вы, зады, незнакомые с кальсонами, сюда, к Новому Мосту! Смотрите, вон сооружают балаганы, увешивают их коврами. Кто там пишит, как дудка? Это глашатай. Не опоздайте, господа, сейчас начнется представление! Не пропустите случая! Только у нас и больше нигде!

Вы увидите замечательных марионеток господина Бриоше. Вон они качаются на помосте, подвешенные на нитках. Вы увидите гениальную ученую обезьяну фаготена!

У Нового Моста в балаганах расположились уличные врачи, зубодеры, мозольные операторы и аптекари-шарлатаны. Они продавали народу панацеи – средства от всех болезней, а для того, чтобы на их лавки обращали внимание, они придумали замечательный способ. Они входили в соглашение с уличными бродячими актерами, а иногда и с актерами, обосновавшимися в театрах, и те давали целые представления, восхваляя чудодейственные шарлатанские средства.

Происходили торжественные процессии, на конях ехали разукрашенные, разодетые, облепившие себя сомнительными, взятыми напрокат ценностями комедианты, они выкрикивали рекламы, сзывали народ. Мальчишки стаями шли за ними, свистели, ныряли под ногами и этим увеличивали сутолоку.

Греми, Новый Мост! Я слышу, как в твоём шуме рождается от отца-шарлатана и матери-актрисы французская комедия, она пронзительно кричит, и грубое ее лицо обсыпано мукой!

Вот на весь Париж зашумел таинственный и замечательный человек, некий Кристоф Контуджи. Он нанял целую труппу и развернул спектакли в балагане с полишинелями и при их помощи стал торговать лекарственной всеисцеляющей кашкой, получившей название «орвьетан».

Обойди кругом все царство,
лучше не найдешь лекарства!
Орвьетан, орвьетан,
Покупайте орвьетан!

Буффоны в масках охрипшими в гвалте голосами клялись, что нет на свете такой болезни, при которой не помог бы волшебный орвьетан. Он спасает от чахотки, от чумы и от чесотки!

Мимо балагана едет мушкетер. Его кровный жеребец косит кровавым глазом, роняет пену с мундштука. Незнакомые с кальсонами режут дорогу, жмутся к седлу с пистолетами. В балагане у Контуджи завывают голоса:

Господин капитан,
Покупайте орвьетан!

– Чума вас возьми! С дороги! – кричит гвардеец.

– Позвольте мне коробочку орвьетана, – говорит некий соблазненный Сганарель, – сколько она стоит?

– Сударь, – отвечает шарлатан, – орвьетан такая вещь, что ей цены нету! Я

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
стесняюсь брать с вас деньги, сударь!

– О сударь, – отвечает Сганарель, – я понимаю, что всего золота в Париже не хватит, чтобы заплатить за эту коробочку. Но и я стесняюсь что-нибудь брать даром. Так вот, извольте получить тридцать су и пожалуйста сдачи.

Над Парижем темно-синий вечер, зажигаются огни. В балаганах горят дымные крестообразные паникадила, в них тают сальные свечи, факелы завивают хвосты.

Сганарель спешит домой, на улицу Сен-Дени. Его рвут за полы, приглашают купить противоядие от всех ядов, какие есть на свете.

Греми, Мост!

И вот в людском месиве пробираются двое: почтенный дед со своим приятелем-подростком в плоеном воротнике. И никто не знает, и актеры на подмостках не подозревают, кого тискают в толпе у балагана шарлатана. Жодле в Бургонском Отеле не знает, что настанет день, когда он будет играть в труппе у этого мальчишки. Пьер Корнель не знает, что на склоне лет он будет рад, когда мальчишка примет к постановке его пьесу и заплатит ему, постепенно беднеющему драматургу, деньги за эту пьесу.

– А не посмотрим ли мы еще и следующий балаган? – умильно и вежливо спрашивает внук. Дед колеблется – поздно. Но не выдерживает:

– Ну, так и быть, пойдём.

В следующем балагане актер показывает фокусы со шляпой: он вертит ее, складывает ее необыкновенным образом, мнет, швыряет в воздух...

И Мост уже в огнях, по всему городу плывут фонари в руках прохожих, и в ушах еще стоит пронзительный крик: орвьетан!

И очень возможно, что вечером на улице Сен-Дени разыграется финал одной из будущих комедий Мольера. Пока этот самый Сганарель или Горжибюс ходил за орвьетаном, которым он надеялся излечить свою дочку Люсинду от любви к Клитандру или Клеонту, – Люсинда, натурально, бежала с этим Клитандром и обвенчалась!

Горжибюс бушует. Его надули! Его взнуздали, как бекаса! Он швыряет в зубы служанке проклятый орвьетан! Он угрожает!

Но появятся веселые скрипки, затаңцует слуга Шампань, Сганарель примирится со случившимся. И Мольер напишет счастливый вечерний конец с фонарями.

Греми, Мост!

Глава 3

НЕ ДАТЬ ЛИ ДЕДУ ОРВЬЕТАНУ?

В один из вечеров Крессе и внук вернулись домой возбужденные и, как обычно, несколько таинственные. Отец Поклен отдыхал в кресле после трудового дня. Он осведомился, куда дед водил своего любимца? Ну, конечно, они были в Бургонском Отеле на спектакле.

– Что это вы так зачастили с ним в театр? – спросил Поклен. – Уж не собираетесь ли вы сделать из него комедианта?

Дед положил шляпу, пристроил в угол трость, помолчал и сказал:

– А дай Бог, чтоб он стал таким актером, как Бельроз.

Придворный обойщик открыл рот. Помолчал, потом осведомился, серьезно ли говорит дед? Но так как Крессе молчал, то Поклен сам развил эту тему, но в тонах иронических.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Если, по мнению Людовика Крессе, можно желать стать похожим на комедианта Бельроза, то почему же не пойти и дальше? Можно двинуться по стопам Ализона, который кривляется на сцене, изображая для потехи горожан смешных старух-торговок. Отчего бы не вымазать физиономию какой-то белой дрянью и не нацепить чудовищные усы, как это делает Жодле?

Вообще можно начать валять дурака, вместо того чтобы заниматься делом. Что ж, горожане за это платят по пятнадцать су с персоны!

Вот уж воистину чудесная карьера для старшего сына придворного обойщика, которого знает, слава Богу, весь Париж! Вот бы порадовались соседи, если бы Батист-младший, господин Поклен, за которым закрепляется звание королевского лакея, оказался бы на подмостках! В цехе обойщиков надорвали бы животики!

– Простите, – сказал Крессе мягко, – по-вашему, выходит, что театр не должен существовать?

Но выяснилось, что из слов Поклена этого не выходит. Театр должен существовать. Это признает даже его величество, да продлит Господь его дни. Бургонской труппе пожаловано звание королевской. Все это очень хорошо. Он сам, Поклен, пойдет с удовольствием в воскресенье в театр. Но он бы выразился так: театр существует для Жана-Батиста Поклена, а никак не наоборот.

Поклен жевал поджаренный хлеб, запивал его винцом и громил деда.

Можно пойти и дальше. Если нельзя устроиться в труппе его величества – ведь не каждый же, господа, Бельроз, у которого, говорят, одних костюмов на двадцать тысяч ливров, – то отчего ж не пойти играть на ярмарке? Можно изрыгать непристойные шуточки, делать двусмысленные жесты, отчего же, отчего же!.. Вся улица будет тыкать пальцами!

– Виноват, я шучу, – сказал Поклен, – но ведь шутили, конечно, и вы?

Но неизвестно, шутил ли дед, точно так же как неизвестно, что думал во время отцовских монологов малый Жан-Батист.

«Странные люди эти Крессе, – ворочаясь в темноте на постели, думал придворный обойщик, – сказать при мальчишке такую вещь! Неудобно только, а следовало бы деду ответить, что это глупые шутки!»

Не спится. Придворный драпировщик и камердинер смотрит во тьму. Ах, все они, Крессе, такие! И покойница, первая жена, была с какими-то фантазиями и тоже обожала театр. Но этому старому черту шестьдесят лет. Честное слово, смешно! Ему орвьетан надо принимать! Он скоро в детство впадет!

Забота. Лавка. Бессонница...

Глава 4

НЕ ВСЯКОМУ НРАВИТСЯ БЫТЬ ОБОЙЩИКОМ

А мне все-таки жаль бедного Поклена. Что же это за напасть, в самом деле! В ноябре 1636 года померла и вторая жена его.

Отец опять сидит в сумерках и тоскует. Он станет теперь совсем одинок. А у него теперь шестеро детей. И лавка на руках, и подымай на ноги всю ораву. Один, всегда один. Не в третий же раз жениться...

И как на горе, в то же время, когда умерла Екатерина Флеретт, что-то случилось с первенцем – Жаном-Батистом. Четырнадцатилетний малый захирел. Он продолжал работать в лавке – жаловаться нельзя, он не лодырничал. Но поворачивался, как марионетка, прости Господи, у Нового Моста! Исхудал, засел у окна, стал глядеть на улицу, хоть на ней ничего и нет – ни нового, ни интересного. Стал есть без всякого аппетита...

Наконец назрел разговор.

– Рассказывай, что с тобой, – сказал отец и прибавил глухо: – Уж не заболел ли ты?

Батист уперся глазами в тупоносые свои башмаки и молчал.

– Тоска мне с вами, – сказал бедный вдовец, – что мне делать с вами, детьми? Ты не томи меня, а... рассказывай.

Тут Батист перевел глаза на отца, а затем на окно и сказал:

– Я не хочу быть обойщиком.

Потом подумал и, очевидно, решившись развязать сразу этот узел, добавил:

– Чувствую глубокое отвращение.

Еще подумал и еще добавил:

– Ненавижу лавку.

И чтобы совсем доконать отца, еще добавил:

– Всем сердцем и душой!

После чего и замолчал.

Вид у него при этом сделался глупый. Он, собственно, не знал, что последует за этим. Возможна, конечно, плюха от отца. Но плюхи он не получил.

Произошла длиннейшая пауза. Что может помочь в таком казусном деле? Плюха? Нет, плюхой здесь ничего не сделаешь. Что сказать сыну? Что он глуп? Да, он стоит, как тумба, и лицо у него тупое в этот момент. Но глаза как будто неглупые и блестящие, как у Марии Крессе.

Лавка не нравится? Быть может, это ему только кажется? Он еще мальчик, в его годы нельзя рассуждать о том, что нравится, а что не нравится. Он просто, может быть, немножко устал? Но ведь он-то, отец, еще больше устал, и у него-то ведь помощи нет никакой, он поседел в заботах...

– Чего же ты хочешь? – спросил отец.

– Учиться, – ответил Батист.

Вот в это мгновение кто-то нежно постучал тростью в дверь, и в сумерках вошел Луи Крессе.

– Вот, – сказал отец, указывая на плоеный воротничок, – он, извольте видеть, не желает помогать мне в лавке, а намерен учиться.

Дед заговорил вкрадчиво и мягко. Он сказал, что все устроится по-хорошему. Если юноша тоскует, то надо, конечно, принять меры.

– Какие же меры? – спросил отец.

– А, в самом деле, отдать его учиться! – светло воскликнул дед.

– Но позвольте, он же учился в приходской школе!

– Ну, что такое приходская школа! – сказал дед. – У мальчугана огромные способности...

– Выйди, Жан-Батист, из комнаты, я поговорю с дедушкой.

Жан-Батист вышел. И между Крессе и Покленом произошел серьезнейший разговор.

Передавать его не стану. Воскликну лишь: о светлой памяти Людовик Крессе!

Глава 5

ДЛЯ ВЯЩЕЙ СЛАВЫ БОЖИЕЙ

Знаменитая парижская Клермонская коллегия, впоследствии лицей Людовика Великого, действительно нисколько не напоминала приходскую школу.

Коллегия находилась в ведении членов могущественного ордена Иисуса, и отцы иезуиты поставили в ней дело, надо сказать, прямо блестяще – для вящей славы Божией, – как все, что они делали.

В коллегии, руководимой ректором отцом Жакобусом Дине, обучалось до двух тысяч мальчиков и юношей – дворян и буржуа, из которых триста были интернами, а остальные – приходскими. Орден Иисуса обучал цвет Франции.

Отцы профессора читали клермонцам курсы истории, древней литературы, юридических наук, химии и физики, богословия и философии и преподавали греческий язык. О латинском даже упоминать не стоит: клермонские лицеисты не только непрерывно читали и изучали латинских авторов, но обязаны были в часы перемен между уроками разговаривать на латинском языке. Вы сами понимаете, что при этих условиях можно овладеть этим фундаментальным для человечества языком.

Были специальные часы для уроков танцев. В другие же часы слышался стук рапир: французские юноши учились владеть оружием, чтобы на полях в массовом бою защищать честь короля Франции, а в одиночном – свою собственную. Во время торжественных актов клермонцы-интерны разыгрывали пьесы древнеримских авторов, преимущественно Публия Теренция и Сенеки.

Вот в какое учебное заведение отдал своего внука Людовик Крессе.

Поклен-отец никак не мог пожаловаться на то, что его сын, будущий королевский камердинер, попал в скверное общество.

В списках клермонских воспитанников было великое множество знатных фамилий, лучшие семьи дворян посылали в Клермонский лицей своих сыновей.

В то время, когда Поклен в качестве экстерна проходил курс наук, в Клермонской коллегии учились три принца, из которых один был не кто иной, как Арман де Бурбон, принц де Конти, родной брат другого Бурбона – Людовика Конде, герцога Энгиенского, впоследствии прозванного Великим. Того самого Конде, который в двадцатидвухлетнем возрасте уже командовал французскими армиями и, разбив однажды испанцев наголову, прославил себя как первоклассный полководец, а в дальнейшем одно время был кандидатом на польский престол. Другими словами говоря, Поклен учился вместе с лицом королевской крови. Уж из одного этого можно видеть, что преподавание в Клермонской коллегии было поставлено хорошо.

Следует отметить, что юноши голубой крови были отделены от сыновей богатых буржуа, к числу которых принадлежал Жан-Батист. Принцы и маркизы были пансионерами лицея, имели свою собственную прислугу, своих преподавателей, отдельные часы для занятий, так же как и отдельные залы.

Кроме того, надлежит сказать, что принц Конти, который впоследствии сыграет значительную роль во время походов моего беспокойного героя, был на семь лет младше его, попал в коллегию совсем мальчишкой и, конечно, никогда не сталкивался с нашим героем.

Итак, наш герой погрузился в изучение Плавта, Теренция и Лукреция. Он, согласно правилам, отпустил себе волосы до плеч и протирал свои широкие штаны на классной лавке, начиная голову латынью. Латынь снилась ему, он начинал думать по-латыни, временами ему казалось, что он не Жан-Батист, а Жеганнес-Баптистус. Обойная лавка задернулась туманом. Иной мир принял нашего героя.

– Видно, уж такая судьба, – бормотал Поклен-отец, засыпая, – ну что ж, передам дело второму сыну. А этот, может быть, станет адвокатом, или нотариусом, или еще кем-нибудь.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Интересно знать, умерла ли мальчишеская страсть к театру у схоластика Батиста? Увы, ни в какой мере! Вырываясь в свободные часы из латинских тисков, он по-прежнему уходил на Новый Мост и в театры, но уже не в компании с дедом, а с некоторыми немногочисленными приятелями-клермонцами. И в годы своего пребывания в коллегии Батист основательно познакомился как с репертуаром Болота, так и с Бургонским Отелем. Он видел пьесы Пьера Корнеля: «Вдову», «Королевскую площадь», «Дворцовую галерею» и знаменитую его пьесу «Сид», доставившую автору громкую славу и зависть собратьев по перу.

Но этого мало. Есть подозрение, что к концу своего учения в лицее Жан-Батист научился проникать не только в партер или ложи театра, но и за кулисы, причем там, по-видимому, и свел одно из важнейших в своей жизни знакомств.

Познакомился он с женщиной.

Ее звали Мадленою Бежар, и была она актрисой, причем некоторое время служила в Театре на Болоте. Мадлена была рыжеволосой, прелестной в обращении и, по общему признанию, обладала настоящим большим талантом.

Пламенная поклонница драматурга Ротру, Мадлена была умна, обладала тонким вкусом и, кроме того, – что составляло большую, конечно, редкость, – литературно образована и сама писала стихи.

Поэтому ничего нет мудреного, что Мадлена Бежар пользовалась большим успехом у мужчин. Что это было так, обнаружилось в 1638 году в июле месяце, когда Мадлена Бежар, числящаяся по документам двадцатилетней девицей, родила девочку, окрещенную франсуазой. Известно точно, кто был отцом франсуазы. Это был блистательнейший и известный своими любовными приключениями женатый кавалер Эспри Реймон де Мормуарон, граф де Моден, камергер принца Гастона, единственного брата короля Людовика XIII.

Связь свою с де Моденом актриса Бежар не только не скрывала, но, наоборот, сколько можно понять хотя бы из акта крещения франсуазы, афишировала. В качестве крестной матери франсуазы выступала мать Мадлены Бежар, а крестным отцом был малолетний сын графа де Модена.

То обстоятельство, что Мадлена Бежар была в связи с де Моденом, а также факт рождения дочери ее франсуазы, читателю надлежит хорошо запомнить.

Итак, Жан-Батист проник за кулисы театров, и нет ничего удивительного в том, что очаровательная огненноволосая парижанка-актриса совершенно пленила клермонца, который был моложе ее на четыре года. Интересно, что Мадлена платила Жану-Батисту взаимностью.

Так вот, курс в коллегии продолжался пять лет, заканчиваясь изучением философии – как венцом, так сказать. И эти пять лет Жан-Батист учился добросовестно, урывая время для посещения театров.

Стал ли образованным человеком в этой коллегии мой герой? Я полагаю, что ни в каком учебном заведении образованным человеком стать нельзя. Но во всяком хорошо поставленном учебном заведении можно стать дисциплинированным человеком и приобрести навык, который пригодится в будущем, когда человек вне стен учебного заведения станет образовывать сам себя.

Да, в Клермонской коллегии Жана-Батиста дисциплинировали, научили уважать науки и показали к ним ход. Когда он заканчивал коллеж, а заканчивал он его в 1639 году, в голове у него не было более приходского месива. Ум его был зашнурован, по словам Мефистофеля, в испанские сапоги.

Проходя курс в коллеже, Поклен подружился с неким Шапелем, незаконным сыном важного финансового чиновника и богатейшего человека Люилье, и стал бывать у него в доме.

В том году, когда наши клермонцы оканчивали коллегию, в доме Люилье появился и поселился в качестве дорогого гостя один замечательный человек. Звали его Пьер Гассенди.

Профессор Гассенди, провансалец, был серьезно образован. Знаний у него было

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru столько, что их хватило бы на десять человек. Профессор Гассенди был преподавателем риторики, прекрасным историком, знающим философом, физиком и математиком. Объем его знаний, хотя бы в области математики, был так значителен, что, например, кафедру ему предложили в Королевской коллегии.

Но, повторяем, не одна математика составляла багаж Пьера Гассенди.

Острый и беспокойный ум человек, он начал свои занятия с изучения знаменитейшего философа древности перипатетика Аристотеля и, изучив его в полной мере, в такой же мере его возненавидел. Затем, познакомившись с великой ересью поляка Николая Коперника, который объявил всему миру, что древние ошибались, полагая, что Земля есть неподвижный центр Вселенной, Пьер Гассенди всей душой возлюбил Коперника.

Гассенди был очарован великим мыслителем Джордано Бруно, который в 1600 году был сожжен на костре за то, что утверждал, что Вселенная бесконечна и что в ней есть множество миров.

Гассенди был всею душою на стороне гениального физика Галилея, которого заставили, положив руку на Евангелие, отречься от его убеждения, что Земля движется.

Все люди, которые находили в себе смелость напасть на учение Аристотеля или же на последующих философов-схоластиков, находили в Гассенди вернейшего сообщника. Он прекраснейшим образом познакомился с учением француза Пьера де Ла Раме, нападавшего на Аристотеля и погибшего во время Варфоломеевской ночи. Он хорошо понимал испанца Хуана Льюиса Вивеса, учинившего разгром схоластической философии, и англичанина Фрэнсиса Бэкона, барона Веруламского, противопоставившего свой труд «Великое возрождение» Аристотелю.

Да всех не перечтешь!

Профессор Гассенди был новатором по природе, обожал ясность и простоту мышления, безгранично верил в опыт и уважал эксперимент.

Подо всем этим находилась гранитная подкладка собственного философского учения. Добыл это учение Гассенди все в той же глубокой древности от философа Эпикура, проживавшего примерно лет за триста до Рождества Христова.

Если бы у философа Эпикура спросили бы так:

– Какова же формула вашего учения? – надо полагать, что философ ответил бы:

– К чему стремится всякое живое существо? Всякое живое существо стремится к удовольствию. Почему? Потому, что удовольствие есть высшее благо. Живите же мудро – стремитесь к удовольствию.

Формула Эпикура чрезвычайно пришлась по душе Пьеру Гассенди, и с течением времени он построил свою собственную.

– Единственно, что врождено людям, – говорил Гассенди своим ученикам, пощипывая острую ученую бородку, – это любовь к самому себе. И цель жизни каждого человека есть счастье! Из каких же элементов слагается счастье? – вопрошал философ, сверкая глазами. – Только из двух, господи, только из двух: спокойная душа и здоровое тело. О том, как сохранить здоровье, вам скажет любой хороший врач. А как достичь душевного спокойствия, скажу я вам: не совершайте, дети мои, преступлений, не будет у вас ни раскаяния, ни сожаления, а только они делают людей несчастными.

Эпикуреец Гассенди начал свою ученую карьеру с выпуска большого сочинения, в котором доказывал полнейшую непригодность аристотелевской астрономии и физики и защищал теорию того самого Коперника, о котором я вам говорил. Однако это интереснейшее сочинение осталось незаконченным. Если бы спросить у профессора, по какой причине это произошло, я сильно подозреваю, что он ответил бы, как некий Кризаль, герой одной из будущих комедий Мольера, отвечал излишне ученой женщине Филаминте:

Что? Наше тело – дрянь?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ты чересчур строга.
Нет, эта дрянь, моя супруга,
Мне бесконечно дорога!

– Я не хочу сидеть в тюрьме, милостивые государи, из-за Аристотеля, – сказал бы Гассенди.

И в самом деле, когда эту дрянь, ваше тело, посадят в тюрьму, то, спрашивается, каково-то там будет вашему философскому духу?

Словом, Гассенди вовремя остановился. Работу об Аристотеле заканчивать не стал и занялся другими работами. Эпикурец слишком любил жизнь, а постановление парижского парламента от 1624 года было еще совершенно свежо. Дело в том, что всеми учеными факультетами того времени Аристотель был, если можно так выразиться, канонизирован, и в парламентском постановлении весьма недвусмысленно говорилось о смертной казни для всякого, кто осмелится нападать на Аристотеля и его последователей.

Итак, избежав крупных неприятностей, совершив путешествие по Бельгии и Голландии, написав ряд значительных работ, Гассенди оказался, как я говорил, в Париже у Люилье, старого своего знакомого.

Люилье был умница и обратился к профессору с просьбой – в частном порядке читать курсы наук его сыну Шапелю. А так как Люилье был не только умница, но и широкий человек, то он позволил Шапелю составить целую группу молодежи, которая и слушала вместе с ним Гассенди.

В группу вошли: Шапель, наш Жан-Батист, затем некий Бернье, молодой человек с сильнейшим тяготением к естественным наукам, впоследствии ставший знаменитым путешественником по Востоку и прозванный в Париже Великим Моголом, Эно и, наконец, совершенно оригинальный в этой компании персонаж. Последний был старше других, был не клермонцем, а гвардейским офицером, недавно раненным на войне, пьяницей, дуэлянтом, остряком, донжуаном и начинающим и недурным драматургом. Еще в бытность свою в коллеже, в классе риторики, в городе Бовэ, он сочинил интересную пьесу «Одураченный педант», в которой вывел своего директора Жана Гранжье. Звали этого молодого человека – Сирано де Бержерак.

Так вот, вся эта компания, рассевшись в роскошных покоях Люилье, впитывала пламенные речи Пьера Гассенди.

Вот кто отшлифовал моего героя. Он, этот провансалец с изборожденным страстями лицом! От него Жан-Батист получил в наследство торжествующую философию Эпикура и множество серьезных знаний по естественным наукам. Гассенди, при пленительном свете восковых свечей, привил ему любовь к ясному и точному рассуждению, ненависть к схоластике, уважение к опыту, презрение к фальши и вычурности.

И настал момент, когда и Клермонский коллеж, и лекции Гассенди были закончены. Мой герой стал взрослым.

– Потрудись отправиться в Орлеан, – сказал Поклен-отец законченному клермонцу, – и держи экзамен на юридическом факультете. Получи ученую степень. Будь так добр, не провались, ибо денег на тебя ухлопано порядочно.

И Жан-Батист поехал в Орлеан, для того чтобы получить юридический диплом.

Мне не известно точно, много ли времени он провел в Орлеане и когда именно. По-видимому, это было в самом начале 1641 года.

Один из бесчисленных злопыхателей, ненавидевших моего героя, впоследствии беспредельно, утверждал много лет спустя, что в Орлеане всякий осел может получить ученую степень, были бы только у осла деньги. Однако это неверно. Осел степени не получит, да и мой герой ни в какой мере не походил на осла.

Правда, какие-то жизнерадостные молодые люди, ездившие в Орлеан экзаменоваться, рассказывали, что будто бы они приехали в университет вечером, разбудили профессоров, те, позевывая, надели поверх засаленных ночных колпаков свои ученые шапки и тут же их проэкзаменовали и выдали им степень. Впрочем, может быть, молодые люди и соврали.

* * *

Как бы ни было поставлено дело в Орлеане, твердо известно, что степень лиценциата прав Жан-Батист получил.

Итак, нет больше мальчишки в воротничке и нет схоластика с длинными волосами. Предо мной при свечах стоит молодой мужчина. На нем искусственные пряди волос, на нем светлый парик.

Я жадно вглядываюсь в этого человека.

Он среднего роста, сутуловат, со впалой грудью. На смуглом и скуластом лице широко расставлены глаза, подбородок острый, а нос широкий и плоский. Словом, он до крайности нехорош собой. Но глаза его примечательны. Я читаю в них странную всегдашнюю язвительную усмешку и в то же время какое-то вечное изумление перед окружающим миром. В глазах этих что-то сладострастное, как будто женское, а на самом дне их – затаенный недуг. Какой-то червь, поверьте мне, сидит в этом двадцатилетнем человеке и уже теперь точит его.

Этот человек заикается и неправильно дышит во время речи.

Я вижу, он вспыльчив. У него бывают резкие смены настроений. Этот молодой человек легко переходит от моментов веселья к моментам тяжелого раздумья. Он находит смешные стороны в людях и любит по этому поводу острить.

Временами он неосторожно впадает в откровенность. В другие же минуты пытается быть скрытным и хитрить. В иные мгновенья он безрассудно храбр, но тотчас же способен впасть в нерешительность и трусость. О, поверьте мне, при этих условиях у него будет трудная жизнь и он наживет себе много врагов.

Но пусть идет жить! Над Клермонским коллежем, лекциями, Аристотелем и прочей ученостью я тушу свечи.

Глава 6

МАЛОВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Описываемое нами время было бурным временем для Франции. Тихой жизнь казалась только в Клермонском коллеже или в лавке у отца.

Францию потрясали внешние войны и внутренние междоусобицы, и это продолжалось много лет.

В самом начале 1642 года король Людовик XIII и всесильный фактический правитель Франции кардинал и герцог Арман Ришелье отправились на юг к войскам для того, чтобы отбивать у испанцев провинцию Русильон.

Королевские обойщики (их было несколько человек) службу при короле несли в очередь, причем на долю Поклена-отца приходились весенние месяцы: апрель, май и июнь. Ввиду того, что Поклена-отца в 1642 году в Париже задерживали коммерческие дела, он решил отправить в качестве своего заместителя для службы в королевской квартире своего старшего сына. Несомненно, что у Поклена при этом была мысль приучить Жана-Батиста к придворной жизни.

Сын выслушал отцовское повеление и ранней весной двинулся на юг страны.

Вот тут немедленно таинственный мрак поглотил моего героя, и никто не знает, что в точности происходило с ним на юге. Распространился, однако, слух, что будто бы Жан-Батист участвовал в необыкновенном приключении.

Кардинал Ришелье, в руках которого полностью находился слабовольный и малодаровитый король Людовик XIII, был ненавидим очень многими представителями французской аристократии.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В 1642 году был организован заговор против кардинала Ришелье, и душой этого заговора стал юный маркиз Сен-Марс. Гениальный и опытнейший политик – Ришелье – об этом заговоре проведал. Несмотря на то что Сен-Марсу покровительствовал король, Сен-Марса было решено схватить по обвинению в государственной измене (в сношениях с Испанией).

В ночь с 12-го на 13 июня в одном из городов на юге будто бы к Сен-Марсу подошел неизвестный молодой человек и вложил в руки кавалеру записку. Отделившись от других придворных, Сен-Марс при дрожащем свете факела прочел краткое послание и бросился спасаться. В записке были слова: «Ваша жизнь в опасности!» Подписи не было.

Будто бы эту записку написал и передал молодой придворный камердинер Поклен, великодушно пожелавший спасти Сен-Марса от верной смерти.

Но записка лишь отсрочила гибель Сен-Марса. Тщетно он искал убежища. Напрасно он спрятался в постели своей любовницы, госпожи Сиузак. Его взяли на другой же день, и вскорости бедный кавалер был казнен. И через сто восемьдесят четыре года память его увековечил в романе писатель Альфред де Виньи, а через пятьдесят один год после де Виньи – в опере – знаменитый автор «Фауста», композитор Гуно.

Однако утверждают некоторые, что никакого случая с запиской не было, что к делу Сен-Марса Жан-Батист никакого отношения не имел и, не вмешиваясь в то, во что ему вмешиваться не полагалось, тихо и аккуратно нес службу королевского лакея. Но тогда немного непонятно, кто и зачем выдумал эту историю с запиской?

В конце июня король побывал в нескольких лье расстояния от Нима, в Монфрене, и вот тут произошло второе приключение, которое, как увидит читатель, сыграет в жизни нашего героя гораздо большую роль, нежели приключение с несчастным Сен-Марсом. Именно в Монфрене на целебных водах королевский камердинер, заканчивавший или уже закончивший срок своей службы на этот год, встретился после некоторой разлуки со своей знакомой Мадленой Бежар. Актриса путешествовала, играя в бродячей труппе. Точно неизвестно, когда отделился от королевской свиты камердинер. Но одно можно сказать, что он не тотчас по окончании службы, то есть в июле 1642 года, вернулся в Париж, а некоторое время путешествовал по югу и, как утверждают люди из типа тех, которых интересуют чужие дела, в подозрительной близости от госпожи Бежар.

Это таинственное лето вообще прикрито густейшей вуалью. Не будем же до поры до времени производить попытки приподнять ее. Так или иначе, но осенью 1642 года Поклен вернулся в столицу и отцу доложил, что службу свою он исполнил.

Отец осведомился о том, что намерен дальше делать его наследник? Жан-Батист ответил, что он намерен усовершенствоваться в юриспруденции. Тут, сколько мне известно, Жан-Батист поселился отдельно от отца, и в городе стали поговаривать, что старший сын Поклена не то сделался адвокатом, не то собирается сделаться.

Величайшее изумление поразило бы всякого, кто вздумал бы приглядеться к тому, как молодой Поклен готовился к адвокатской деятельности. Никто не слышал о том, чтобы адвокатов подготавливали шарлатаны на Новом Мосту! Оставивши юридические книжки у себя на квартире, Жан-Батист тайно от отца явился в одну из шарлатанских трупп и стал проситься в нее на любое амплуа. И поговаривали, что ему удалось устроиться в качестве глашатая, зазывающего народ в балаган.

Вот каковы были занятия юриспруденцией!

И впоследствии враги Жана-Батиста, а их у него было очень много, злобно смеялись, говоря, что мой герой, как грязный уличный фарсер, ломался в торговом квартале на улице и будто бы даже глотал змей для потехи черни.

Глотал он или не глотал, этого я точно сказать не могу, но знаю, что в это время он стал жадно изучать трагедию и начал понемногу играть в любительских спектаклях.

Чтение Корнеля, распалывшее мозг моего героя по ночам, незабываемые ощущения при выступлениях на улице, запах душной маски, которую, кто раз надел, тот никогда уже не снимет, отравили наконец неудачливого юриста, и однажды утром, погасив над «Сидом» свои свечи, он решил, что настало его время, чтобы удивить мир.

И точно, мир он удивил, причем первой жертвой этого удивления стал многострадальный Поклен-отец.

Глава 7

БЛЕСТЯЩАЯ ШАЙКА

В самых первых числах января 1643-го, чреватого событиями года, Жан-Батист-сын явился к отцу и объявил, что все эти планы с зачислением его в корпорацию адвокатов – просто-напросто бред. Что ни в какие нотариусы он не пойдет, ученым стать не намерен, а более всего не желает иметь дела с обойной лавкой. Пойдет же он туда, куда тянет его с детства призвание, то есть в актеры.

Перо мое отказывается изобразить, что произошло в доме.

Когда отец несколько опомнился, он все-таки пытался сына отговорить и сказал ему все, что велел ему сказать отцовский долг. Что профессия актера есть всеми презируемая профессия. Что святая церковь изгоняет актеров из своего лона. Что пойти на такое дело может лишь нищий или бродяга.

Отец грозил, отец умолял.

– Иди, прошу тебя, иди и подумай, а потом уж приходи ко мне.

Но сын, как будто бы в него уже вселился дьявол, наотрез отказался думать о чем бы то ни было.

Тогда отец бросился к священнику и просил его слезно – идти отговорить Жана-Батиста.

Священнослужитель поступил согласно просьбе уважаемого прихожанина и приступил к уговорам, но результаты этих уговоров были так удивительны, что даже и говорить странно. В Париже определенно утверждали, что после двухчасовой беседы с обезумевшим Жаном-Батистом-сыном служитель церкви снял свою черную сутану и вместе с Жаном-Батистом записался в ту самую труппу, в которую хотел записаться и сам Жан-Батист.

Прямо заявляю, что все это маловероятно. Никакой священник, сколько помнится мне, в театр не поступал, но зато некий Жорж Пинель действительно выкинул с отцом Покленом престранную штуку.

Этот Жорж Пинель одно время занимался, по приглашению Поклена-отца, с Жаном-Батистом, обучая его торговому счетоводству. Кроме того, Пинель был связан с Покленом денежными делами, выразившимися в том, что время от времени Пинель брал деньги у Поклена.

Находясь в отчаянии и не зная, что предпринять, Поклен-отец направился и к Пинелю, прося его отговорить своего бывшего ученика. Покладистый Пинель действительно побеседовал с Жаном-Батистом, а затем явился сообщить о результатах этой беседы Поклену-отцу. Оказалось, по словам Пинеля, что Жан-Батист его совершенно убедил и что он, Пинель, оставляет навсегда занятия счетоводством и поступает вместе с Жаном-Батистом на сцену.

– Трижды будь проклят этот бездельник Пинель, которому я еще к тому же дал сто сорок ливров займа! – сказал несчастный отец по уходе Пинеля и вызвал сына вновь.

Было 6 января, день весьма памятный в жизни отца.

– Ну что же, ты стоишь на своем? – спросил Поклен.

– Да, решение мое неизменно, – ответил сын, в котором, очевидно, текла кровь Крессе, а не Покленов.

– Имей в виду, – сказал отец, – что я лишаю тебя звания королевского

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru камердинера, возвращай его мне. Я раскаиваюсь в том, что послушался безумного деда и дал тебе образование.

Безумный и нераскаянный Жан-Батист ответил, что он охотно отказывается от звания и ничего не будет иметь против того, чтобы отец передал звание тому из сыновей, которому он пожелает.

Отец потребовал письменного отречения, и Жан-Батист, ни минуты не задумавшись, подписал это отречение, которое, как выяснилось впоследствии, цены не имело и никакой роли не сыграло.

Потом стали делиться. Жану-Батисту из материнского наследства следовало около пяти тысяч ливров. Отец торговался, как на ярмарке. Он не хотел допустить, чтобы золото утекло в дырявые кошель бродячих комедиантов. И был трижды прав. Словом, он выдал сыну шестьсот тридцать ливров, и с этими деньгами сын покинул отцовский дом.

Направился он прямо на Королевскую площадь, в некое семейство, которое было бесконечно мило его сердцу. Это было семейство Бежар.

Жозеф Бежар, он же сьер Бельвиль, мелкий чиновник в Главном управлении вод и лесов, проживал в Париже вместе со своею супругою, урожденной Марией Эрве, и имел четырех детей.

Семейство было замечательно тем, что оно все, начиная с самого сьера Бельвиля, пылало страстью к театру. Дочь Мадлена Бежар, которую мы уже знаем, была профессиональной и прекрасной актрисой. Старший сын, называвшийся, как и отец, Жозеф, и девятнадцатилетняя, следующая за Мадленой по возрасту, дочь Женевьева – не только играли в любительских спектаклях, но и мечтали о создании театра. Самый младший сын, Луи, конечно, стремился вслед за старшими в театр и не попал еще в него только по молодости лет – ему было около тринадцати. Бежар-Бельвиль относился совершенно поощрительно к занятиям детей, потому что и сам пробовал подвизаться в театре, а любящая мать ничего не имела против увлечения детей.

Трудно было подобрать более подходящую компанию для Жана-Батиста Поклена.

Но не одна только любовь к театру связывала Поклена с Бежарами. Нет никаких сомнений в том, что Мадлена и Поклен уже любили друг друга и были в связи. (Не забывайте о лете 1642 года и о целебных водах в Монфрене!)

Тут нужно заметить, что семейство Бежар было в странствованиях вне Парижа с конца 1641 года и вернулось в Париж примерно тогда же, когда вернулся и наш герой, то есть к началу 1643 года. Можно думать, что вернулась и Мадлена, хотя в последнем я не уверен, а между тем этот вопрос о возвращении Мадлены меня очень волнует, а почему – это будет видно впоследствии.

Итак, в январе 1643 года Поклен явился с наследственными деньгами к Бежарам, но дальнейшие театральные события завязались не сразу, потому что в жизни семейства Бежар последовал некий таинственный провал... Ах, много загадочных событий, видно, было в жизни Бежаров, так же, впрочем, как и в жизни моего героя!

Таинственность поведения Бежаров выразилась в том, что примерно в январе – феврале 1643 года это семейство вдруг покинуло город и – среди зимы – почему-то выехало на дачу под Парижем. Это мне кажется странным!

Я говорю, семейство Бежар выехало на дачу, но не уверен в том, выехали ли Мадлена и Женевьева, хотя и дорого бы дал, чтобы знать это точно. Во всяком случае, сам сьер Бельвиль и верная его супруга Мария Эрве выехали. Затем, в марте, стало известно, что сьер Бельвиль на этой самой даче в местечке Сент-Антуан-де-Шан скончался, а семейство вернулось в Париж.

Вот тут уже для меня несомненно, что все, кроме покойного Бельвиля, оказались налицо в Париже. Тогда необыкновенная работа закипела в доме на Королевской площади. К Бежарам сбежались какие-то сомнительные, в театральном смысле, молодые люди, а за ними явились уже потертые и опытные профессиональные актеры.

Пинель почувствовал себя как рыба в воде и показал себя в полном блеске среди богемы. Я ручаюсь, что никому в мире не удалось бы проделать то, что проделал

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Пинель.

Он явился к Поклену-отцу и ухитрился взять у него еще двести ливров, для сына, о котором он рассказал придворному обойщику какие-то невероятные вещи. Говорят, что он поступил с ним, как Скапен с Жеронтом в комедии Мольера. Все возможно!

Дело созрело летом 1643 года.

30 июня в доме вдовы Марии Эрве был заключен торжественный договор в присутствии благородного господина Марешаля, адвоката парижского парламента. Акт извещал о том, что компания из десяти человек образывает новый театр.

Вот куда ушли и шестьсот тридцать и последующие двести ливров. Кроме того, деньги на основание театра дала Мадлена, которая отличалась большою бережливостью и успела скопить порядочную сумму за время своей артистической предшествующей деятельности. Не чаявшая души в своих детях, Мария Эрве наскребла последние крохи и тоже ввергла свой капитал в это предприятие. Остальные, насколько можно понять, были голы как соколы и могли внести в предприятие только свою энергию и талант, а Пинель – свой жизненный опыт.

Без излишней скромности группа наименовала будущий театр Блестящим Театром, а все входящие в него называли себя «Дети Семьи», из чего можно вывести заключение, что между новыми служителями муз царствовало то самое согласие, благодаря которому, по мнению Аристотеля, держится вся Вселенная. В число Детей Семьи вошли следующие: трое Бежаров – Жозеф, Мадлена и Женестьева, две молодые девицы – Маленгр и Десюрли, некий Жермен Клерен, юный писец Бонанфан, профессиональный и опытный актер Дени Бейс, упомянутый уже Жорж Пинельи, наконец, тот, кто был пламенным вожаком всей компании, именно – наш Жан-Батист Поклен.

Впрочем, Жан-Батист Поклен с момента основания Блестящего Театра перестал существовать, и вместо него в мире появился Жан-Батист Мольер. Откуда взялась эта новая фамилия? Это неизвестно. Некоторые говорят, что Поклен воспользовался бродячим в театральных и музыкальных кругах псевдонимом, другие – что Жан-Батист назвался Мольером по имени какой-то местности... Кто говорит, что он взял эту фамилию у одного писателя, скончавшегося в 1623 году... Словом, он стал – Мольер.

Отец, услышав про это, только махнул рукой, а Жорж Пинель, чтобы не отстать от своего пылкого друга, назвал себя – Жорж Кутюр.

Образование новой труппы в Париже произвело большое впечатление, и актеры Бургонского Отеля немедленно назвали компанию Детей Семьи шайкой оборванцев.

Шайка пропустила эту неприятность мимо ушей и энергичнейшим образом принялась за дела, руководимая Мольером и Бейсом, а по финансовой части – Мадленой. Первым долгом они отправились к некоему господину Галлуа дю Метайе, и тот сдал шайке в аренду принадлежащий ему и запущенный до крайности зал для игры в лапту, помещавшийся у Рвов близ Нельской башни. С Галлуа подписали соглашение, по которому тот совместно с представителями столярного цеха обязался отремонтировать зал и соорудить в нем сцену.

Нашли четырех музыкантов: господ Годара, Тисса, Лефевра и Габюре, предложили каждому по двадцать соль в день, а затем приступили к репетициям. Приготовив несколько пьес, Дети Семьи, чтобы не терять золотого времени, пока будут ремонтировать зал, сели в повозки и отправились на ярмарку в город Руан – играть трагедии.

Из Руана писали письма Галлуа и побуждали его ускорить ремонт. Поиграв со средним успехом в Руане перед снисходительной ярмарочной публикой, вернулись в Париж и вступили в соглашение с оравательнейшим по характеру человеком, а по профессии мостовых дел мастером Леонаром Обри, и тот взялся устроить великолепную мостовую перед театром.

– Вы сами понимаете, ведь будут подъезжать кареты, господин Обри, – беспокоило потирая руки, говорил господин Мольер.

Он вселил тревогу и в господина Обри, и тот не ударил лицом в грязь: мостовая вышла красивая и прочная.

И, наконец, в вечер под новый, 1644 год театр открылся трагедией.

Просто страшно рассказывать о том, что произошло дальше. Я не помню, был ли еще такой провал у какого-нибудь театра в мире!

По прошествии первых спектаклей актеры других театров радостно рассказывали, что в канаве у Нельской башни, в Блестящем Театре, кроме родителей актеров с контрамарками, нет ни одной живой собаки. И увы! Это было близко к истине. Все усилия господина Обри пропали даром: ну, буквально ни одна карета не проехала по его мостовой!

Началось с того, что в соседнем приходе Святого Сульпиция появился проповедник, который параллельно со спектаклями повел жаркие беседы о том, что дьявол захватит в свои когти не только проклятых комедиантов, но и тех, кто на их комедии ходит.

По ночам у Жана-Батиста Мольера возникала дикая мысль о том, что хорошо было бы этого проповедника просто зарезать!

Здесь, в защиту проповедника, скажу, что, пожалуй, он был и ни при чем. Разве проповедник был виноват в том, что врач не мог излечить от заикания Жозефа Бежара, а Жозеф играл любовников? Разве проповедник был виноват в том, что заикался сам Мольер, а ему дьявол, в когти которого он действительно попал, лишь только связался с комедиантами, – внушил мысль играть трагические роли?

В сыром и мрачном зале, оплывая, горели в дрянных жестяных люстрах сальные свечи. И писк четырех скрипок господина Годара и его товарищей никак не напоминал гром большого оркестра. Блестящие драматурги не заглядывали в Нельскую канаву, а если бы они и заглянули, то, спрашивается, каким образом писец Бонанфан сумел бы передать их звучные монологи?

И с каждым днем все шло хуже и хуже. Публика держала себя безобразно и позволяла себе мрачные выходки, например, ругаться вслух во время представления...

Да, в труппе была Мадлена, замечательная актриса, но она одна ведь не могла разыграть всю трагедию! О милая подруга Жана-Батиста Мольера! Она приложила все усилия к тому, чтобы спасти Блестящий Театр. Когда в Париже после интереснейших приключений и изгнания появился ее старый любовник граф де Моден, Мадлена обратилась к нему, и тот выхлопотал братству нельских несчастливцев право именоваться Труппой его королевского высочества принца Гастона Орлеанского.

Лукавый Жан Мольер обнаружил сразу же в себе задатки настоящего директора театра и, немедленно пригласив танцовщиков, поставил ряд балетов для кавалеров принца. Кавалеры остались к этим балетам равнодушны.

Тогда в один из вечеров упорный Жан-Батист объявил Мадлене, что вся соль – в репертуаре, и пригласил в труппу Николая Дефонтена, актера и драматурга.

– Нам нужен блестящий репертуар, – сказал ему Мольер.

Дефонтен объявил, что он понял Мольера, и с завидной быстротой представил театру свои пьесы. Одна из них называлась «Персида, или Свита блестящего Бассу», другая – «Святой Алексей, или Блестящая Олимпия», третья – «Блестящий комедиант, или Мученик святого Жене». Но парижская публика, очевидно, заколдованная проповедником, не пожелала смотреть ни блестящую Олимпию, ни блестящего Бассу.

Некоторое облегчение принесла трагедия писателя Тристана Л'Эрмита «Семейные бедствия Константина Великого», в которой великолепно играла роль Эпихарис – Мадлена. Но и это продолжалось недолго.

Когда кончились сбережения Мадлены, Дети Семьи явились к Марии Эрве, и та, впервые заплакав при виде детей, отдала им последние деньги. Затем отправились на рынок к Жану-Батисту Поклену-отцу.

Тягостнейшая сцена произошла в лавке. В ответ на просьбу денег Поклен сперва не мог произнести ни одного слова. И... вообразите, он дал денег! Я уверен, что посылали к нему Пинеля.

Затем явился перед комедиантами Галлуа с вопросом, будут ли они платить аренду или не будут? Чтобы они дали категорический ответ.

Категорического ответа он не получил. Ему дали расплывчатый ответ, исполненный клятв и обещаний.

– Так убирайтесь же вы вон! – воскликнул Галлуа. – Вместе со своими скрипками и рыжими актрисами!

Последнее было уже и лишним, потому что рыжей в труппе была только одна Мадлена.

– Я и сам собирался уйти из этой паскудной канавы! – вскричал Мольер, и братство, не заметив даже, как пролетел ужасающий год, бросилось за своим командором к Воротам Святого Павла, в такой же зал, как у господина Галлуа. Этот зал носил название «Черный крест». Название это оправдалось в самом скором времени.

После того как блестящая труппа сыграла «Артаксеркса» писателя Маньона, господина де Мольера, которого, и с полным основанием, рассматривали в Париже как вожака театра, повели в тюрьму. Следом за ним шли ростовщик, бельевщик и свечник по имени Антуан Фоссе. Это его свечи оплывали в шандалах у господина Мольера в Блестящем Театре.

Пинель побежал к Поклену-отцу.

– Как?.. Вы?.. – в удушье сказал Жан-Батист Поклен. – Вы... Это вы пришли?.. Опять ко мне?.. Что же это такое?

– Он в тюрьме, – отозвался Пинель, – я больше ничего не буду говорить, господин Поклен! Он в тюрьме!

Поклен-отец... дал денег.

Но тут со всех сторон бросились займодавцы на Жана-Батиста Мольера, и он бы не вышел из тюрьмы до конца своей жизни, если бы за долг Блестящего Театра не поручился тот самый Леонар Обри, который построил блестящую и бесполезную мостовую перед подъездом первого мольеровского театра.

Я не знаю, каким зельем опоил Леонара Обри Жорж Пинель, но имя Леонара Обри да перейдет в потомство!

Вся труппа Блестящего Театра, после того как предводитель ее вышел из тюремного замка, дала торжественное обещание господину Обри в том, что она с течением времени уплатит те долги, за которые он поручился.

С возвращением Мольера спектакли возобновились. Мольеру удалось снискать покровительство Генриха де Гиза Лотарингского, и герцог великодушно подарил труппе свой богатейший гардероб. Братство надело роскошные костюмы, а шитые золотом ленты заложило ростовщикам. Но ленты не помогли! Братство дрогнуло. Стали обнаруживаться первые признаки паники. Пришлось покинуть Ворота Святого Павла и гробовой «Черный крест» и переехать в новый зал. Этот назывался светло – «Белый крест».

Увы! Он оказался ничем не лучше «Черного креста».

Первыми бежали, не выдержав лишения, Пинель, Бонанфан, а затем Бейс. Несколько времени продолжалась тяжкая агония Блестящего Театра, и к началу 1645 года все стало ясно. Продали все, что можно было продать: костюмы, декорации...

Осенью 1645 года Блестящий Театр навеки прекратил свое существование.

Это было осенью. В тесной квартирке на улице Жарден-Сен-Поль вечером, при свечке, сидела женщина. Перед нею стоял мужчина.

Три тяжких года, долги, ростовщики, тюрьма и унижения резчайше его изменили. В углах губ у него залегли язвительные складки опыта, но стоило только всмотреться в его лицо, чтобы понять, что никакие несчастья его не остановят. Этот человек

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru не мог сделаться ни адвокатом, ни нотариусом, ни торговцем мебелью. Перед рыжеволосой Мадленой стоял прожженный профессиональный двадцатичетырехлетний актер, выдавший всякие виды. На его плечах болтались остатки гизовского кафтана, а в карманах, когда он расхаживал по комнате, бренчали последние су.

Прогоревший начисто глава Блестящего Театра подошел к окну и в виртуозных выражениях проклял Париж вместе со всеми его предместьями, с «Черным» и «Белым крестом» и с канавой у Нельской башни. Потом он обругал парижскую публику, которая ничего не понимает в искусстве, и к этому добавил, что в Париже есть только один порядочный человек, и этот человек – королевский мостовщик Леонар Обри.

Он долго еще болтал языком, не получая ответа, и наконец спросил в отчаянии: – Теперь, конечно, и ты покинешь меня? Что ж, ты можешь пытаться поступить в Бургонский Отель.

И добавил, что бургонцы – подлецы.

Рыжая Мадлена выслушала весь этот вздор, помолчала, а затем любовники стали шептаться и шептались до утра. Но что они придумали, нам неизвестно.

Глава 8

КОЧУЮЩИЙ ЛИЦЕДЕЙ

Плохо то, что совершенно неизвестно, куда после этого девался мой герой. Он провалился как бы сквозь землю и исчез из Парижа. Год о нем не было ни слуху ни духу, но потом сомнительные свидетели стали утверждать, что будто бы летом 1647 года человека, как две капли воды похожего на прогоревшего директора Мольера, видели в Италии, на улице города Рима. Будто бы там он стоял под раскаленным солнцем и почтительно беседовал с французским посланником господином де Фонтеней-Марей.

Осенью того же 1647 года в Италии же, в Неаполе, произошли большие события. Храбрый рыбак, некий Томазо Анниелло, поднял народное восстание против владычествовавшего тогда в Неаполе вице-короля Испании герцога Аркосского. На улицах Неаполя захлопали пистолетные выстрелы, улицы обагрились кровью. Томазо был казнен, голова его попала на пику, но неаполитанский народ похоронил его торжественно, положив ему в гроб меч и маршальский жезл.

После этого в неаполитанскую распрю вмешались французы, и герцог Гиз, Генрих II Лотарингский, с войсками появился в Неаполе.

Так вот, в свите Гиза будто бы состоял бывший директор несчастного Блестящего Театра господин Мольер. Зачем он попал в эту свиту, что он делал в Неаполе, никто этого в точности объяснить не мог. И даже нашлись такие, которые утверждали, что никогда в жизни Жан-Батист ни в Риме, ни в Неаполе не был и что какого-то другого молодого человека авантюрной складки спутали с ним.

И есть свидетели, которые показывали другое: что будто бы летом 1646 года из Парижа через Сен-Жерменское предместье вышел и пошел на юг Франции бедный обоз. Повозки, нагруженные кое-каким скарбом, тащили тощие волы. На головной из них помещалась закутавшаяся от пыли в плащ рыжеволосая женщина, и якобы она была не кто иная, как Мадлена Бежар. Если это так, следует запомнить имя Мадлены Бежар. Пленительная актриса не покинула проигравшего свой первый бой в Париже директора и своего возлюбленного в трудную минуту. Она не пыталась уйти в Театр на Болоте или в Бургонский Отель и более не строила хитрых планов о том, как бы завлечь в сети и женить на себе своего старого любовника графа де Модена. Она была верная и сильная женщина, да знают это все!

Рядом с повозкой шел, прихрамывая, мальчишка лет шестнадцати, и во встречных селениях мальчуганы дразнили его, подсвистывали и кричали:

– Хромой черт!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
А всмотревшись, добавляли:

– И косою! И косою!

И точно, Луи Бежар был и хром и кос.

Когда рассеивались тучи пыли, можно было разглядеть еще кое-кого на повозках. Лица были знакомые большею частью. Вот трагический любовник и заика Жозеф Бежар, вот сварливая сестра его Женевьева!

Вел этот караван, как нетрудно догадаться, Жан-Батист Мольер.

Короче говоря, когда Блестящий Театр погиб, Мольер из-под развалин его вывел остатки верной братской гвардии и посадил их на колеса.

Этот человек не мог существовать вне театра ни одной секунды, и у него хватило сил после трехлетней работы в Париже перейти на положение бродячего комедианта. Но этого мало. Пламенными своими речами, как вы видите, он увлек за собою и бежаровское семейство. И все Бежары благодаря ему оказались в пыли на французских дорогах. А с Бежарами вместе оказались новые лица в компании, в том числе профессиональный трагический актер Шарль Дюфрен, он же декоратор и режиссер, одно время державший собственную труппу, и великолепный, тоже профессиональный комик Рене Бартло, он же Дюпарк, вскоре получивший и сохранивший всю жизнь театральную кличку Гро-Рене, потому что он исполнял роли смешных толстяков-слуг.

У себя на повозке, в узлах, предводитель каравана вез пьесы Тристана, Маньона и Корнеля.

Первое время кочевникам пришлось чрезвычайно трудно. Бывало, что приходилось спать на сеновалах, а играть в деревнях – в сараях, повесив вместо занавеса какие-то грязные тряпки.

Иногда, впрочем, попадали в богатые замки, и, если вельможный владелец от скуки изъявлял желание посмотреть комедиантов, грязные и пахнувшие дорожным потом актеры Мольера играли в приемных.

Приезжая в новые места, актеры прежде всего, зная себе цену, почтительно снимали истасканные шляпы и шли к местным властям просить разрешения поиграть для народа.

Местные власти, как им и полагается, обращались с комедиантами нехорошо, дерзко и чинили им бессмысленные препятствия.

Актеры заявляли, что они хотят представить трагедию почтеннейшего господина Корнеля в стихах...

Не думаю, чтобы местные власти понимали хоть что-нибудь в стихах Корнеля. Тем не менее они требовали эти стихи на предварительный просмотр. А просмотрев, бывало, запрещали представление. Причем мотивировки запрещений были разнообразны. Наичаще такая:

– Наш народ бедный, и нечего ему тратить деньги на ваши представления!

Бывали и ответы загадочные:

– Боимся мы, как бы чего не вышло благодаря вашим представлениям!

Бывали и ответы утешительные – всякое бывало в этой бродячей жизни.

Духовенство всюду встречало лицедеев равномерно недоброжелательно. Тогда приходилось идти на хитрые уловки, например, предлагать первый сбор в пользу монастыря или на нужды благотворительности. Этим способом очень часто можно было спасти спектакль.

Придя в какой-нибудь городок, искали прежде всего игорный дом или же сарай для игры в мяч, весьма любимой французами. Сговорившись с владельцем, выгораживали сцену, надевали убогие костюмы и играли.

Ночевали на постоянных дворах, иногда по двое на одной постели.

Так шли и шли, делая петли по Франции. Был слух, что в начале кочевой жизни мольеровских комедиантов видели в Мансе.

В 1647 году комедианты пришли в город Бордо, провинцию Гиень. Тут, на родине прекрасных бордоских вин, солнце впервые улыбнулось отощавшим комедиантам. Считалось, что Гиеню правил гордый, порочный и несправедливый Бернар де Ногаре, герцог д'Эпернон. Однако все знали, что действительным губернатором этой провинции была некая госпожа по имени Нанон де Лартиг, и худо будто бы приходилось Гиени при этой даме.

Один из мыслителей XVII века говорил, что актеры больше всего на свете любят монархию. Мне кажется, он выразился так потому, что недостаточно продумал вопрос. Правильнее бы, пожалуй, сказать, что актеры до страсти любят вообще всякую власть. Да им и нельзя ее не любить! Лишь при сильной, прочной и денежной власти возможно процветание театрального искусства. Я бы мог привести этому множество примеров и не делаю этого только потому, что это и так ясно.

Когда утомленная управлением провинцией госпожа де Лартиг заскучала, герцог д'Эпернон решил рассеять свою любовницу, устроив для нее ряд праздников и спектаклей на реке Гаронне. Как нельзя более кстати принесла судьба Мольера в Гиень! Герцог принял комедиантов с распростертыми объятиями, и тут в карманах их впервые послышался приятный звон золота.

Мольер со своей труппой играл для герцога и его подруги трагедию Маньона «Иосафат» и другие пьесы. Говорят, что, кроме них, он сыграл в Бордо еще одно произведение искусства, которое очень следует отметить. Будто бы это была сочиненная самим Мольером во время странствований трагедия «Фиваида», и будто бы трагедия эта представляла собою крайне неуклюжее произведение.

Весною 1648 года бродячие наши комедианты обнаружили уже в другом месте, именно в городе Нанте, где оставили след в официальных бумагах, из которых видно, что некий «Морлиер» испрашивал разрешение на устройство театральных представлений, каковое разрешение и получил. Известно также, что в Нанте Мольер столкнулся с пришедшей в город труппой марионеток венецианца Сегалля и что труппа Мольера марионеток этих победила. Сегалль вынужден был уступить город Мольеру.

Лето и зиму 1648 года труппа провела в городах и местечках поблизости от Нанта, а весною 1649-го перешла в Лимож, причем здесь произошли неприятности: господин Мольер, выступивший в одной из своих трагических ролей, был жестоко освистан лиможцами, которые к тому же бросали в него печеными яблоками, до того им не понравилась его игра.

Прокляв Лимож, господин де Мольер повел свое кочующее братство в другие места. Они побывали и в Ангулеме, и в Ажане, и в Тулузе. А в 1650 году, в январе, пришли в Нарбонну. Рассказывали, что весною этого года господин Мольер на время оставил труппу для того, чтобы побывать тайно в Париже.

Нет никаких сомнений в том, что зимою 1650 года Мольер с труппой перебросился в город Пезена, в котором оставил по себе память в виде квитанции на четыре тысячи ливров, которые он получил для своих комедиантов по распоряжению господ членов Штатов, собравшихся в Пезена для обсуждения важных налоговых вопросов. Квитанция, несомненно, показывает, что Мольер давал представления для членов Штатов.

Весною 1651 года Мольер опять побывал в Париже, причем взял взаймы у отца тысячу девятьсот семьдесят пять ливров, убедительно доказав отцу, что без этих денег ему – петля, потому что ему надо платить еще остатки долгов по Блестящему Театру.

Расплатившись с кем надо было в Париже, он опять пустился странствовать со своею труппой.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Тут выяснилось одно очень важное обстоятельство. Оказалось, что господин Мольер чувствует склонность не только к игре в пьесах, но и к сочинению пьес самолично. Несмотря на каторжную дневную работу, Мольер начал по ночам сочинять вещи в драматургическом роде. Несколько странно то, что человек, посвятивший себя изучению трагедии и числящийся на трагическом амплуа, в своих сочинениях к трагедии после злосчастной «Фиваиды» вовсе не возвращался, а стал писать веселые, бесшабашные одноактные фарсы, в которых подражал итальянцам, большим мастерам в этом роде. Фарсы эти очень понравились компаньонам Мольера, и их ввели в репертуар.

Тут мы встречаемся и с другой странностью. Наибольшим успехом в этих фарсах стал пользоваться у публики сам Мольер, играющий смешные роли, преимущественно – Сганарелей.

Возникает вопрос: где Мольер выучился передавать так хорошо смешное на сцене? По-видимому, вот где. В то время, когда основывался злосчастный Блестящий Театр, или немного ранее этого времени в Париже появился, в числе других итальянских актеров, знаменитый и талантливейший исполнитель постоянной итальянской маски Скарамучча, или Скарамуша, – Тиберио Фиорелли. Одетый с головы до ног в черное, с одним лишь белым гофрированным воротником на шее, «черный, как ночь», по выражению Мольера, Скарамуш поразил Париж своими виртуозными трюками и блистательной манерой донесения смешного и легкого итальянского текста в фарсах.

Говорили в Париже, что начинающий свою карьеру комедиант Жан-Батист Поклен явился к Скарамушу и просил его давать ему уроки сценического искусства. И Скарамуш на это согласился. Несомненно, у Скарамуша получил Мольер свою комедийную хватку, Скарамуш развил в нем вкус к фарсу. Скарамуш помог ему ознакомиться с итальянским языком.

Итак, предводитель бродячей труппы играл в чужих трагедиях трагические роли, а в своих фарсах выступал в виде комика. Тут обнаружилось одно обстоятельство, поразившее нашего комедианта до глубины души: в трагических ролях он имел в лучшем случае средний успех, а в худшем проваливался начисто, причем с горестью надо сказать, что худший этот случай был нередким случаем. Увы! Не в одном только Лиможе швыряли яблоками в бедного трагика, выступавшего с венцом какого-нибудь трагического высокопоставленного героя на голове.

Но лишь только после трагедии давали фарс и Мольер, переодевшись, превращался из Цезаря в Сганареля, дело менялось в ту же минуту: публика начинала хохотать, публика аплодировала, происходили овации, на следующие спектакли горожане несли деньги.

Разгримировавшись после спектакля или снимая маску, Мольер, заикаясь, говорил в уборной:

– Что это за народец, будь он трижды проклят, я не понимаю! Разве пьесы Корнеля – плохие пьесы?

– Да нет, – отвечали недоумевающему директору, – пьесы Корнеля хорошие...

– Пусть бы одно простонародье, я понимаю... Ему нужен фарс! Но дворяне! Ведь среди них есть образованные люди. Я не понимаю, как можно смеяться над этой галиматьей! Я лично не улыбнулся бы ни разу!

– Э, господин Мольер! – говорили ему товарищи. – Человек жаждет смеха, и придворного так же легко рассмешить, как и простолюдина.

– Ах, им нужен фарс? – вскричал бывший Поклен. – Хорошо! Будем кормить их фарсами!

И затем следовала очередная история: фиаско – в трагедии, в фарсе – успех.

Но чем же объяснить такие странности? Почему же это? Трагик в трагическом проваливался, а в комическом имел успех? Объяснение может быть только одно и очень простое. Не мир ослеп, как полагал считающий себя зрячим Мольер, а было как раз наоборот: мир великолепно видел, а слеп был один господин Мольер. И, как это ни странно, в течение очень большого периода времени.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Он один среди всех окружающих не понимал того, что он как нельзя лучше попал в руки Скарамуччи, потому что по природе был гениальным комическим актером, а трагиком быть не мог. И нежные намеки Мадлены, и окольные речи товарищей ничуть не помогали: командор труппы упорно стремился играть не свои роли.

Вот в чем была одна из причин трагического падения Блестящего Театра! Она крылась в самом Мольере, а вовсе не в проповеднике у Святого Сульпиция. И не одно заикание, которое все так подчеркивали у Мольера, было виновато. Путем упорных упражнений страстный комедиант сумел выправить почти совершенно этот недостаток речи, равно как и неправильно поставленное дыхание. Дело было в полном отсутствии трагедийных данных.

Но пойдем далее за мольеровским караваном. По югу Франции побежал, из селения в селение, из города в город, слух, что появился некий мальчишка Мольер, который замечательно со своею труппой играет смешные пьесы. В этом слухе неверно было только то, что Мольер – мальчишка. В то время, как о нем заговорили, ему исполнилось тридцать лет. И тридцатилетний, полный горького опыта, достаточно закаленный актер и драматург, в силу которого в труппе очень начинали верить, в конце 1652 года подходил к городу Лиону, везя в своей повозке, кроме нескольких фарсов, большую комедию под названием «Шалый, или Все не вовремя».

Караван подходил к Лиону бодро. Актеры оперились достаточно. На них были уже хорошие кафтаны, повозки их распухли от театрального и личного их скарба. Актеры уже не дрожали при мысли о неизвестности, которая ждет их в Лионе. Сила мольеровских фарсов им была известна точно, а «Шалый» им чрезвычайно нравился. Они не испугались, когда громадный город в зимнем тумане развернулся перед ними.

В одной из повозок под неусыпным попечением и наблюдением Мадлены ехало присоединившееся к обозу поблизости от города Нима новое существо. Этому существу было всего лишь десять лет, и представляло оно собою некрасивую, но очень живую, умную и кокетливую девочку.

Внезапное явление девочки Мадлена объяснила актерам так: это ее маленькая сестренка, которая воспитывалась у одной знакомой дамы в имении под Нимом, а вот теперь настало время Мадлене взять ее к себе. Господин Мольер ее тоже очень любит, намерен ее учить, девочка станет актрисой... Она будет играть под фамилией Мену.

Немного удивившись тому, что у их товарища, милейшей Мадлены, появилась откуда-то вдруг внезапно сестренка, посудачив насчет того, что сестренка эта почему-то воспитывалась не в Париже, а в провинции, актеры в скором времени привыкли к девочке, и Мену вошла в комедиантскую семью.

Насчет «Шалого» актеры не ошиблись. Пьеса была сыграна в январе 1653[1 – Автор ошибается относительно этой даты. Первое представление комедии «Шалый» состоялось в Лионе в 1655 г. (Прим. ред.)] года и имела у лионцев успех не простой, а чрезвычайный. Вот перед лионским залом для игры в мяч действительно понадобилась бы мостовая милейшего Леонара Обри! Господин Мольер по молодости слишком поспешил, мостя Нельскую канаву.

После премьеры публика бросилась в кассу валом. Был случай, когда двое дворян смертельно поругались в давке и дрались на дуэли. Словом, публика хлынула к Мольеру так, что находившаяся в то время в городе бродячая труппа некоего Миталла поняла, что песня ее спета и что она прогорела.

Бешено проклиная мальчишку Мольера, Миталла распустил свою труппу, и лучшие его комедианты явились к Мольеру и просили его взять их к себе.

Ценный подарок получил господин Мольер от господина Миталла, которого он задушил своим «Шалым». К Мольеру пришла госпожа Екатерина Леклер Дюрозе, а по мужу – Дебри, и тотчас была принята на амплу любовниц. Тотчас – так как было известно, что госпожа Дебри превосходная актриса. Госпожа Дебри отрекомендовала своего мужа, господина Дебри, исполняющего роли бретеров, и тот вошел в труппу Мольера вместе с женою, хотя и не был сильным актером. Но, чтобы получить Екатерину Дебри, стоило пригласить ее мужа.

Вслед за нею пришла совсем молоденькая, но уже прогремевшая всюду, где бы она ни выступала, госпожа Де Горла, носившая двойное имя Тереза-Маркиза. Дочка

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru балаганного комедианта, сама с детских лет выступавшая в балагане и сложившаяся к юности как первоклассная трагическая актриса и неподражаемая танцовщица.

В труппе Мольера ее появление произвело смятение: ее красота и танцы поразили актеров. Успех Терезы-Маркизы у мужчин был головокружителен.

Для Мадлены появление Дебри и Де Горла явилось тяжким ударом. До сих пор у нее не было соперницы. В Лионе же их появилось сразу две, и обе чрезвычайно сильные. Мадлена поняла, что ей придется уступить главные роли. Так и случилось. Со времени вступления лионских звезд Мадлена пошла на амплуа субреток, любовниц стала играть Дебри, в трагедиях главные женские роли отошли к Терезе-Маркизе.

Другая рана Мадлены была не менее глубока. Жан-Батист был первым из тех, кто упал, сраженный красотой Терезы-Маркизы. Страсть охватила его, он стал добиваться взаимности. И на глазах у Мадлены, вынесшей все тяжести кочевой жизни, разыгрался мольеровский роман. Он был неудачен. Великая танцовщица и актриса отвергла Мольера и, поразив всех своим выбором, вышла замуж за толстого Дюпарка. Но Мольер не вернулся более к Мадлене. Говорили, и это было верно, что сейчас же после романа с Терезой разыгрался второй роман – с госпожой Дебри, и этот роман был удачен. Нежная и кроткая Дебри, полная противоположность надменной и коварной Терезе-Маркизе, будто бы долго была тайной подругой Жана-Батиста Мольера.

Когда первые страсти утихли, когда совершились все перетасовки, когда несколько забылась горечь первых ночных сцен между обиженной Мадленой и Мольером, – пополненная труппа широко развернула свою работу в Лионе и его окрестностях. «Шалого» играли победоносно, а из других пьес следует отметить «Андромеду» Корнеля, в которой впервые и выступила девочка Мену, получившая малюсенькую роль Эфира, причем девочка очень хорошо справилась с несколькими строчками текста.

Глава 9

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ ПРИНЦ КОНТИ

В то время как наша бродячая труппа мирно переходила из города в город, много событий случилось во Франции. Не было уже ни всесильного кардинала Ришелье, ни подвластного ему короля Людовика XIII. Ришелье скончался вскоре после того, как погиб кавалер Сен-Марс, в конце 1642 года, а в мае 1643-го покинул землю и король Людовик XIII, произнеся свою последнюю фразу: «Тяжка моей душе жизнь моя».

Во Франции был новый король, но только этому королю было всего несколько лет.

Людовик XIV родился вскоре после того, как Мадлена, если вы помните, принесла дочку франсуазу де Модену, – в октябре 1638 года. Пушечный гром в Париже и огни дымных площадей возвестили всему миру о появлении на свет нового Людовика. Когда скончался отец – Людовик XIII, – в управление страной вступила мать малолетнего короля, королева Анна Австрийская. Но, конечно, она числилась регентшей только на бумаге, а фактическим правителем стал, подобно кардиналу Ришелье, другой кардинал и первый министр Франции, сицилиец по происхождению, Юлий Мазарини, или Жюль Мазарэн.

Тут история как бы несколько повторилась. Высшая французская аристократия, представители которой ранее выступали против Ришелье, ныне выступила против Мазарэна.

Оппозиция получила название фронды. Дело началось с августовских баррикад 1648 года в Париже, а за баррикадами последовали и кровавые сражения. Дело постепенно осложнилось чрезвычайно. События приняли запутанный характер – со вмешательством иностранных сил, с государственными изменами, с переходами фрондеров из одного лагеря в другой, бегствами из отечества и опасностями, непосредственно угрожающими мальчику Людовику XIV.

Во главе войск, враждебных Мазарэну, стал двадцатисемилетний принц, Конде Великий, к тому времени увенчанный лаврами исключительного полководца. Положение Мазарэна не раз становилось тяжким, в особенности потому, что в первой половине

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Фронды, вместе с Конде, против него пошел другой полководец, по сравнению с которым несколько бледнел даже сам Конде. Этого звали Генрих де ла Тур д'Овернь, он же маршал Тюреннь.

Мазарэн, однако, показал себя не только тончайшим и упорнейшим политиком, но и превосходным водителем армий. Мазарэн разбил Тюрення, а затем, искусно тасуя политическую колоду, перевел маршала на свою сторону, и тот, в свою очередь, разгромил Великого Конде.

В конце пятилетней борьбы кардинал победил бесповоротно, несмотря на то что не был популярен в народе. Дело Конде было проиграно: он покинул Францию, передался на сторону испанцев, а кардинал торжественно вступил в Париж, и Франция пришла в состояние спокойствия под его управлением.

Нужно заметить, что, как ни был мал Людовик, он прекрасно усвоил смысл событий во время Фронды и на всю жизнь сохранил отчетливое воспоминание о том, как французская аристократия едва не лишила его трона.

К истории же Конде следует добавить, что несколько лет спустя после Фронды он примирился с Мазарэном и был амнистирован.

Тот самый принц Конти, брат Конде, которого мы знали дитятей, обучавшимся в Клермонской коллегии, ко времени Фронды стал молодым человеком, готовящимся к духовной карьере. Однако, вместо того чтобы отрешиться от всего земного, приготавливаясь к высшей из карьер, Конти, отличавшийся неуравновешенностью и пылкостью, последовал за своим великим братом и принял участие во Фронде.

Взявший меч, как известно, должен быть готов ко всему, и Конти чрезвычайно много пришлось испытать: он не только участвовал в кровопролитных сражениях, но даже сидел в тюрьме. Конти, впрочем, обрел мир ранее Конде. Он вышел из игры и даже настолько примирился с Мазарэном, что решил жениться на его племяннице.

К концу лета 1653 года Конти успокоился в своем замке де ла Гранж, находившемся близ города Пезена в благословенном Лангедоке, и даже получил возможность временно исполнять обязанности лангедокского губернатора.

В то время когда принц отдыхал в замке, наши комедианты, которых не коснулась, конечно, гроза Фронды, пронесшаяся над страной, выйдя из Лиона, двигались в пределах того же Лангедока, и судьбе было угодно свести двух однокашников-клермонцев.

Дело в том, что в замке у Конти, который в то время был еще холостым человеком, гостила некая госпожа де Кальвимон, прелестная дама, которую портило, по общему мнению, только одно – ее исключительная глупость. Расхаживая по роскошным паркам, чуть тронутым августовской желтизной, госпожа де Кальвимон заскучала и трогательно пожаловалась принцу на то, что в замке нет никаких представлений.

Принц, полюбовавшись на отразившуюся кверху ногами в лагранжском пруду госпожу де Кальвимон, в ответ сказал все, что полагается говорить в таких случаях, то есть что желания госпожи являются для него законом, и немедленно вызвал к себе своего ближайшего подчиненного, симпатичнейшего и культурнейшего человека, господина де Кознака.

Даниель де Кознак знал о пребывании Мольера в Лангедоке и о том успехе, которым пользовался Мольер. Он немедленно послал гонца с приказанием разыскать директора труппы и вручить ему приглашение его высочества прибыть вместе со всею труппой в замок де ла Гранж.

Нужно ли говорить, что старый клермонец, а ныне комедиант не заставил себя долго упрашивать. Он немедленно прекратил спектакли, труппу в полном составе, вместе с декорациями и аксессуарами, погрузил на повозки, и караван пошел к принцу в замок.

Но не успел Кознак своего гонца отправить, как к замку подошла никем не приглашенная другая бродячая труппа, которую вел опытный уличный шарлатан, зубодер и актер, некогда подвизавшийся, как и другие, на Новом Мосту в Париже, господин Кормье.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Когда принцу доложили, что какая-то труппа появилась, он был приятнейшим образом поражен тем, что желание госпожи де Кальвимон может быть исполнено с быстротой феерической. И, не дожидаясь никакого Мольера, велел пригласить труппу в замок.

Труппа развернулась в замке, и опытный Кормье, мгновенно сообразив, что все его благосостояние зависит от того, насколько он сумеет понравиться госпоже де Кальвимон, стлался перед ней по земле и даже будто бы делал ей подарки.

Но не успел Кормье разыграться и откормиться в замке, как Даниелю Кознаку сообщили, что приглашенный им Мольер с караваном прибыл. Кознак явился к принцу и доложил о том, что приглашенный его высочеством директор с труппой приехал, и осведомился о том, как принц прикажет быть.

Принц подумал и сказал, что господин Мольер может считать себя свободным, так как надобность в его представлениях отпала.

– Но, ваше высочество, – отозвался Кознак, бледнея, – ведь я же пригласил его...

– А я, как вы видите, – ответил принц, – пригласил Кормье, и согласитесь сами, что удобнее будет, если вы нарушите свое слово, нежели я свое.

Кознак очень медленными шагами отправился объясняться с приехавшим Мольером.

Перед подъездом замка стоял покрытый пылью человек с пухлыми губами и утомленными глазами. Дорожные ботфорты его были белы. За воротами замка виднелся длиннейший караван. Впрочем, Кознак не очень хорошо рассмотрел как приезжего, так и караван, потому что ему было страшно поднять глаза.

– Я – Мольер, – сказал глуховатым голосом приезжий, снимая шляпу, – мы прибыли согласно распоряжению его высочества.

Кознак, набрав в грудь воздуху и еле шевеля суконным языком, выговорил такие слова:

– Принц... распорядился... сообщить господину Мольеру... что вышло некоторое прискорбное недоразумение... Другая труппа уже играет в замке... Принц просит считать вас... он просит сказать, что вы свободны.

И наступило молчание.

Приезжий отступил на шаг, не сводя глаз с Кознака, потом накрылся шляпой. Кознак поднял глаза и увидел, что приезжий бледнеет. Еще помолчали.

Тут приезжий заговорил, скосив глаза к носу:

– Меня же пригласили... Я... – приезжий указал на повозки, – я прекратил спектакли, я погрузил декорации, со мною женщины – актрисы.

Кознак молчал.

– Я прошу, – сказал приезжий, начиная заикаться, – уплатить мне тысячу экю, я потерпел большие убытки, сорвал спектакли и вез людей.

Кознак вытер пот со лба и униженно попросил приезжего сесть на скамью и подождать, пока он доложит принцу о том, что сказал приезжий.

Тот молча отступил, сел на скамью, стал смотреть в землю. А Кознак пошел в покои принца.

– Он просит в возмещение расходов тысячу экю, – сказал Кознак.

– Какой вздор! – ответил принц. – Ничего ровно ему не следует. И я вас попрошу не говорить больше со мной на эту тему, потому что мне это надоело.

Кознак вышел от принца, но не к приезжему, а в помещение к себе, взял тысячу собственных экю и вынес их Мольеру. Тот поблагодарил и ссыпал деньги в кожаный мешок. Тут Кознак заговорил о том, что он крайне сожалеет, что все вышло так неловко... и вдруг вдохновенно предложил господину Мольеру остановиться рядом, в

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
городе Пезена, и играть там. Он, Кознак, все сделает, достанет зал и разрешение...

Господин Мольер подумал и согласился. И Кознак с караваном отправился в Пезена, именем принца достал помещение и разрешение, и труппа сыграла в Пезена «Шалого», поразив своим искусством пезенасцев.

Слух о таком, еще не бывалом в Пезена событии немедленно достиг ушей губернатора. И принц тотчас же заявил, что он желает видеть этих отличных комедиантов у себя.

Комедиантам полагается быстро забывать обиды, и клермонец тотчас привел труппу в замок. «Шалый» был сыгран в присутствии принца, его свиты и госпожи де Кальвимон, – к отчаянию бедного Кормье. Не могло быть никакой речи о том, что Кормье устоит после этого. Его дурно одетые и слабые в своем искусстве комедианты не могли и мечтать о том, чтобы состязаться с пышно разодетыми после лионских сборов Дюпарками, Дебри, Мадленой и, конечно, самим Мольером.

И, представьте себе, очень могло быть, что Мольеру пришлось бы покинуть замок, а Кормье остался бы, потому что прелесть спектакля оценили все, за исключением одной госпожи де Кальвимон. Она тупо смотрела на лицедеев, ничего не соображая. По счастью, умный и культурный секретарь принца, поэт Сарразэн спас положение. Он высказал такой восторг перед игрой актеров и их костюмами, так напел принцу о том, что труппа господина Мольера будет служить украшением его двора, что капризный принц отдал приказ об увольнении труппы несчастного Кормье и о приглашении труппы Мольера на постоянную службу к принцу с правом именоваться Придворною труппою принца Армана Бурбона де Конти и, натурально, с назначением труппе постоянного пенсионера.

Нужно добавить, что речи Сарразэна о мольеровской труппе были пламенны вдвойне. Ни для кого не осталось тайной, что Сарразэн, подобно другим, с первого же дня смертельно влюбился в Терезу Дюпарк.

Бедный Кормье со своими бедно одетыми комедиантами удалился прочь, проклиная Мольера, а для того и для труппы наступили воистину золотые дни в Лангедоке.

Лукавый заика как бы околдовал принца. Представления пошли непрерывно, и непрерывной же струей потекли к Мольеру и его комедиантам всевозможные блага. Если нужно было продвигаться по Лангедоку, принц охотно производил реквизицию повозок и лошадей для перевозки приспособлений и самих комедиантов, принц выдавал деньги, принц оказывал всевозможные виды покровительства.

Искусство цветет при сильной власти!

В ноябре 1653 года принц отправился через Лион в Париж для того, чтобы жениться на Марии-Анне Мартиноцци, племяннице Мазарэна, как я уже говорил.

Придворная труппа проводила принца до Лиона, где и осталась играть, а принц проследовал в Париж и, повенчавшись с Мартиноцци в начале 1654 года, вернулся к себе в Лангедок.

В декабре 1654 года открылись очередные Штаты в городе Монпелье. Дворянство и видное духовенство съехалось для того, чтобы, как обычно, обсуждать финансовые вопросы совместно с представителями центральной власти и спорить с ними, по возможности отстаивая интересы провинции. Депутаты, получавшие во время Штатов значительнейшее содержание, очень любили это время. Вообще жизнь в городе, где собирались Штаты, всегда начинала бить ключом. Естественно, что труппа Мольера явилась в Монпелье и стала играть для почтенных дворян.

Одному только человеку из свиты принца не пришлось любоваться ни блестящими депутатами, ни представлениями господина Мольера. И этот человек был секретарь принца, господин Сарразэн. Как раз в декабре 1654 года он скончался, как было сказано, от изнурительной лихорадки. Любопытные люди в Лангедоке, однако, шепотом передавали друг другу, что сообщение о причинах смерти Сарразэна неточно. Умер-то он от лихорадки, но будто бы эта лихорадка последовала от того, что принц, невзлюбивший Сарразэна в последнее время и разнервничавшийся в разговоре с ним, ударил его каминными щипцами по виску. Как бы там ни было, смерть Сарразэна повлекла за собою удивительное со стороны принца предложение

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мольеру. Именно: принц предложил ему стать своим секретарем взамен покойного. До того ему полюбился образованный комедиант!

И Мольеру стоило больших трудов, чтобы в самой вежливой форме избавиться от этого лестного приглашения. Сослался он на то, что секретарем быть органически не способен.

Отказ сошел благополучно, и труппа развернула свои представления в Монпелье.

Хорошо изучив принца, Мольер, в компании с Жозефом Бежаром, сочинил либретто балета с веселым дивертисментом. Балет этот был поставлен в декабре для принцессы и принца, и наибольший успех имел инициатор этого дела господин Мольер, который под громовой хохот присутствующих изображал в дивертисменте торговку селедками.

А Жозефу Бежару, помимо успеха, который выпал на долю ему за сочиненные куплеты, посчастливилось еще в одном деле. Кропотливый и внимательный Жозеф, имевший склонность к историческим исследованиям, сочинил подробный сборник геральдического характера, в который вошли всевозможные генеалогические сведения, а также описания гербов и девизов баронов и прелатов лангедокских Штатов, собравшихся в 1654 году.

Сборник этот Бежар, конечно, посвятил принцу, а от почтенных депутатов получил приличную сумму за составление его, правда – в сопровождении намек на то, что хорошо было бы, если бы Бежар составлял подобные сборники лишь в тех случаях, когда они будут ему заказаны.

Когда Штаты в Монпелье закончились, Мольер с труппой переехал в Лион, и тут среди комедиантов появился изумительный человек. Именовался он Шарль Куапо д'Ассуси, и было ему уже пятьдесят с лишним лет. Д'Ассуси бродил по Франции в сопровождении двух юных существ в мужском одеянии. Злые языки утверждали, что в этих одеяниях девочки, а еще более злые говорили, что дело обстоит хуже и что это действительно мальчики.

Д'Ассуси шел с лютней в руках, распевая вместе с мальчиками песни и куплеты собственного сочинения и именовал себя императором шутников. Все заработанные своим изящным ремеслом деньги бродячий поэт и музыкант д'Ассуси оставлял в игорных домах и кабаках. Летом 1655 года ему особенно не повезло. Какие-то шулера обыграли его до последнего гроша, оставив ему только лютню и двух его мальчиков. Застряв в Лионе, д'Ассуси явился к Мольеру для того, чтобы засвидетельствовать свою радость по поводу встречи с артистами и сделать пристойный и краткий визит. Визит этот продолжался около двенадцати месяцев.

Нам интересно то, что д'Ассуси явился восторженным свидетелем того, насколько поднялось благосостояние мольеровского братства. За два года покровительства принца Конти они заработали прекрасные деньги, актерские паи разрослись, и угасли в памяти холодные ночевки на сеновалах и унижительные поклоны местным властям. Мольер, его товарищи и подруги жили в Лионе на хороших квартирах, у них появились запасы вина, они откормились, приобрели чувство собственного достоинства и обнаружили беспредельное добродушие.

Император шутников понравился комедиантам и поселился у них как свой. За это он воспел их в лучших прозаических и стихотворных строчках.

– Вот говорят, – рассказывал на всех перекрестках д'Ассуси, – что самому лучшему из братьев через месяц уже надоедает кормить своего брата. Но эти, уверяю вас, гораздо более благородны, чем все братья, вместе взятые!

И д'Ассуси распевал стихи, в которых рифмовались слова «компания» и «гармония» и где содержалось внушительное указание на то, что он, бедняк, сидел у братьев за столом, причем каждый день к обеду подавалось семь или восемь блюд.

Самое веселое время на этих обедах начиналось именно после последнего, восьмого блюда, когда неистощимый император, разлив по бокалам вино, распевал вдвоем с Мольером веселые песни или рассказывал анекдоты. Словом, чудное время было в Лионе!

Естественно, что, когда комедианты отправились осенью того же, 1655 года в

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Авиньон, д'Ассуси сопровождал их. На барках братство плыло по Роне, и звезды светили ему, и на корме до поздней ночи играл на многострунной лютне д'Ассуси.

Пробывши месяц в Авиньоне, комедианты были вызваны принцем в город Пезена – опять-таки на сессию Штатов.

9 ноября депутаты были свидетелями чрезвычайного происшествия. Помещение для его высочества принца Конти было приготовлено в доме господина д'Альфонса. Епископы ближайших городов в полном облачении, в мантиях, а с епископами – представители дворянства в лице баронов де Вильнев и де Ланта в парадных костюмах явились в дом д'Альфонса, чтобы приветствовать его высочество.

Принц вышел к депутатам, но принял их в дверях вестибюля, извинившись и сославшись на то, что внутрь он, к сожалению, пустить их не может, так как в комнатах страшнейший беспорядок по случаю представления комедии господином Мольером.

Мне трудно описать лица депутатов, и в особенности епископов. Но само собою разумеется, что никто ничего не сказал принцу по поводу беспорядка в комнатах, и, произнеся надлежащие комплименты его высочеству по случаю открытия Штатов, депутация удалилась в гробовом молчании.

Труппа играла в Пезена в течение нескольких месяцев, и Мольер ознаменовал свое пребывание в городе получением шести тысяч ливров, ассигнованных его труппе кассой лангедокских Штатов.

Пребывание Мольера в Пезена было отмечено некоторыми странными его поступками. Так, он свел дружбу с местным уважаемым и лучшим парикмахером, мэтром Жели.

Заведение мэтра пользовалось большою популярностью в Пезена. По субботам в особенности дверь в парикмахерской хлопала непрерывно, появлялись и мясники, и булочники, и пезенаские чиновники, и всякий другой народ. В то время как подмастерья мэтра Жели рвали зубы посетителям или брили их, ожидающие очереди пезенасцы болтали, понюхивая табак. Нередко забегала какая-нибудь девчонка и, краснея, сообщала, что она получила письмо от своего возлюбленного, находящегося в армии. В этом событии все принимали участие и читали вслух письмо по просьбе неграмотной девушки, выражая свое удовлетворение в случае, если письмо содержало радостные вести, или, наоборот, сожаление, если в нем находилось что-нибудь печальное. Словом, у мэтра Жели был как бы клуб в заведении.

Так вот, Мольер напросился к Жели по субботам помогать считать выручку в кассе. Гостеприимный Жели предложил директору деревянное кресло у конторки, и тот сидел в нем, принимая серебряные монеты. Однако мэтр Жели рассказывал всем по секрету, что выручка здесь ни при чем, а что она есть лишь предлог для других действий директора труппы Конти. Будто бы у директора под полой кафтана всегда приготовлены чистые таблички, на которых он записывает тайком решительно все интересное, о чем болтают в парикмахерской. Но для чего директор это делает, мэтру неизвестно. Правду ли рассказывал цирюльник Жели или неправду, но, во всяком случае, деревянное кресло из цирюльни впоследствии попало в музей.

Пребывая в Пезена, труппа время от времени навещала соседние селенья, а весной 1656 года отправилась в город Нарбонну, где веселый трубадур д'Ассуси наконец покинул ее. Потом опять комедианты были в Лионе, своей постоянной резиденции, а из Лиона перебрались в город Безье, чтобы увеселять собравшиеся в нем опять-таки Штаты.

В Безье произошли кое-какие события. Мольер дал премьеру новой своей пьесы, названной им «Терзания любви». Это была написанная под очевидным влиянием испанских и итальянских авторов пятиактная вещь, говорят, более совершенная, чем комедия «Шалый», но местами содержащая тяжелые стихи и с очень путаным и малоестественным финалом. Но так как плохие места тонули в массе остроумных и тонких сцен, комедианты рассчитывали на большой успех, и они не ошиблись в этом.

Директор театра начал с того, что, прибыв в Безье, первым долгом разослал бесплатные билеты на премьеру всем депутатам Штатов, но от них получил страшнейший афронт. Скупые депутаты вернули билеты обратно директору. Причина была понятна. Депутаты знали, что через некоторое время от труппы последует просьба о денежной субсидии, и решили это прекратить. Директор почувствовал, что

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru ему не придется более, пожалуй, расписываться в получении нескольких тысяч ливров из кассы Штатов, и, полагая мысленно, по своему обыкновению, проклятие депутатам, дал спектакль для простой публики. И публика покрыла аплодисментами «Терзания любви», в которых Мольер играл роль Альбера-отца.

Покинув негостеприимный Безье, Мольер посетил Лион, где с блеском играл «Терзания», а затем – Ним, Оранж и Авиньон.

В Авиньоне в 1657 году произошли две встречи. Директор встретил своего старого друга клермонца Шапеля. Бывшие слушатели философа Гассенди нежно обнялись. Они вспоминали эпикурейца и толковали насчет ужасной его кончины: проклятые врачи уморили Гассенди своими кровопусканиями.

Вторая встреча сыграла громадную роль в дальнейшей жизни Мольера. В Авиньоне задержался, возвращаясь из Италии, знаменитый художник Пьер Миньяр. Он должен был писать оранжскую триумфальную арку и портрет одной маркизы. Познакомившись, Миньяр и Мольер быстро сошлись, понравились друг другу чрезвычайно, и блестящий портретист писал Мольера в нескольких видах.

Так как лето 1657 года было необыкновенно жаркое, то труппа на некоторое время уходила к северу, в Дижон, а на зиму вернулась в Лион. И вот в Лионе произошла встреча двух старых клермонцев – принца Армана Бурбона де Конти и Мольера, не видевших друг друга в течение довольно большого времени.

Директор труппы радостно адресовался к принцу, но встреча не состоялась. Принц не только не пожелал видеть директора и своих комедиантов, но даже отдал приказ о снятии труппой присвоенного ей имени Конти. Ах, в комедиантской жизни не одни только розы и лавры! Оплеванный директор труппы ждал разъяснений, и они не замедлили явиться. Оказывается, что за два последних года все перевернулось вверх дном в душе его высочества. Бывший фрондер, а затем страстный любитель театра ныне оказался окруженным духовенством и погруженным в изучение религиозно-нравственных вопросов.

Один из епископов, обладавший великолепным даром слова, обратил серьезное внимание на театральные увлечения принца и, навещая его, успел разъяснить ему, что человек, какое бы высокое положение в мире он ни занимал, все же более всего должен думать о спасении своей души. И если уже думать об этом, то прежде всего нужно бежать от комедиантских представлений, как от огня, дабы не попасть впоследствии в огонь вечный. Пышные всходы получил епископ из тех семян, которые он посеял в душе у Конти. Конти усвоил епископские поучения и объявил своим приближенным, что отныне он боится даже видеть комедиантов.

– Непостоянны сильные мира сего! – говорил Мольер Мадлене. – И дал бы я совет всем комедиантам. Если ты попал в милость, сразу хватай все, что тебе полагается. Не теряй времени, куй железо, пока горячо. И уходи сам, не дожидаясь, пока тебя выгонят в шею! Вообще, Мадлена, нам надо подумать о более важных вещах. Я чувствую, что нам пора покинуть Лангедок. Нам надо...

И опять, как давно-давно в Париже, после разгрома Блестящего Театра, стали шептаться бывшие любовники.

Глава 10

БЕРЕГИТЕСЬ, БУРГОНЦЫ, – МОЛЬЕР ИДЕТ!

Вообще зима 1657 года была временем общего возбуждения в труппе, каких-то перешептываний между актерами, непрерывных таинственных совещаний между Мольером и Мадленой, являвшейся финансовым гением труппы. В этот период времени Мадлена не раз вела какие-то переговоры с разными деловыми людьми, связанными с Парижем, но в чем было дело, этого в труппе еще не знали.

В начале следующего, 1658 года труппа пошла в Гренобль, где играла во время карнавала, потом в последний раз побывала в Лионе, и вдруг Мольер повел ее, пересекая всю Францию и нигде не останавливаясь, в город Руан. Он прошел со своим караваном невдалеке от Парижа, но даже не повернул в его сторону головы. И он пришел в Руан, в котором пятнадцать лет назад появился с неопытными Детями

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Семьи, чтобы играть на руанской ярмарке.

Теперь было совсем иное. Пришел тридцатилетний опытнейший актер, первого ранга комик, в сопровождении прекрасных актеров. В труппе среди женщин были настоящие звезды: бывшая его любовница Мадлена, теперешняя любовница Дебри и отвергшая его Тереза-Маркиза Дюпарк. Бедная труппа, с трудом победившая в Нанте несчастных кукол венецианца, теперь шла по Франции, разя губительным мечом всякую из встретившихся ей бродячих трупп. В тылу у них на юге остались поверженные Миталла и Кормье, а на севере подходившего к Руану Мольера уже с трепетом дожидался директор игравшей в Руане труппы – Филибер Гассо съер Дю Круази.

Слух о Мольере ворвался в Руан, как огонь. Мольер вошел в Руан, занял зал Двух Мавров и начал свои представления. Прежде всего здесь состоялась знаменитая встреча Мольера с лучшим из всех драматургов Франции Пьером Корнелем, тем самым, чьи пьесы уже давным-давно играл Мольер. И Корнель сказал, что труппа Мольера – блестящая труппа! Не хочется даже и прибавлять, что Корнель влюбился в Терезу Дюпарк.

Затем труппа Филибера Дю Круази погибла, подобно труппе Миталла. Приятнейший человек, дворянин Дю Круази, первоклассный и разнохарактерный актер, поступил очень правильно. Он явился к Мольеру, и тот немедленно пригласил съера Дю Круази к себе.

Играя в Мавританском зале и время от времени давая представления в пользу Божьего Дома в Руане, Мольер окончательно покорила город, а затем, не говоря никому ничего в труппе, за исключением, конечно, Мадлены, он в течение лета раза три тайно побывал в Париже.

Вернувшись в последний раз из столицы, Мольер наконец открыл труппе свой план. Оказалось, что он проник, опираясь на некоторые лестные рекомендации, в придворные круги и добился того, что был представлен его высочеству Филиппу Орлеанскому, Единственному брату ныне царствующего короля Людовика XIV.

Актеры слушали директора бледные, в полном молчании.

Тогда Мольер сказал еще больше. Он сказал, что Единственный брат короля, наслышавшись о его труппе, хочет взять ее под свое покровительство, и очень возможно, что даст ей свое имя.

Тут сердце у актеров упало, руки их задрожали у них вспыхнули глаза, и слово – Париж! – загремело в Мавританском зале.

Когда утих актерский вопль, Мольер отдал приказание грузить поклажу, сниматься с места и идти в Париж.

Был осенний закат 1658 года, когда театральные фургоны подошли к столице. Октябрьские листья падали в роще. И вот вдаль показались островерхие крыши домов, вытянутые вверх соборы. Так близко, что, казалось, можно было их осознать руками, зачернели предместья.

Мольер остановил караван и вышел из повозки, чтобы размять ноги. Он отошел от каравана и стал всматриваться в город, который двенадцать лет тому назад его, разоренного и посрамленного, выгнал вон. Ключья воспоминаний пронесли у него в мозгу. На миг ему стало страшно, и его потянуло назад, на теплую Рону, ему послышался плеск ронской волны за кормой и звон струн императора шутников. Ему показалось, что он стар. Он, похолодев, подумал, что у него в повозках нет ничего, кроме фарсов и двух его первых комедий. Он подумал о том, что в Бургонском Отеле играют сильнейшие королевские актеры, что в Париже – великий Скарамуччия, его бывший учитель, что в Париже – блистательный балет.

И его потянуло в Лион, на старую зимнюю квартиру... А летом бы – к Средиземному морю... Его напугал вдруг призрак сырой и гнусной тюрьмы, едва не поглотившей его двенадцать лет назад, и он сказал, шевеля губами, в одиночестве:

– Повернуть назад? Да, поверну назад...

Он круто повернулся, пошел к голове каравана, увидел головы актеров и актрис,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
высунувшиеся из всех повозок, и сказал передовым:

– Ну, вперед!

Глава 11

БРУ-ГА-ГА!!!

В громадном зале Гвардии, он же зал Кариатид, в Старом дворце Лувра, в двадцатых числах октября 1658 года происходила необычная суета. Визжали пилы. Нестерпимо барабанили молотками театральные рабочие. В зале Гвардии ставили сцену, а потом стали ее монтировать. Забегал, вытирая пот, машинист, и засуетились режиссерские помощники.

Среди них бегал, волнуясь, то покрикивая, то упрашивая кого-то, некрасивый, гримасничающий человек, вымазавший в суете краской рукав кафтана. От волнения руки у человека стали неприятно холодными, и, кроме того, он начал заикаться, а последнее обстоятельство всегда вызывало в нем ужас. Изредка без всякой нужды он шипел на актеров, которые, по его мнению, без толку путались под ногами и мешали работать.

Однако все, как и полагается, пришло в порядок, и 24-го утром на сцене стоял выгороженный «Никомед» Пьера Корнеля.

Нужно сказать, что с того момента, как директор вошел в Париж, он вел себя мудро, как настоящий лукавый комедиант. Он явился в столицу с шляпой на отлете и с подобострастной улыбкой на пухлых губах. Кто помогал ему? Несведущие люди думали, что это сделал принц Конти. Но мы-то с вами знаем, что богобоязненный Конти был здесь решительно ни при чем. Нет, нет! Помог Мольеру на трудном придворном пути тот самый Пьер Миньяр, который своими тяжелыми глазами так хорошо разглядел Мольера в Авиньоне. У Миньяра были громадные связи. Благодаря Миньяру главным образом Мольер нашел ход к всесильному кардиналу Мазарэну, а для того, чтобы устроить свои дела, более ничего и не требовалось.

Теперь оставалось только умненько держать себя в разговоре с принцем Филиппом Орлеанским – Единственным братом короля.

И вот необъятный раззолоченный зал. Мольер стоит, согнув шею, левою рукою вежливо касаясь рукояти шпаги на широчайшей перевязи, и говорит:

– Да, много воды утекло с тех пор, ваше королевское высочество, как в «Белом кресте» погиб мой Блестящий Театр. Наивное название, не правда ли, ваше высочество? Ах, уверяю вас, что в этом театре не было и тени чего-нибудь блестящего! Впрочем, вашему высочеству было тогда всего шесть лет. Ваше высочество были ребенком. Не узнать, конечно, теперь ваше высочество!

Филипп Французский, он же герцог Орлеанский, он же Monsieur, Единственный брат короля, восемнадцатилетний мальчик, стоит, опираясь на тяжелый стол, и вежливо слушает антрепренера. Собеседники изучают друг друга глазами.

На лице у антрепренера лисья улыбка, а все лицо – в наигранных медовых складках, но глаза у него настороженные и внимательные.

У Филиппа Французского лицо юноши, но уже тронутое затаенной и никогда не удовлетворенной порочной страстью. Мальчик смотрит на директора, чуть приоткрыв рот. Несколько дней приближенные жужжали ему в уши. Он просыпался и слышал слово – Мольер. Ложился – все тот же Мольер. Этот Мольер ему снился один раз. Этот загадочный человек принадлежит к тому странному миру, который носит название «актерский мир». Этот в данное время великолепно одетый человек, говорят, ездил на волах и ночевал на скотном дворе. Кроме того, все приближенные говорят, что от него можно ждать изумительных развлечений.

Филипп Французский проверяет свое ощущение. Оно двойное: казалось бы, что больше всего ему должны были понравиться улыбка и складки на лице, но ни в коем случае не глаза комедианта. Пожалуй, у него очень мрачные глаза.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И Филипп хочет настроить себя так, чтобы нравились складки на лице, но почему-то притягивают все-таки глаза. Когда представляющийся раскрыл рот, чтобы говорить, Филипп решил, что у него неприятный голос. И притом он как-то странно переводит дух, когда говорит, что не принято при дворе. Но после первых фраз гостя голос ему почему-то начинает нравиться.

– Ваше королевское высочество разрешит мне представить...

Тяжкие двери кто-то раскрывает, а приезжий отступает, как полагается, то есть не поворачиваясь спиной к собеседнику. Пожалуй, он видал кое-какие виды!

– Господа, войдите! – говорит приезжий, к удивлению Филиппа, совершенно другим голосом, строгим и как будто грубым, а потом – опять прежним голосом: – Позвольте мне представить вам... – опять отрывистым голосом, как говорят люди, которые ездят на волах: – Мадемуазель Мадлена Бежар... Мадемуазель Дюпарк... Мадемуазель Дебри...

Филипп при виде женщин, подражая брату, тотчас же механически снимает шляпу с перьями и слушает. Он видит каких-то женщин и понимает только, что женщины эти бледны и очень мало его интересуют. Затем он видит мужчин и надевает шляпу. И перед ним пытит какой-то круглый, как шар, курносый, а улыбается, как солнце. Это господин Дюпарк, от которого тоже очень многого можно ожидать. Еще подходит и кланяется какой-то хромой, с улыбкой на губах, молодой, но бледен от испуга. И многие еще. Действительно, у приезжего целая труппа.

Потом они все исчезают, и Филипп Орлеанский говорит о том, что он очень рад, что он очень любит театр, что он очень много слышал... Ему приятно, он принимает труппу под свое покровительство... Более того, он убежден, что король не откажется посмотреть, как актеры господина де Мольера... Он правильно выговаривает фамилию?

– Совершенно правильно, ваше королевское высочество!

Да, он убежден, что его величество не откажется посмотреть, как играют актеры господина Мольера свои пьесы.

При этих словах приезжий бледнеет и говорит:

– О, ваше высочество слишком добры, но я постараюсь оправдать доверие...

Третьим голосом, каким-то необыкновенно строгим и внушительным, приезжий спрашивает и надеется, что его величество в добром здоровье, так же как и королева-мать.

И вот результатом этого разговора было то, что на сцене в Гвардейском зале выгородили «Никомеда».

Человек тревожно смотрит на декорации, и опять ему становится страшно и вспоминается Рона и мускатное вино... Там, собственно говоря, свобода и нет такой удручающей ответственности, но поздно, поздно куда бы то ни было бежать!

Уж не пожар ли это в Старом Лувре? Нет, это тысячи свечей горят в люстрах Гвардейского зала, и в свете их оживают неподвижные кариатиды.

Господин де Мольер в костюме Никомеда, окоченев, смотрел в отверстие в занавесе и видел, как наполнялся зал. Господину де Мольеру казалось, что он ослепнет. На всех руках дробились огни в алмазах, эти же огни сверкали на рукоятках шпаг, в глазах стоял лес перьев, кружев, глаза кололи девизы на ментиках, на всех кавалерах лоснились дивные ленты из лавки Пердрижона, колыхались сложные дамские прически.

В зале сидел весь двор и гвардия.

А впереди всех, в кресле, рядом с Филиппом французским, сидел молодой двадцатилетний человек, при виде которого у директора труппы совершенно похолодело сердце. Этот человек – один среди всех – сидел, не сняв своей шляпы. В тумане дыханий Мольер успел рассмотреть, что у молодого человека – надменное лицо с немигающими глазами и капризно выпяченной нижней губой.

Но в отдалении мелькали лица, которые пугали Мольера не меньше, чем высокомерное и холодное лицо молодого человека в шляпе с перьями. Он рассмотрел в тумане зала знакомые лица королевских бургонских актеров. «Я ожидал этого! – подумал тоскливо директор. – Вот они, все налицо!» Он узнал госпожу Дезейе, известную своим безобразным лицом и тем, что в исполнении трагических ролей она не имела себе равных во Франции. А за лицом Дезейе поплыли лица господ Монфлери, Бошато, Раймона, Пуассона, Отроша и Вилье... Это они, они, бургонцы, королевские актеры!

Дали первый сигнал к началу, и директор отпрянул от занавеса. Дали другой сигнал, зал стих, упал занавес, и со сцены зазвучали слова королевы Лаодики: «Господин, признаюсь вам, что мне сладостно видеть...»

Чем дальше шел «Никомед», тем большее недоумение разливалось по залу. Вначале кто-то позволил себе кашлянуть, затем кашлянул другой, потом третий – театральным людям известно, что это очень скверный знак. Потом стали перешептываться, посылать друг другу удивленные взоры. В чем дело? Две недели, взбудоражив весь город и двор, по Парижу летала фамилия – Мольер!.. Мольер здесь, Мольер там... Вы слышали? Какой-то провинциал?.. Говорят, изумителен! К тому же он будто бы сам сочиняет? Его величество двадцать четвертого смотрит в Гвардейском зале. Вы приглашены? Мольер, Мольер, всюду Мольер... В чем дело, господа? В Бургонском Отеле Корнеля играют гораздо лучше!.. Скука стала выступать на придворных лицах. Точно, хороша вот эта... Дюпарк. Что же касается самого Мольера... Нет, он не плох, но он как-то странно читает стихи, как будто бы прозу. Странная манера, воля ваша!

Но не скука, а злая радость читалась в глазах у одного из зрителей – жирного, оплывшего человека. Это был Захария Монфлери, один из первых актеров Бургонского Отеля. Возле него сидя шептались и веселились Отрош и Вилье.

И кончился «Никомед», и в зале прошумел жидкий аплодисмент.

Юноша Орлеанский был убит. Он не мог поднять глаз и сидел, погрузившись в кресло и втянув голову в плечи.

И вот в этот-то момент господин де Мольер, вследствие своей все той же несчастной страсти играть трагедии едва не поставивший на карту вопрос о своем пребывании в Париже и самое существование в дальнейшем великой французской комедии, – оказался у рампы. Бисерный пот выступил на его лбу. Мольер поклонился и улыбнулся обольстительно. Он раскрыл рот, он хотел говорить.

Говор в зале утих.

И господин де Мольер сказал, что прежде всего он должен поблагодарить ее (Анна Австрийская, королева-мать, сидела в зале) и его величества за ту доброту и снисходительность, с которой они прощают явные и непростительные недостатки.

«Опять он, проклятый, заговорил тем самым голосом, – подумал, ни на что более не надеясь, как на неприятности и срам, Филипп Орлеанский, – приехала на мою голову беда на волах в Париж».

Господин же де Мольер продолжал.

Нет! Он скажет больше: их величества прощают дерзость.

«А будь ты проклят со своими улыбками!» – подумал Орлеанский.

Но на остальных улыбка не произвела неприятного впечатления. Наоборот – очень понравилась.

А господин Мольер дальше плел свою искусную речь о том, что лишь непобедимое желание позабавить их величества привело его сюда, что он прекрасно сознает, что он и его актеры – лишь слабые копии, а прекрасные оригиналы сидят здесь, в зрительном зале...

И тут многие повернули головы и посмотрели на бургонских актеров.

– Но, может быть, ваше величество разрешит нам представить небольшой фарс? Это,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru конечно, безделица, недостойная внимания... Но провинция почему-то очень смеялась!..

Тут надменный молодой человек в шляпе с перьями впервые шевельнулся и сделал утвердительный и вежливый жест.

И тогда, плавая в поту за закрытым занавесом, в несколько минут рабочие и актеры переоборудовали сцену и выставили фарс «Влюбленный доктор», сочиненный самим господином Мольером во время его бессонных ночей в скитаниях.

Торжественные и гордые герои трагедии Корнеля ушли со сцены, и их сменили Горжибюс, Гро-Рене, Сганарель и другие персонажи фарса. Лишь только на сцену выбежал влюбленный врач, в котором с большим трудом лишь можно было узнать недавнего Никомеда, – в зале заулыбались. При первой его гримасе – засмеялись. После первой реплики – стали хохотать. А через несколько минут – хохот превратился в грохот. И видно было, как надменный человек в кресле отвалился на спинку его и стал, всхлипывая, вытирать слезы. Вдруг, совершенно неожиданно для себя, рядом визгливо захохотал Филипп Орлеанский.

В глазах у влюбленного врача вдруг посветлело. Он понял, что слышит что-то знакомое. Делая привычные паузы перед репликами, чтобы пропускать валы хохота, он понял, что слышит знаменитый, непередаваемый, говорящий о полном успехе комедии обвал в зале, который в труппе Мольера назывался «бру-га-га!». Тут сладкий холодок почувствовал у себя в затылке великий комический актер. Он подумал: «Победа!» – и подбавил фортелей. Тогда последними захохотали мушкетеры, дежурившие у дверей. А уж им хохотать не полагалось ни при каких обстоятельствах.

Не хохотали в зале только бургонские актеры, за исключением Дезейе и еще одного человека.

«Выручай нас, Пречистая Дева, – стучало в голове у врача. – А вот вам трюк, а вот еще трюк, и вот еще трюк! Выручай, толстяк Дюпарк!»

«Дьявол! Дьявол! Какой комический актер!» – думал в ужасе Монфлери. Он обвел угасающими глазами окружающих, рядом увидел оскалившегося Вилье. А подальше, за Вилье, блестел глазами и один из всех бургонцев хохотал бескорыстно – он, в кружевах и лентах, с длинной шпагой у бедра, бывший гвардейский офицер, променявший свою многосложную дворянскую фамилию на краткую театральную кличку – Флоридор. Этот горбоносый, с тонким лицом человек был замечательным трагиком и лучшим во Франции исполнителем роли Никомеда. «Но на коего черта ему понадобилось для начала провалить себя в Никоমেде? – валясь набок от смеха, думал Флоридор. – Он думал состязаться со мной? Зачем? Мы делим сцену пополам: давай мне трагедию, я отдаю тебе комедию! Какая техника! Кто может с ним тягаться? Разве что Скарамуш? Да и тот...»

Финал «Влюбленного доктора» покрыли таким «бру-га-га», что показалось, будто заколыхались кариатиды.

«Спасибо Орлеанскому, спасибо! – думал Захария Монфлери, когда рабочие повисли на веревках и занавес пошел вверх, отрезая сцену. – Привез нам из провинции чертей!»

Потом занавес упал, поднялся и еще упал. Еще поднялся, упал, упал. Мольер стоял у рампы, кланялся, и пот со лба капал на помост.

– Откуда он?.. Кто он?.. И все остальные тоже? А этот толстый Дюпарк?.. А служанка?.. Кто их учил?.. Они сильнее итальянцев, господа! Гримасы этого Мольера, ваше величество...

– Я же говорил вам, ваше величество, – солидным голосом сказал Филипп Орлеанский Людовику. Но тот не слушал Филиппа Орлеанского. Он вытирал платком глаза, как будто оплакивал какого-то близкого человека.

О милый покойный дед Крессе! Как жаль, что тебя не было в зале Гвардии 24 октября 1658 года!

Предоставить актерам его высочества герцога Орлеанского, Филиппа французского,
Страница 40

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
зал в Малом Бурбоне, утвердить им пенсию, назначенную герцогом Орлеанским.
Играть им в очередь с итальянской труппой, день – итальянцам, день – французам.
И быть по сему!

Глава 12

МАЛЫЙ БУРБОН

Анаграмма: Эломир – Молиэр.

На удивленье всему миру,

В Бурбон вселили Эломира.

Пасквиль «Эломир-ипохондрик», 1670 г.

Согласно королевскому распоряжению господин Мольер двинулся во дворец Малый Бурбон, чтобы в нем под одною кровлей по-братски разместиться с итальянской труппой. «Влюбленный доктор» настолько понравился королю, что он назначил труппе Мольера тысячу пятьсот ливров в год содержания, но с тем условием, чтобы господин Мольер обязался уплачивать итальянцам деньги за свое вторжение в Театр Бурбона. И Мольер сговорился с итальянцами, во главе которых стоял его старый учитель Скарамуччия, что он будет уплачивать им как раз эту самую сумму, то есть тысячу пятьсот ливров в год.

За труппою Мольера было закреплено название Труппы господина Единственного брата короля, и тот немедленно назначил актерам Мольера по триста ливров в год каждому. Но тут с большой печалью следует отметить, что, по показаниям современников, из этих трехсот ливров никогда ни один не был уплачен. Причиной этого можно считать то, что касса королевского брата находилась в плачевном состоянии. Во всяком случае, благородно и самое намерение королевского брата.

Решено было, что все доходы будут делиться между актерами сообразно получаемым ими паям, а Мольер, кроме того, будет получать авторские за свои пьесы.

Дни спектаклей поделили с итальянцами легко. Мольер должен был играть в понедельник, вторник, четверг и субботу, а впоследствии, когда итальянцы уехали из Парижа, Мольеру достались воскресенье, вторник и пятница.

Дворец Малый Бурбон был расположен между церковью Сен-Жермен-д'Оксерруа и Старым Лувром. На главном входе Малого Бурбона помещалась крупная надпись: «Надежда», а самый дворец был сильно потрепан, и все гербы в нем и украшения его попорчены или совсем разбиты, ибо междоусобица последних лет коснулась и его. Внутри Бурбона находился довольно большой театральный зал с галереями по бокам и дорическими колоннами, между которыми помещались ложи. Потолок в зале был расписан лилиями, над сценою горели крестообразные люстры, а на стенах зала – металлические бра.

Зал имел обширное прошлое. В 1614 году в нем заседали знаменитые Генеральные Штаты, а с 1615 года, после того как в нем танцевал королевский балет, зал пошел под театральные представления, причем чаще всего в нем появлялись со своими пьесами итальянцы. И французы играли в нем. Театральная жизнь в Бурбоне прервалась тогда, когда началась фронда, потому что в Бурбонский зал сажали арестованных государственных преступников, обвиняемых в оскорблении величества. Они-то и испортили украшения в зале.

По окончании фронды в Бурбоне ставили пьесу Пьера Корнеля «Андромеда» в сложной мантировке и с музыкальным сопровождением, причем музыку для «Андромеды» сочинил наш старый знакомый д'Ассуси, утверждавший впоследствии, что это именно он вложил душу в стихи Корнеля.

В конце концов зал был закреплен за итальянцами. Их очень любили в Париже. Мало того, что они хорошо играли, но их первоклассный машинист и декоратор Торелли замечательно оборудовал сцену, так что итальянцы могли производить изумительные чудеса в своих феериях.

Свой восторг перед итальянским оборудованием театральный фельетонист того времени Лоре выражал в плохих стихах:

Там, над сценою летая,
Всех пугал ужасный бес.
От Парижа до Китая
Не видать таких чудес!

Кроме того, итальянцы обладали прекрасным балетом, что было отмечено тем же Лоре:

Но что ни говорите,
А лучше счастья нет –
Увидеть итальянский
Блистательный балет!

Так вот в компанию к этой сильной труппе и отправили Мольера с его комедиантами.

Жан-Батист, явившись в Париж в октябре месяце, вошел в дом своего отца и нежно обнял старика. Тот не совсем понимал причину поразительного жизненного успеха своего старшего сына, отказавшегося от своего звания и бросившего цех для того, чтобы посвятить себя комедиантскому искусству. Но блестящая шпага, дорогое одеяние и то обстоятельство, что Жан-Батист стал директором Труппы королевского брата, потрясли старика и примирили с сыном.

Отпившись бульоном и отдохнувши в отцовском доме после потрясения 24 октября, Мольер стал устраиваться в Париже и репетировать в Малом Бурбоне.

Что бы там ни говорили, но епископ, полагавший, что комедианты водятся с дьяволом, был все-таки прав. Но зато они и рискуют всегда тем, что их покровитель над ними посмеется. И точно, дьявол продолжал держать в ослеплении господина де Мольера.

2 ноября 1658 года Мольер открыл представления в Малом Бурбоне все-таки не комедией, а трагедией Корнеля «Геракл». Пьесу эту сыграли сносно, и публики было порядочно, но все же в Париже распространилось недоумение. Одни утверждали, что труппа «этого... как его... Мольера» играет замечательно, и при этом изображали в лицах, как хохотал король. Это были те, которые видели «Влюбленного доктора» в Гвардейском зале. А другие говорили, что труппа Мольера играет очень посредственно, и не понимали, почему Мольеру с таким шумом дали Малый Бурбон. Это были те, которые побывали на «Герacle».

Началось брожение умов и привело к тому, что в Бурбон хлынула большая волна. Все лично хотели убедиться в том, что это за фигура – этот новоявленный Мольер. Волна эта попала на «Никомеда» и «Влюбленного доктора», и по Парижу рассыпалась новая партия восторженных очевидцев. О «Никомеде», впрочем, говорили очень мало, а кричали лишь о красоте мадемуазель Дюпарк и о том, что «этот Мольер» невыразимо смешон и что фарс превосходен.

Следующим партиям зрителей не повезло. Мольер последовательно поставил три корнелевские пьесы: «Родогюн», «Помпеи» и знаменитого «Сида». Тут зрители взбунтовались, и, к великому счастью, какой-то вспылчивый парижанин, стоявший на собственных ногах в партере во время скучноватого представления «Помпея», швырнул в голову господина Мольера, изображавшего Цезаря, яблоком. Этот дерзкий поступок и был причиной того, что в голове у директора труппы посветлело и он объявил «Шалого». Дело резко изменилось: успех был полнейший.

Здесь все-таки еще раз возникает важный вопрос о причине провалов трагедий в исполнении Мольера. То есть: хорошо ли играли бургонцы трагедии или же Мольер их скверно играл? Ни то и ни другое. Прежде всего дело в том, что Мольер играл трагедии в совершенно иной манере, чем та, в которой их было принято играть. Среди бургонцев, как во всяком театре, были актеры великолепные, как, например, госпожа Дезейе и господин Флоридор, а были и посредственные и плохие. Все они были представителями школы того самого Бельроза, которым восхищался еще дед Крессе, но о котором один из парижан, обладавший большим вкусом, дал такой отзыв:

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Черт его возьми! Когда он играет, кажется, что он не понимает ни одного слова из того, что произносит!

Конечно, в этом отзыве было некоторое преувеличение. Но все же можно признать, что Бельроз был фальшивым актером, не живущим на сцене внутренней жизнью.

Тучный и болезненно завистливый Захария Монфлери пользовался шумной известностью в Париже. Однако эпикуреец Сирано де Бержерак говорил так:

– Монфлери воображает, что он большая величина только потому, что в один день его нельзя избить палками.

Вообще в остроумном и тонко понимающем сцену Бержераке Монфлери вызывал ненависть в такой степени, что однажды пьяный Бержерак позволил себе учинить безобразия в театре, осыпав бранью Монфлери и выгнав его со сцены. Что это показывает? Это показывает, во-первых, что такое поведение господина Бержерака, драматурга и ученика Гассенди, позорно: комедианта того времени нетрудно было оскорбить, и в этом не было особенной доблести. Но это же показывает, что для тонких новаторов тягучая старинная манера декламировать с завываниями была нестерпима. А в этой-то манере и играли все бургонцы – одни хорошо, а другие плохо.

Мольер же с самых первых шагов своих на сцене еще в Блестящем Театре хотел создать школу естественной и внутренне совершенно оправданной передачи со сцены драматургического текста. В этой манере Мольер стал работать с самого начала и этой манере стал обучать своих комедиантов.

Так в чем же дело? Казалось бы, что Мольер должен был победить и что система его должна была привлечь сердца зрителей. К сожалению, нет. Мольер применил свою систему прежде всего в трагедии, а у него не было никаких данных для исполнения трагических ролей: он не обладал для них ни темпераментом, ни голосом. Следовательно, знать-то он знал хорошо, как должно исполнять трагедию, а исполнял ее плохо. Что же касается его товарищей, то среди них были многие, обладавшие хорошими трагическими данными, но сама система Мольера была еще настолько молода, что она не могла покорить публику сразу.

И, конечно, когда бургонцы, обладавшие прекрасно поставленными голосами, выкрикивали под занавес концовки ложноклассических монологов (особенным искусством в этом отличался Монфлери), они имели в Париже полнейший успех. Парижане того времени желали видеть мощных героев в латах, героев громогласных, а не таких скромных людей, какими сами были парижане в жизни. Вот причина провалов трагедий в мольеровском театре.

Вслед за «Шалым» в Малом Бурбоне пошла «Терзания любви», и тоже с большим успехом. Филибер Дю Круази, вошедший в труппу, очень способствовал этому успеху, прекрасно исполняя роль смешного ученого Метафраста.

После «Терзаний любви» итальянская труппа почувствовала опасность соседства с французом Мольером. Столичная публика, привыкшая посещать только итальянские дни в Бурбоне, пошла теперь валом и в мольеровские дни. Золотые пистолы потекли в кассу бывших бродячих, а ныне оседлых комедиантов принца Орлеанского. Актерские паи увеличились, и о Мольере заговорили в Париже шумно.

Но что же стали говорить в первую очередь? Прежде всего заговорили о том, что драматург Мольер беззастенчиво пользуется произведениями итальянских авторов для заимствований у них. С течением времени указывать на хищения Мольера настолько вошло в моду, что, если нельзя было сказать с уверенностью, где и что именно он заимствовал, говорили, что он, «по-видимому», заимствовал. Если же и для этого слова не было прямых оснований, говорилось, что он «мог» заимствовать там или там-то... В конце концов Мольеру приписали даже громкую и развязную фразу: «Я беру мое добро там, где я его нахожу!» – хотя он этого никогда не говорил, а говорил совсем другое: «Я возвращаю мое добро...», – намекая этим на те заимствования, которые производились у него.

Действительно, прекрасно знакомый не только с древней, но и с итальянской и испанской драматургией, Мольер нередко брал сюжеты у предшественников, переносил

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru к себе некоторые персонажи, а иногда и целые сцены. Следует ли осуждать такую странную манеру? Не знаю, но могу сказать, что, по общим отзывам, все заимствованное Мольером в его обработке было неизмеримо выше по качеству, чем в оригиналах. В частности, говорят о «Терзаниях любви», что основное содержание этой пьесы взято Мольером у итальянца Никколо Секки из комедии «Интерес», написанной лет за семьдесят пять до мольеровской пьесы. Кроме того, он мог заимствовать и из другой итальянской пьесы – «Любовные неудачи». А кроме того, мог воспользоваться мыслью, выраженной в одном из произведений древнего автора Горация. Наконец, он мог заимствовать кое-что и из «Собаки садовника», знаменитейшего испанского драматурга Лопе Феликса де Вега Карпио, умершего тогда, когда Мольер, будучи мальчиком, сидел в отцовской лавке. Что касается де Вега, то у него не мудрено было что-нибудь позаимствовать, потому что он написал около тысячи восьмисот пьес и недаром был прозван Фениксом Испании или Дивом Природы.

Словом, как видите, мой герой весьма много читал, в том числе и по-испански.

Итак, написанные на чужой основе «Терзания любви» имели большой успех и пошли при аплодисментах парижан, возбуждая пристальное и недружелюбное внимание Бургонского театра.

1659 год ознаменовался многими событиями, касающимися главным образом перетасовок в труппе. На Пасхе к Мольеру явился, почтительно представился и попросился в труппу молодой человек, именовавшийся Шарль Варле сьер де Лагранж. Молодой человек, мужественное и серьезное лицо которого было украшено небольшими острыми усиками, был по специальности первым любовником. Мольеру он очень понравился, и он немедленно зачислил Лагранжа в труппу, причем поступил с точки зрения тех, кто потом, в течение нескольких столетий, изучал жизнь моего героя, в высшей степени правильно.

Сьер де Лагранж с первых же дней своего вступления в труппу обзавелся толстой тетрадью, назвал ее «Регистр» и стал изо дня в день заносить в нее все, что происходило в труппе Мольера. Сьером де Лагранжем были отмечены смерти и свадьбы актеров, уходы их из труппы и приглашения новых, количество спектаклей, названия этих спектаклей, денежные поступления и все прочее. Не будь этой знаменитой книги – «Регистра», исписанной Лагранжем и украшенной его символическими рисунками, – мы знали бы о нашем герое еще меньше того, чем знаем теперь, а вернее сказать, ничего бы почти не знали.

Итак, вошел Лагранж, но зато Дюфрен покинул столицу и уехал в родную Нормандию. Театр на Болоте пригласил чету Дюпарк, и та, очевидно, под влиянием какой-то размолвки с Мольером ушла. Эта потеря была большой потерей. Утешением явилось то, что знаменитейший комик Театра на Болоте и Бургонского Отеля Жюльен Бедо, прозванный Жодле по имени комического персонажа в пьесах Скаррона, вступил в труппу Мольера, став прекрасным дополнением ее. К сожалению, ненадолго – в следующем году он умер. Вместе с Жодле пришел с Болота сьер де Л'Эпи, брат Жодле, и занял ампула смешных стариков, обычно носивших в фарсах имя Горжибюса.

И, наконец, следует отметить печальное событие в конце мая 1659 года: ушел из труппы Мольера первый его соратник, один из Детей Семьи, заикавшийся до конца своей жизни, любовник Жозеф Бежар. Вся труппа проводила его на кладбище, а в театре в течение нескольких дней был объявлен траур.

Так, в горячей работе, хлопотах и волнениях, при чередующихся удачах и огорчениях, протек 1659 год, а в конце его грянуло одно замечательное событие.

Глава 13

ОПЛЕВАННАЯ ГОЛУБАЯ ГОСТИНАЯ

Барышня, там какой-то лакей спрашивает вас. Говорит, что его хозяин хочет видеть вас.

– Ну и дура! Когда ты выучишься разговаривать как следует? Нужно сказать: явился некий гонец, чтобы узнать, находите ли вы удобным для себя оказать прием?

Если бы любого из светских парижан первой половины XVII века вы спросили, какой самый приятный уголок в Париже, он ответил бы незамедлительно, что это голубой салон госпожи де Рамбуйе.

Дочь французского посланника в Риме, урожденная де Вивонн, маркиза де Рамбуйе была утонченнейшим человеком, и притом с самого детства. Попадают такие натуры! Выйдя замуж и основавшись в Париже, маркиза не без основания нашла, что парижское общество несколько грубовато. Поэтому она решила окружить себя самым лучшим, что было в столице, и стала собирать в своем отеле цвет общества, отдавав для приемов ряд комнат, из которых наибольшей славой пользовалась обитая голубым бархатом гостиная.

Больше всего на свете госпожа де Рамбуйе любила литературу, почему ее салон и приобрел преимущественно литературное направление. Но, вообще говоря, народ хлынул в салон довольно разношерстный. Засверкал в кресле Жан-Луи Бальзак – светский писатель, появился разочарованный мыслитель герцог Ларошфуко и печально стал доказывать госпоже де Рамбуйе, что наши добродетели есть не что иное, как скрытые пороки. Утешал публику салона, расстроенную мрачным герцогом, оживленнейший остряк Вуатюр, ряд интереснейших диспутов развернули господа Котен, Шаплен, Жиль Менаж и многие другие.

Узнав, что лучшие умы Парижа заседают у Рамбуйе, в салон немедленно явились милейшие маркизы с кружевами на коленях, вечерние остроумцы, посетители театральных премьер, сочинители-дилетанты и покровители муз, авторы любовных мадригалов и нежных сонетов. За ними потянулись светские аббаты и, само собою разумеется, слетелся рой дам.

Появился Боссюе, прославивший себя впоследствии тем, что не было во Франции почти ни одного знаменитого покойника, над гробом которого Боссюе не произнес бы прочувствованной проповеди. Первую же из своих проповедей, правда, не над покойником, Боссюе сказал именно в салоне Рамбуйе, будучи шестнадцатилетним мальчишкой. Боссюе говорил речь до поздней ночи, что дало повод Вуатиюру сказать, когда оратор закончил, изложив все, что у него накопилось в голове:

– Сударь. Мне никогда еще не приходилось слышать, чтобы проповедовали в столь раннем возрасте и в столь позднее время.

Среди всей компании одно время видели бродящего по гостиним отца французской драматургии – Пьера Корнеля, и что он там делал – неизвестно; надо полагать – присматривался.

Дамы – посетительницы Рамбуйе – очень быстро ввели моду, целуясь при встрече, именовать друг друга «моя драгоценная». Словечко «драгоценная» очень понравилось в Париже и осталось навсегда, как постоянное прозвище дам, украшающих гостиную Рамбуйе.

Загремели стихи в честь драгоценной маркизы, причем поэты называли ее очаровательной Артенис, переставив буквы в имени Катерина. В честь блистающей в салоне матери юной дочери ее, Жюли Рамбуйе, поэты составили целый венок мадригалов. За этими мадригалами последовали остроты, фабриковавшиеся преимущественно маркизами. Остроты были первосортные, но до того сложные, что, чтобы понять их, требовались длительные разъяснения. Нашлись, правда, за стенами салона отверженные личности, утверждающие, что остроты эти просто глупы, а авторы их бездарны в беспредельной степени.

До сих пор все это было бы полгоря, если бы вслед за мадригалами и остротами Катерина Рамбуйе со своими сподвижниками не занялась большой литературой вплотную. В голубой гостиной читали вслух новые произведения и обсуждали их. А раз так, то составлялось мнение, и мнение это становилось обязательным в Париже.

Чем дальше, тем выше поднималась утонченность, и мысли, высказываемые в салоне, становились все загадочнее, а формы, в которые их облекали, все вычурнее.

Простое зеркало, в которое смотрелись драгоценные, превратилось на их языке в «советника грации». Выслушав какую-нибудь любезность от маркиза, дама отвечала ему:

– Вы, маркиз, подкладываете дрова любезности в камин дружбы.

Истинным пророком салона Рамбуйе и других салонов, которые устроили у себя подражательницы Рамбуйе, стала некая дама, сестра драматурга Жоржа Скюдери. Жорж Скюдери прославился тем, во-первых, что считал себя не просто драматургом, а первым драматургом Франции. Во-вторых, он был отмечен тем, что не имел никакого драматургического дарования, и, в-третьих, нашумел тем, что, когда вышла в свет знаменитейшая из всех пьес Корнеля «Сид», Скюдери наделал Корнелю всевозможных гадостей, написавши, что, не говоря уж о том, что пьеса Корнеля безнравственна, она, кроме того, и не пьеса вообще, так как составлена она не по Аристотелевым законам драматургии. Правда, в последнем Скюдери не успел, потому что никому и никогда не удастся доказать, даже и призвавши на помощь Аристотеля, что имеющее успех, написанное хорошими стихами, интересно развивающееся произведение, содержащее в себе выигранные, прекрасно очерченные роли, – не есть пьеса. И недаром впоследствии, под шумок, мой герой, парвеню и выскочка, королевский камердинер и обойщик, говорил, что все эти Аристотелевы правила представляют собою сущий вздор и что существует только одно-единственное правило – надо писать пьесы талантливо.

Так вот, у завистника Жоржа Скюдери была сестра Мадлена. Первоначально она была гостьей в салоне Рамбуйе, а затем основала свой собственный салон и, будучи уже в зрелом возрасте, сочинила роман под названием «Клелия (Римская история)». Римская история была в нем, собственно, ни при чем. Изображены были под видом римлян видные парижане. Роман был галантен, фальшив и напыщен в высшей степени. Парижане зачитывались им совершенно, а для дам он стал просто настольной книгой, тем более что к первому тому его была приложена такая прелесть, как аллегорическая Карта Нежности, на которой были изображены Река Склонности, Озеро Равнодушия, Селения Любовные Письма и прочее в этом роде.

Громадный воз чепухи въехал во французскую литературу, и галиматья совершенно заполонила драгоценные головы. Кроме того, последовательницы Мадлены Скюдери окончательно засорили язык и, наконец, поставили под удар и самое правописание. В одной из дамских голов созрел замечательный проект: для того чтобы сделать правописание доступным для женщин, которые, как всегда, значительно поотстали от мужчин, дама предложила писать слова так, как они выговариваются. Но не успели закрыться рты, раскрывшиеся вследствие этого проекта, как грянула над драгоценными беда.

В ноябре 1659 года разнесся слух, что господин де Мольер выпускает в Бурбоне свою новую одноактную комедию. Заглавие ее чрезвычайно заинтересовало публику – пьеса называлась «Смешные драгоценные». 18 ноября, в один вечер с пьесой Корнеля «Цинна», Мольер показал свою новинку.

С первых же слов комедии партер радостно насторожился. Начиная с пятого явления дамы в ложах вытаращили глаза (явления мы считаем по тому тексту «Драгоценных», который дошел до наших дней). В восьмом явлении изумились маркизы, сидевшие, по обычаю того времени, на сцене, по бокам ее, а партер стал хохотать, и хохотал до самого конца пьесы.

Содержание же пьесы было таково. Две барышни-дуры, Като и Мадлон, начитавшиеся Скюдери, прогнали двух женихов по той причине, что они показались им недостаточно утонченными людьми. Женихи отомстили. Они нарядили двух своих лакеев маркизами, и эти пройдохи явились к дурам в гости. Те приняли жуликов-слуг с распростертыми объятиями. Наглый Маскариль битый час нес глупым барышням всякую околесину, а другой мошенник, лакей Жодле, врал про свои военные подвиги. Маскариль с наглой рожой не только читал, но даже пел стихотворение своего собственного сочинения в таком примерно роде:

Пока, не спуская с вас взора,
Я любовался вами в сиянии дня,
Ваш глаз похитил сердце у меня.
Держите вора, вора, вора!

– Вора! Вора!! – завывал лакей под рев партера.

Оплеванными оказались: и карты нежности, и салоны, в которых сочиняются подобные стихи, но, кроме того, оказались оплеванными и авторы, и посетители этих

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru салонов, причем в последнем отношении и придраться к чему-нибудь было трудно, потому что изображались не настоящие маркизы, а лишь лакеи, переодетые маркизами.

На сцене играли разудалый фарс, и отнюдь не невинный. Это был фарс нравов и обычаев сегодняшнего Парижа, а обладатели этих нравов и создатели этих обычаев сидели тут же, в ложах и на сцене. Партер грохотал и мог тыкать в них пальцами. Он узнал салонных бар, которых бывший обойщик осрамил при всей честной публике. В ложах тревожно перешептывались: в публике побежал слух, что Като – это, несомненно, Катерина Рамбуйе, а Мадлон – это Мадлена Скюдери.

Маркизы на сцене сидели багровые. Носильщики внесли Маскариля – Мольера. Его идиотский парик был так велик, что концы его при поклонах подметали пол, а на макушке сидела маленькая, как шиш, шляпа. На штанах были запущены чудовищные кружева на коленях. Лжемаркиза Жодле играл старик жодле; и оба комика только что не кверху ногами ходили, потешая публику, отпуская ряд двусмысленнейших во всех отношениях фортелей. Прочие актеры им в этом соответствовали, в том числе и мадемуазель Дебри, игравшая роль Мадлоны, дочери Горжибюса.

Полюбуйтесь, какие у нас милые маркизы и драгоценные барышни! Позвольте, ведь это же лакеи?! Конечно, лакеи, но у кого же они переняли эти манеры?.. Осмеял! Осмеял! Осмеял до последней ленты костюм, и эти стихи, и чопорность, и фальшь, и грубость в обращении с низшими!

Когда Мольер в прорезы глаз в маске метнул взор в публику, он увидел в ложе сидящую впереди своей свиты уважаемую госпожу Рамбуйе. Почтенная старуха, как все говорили, была зелена от злобы, она прекрасно раскусила пьесу. Да и не она одна! Какой-то старик из партера закричал среди действия:

– Мужайся, Мольер! Это настоящая комедия!

Бомба разорвалась настолько близко от рядов самих драгоценных, что паника началась немедленно, причем первым покинул войско Рамбуйе один из вернейших ее поклонников и знаменосцев, бросивший врученное ему знамя прямо в грязь. Дезертиром стал не кто иной, как поэт господин Менаж.

Выходя после представления, Менаж взял под руку господина Шаплена и зашептал:

– Дорогой мой, нам придется сжечь то, чему мы поклонялись... Надо сознаться, что занимались мы в салонах порядочной ерундой!

К этому господин Менаж добавил, что пьеса, по его мнению, очень едкая и сильная и что вообще он все это предвидел...

Но что именно предвидел Менаж, мы не знаем, так как дальнейшие его слова пропали в шуме карет.

Театр погас. На улицах совсем стемнело. Мольер, закутавшись в плащ, с фонарем в руках, покашливая от ноябрьской сырости, стремился к Мадлене. Его манил огонь в очаге, но больше манило другое. Он спешил увидеть сестру и воспитанницу Мадлены, Арманду Бежар, ту самую Мену, которая шесть лет назад играла Эфира в Лионе. Теперь она превратилась в шестнадцатилетнюю девушку. Мольер спешил увидеть Арманду, но болезненно морщился при мысли о глазах Мадлены. Эти глаза становились неприятными всякий раз, когда Мольер вступал в оживленную беседу с кокетливой и вертлявой Армандой.

Мадлена все простила: и лионскую историю с Дюпарк, простила и примирилась с госпожой Дебри, а теперь в Мадлену как бы вселился бес!

В ноябрьской темноте, в промозгом тумане, по набережной бежит фонарь. Господин Мольер! Шепните нам, нас никто не слышит, сколько вам лет? Тридцать восемь, а ей – шестнадцать! И, кроме того, где она родилась? Кто ее отец и мать? Вы уверены в том, что она сестра Мадлены?..

Он не хочет отвечать. А может быть, и не знает того, о чем мы спрашиваем.

Значит, не стоит и заговаривать на эту тему. Можно поговорить о другом. Например, о той ошибке, которую Мольер допустил в «Драгоценных», затронув

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
бургонских актеров:

– Куда вы отдадите свою пьесу?

– Конечно, им, королевским актерам, – отвечал плут Маскариль язвительно, – ведь они одни только и умеют читать стихи!

Господин Мольер напрасно задел бургонцев. Понимающим людям ясно, что он человек другой школы и сам эту школу создает, а Монфлери уж вовсе не такой плохой актер, как Бержерак это утверждал. Пути бургонцев и Мольера разные, и не следует бургонцев затрагивать, тем более что такими выходками, как в «Драгоценных», ничего доказать нельзя, а ссориться со всеми крайне опасно.

Глава 14

ПОСЕЯВШИЙ ВЕТЕР

На следующий же день господин Мольер получил официальное извещение от парижских властей о том, что пьеса его «Смешные драгоценные» к дальнейшим представлениям воспрещается.

– Палачи! – пробормотал господин де Мольер, опускаясь в кресло. – Кто же мог это сделать?..

Нужно заметить, что Мольер впервые испытал то, что в дальнейшем, это можно предсказать, ему придется часто испытать. Описывать его состояние не стоит. Тот, у кого не снимали пьес после первого успешного представления, никогда все равно этого не поймет, а тот, у кого их снимали, в описаниях не нуждается. Но все-таки, кто же это сделал? Неизвестно. Говорили, что добился запрещения какой-то видный и сильный посетитель салонов типа салона госпожи де Рамбуйе. Во всяком случае, надо отдать справедливость драгоценным: на удар Мольера они ответили очень мощным ударом.

Придя в себя, Мольер стал соображать, что делать и куда бежать, чтобы спасти пьесу. Было только одно лицо во Франции, которое могло исправить положение. Только у него можно было найти защиту в этом каверзном случае, ибо это лицо бесстрастно и беспристрастно и защищено от влияния каких бы то ни было литературных партий. Но, увы! Этого лица тогда, как назло, не было в Париже.

Тогда мой герой решил прежде всего послать этому лицу пьесу на просмотр. И тут же набросал в голове черновик защитительной речи:

«Ваше величество! Здесь очевидное недоразумение! „Драгоценные“ – это просто веселая комедия... Ваше величество, как человек, обладающий исключительным вкусом и тонким пониманием вещей, без сомнения, разрешит этот забавный пустячок!..»

Пьеса была отправлена на просмотр королю. Но, кроме того, энергичный директор Малого Бурбона предпринял и ряд других действий. Произошло совещание с Мадленой, забегала встревоженная труппа, Мольер куда-то поехал наводить справки и кланяться, а вернувшись, решил прибегнуть еще к одному способу, для того чтобы вернуть пьесу к жизни.

Способ этот издавна известен драматургам и заключается в том, что автор под давлением силы прибегает к умышленному искажению своего произведения. Крайний способ! Так поступают ящерицы, которые, будучи схвачены за хвост, отламывают его и удирают. Потому что всякой ящерице понятно, что лучше жить без хвоста, чем вовсе лишиться жизни.

Мольер основательно рассудил: королевские цензоры не знают, что никакие переделки в произведении ни на йоту не изменяют его основного смысла и ничуть не ослабляют его нежелательное воздействие на зрителя.

Мольер отломил не хвост, а начало пьесы, выбросив какую-то там вступительную сцену, а кроме того, прошел пером и по другим местам пьесы, портя их по мере возможности. Первая сцена была необходима, и удаление ее снизило качество пьесы,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru но ничего не изменило в основном ее стержне. По-видимому, в этой сцене заключались данные, говорящие о том, что Като и Мадлон – парижанки, а цель автора была в том, чтобы успокоить цензоров, подчеркнув то обстоятельство, что Като и Мадлон не парижанки, а провинциалки, недавно приехавшие в Париж.

Пока лукавый комедиант хитрил, марая свою пьесу, в Париже происходило что-то неслыханное. Не только в самом городе, но будто бы на пятьдесят лье в округности только и говорили, что о «Смешных драгоценных». Слава постучалась в дверь господина Мольера и прежде всего приняла облик некоего литератора Сомеза. Тот бушевал в салонах, доказывая, что Мольер – просто-напросто плагиатор, а кроме того, пустой поверхностный фарсер. С ним соглашались.

– Он все похитил у аббата Депюра! – кричали литераторы в гостиных.

– Ах, нет! – возражали другие. – Материал этого фарса похищен у итальянцев!

Известие о запрещении подлило масла в огонь. Все хотели видеть пьесу, в которой осмеивались люди высшего круга – посетители салонов. В то время когда парижане кипели, обсуждая новинку, книгопродавец де Люинь явился в театр и покорнейше попросил предоставить ему копию рукописи, каковая ему предоставлена не была. Словом, каждый работал в своем направлении, и в конце концов хитрая механика Мольера дала хорошие результаты. Он нашел каких-то покровителей среди сильных мира, весьма умело сослался на то, что будет искать защиты у короля, и недели через две комедию разрешили к представлению, но с исправлениями.

Ликовали в труппе неописуемо, а Мадлена шепнула Мольеру только одну фразу:

– Поднимайте цены вдвое!

Практичная Мадлена была права. Верный барометр театра – касса – показал бюрю. 2 декабря состоялось второе представление, и театр, дававший при обыкновенных сборах примерно четыреста ливров в вечер, дал в этот вечер тысячу четыреста ливров. Дальше пошло так же. Мольер стал давать «Драгоценных» в комбинации либо с корнелевскими, либо со скарроновскими пьесами, и каждый раз с аншлагами.

Все тот же фельетонист Жан Лоре в выпускаемой им стихотворной «Газете» писал, что пьеса – пустая и балаганная, но, нужно признаться, очень смешная:

Я думал – колик не снесу,
Вот посмеялся вволю!
За вход я отдал тридцать су,
Смеялся на десять пистолей!

Книгопродавец и издатель Гильом де Люинь своей цели достиг. Каким-то таинственным образом ему удалось добыть копию рукописи «Драгоценных», и он известил Мольера, что начинает печатать пьесу. Тому только и оставалось, что согласиться на это. Он написал предисловие к пьесе, начинающееся словами: «Однако это странно, что людей печатают помимо их желания!» Но на самом деле ничего неприятного в том, что пьеса печатается, не было, тем более что предисловие к пьесе дало возможность автору высказать некоторые свои соображения относительно «Драгоценных».

Драгоценные, по мнению Мольера, не должны обижаться на эту пьесу, потому что в ней изображены лишь смешные их подражательницы. Ведь всегда возле хорошего на свете заводятся дрянные обезьяны... и тому подобное. Кроме того, Мольер скромно сообщал, что он находился в пределах сатиры честной и дозволенной, когда сочинял эту пьесу.

Надо опасаться, что Мольер мало кого убедил своим предисловием, и в Париже нашлись люди, которые заметили, что сатира действительно, как известно всякому грамотному, бывает честная, но вряд ли найдется в мире хоть один человек, который бы предъявил властям образец сатиры дозволенной. Впрочем, предоставим Мольеру защищаться, как он умеет. Ему это необходимо, потому что стало совершенно ясно, что со времени премьеры «Драгоценных» он привлек на себя весьма большое и мрачноватое внимание. И господин Мольер, помимо всякого, даже своего, желания, в дальнейшем устроился так, что это внимание ничуть не ослабело.

Глава 15

ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСПОДИН РАТАБОН

Очень скоро выяснилось, что Мольер, как говорится, Божьей милостью драматург – он работал с очень большой быстротой и легко владел стихом. В то время как в парижских салонах литераторы, а в Бургонском Отеле – актеры поносили его, Мольер писал новую комедию в стихах, и весной она была готова, а в мае 23-го числа 1660 года он разыграл ее. Она называлась «Сганарель, или Мнимый рогоносец», и в исполнении ее участвовали: Дюпарки, которые вернулись к Мольеру, так как не ужились в Театре на Болоте, супруги Дебри, Л'Эпи, Мадлена и Мольер, исполнявший роль Сганареля.

Время было глухое, так как короля не было в Париже, в связи с чем отбыли и многие знатные люди. Тем не менее пьеса привлекла острое внимание публики, тем более что на первом же ее представлении разразился скандал.

Некий буржуа поднял страшный шум в партере, публично заявляя, что это именно его господин де Мольер осрамил, выведя в комедии в виде Сганареля. Естественно, партеру он доставил величайшее удовольствие своим выступлением. Шутники веселились, слушая бушующего буржуа, который угрожал пожаловаться полиции на комедианта, затрагивающего семейную жизнь честных людей. Здесь, конечно, недоразумение: никакого отдельного буржуа Мольер не имел в виду, сочиняя «Сганареля», а вывел на сцену общий тип ревнивца и жадного собственника. Есть подозрение, что многие узнали себя в этом Сганареле, но были умнее того буржуа, который кричал в партере.

Таким образом, нажив себе благодаря «драгоценным» несколько десятков врагов среди литераторов города Парижа, Мольер после «Сганареля» поссорился и с добрыми буржуа из торговых кварталов.

В гостиных Парижа очень шумно обсуждали «Сганареля», причем суждения, высказываемые литераторами, большею частью были однообразны:

– Пустяковая вещь! Грубая комедийка смешных положений, наполненная пошлыми шуточками.

Доискивались, где Мольер стащил эту комедию. Но эти поиски не увенчались особенным успехом. Говорили, что будто бы Мольер списал своего Сганареля с некоего Арлекина, вообразившего себя рогоносцем, – опять-таки из итальянского фарса. Но как-то все это было неясно.

По прошествии нескольких спектаклей Мольер нашел у себя письмо. Некто Неф-Вильнен писал Мольеру о том, что, посмотрев его комедию «Мнимый рогоносец», он нашел ее столь прекрасной, что одного раза ему показалось мало и он был на ней шесть раз. Такое начало письма вызвало краску удовольствия на щеках Мольера, начинавшего в последнее время с удивлением замечать, что слава выглядит совсем не так, как некоторые ее представляют, а выражается преимущественно в безудержной ругани на всех перекрестках.

И он продолжал читать приятное письмо. Далее выяснилось, что Неф-Вильнен обладает поистине феноменальной памятью: в шесть приемов он всю комедию до последнего слова записал. В этом месте господин Мольер насторожился, и недаром, потому что господин Неф-Вильнен сообщал, что к каждой сцене «Рогоносца» он сочинил свои собственные комментарии. И с этими комментариями он пьесу направляет в печать, потому что, писал господин Неф-Вильнен, «...это совершенно необходимо для вашей и моей славы!».

«Недобросовестные люди, – писал далее господин Неф-Вильнен, – могли выпустить плохо проверенные списки пьесы, причинив этим ущерб господину Мольеру».

Словом, господин Неф-Вильнен отдает пьесу издателю Жану Рибо, что на набережной Августинцев.

– Богом клянусь, – воскликнул Мольер, дочитав послание славлюбивого господина Неф-Вильнена, – более развязного человека не будет в мире!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ну, в последнем господин де Мольер ошибался!

Вышедшая с комментариями Неф-Вильнена пьеса прежде всего дала некоторым остроумным людям повод высказать предположение, что никакого Неф-Вильнена нет и не было на свете, а что это выдуманное имя послужило прикрытием самому господину Мольеру, чтобы выпустить пьесу! Такое предположение следует отнести к числу диких предположений. В самом деле, зачем прикрываться чужой фамилией, чтобы выпустить пьесу, которая на сцене идет под настоящей фамилией автора? Разве чтобы иметь возможность поместить комментарии к сцене? Вздор!

Лето 1660 года ознаменовалось тем, что Мольер наконец имел возможность, оторвавшись от текущего репертуара в Малом Бурбоне, представить на рассмотрение короля своих «Драгоценных». 29 июля пьеса была сыграна в Венсенском лесу под Парижем, куда выезжал молодой король, чтобы отдохнуть на лоне природы. Пьеса имела полнейший успех. И тут выяснилось окончательно, что Людовик XIV чрезвычайно любит театр и в особенности комедию, что опытный директор Малого Бурбона тут же учел.

Затем труппа вернулась в Париж и повела свой репертуар, начинающий ясно показывать, что мольеровские пьесы побивают по количеству представлений и величине сборов все остальные пьесы как комического, так и трагедийного рода. 30 августа Мольер представил «Драгоценных» для Единственного брата короля и его свиты в Лувре, и опять с громадным успехом. Солнце бродячего комедианта явно поднималось. Впереди начинала мерещиться громадная карьера, и в приятном предчувствии успехов труппа вступила в осень 1660 года. И вот в октябре, через четыре дня по смерти бедного сатирика Скаррона, успокоившегося наконец в могиле после ужасных страданий, причиненных ему параличом, произошло необыкновенное и даже ничем не объяснимое событие. Именно: директора Труппы королевского брата, пользовавшейся полным успехом при дворе, изгнали из Малого Бурбона вместе со всей его труппой.

В слезливый понедельник 11 октября в зале Бурбона появился господин Ратабон, главный смотритель всех королевских зданий. Ратабон был загадочно сосредоточен и вел за собою архитектора с какими-то чертежами и планами в руках, а за архитектором толпою шли рабочие, и в руках у них были кирки, лопаты, ломы и топоры. Встревоженные актеры обратились к господину Ратабону с вопросом о том, что означает это появление, на что господин Ратабон сухо и вежливо объявил, что он пришел ломать Малый Бурбон.

– Как?! – воскликнули актеры. – А где же мы будем играть?

На это господин Ратабон ответил вежливо, что это ему неизвестно.

Когда появился Мольер, дело разъяснилось вполне: Ратабон явился с великолепным и полностью разработанным проектом перестройки Лувра, причем для успешного хода этой перестройки было необходимо снести с лица земли не только Малый Бурбон, но и прилегающую к нему церковь Сен-Жермен-д'Оксерруа.

Пол закачался под ногами у Мольера.

– Значит, мы без предупреждения остаемся на улице? – спросил Мольер.

Вместо ответа Ратабон только пожал сочувственно плечами и развел руками. Формально он был совершенно прав: в его обязанности ни в коем случае не входило извещать директора комедиантов о тех перестройках, которые намечает в королевских зданиях архитектор короля. И тут же в Бурбоне загремели топоры и полетела гипсовая пыль.

Гримасы исказили лицо уже прославленного директора. Он кинулся куда-то бежать, кого-то искать, и перед ним оказался секретарь театра Лагранж. Лицо того пылало ненавистью.

– Злой умысел Ратабона совершенно ясен! – зашипел Лагранж.

Справившись с первым потрясением, де Мольер бросился искать защиты у покровителя труппы – Господина. И Господин...

Но вернемся на минуту к господину Ратабону. В самом деле, в силу какой причины

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru можно было приступить к уничтожению театра, не предупредив придворную труппу ни одним словом? Ввиду того, что никак нельзя допустить, что господин Ратабон по рассеянности не заметил, что под боком у него играют актеры, а одно время даже две труппы сразу (итальянской в момент ратабоновской истории в Париже не было, она уехала из Франции), остается признать, что сюр-интендант Ратабон умышленно не предупредил труппу об уничтожении театра.

Более того, он скрыл всякие приготовления к этому, чтобы труппа не успела принять каких бы то ни было мер к спасению своих спектаклей. Если это так, а это именно так, то возникает вопрос: что же толкнуло на это дело сюр-интенданта Ратабона?

Увы! Все в один голос утверждают, что Ратабон был направлен на это дело очень сильной компанией тех врагов, которые возненавидели Мольера и его произведения с первых же дней его появления в Париже. Не смею утверждать точно, у меня на это нет доказательств, но высказывалось предположение, что сюр-интендант был подкуплен. Но кто именно направил его руку, это не известно никому.

Итак, Господин...

Господин принял живейшее участие в судьбе труппы и о происшествии в Малом Бурбоне тотчас сообщил королю. Сюр-интендант был вызван к его величеству и на вопрос о том, что происходит в Бурбоне, дал краткий, но исчерпывающий ответ, представив королевскому вниманию план будущих колоннад и зданий.

Возник вопрос, как быть с труппой герцога Орлеанского, которая остается на улице? Молодой король разрешил этот вопрос моментально: разве у короля Франции только одно театральное здание в Париже? Предоставить труппе господина де Мольера театр в Пале-Рояле, ранее именовавшемся дворцом кардинала.

Тут королю, замявшись, доложили, что в пале-рояльском зале не только нельзя играть, но даже и входить в него страшно, так как в любую минуту подгнившая балка может свалиться на голову. Но и это было улажено мгновенно. Господину Ратабону было велено продолжать производить ломку в Малом Бурбоне, но одновременно с этим приступить к полному ремонту в Пале-Рояле, с тем чтобы труппа Мольера как можно скорее могла начать там свои представления.

Тут уже господину Ратабону ничего более не оставалось, как немедленно приступить к ремонту.

Таким образом, спасением следующего сезона Мольер был обязан королю Людовику XIV. Театральный зал в Пале-Рояле был тот самый зал, в котором великий театрал, кардинал Ришелье, в 1641 году поставил в необыкновенно пышных декорациях, на прекрасно механизированной сцене пьесу «Мирам», в сочинении которой принимал участие. Несмотря на все технические чудеса, пьеса провалилась так, как редко бывает. Ко времени ратабоновской истории заброшенный зал пришел в полную ветхость. Балки в нем сгнили, потолки продырявились, а пол был в таком состоянии, что шагнуть было страшно – можно было сломать ногу. Но беседа с королем чрезвычайно подогрела энергию Ратабона, и в то время, когда он энергично ремонтировал Пале-Рояль, мольеровская труппа играла во дворцах у высшей французской знати. «Рогоносец» был с успехом показан у маршала де Ла Мейерей, у герцога де Роклер, у герцога де Меркер и у графа де Вайяк.

Но в этот период времени Мольеру пришлось играть и в более высоком обществе. Кардинал Мазарэн, опекун короля и первый министр Франции, несмотря на болезнь, приковывавшую его к креслу, изъявил желание посмотреть новые нашумевшие пьесы Мольера, и труппа играла 26 октября 1660 года в его дворце «Драгоценных» и «Шалого».

Кардинал был доволен, но гораздо больше кардинала веселился один молодой человек, скромно притаившийся за спинкой кардинальского кресла, причем присутствовавшая знать делала вид, что она не замечает молодого человека, хотя все время и косилась на него.

Лоре писал в своей газете, именуемой «Историческая муза», несколько загадочно: «Обе пьесы понравились чрезвычайно, и не только Юлию, но и прочим Высоким Особам», – причем, слова «высокие особы» были написаны с больших букв. Далее Лоре свидетельствовал, что его высокопреосвященство кардинал, чтобы поощрить

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
труппу, велел отвесить...

Для Мольера и его компаньонов
Две тысячи эю миньонов.

Большие буквы в произведении Лоре понятны: за креслом кардинала притаился не кто иной, как король, который почему-то счел нужным быть на этом представлении инкогнито.

Свой успех при дворе Мольер не замедлил использовать и получил разрешение перенести из Бурбона в Пале-Рояль не только обстановку актерских уборных, но даже полностью два яруса лож. Аппетит, как известно, приходит с едой, и директор пожелал переместить в Пале-Рояль также и декорации и машины из Бурбона, но это уже не удалось. Знаменитый итальянский театральный машинист Вигарани, который прибыл в Париж, чтобы сменить не менее знаменитого машиниста Торелли, заявил, что машины ему необходимы для постановки королевских балетов в Тюильри. Возникла война, и в ней Вигарани победил. Машины остались в его руках, причем великий машинист произвел первое чудо, но вовсе не из ряда тех, которых от него ожидал двор. Именно: отвоеванные машины он все до единой сжег вместе с декорациями, чем изумил всех, кроме одного пристального человека – Шарля Лагранжа. Преданный своему театру секретарь и казначей говорил раздраженно своему директору:

– Вы знаете, мастер, этот Вигарани – форменный висельник! Он спалил декорации и машины, чтобы все забыли о работах Торелли!

– Я вижу, что он вполне театральный человек, этот Вигарани, – ответил на это Мольер.

И действительно, Вигарани был глубоко театральным человеком, то есть не выносил никаких конкурентов, что, однако, не мешало ему быть первоклассным машинистом.

Во время вынужденных гастролей во дворцах знатных людей Мольеру пришлось перенести одно испытание. Бургонцы и Театр на Болоте, пользуясь тем, что Мольер временно остался без театра, стали сманивать актеров. Они сулили золотые горы мольеровским комедиантам и утверждали, что его дело кончено и не воскреснет в Пале-Рояле.

На Мольера это подействовало очень тяжело. Он стал бледен, начал кашлять и худеть, коситься на своих актеров, смотреть на них жалкими, взволнованными глазами. В глазах этих читался вопрос: предадут или нет? Его состояние было замечено труппой, и она однажды явилась во главе с Шарлем Лагранжем и сообщила Мольеру, что ввиду того, что он соединяет с необыкновенными способностями честность и приятное обращение, труппа просит его не беспокоиться: актеры не уйдут искать счастья на стороне, какие бы выгодные предложения им ни делали.

Господин де Мольер хотел сказать в ответ что-то красноречивое, как это он очень умел делать, но, взволновавшись, ничего ровно не сказал, а, лишь пожав всем руки, удалился для размышлений в одиночестве.

Глава 16

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РЕВНИВОГО ПРИНЦА

Не насилуйте свой талант!

Лафонтен

Крупной ошибкой, которую сделал в этот период своей жизни Мольер, была следующая: он прислушивался к тому плохому, что о нем говорят, и оскорбления, которые ему следовало оставлять без всякого внимания, задевали его. С первых же дней появления на сцене его комедий, а также маленьких шуток-фарсов, которые он ставил наряду с пьесами большого репертуара, литераторы Парижа дружно стали говорить, что Мольер – пустой гаер, не способный подняться до разрешения тем в серьезном плане. И таких лиц были десятки. Правда, им противостояли некоторые единицы, и в число их вошел знаменитый и высокоталантливый баснописец Лафонтен, ставший с течением времени лучшим другом Мольера. После первых же спектаклей

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мольера Лафонтен восклицал:

– Этот человек в моем вкусе! – и говорил о том, как великолепно Мольер следует природе и правде в своих произведениях.

Так вот, вместо того чтобы прислушиваться к словам Лафонтена, Мольер прислушивался к тому, что говорят иного порядка лица. Результатом этого было то, что у Мольера возникла мысль доказать всему миру, насколько он способен вечную тему ревности, взятую в «Сганареле», разработать по-серьезному, используя для этой цели героя из самого высшего общества. Каким-то образом он сумел, работая над «Сганарелем», писать героическую комедию под названием «Дон Гарсиа Наваррский, или Ревнивый принц».

Сюр-интендант тем временем закончил ремонт Пале-Рояля. Все было приведено в порядок, а под потолком натянули громадное голубое полотно, служившее двум целям: ласкать взоры зрителей видом искусственного неба, а главным образом для того, чтобы вода не капала на этих зрителей, так как потолок все-таки протекал, несмотря на ремонт Ратабона.

20 января 1661 года труппа Мольера вошла в Пале-Рояль, а следом за ней явилась и итальянская труппа, вернувшаяся в Париж. Опять разделили дни, но на этот раз заплатили итальянцы Мольеру – в возмещение тех расходов, которые он понес при ремонте. А понес он эти расходы потому, что отпущенных на ремонт из казны денег не хватило.

Пале-Рояль был залит светом, и черные опасения о том, что дело не воскреснет, сразу рассеялись. Публика стала восторженно принимать мольеровские пьесы, причем выяснилось окончательно, что они забывают пьесы всех остальных авторов.

Казалось бы, все шло благополучно, но тут и явился на сцену 4 февраля этот самый «Ревнивый принц». Денег на пышную постановку великосветской пьесы было истрачено очень много, а сам директор, у которого, очевидно, улетучились воспоминания о том, как в него швыряли яблоками, предстал в виде блистательного принца.

Публика с интересом приготовилась смотреть новое произведение господина Мольера и благосклонно выслушала первый монолог Эльвиры в исполнении Терезы-Маркизы Дюпарк. Появившийся дон Гарсиа начал свои пышные монологи о славных опасностях, и о блеске глаз донны Эльвиры, и о других возвышенных вещах. Монологи эти были так длинны, что во время их публика не спеша осматривала и голубое небо, и золоченые ложи Пале-Рояля. Мольер играл, но на сердце у него было смутно: касса дала шестьсот ливров, а театр был далеко не полон. Публика, скучая, ждала, что интересное будет в дальнейшем, но с ужасом следует сознаться, что ничего интересного она не дождалась, и огни погасли над ревнивым принцем при жидких аплодисментах.

Опытным драматургам известно, что для того, чтобы определить, имеет ли их пьеса успех у публики или нет, не следует приставать к знакомым с расспросами, хороша ли их пьеса, или читать рецензии. Есть более простой путь: нужно отправиться в кассу и спросить, каков сбор. Это Мольер и сделал, причем узнал, что касса на втором представлении дала пятьсот ливров, а на третьем – сто шестьдесят восемь, на четвертом – четыреста двадцать шесть. Тогда Мольер присоединил к «Дону Гарсиа» победоносного «Рогоносца» и получил семьсот двадцать ливров. Но затем и «Рогоносец» не помог, дав сбору четыреста ливров. И, наконец, явилась на сцену губительная семерка и роковое в жизни Мольера семнадцатое февраля.

В четверг 17 февраля на седьмом представлении «Дон Гарсиа» дал семьдесят ливров. Тут уж последние сомнения директора рассеялись: и сама пьеса, и он сам в роли Гарсиа провалились окончательно и бесповоротно. Он исполнял роль принца настолько плохо, что еще до седьмого спектакля стал думать о том, чтобы передать роль другому актеру.

Провал сопровождался тем, чем сопровождается всякий провал драматурга, – дикою радостью недругов, плаксивым сочувствием друзей, которое во много раз хуже вражеской радости, хохотом за спиной, траурными сообщениями о том, что автор исписался, и ироническими самодельными стихами.

Всю эту чашу Мольер испил, награжденный за свой полет в высшее общество и за сочинение растянутой и холодной пьесы.

– Эти буржуа ничего не понимают в искусстве! – рычал совершенно несправедливый директор, снимая с себя пышный наряд принца и превращаясь в того, кем он и должен был быть, то есть в Жана-Батиста Поклена. Закончил он кашлем и угрозами, что он снимет в Пале-Рояле «Дона Гарсиа», но поставит его в придворных спектаклях. Рассуждал он, очевидно, так: кому же и разобраться в переживаниях принца, как не самим принцам?

Свою угрозу он привел в исполнение через год, поставив «Дона Гарсиа» при дворе. Тут он провалился так же, как и в Пале-Рояле. Тогда, уже не произнося ничего, директор Пале-Рояля кое-какие стихи из «Дона Гарсиа», которые были получше, решил перенести в другие свои пьесы, чтобы товар не пропадал зря, и с тех пор терпеть не мог, когда кто-нибудь заговаривал с ним о «Ревнивом принце».

Глава 17

ПО СМЕРТИ РЕВНИВОГО ПРИНЦА

Большое событие произошло в начале 1661 года. Кардинал Мазарэн 9 марта скончался, а на следующий же день двадцатитрехлетний король Людовик XIV совершенно оглушил министров.

– Я призвал вас, господа, – сказал молодой король, не мигая глядя на министров, – для того, чтобы сказать вам, что настала пора мне самостоятельно управлять государством. Вы будете помогать мне советами, но лишь в тех случаях, когда я вас буду спрашивать. Отныне я запрещаю подписывать без моего приказа какую бы то ни было бумагу, будь это хоть самый незначительный паспорт. Вы ежедневно лично будете давать мне отчет в вашей работе.

Министры, а за ними и вся Франция, сразу поняли, насколько серьезный человек на престоле.

Очень понял это и де Мольер и сразу установил то место, куда нужно будет обращаться за защитой в каком-нибудь крайнем случае. А такие крайние случаи могли быть – это отчетливо показала история с «Драгоценными».

Весною этого же года Мольер закончил новую комедию под названием «Школа мужей». Пьеса была написана на тему о побеждающей страсти двух юных существ, страсти, преодолевающей все препятствия, которые ей ставит грубая и деспотическая старость.

Комедия с фонарями и брачным контрактом нотариуса в финале была разыграна впервые в июне, причем Мольер выступил в роли Сганареля, а любовника Валера играл Лагранж. Успех был полный, «Дон Гарсиа» был прощен и забыт, и «Школа» прошла в очередном сезоне пятьдесят восемь раз, побив по количеству представлений все пьесы этого сезона.

Как-то вечером директор труппы сидел у себя в кабинете. Перед ним лежал приготовленный к печати экземпляр «Школы». Мольер писал посвящение своему покровителю – брату короля:

«Монсеньер! Я показываю Франции совершенно несоразмерные вещи. Нет ничего более великого и прекрасного, чем имя, которое я помещаю во главе этой книги, и ничего более низменного, чем ее содержание...»

Здесь Мольер положил перо, поправил фитили в свечах, покашлял и подумал: «За что же, в сущности, я так отзываюсь о своей комедии?» Он вздохнул, погладил бородкой пера бровь, сморщился и продолжал писать. Жирные, крупные буквы складывались в слова:

«Пожалуй, мне скажут, что это все равно что возлагать корону с жемчугами и бриллиантами на глиняную статую или строить великолепные портики и триумфальные арки для входа в жалкую лачугу...»

– Подбавить еще лести? – пробормотал драматург. – Да, пожалуй, больше некуда.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
«Я осмелился, монсеньер, посвятить вашему высочеству эту безделушку».

И подписался: «Вашего королевского высочества всепреданнейший, всепослушнейший, всевернейший слуга Жан-Батист Поклен-Мольер».

– Хорошо будет, – молвил всепреданнейший, не заметив в азарте лести, что слова о глиняной статуе, на которую возложена корона с жемчугами, звучат необыкновенно двусмысленно. В самом деле, почему же непременно комедия – это глиняная статуя, а корона – имя Орлеанского? А вдруг эту фразу нужно понимать наоборот: корона – комедия?

Как, о мой читатель, вы смотрите на подобные посвящения? Я смотрю так. Прав был Мольер, когда адресовался с посвящениями к королю и его брату. Поступи он иначе, кто знает, не стала ли бы его биография несколько короче, чем она есть теперь?

Словом, посвящение было направлено Орлеанскому и встречено благосклонно. А затем труппа стала готовиться к важным осенним событиям.

В истории человечества отмечены многие казнокрады. Но одним из самых блистательных, несомненно, был Никола Фуке, он же виконт де Мелен э де Во, он же маркиз де Бель-Иль, занимавший в описываемое нами время должность главного управляющего финансами Франции. Учинить такой грабеж государственной казны, какой учинил Фуке, редко кому удавалось. Если верить злым языкам, а им приходится верить, в конце концов Фуке совершенно потерял представление о том, где кончаются казенные деньги и начинаются его собственные. Описать то, что творилось в министерстве финансов при Фуке, немислимо. Выписывали ассигновки на уплату из истраченных уже фондов, в отчетах писали фальшивые цифры, брали взятки...

Прескучно живут честные люди! Воры же во все времена устраиваются великолепно, и все любят воров, потому что возле них всегда и сытно, и весело. Фуке не был гнусным скупердям, он был широкий, элегантный казнокрад. Он окружил себя не только лучшими любовницами Франции, но и художниками, и мыслителями, и писателями, а в число последних попали и Лафонтен и Мольер.

Архитектор Лево построил для талантливой министра такой дворец в поместье Во, что даже мало удивлявшиеся в тот пышный век французы – и те удивились. Залы во дворце Во расписали знаменитые художники Лебрен и Миньяр, садовники разбили вокруг дворца такие парки и сады с фонтанами, что у каждого, кто в них побывал, возникала мысль, что он находится в раю. Этим Фуке не удовольствовался, а как бы в смутном чаянии будущих событий купил целый остров Бель-Иль у берегов Бретани и на нем отстроил крепость, в которую поместил гарнизон. Несчастные сильные мира! Как часто свои крепости они строят на песке!

Как бы то ни было, но к тому времени, когда прогремела «Школа мужей», министра Фуке уже называли вершителем судеб.

Вершитель судеб решил устроить у себя в Во празднества для короля. Если что-нибудь делал Фуке, он делал это основательно. В ожидании высокопоставленных гостей он велел построить в пихтовой роще театр, заготовил чудовищное количество провизии, пригласил лучших театральных машинистов и пиротехников.

К сожалению, вершители судеб могут распоряжаться всеми судьбами, за исключением своей собственной, и Фуке не было известно только одно, что в то время, как он занимался приготовлениями к праздникам, король, наедине с неким Кольбером, знаменитым финансистом и честным человеком, проверял ведомости по министерству финансов. Проверка эта была срочная и тайная, потому что кардинал Мазарэн, умирая и отрешаясь от всего земного, посоветовал молодому королю поймать Фуке при помощи великого специалиста Кольбера. Король был молод, но он был холоден и умен. И спокойно смотрел, как Кольбер, досконально разобравшийся в делах министерства, демонстрировал ему ведомости фальшивые и ведомости настоящие.

Фуке же, увлекаемый роком, завершил приготовления к своей гибели тем, что на фронтоне своего дворца начертал латинский девиз: «Чего я еще не достигну?»

И вот в полдень 15 августа король Людовик XIV в сопровождении брата, его жены, принцессы Генриэтты, и английской королевы приехал в Во. Свидетели рассказывают, что никогда не меняющееся лицо короля будто бы дрогнуло, когда он поднял глаза и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru увидел девиз Фуке на фронтоне, но в следующее же мгновение королевское лицо пришло в нормальное состояние. И празднества состоялись, открывшись завтраком на пятьсот персон, после которого пошли театральные представления, балеты, маскарады и фейерверки.

Но меня не столько интересуют фейерверки и завтраки, сколько вопрос о том, каким образом в течение пятнадцати дней Мольер сумел по заказу Фуке написать, разучить и поставить целую пьесу в стихах под названием «Несносные»? Недруги Мольера утверждали, что никакого фокуса в этом не было, так как у Мольера будто бы были наброски этой пьесы. Но все-таки, даже имея наброски, в пятнадцать дней написать и поставить – чрезвычайно трудно. Тем не менее это так. 17 августа пьеса была сыграна в Во.

По-видимому, в это время Мольер вполне присмотрелся к королю Франции и определил его вкус. Король очень любил комедию, но еще более любил балет.

«Несносные» и представляли собою поэтому балет-комедию. Собственно говоря, «Несносные» не были пьесой в полном смысле слова, а представляли собой ряд выведенных один за другим, не связанных между собою и сатирически изображенных типов высшего общества.

Здесь возникает вопрос: как же Мольер осмелился представить при короле его придворных в ироническом освещении? У Мольера был совершенно точный и правильный расчет. Король отнюдь не относился хорошо к высшему дворянству Франции и никак не считал себя первым среди дворян. По мнению Людовика, его власть была божественной, и стоял он совершенно отдельно и неизмеримо выше всех в мире. Он находился где-то в небе, в непосредственной близости к Богу, и очень чутко относился к малейшим попыткам кого-либо из крупных сеньоров подняться на высоту больше, чем это требовалось. Словом, лучше бы бритвой самому себе было перерезать глотку, нежели начертать такой девиз, как начертал Фуке. Людовик, повторяю, помнил, что было во время Фронды, и держал гран-сеньоров в своих стальных руках. При нем можно было смеяться над придворными.

Мольер все-таки один не управился полностью с «Несносными», и пролог к этому произведению сочинил господин Пеллисон, секретарь и ближайший друг Никола Фуке.

Итак, в садах Во упал занавес. Прежде всего гостям министра предстал взволнованный Мольер, незагримированный и одетый в обычное платье. Растерянно кланяясь, он стал просить прощения за то, что он ввиду недостатка времени не сумел приготовить развлечение для великого монарха. Но не успел он – лучший из театральных ораторов Парижа – договорить свое извинение, как скала на сцене распалась и среди падающих вод (вот каков был машинист Вигарани!) появилась наяда. Никто бы не сказал, что этому пленительному божеству уже сорок три года! Мадлена, по общим отзывам, была прелестна в этой роли. Она стала произносить пролог Пеллисона:

Чтоб видеть величайшего монарха в мире,
О смертные, я к вам из грота поднялась...

Лишь только она произнесла последнее слово пролога, как резко закричали гобой в оркестре и начался балет-комедия.

По окончании представления король поманил к себе Мольера и, указывая ему на егермейстера Суайэкура, шепнул ему, усмехнувшись:

– Вот еще оригинал, который вы не копировали...

Мольер ухватился за голову, засмеялся, зашептал:

– Наблюдательность вашего величества... Как же я мог упустить этот тип?!

В одну ночь он ввел новую сцену в комедии и изобразил в ней страстного охотника на оленей Доранта, помешанного на лошадях знаменитого Гаво и на лихих подвигах известного егеря Дрекара. И все со злорадством узнали в Доранте бедного егермейстера.

Это происшествие дало повод Мольеру написать королю послание, в котором Мольер сумел сказать королю много хорошего. Во-первых, что он самого себя, Мольера,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru причисляет к несносным, во-вторых, что только королю он обязан успехом своей комедии, потому что стоило королю одобрить ее – и все одобрили, в-третьих, что сцена с охотником, которую его величество велел ввести в комедию, есть уж, вне всяких сомнений, лучшая сцена и что вообще ни над какой сценой ни в одной из своих пьес Мольер не работал с таким наслаждением, как над этой.

Все это было хорошо, но дальше пошли некоторые излишества в том, что радость повиноваться королю для Мольера была дороже Аполлона и всех муз и что вся слава, о которой Мольер мог помышлять, это – слава человека, который увеселяет его величество.

Потомки! Не спешите бросать камнями в великого сатирика! О, как труден путь певца под неусыпным наблюдением грозной власти!

А тем временем, пока драматург улучшал свою пьесу, в парках Во начиналась другая пьеса, но не комедия, а драма.

Как-то раз, когда король проходил по дорожке парка, сопровождающий его придворный поднял валявшееся на песке письмо. Спутник короля пробежал его глазами и таинственно усмехнулся. Король заинтересовался, и спутник, невинно посмеиваясь, показал письмо королю. Увы! Это было нежное письмо фуке к некоей мадемуазель Лавальер. Можно ручаться, что если бы фуке глянул в этот момент в глаза Людовику, он немедленно бы, бросивши своих гостей, бежал из Франции, захватив с собою лишь кошель с золотыми и пистолеты. Дело в том, что скромная дворяночка Лавальер, как всем известно, была наложницей короля.

Людовик даже в молодости отличался колоссальной выдержкой, поэтому Никола Фуке весь август прожил благополучно. Король переехал в Фонтенбло, а затем, в начале сентября, отправился в Нант, где состоялся королевский совет. Когда совет кончился и усталый фуке выходил на улицу, его тронули за локоть. Министр вздрогнул и оглянулся. Перед ним появился капитан мушкетеров.

– Вы арестованы, – сказал капитан тихо.

Вот на этих двух словах жизнь фуке и кончилась. Далее же началось житие его, и протекло оно в Венсенской тюрьме, а затем в Бастилии. Три года разбирали следователи дело о хищениях, и в суд пришел уже не блистательный министр, а обросший и трясущийся арестант. Среди судей он увидел всех своих злейших врагов, назначенных в состав суда королем. Девять судей потребовали смертной казни для Никола Фуке, тринадцать других были человечнее и назначили фуке вечное изгнание из страны, но король счел этот приговор неправильным и заменил изгнание вечной тюрьмой.

В тюрьме фуке провел пятнадцать лет, причем его ни разу не выпустили гулять, не давали ни читать, ни писать, не дали ни одного свидания с женой и детьми. Лишь в 1680 году – шевельнулось ли что-то в сердце короля, или забыл он образ скромной Лавальер, вытесненной другими женщинами, угасли ли воспоминания о девизе на фронте, – но, словом, он подписал указ о выпуске фуке из тюрьмы.

Но этот приказ остался неисполненным. Фуке не дождался королевской милости и ушел из тюрьмы туда, где, как он, несомненно, надеялся, иной судья будет судить и его, нечестного министра, и мстительного короля, а в особенности того неизвестного, который бросил письмо на песок.

Хочу отметить важнейшее обстоятельство. В предисловии к «Несносным», выпущенном после гибели и ареста фуке, Мольер не побоялся упомянуть, что стихи пролога принадлежат господину Пеллисон. Уверенно можно сказать, что величайшего труда стоило бы найти второго человека, который упомянул бы в печати имя друга фуке – Пеллисона, после того, как фуке был схвачен.

Что же касается самого Поля Пеллисона, то он повел себя не менее мужественно, написав в оправдание фуке целое произведение под названием «Речи» и показав, таким образом, что друзей своих, каковы бы они ни были, он не предает. Король с большим вниманием прочел произведение Пеллисона и поступил с ним мягко: он заключил его в Бастилию только на пять лет.

КТО ОНА?

Жеронимо. Ничего, ничего! Я говорю – прекрасная партия! Женитесь поскорей.

«Вынужденный брак»

20 февраля 1662 года, в той самой церкви Сен-Жермен-де-л'Оксерруа, которую господин Ратабон еще не успел разрушить, происходило венчание.

Рядом с сутуловатым, покашливающим директором пале-рояльской труппы Жаном-Батистом Мольером стояла под венцом девушка лет двадцати – некрасивая, большеротая, с маленькими глазами, но исполненная невыразимой притягательной силы. Девушка была разодета по самой последней моде и стояла, горделиво закинув свою голову.

Орган гудел над венчающимися, но ни органные волны, ни хорошо знакомая латынь не доходили до сознания жениха, сгоравшего дьявольской страстью к своей невесте. Позади венчающихся стояли пале-рояльские актеры и группа родственников, в которой можно было разглядеть старенького и седого королевского обойщика Жана-Батиста Поклена, мать Бежаров – госпожу Эрве-Бежар, Мадлену, которая стояла со странным и как бы окаменевшим лицом, и молодого Луи Бежара.

Иссушающая страсть замучила директора Пале-Рояля, и вот он овладел предметом своих желаний и привел к венцу ту самую мадемуазель Мену, она же Арманда Бежар.

Свадебный контракт говорит точно, что невеста есть мадемуазель Арманда-Грезенда-Клара-Элизабета Бежар, дочь госпожи Марии, урожденной Эрве, и покойного ее мужа, сьера де Бельвиля. Невесте – двадцать лет или около этого.

Но мы, которые хорошо познакомились со всем семейством покойного Бежара-Бельвиля и супруги его Марии Эрве-Бежар, то есть со старшим сыном Жозефом, дочерьми Мадленой и Женевьевой и младшим сыном Луи, хотели бы поближе познакомиться и с самой младшей – Армандой, которая сейчас становится женой Мольера.

Раз свадебный контракт, составленный в январе 1662 года, говорит, что невесте двадцать лет или около этого, то значит, что следы ее рождения нужно искать в 1642-м или 1643 году. И такие следы отыскиваются. В акте, помеченном 10 марта 1643 года, содержится отказ госпожи Марии Эрве от наследства после покойного ее мужа, Бежара-Бельвиля, вследствие того, что это наследство обременено долгами. В акте перечислены все дети Марии Эрве, то есть Жозеф, Мадлена, Женевьева и Луи, а также маленькая девочка, «еще не окрещенная», значит, новорожденная.

Вот это, конечно, и есть та самая Арманда, которая сейчас стоит под венцом. Все совпадает. Ей – около двадцати лет, и она дочь Марии Эрве. Все, таким образом, было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. В акте отказа дети Марии Эрве упорно и несколько раз названы «несовершеннолетними». Величайшее изумление вызывает тот гражданский чиновник, который составлял акт, а также те почтенные свидетели, которые при этом присутствовали, а в числе их можно указать двух прокуроров, одного каретных дел мастера и портного. Дело в том, что в 1643 году Жозефу Бежару, старшему сыну, было двадцать шесть лет, а следующей за ним по возрасту Мадлене, профессиональной актрисе, к тому же имеющей собственного ребенка лет пяти, примерно было двадцать пять лет! Ни по одному законодательству, нигде, никогда ни Жозеф, ни Мадлена никак не могли сойти за несовершеннолетних.

Что же это обозначает? Это обозначает, что акт 1643 года содержит в себе ложные сведения и, следовательно, ровно ничего не стоит. А раз так, то густейшая тень подозрения падает и на эту таинственную, еще не окрещенную девочку.

Госпожа Мария Эрве родилась в 1590 году. Из этого следует, что она эту не окрещенную девочку произвела на свет приблизительно на пятьдесят третьем году своей жизни. К тому же, по-видимому, после тринадцатилетнего перерыва, потому что последний сын Луи родился в 1630 году и с тех пор ни о каких детях у Марии Эрве как будто сведений нет. Возможна ли такая внезапная и поздняя плодовитость? Возможно, но маловероятна. А вот уже что совершенно невозможно, это чтобы никто из близких друзей и многочисленных знакомых Бежаров нигде и никогда ничего не

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru упоминал о том, что пожилая мать семейства подарила своему умирающему мужу ребенка. Никакой ребенок в этот период времени за Марией Эрве нигде не числился, кроме как в этой бумаге 1643 года.

Да и как же ему числиться? Где рожала его Мария Эрве? Неизвестно. Вы помните, наверно, что Бежары таинственно выехали за город как раз зимой, в начале 1643 года. Этот выезд в точности совпал со временем рождения девочки. Но, спрашивается, зачем Марии Эрве понадобилось удаляться из Парижа, чтобы в условиях, которые вполне заслуживают названия таинственных, рожать ребенка?

Где крестили ребенка? Неизвестно. В Париже акта ее крещения никак не обнаруживается. Следовательно, крестили ее где-то вне Парижа, под Парижем, а быть может, и в отдалении от него, в провинции. Далее. Почему девочку немедленно после рождения куда-то увезли, почему-то отдали в чужие люди, а не воспитывали дома, как и всех предыдущих детей?

Какой вывод напрашивается из всех этих путаных обстоятельств? Простой и печальный вывод: никакой девочки в 1643 году Мария Эрве не рожала и солгала в акте 1643 года, приписав себе не своего ребенка. Какое побуждение толкнуло ее на это?

Ввиду того, что вряд ли есть какой-либо смысл в том, чтобы подкидывать к себе совершенно постороннее дитя, возникает сильнейшее подозрение, что эта таинственная девочка была рождена одной из незамужних дочерей Марии Эрве. Вот почему произошел таинственный отъезд за город, вот почему ребенка прятали, вот почему ребенка услали! Но какая же из двух дочерей была матерью: Женестьева или Мадлена? Что касается Женестьева, то надо сказать, что нигде не встречается ни одного указания на то, что Женестьева родила ребенка. О Женестьеве просто не приходится говорить. Не окрещенная вначале, Мену впоследствии, и, наконец, Арманде Бежар – не Женестьева грех. И, наоборот, все решительно и всегда были убеждены, что Арманде – дочь Мадлены, и никто никогда не приписывал ее Марии Эрве. И если бы не открытие свадебного контракта, где Арманде-Грезенда-Клара-Элизабета Бежар значится дочерью Марии Эрве, – открытие, которое спутало все карты, – никто бы и имени Марии Эрве не упоминал.

Известный литератор Броссет в своих мемуарах писал так: «Депрео мне говорил, что Мольер был первоначально влюблен в комедиантку Бежар, на дочери которой он женился».

Анонимный автор пасквильной книги, называвшейся «Знаменитая комедиантка» (речь идет об Арманде Бежар-Мольер), писал: «Она была дочерью покойной Бежар – комедиантки, которая пользовалась громадным успехом у молодых людей в Лангедоке во время счастливого рождения ее дочери...»

Словом, многие лица по смерти Мольера писали, а при жизни все знали и говорили, что Арманде – дочь Мадлены. Но, кроме этих устных и письменных сообщений, существует целый ряд тончайших, но косвенных доказательств того, что Мадлена – мать Арманды.

Когда Мольер женился на Арманде, он получил, как это видно из свадебного контракта, от Марии Эрве в виде приданого за ее дочерью Армандой десять тысяч ливров. Но мы, после того как Мария Эрве совершеннолетних называет несовершеннолетними и приписывает в акты таинственных, еще не окрещенных детей, имеем право ей ни в чем не верить. И мы не верим. Десяти тысяч турецких ливров у Марии Эрве не было. Деньги эти, как об этом дознались, дала в приданое Арманде Мадлена Бежар, единственный состоятельный человек из всей семьи. Но почему же Мадлене не быть щедрой в отношении Арманды, числящейся по актам ее сестрой? Щедрость у Мадлены неодинаковая, вот в чем дело! Когда через два года после брака Арманды выходила замуж Женестьева, та получила в приданое пятьсот ливров наличными и тысячи на три с половиной белья и мебели.

Умирая, Мадлена оставила Женестьева и хромому Луи маленькую пожизненную пенсию, а Арманде – тридцать тысяч ливров.

Когда на юге возникла как бы из воздуха мадемуазель Мену, Мадлена окружила ее таким попечением, что никто из окружающих не верил в то, что это было сестринское попечение. Так ухаживать за ребенком могла только мать. Тут, кстати, нужно добавить, что никаких сомнений в том, что Мену и Арманде – одно лицо, нет.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В противном случае мы знали бы о смерти Мену, а кроме того, никак не могли бы объяснить, откуда же в Париже появилась Арманда.

Какой же вывод мы сделаем?

Вот этот вывод: в 1662 году Мольер женился на дочери Мадлены Бежар, своей первой незаконной жены, на той самой Арманде, которая по актам ложно значится дочерью Марии Эрве.

Но самое главное впереди. А вот кто же был отцом Арманды? Прежде всего подозрение падало на Эспри де Ремона де Мормуаррона сьера де Модена, уже известного нам первого любовника Мадлены и отца ее первого ребенка – Франсуазы. И сразу же выяснилось, что это подозрение неосновательно. Есть множество доказательств тому, что Мадлена одно время очень хотела, чтобы Моден свою связь с ней завершил законным браком, в силу чего она не только не старалась скрыть от людей рождение Франсуазы от де Модена, но, наоборот, как мы указывали, отметила это событие в официальном акте. Появление второго ребенка от де Модена еще более связало бы Мадлену с Моденом, вполне способствуя ее брачным планам. Решительно незачем было прятать этого младенца и приписывать его своей матери. Здесь имели место совершенно противоположные обстоятельства: не моденовского ребенка укрывала от людей Мадлена при помощи сообщницы-матери, а, таинственно рожая, по-видимому, действительно под Парижем, а затем отсылая девочку в провинцию, где она сделалась мадемуазель Мену, – Мадлена прятала ребенка от Модена.

Дело в том, что кавалер де Моден вместе с Луи де Бурбоном, графом де Суассоном и герцогом Гизом вступил в 1641 году в заговор против Ришелье и в бою под Марфе 6 июля 1641 года был ранен. Парижский парламент в сентябре того же года приговорил Модена к смерти, вследствие чего Моден скрылся, первоначально в Бельгии, а затем и в пределах Франции, всячески избегая Парижа, вплоть до 1643 года, пока, по смерти Ришелье и Людовика XIII, будучи амнистирован, не получил возможности вернуться в столицу.

Нужно заметить, что и семья Бежар, опасаясь каких-либо репрессий со стороны правительства из-за близости к их семье Модена, также покинула Париж, но странствования Бежаров происходили не в тех местах, где был Моден.

Итак, ясно, что расставшийся года на два с Мадленой Моден, вернувшись в Париж, застал бы Мадлену с чужим младенцем на руках, а это уж никак не способствовало бы укреплению связи Мадлены с Моденом.

Моден ни в коем случае не был отцом Арманды. Отцом ее, значит, был какой-то кавалер, который был близок с Мадленой летом 1642 года, тогда, когда Мадлена была на юге Франции. Со многими могла встретиться Мадлена в это время, но мы должны упомянуть одного из этих многих и даже знаем, где она его встретила. Это было на водах в Монфрене, где король Людовик XIII пил целебные воды, это было во второй половине 1642 года. Кавалер, которого встретила Мадлена, и в этом нет никаких сомнений, или был уже с нею близок, или стал близок. Этот кавалер состоял в свите короля в качестве камердинера и обойщика и звали его... Жан-Батист Поклен, впоследствии – де Мольер!

Что я хочу этим сказать?! Я не хочу ничего сказать, кроме того, что встреча в Монфрене, несомненная близость в то время Мольера и Мадлены, была причиной ужасных слухов, которые распространились о Мольере.

Автор «Знаменитой комедиантки» писал так: «...ее (Арманду) считали дочерью Мольера, хоть он и был впоследствии ее мужем...»

Когда через несколько лет после смерти Мольера Арманду вызвали в суд в качестве свидетельницы по чужому делу, адвокат одной из сторон в резкой речи пытался отвести свидетельницу, утверждая публично, что она жена и вдова своего собственного отца.

Большое значение придали письму Шапеля к Мольеру, написанному в 1659 году, письму, в котором содержатся таинственные строки: «...вы покажете эти прекрасные стихи только мадемуазель Мену, тем более что они изображают вас и ее...»

Некоторые свидетели рассказывают, что будто бы брак Арманды состоялся после столь страшных и тяжелых сцен между Мольером и Мадленой, а затем между Армандой и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мадленой, что жизнь этих трех лиц стала нестерпимой, и Арманда вынуждена была почти бежать в дом своего будущего мужа.

Официальные акты указывают, что Женестьева Бежар не присутствовала ни при заключении свадебного контракта, ни при венчании Мольера, причем многие подозревают, что это было сделано в виде протеста против этого ужасного брака.

Словом, со всех сторон ползли, отравляя жизнь Мольеру, слухи, что он совершил тягчайшее кровосмешительство, что он женился на своей собственной дочери.

Какое же заключение я могу дать по этому делу? Я должен сказать, что, по моему мнению, все попытки установить, кто был отцом Арманды, обречены на неудачу. Впрочем, может быть, кто-нибудь и сделает это или уже сделал. Я же отказываюсь вести следствие по делу о женитьбе Мольера, потому что чем глубже я проникал в дело, тем более каким-то колдовским образом передо мною суживался и темнел коридор прошлого, и тщетно я шарил в тайных углах с фонарем в руках. Ткань дела рвалась и рассыпалась в моих руках, я изнемог под бременем недостоверных актов, косвенных улик, предположений, сомнительных данных... Вот мое заключение. Я уверен лишь в том, что Арманда никогда не была дочерью Мари Бежар. Я уверен в том, что она была дочерью Мадлены, что она была рождена тайно, неизвестно где и от неизвестного отца. Нет никаких точных доказательств тому, что слухи о кровосмешении правильны, то есть что Мольер женился на своей дочери. Но нет и никакого доказательства, у меня в руках по крайней мере, чтобы совершенно опровергнуть ужасный слух о кровосмешении.

Вот он, мой герой, стоит под венцом с девушкой, которой он вдвое старше и о которой говорят, что она его собственная дочь. Орган гудит над ними мрачно, предсказывая всевозможные бедствия в этом браке, и все эти предсказания оправдаются!

После свадьбы директор Пале-Рояля покинул свою квартиру на улице Святого Фомы Луврского и переехал с молодой женой на улицу Ришелье, захватив с собой отравляющего ему жизнь лакея Провансаля и служанку Луизу Лефебр.

Там, на улице Ришелье, несчастья начались в самом непродолжительном времени. Выяснилось, что супруги совершенно не подходят друг к другу. Старейший и больной муж по-прежнему питал страсть к своей жене, но жена его не любила. И жизнь их очень скоро стала адом.

Глава 19

ШКОЛА ДРАМАТУРГА

Что бы ни происходило в квартире Мольера на улице Ришелье, жизнь в театре Пале-Рояль шла своим чередом. В труппу в этом году вошли новые актеры. Первый – Франсуа Ленуар сьер де ла Торилльер, бывший капитан кавалерии, обладавший не только хорошими актерскими данными, но также и большим деловым опытом, вследствие чего Мольер поручил ему некоторые административные функции, а второй – блестящий комик Гильом Маркуро сьер де ла Брекур. Этот актер был и драматическим писателем, а кроме того, прославился как опасный бретер, не раз попадавший в тягостные истории из-за своих дуэлей.

Сезон после Пасхи 1662 года шел тихо, потому что публика уже просмотрела первые пьесы Мольера, и сборы на них ослабели. Некоторое оживление вносили лишь «Школа мужей» и пьеса Буайе «Тоннаксар». Так дело шло до декабря, когда вышла новая мольеровская пьеса «Школа жен» – пятиактная комедия.

«Школа жен», так же как и «Школа мужей», была написана в защиту женщин и их права на выбор в своей любви и рассказывала историю ревнивого и деспотичного Арнольфа, который хотел жениться на юной Агнессе. В этой пьесе, изобилующей смешными, комедийными положениями, прозвучал какой-то надтреснутый и горький мотив в роли Арнольфа.

Когда молодая Агнесса в конце пьесы победила и ушла от Арнольфа со своим

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
возлюбленным, исполненный отвратительных смешных черт Арнольф стал вдруг жалким.

– Какою мерою измерить мою к тебе любовь? – вдруг, как бы сбрасывая оболочку гнусного ревнивца, страстно восклицал Арнольф. – Как мне, неблагодарная, доказать тебе ее? Заплакать горькими слезами? Или рвать волосы? Быть может, ты хочешь, чтобы я убил себя? Скажи, скажи, чего ты хочешь, и я готов, жестокая, доказать тебе, что я сгораю в пламени!

Некоторые любопытные люди обратили внимание на этот монолог Арнольфа, и иные с сочувствием, а иные со злорадством говорили, что в нем отразились личные переживания господина Мольера. Если это так, а это, увы, действительно так, можно видеть, насколько неладно протекала жизнь на улице Ришелье.

Разыграна «Школа» была превосходно, причем, помимо Мольера, игравшего Арнольфа, исключительный успех имел Брекур в роли слуги Алена.

Нужно сказать, что все события, сопровождавшие выход предыдущих пьес Мольера, решительно померкли по сравнению с тем, что произошло немедленно после премьеры «Школы жен». Во-первых, на самой уже премьере дело началось со скандала. Некий Плаписсон, усердный посетитель парижских салонов, возмущенный до глубины души содержанием пьесы, сидя на сцене, при каждой остроте или трюке обращал багровое от злобы лицо к партеру и кричал:

– Смейся же, партер! Смейся!

И при этом будто бы даже показывал кулаки партеру. Вполне естественно, что хохот партера от этого увеличивался до крайней степени.

Публике пьеса чрезвычайно понравилась, и на второе и следующие представления народ пошел валом, доведя сборы до рекордной цифры – тысячи пятисот ливров в вечер.

Что же говорили о новой пьесе литераторы и парижские знатоки театра? Первые слова их трудно было понять, потому что в салонах закипела такая ругань по адресу Мольера, что вообще немислимо было что-либо разобрать сразу. К тем лицам, которые раньше ругали Мольера, присоединились целые десятки новых. Почему так озверели литераторы, точно неизвестно. Некоторые утверждают, что до иступления их довело чувство зависти. С большою горечью следует отметить, что этому отвратительному чувству поддался и такой крупный человек, как Пьер Корнель.

Что касается актеров Бургонского Отеля, то на них после первых представлений «Школы» лица не было. Но у них, надо сказать, был основательнейший повод для огорчения. Случилась неслыханная вещь: сборы у бургонцев резко упали с появлением «Школы».

Затем в Париже обнаружили наивные люди, которые всюду с озлоблением рассказывали, что это именно их Мольер вывел в виде Арнольфа, героя своей комедии. Этим, конечно, Пале-Рояль мог платить деньги за увеличение сборов!

Кто-то из зрителей распустил слух, что в «Школе жен» содержится ряд крайних непристойностей, произносимых со сцены. Вполне понятно, что после этого извещения в Париже не осталось ни одной целомудренной дамы, которая не пожелала бы лично проверить все гадости, которые Мольер позволил себе ввести в пьесу.

Гадости же эти были следующие.

Арнольф, понося модных дам, говорит, что на вопрос кавалера о том, чего угодно даме, та отвечает:

– Тарту со сливками!

Слуга Ален, поучая служанку Жоржетту, сравнивает жену с супом, который предназначен для мужа.

– Натурально, – утверждал Ален, – проголодавшийся муж никому не позволит в этот суп пальцы совать.

Арнольф говорит, что его воспитанница Агнесса настолько невинна, что полагает,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
будто дети появляются на свет из уха.

Возлюбленный, одурачивший Арнольфа, проник к нему в дом в его отсутствие. Ревнивец Арнольф, узнав об этом и замирая от страха при мысли, что поругана его честь, допытывается у Агнессы, что у нее взял ее возлюбленный? Агнесса долго мнетя и наконец объявляет, что влюбленный в нее Орас взял у нее на память ленту.

Я не берусь судить, насколько все это действительно непристойно. Пусть судит об этом читатель Мольера.

Итак, пьеса вызвала настоящий вой, и в нем трудно было разобрать одинокие голоса друзей Мольера, которых можно было пересчитать по пальцам. Единственный голос, который прозвучал громко, был голос талантливейшего мыслителя и литератора Буало-Депрео:

Пусть брань твоих завистников
Течет, как мутная река.
Твоя прелестная комедия
Уйдет в грядущие века!

Дальше дело пошло хуже. Молодой человек, литератор Жан-Донно де Визе, первый выступил в печати по поводу «Школы жен». Статья де Визе показывает, что во время ее сочинения душа автора была раздираема пополам. Де Визе хотелось сказать прежде всего, что комедия не может иметь успеха, но сказать он этого не мог, потому что комедия имела оглушительный успех. Поэтому де Визе сказал, что успех комедии зависит только от того, что актеры великолепно исполняют ее, из чего видно, что де Визе был неглупый человек. Далее де Визе сообщил, что его просто огорчает то обилие непристойностей, которое есть в комедии, и попутно заметил, что интрига в ней сделана плохо. Но так как де Визе, повторяю, был неглуп, то вынужден был признать, что все-таки в пьесе есть кое-что удачное и, пожалуй, некоторые типы у Мольера так ярки, что как будто выхвачены из жизни.

Но, по-видимому, самое главное де Визе сказал в конце статьи, где сообщалось, что в скором времени в Бургонском Отеле появится новая пьеса, касающаяся мольеровской «Школы». Сообщал об этом де Визе так хитро, что хотя он и не назвал автора, но всякому сразу становилось ясно, что эта новинка будет принадлежать перу самого господина де Визе.

Как вел себя в это время Мольер? Прежде всего он посвятил «Школу» жене своего покровителя, брата короля – принцессе Генриэтте Английской, и в этом посвящении, по своему обыкновению, вылил на принцессу целый ушат лести. Умный, прямо скажу, умный шаг! Но далее Мольер совершил роковую ошибку. Забыв, что писатель ни в коем случае не должен вступать в какие-либо печатные споры по поводу своих произведений, Мольер, доведенный до остервенения, решил напасть на своих врагов.

Так как он владел сценой, то и нанес свой удар со сцены, сочинив и разыграв в июне 1663 года небольшую пьесу под названием «Критика „Школы жен“».

Пьеса эта, в которой первую свою большую роль Элизы получила Арманда Мольер, изображала в смешном виде критиков Мольера.

Идя по строго намеченному пути – всегда обеспечивать себе тыл при дворе, – Мольер посвятил эту пьесу, в лестных и униженных выражениях, королеве-матери – Анне Австрийской. Однако королева-мать в дальнейшем мало помогла Мольеру.

Прежде всего публика с восторгом узнала в типе Лизидаса господина де Визе, а другая часть публики закричала, что это не де Визе, а, как живой, господин Эдм Бурсо, тоже литератор и ярый ругатель Мольера.

Лизидас – де Визе свету невзвидел после выхода «Критики» и выступил со своей обещанной пьесой. Она носила сложное название «Зелинда, или Настоящая критика „Школы жен“, или Критика критики», и изображала некоего Эломира (переставьте буквы, и вы получите слово – Молиэр), который в кружевной лавке, где происходит действие пьесы, подслушивает чужие разговоры.

Как ни хотел Бургонский Отель поставить пьесу об Эломире, он все-таки ее не поставил, потому что при ближайшем рассмотрении она оказалась полнейшей чушью, и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
де Визе ограничился тем, что напечатал свое произведение и распространил по Парижу, причем обнаружилось, что в пьесе «Зелинда» находится не столько критика, сколько самый обыкновенный донос.

Де Визе сообщал, что десять старинных наставлений в стихах, которые Арнольф, собираясь вступить в брак, читает Агнессе, суть не что иное, как отчетливая пародия на десять заповедей Господних. Господин де Визе, как вы видите, ответил весьма серьезно господину де Мольеру.

– О негодяй! – прошипел де Мольер, хватаясь за голову. – Во-первых, их не десять! Арнольф начинает одиннадцатое...

Когда прекрасная невеста
Вступает в честный брак,
Напомнить будет ей уместно...

– Он начинает одиннадцатое! – говорил Мольер своим актерам.

– Начинает, – тихо говорили Мольеру, – но не произносит ни одного слова, кроме слов: правило одиннадцатое, – так что запоминается, дорогой мастер, что их именно десять.

А я к этому добавлю, что великим счастьем является то, что де Визе, по-видимому, не знал, откуда Мольер заимствовал эти десять правил супружества! Позаимствовал же их Мольер из творений святых отцов церкви.

События тем временем летели дальше, и ненависть к Мольеру среди литераторов все более разгоралась. Одной из причин этого явилось то обстоятельство, что король, который, как оказывается, внимательно следил за деятельностью своего придворного комика, в период времени после появления «Школы жен» наградил его пенсией в размере одной тысячи ливров в год, в воздаяние его заслуг как большого комического писателя. И пенсия-то была невелика, потому что обычно ученым и литераторам давали гораздо больше, тем не менее награждение Мольера привело к тому, что литераторы стали питать к нему чувство, граничащее с отвращением.

Отношения между Пьером Корнелем и Мольером окончательно развалились. Здесь, правда, была виновата не столько пенсия, сколько чудовищный успех «Школы» и еще одно маленькое обстоятельство: Мольер без всякого злого умысла, а шутки ради перенес одну стихотворную строчку из трагедии Корнеля «Серториус» в финал второго акта «Школы», вложив эту строчку в уста Арнольфа, отчего слова Корнеля зазвучали комически.

Казалось бы, этот пустяк – Арнольф, обращаясь к Агнессе, повторяет слова Помпея: «Довольно! Я хозяин! Идите, повинуйтесь!» – не причинил Корнелю никакого вреда, но, несмотря на это, Корнель страшно расстроился из-за того, что с его трагическими стихами так обращаются.

Дальнейшие уроки Мольера были тяжелее. В высшем свете заговорили о том, что в «Критике „Школы жен“» Мольер вывел в смешном виде двух лиц: Жака де Сувре, рыцаря мальтийского ордена, и герцога де ла Фейяда, маршала Франции и командира полка французской гвардии. Дело с Жаком де Сувре обошлось благополучно, а с де ла Фейядом кончилось скверно. Тот, подзуживаемый со всех сторон, убедился наконец в том, что это он именно выведен в «Критике» в виде маркиза, тупо и возмущенно повторяющего одну и ту же фразу «Торт со сливками!», и в злобе нанес Мольеру тяжкое оскорбление. Встретившись с драматургом в Версальской галерее, ла Фейяд, сделав вид, что хочет обнять Мольера, обхватил его, прижал к себе и драгоценными пуговицами своего кафтана в кровь изодрал ему лицо.

Горько думать о том, что Мольер ничем не отплатил герцогу за оскорбление. Сыграла ли здесь роль робость, или разница в положении комедианта и герцога, или, может быть, боязнь навлечь на себя гнев короля, яростно преследовавшего дуэли (а сам Мольер выступал в своих комедиях с насмешками над дуэлянтами), но только Мольер не вызвал герцога на поединок. Впрочем, надо полагать, что, если бы это случилось, деятельность Мольера прекратилась бы навсегда после «Критики жен», потому что ла Фейяд, без сомнения, убил бы его.

Пьеса де Визе не попала на сцену Отеля, но зато второй осмеянный Мольером в «Критике», Эдм Бурсо, был счастливее. Его пьеса, называвшаяся «Портрет

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru художника, или Контркритика „Школы жен“, была сыграна бургонцами. В „Портрете“ Бурсо вывел Мольера в качестве крайне сомнительной личности и, так же как и де Визе, упомянул про десять заповедей.

Однако король отнесся к сообщениям о заповедях равнодушно, и в Париже стали поговаривать, что будто бы он с большим интересом следит за войной, разгоревшейся между Мольером и целой фалангой его врагов, и что будто бы даже король сам посоветовал Мольеру еще раз напасть на своих врагов со сцены. Ах, дурной совет дал король Мольеру!

Господин де Мольер написал пьесу «Версальский экспромт» и сыграл ее 14 октября 1663 года. На сцене изображена была репетиция пьесы для короля, так что пале-рояльские актеры изображали самих себя. Но репетиция эта явилась для Мольера лишь предлогом, чтобы выступить со своими нападками на недругов-бургонцев.

Дело в том, что об оскорбленном комедианте с изуродованным лицом начинали говорить все хуже и хуже. Что Мольер несчастен в своем браке, в Париже уже знали, конечно. Дрянные сплетники распустили слух о том, что Арманда давно уже изменяет Мольеру. Большая тайна Мольера заключалась в том, что он, осмеявший Сганарелей и Арнольфов, сам был болезненно ревнив. Можно себе представить, какое впечатление произвела на Мольера эта сплетня, выставившая его на всеобщий позор. Мольер решил, что бургонцы были причиной этого позора, и в опьянении злобы он стал издеваться над ними в «Версальском экспромте».

– Кто изображает королей среди вас? – говорил Мольер, играя самого себя, Мольера. – Как? Этот молодой человек с хорошей фигурой? Да вы смеетесь! Король должен быть большой и толстый, как четыре человека, сложенные вместе! Король должен быть, черт побери, пузат! Король должен обладать обширной окружностью, чтобы хорошо заполнить трон!

Таким образом, он унизился до того, что смеялся над физическими недостатками Захария Монфлери!

Затем пошли насмешки над декламацией актрисы Бошато, актеров Отроша и де Вилье.

Тут же попутно Мольер задел и маркизов, выражаясь о них таким образом:

– Как в древних комедиях мы видели слугу-буффона, который заставляет зрителей хохотать, в современных пьесах необходим маркиз, потешающий публику!

Затем настала очередь Эдма Бурсо, причем выходка против Бурсо лежит за гранью того, что может позволять себе драматург в отношении другого драматурга. Нельзя же, в самом деле, коверкать со сцены чужую фамилию: «Бр... Бру... Бросо...», и называть Бурсо писателишкой. Да, несомненно, неудачный совет дал король Мольеру! Но, очевидно, наш герой чувствовал себя, как одинокий волк, ощущающий за собою дыхание резвых собак на волчьей садке.

И на волка навалились дружно: де Вилье совместно с де Визе сочинили пьесу «Месть маркизов», а оскорбленный до глубины души за старика отца Монфлери-младший, Антуан-Жакоб, написал пьесу «Экспромт дворца Конде». В «Мести маркизов» с Мольером обращались уже совсем запросто, называя его пошляком, крадущим мысли у других авторов, обезьяной и рогоносцем, а в «Экспромте» Антуан Монфлери вернул Мольеру полностью то, что Мольер предложил старику Монфлери в своем «Экспромте». Монфлери издевался над Мольером в роли Цезаря, и не без основания, так как известно, что Мольер в этой роли был очень плох.

Затем Театр на Болоте ввязался в травлю и тоже обругал Мольера в пьесе.

Наконец, некий Филипп де ла Круа сочинил произведение под названием «Комическая война, или Защита „Школы жен“», где справедливо заметил, что в то время, как Аполлон почивает на небесах, писатели и актеры грызутся, как псы. Де ла Круа, впрочем, признал и выразил это в словах Аполлона, что пьеса, из-за которой началась война, то есть «Школа жен», – есть хорошая пьеса.

Несчастный 1663 год закончился темным проступком разъяренного старика Монфлери, написавшего королю формальный донос на Мольера, в котором Монфлери обвинял Мольера в женитьбе на собственной своей дочери.

Этот донос совершенно оглушил Мольера, и неизвестно, что представил королю Мольер, чтобы снять с себя обвинение в кровосмесительстве, но нет никаких сомнений в том, что оправдываться и что-то представлять пришлось. И надо полагать, что это были акты, в которых Арманда Бежар значилась дочерью Марии Эрве-Бежар. Король счел доводы Мольера совершенно убедительными, и никакого дела не разгорелось, и тут великая война между Мольером и его врагами стала утихать.

Мой герой вынес из нее болезнь – он стал подозрительно кашлять, – усталость и странное состояние духа, причем только в дальнейшем догадались, что это состояние носит в медицине очень внушительное название – ипохондрия. А на своих плечах он вынес в вечность двух некрупных писателей: де Визе и Эдма Бурсо. Они мечтали о славе и получили ее благодаря Мольеру. Если бы не то обстоятельство, что он вступил с ними в сражение, вероятно, мы очень мало бы вспоминали об именах де Визе и Бурсо, да и о многих других именах.

Глава 20

КУМ-ЕГИПТЯНИН

Изгрызенный червем тоски, со шрамами от дефейядовских пуговиц на лице, Мольер вступил в 1664 год в полном расцвете славы, и говорили уже, что слава эта, вылетев из Франции, поднялась над Альпийским хребтом и перекинулась в другие страны.

Как тяжело ни жили супруги Мольер, у них все же 19 января 1664 года появился на свет мальчик. В период между рождением и крещением ребенка Мольер подготовил и поставил свою новую комедию – «Вынужденный брак». Собственно, это была одноактная пьеса, но, зная, насколько король любит балет, Мольер ввел в нее многочисленные танцевальные номера, расширив ее до трех актов.

Флорентинец, тезка Мольера, талантливейший придворный композитор Джованни Баптист Люлли написал для «Брака» музыку, а королевский балетмейстер Бошан поставил в нем танцы. Пьеса потребовала сложной монтировки, денег на нее было истрачено много, но эти деньги не были брошены зря.

Чтобы угодить королю, Мольер ввел балетную часть, а чтобы угодить себе, ввел в комедию двух смешных философов. Старый клермонец не забыл уроков покойного Гассенди и вывел на сцену двух ученых болванов: одного, Панкрасса, – аристотелевской школы, и другого, Марфуриуса, – школы древнего скептика Пиррона.

Первый, до безумия потешая зрителей, нес дикую околесину. Второй же, в противоположность первому, был скуп на слова и до того скептичен, что советовал Сганарелю сомневаться даже в том, в чем никак не может сомневаться человек, у которого есть глаза. Так, Сганарель, придя куда-нибудь, должен был говорить вместо «я пришел» – «мне кажется, что я пришел», что, конечно, вызывало в здравомыслящем Сганареле справедливое изумление.

Две прекрасные сцены с этими двумя педантами вызвали раздражение парижского философского факультета, и непонятно, почему оно не вылилось в большой скандал, потому что, как я уже говорил раньше, смеяться над философами аристотелевской школы было крайне небезопасно.

Поводом к сочинению «Вынужденного брака» могло послужить прошумевшее в Париже недавнее приключение графа Филибера де Граммона. Этот граф пользовался таким исключительным успехом у дам, что рассказы о его приключениях наконец утомили короля и он приказал де Граммону на некоторое время съездить в Англию. Но не успел граф появиться в Англии, как мгновенно покорило сердце фрейлины, девицы Гамильтон.

Лондонское общество, плохо знавшее де Граммона, заговорило о том, что он женится. Однако, когда настала пора, граф собрался в родную Францию, причем, прощаясь с девицей, не произнес ни одного слова, из которого было бы видно, что он собирается жениться.

Граф уже был в дуврском порту и готовился сесть на корабль, как вдруг на

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru пристани появились двое братьев девицы Гамильтон. Первого взгляда графу было достаточно, чтобы убедиться в том, что братья собрались в какое-то серьезное предприятие: из-под плащей у братьев торчали концы шпаг, как полагается, но, кроме шпаг, при них были пистолеты. Братья приветствовали Граммон реверансами, но с такой вежливостью, которая Граммону показалась чрезмерной.

– Граф, – сказал старший, – не забыли ли вы чего-нибудь в Лондоне?

Граф ощутил дыхание ветра, который так славно поддувал на родину, поглядел на снасти корабля, на пистолеты и подумал: «Нет никаких сомнений в том, что, даже если мне удастся подстрелить старшего, мне немедленно придется драться и со вторым. В порту произойдет скучнейшая возня, и хуже всего то, что она чрезвычайно огорчит его величество. Да при всем том девица Гамильтон – очаровательная девица!..»

И граф вежливо ответил Гамильтонам:

– Да, господа, я забыл жениться на вашей сестре. Но я сейчас же возвращаюсь в Лондон, чтобы исправить это дело.

И через короткое время Граммон был женат.

Но возможно также, что Мольер почерпнул материал для комедии не из походов Филибера де Граммон, а из произведения знаменитого сатирика Рабле, описавшего похождения некоего Панурга.

Пышная комедия-балет была представлена 29 января в королевских покоях в Лувре с большим блеском, причем в балетной части выступал один исполнитель, о котором с уверенностью можно сказать, что не всякий драматург может получить такого исполнителя: в одном из балетных выходов второго акта первого египтянина танцевал в паре с маркизом Вильюа король Франции. Вот до какой степени он любил балет! Кроме короля, в спектакле принял участие его брат, игравший роль одного из поклонников жены Сганареля, и целый ряд придворных, из которых трое изображали цыган и четверо – чертей. Решительно все выразили ту мысль, что лучше всех в спектакле был первый египтянин. Мы молчим, но про себя таим мысль, что лучше всех в спектакле были Сганарель в исполнении Мольера и Панкрасс с Марфуриусом в исполнении Брекура и Дю Круази.

Из Лувра пьеса была перенесена на родную сцену в Пале-Рояль в своем одноактном виде, без дорогостоящего балета, но особенного успеха не имела.

Король дал себе возможность еще раз насладиться любимым искусством, танцуя 13 февраля в другом балете, который был поставлен для него изнывающими от ревности к Мольеру бургонцами, причем в исполнении пролога к балету участвовали знаменитые Дезейе и Флоридор. Мольер же получил возможность вернуться к текущему репертуару и к делам своей семьи.

Дела эти были полны сумрачных тайн и печалей, и только блеск светильников все в той же церкви Сен-Жермен-де-л'Оксерруа 28 февраля несколько рассеял мрак жизни находящегося в состоянии меланхолии Мольера. В этот день крестили первенца Мольера. Все было обставлено необыкновенно пышно и парадно. У купели стоял гвардеец с длинной алебардой, а у священника на лице был выражен необычный восторг.

Дело в том, что Мольер добился исключительной чести: крестным отцом ребенка согласился быть король Франции. От имени великого кума присутствовал герцог де Креки, а от высочайше поставленной кумы Генриэтты, герцогини Орлеанской, – супруга маршала дю Плесси. Ребенка, как совершенно понятно, назвали Людовиком.

Крестины произвели большое впечатление в Париже, и брань по адресу Мольера значительно стихла. Тень короля стала всем мерещиться за плечами у директора труппы, и многие из тех, которые любят становиться на сторону победителя, с увлечением рассказывали о том, что будто бы Монфлери с его доносом и слушать не стали во дворце, а выгнали почти что взашей.

Тем временем Мольер совершил переезд, который многим показался очень странным. Он покинул свою квартиру на улице Ришелье и перебрался с женою на прежнее место, на угол Королевской площади и улицы Фомы Луврского, и зажил там в одном доме с

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мадленю Бежар и с госпожой Дебри. Добрые знакомые сделали из этого вывод, что он вновь сошелся с верным своим и славным другом – госпожой Дебри, а другие добавили к этому: «...и с Мадленой также!»

Я не знаю, было ли это, да и неприятно рыться в чужой личной жизни, но несомненно, что оставаться наедине в отдельной квартире на улице Ришелье супруги Мольер уже больше не могли.

Переехав, Мольер продолжал, несмотря на тяжелое состояние духа, порывисто работать над одной большой вещью. Производил он эту работу втайне, и говорят, что очень немногие знали о ней. В числе их были: знаменитый критик и поэт Буало-Депрео, который, несмотря на большую разницу лет (он был моложе Мольера на четырнадцать лет), как я уже говорил, стал лучшим другом нашего героя, и одна из умнейших и интереснейших женщин во Франции, Нинон де Ланкло, прозванная французской Аспазией, в салоне которой Мольер, без особенной огласки, читал отрывки из новой комедии.

Королю, который теперь благосклонно следил за работами своего кума, обольстившего его своими балетами, тот всеподданнейше сообщил, что пишет большую комедию о ханже и лицемере. Королю, привыкшему ожидать от директора труппы прелестнейших затей и увеселений, это очень понравилось, и придворные распространили слух, что якобы Мольер потихоньку какие-то сцены королю уже прочитал и что король давал ему авторитетные советы. Но ничего этого в действительности не было. Никаких советов король не подавал, занимаясь в кругу своих выдающихся по уму и способностям министров государственными делами и ожидая окончания отделки Версальского дворца.

Этот дворец был готов весной, и тогда же разразилось событие, которого на французской сцене еще не бывало.

Когда настал сияющий май, король предстал перед нами, но уже не в виде крестного отца и не в виде египтянина. И воистину нужно блестящее перо Жана Расина, писавшего торжественные оды в начале своей литературной карьеры, чтобы изобразить то, что происходило в Версале в начале мая 1664 года.

В это время, то есть весной 1664 года, была закончена отделка Версальского дворца, и тогда начались грандиозные версальские празднества.

По необозримой аллее, меж стен стриженной зелени, двигался кортеж, и в голове его верхом на коне ехал король Франции. Весенние лучи били прямо в панцирь королю, и можно было ослепнуть, возведя на короля взор. Сбруя на коне горела золотом, на шлеме короля сверкали алмазы. На шлемах конвоя развевались перья, и танцевали под конвоем кровные кавалерийские лошади.

Шли оркестры, и трубы в них кричали так оглушительно, что казалось, будто бы их слышно за двадцать километров, в Париже. Между хорами музыки ехали колесницы, и на одной из них возвышался загримированный богом Аполлоном Шарль Варле де Лагранж. На следующих колесницах ехали актеры, одетые в костюмы знаков созвездий Зодиака. Шли и ехали костюмированные рыцари, негры и нимфы. И виден был среди них на колеснице бог лесов Пан с козлиными ногами, которого изображал господин де Мольер.

Что означало все это? Трубы герольдов возвестили всему миру, что начались «Утехи Очарованного Острова» – великие версальские праздники, организованные герцогом де Сент-Эньяном по приказу короля.

Герцог превзошел все ожидания. Все, что было лучшего, было им взято для этих празднеств. Вигарани соорудил машины для театральных представлений, а королевские садовники выстригли в море версальской зелени целые театры и украсили их гирляндами и орнаментами из цветов, пиротехники приготовили еще невиданные по блеску и силе разрывов фейерверки.

И когда начались праздники, ежевечерне по садам Версаля разливалось разноцветное пламя, с неба с грохотом валились звезды, и казалось издали, что горит Версальский лес.

Мольер работал для этого праздника как лихорадочный и в очень короткий срок, заимствовав у кого-то из испанских драматургов канву, сочинил пьесу под

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru названием «Элидская принцесса». Времени для этой работы у него было так мало, что в конце концов голова его пошла кругом, и, начав пьесу стихами, на втором акте он их бросил и закончил произведение прозой, отчего оно приобрело какой-то странный вид.

В этом галантном и пустом представлении в роли принцессы Элидской выступила Арманда Мольер. Тут весь двор увидел, каким громадным талантом обладает жена знаменитого комедианта и какую школу она прошла у него. Игра ее потрясла, и придворные кавалеры роем окружили остроумную, злоязычную женщину в лимонных шелках, расшитых золотом и серебром.

Королю «Элидская принцесса» доставила громадное удовольствие, а автору ее принесла новое горе. Опасные своей юностью, красотой и богатством кавалеры окончательно отравили ему праздники. Сплетни о его жене родились тут же, в первый день. Все они в виде ядовитых сожалений или некрасивых намеков немедленно попали в уши Мольеру, но он уж даже не огрызался, а только по-волчьи скалил пожелтевшие зубы. Очевидно, после прошлогодней войны с бургонцами ко многому привык и уж не удивлялся тому, что ходит между людей совершенно обнаженным. Кроме того, на него свалилось несчастье: королевский крестник Людовик умер тотчас после премьеры «Элидской принцессы».

Празднества тем временем шли своим порядком, и в цветочных театрах оркестры играли мелодии Люлли, и капали огни с неба, и приближался шестой, роковой день «Утех». В этот день, 12 мая, Мольер, предупредив короля, что пьеса еще не готова, показал двору и королю три акта из этой самой таинственной пьесы о ханже, называвшейся «Тартюф, или Лицемер».

Я буду краток. В этой пьесе был изображен полнейший и законченный мошенник, лгун, негодяй, доносчик и шпион, лицемер, развратник и соблазнитель чужих жен. Этот самый персонаж, явно опасный для окружающего общества, был не кем иным, как... священнослужителем. Все его речи были переполнены сладкими благочестивыми оборотами, и, более того, свои пакостные действия герой на каждом шагу сопровождал цитатами из... Священного Писания!

Я не считаю нужным ничего прибавлять к сказанному. Это представление было разыграно в присутствии короля, королевы-матери, религиознейшей женщины, и бесчисленных придворных, среди которых многие были ревностными членами прогрессивного несколько ранее духовного общества компании святых даров, развившего такую усиленную деятельность по охране религии и чистоты нравов в государстве, что даже правительство одно время пыталось его закрыть.

Комедия о Тартюфе началась при общем восторженном и благосклонном внимании, которое тотчас же сменилось величайшим изумлением. К концу же третьего акта публика не знала уже, что и думать, и даже у некоторых мелькнула мысль, что, может быть, господин де Мольер и не совсем в здравом уме.

Среди духовных лиц, конечно, попадают всякие, хотя бы тот самый аббат Рокет, ставший впоследствии епископом Отенским, которого Мольер знал в незабвенное лангедокское время, когда Рокет прославил себя перед всей паствой изумительно скверным поведением, или бывший адвокат Шарпи, превратившийся в проповедника и соблазнивший жену придворного аптекаря, или известный бордоский францисканец отец Итье, отличившийся во времена фронды неслыханными предательствами, и некоторые другие. Но все-таки изображать на сцене то, что было изображено Мольером... Нет, согласитесь, это чересчур!

Многострадальные светские маркизы привыкли уже к тому, что король их отдал как бы в аренду на растерзание Мольеру. Сганарели, лавочники получили тоже, что им полагалось... Но в «Тартюфе» Мольер вторгся в такую область, в которую вторгаться не полагалось!

Возмущение созрело с необычайной быстротой и выразилось в гробовом молчании. Случилась неслыханная вещь. Комедиант из Пале-Рояля одним взмахом своего пера испортил и прекратил версальские празднества: королева-мать демонстративно покинула Версаль!

А далее события приняли очень серьезный характер. Перед глазами короля вдруг возникла огненная мантия, и предстал перед ним не кто-нибудь, а архиепископ города Парижа кардинал Ардуен де Бомон де Перефикс, и он очень настойчиво и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
внушительно умолял короля тотчас же прекратить представление «Тартюфа». Компания святых даров говорила только об одном – о том, что Мольер слишком опасен. Это был первый, а быть может, и единственный случай в жизни короля, когда он почувствовал себя изумленным после театрального представления.

И вот настал момент, когда оба кума остались наедине. Некоторое время они молча созерцали друг друга. Людовик, который с детства имел манеру выражаться кратко и ясно, почувствовал, что слова как-то не идут с его языка. Выпятив нижнюю губу, король искоса глядел на побледневшего комедианта, и в голове у него вертелась такого рода мысль: «Однако этот господин де Мольер представляет собой довольно интересное явление!»

Тут кум-комедиант позволил себе сказать следующее:

– Так вот, ваше величество, я хотел всеподданнейше испросить разрешение на представление «Тартюфа».

Изумление поразило кума-короля.

– Но, господин де Мольер, – сказал король, с великим любопытством глядя в глаза собеседнику, – все единодушно утверждают, что в вашей пьесе содержатся насмешки над религией и благочестием!

– Осмелюсь доложить вашему величеству, – задушевно ответил покумившийся с королем артист, – благочестие бывает истинным и ложным...

– Это так, – отозвался крестный отец, не спуская взора с Мольера, – но опять-таки, вы извините меня за откровенность, все говорят, что в вашей пьесе нельзя разобрать, над каким благочестием вы смеетесь, над истинным или ложным? Ради Бога, извините меня, я не знаток в этих вопросах, – добавил к этому как всегда вежливый король.

Помолчали. А потом король сказал:

– Так что я уж вас попрошу эту пьесу не играть.

Закончив столь неудачно праздники, король 16 мая отправился в Фонтенбло. Мольер двинулся за ним, а за Мольером по следам двинулась, все более расцветая, история с «Тартюфом».

В Фонтенбло «Элидскую принцессу» смотрел среди других посол Папы Римского и его родственник кардинал Киджи, приехавший во Францию для переговоров. «Принцесса» понравилась кардиналу, и Мольер устроил так, что кардинал пригласил его читать «Тартюфа». Мольер прочитал кардиналу пьесу, причем, ко всеобщему удивлению, папский легат любезно сказал, что он не видит в комедии ничего неприемлемого и оскорбления религии в ней не усматривает. Мольера очень окрылила рецензия кардинала, померещилась возможность добиться защиты пьесы со стороны Святейшего престола. Но этого не случилось, к сожалению. Не успел король обосноваться как следует в Фонтенбло, как ему было представлено напечатанное в Париже с очень большой быстротой произведение юре церкви Святого Варфоломея отца Пьера Руле. Адресовано это произведение было так: «Славнейшему из всех королей мира, Людовику XIV» – и полностью касалось «Тартюфа».

Почтенный юре был человек темпераментный и выражался совершенно ясно. По его мнению, Мольер является отнюдь не человеком, а демоном, лишь облеченным в плоть и одетым в человеческое платье. И ввиду того, полагал Пьер Руле, что адский огонь все равно совершенно обеспечен Мольеру, то и следует означенного Мольера, не дожидаясь этого адского огня, сжечь перед всем народом вместе с «Тартюфом».

Мольер, познакомившись с произведением отца Пьера, немедленно подал прошение королю, в котором в отчаянных выражениях просил защиты и сравнивал короля с Богом.

Людовик XIV терпеть не мог, когда ему делали указания на то, как и с кем он должен поступить. Поэтому Руле со своим проектом аутодафе никакого решительно успеха не имел. Более того, как будто Руле с его нелепым предложением приняли плохо.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Тут, между прочим, обнаружился, кроме римского кардинала, еще один защитник «Тартюфа». Это был грубый и неприятный в обращении, но умный и любознательный Великий Конде. В то время, когда возник «Тартюф», итальянцы сыграли фарс «Скарамуш-отшельник», в котором в крайне отрицательном свете был изображен монах. Король, который не переставал пребывать в состоянии недоумения по поводу истории с «Тартюфом», сказал Конде, посмотревши «Скарамуша»:

– Я не понимаю, почему они так набросились на «Тартюфа»? Ведь в «Скарамуше» содержатся гораздо более резкие вещи.

– Это потому, ваше величество, – ответил ему Конде, – что в «Скарамуше» автор смеется над небом и религией, до которых этим господам нет никакого дела, а в «Тартюфе» Мольер смеется над ними самими. Вот почему они так разъярились, сир!

Но и выступление Конде не помогло Мольеру. Что же сделал автор злосчастной пьесы? Сжег ее? Спрятал? Нет. Оправившись после версальских потрясений, нераскаявшийся драматург сел писать четвертый и пятый акты «Тартюфа».

Покровитель Мольера Орлеанский, конечно, заставил Мольера разыграть «Тартюфа» для него, и тот сыграл летом в замке Вилье-Котрэ три акта, а когда закончил пьесу, то полностью разыграл ее в Рэнси у Конде.

Да, пьеса была запрещена, но не было никакой возможности остановить ее распространение, и она в списках стала расходиться по Франции. Мало этого, слух о ней проник в другие европейские страны. В то время в Риме проживала отрекшаяся от престола шведская королева Христина-Августа, в высшей мере образованная и эксцентричная женщина, любительница искусств и наук. До этого экс-королева бывала и во Франции, где, между прочим, ознаменовала свое пребывание в Фонтенбло тем, что подослала к своему любовнику маркизу Джованни Мохельдески убийц, которые и прикончили маркиза в конце 1657 года.

Новообращенная в католичество экс-королева Христина крайне заинтересовалась «Тартюфом» и официально просила Францию, чтобы ей любезно предоставили экземпляр пьесы: королева хотела ее поставить за границей. Тут французские власти попали в щекотливое положение, но все же сумели под какими-то предлогами королеве в ее просьбе отказать.

Когда больной, кашляющий и уже раздражавшийся при виде людей Мольер вернулся после Фонтенбло к своим пале-рояльским делам, выяснилось, что сборы в театре падают. «Принцесса Элидская» шла, правда, успешно, но слишком дорого стоила. Принятая театром пьеса входящего в моду первоклассного драматурга Жана Расина «Фиваида» больших сборов не делала. Смерть «Тартюфа» резала во всех отношениях директора.

И, пережив еще одно тяжелое огорчение – умер толстый Гро-Рене Дюпарк – и заменив его новым комиком, Юбером, специалистом по исполнению ролей старух, Мольер стал подумывать о том, что должно было заменить «Тартюфа».

Глава 21

ДА ПОРАЗИТ ГРОМ МОЛЬЕРА!

Он погрузился в изучение испанских легенд. Ссорясь с женой, ворча и кашляя, он сидел у себя в кабинете над фолиантами и марал бумагу. Образ прелестного соблазнителя, Дон Жуана Тенорио, соткался перед ним во время ночных бдений и поманил его. Он перечитал пьесу монаха Габриеля Тельеса, известного под псевдонимом Тирсо ди Молина, затем пьесы итальянцев о том же Дон Жуане. Тема бродила по разным странам и привлекала всех, в том числе и французов, и совсем недавно и в Лионе, и в Париже французы играли пьесы о Дон Жуане, или Каменном госте, который в руках первого переводчика испанской пьесы, принявшего слово «гость» за слово «пир», превратился в «Каменный пир».

Мольер увлекся и стал писать своего собственного Дон Жуана и сочинил очень хорошую пьесу со странным фантастическим концом: его Дон Жуан был поглощен адским пламенем.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Премьера была сыграна 15 февраля 1665 года. Дон Жуана играл Лагранж, его слугу Сганареля – Мольер, Юбер – Пьеро, дона Луи – хромой Бежар, Диманша – Дю Круази, ла Раме – господин Дебри, двух крестьянок, обольщаемых Дон Жуаном, Шарлотту и Матюрину, играли госпожа Дебри и Арманда, которая вновь была беременна на четвертом месяце.

«Дон Жуан, или Каменный пир» уже на премьере дал тысячу восемьсот ливров сбора. Затем сбор пошел вверх и дошел до двух тысяч четырехсот ливров.

Парижане были потрясены «Дон Жуаном». Следовало бы ожидать, что автор, потерпевший тяжелый удар в связи с «Тартюфом», немедленно раскается и предъявит публике произведение, не затрагивающее устоев и вполне приемлемое. Не только этого не случилось, но скандал по поводу «Дон Жуана» получился не меньший, если не больший, чем по поводу «Тартюфа», и в особенности потому, что «Дон Жуан» зазвучал со сцены, а «Тартюф» все-таки был известен только ограниченному кругу людей.

Герой Мольера Дон Жуан явился полным и законченным атеистом, причем этот атеист был остроумнейшим, бесстрашным и неотразимо привлекательным, несмотря на свои порочные качества, человеком. Доводы Дон Жуана были всегда разительны, как удары шпагой, и этому блистательному вольнодумцу, в виде оппонента, Мольер предоставил лакея его, Сганареля, трусливую и низменную личность.

Ревнителю благочестия были совершенно подавлены, а затем подавленность их сменилась яростью. Появились первые статьи о «Дон Жуане». Некий Барбье д'Окур, выступивший под псевдонимом Рошмон, требовал примерного наказания для господина Мольера и при этом напоминал, что император Август казнил шута, насмехавшегося над Юпитером. Помимо Августа, он упомянул и о Феодосии, который авторов, подобных Мольеру, бросал на растерзание зверям.

За Рошмоном выступил другой писатель, который заметил, что хорошо было бы, если бы автор был поражен молнией вместе со своим героем. За этим автором появился вновь, на сей раз в последний раз, наш старый знакомый, благочестивый принц Конти. В своем специальном сочинении, посвященном комедии и актерам, он заявлял, что «Дон Жуан» представляет совершенно открытую школу неверия, причем надо заметить, что принц рассуждал очень остроумно.

– Нельзя же, в самом деле, – говорил он, – заставить Дон Жуана произносить дерзновенные речи, а защиту религии и Божественного начала поручить дураку-лакею. В какой же мере он может противостоять своему блистательному противнику?

Вообще говоря, пожелания о том, чтобы директора Пале-Рояля поразил небесный гром, раздавались все чаще и чаще. Самое сильное впечатление во всей пьесе произвела действительно странная сцена между Дон Жуаном и нищим, в которой тот на вопрос Дон Жуана: чем занимается он? – отвечал, что он молится целый день за благополучие тех людей, которые ему подадут что-нибудь. В ответ на это Дон Жуан заявил, что человеку, который молится целый день, не может жить плохо. Нищий, однако, признался, что он очень нуждается. Тогда Дон Жуан сказал, что, значит, его хлопоты плохо вознаграждаются на небе, и предложил ему луидор, но только с тем, чтобы бедняга побогохульствовал. Нищий отказался это сделать, и Дон Жуан отдал ему этот луидор, по его выражению, из человеколюбия.

Эта сцена обратила против Мольера даже тех, кто относился к нему сравнительно благоприятно, и финальный удар молнией, которой автор поразил своего героя, решительно никого не удовлетворял. Короче говоря, «Дон Жуан» прожил на сцене недолго и после пятнадцатого представления был запрещен.

Не мешает добавить, что благодаря «Дон Жуану» Мольер поссорился еще с целой корпорацией ученых людей в Париже, именно – с врачами, допустив по их адресу резкие насмешки в комедии. Нажив себе, таким образом, новых врагов, Мольер вступил в глухой сезон. Томительное лето тянулось долго и безрадостно. Дома приходилось ссориться с беременной и ставшей раздражительной женой и яростно и бесполезно ругаться по поводу падения сборов в кассе. Бороться же с этим падением после потери «Тартюфа» и «Дон Жуана» было очень трудно.

Когда настроение духа становилось совершенно невыносимым, на помощь приходило вино, и небольшая компания, состоящая из старых одноклассников Мольера и Клода

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Шапеля, а кроме них – Лафонтена, Буало и восходящей звезды, Жана Расина, собиравшая время от времени то в кабачке «Белого барана», то в «Еловой шишке». Председательствовал во время этих собраний шумный Шапель, больше всего на свете любивший выпить. Надо полагать, что, если бы эта компания, в особенности во главе с Мольером, появилась в наши дни в любом из ресторанов Франции, ее угощали бы даром!

Театральные дела тем временем шли своим порядком. В июне по приказу короля в Версале играли пьесу «Кокетка», написанную женщиной-драматургом мадемуазель де Жарден. Пьеса была разыграна в открытом театре в саду, причем актеров поразило необыкновенное количество апельсиновых деревьев, которыми был украшен театр.

4 августа Арманда разрешилась от бремени и принесла своему мужу дочь. Крестным отцом девочки стал наш старый знакомый Эспри Ремон де Моден, а крестной матерью – Мадлена. Роман старых любовников давно закончился, де Модена и Мадлену связывала теперь тихая и грустная дружба, и в честь бывших любовников, а ныне кума и кумы, девочку назвали Эспри-Мадленой, соединив их имена.

Через несколько дней после рождения мольеровской дочери произошло знаменитое событие, очень оживившее труппу. В памятную пятницу 14 августа 1665 года, когда труппа была в Сен-Жермен-ан-Ле, король объявил сьеру де Мольеру его высочайшее повеление: отныне труппа переходит в собственное ведение короля и будет носить название Труппы короля в Пале-Рояле. В связи с этим труппе назначается содержание в размере шести тысяч ливров в год.

Ликование актеров было чрезвычайно велико, и на королевскую милость нужно было ответить как должно. Мольер и ответил бы немедленно, если бы не одно обстоятельство: он очень сильно хворал. Весь организм его расстроился. У него появились какие-то изнурительные боли в желудке, по-видимому, нервного происхождения, которые почти никогда не отпускали его. Кроме того, он все сильнее и сильнее кашлял, а однажды произошло кровохарканье. В связи с этим к Мольеру был вызван консилиум врачей.

Но лишь только Мольеру стало легче, он показал такой эксперимент в области драматургии, какой, можно ручаться, не удастся никакому драматургу в мире. Каким образом можно сделать такую вещь, мне непонятно: в течение пяти дней он сочинил, прорепетировал и сыграл трехактную комедию-балет с прологом. Эта пьеса, показанная 15 сентября в Версале и называвшаяся «Любовь-целительница, или Врачи», доставила королю большое удовольствие. Затем ее перевели в Пале-Рояль, и там она стала давать приличные сборы, причем и вокруг нее разыгрался обычный для Мольера скандал.

На сей раз был серьезнейшим образом оскорблен весь французский медицинский факультет, потому что в пьесе были выведены четыре врача, и все они представляли собою чистокровных шарлатанов.

Что же привело Мольера к ссоре с докторами? По Парижу ходила дешевенькая версия, что будто бы де Мольер потому так оплевал врачей, что жена его Арманда поссорилась с квартирной хозяйкой – женой врача. Та будто бы повысила Арманде квартирную плату, за это будто бы Мольер выгнал супругу доктора из театра, а у супруги была в руках контрамарка, которую ей дала Дюпарк... Словом, глупая сплетня, и дело вовсе не в этом.

Мы уже знаем, что Мольер все время хворал, хворал безнадежно, затяжным образом, постепенно все более впадая в ипохондрию, изнурявшую его. Он искал помощи и бросался к врачам, но помощи от них он не получил. И, пожалуй, он был прав в своих нападках на врачей, потому что время Мольера было одним из печальнейших времен в истории этого великого искусства, то есть медицины. Мольеровские врачи в большинстве случаев лечили неудачно, и всех их подвигов даже нельзя перечислить. Гассенди, как мы уже упоминали, они уморили кровопусканиями. Совершенно недавно, в прошлом году, один из врачей отправил на тот свет лучшего друга Мольера, Левайера, трижды напоив его рвотной настойкой, абсолютно противопоказанной при болезни Левайера.

Ранее, когда умирал Мазарэн, четверо врачей, вызванных на консилиум к кардиналу, стали предметом посмешища у парижан, потому что вынесли четыре разных диагноза. Словом, мольеровское время было темное время в медицине.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Что же касается чисто внешних признаков, отличавших врачей, то можно сказать, что люди, разъезжающие по Парижу верхом на мулах, носящие мрачные длинные одеяния, отпускающие бороды и говорящие на каком-то таинственном жаргоне, конечно, просто-напросто просились на сцену в комедии. И в «Любви-целительнице» Мольер их вывел на сцену в количестве четырех. Они носили имена, которые для Мольера, хихикая за ужином, придумал Буало, воспользовавшись греческим языком. Первый врач назывался Дефонандрес, что значит «убийца людей». Второй – Баис, что значит «лающий». Третий – Мокротон, что значит «медленно говорящий», и, наконец, четвертый – Томес – «кровопускатель».

Скандал вышел большой, потому что публика тотчас же узнала в них четырех придворных врачей: Эли Беда сьера де Фужере, Жана Эспри, Гено и Вало, причем последний числился не просто придворным врачом, а первым доктором короля. Года четыре спустя после представления пьесы этот Вало уморил жену королевского брата Генриэтту, но не кровопусканием, а назначив ей настойку опиума, которую назначать не следовало.

Консилиум четырех шарлатанов на сцене шел под величайший смех публики, и не мудрено, что ненависть к Мольеру среди врачей достигла после представления «Любви-целительницы» необыкновенной степени.

Но сборы эта пьеса значительно выправила на пале-рояльской сцене. Правда, не меньшую роль в этом отношении сыграли некоторые пьесы посторонних авторов, и среди этих авторов нужно отметить бывшего врага Мольера – Донно де Визе. Ему наконец удалось написать хорошую пьесу – «Мать-кокетка». Мольер примирился с ним, взял пьесу для постановки, и пьеса де Визе имела успех.

Главная надежда возлагалась на пьесу Жана Расина «Александр Великий». Пьеса была прорепетирована, и премьеру ее Пале-Рояль показал 4 декабря 1665 года.

Но тут молодой друг Мольера Жан Расин совершил поступок, который очень поразил Мольера. Пале-рояльская труппа в том же декабре с ужасом узнала, что Бургонский Отель начал репетировать «Александра Великого» и что это делается с ведома Расина. Лагранжу, который играл Александра, стало известно, что ему придется состязаться с Флоридором, и директор Пале-Рояля просто схватился за голову, потому что ясно было совершенно, что сборы на «Александра» упадут при параллельной постановке в Бургонском Отеле.

Когда у Расина попросили объяснения насчет того, на каком основании он отдал уже играющуюся пьесу в конкурирующий театр, тот отозвался тем, что исполнение «Александра» в Пале-Рояле ему не нравится и что, по его мнению, в Бургонском Отеле эта пьеса разойдется лучше.

Тут дружбу двух драматургов разрезало, как ножом, и Мольер возненавидел Расина.

Глава 22

ЖЕЛЧНЫЙ ВЛЮБЛЕННЫЙ

Уйду искать тот отдаленный край на земле...

«Мизантроп»

После измены Расина Мольер вновь заболел, и его все чаще стал навещать постоянный его врач Мовилэн, который, по-видимому, не так уж плохо понимал свое дело. Но и Мовилэну было трудно с точностью определить болезнь директора Пале-Рояля. Вернее всего было бы сказать, что тот был весь болен. И несомненно, что, помимо физических страданий, его терзала душевная болезнь, выражающаяся в стойких приступах мрачного настроения духа. Весь Париж в глазах директора затянуло неприятной серой сеткой. Большой стал морщиться и дергаться и часто сидел у себя в кабинете, нахохлившись, как больная птица. В иные минуты им овладевало раздражение и даже ярость. В такие минуты он не мог собою управлять, становился несносен в обращении с близкими и однажды, впад из-за какого-то пустяка в бешенство, ударил своего слугу.

Лечить Мольера было очень трудно. Он просил лекарств, и Мовилэн обильно

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru выписывал ему всевозможные снадобья и назначал врачебные процедуры, но предписания врача больной выполнял неаккуратно. Больной был очень мнителен, старался понять, что происходит у него внутри, сам у себя щупал пульс и сам себе внушал мрачные мысли.

В январе 1666 года Расин нанес Мольеру последний удар. Вдова Дюпарк объявила, что переходит в Бургонский Отель. Выслушав эту новость, Мольер злобно заявил, что в этом нет ничего удивительного, он понимает, что Терезу-Маркизу сманил ее любовник Расин.

Помогли ли лекарства Мовилэна, или справился с приступом болезни сам организм, но в конце февраля Мольер вернулся к регулярной работе в театре. В течение весенних месяцев он написал новую пьесу, назвав ее «Мизантроп, или Желчный влюбленный». Это была пьеса о честном и протестующем против людской лжи и вследствие этого, конечно, одиноким человеке. Мольеровскому доктору следовало бы хорошенько изучить это произведение: в нем, несомненно, отразилось душевное настроение его пациента. Вероятно, впрочем, доктор Мовилэн знал пьесу.

Несмотря на то что «Мизантроп» знающими людьми был признан одним из самых сильных произведений Мольера, у публики он большого успеха не имел. Премьера прошла вяло. Один из зрителей, знакомый Расина, желая сделать ему приятное, рассказал, что он был на премьере и что «Мизантроп» провалился. Очень следует отметить то, что ответил злорадному человеку ненавидимый Мольером Расин. Он сказал:

– Да, вы были? А я не был. Тем не менее я вам не верю. Не может быть, чтобы Мольер написал плохую пьесу. Вы пойдите и еще раз посмотрите!

Начало «Мизантропа» ознаменовалось одной историей, которая причинила беспокойство Мольеру. Впрочем, мы знаем, что без этого трудно представить себе мольеровскую пьесу. Парижане, по своему обыкновению, стали искать портретов в этой пьесе и разнесли слух, что герой пьесы Альцест есть не кто иной, как воспитатель дофина герцог де Монтозье. Слух этот мгновенно дошел до герцога. Он не имел никакого представления о пьесе Мольера, но сразу же решил, что ежели Мольер вывел его, то, уж конечно, в смешном виде. Герцог пришел в ярость и заявил, что при первой же встрече он изобьет Мольера до смерти палкой. Угрозы герцога были переданы Мольеру услужливыми друзьями и вызвали в человеке, у которого и так было нарушено душевное равновесие, неимоверный ужас.

Мольер стал всячески стараться, чтобы не встретиться с Монтозье, но эта неизбежная встреча состоялась. Когда король смотрел «Мизантропа», Монтозье тоже явился на спектакль. Мольер решил отсидеться за кулисами, но когда спектакль окончился, к нему явились и сказали, что герцог Монтозье просит его прийти, чтобы с ним поговорить. Ужас Мольера дошел тогда до болезненной степени, и удивленным гонцам пришлось уверять, что Монтозье не собирается причинить ему какое-нибудь зло. Тогда Мольер, бледный и с дрожащими руками, предстал перед герцогом. Тут ужас его сменился изумлением, потому что Монтозье обнял его и в самых лучших выражениях стал благодарить его, заявляя, что ему лестно было служить оригиналом для портрета такого благородного человека, как Альцест. При этом герцог наговорил драматургу множество комплиментов и с той поры стал относиться к нему с необыкновенной симпатией. Интереснее всего то, что Мольер, создавая своего Альцеста, даже и в мыслях не имел герцога Монтозье.

Однако, несмотря на успех при дворе и на хорошие качества пьесы, сборов в Пале-Рояле хороших она все-таки не делала, и актеры похаживали вокруг своего директора и умильно просили у него какую-нибудь новинку, ссылаясь на то, что даже «Аттила», пьеса старика Пьера Корнеля, которую тот дал в Пале-Рояль, малонадежна в смысле будущего.

Глава 23

МАГИЧЕСКИЙ КЛАВЕСИН

Выпрашиваемой новинки актеры добились и 6 августа 1666 года разыграли новый фарс Мольера «Лекарь поневоле». Фарс был прелестный, понравился парижанам чрезвычайно и дал прекрасные сборы, принеся около семнадцати тысяч ливров в сезон. Сам же

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мольер, пожимая плечами, заявил, что этот фарс – безделица и чепуха и что не о фарсах нужно думать, а о том, что бы приготовить для торжественных празднеств, которые намечаются на декабрь месяц в Сен-Жермен-ан-Ле. Тут следует отметить большое событие, случившееся гораздо ранее этих празднеств и «Лекаря поневоле», но именно в этом году.

Во Франции в то время существовала одна детская труппа, носящая название Труппы комедиантов дофина. Управляла ею госпожа Резен, супруга органиста Резена. Некоторое время труппа играла в провинции, а затем появилась в Париже. Супруг госпожи Резен отличался, по-видимому, великолепными изобретательскими способностями и, напрягая их в должной мере, изобрел в конце концов магический клавесин, который мог играть разные пьесы по выбору Резена, без всякого прикосновения к нему рук человеческих. Само собой разумеется, что на публику волшебный инструмент произвел сногшибательное впечатление, и, когда слух о нем достиг короля, клавесин велено было продемонстрировать во дворце. Демонстрация эта дала плачевный результат: королева упала в обморок при первых же звуках инструмента, который заиграл сам собою. Король, которого, очевидно, трудно было поразить сомнительными чудесами, велел открыть инструмент, и тут на глазах у ахнувших зрителей из клавесина вытащили скорчившегося, замученного и необыкновенно грязного мальчишку, который играл на внутренней клавиатуре.

Мальчугана звали Мишель Барон. Он был сыном покойного комедианта Бургонского Отеля Андре Барона и выступал в детской труппе госпожи Резен.

Подростки дали несколько спектаклей в Пале-Рояле, причем выяснилось, что тринадцатилетний сирота Барон отличается редкой красотой, а кроме того, такими актерскими способностями, которых, пожалуй, и не было еще видано.

Мольер заявил всем, что это будущая звезда французской сцены. Он извлек Барона из рук госпожи Резен и взял его к себе в дом на воспитание. Разошедшийся с женою и не связанный с нею ничем, кроме общей квартиры и театральных дел, одинокий и большой директор необыкновенно привязался к талантливому мальчишке. Он нянчился с ним, как с сыном, старался исправить его буйный и дерзкий характер и учил его театральному искусству, причем в короткий срок добился очень больших результатов.

Награжден был за это Мольер, первым долгом, самым скверным слухом из всех, которые когда-либо о нем распространялись. Увидев, насколько Мольер нежен с Бароном, добрые люди стали рассказывать, что комедиант любит мальчика вовсе не отцовской любовью, а любовью противоестественной и что он соблазнил и развратил Барона.

Осложнен был вопрос пребывания Барона в мольеровском доме тем, что Арманда невзлюбила мальчугана. И трудно было понять, в чем тут дело. Очень возможно, что большую роль в этом сыграло то обстоятельство, что Мольер стал писать для Барона специальную роль Миртила в героической пасторали «Мелисерта», которую Мольер готовил для декабрьских королевских празднеств.

Эти носившие название «Балет муз» празднества начались в Сен-Жермене в декабре. Большой балет, либретто которого написал специалист-либреттист Исаак де Бенсерад, пошел с большим успехом, тем более что в нем опять-таки танцевал сам король, а с ним – мадемуазель Лавальер. Но когда дело дошло до «Мелисерты», то ее удалось сыграть только один раз, и сорвали дальнейшие представления Арманда и Барон. Перед самым представлением «Мелисерты» разъяренная до предельной степени не то развязным поведением Барона, не то тем обстоятельством, что она в «Мелисерте» отходила на второй план, получив небольшую роль пастушки Эроксены, Арманда дала пощечину Барону.

Гордый, как дьявол, мальчишка бросился к Мольеру и категорически заявил, что он уходит из труппы. Мольер чуть не плакал, умоляя его остаться, но Барон стоял на своем, и директору еле удалось его уговорить не срывать хотя бы премьеру и сыграть Миртила. Барон на это согласился, один раз сыграл, а затем имел смелость явиться к королю, пожаловаться ему на Арманду и просить разрешения уйти из мольеровской труппы.

Король ему это позволил, и Барон вернулся в первобытное состояние, то есть отправился к госпоже Резен.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мольер был в неопишемом горе. Заменить в Миртиле Барона было нечем, «Мелисерту» пришлось снять, и в короткое время Мольер набросал пустую и ничтожную пастораль под названием «Коридон» с какими-то танцующими цыганами, волшебниками, демонами и тому подобными персонажами. «Коридон» вошел в «Балет муз», но спасло это произведение только то обстоятельство, что Люлли сочинил для него очень милую музыку.

Кроме «Коридона», Мольер ввел в празднества третью вещь – одноактную комедию-балет «Сицилиец, или Любовь художника», и ее сыграли 5 января 1667 года.

После сен-жерменских праздников Мольер слег, захворав на этот раз очень серьезно. У него открылись легочные кровотечения. Тут близкие Мольеру люди очень забеспокоились, и доктора велели Мольеру немедленно уехать из Парижа. Это был хороший совет. Мольера увезли в деревню и стали лечить правильно, отпаивая молоком. Удалось поставить его на ноги в июне месяце, так что он мог вернуться в театр и играть в летнем сезоне.

Глава 24

ОН ВОСКРЕСАЕТ И ВНОВЬ УМИРАЕТ

Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. Без него у нас не развяжется ни одна драма.

Гоголь. «Театральный разъезд»

Год 1667-й был годом значительным и никак не походил на предыдущий глухой год. Те два человека, за жизнью которых я слежу, король Франции и директор труппы Пале-Рояля, в этом году разработали две мысли.

Королевская мысль была величественна, как и следует ожидать, и заключалась в том, что супруга его, Мария-Терезия, дочь испанского короля Филиппа IV, скончавшегося два года тому назад, имеет наследственное право на испанские владения, находящиеся в Нидерландах. К обстоятельной разработке этой мысли король и приступил.

Мысль же королевского комедианта была, конечно, менее значительна, но манила его ничуть не меньше, чем короля его замысел о присоединении к Франции новых земель. Когда под влиянием лечения подозрительные розоватые пятна на щеках Мольера исчезли, а глаза его утратили нехороший лихорадочный блеск, он извлек из шкафа рукопись «Тартюфа» и стал исправлять ее. Прежде всего Тартюфа он переименовал в Панюльфа, затем совлек с Панюльфа духовное одеяние и превратил его в светского человека. Затем он выбросил многие цитаты из Священного Писания, всячески смягчил острые места и как следует поработал над финалом.

Финал этот замечателен. Когда мошенник Тартюф, он же Панюльф, уже торжествовал и разорил честных людей и когда, казалось, от него нет уже никакого спасения, все-таки спасение явилось, и, конечно, изошло оно от короля. Добродетельный полицейский офицер, свалившийся как бы с неба, не только в самый нужный и последний момент схватывает злодея, но еще и произносит внушительный монолог, из которого видно, что, пока существует король, честным людям беспокоиться нечего и никакие мошенники не ускользнут от орлиного королевского взгляда. Слава полицейскому офицеру и слава королю! Без них я решительно не знаю, чем бы господин де Мольер развязал своего «Тартюфа». Равно как не знаю, чем бы, по прошествии лет ста семидесяти примерно, в далекой и холодной моей родине другой большой сатирик развязал бы свою довольно известную пьесу «Ревизор», не прискочил вовремя из Санкт-Петербурга жандарм с конским хвостом на голове.

Закончив поправки и с удовлетворением просмотрев их, автор стал делать хитрые круги возле короля. А тот, в свою очередь, поднявшись на большую высоту, стал плавно кружить в воздухе, не спуская глаз с лежащих под ногами Нидерландов. В то время, пока испанские юристы тонко и обстоятельно доказывали, что Мария-Терезия, а следовательно, и Людовик XIV никак не могут претендовать на испанские владения, король, решив, что дело слишком затягивается, вывел его из юридической плоскости. Все у него было уже готово. Его министры обеспечили соглашение с Португалией, Англией и другими странами, и в воздухе вдруг наступила зловещая

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
тишина, которая обычно бывает перед большим шумом. В Париже началось оживление. Роскошно разодетые кавалеры вдруг стали серьезны, начали уклоняться от развлечений и облеклись в боевые плащи.

Директор труппы Пале-Рояля счел момент удобным. Он предстал, обольстительно улыбаясь, перед королем, показал ему рукопись, рассказал о том, как он исправил пьесу. Король благосклонно глянул на комедианта и, думая о чем-то другом вероятно, произнес что-то неопределенное, вроде того, что он, собственно, ничего не имеет против этой пьесы... Глаза у Мольера вспыхнули, и тут он исчез из глаз короля.

Кавалера де Мольера мгновенно сменил вызванный королем маршал Тюреннь, и не успели в Испании и Нидерландах осмыслить случившееся, как французская боевая конница обрушилась на Нидерланды. Началась война.

Далекие от пушечного грохота господин Мольер и его комедианты, находясь в величайшем волнении, репетировали «Тартюфа» под новым названием «Обманщик». 5 августа, в незабвенный день премьеры, публика хлынула в Пале-Рояль. Сбор дошел до тысячи девятисот ливров, и успех был огромный. Но на другой же день в Пале-Рояль явился пристав парижского парламента и вручил господину Мольеру официальное от Гильома де Ламуаньона, первого президента парламента, предписание немедленно прекратить представления «Обманщика».

Мольер бросился к герцогине Орлеанской, и та отправила одного из своих приближенных к президенту. Тот ответил, что, к великому сожалению, ничего не может сделать, так как нет разрешения короля на представления «Обманщика». Тогда Мольер, захватив с собою верного друга Буало, который был в хороших отношениях с Ламуаньоном, отправился к президенту. Президент принял господина Мольера очаровательно и не только не истязал автора никакими упреками в безбожии, и не только не называл его пьесу опасной, но, наоборот, отдал должное таланту господина Мольера, произнеся всевозможные комплименты. Ламуаньон был совершенно вежлив, но в конце разговора на представления «Обманщика» выдать разрешение отказался категорически, впредь до решения этого дела королем.

Ни за одну из своих пьес Мольер не боролся так упорно, как за «Тартюфа». Он призвал верного товарища, ученика и своего друга Лагранжа, а с ним съера ла Торилльера, попросил их сейчас же броситься в почтовую карету и лететь во Фландрию, в королевскую ставку.

Лагранж и ла Торилльер взяли с собою тысячу ливров и уложили в сумку длинное прошение Мольера, в конце которого тот просил короля защитить его, Мольера, от бешеной злобы тех Тартюфов, при существовании которых нечего и думать о сочинении комедий, хотя бы и самых невинных. В этом же прошении Мольер уверял короля, что своей пьесой он хотел лишь развлечь монарха после его славного похода, он хотел одного – заставить улыбнуться того, при имени которого трепещет вся Европа... Мольер обнял Лагранжа и ла Торилльера, и 8 августа карета, уносившая их во Фландрию, скрылась в тучах пыли на дороге.

Слова «Тартюф» и «Обманщик» не сходили с языков в Париже, и 11-го числа грянула новость. Весь Париж стал читать послание архиепископа. Оно было составлено очень внушительно и начиналось так:

«Так как нашим фискалом нам было доложено, что в пятницу, пятого числа сего месяца, в одном из театров города была представлена под новым заглавием „Обманщик“ опаснейшая комедия, которая тем вреднее для религии, что под предлогом осуждения лицемерия и мнимого благочестия она дает повод осуждать всех, кто обнаруживает и истинное благочестие...»

В Париже ахали, читали послание, враги Мольера радовались, театралы, не успевшие попасть 5-го числа в театр, досадовали, а архиепископ говорил дальше в своем послании, что он, зная, насколько опасно оскорбление благочестия, в особенности в то время, когда великий король подвергает свою жизнь опасности ради государства и когда надлежит возносить пламенные молитвы о сохранении его священной особы и о даровании ему победы, он, архиепископ, запрещает не только представлять, но также читать или слушать эту комедию как публично, так и в каких-либо частных собраниях, под страхом отлучения от церкви. Архиепископ приказывал настоятелям церкви Святой Марии Магдалины и Святого Северина следить за выполнением его приказа.

«Дано в Париже за нашею печатью лета тысяча шестьсот шестьдесят седьмого августа одиннадцатого дня».

Удельный вес этого послания был слишком значителен, это было понятно даже наивным людям, и парижане поняли, что дело «Обманщика» проиграно. Но Мольер сделал еще одну попытку отбить свое дорогое творение. Кто-то из его друзей, быть может, группа их выпустила письмо в защиту «Обманщика». Говорят, что сам Мольер принимал участие в сочинении его. Но это письмо ничему не помогло. Тут Париж опротивел Мольеру. Он прекратил спектакли в Пале-Рояле впредь до возвращения Лагранжа и Торилльера, отправился в деревню Отейль под Парижем и там у сьера де Бофора нанял за четыреста ливров в год квартиру. Де Бофор предоставил Мольеру кухню, столовую, спальню, две комнаты в мансарде и право гулять в парке. Кроме того, Мольер за отдельную плату в двадцать экю нанял комнату на тот случай, если кто-нибудь из друзей придет навещать его в Отейле. Он уговорился с Армандой, что Эспри-Мадлену он возьмет с собою и отдаст ее в частный пансион в Отейле. Также условились, что кухарка Лафоре будет приезжать в Отейль готовить в тех случаях, когда у Мольера будут гости, а для повседневных услуг он нанял служанку Мартину. В отейльскую мансарду он привез с собою Плутарха, Овидия, Горация, Цезаря и Геродота, а также трактат по физике, сочиненный его приятелем Роо, с авторской надписью Мольеру.

Так скрылся из Парижа автор «Тартюфа».

Впрочем, комната для приезжих друзей долго не пустовала, и въехал в нее верный и настоящий друг Клод Шапель. Въехав, он прочно засел в ней, обставив себя бутылками с вином. Это он утешал своего одноклассника и разгуливал с ним по желтеющему парку сьера Бофора. В сентябре, когда листья в этом парке совсем пожелтели, в Отейль явились, даже не смыв с себя дорожной пыли, Лагранж и Торилльер. Обнявшись с директором, гонцы-комедианты сообщили, что король находится в добром здоровье, что поход победоносен, крепости и города падают к его ногам. Что же касается «Тартюфа», то прошение король принял благосклонно, но вопрос о постановке велел отложить впредь до его возвращения с войны.

Король вел войну свою храбро и выиграл ее, господин де Мольер не менее храбро воевал за своего «Тартюфа», но был побежден. Он воскресил своего Лазаря, но тот прожил только один вечер 5 августа.

Глава 25

АМФИТРИОН

Мольер не любил деревни и природы. Наш комедиант был настоящим городским человеком, сыном Парижа. Но несчастная семейная жизнь и никогда не прекращающаяся многолетняя работа истощили его, и отейльское изгнание стало для него необходимым. Он ограничил свою связь с Парижем, бывая только в театре и при дворе, а дни, свободные от спектаклей, проводил в отейльской мансарде, глядя, как меняется в разные времена года бофоровский парк. Шапель вообще прочно поселился в Отейле, а кроме того, время от времени наезжали другие друзья: Буало и Лафонтен, к которым иногда присоединялся граф Гиейерак, дипломат и большой любитель произведений Мольера, и граф де Жонзак, приятель Шапеля.

Компания приезжала в Отейль, чтобы отрывать Мольера от работы, болтать на литературные темы, читать вслух чужие дурные стихи и сочинять эпиграммы, в том числе и на архиепископа парижского Перефикса. Собрания обычно заканчивались ужинами в комнате Шапеля, причем эти ужины чрезвычайно полюбились всем и в особенности Жонзаку.

Для одного из ужинов Шапель закупил почему-то двойную порцию вина, Мольер чувствовал себя плохо, он только заглянул на минутку к веселой компании, пить отказался и ушел к себе. Оставшиеся же ужинали до трех часов ночи, и в три часа ночи им стало ясно, что жизнь отвратительна. Речи держал преимущественно Шапель. Отейль давно уж уснул, и давно прокричали петухи.

– Все суета сует и всяческая суета! – кричал зловеще Шапель, грозно указывая куда-то пальцем.

– Мы с тобой совершенно согласны, – ответили ему собутыльники, – продолжай, Шапель!

Тут Шапель опрокинул на себя стакан красного вина, что еще более его расстроило, и продолжал:

– Да, бедные мои друзья, все суета! Оглянитесь кругом и ответьте мне, что вы видите?

– Мы не видим ничего хорошего, – согласился с ним Буало и горько поглядел вокруг.

– Наука, литература, искусство – все это суетные, пустые вещи! – кричал Шапель. – А любовь! Что такое любовь, несчастные мои друзья?

– Это обман, – сказал Жонзак.

– Совершенно верно! – отозвался Шапель и продолжал: – Вся жизнь – это печаль, несправедливости и несчастья, которые окружают нас со всех сторон. – И тут Шапель заплакал.

Когда расстроенные друзья несколько утешили его, он закончил горячим призывом:

– Что же делать нам, друзья? Если жизнь такая черная яма, то надлежит, не медля, ее покинуть! Друзья мои, идемте топиться! Гляньте, там за окном река, которая манит нас к себе!

– Мы последуем за тобой, – сказали друзья, и вся компания стала пристегивать шпаги и надевать плащи, чтобы идти к реке.

Шум усилился. Тогда раскрылась дверь, и на пороге показался закутанный в плащ, в ночном колпаке, с огарком в руке Мольер. Он увидел залитую красным вином скатерть, оплывшее сало в свечах.

– Что у вас делается? – спросил он.

– Невыносима наша жизнь, – плача, сказал ему Шапель, – прощай, Мольер, навсегда. Мы идем топиться.

– Это хорошая мысль, – ответил Мольер печально, – но нехорошо с вашей стороны, что вы забыли меня. Ведь я же ваш друг.

– Он прав! Это было свинством с нашей стороны! – закричал расстроенный Жонзак. – Идем вместе с нами, Мольер!

Тут друзья расцеловали Мольера и вскричали:

– Идем!

– Ну что ж, идти так идти, – сказал Мольер, – но вот в чем дело, друзья. Нехорошо топиться ночью после ужина, потому что люди скажут, что мы сделали это с пьяных глаз. Не так делаются эти дела. Мы ляжем сейчас, поспим до утра, а в десять часов, умывшись и приведя себя в приличный вид, с гордо поднятой головой пройдем к реке, чтобы все увидели, что мы утопились, как настоящие мыслители.

– Это гениальная мысль! – вскричал Шапель и вновь расцеловал Мольера.

– Я разделяю твое мнение, – отозвался Жонзак и совершенно неожиданно заснул, положив голову между стаканами.

Около часу истратил Мольер, чтобы с помощью Мартины и двух слуг освободить будущих утопленников от шпаг, париков и кафтанов и каждому устроить ложе. И когда все пришло в порядок, он ушел к себе, но так как сон был уже нарушен, сидел и читал до солнца.

На следующее утро массовое самоубийство было почему-то отменено, но почему – это истории неизвестно.

Говорят, что в индийской литературе существует интересный, но очень непристойный рассказ о том, как один из богов, приняв облик человека, соблазнил его жену в его отсутствие. Когда муж вернулся, то для того, чтобы разобраться, кто настоящий муж, суд устроил любовное состязание между двумя претендентами, причем победил, конечно, бог.

Бродячий сюжет о боге, принимающем облик мужа, был разработан греческим автором Еврипидом и римским – Плавтом. Занимались этим сюжетом и французы, и драматург Ротру сочинил пьесу под названием «Созий», которая была сыграна в 1636 году. Произведя заимствования у этих перечисленных писателей, Мольер написал – хорошими стихами, с оригинальными рифмами – комедию под названием «Амфитрион» и сыграл ее впервые 13 января 1668 года. Она прошла двадцать девять раз в текущем сезоне и дала наивысшие сборы. Следующие места по количеству спектаклей заняли пьесы «Модная вдова» привившегося в театре де Визе, мольеровский «Сицилиец» и «Аттила» старика Корнеля. Но в смысле сборов они значительно отстали от «Амфитриона».

По своей манере посвящать пьесы высокопоставленным лицам, «Амфитриона» Мольер посвятил светлейшему принцу Конде, введя в это посвящение остроумное замечание о том, что имя великого Конде, конечно, правильнее было бы поставить во главе армии, нежели во главе книги.

Май 1668 года стал одним из великих месяцев царствования Людовика XIV. Король присоединил к Франции часть Фландрии и заключил мир в Э-ла-Шапель. Чтобы ознаменовать великие успехи, были устроены празднества во вновь разбитых садах Версаля. И придворный драматург Мольер для этих праздников написал трехактную комедию в прозе под названием «Жорж Данден, или Одураченный муж». В пьесе действовал буржуа, который, мечтая о родстве с аристократами, женился на аристократке и стал несчастным человеком, потому что жена его нагло обманывала.

Когда пьеса была уже готова и о содержании ее узнали, друзья предупредили Мольера, что в Париже есть человек, который, несомненно, узнает себя в Жорже Дандене, произведет страшнейший шум и предпримет какие-нибудь вражеские действия. Мольер поблагодарил за предупреждение и сказал, что он найдет способ примирить этого человека с пьесой. В тот же вечер многоопытный директор, встретив на спектакле того буржуа, который мог узнать себя в Дандене, подошел к нему и, осведомившись о том, когда у буржуа есть свободное время, сказал любезно, что ему хотелось бы прочитать у него свою новую пьесу. Потрясенный буржуа заявил, что он свободен в любую минуту, например завтра вечером, и немедленно после спектакля поехал сзывать к себе гостей.

– Не навестите ли вы меня завтра? – говорил он, разъезжая из конца в конец по Парижу. – Проведем вечер. Да, кстати, – добавлял он сурово, – Мольер просил позволения прочитать у меня свою новую пьесу.

На следующий день Мольер еле протиснулся к столику в гостиной у буржуа, столько было народу, а хозяин со времени этого чтения стал задушевым поклонником Мольера.

Сведущие люди очень интересовались вопросом о том, откуда Мольер взял материал для «Жоржа Дандена». Одни говорили, что он взял его у Боккаччио, другие добавляли, что Боккаччио заимствовал тему из одного стихотворного рассказа XII века.

Но автор этого сборника XII века заимствовал свой рассказ у индусов, взяв для этого произведение, написанное за сто лет до Рождества Христова, – так говорили третьи.

Четвертые, самые ученые, добавляли ко всему этому, что, написанное по-индийски первоначально, это произведение было переведено на персидский язык, с персидского на арабский, с арабского на древнееврейский, с древнееврейского на сирийский, с сирийского на греческий, а уже с греческого на латинский в XII веке.

Но если уж дело дошло до сирийского языка, скажем мы, будучи пятыми, – то вопрос о мольеровском плагиате, по-нашему, надлежит считать законченным. Следует полагать просто, что Мольер написал хорошую комедию «Жорж Данден».

За «Данденом» в скором времени последовала другая, я бы сказал, очень значительная комедия, под названием «Скупой». Чтобы сразу покончить с вопросом о плагиате, говорю, что заимствована она Мольером у Плавта, римского автора. Чья лучше? Мольеровская, по общим отзывам, гораздо сильнее. «Скупой» был принят публикой холодно и больших сборов не сделал. Говорят: причина этого в том, что публика мольеровского времени не привыкла еще к прозаическим вещам и предпочитала пьесы, написанные стихами.

Таким образом, можно считать, что отейльский воздух хорошо действовал на больного Мольера: 1668 год был годом плодотворным.

В последние дни этого года, именно 11 декабря, ушла из жизни Тереза-Маркиза Дюпарк, прославив себя перед смертью исполнением расиновской Андромахи в Бургонском Отеле. Покинула мир обольстительная танцовщица, сделавшаяся ко времени зрелости большой трагической актрисой. И де Мольер простил коварной комедиантке все ее измены и пожелал мира ее праху.

Глава 26

ВЕЛИКОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Кто осветит извилистые пути комедиантской жизни? Кто объяснит мне, почему пьесу, которую нельзя было играть в 1664-м и 1667 годах, стало возможным играть в 1669-м?

В начале этого года король сказал, призвав к себе Мольера:

– Я разрешаю вам играть «Тартюфа».

Мольер взялся за сердце, но справился с собой, поклонился королю почтительно и вышел. Он тотчас же начал репетиции. Роль Тартюфа была поручена Дю Круази, сам Мольер играл Оргона, Юбер – госпожу Пернель, Торилльер – Клеанта, Лагранж – Валера, Марианну – госпожа Дебри и Эльмиру – Арманда. Премьера воскресшей пьесы, которая теперь носила название «Тартюф, или Обманщик», состоялась 5 февраля. Сказать, что пьеса имела успех, этого было бы мало. Премьера «Тартюфа» была театральным событием в Париже, сбор дошел до цифры, никогда не бывавшей, – двух тысяч восьмисот шестидесяти ливров.

В день премьеры как раз Мольер написал королю письмо:

«Сир! Один очень честный доктор, у которого я имею честь лечиться, обещает мне продлить мою жизнь еще на тридцать лет, если я испрошу для него у Вашего величества одну милость. Я ему сказал в ответ на это, что не прошу у него так много и буду удовлетворен, если он обяжется хотя бы не убивать меня.

Эта милость, государь, – должность каноника в Вашей Венсенской капелле, вакантная в настоящее время. Осмелюсь ли я просить еще и это у Вашего величества именно в день великого воскресения «Тартюфа», совершившегося по Вашей доброте? Благодаря ей я примирился с ханжами. Благодаря ей же я примирюсь с врачами.

Без сомнения, слишком много сразу милостей для меня, но, быть может, это не так много для Вашего величества!

С почтительной надеждой я ожидаю ответа на мое прошение».

Речь шла о месте каноника для сына доктора Мовилэна.

Король вызвал к себе Мольера, и опять, как несколько лет назад, после первого представления трех актов «Тартюфа», они остались наедине. Король поглядел на Мольера и подумал: «Однако как он постарел!»

– А что делает этот врач для вас? – спросил король.

– Сир! – ответил ему Мольер. – Мы болтаем с ним о разных разностях. Время от времени он прописывает мне лекарства, и так же аккуратно, как он мне их

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
прописывает, я их не принимаю и всегда выздоравливаю, ваше величество!

Король засмеялся, и сын доктора Мовилэна мгновенно получил желанное место каноника.

«Тартюф» прошел в сезоне тридцать семь раз, и, когда сводили отчет по окончании сезона, выяснилось, что «Скупой» дал десять с половиной тысяч ливров, «Жорж Данден» – шесть тысяч, «Амфитрион» – две тысячи сто тридцать ливров, «Мизантроп» – две тысячи, «Родогюн» Пьера Корнеля – странную цифру в восемьдесят восемь ливров, а «Тартюф» – сорок пять тысяч.

Глава 27

ГОСПОДИН ДЕ ПУРСОНЬЯК

– Однако меня удивляет, что в этой стране совершенно не соблюдают форм судопроизводства.

– Да, я вам уже докладывал, что здесь начинают с того, что повесят человека, а потом уж разбирают его дело!

«Господин де Пурсоньяк», действие 3-е

Люди, которые жили вместе с моим героем, один за другим начинают покидать мир. Через двадцать дней после премьеры «Тартюфа» скончался одряхлевший отец Мольера – Жан-Батист Поклен. Ах, давно прошли те времена, когда начинающий комедиант бегал к отцу и просил у него деньжонок, приводя его в ужас. К концу жизни отца все изменилось: не раз знаменитый сын выручал старого Поклена в трудных обстоятельствах.

Итак, отец ушел, а сын продолжал работать. Осенью 1669 года Людовик велел устроить празднества в Шамборе, и для этих празднеств де Мольер сочинил фарс-балет под названием «Господин де Пурсоньяк».

Речь шла о лиможском дворянине Пурсоньяке, который, приехавши в Париж, был высмеян и одурачен парижанами. Парижане говорили, и, по-видимому, с полным основанием, что оригинал, давший повод изобразить на сцене Пурсоньяка, находился в то время в Париже. Некий лиможец, приехав в столицу, попал в Пале-Рояль на представление и, сидя на сцене, повел себя безобразно. Почему-то он поссорился с актерами и грубейшим образом их обругал, за что Мольер и вывел его на всеобщее посмешище. Говорили, будто бы провинциальный гость, посмотрев «Пурсоньяка», узнал себя и расстроился настолько, что хотел подавать на Мольера в суд, но почему-то не подал.

Другие говорили, что изображение в смешном виде лиможца на сцене было актом мести со стороны Мольера за то, что когда-то в Лиможе его освистали и забросали яблоками. Это маловероятно. Неужели Мольер стал бы мстить за то, что было двадцать лет тому назад? Да и не в одном Лиможе швыряли яблоками в Мольера!

А вот что лиможцы неоднократно подвергались насмешкам не только со стороны Мольера, но и со стороны других авторов, это верно, и причина этого была в том, что лиможцы действительно отличались многими неприятными, смешными и грубыми чертами, которые, конечно, бросались в глаза наблюдательным и острым парижанам. Вот почему и до Мольера лиможцев выводили в литературе, придумывая для них смешные и грубоватые фамилии.

С того времени как Мольер впервые затронул в своих комедиях врачей, он не переставал возвращаться к ним, найдя в медицинском факультете неисчерпаемый клад для насмешек. И в «Пурсоньяке» введены сцены со смешными врачами и аптекарями, но, помимо врачей, задеты в комедии и юристы. Таким образом, мы можем видеть, что Мольер не зря изучал когда-то право и знаниями своими воспользовался, чтобы осмеять крючкотворство.

Фарс, по общему мнению, вышел у Мольера поверхностным и грубоватым, но смешным. Роль Пурсоньяка играл сам Мольер, а Юбер – смешную женскую роль Люсетты-гасконки. Фарс был сыгран впервые 6 октября 1669 года в Шамборе для

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
короля, а затем перенесен на пале-рояльскую сцену, где пользовался прекрасным успехом. Он дал в сезоне наивысшие сборы, забив даже «Тартюфа», а следом за «Тартюфом», но значительно отставая, пошли «Жорж Данден» и «Скупой». Этот сезон, когда шел «Пурсоньяк», замечателен тем, что из тринадцати пьес, которые в нем были разыграны, двенадцать были мольеровские.

Глава 28

ЕГИПТЯНИН ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НЕПТУНА, НЕПТУН – В АПОЛЛОНА, А АПОЛЛОН – В ЛЮДОВИКА

Король, признающий только необыкновенные вещи во всем, что бы он ни предпринимал...

Такое начало да не пугает читателя: оно принадлежит не мне, а придворному драматургу Мольеру. Но продолжаю я. Итак, стремясь к необыкновенным вещам, король приказал в начале 1670 года устроить пышные праздники в Сен-Жермен-ан-Ле и назвать их «Королевский дивертисмент».

Вследствие этого королевская труппа во главе с Мольером 30 января прибыла в Сен-Жермен, чтобы играть там пятиактную комедию-балет, называющуюся «Блистательные возлюбленные». Желая угодить королю наилучшим образом, в пьесе своей, сюжет которой был предложен самим королем, де Мольер превзошел самого себя. В пышной комедии и интермедиях действовали не только принцессы, военачальники, жрецы, но также нимфы, тритоны, вольтижеры на деревянных лошадях и даже какие-то танцующие статуи.

Сам Мольер играл в «Возлюбленных» придворного шута Клитидаса, а в балетных номерах участвовали многие придворные кавалеры. Сидя на скалах, они изображали морских богов и тритонов, и очень большие способности при этом обнаружили граф д'Арманьяк, маркиз де Вильруа, Женганы – старший и младший – и многие другие. Под грохот труб и стук жемчужных раковин поднялся из морской пучины бог Нептун, и все узнали в нем короля. Затем, по ходу дивертисмента, король переоделся, и в последней интермедии, в освещении бенгальским огнем, явился как бог солнца Аполлон. Бог Аполлон танцевал под восторженный шепот придворных.

Все шло необычайно гладко, и казалось, что и в следующие дни увеселений не умолкнет хор, восхваляющий короля, затем посыплется изящные стихотворения, и дамы будут вздыхать, рассказывая, как пленителен был король в греческом одеянии. Но случился совершенно непредвиденный казус, чрезвычайно огорчивший сьера де Мольера. На следующий день после первого представления вдруг стали затихать восторженные отзывы о танцах короля, а потом и совсем утихли. В придворном журнале почему-то ни одним словом не было упомянуто, что король участвовал в спектакле. А еще через несколько дней на вопросы наивных людей о том, как чувствует себя король после выступления в театре, высшие придворные отвечали сухо:

– Его величество не участвовал в спектакле.

Дело очень быстро разъяснилось. Оказывается, что королю тотчас после представления попала в руки только что написанная трагедия Расина «Британник», в которой, между прочим, заключаются следующие строки, касающиеся римского императора Нерона:

Он выступает в спектаклях перед римлянами,
Расточая свой голос в театре,
И произносит стихи и хочет, чтобы их обожали,
В то время как солдаты исторгают для него
аплодисменты!..

Вот и все. Но лишь только Людовик XIV прочитал это место, выступления его в театре были тотчас же прекращены.

– Чума бы взяла этого Жана Расина! – хрипел, кашляя и плюя, директор Пале-Рояля.

Когда закончились сен-жерменские торжества, Мольер погрузился в заботы очередного летнего сезона. В апреле покинул труппу, выйдя в отставку, хромым Луи

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Бежар, прозванный Острым. Двадцать пять лет работал с Мольером хромоногий актер. Он начинал мальчишкой и вместе с Мольером ходил за волами в жару по южным дорогам и играл молодых комических слуг. К концу своей деятельности он прославил себя бесподобным исполнением «хромоногой собаки», как выражался Гарпагон, – продувного слуги Лафлеша в «Скупом». Луи Острый устал, и труппа под председательством Мольера на торжественном заседании составила акт, согласно которому обязалась уплачивать Луи Бежару пожизненный пенсион в размере одной тысячи ливров в год все время, пока труппа будет существовать. И Острый Луи удалился на покой.

Чтобы пополнить труппу, Мольер пригласил двух провинциальных актеров, мужа и жену. Жан Питель, он же Боваль, начал свою карьеру с должности гасильщика свечей, а затем уже перешел на актерское положение. Жена, Жанна де Боваль, специализировалась на исполнении ролей королей в трагедиях и субреток – в комедиях. Мольеру пришлось истратить много сил, чтобы обучить супругов своей системе и избавить их от провинциальных манер на сцене.

1670 год должен был весь пройти под знаком непрерывных увеселений и празднеств у короля в различных его резиденциях. Цепь этих увеселений ненадолго была прервана печальным событием: умерла в руках неудачливого доктора Вало жена Орлеанского, Генриэтта. Двор облекся в траур. Проповедник Боссе произнес над гробом покойницы полноводную речь, исполненную всяческих красот, которые исторгли слезы из глаз придворных. Печаль прекратилась в тот самый день, как полагается по этикету, и вновь начались празднества. В Шамборских лесах затрубили рога, и двор поехал на охоту. Мольер и Люлли, входивший все больше в славу и силу при дворе, получили приказ сочинить смешную комедию с музыкой для шамборских празднеств, но с неременным условием, чтобы в пьесе были выведены турки.

Дело в том, что в прошлом году осенью королем было принято в Версале турецкое посольство, во главе коего был некий Солиман-Ага. Прием был организован очень тонко. Во-первых, турок заставили очень долго ждать, а во-вторых, приняли их в Галерее Нового Дворца, убранной со сверхъестественной пышностью. Король сидел на троне, и на короле был костюм, на котором бриллиантов было на четырнадцать миллионов ливров.

Но опытный дипломат Солиман-Ага удивил французский двор гораздо более, чем рассчитывали удивить его самого. У Солимана было такое выражение лица, будто в Турции все носят костюмы, на которых бриллиантов на четырнадцать миллионов ливров. Вообще хитрые турки нисколько не растерялись.

Поведение турецкой делегации не понравилось королю, и придворные, привыкшие отмечать малейшее изменение в его лице, год высмеивали турок, как могли. Поэтому и композитору, и драматургу было приказано непременно ввести в пьесу шувовскую турецкую сцену. В качестве консультанта к авторам приставили побывавшего на Востоке кавалера Лорана д'Арвье, который должен был снабдить их сведениями относительно обычаев и нравов Турции. Мольер, Люлли и д'Арвье уединились в Отейле и разработали план пьесы. Нужно сказать, что Мольер работал с не совсем ясным, пожалуй, даже тяжелым чувством. Он начинал понимать, что главным в будущем спектакле будет признана музыкальная и балетная часть, а его драматургическая отойдет на второй план. Он начинал опасаться силы и влияния Люлли, зная, какое громадное впечатление на короля оказывает музыка Дживанни Баптиста.

Таким образом, был сочинен «Мещанин во дворянстве». В этой пьесе был выведен буржуа Журден, помешавшийся на сладкой мысли стать аристократом и органически войти в высший свет. Замысел Мольера был значителен и остроумен. Наряду с Журденом был изображен маркиз Дорант, причем заранее можно было сказать, что неприязнь аристократов в отношении к Мольеру усилится в предельной степени, так как этот Дорант был изображен уже в виде совершенно бесчестного проходимца, а возлюбленная его, маркиза Доримена, в лучшем случае представлялась личностью сомнительной. А что же заказанные турки? Турки были. Одураченного Журдена посвящали в несуществующий сан мамануши. Журдена выводили с бритой головой, под музыку выходили турки, в том числе муфтий, к шляпе которого были прикреплены горящие свечи. Турки в церемонии кривлялись порядочно, они то опускались на колени, то поднимались и восклицали почему-то: гу-гу-гу. И Журдена ставили на колени и клали ему на спину Коран и прочее в этом же роде. Вообще должен заметить, что лично во мне турецкая часть «Мещанина» не вызывает решительно никакого восторга. Предоставляю, впрочем, другим судить, есть ли что-нибудь

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
остроумное хотя бы в том восьмистишии, с которым муфтий обращается к Журдену. В этом восьмистишии смешаны слова португальские, испанские, итальянские, причем все глаголы почему-то (надо полагать, смеху ради) поставлены в неопределенном наклонении:

Если ты знать,
Ты отвечать.
Если не знать,
Молчать, молчать,
Я – муфтий.
А ты кто быть такой?
Не понимать?
Молчать, молчать.

Словом, не поблагодарил бы я ни кавалера Лорана д'Арвье за его советы, ни беспредельно утомленного и встревоженного Мольера – за сочинение интермедии, которая портит комедию, ни двор за заказ. Вообще, я того мнения, что хорошо было бы, если бы драматургам не приходилось ни от кого принимать заказы!

«Мещанин» был сыгран в Шамборе первый раз 14 октября 1670 года, и темный ужас охватил Мольера после представления: король не произнес ни одного слова по поводу пьесы. Прислуживая королю за торжественным ужином после спектакля в качестве камердинера, Мольер был полумертв. Молчание короля немедленно дало пышные результаты. Тут уж не осталось ни одного человека, который не изругал бы пьесу Мольера (не при короле, конечно).

– Объясните мне, ради Бога, господа, – восклицал один из придворных, – что означает вся эта галиматья, все эти «галаба, бабалалу и балаба», которые выкрикивают турки? Что это такое?

– Это белиберда, – отвечали ему, – ваш Мольер совершенно исписался, у него пора отнять театр.

Увы! Приходится признать, что действительно эти «балаба» ничего не обозначают и в них нет ничего веселого.

16 октября состоялось второе представление, и опять на нем был король. По окончании спектакля он подозвал к себе Мольера.

– Я хотел вам сказать о вашей пьесе, Мольер, – начал король.

«Ну, убей меня!» – прочитали все в глазах у Мольера.

– Я ничего не сказал вам после премьеры, оттого что еще не мог составить о ней суждение. Ваши актеры слишком хорошо играют. Но теперь я вижу, что вы написали превосходную пьесу, и ни одна из ваших пьес не доставила мне такого удовольствия, как эта.

Лишь только король отпустил Мольера, как его окружили все придворные и стали осыпать пьесу похвалами. Замечено было, что больше всех его хвалил тот, кто накануне говорил, что Мольер исписался. Вот буквальные его слова.

– Мольер неподражаем! – сказал он. – Ей-богу, необыкновенная комическая сила есть во всем, что бы он ни писал! Он, господа, гораздо сильнее древних авторов!

Интересен, однако, в данном случае не этот неустойчивый в своих суждениях человек, а главным образом король. Почему-то я не уверен в том, что «Мещанин» ему понравился и что он не дал своего отзыва сразу, потому что не разобрался в пьесе. Мне кажется, благоприятный отзыв о пьесе он дал лишь потому, что узнал о том, как начали травить Мольера, и пожелал это сейчас же прекратить. Впрочем, это мое подозрение, и свою мысль я никому не навязываю.

Комедию повторяли в Шамборе, затем в Сен-Жермене, а в конце ноября Мольер стал играть ее в Пале-Рояле, где она пользовалась большим успехом и принесла более двадцати четырех тысяч ливров в сезоне 1670 года, выйдя в нем на первое место по сборам. На последнем месте в этом смысле остался «Лекарь поневоле», давший в кассу смехотворную сумму в сто девяносто ливров.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
1670 год принес в число других событий следующее: скончалась вдова Бежар на восьмидесятом году жизни, та самая урожденная Эрве, мать Мадлены, сочинявшая такие странные акты. Она была одной из тех немногих, которые знали тайну рождения Арманды и унесли ее с собой в могилу.

Произошла еще одна смерть и вырвала из рядов Бургонского Отеля великую Дезейе.

В этом же году появился в печати знаменитый пасквиль на Мольера под названием «Эломир-ипохондрик». Автором этого произведения был ле Буланже де Шалюссе. В «Эломيره» была разобрана и оплевана вся жизнь и деятельность Мольера. Самое слово «ипохондрик» в заглавии показывает, насколько автор ненавидел Мольера, а содержание свидетельствует, что многие факты из жизни Мольера ему известны точно. Мольер, конечно, ознакомился с этим произведением, но ничего и нигде не отвечал его автору.

Радостное этого года я нарочно оставляю на конец: на Пасхе перед Мольером после четырехлетних скитаний в провинции предстал возмужавший и блистающий красотой семнадцатилетний Барон. Мольер немедленно принял его в труппу, назначил ему полный актерский пай и дал роль Домициана в «Тите и Беренике» Пьера Корнеля. Эта пьеса по количеству спектаклей и по сборам заняла второе место после «Мещанина».

Глава 29

СОВМЕСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Мольер получил приказ от короля сочинить блестящую пьесу с балетом для карнавала 1671 года, который должен был произойти в Тюильри. Мольер немедленно приступил к исполнению приказа и стал писать пьесу «Психея». По мере того как он работал, испуг начал охватывать его, потому что он видел, что не успевает к сроку, назначенному королем. Хворь все чаще одолевала его, по временам он был вынужден бросать работу и предаваться ипохондрии. Тогда он решил обратиться за помощью к другим. Отношения его с Пьером Корнелем давно уже выровнялись после ссоры в эпоху «Школы жен». Теперь и Мольера, и Корнеля связывала общая нелюбовь к Расину. Звезда старика Корнеля начинала угасать, а Расин поднимался все выше и выше. Расина играли в Бургонском Отеле, а Мольер стал ставить Корнеля у себя, в Пале-Рояле.

Мольер пригласил Корнеля работать совместно над «Психеей», и старик, нуждающийся в деньгах, охотно принял предложение. Работу они разделили так: Мольер составил план пьесы с балетом в пяти действиях и написал пролог, первый акт и первые сцены второго и третьего актов. Все остальное сочинил Корнель, затратив на это около пятнадцати дней. Шестидесятипятилетний старик прекрасно справился со своей задачей. Но и вдвоем оба мастера не успели бы сдать работу вовремя. Поэтому был приглашен третий – способный поэт и драматург Филипп Кино, который сочинил все стихи для пения в этой пьесе.

Интересно то предисловие, которое написано к этой трагедии-балету. В нем сказано очень осторожно, что господин Мольер в этой работе старался не столько о правильности драматургической, сколько о пышности и красоте спектакля. Говорят, что это предисловие принадлежит самому Мольеру.

«Психею» поставили в Тюильрийском дворце великолепно. Мольеру были предоставлены лучшие театральные машины и приспособления для полетов. В главных ролях были заняты: Психея – Арманда и Амур – Барон. Оба они показали такой высокий класс игры, что поразили зрителей. Но первое же представление «Психеи» при дворе 17 января принесло Мольеру новую тяжкую рану. В Париже создавался и упорно держался слух о том, что от былой неприязни Арманды к наглому когда-то мальчугану Барону не осталось и следа и что она, влюбившись в красавца и великого актера, стала его любовницей. Старейший и больной Мольер нигде и никак не отзывался на это.

С 15 марта он приступил к большому ремонту в Пале-Рояле. Заново были отделаны все ложи и балконы, потолок отремонтировали и расписали, сцену переоборудовали так, что на ней можно было теперь установить новые сложные театральные машины.

Тут труппа стала просить директора о перенесении «Психеи» на пале-рояльскую сцену. После долгих колебаний было решено это сделать, несмотря на великие

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru трудности, связанные с приобретением и установкой новых машин и роскошных декораций. Но с этим в конце концов справились так же, как и с еще одним затруднением: до «Психеи» музыканты и певцы никогда не выступали перед публикой. Они играли и пели, скрываясь в ложах, за решетками или занавесами. За повышенную плату удалось уговорить певцов и музыкантов выступить перед публикой открыто на сцене. «Психею» репетировали около полутора месяцев и дали премьеру 24 июля. Все хлопоты и все затраты оправдались совершенно. Поражающий своей пышностью спектакль привлек буйные волны публики в Пале-Рояль, пьеса прошла около пятидесяти раз в течение сезона и принесла сорок семь тысяч ливров.

В период времени между представлением «Психеи» при дворе и премьерой ее в Пале-Рояле труппа Мольера играла со средним успехом его фарс «Проделки Скапена». Фарс этот был признан грубым и недостойным пера Мольера. На чем основано такое мнение, я не понимаю. По-моему, именно в «Скапене» великолепно сказался комический Мольер, и совершенно несправедливо Буало упрекал своего друга, подозревая, что он опускается, приспосабливаясь ко вкусам публики, и ругал ту сцену, где человека сажают в мешок и бьют палками, говоря, что это безвкусный шаблон. Буало, мне кажется, заблуждается: это смешной, великолепно завинченный фарс, который не портит даже малоправдоподобная развязка. Комические актеры Пале-Рояля во главе с Мольером-Скапеном прекрасно представили фарс (любовников – Октава и Леандра – играли Барон и Лагранж).

«Проделки Скапена» были причиной нового обвинения в плагиате. Говорили, что Мольер, как ловкий хищник, выхватил и перенес к себе из «Одураченного педанта» Сирано де Бержерака две сцены с турецкой галерой и сцену Зербинетты и Жернета. В ответ на это обвинение Мольер говорил, что эти сцены принадлежат ему по праву.

Дело в том, что «Одураченного педанта» Мольер помогал сочинять Бержераку.

В этом году Мольер не имел отдыха. Опять последовал новый заказ от короля. В Сен-Жермене должны были совершиться в конце года праздники по случаю бракосочетания Единственного брата короля. Мольер стал спешно работать над комедией под названием «Графиня д'Эскарбанья», материалом для которой ему послужили наблюдения над провинциалами. Комедия при дворе понравилась, в особенности потому, что в нее были введены интермедия и балет.

Глава 30

СЦЕНЫ В ПАРКЕ

Парк в Отейле. Осень. Под ногами шуршат листья. По аллее идут двое. Тот, который постарше, опирается на палку, сгорблен, нервно подергивается и покашливает. У другого, помоложе, розоватое лицо человека, который понимает толк в винах. Он посвистывает и напевает какой-то вздор:

– Мирдондэн, мирдондэн...

Садятся на скамейку и вначале говорят о пустяках: тот, который помоложе, сорокашестилетний, рассказывает, что он вчера бросился на своего слугу с кулаками, потому что этот слуга – негодяй.

– Слуга-то был трезв вчера, – покашливая, говорит старший.

– Чепуха! – восклицает младший. – Он негодяй, я повторяю!

– Согласен, согласен, – глухим голосом отзывается старший, – я лишь хочу сказать, что он – трезвый негодяй.

Осеннее небо прозрачно над отейльским парком.

Через некоторое время беседа становится оживленнее, и из окна дома можно видеть, что старший что-то упорно говорит младшему, а тот лишь изредка подает реплики.

Старший говорит о том, что он не может ее забыть, что он не может без нее жить. Потом начинает проклинать свою жизнь и заявляет, что он несчастен.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ах, ужасная вещь быть поверенным чужих тайн и в особенности брачных тайн. Младший беспокойно вертится и старается разобраться в своих ощущениях: да, ему жаль старшего и, кроме того, очень хочется вина. Наконец он начинает осторожно осуждать ту самую женщину, без которой старший не может жить. Он ничего не говорит прямо, он... слегка касается некоторых больных вопросов... скользя, проходит по истории «Психеи»... Храни Господь, он ничего не смеет сказать про Арманду и... Барона. Но вообще говоря...

– Позволь мне быть откровенным! – наконец восклицает он. – Ведь это глупо, в конце концов! Нельзя же, в самом деле, в твои годы возвращаться к жене, которая... опять-таки, ты меня извини, она не любит тебя.

– Не любит, – глухо повторяет старший.

– Она молода, кокетлива и... ты меня прости... пуста.

– Говори, – хрипло отвечает старший, – можешь говорить все, что угодно, я ненавижу ее.

Младший разводит руками, думает: «Ах, дьявол бы побрал эту путаницу! То любит, то ненавидит!»

– Я, знаешь ли, скоро умру, – говорит старший и таинственно добавляет: – Ты ведь знаешь, какая у меня серьезная болезнь.

«О Господи, зачем я пошел в парк?» – думает младший, а вслух говорит:

– Э, какой вздор! Я тоже себя плохо чувствую...

– Мне пятьдесят лет, не забудь! – угрожающе говорит старший.

– Мой Бог, вчера тебе было сорок восемь, – оживляется младший, – ведь нельзя же, в самом деле, чтобы человеку становилось сразу на два года больше, как только у него дурное расположение духа!

– Я хочу к ней, – монотонно повторяет старший, – я хочу опять на улицу Фомы!

– Ради всего святого, прошу тебя, уйди ты из парка! Прохладно. В конце концов, мне все равно. Ну, пытайся примириться с нею. Хотя я знаю, что из этого ничего не выйдет. Двое возвращаются в дом. Старший скрывается в дверях.

– Ложись в постель, Мольер! – кричит младший ему вслед. Некоторое время он стоит около дверей и раздумывает. Открывается окно, в нем показывается голова старшего без парика и в колпаке.

– Шапель, где ты? – спрашивает человек в окне.

– Ну? – отвечает младший.

– Так как же ты все-таки полагаешь, – спрашивает человек в окне, – вернуться ли мне к ней?

– Закрой окно! – говорит младший, сжимая кулаки.

Окно закрывается, младший плюет и уходит за угол дома. Через некоторое время слышно, как он зовет слугу:

– Эй, трезвенник! Сюда, ко мне!

На другой день солнце греет еще сильнее, не по-осеннему. Старший идет по аллее, но не волочит ноги, не роет тростью гниющий лист. Рядом с ним идет младший, но уже другой. Этот много моложе. У него острый длинный нос, квадратный подбородок и иронические глаза.

– Мольер, – говорит младший, – вам надо оставить сцену. Поверьте, нехорошо, что автор «Мизантропа»... мизантроп! О, это значительно! Право, не хочется думать, что он с вымазанной физиономией на потеху партера сажает кого-то в мешок! Вам не к лицу быть актером. Это неприятно, что вы играете, поверьте мне.

– Дорогой Буало, – отвечает старший, – я не оставлю сцену.

– Вы должны быть удовлетворены тем, что дают ваши произведения!

– Они мне ничего не дают, – отвечает старший, – никогда в жизни мне не удавалось написать ничего, что доставило бы мне хотя бы крошечное удовлетворение!

– Какое ребячество! – кричит младший. – Извольте знать, сударь, что, когда король спросил меня, кого я считаю первым писателем царствования, я сказал, что это вы, Мольер!

Старший смеется, потом говорит:

– Благодарю вас от души, вы настоящий друг, Депрео, обещаю вам, что, если король меня спросит, кто первый поэт, я скажу, что это вы!

– Я говорю серьезно! – восклицает младший, и голос его разносится в пустом и прекрасном парке сьера Бофора.

Глава 31

МАДЛЕНА УХОДИТ

Когда настала зима 1671 года, Мольер помирился со своей женой и вновь сошелся с ней. Он покинул Отейль и вернулся в Париж. В это время он заканчивал работу над пьесой «Ученые женщины», написанной им не по заказу, а для себя. Работал он над ней урывками, то возвращаясь к ней, то оставляя ее.

В то время, когда он писал «Ученых женщин», в том же доме, где он жил с Армандой, в маленькой комнате в верхнем этаже, тяжело хворала Мадлена Бежар. Театр она уже покинула, сыграв свою последнюю роль Нерины в «Господине Пурсоньяке» и произнеся свои последние слова на сцене:

– Как, ты позабыл это бедное дитя? Нашу маленькую Мадлену, которую ты мне оставил как залог своей верности? Иди сюда, Мадлена, мое дитя! Пристыди своего отца за его бессовестность! Нет, ты не уйдешь из моих рук! Я всем покажу, что я твоя жена, и добьюсь того, что тебя повесят!

Мадлена покинула не только театр, она вообще отказалась от всего мирского, стала необыкновенно религиозной, непрестанно молилась, оплакивала свои грехи и беседовала только со священником или со своим нотариусом. В январе 1672 года ей стало совсем худо. Она лежала на кровати, над изголовьем которой висело распятие, совершенно неподвижно.

9 января она продиктовала завещание, по которому все свое накопленное за жизнь достояние передавала Арманде, а Женевиёве и Луи назначала небольшие пенсии. Она предусмотрела и все другое, заказав заранее по себе траурные мессы и велев выдавать ежедневно по 5 су в день пяти бедным в честь пяти язв Господа нашего. Подготовив, таким образом, себя к смерти, она вызвала Арманду и Мольера и именем того же Господа заклонила их жить в согласии.

9 февраля 1672 года был получен приказ короля труппе срочно выехать в Сен-Жермен. В середине февраля гонец, приехавший в Сен-Жермен, дал знать Мольеру, что Мадлена очень плоха. Он бросился в Париж и успел закрыть своей первой подруге глаза и похоронить ее. Архиепископ парижский дал разрешение хоронить Мадлену как следует, по христианскому обряду, на том основании, что она оставила комедиантское ремесло и была известна как набожная женщина. И Мадлену похоронили торжественно, после мессы в Сен-Жермен-де-л'Оксерруа, на кладбище церкви Святого Павла, рядом с братом Жозефом и матерью, Марией Эрве.

Смерть Мадлены произошла 17 февраля 1672 года, а примерно через месяц в Пале-Рояле играли премьеру «Ученых женщин». Наиболее тонкие из парижан ставили эту пьесу очень высоко, наравне с сильнейшими произведениями Мольера. Другие резко критиковали Мольера, говоря, что он принижает в своем произведении женщину, доказывая будто бы, что образование ее не должно идти дальше кухни.

В пьесе были осмеяны двое живых людей: враг Буало, автор «Сатиры сатир», доктор теологии Франсуа Котэн, и другой наш старый знакомый, Жиль Менаж. Первый был выведен под именем Триссотена, а второй – Вадиуса.

В то время когда комедианты играли в Пале-Рояле «Ученых женщин», имея средний успех, над страной вдруг нависла туча, и 7 апреля она разразилась войной с Нидерландами. Опять, как и во времена «Тартюфа», французская армия ринулась на восток, и город за городом стали падать к ногам Людовика XIV. Далекий от военной грозы, наш Жан-Батист де Мольер был занят личными делами. Теперь он был состоятельным человеком, скопившим порядочное состояние за время работы на сцене. Кроме того, наследство Мадлены обогатило его. Он нанял большую квартиру на улице Ришелье и, не щадя денег, роскошно обставил ее. Низ двухэтажной квартиры был предназначен для Арманды, а сам он поместился наверху. Когда было все готово и вещи в новом жилище стали по своим местам, де Мольер убедился в том, что отейльская тоска прибежала за ним следом и в Париж. Тревоги и предчувствия поселились вместе с ним в его верхних комнатах.

1672 год складывался нехорошо. Люлли вошел в страшную силу при дворе и получил привилегии на все те драматические произведения, в которые входила его музыка. Это означало, что Люлли отдано авторское право на очень многие произведения Мольера, потому что в них именно и входила написанная Люлли музыка.

Тут в спину Мольера повеяло холодом, у него появилось такое ощущение, точно стояла какая-то громадная фигура за плечами и вдруг отошла. Обманывать себя не приходилось: король покидал его. Чем это можно объяснить? Тем, что все на свете кончается, в том числе даже долголетняя привязанность сильных мира. Кто разберет, что происходит в душе у властителей людей? Посредственный музыкант Люлли, свободный от самостоятельных глубоких идей, всецело послушный воле короля, завоевал теперь расположение Людовика.

Лето протекло мрачно. Муж с женой были опять близки и ожидали ребенка, но внутренние их отношения ничуть не наладились, и теперь уже не было никаких сомнений в том, что не наладятся никогда. 15 сентября Арманда родила мальчика. Его поспешили окрестить и назвали Пьером-Жаном-Батистом-Арманом, но ребенок не прожил и месяца. Зимой Мольер заперся у себя наверху и стал писать смешную комедию под названием «Мнимый больной». Чтобы не зависеть от Люлли, музыку для нее он поручил другому композитору – Шарпантье.

В «Мнимом больном» Мольер смеялся над самой неразумной страстью, которая существует у людей: он смеялся над страхом смерти и жалкой мнительностью. Ненависть его к врачам, по-видимому, достигла наивысшей степени, потому что в комедии они были выведены настоящими уродами – невежественными, косными, корыстолюбивыми, отсталыми. Пролог, сочиненный Мольером, показывает, что он сделал попытку вернуть расположение короля:

«После славных утомительных и победоносных трудов нашего августейшего монарха было бы справедливо, чтобы все, кто владеет пером, работали бы для того, чтобы прославить его имя или развлечь. Именно это я и хочу сделать, и этот пролог представляет попытку прославления великого победителя, а следующая за прологом комедия должна рассеять монарха после его благородных трудов».

В прологе должны были действовать мифологические божества: Флора, Пан и Фавны. Заключительный хор должен был петь так:

Пусть тысячекратное эхо повторяет:
Людовик – величайший из королей!
Счастлив тот, кто мог посвятить ему свою жизнь!

Но случилось что-то странное, и пролог этот остался непредставленным. Говорили, что военное счастье как раз во время сочинения пролога изменило королю, и Мольеру пришлось его зачеркнуть, а также говорили, что король перестал интересоваться творчеством своего комедианта. И точно, пьеса пошла не при дворе, а в Пале-Рояле. Причем появился новый пролог, совершенно непохожий на предыдущий. Выходила только одна пастушка и пела новый пролог, в котором были такие слова:

я не хочу иметь дела с вами,
Страница 92

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
О невежественные, пустые врачи!
Разве можно латинскими словами
Мою тяжкую боль излечить?

В пятницу 10 февраля 1673 года состоялась премьера «Мнимого больного», причем обозначился большой успех. То же было на втором и на третьем представлениях. Четвертое было назначено на 17 февраля.

Глава 32

НЕХОРОШАЯ ПЯТНИЦА

Арган. А это не опасно – представляться мертвым?

Туанетта. Нет, нет. Какая же в этом опасность? Протягивайтесь здесь скорей!

«Мнимый больной»

Был серенький февральский день. Во втором этаже дома, помещавшегося на улице Ришелье, вдоль кабинета по вытертому ковру расхаживал, кашляя и кряхтя, человек в халате изумрудного цвета, надетом поверх белья. Голова человека была повязана по-бабьи шелковым ночным платком. В камине очень весело горели дрова, и на огонь приятно было смотреть, отвращая взор от февральской мути за окнами.

Человек мерил кабинет, останавливаясь по временам и рассматривая эстамп, прибитый у окна. На этом эстампе был изображен лицом похожий на боевого охотничьего сокола, в парике с тугими, крупными кольцами волос, спускающимися на мужественные плечи, человек с выпуклыми, суровыми и умными глазами. Под изображением человека помещался герб – щит с тремя цветками в его поле.

Человек в халате разговаривал сам с собою тихо, изредка едко ухмылялся своим мыслям. Когда он подходил к портрету, он смягчался, козырьком руки накрывал глаза, прищуривался и любовался изображением.

– Хороший эстамп, – задумчиво сказал себе человек в халате, – очень, я бы сказал, хороший эстамп. Великий Конде! – произнес он значительно, а потом повторил бессмысленно несколько раз: – Великий Конде... великий Конде... – И еще пробормотал: – Эстамп... эстамп... Я доволен, что приобрел этот эстамп!

Затем он пересек комнату и в кресле у камина посидел некоторое время, освободив из ночных туфель босые ноги и протягивая их к живительному огню.

– Побриться надо, – сказал он задумчиво и потер шершавую щеку. – Нет, не надо, – сам себе ответил он, – слишком утомительно бриться каждый день.

Согрев ноги, он надел туфли и направился к книжным шкафам и остановился возле того, в котором на полках грудями лежали рукописи. Край одного из листов свесился с полки. Человек выдернул рукопись за угол и прочел на ней заголовок – «Коридон». Злобно усмехнувшись, он хотел разорвать рукопись, но руки изменили ему, он сломал ноготь и с проклятием всадил рукопись между поленьями дров в камине. Через несколько секунд комнату залило светом, а затем «Коридон» распался на черные плотные куски.

В то время как человек в халате наверху занимался сожжением «Коридона», в нижних покоях разговаривали Арманда и Барон, пришедший навестить Мольера.

– В церковь не пошел, говорит, нездоровится, – рассказывала Арманда.

– Зачем в церковь? – спросил Барон.

– Да ведь сегодня семнадцатое, годовщина смерти Мадлены, – пояснила Арманда, – я слушала мессу.

– Ах, да, да, – вежливо сказал Барон. – Кашляет?

Арманда поглядывала на собеседника. Светлый парик его двумя потоками ниспадал на

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
плечи. На Бароне был новый шелковый кафтан, на коленях штанов – драгоценные кружева колпаками, шпага висела на широкой перевязи, а на груди висела мохнатая муфта. И Барон изредка косился на муфту, потому что она ему очень нравилась.

– Как вы разодеты сегодня! – сказала Арманда и добавила: – Кашляет и целое утро кричал на прислугу. Я уж заметила, пятница – это самый скверный день. Впрочем, я слишком много пятниц перевидала за одиннадцать лет. Но вот что, ступайте к нему наверх, не сидите у меня, а то опять прислуга распустит по Парижу Бог знает что.

И Арманда с Бароном направились к внутренней лестнице. Но не успели они подняться, как за дверями наверху нетерпеливо зазвенел колокольчик.

– Вот опять дрелен, дрелен, – сказала Арманда.

Тут дверь наверху отворилась, и человек в халате вышел на верхнюю площадку лестницы.

– Эй, кто тут есть? – брюзгливо спросил он. – Почему черт всегда уносит... Ах, это вы? Здравствуйте, Барон.

– Здравствуйте, мастер, – ответил Барон, глядя вверх.

– Да, да, да, добрый день, – сказал человек в халате, – мне хотелось бы поговорить...

Тут он положил локти на перила, ладонями подпер щеки и стал похож на смешную обезьяну в колпаке, которая выглядывает из окна. Арманда и Барон с изумлением поняли, что он желает разговаривать тут же, на лестнице, и остались внизу. Человек помолчал, потом заговорил так:

– Я хотел сказать вот что: если бы жизнь моя... Если бы в жизни моей чередовались бы поровну несчастья с удовольствиями, я, право, считал бы себя счастливым, господа!

Арманда, напряженно сморщившись, глядела вверх. У нее пропала всякая охота подниматься. «Пятница, пятница... – подумала она. – Опять начинается эта ипохондрия!» – Вы подумайте сами! – патетически продолжал человек. – Если никогда нет ни одной минуты ни удовлетворения, ни радости, то что же тогда? И я хорошо вижу, что мне надо выйти из игры! Я, дорогие мои, – задушевно прибавил человек, – уверяю вас, больше не могу бороться с неприятностями. Ведь у меня нет отдыха! А? – спросил он. – И вообще я полагаю, что я скоро кончусь. Что вы на это скажете, Барон? – И тут человек совсем свесил голову на перила.

На лестнице наступило молчание. Барон почувствовал, что слова человека ему крайне не нравятся. Он нахмурился, бросил беглый взгляд на Арманду, а потом сказал:

– Я полагаю, мэтр, что вам сегодня не нужно играть.

– Да, – подтвердила Арманда, – не играй сегодня, ты себя плохо чувствуешь.

Ворчание послышалось наверху.

– Ну что вы такое говорите? Как можно отменить спектакль? Я вовсе не желаю, чтобы рабочие меня кляли потом за то, что я лишил их вечеровой платы.

– Но ведь ты себя плохо чувствуешь? – сказала Арманда неприятным голосом.

– Я себя чувствую превосходно, – из упрямства ответил человек, – но меня интересует другое: почему какие-то монашки бродят у нас по квартире?

– Не обращай внимания, они из монастыря Святой Клары. Пришли просить подаяния в Париж. Ну, пусть побудут до завтрашнего дня, они тебя ничем не будут раздражать, посидят внизу.

– Святой Клары? – почему-то изумился человек в колпаке и повторил: – Святой Клары? Ну что ж, что святой Клары? Если святой Клары, то пусть они сидят в кухне! А то кажется, что в доме сто монашек... И дай им пять ливров.

И тут человек неожиданно шмыгнул к себе и закрыл за собою дверь.

– Я вам говорю, что это пятница, – сказала Арманда, – с этим уж ничего не поделаешь.

– Я поднимусь к нему, – нерешительно отозвался Барон.

– Не советую, – сказала Арманда, – идемте обедать.

* * *

Вечером на пале-рояльской сцене смешные доктора в черных колпаках и аптекари с клистирами посвящали во врачи бакалавра Аргана:

Если хворый еле дышит
И не может говорить?..

Бакалавр Мольер весело кричал в ответ:

Умный врач тотчас предпишет
Кровь бедняге отворить!

Два раза клялся бакалавр в верности медицинскому факультету, а когда президент потребовал третьей клятвы, бакалавр, ничего не ответив, неожиданно застонал и повалился в кресло. Актеры на сцене дрогнули и замялись: этого трюка не ждали, да и стон показался натуральным.

Но тут бакалавр поднялся, рассмеялся и крикнул по-латыни:

– Клянусь!

В партере ничего не заметили, и только некоторые актеры увидели, что лицо бакалавра изменилось в цвете, а на лбу у него выступил пот. Тут хирурги и аптекари оттанцевали свои балетные выходы, и спектакль закончился.

– Что с вами было, мэтр? – тревожно спросил Лагранж, игравший Клеанта, у Мольера.

– Да вздор! – ответил тот. – Просто кольнуло в груди и сейчас же прошло.

Лагранж тогда отправился считать кассу и сводить какие-то дела в театре, а Барон, не занятый в спектакле, пришел к Мольеру, когда тот переодевался.

– Вы почувствовали себя плохо? – спросил Барон.

– Как публика принимала спектакль? – ответил Мольер.

– Великолепно. Но у вас скверный вид, мастер.

– У меня прекрасный вид, – отозвался Мольер, – но почему-то мне вдруг стало холодно. – И тут он застучал зубами.

Барон глянул испытующе на Мольера, побледнел и засуетился. Он открыл дверь уборной и крикнул:

– Эй, кто там есть? Скажите, чтобы живей подавали мой портшез!

Он снял свою муфту и велел Мольеру засунуть в нее руки. Тот почему-то присмирел, молча повиновался и опять застучал зубами. Через минуту Мольера закутали, носильщики подняли его, посадили в портшез и понесли домой.

В доме еще было темно, потому что Арманда только что вернулась со спектакля – она играла Анжелику.

Барон шепнул Арманде, что Мольер чувствует себя неладно. В доме забежали со свечами и Мольера повели по деревянной лестнице вверх. Арманда стала отдавать

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
какие-то приказания внизу и одного из слуг послала искать врача.

Барон в это время со служанкой раздел Мольера и уложил его в постель. С каждой минутой Барон становился все тревожней.

– Мастер, не хотите ли вы чего-нибудь? Быть может, вам дать бульону?

Тут Мольер оскалился и сказал, почему-то злобно улыбаясь:

– Бульон? О нет! Я знаю, из чего варит моя супруга бульон, он для меня крепче кислоты.

– Налить вам ваше лекарство?

Мольер ответил:

– Нет, нет. Я боюсь лекарств, которые нужно принимать внутрь. Сделайте так, чтобы я заснул.

Барон повернулся к служанке и шепотом приказал:

– Подушку с хмелем, живо!

Служанка вернулась через минуту с подушкой, набитой хмелем, и ее положили Мольеру под голову. Тут он закашлялся, и на платке выступила кровь. Барон всмотрелся, поднеся к лицу свечу, и увидел, что нос у Мольера заострился, под глазами показались тени, а лоб покрылся мельчайшим потом.

– Подожди здесь, – шепнул Барон служанке, кинулся вниз и столкнулся с Жаном Обри, сыном того самого Леонара Обри, который строил мостовую для блестящих карет, – Жан Обри был мужем Женевиэвы Бежар.

– Господин Обри, – зашептал Барон, – он очень плох, бегите за священником!

Обри охнул, надвинул шляпу на глаза и выбежал из дому. У лестницы показалась Арманда со свечой в руке.

– Госпожа Мольер, – сказал Барон, – посылайте еще кого-нибудь за священником, но скорей!

Арманда уронила свечу и исчезла в темноте, а Барон, прошипев на лестнице недоуменно: «Что же, черт возьми, не идет никто из докторов?» – побежал наверх.

– Чего вам дать, мастер? – спросил Барон и вытер платком лоб Мольера.

– Свету! – ответил Мольер. – И сыру пармезану.

– Сыру! – сказал Барон служанке, и та, потоптавшись, поставила свечку на кресло и выбежала вон.

– Жене скажите, чтобы поднялась ко мне, – приказал Мольер.

Барон побежал по лестнице вниз и позвал:

– Кто там? Дайте свету больше! Госпожа Мольер!

Внизу одна за другой загорались свечи в чьих-то трясущихся руках. В это время там, наверху, Мольер напрягся всем телом, вздрогнул, и кровь хлынула у него из горла, заливая белье. В первый момент он испугался, но тотчас же почувствовал необычайное облегчение и даже подумал: «Вот хорошо...» А затем его поразило изумление: его спальня превратилась в опушку леса, и какой-то черный кавалер, вытирая кровь с головы, стал рвать повод, стараясь вылезти из-под лошади, раненной в ногу. Лошадь билась и давила кавалера. Послышались совершенно непонятные голоса:

– Кавалеры! Ко мне! Суассон убит!..

«Это бой под Марфе, – подумал Мольер, – а кавалер, которого давит лошадь, это

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
сьер де Моден, первый любовник моей первой жены. У меня льется из горла кровь, как река, значит, во мне лопнула какая-то жила...» Он стал давиться кровью и двигать нижней челюстью. Де Моден исчез из глаз, и в ту же секунду Мольер увидел Рону, но в момент светопреставления, то есть солнце, в виде багрового шара, стало погружаться в воду, при звуках лютни императора д'Ассуси. «Это глупо, – подумал Мольер, – и Рона, и лютня не вовремя... Просто я умираю...» Он успел подумать с любопытством: «А как выглядит смерть?» – и увидел ее немедленно. Она вбежала в комнату в монашеском головном уборе и сразу размашисто перекрестила Мольера. Он с величайшим любопытством хотел ее внимательно рассмотреть, но ничего уже более не рассмотрел.

В это время Барон с двумя шандалами в руках, заливая лестницу светом, поднимался вверх, а за ним, волоча и подбирая шлейф, бежала Арманда. Она тянула за руку девчонку с пухлыми щеками и шептала ей:

– Ничего, ничего, не бойся, Эспри, идем к отцу!

Сверху послышалось гнусавое печальное пение монашки. Арманда и Барон, вбежав, увидели эту монашку со сложенными молитвенно ладонями.

«Святая Клара», – подумала Арманда и разглядела, что вся кровать и сам Мольер залиты кровью. Девчонка испугалась и заплакала.

– Мольер! – сказала дрогнувшим голосом, как никогда не говорила, Арманда, но ответа не получила.

Барон же, с размаху поставив шандалы на стол, прыгая через ступеньку, скатился с лестницы и, вцепившись в грудь слуге, зарычал:

– Где ты шлялся?! Где доктор, болван!!

И слуга отчаянно ответил:

– Господин де Барон, что же я сделаю? Ни один не хочет идти к господину де Мольеру! Ни один!

Глава 33

ТЫ ЕСТЬ ЗЕМЛЯ

Весь дом находился в тягостном недоумении. Оно передалось и нищим монашкам. Почитав некоторое время над обмытым, укрытым и лежащим на смертном ложе Мольером, они решительно не знали, что им дальше делать. Дело в том, что земля не желала принимать тело господина Мольера.

Жан Обри накануне напрасно умолял священников прихода Святого Евстафия – Ланфана и Леша – явиться к умирающему. Оба наотрез отказались. Третий, фамилия которого была Пейзан, сжалившись над приходящим в отчаяние Обри, явился в дом комедианта, но слишком поздно, когда тот уже умер, и тотчас поспешил уйти. А о том, чтобы Мольера хоронить по церковному обряду, не могло быть и речи. Грешный комедиант умер без покаяния и не отрекшись от своей осуждаемой церковью профессии и не дав письменного обещания, что в случае, если Господь, по бесконечной своей благодати, возвратит ему здоровье, он никогда более в жизни не будет играть в комедии.

формула эта подписана не была, и ни один священник в Париже не взялся бы проводить господина де Мольера на кладбище, да, впрочем, ни одно кладбище и не приняло бы его.

Арманда стала уже приходить в отчаяние, как приехал из Отейля тамошний кюре, Франсуа Луазо, подружившийся с Мольером в то время, когда тот проживал в Отейле. Кюре не только научил Арманду, как составить прошение на имя парижского архиепископа, но, несомненно рискуя сильнейшими неприятностями для себя лично, вместе с Армандой поехал к парижскому архиепископу.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вдову и кюре после недолгого ожидания в тихой приемной ввели в архиепископский кабинет, и Арманда увидела перед собой Арле де Шанваллона, архиепископа парижского.

– Я пришла, ваше высокопреосвященство, – заговорила вдова, – просить вашего разрешения похоронить моего покойного мужа согласно церковному обряду.

Де Шанваллон прочел прошение и сказал вдове, но глядя не на нее, а на Луазо тяжкими и очень внимательными глазами:

– Ваш муж, сударыня, был комедиантом?

– Да, – волнуясь, ответила Арманда, – но он умер, как добрый христианин. Это могут засвидетельствовать две монашки монастыря Святой Клары д'Аннесси, бывшие у нас в доме. Кроме того, во время прошлой Пасхи он исповедовался и причащался.

– Мне очень жаль, – ответил архиепископ, – но сделать ничего нельзя. Я не могу выдать разрешение на погребение.

– Куда же мне девать его тело? – спросила Арманда и заплакала.

– Я жалею его, – повторил архиепископ, – но, поймите, сударыня, я не могу оскорбить закон.

И Луазо, провожаемый в спину взглядом архиепископа, увел рыдающую Арманду.

– Значит, – уткнувшись в плечо кюре, плача, говорила Арманда, – мне придется вывезти его за город и зарыть у большой дороги...

Но верный кюре не покинул ее, и они оказались в Сен-Жермене в королевском дворце. Тут Арманду ждала удача. Король принял ее немедленно, и ее ввели в зал, где он, стоя у стола, дожидался ее. Та не стала ничего говорить, а сразу стала на колени и заплакала. Король помог ей подняться и сказал:

– Я прошу вас успокоиться, сударыня. Что я могу для вас сделать?

– Ваше величество, – сказала Арманда, – мне не разрешают хоронить моего мужа, де Мольера. Заступитесь, ваше величество!

Король ответил:

– Для вашего покойного мужа все будет сделано. Прошу вас, поезжайте домой и позаботьтесь о его теле.

Арманда, рыдая и произнося слова благодарности, удалилась, а через несколько минут королевский гонец поскакал за де Шанваллоном. Когда Шанваллон явился к королю, тот спросил его:

– Что происходит там по поводу смерти Мольера?

– Государь, – ответил Шанваллон, – закон запрещает хоронить его на освященной земле.

– А на сколько вглубь простирается освященная земля? – спросил король.

– На четыре фута, ваше величество, – ответил архиепископ.

– Благоволите, архиепископ, похоронить его на глубине пятого фута, – сказал Людовик, – но похороните непременно, избежав как торжества, так и скандала.

В канцелярии архиепископа писали бумагу:

«Приняв во внимание обстоятельства, обнаруженные в следствии, произведенном согласно нашему приказанию, мы позволяем священнику церкви Святого Евстафия похоронить по церковному обряду тело покойного Мольера, с тем, однако, условием, чтобы это погребение было совершено без всякой торжественности, не более как двумя священниками, и не днем. И чтобы за упокой души его не было совершаемо торжественное богослужение ни в вышеуказанной церкви Святого Евстафия и ни в

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
какой другой».

Лишь только по цеху парижских обойщиков распространился слух, что скончался сын покойного почтенного Жана-Батиста Поклена комедиант де Мольер, носящий наследственное звание обойщика, представители цеха явились на улицу Ришелье и положили на тело комедианта расшитое цеховое знамя, возвратив Мольера в то состояние, из которого он самовольно вышел: обойщиком был и к обойщикам вернулся.

И в то же время один оборотистый человек, знавший, что великий Конде относился к Мольеру с симпатией, явился к Конде со словами:

– Ваше высочество, разрешите вам вручить эпитафию, которую я написал для Мольера.

Конде взял эпитафию и, глянув на автора, ответил:

– Благодарю вас. Но я предпочел бы, чтобы он написал вашу эпитафию.

21 февраля к девяти часам вечера, когда должны были выносить Мольера, толпа человек в полтора раза собралась у дома покойного комедианта, и из кого состояла эта толпа – неизвестно. Но почему-то она вела себя возбужденно – слышались громкие выкрики и даже свист. Вдова съера де Мольера взволновалась при виде неизвестных. По совету близких она раскрыла окно и обратилась к собравшимся с такими словами:

– Господа! Зачем же вы хотите потревожить моего покойного мужа? Я вас могу уверить, что он был добрым человеком и умер, как христианин. Быть может, вы сделаете честь проводить его на кладбище?

Тут чья-то рука вложила ей в руку кожаный кошель, и она стала раздавать деньги. После некоторого шума из-за денег все пришло в порядок, и у дома появились факелы. В 9 часов из дому вынесли деревянный гроб. Впереди шли два безмолвных священника. Рядом с гробом шли мальчики в стихарях и несли громадные восковые свечи. А за гробом потек целый лес огней, и в толпе провожавших видели следующих знаменитых людей: художника Пьера Миньяра, баснописца Лафонтена и поэтов Буало и Шапеля. Все они несли факелы в руках, а за ними строем шли с факелами комедианты труппы Пале-Рояля и, наконец, эта разросшаяся толпа человек в двести. Когда прошли одну улицу, открылось окно в доме и высунувшаяся женщина звонко спросила:

– Кого это хоронят?

– Какого-то Мольера, – ответила другая женщина.

Этого Мольера принесли на кладбище Святого Жозефа и похоронили в том отделе, где хоронят самоубийц и некрещеных детей. А в церкви Святого Евстафия священнослужитель отметил кратко, что 21 февраля 1673 года, во вторник, был погребен на кладбище Святого Жозефа обойщик и королевский камердинер Жан-Батист Поклен.

Эпилог

ПРОЩАНИЕ С БРОНЗОВЫМ КОМЕДИАНТОМ

На его могилу жена положила каменную плиту и велела привезти на кладбище сто вязанок дров, чтобы бездомные могли согреться. В первую же, суровую, зиму на этой плите разожгли громадный костер. От жара плита треснула и развалилась. Время разметало ее куски, и когда через сто девятнадцать лет, во время Великой революции, явились комиссары для того, чтобы отрыть тело Жана-Батиста Мольера и перенести в мавзолей, никто места его погребения с точностью указать не мог. И хотя чьи-то останки и вырыли и заключили в мавзолей, никто не может сказать с уверенностью, что это останки де Мольера. По-видимому, почести воздали неизвестному человеку.

Итак, мой герой ушел в парижскую землю и в ней сгинул. А затем, с течением времени, колдовским образом сгинули все до единой его рукописи и письма.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Говорили, что рукописи погибли во время пожара, а письма будто бы, тщательно собрав, уничтожил какой-то фанатик. Словом, пропало все, кроме двух клочков бумаги, на которых когда-то бродячий комедиант расписался в получении денег для своей труппы.

Но даже лишенный и рукописей, и писем, он покинул однажды землю, в которой остались лежать самоубийцы и мертворожденные дети, и поместился над высохшей чашей фонтана. Вот он! Это он – королевский комедиант с бронзовыми бантами на башмаках! И я, которому никогда не суждено его увидеть, посылаю ему свой прощальный привет.

Москва, 1932–1933 гг.

Театральный роман
(Записки покойника)

Предисловие

Предупреждаю читателя, что к сочинению этих записок я не имею никакого отношения и достались они мне при весьма странных и печальных обстоятельствах.

Как раз в день самоубийства Сергея Леонтьевича Максудова, которое произошло в Киеве весной прошлого года, я получил посланную самоубийцей заблаговременно толстейшую бандероль и письмо.

В бандероли оказались эти записки, а письмо было удивительного содержания.

Сергей Леонтьевич заявлял, что, уходя из жизни, он дарит мне свои записки с тем, чтобы я, единственный его друг, выправил их, подписал своим именем и выпустил в свет.

Странная, но предсмертная воля!

В течение года я наводил справки о родных или близких Сергея Леонтьевича. Тщетно! Он не солгал в предсмертном письме – никого у него не осталось на этом свете.

И я принимаю подарок.

Теперь второе: сообщаю читателю, что самоубийца никакого отношения ни к драматургии, ни к театрам никогда в жизни не имел, оставаясь тем, чем он и был, маленьким сотрудником газеты «Вестник пароходства», единственный раз выступившим в качестве беллетриста, и то неудачно – роман Сергея Леонтьевича не был напечатан.

Таким образом, записки Максудова представляют собою плод его фантазии, и фантазии, увы, больной. Сергей Леонтьевич страдал болезнью, носящей весьма неприятное название – меланхолия.

Я, хорошо знающий театральную жизнь Москвы, принимаю на себя ручательство в том, что ни таких театров, ни таких людей, какие выведены в произведении покойного, нигде нет и не было.

И наконец, третье и последнее: моя работа над записками выразилась в том, что я озаглавил их, затем уничтожил эпиграф, показавшийся мне претенциозным, ненужным и неприятным.

Этот эпиграф был:

«Коемуждо по делом его...»

И, кроме того, расставил знаки препинания там, где их не хватало.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Стиль Сергея Леонтьевича я не трогал, хотя он явно неряшлив. Впрочем, что же требовать от человека, который через два дня после того, как поставил точку в конце записок, кинулся с Цепного моста вниз головой. Итак...

ЧАСТЬ I

Глава 1

НАЧАЛО ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Гроза омыла Москву 29 апреля, и стал сладостен воздух, и душа как-то смягчилась, и жить захотелось.

В сером новом моем костюме и довольно приличном пальто я шел по одной из центральных улиц столицы, направляясь к месту, в котором никогда еще не был. Причиной моего движения было лежащее у меня в кармане внезапно полученное письмо. Вот оно:

«Глубокопочитаемый Сергей Леонтьевич!

До крайности хотел бы познакомиться с Вами, а равно также переговорить по одному таинственному делу, которое может быть очень и очень небезынтересно для Вас.

Если Вы свободны, я был бы счастлив встретиться с Вами в здании Учебной сцены Независимого Театра в среду в 4 часа.

С приветом К. Ильчин».

Письмо было написано карандашом на бумаге, в левом углу которой было напечатано:

«КСАВЕРИЙ БОРИСОВИЧ ИЛЬЧИН

РЕЖИССЕР УЧЕБНОЙ СЦЕНЫ

НЕЗАВИСИМОГО ТЕАТРА»

Имя Ильчина я видел впервые, не знал, что существует Учебная сцена. О Независимом Театре слышал, знал, что это один из выдающихся театров, но никогда в нем не был.

Письмо меня чрезвычайно заинтересовало, тем более что никаких писем я вообще тогда не получал. Я, надо сказать, маленький сотрудник газеты «Пароходство». Жил я в то время в плохой, но отдельной комнате в седьмом этаже в районе Красных Ворот у Хомутовского тупика.

Итак, я шел, вдыхая освеженный воздух, и размышлял о том, что гроза ударит опять, а также о том, каким образом Ксаверий Ильчин узнал о моем существовании, и как он разыскал меня, и какое дело может у него быть ко мне. Но сколько я ни раздумывал, последнего понять не мог и наконец остановился на мысли, что Ильчин хочет поменяться со мною комнатой.

Конечно, надо было Ильчину написать, чтобы он пришел ко мне, раз у него дело ко мне, но надо сказать, что я стыдился своей комнаты, обстановки и окружающих людей. Я вообще человек странный и людей немного боюсь. Вообразите, входит Ильчин и видит диван, а обшивка распорота и торчит пружина, на лампочке над столом абажур сделан из газеты, и кошка ходит, а из кухни доносится ругань Аннушки.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Я вошел в резные чугунные ворота, увидел лавчонку, где седой человек торговал нагрудными значками и оправой для очков.

Я перепрыгнул через затихающий мутный поток и оказался перед зданием желтого цвета, и подумал о том, что здание это построено давно, давно, когда ни меня, ни Ильчина еще не было на свете.

Черная доска с золотыми буквами возвещала, что здесь Учебная сцена. Я вошел, и человек маленького роста, с бороденкой, в куртке с зелеными петлицами, немедленно преградил мне дорогу.

– Вам кого, гражданин? – подозрительно спросил он и растопырил руки, как будто хотел поймать курицу.

– Мне нужно видеть режиссера Ильчина, – сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал надменно.

Человек изменился чрезвычайно, и на моих глазах. Он руки опустил по швам и улыбнулся фальшивой улыбкой.

– Ксаверия Борисыча? Сию минут-с. Пальтецо пожалуйста. Калошек нету?

Человек принял мое пальто с такой бережностью, как будто это было церковное драгоценное облачение.

Я подымался по чугунной лестнице, видел профили воинов в шлемах и грозные мечи под ними на барельефах, старинные печи-голландки с отдушинами, начищенными до золотого блеска.

Здание молчало, нигде и никого не было, и лишь с петличками человек плелся за мной, и, оборачиваясь, я видел, что он оказывает мне молчаливые знаки внимания, преданности, уважения, любви, радости по поводу того, что я пришел и что он хоть и идет сзади, но руководит мною, ведет меня туда, где находится одинокий, загадочный Ксаверий Борисович Ильчин.

И вдруг потемнело, голландки потеряли свой жирный беловатый блеск, тьма сразу обрушилась – за окнами зашумела вторая гроза. Я стукнул в дверь, вошел и в сумерках увидел наконец Ксаверия Борисовича.

– Максудов, – сказал я с достоинством.

Тут где-то далеко за Москвой молния распоролла небо, осветив на мгновение фосфорическим светом Ильчина.

– Так это вы, достолюбезный Сергей Леонтьевич! – сказал, хитро улыбаясь, Ильчин.

И тут Ильчин увлек меня, обнимая за талию, на такой точно диван, как у меня в комнате, – даже пружина в нем торчала там же, где у меня, – посередине.

Вообще и по сей день я не знаю назначения той комнаты, в которой состоялось роковое свидание. Зачем диван? Какие ноты лежали, растрепанные, на полу в углу? Почему на окне стояли весы с чашками? Почему Ильчин ждал меня в этой комнате, а не, скажем, в соседнем зале, в котором в отдалении смутно, в сумерках грозы, рисовался рояль?

И под воркотню грома Ксаверий Борисович сказал зловеще:

– Я прочитал ваш роман.

Я вздрогнул.

Дело в том...

Глава 2

ПРИСТУП НЕВРАСТЕНИИ

Дело в том, что, служа в скромной должности читальщика в «Пароходстве», я эту свою должность ненавидел и по ночам, иногда до утренней зари, писал у себя в мансарде роман.

Он зародился однажды ночью, когда я проснулся после грустного сна. Мне снился родной город, снег, зима, гражданская война... Во сне прошла передо мною беззвучная вьюга, а затем появился старенький рояль и возле него люди, которых нет уже на свете. Во сне меня поразило мое одиночество, мне стало жаль себя. И проснулся я в слезах. Я зажег свет, пыльную лампочку, подвешенную над столом. Она осветила мою бедность – дешевенькую чернильницу, несколько книг, пачку старых газет. Бок левый болел от пружины, сердце охватывал страх. Я почувствовал, что я умру сейчас за столом, жалкий страх смерти унизил меня до того, что я простонал, оглянулся тревожно, ища помощи и защиты от смерти. И эту помощь я нашел. Тихо мякнула кошка, которую я некогда подобрал в воротах. Зверь встревожился. Через секунду зверь уже сидел на газетах, смотрел на меня круглыми глазами, спрашивал – что случилось?

Дымчатый тощий зверь был заинтересован в том, чтобы ничего не случилось. В самом деле, кто же будет кормить эту старую кошку?

– Это приступ неврастении, – объяснил я кошке. – Она уже завелась во мне, будет развиваться и сгложет меня. Но пока еще можно жить.

Дом спал. Я глянул в окно. Ни одно в пяти этажах не светилось, я понял, что это не дом, а многоярусный корабль, который летит под неподвижным черным небом. Меня развеселила мысль о движении. Я успокоился, успокоилась и кошка, закрыла глаза.

Так я начал писать роман. Я описал сонную вьюгу. Постарался изобразить, как поблескивает под лампой с абажуром бок рояля. Это не вышло у меня. Но я стал упорен.

Днем я старался об одном – как можно меньше истратить сил на свою подневольную работу. Я делал ее механически, так, чтобы она не задевала головы. При всяком удобном случае я старался уйти со службы под предлогом болезни. Мне, конечно, не верили, и жизнь моя стала неприятной. Но я все терпел и постепенно втянулся. Подобно тому, как нетерпеливый юноша ждет часа свидания, я ждал часа ночи. Проклятая квартира успокаивалась в это время. Я садился к столу... Заинтересованная кошка садилась на газеты, но роман ее интересовал чрезвычайно, и она норовила пересесть с газетного листа на лист исписанный. И я брал ее за шиворот и водворял на место.

Однажды ночью я поднял голову и удивился. Корабль мой никуда не летел, дом стоял на месте и было совершенно светло. Лампочка ничего не освещала, была противной и назойливой. Я потушил ее, и омерзительная комната предстала предо мною в рассвете. На асфальтированном дворе воровской беззвучной походкой проходили разноцветные коты. Каждую букву на листе можно было разглядеть без всякой лампы.

– Боже! Это апрель! – воскликнул я, почему-то испугавшись, и крупно написал: «Конец».

Конец зиме, конец вьюгам, конец холоду. За зиму я растерял свои немногие знакомства, обносился очень, заболел ревматизмом и немного одичал. Но брился ежедневно.

Думая обо всем этом, я выпустил кошку во двор, затем вернулся и заснул – впервые, кажется, за всю зиму – сном без сновидений.

Роман надо долго править. Нужно перечеркивать многие места, заменять сотни слов другими. Большая, но необходимая работа!

Однако мною овладел соблазн, и, выправив первых шесть страниц, я вернулся к людям. Я созвал гостей. Среди них было двое журналистов из «Пароходства», рабочие, как и я, люди, их жены и двое литераторов. Один – молодой, поражавший меня тем, что с недостижимой ловкостью писал рассказы, и другой – пожилой, выдавший виды человек, оказавшийся при более близком знакомстве ужасною сволочью.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В один вечер я прочитал примерно четверть своего романа.

Жены до того осовели от чтения, что я стал испытывать угрызения совести. Но журналисты и литераторы оказались людьми прочными. Суждения их были братски искренни, довольно суровы и, как теперь понимаю, справедливы.

– Язык! – вскрикивал литератор (тот, который оказался сволочью). – Язык, главное! Язык никуда не годится.

Он выпил большую рюмку водки, проглотил сардинку. Я налил ему вторую. Он ее выпил, закусил куском колбасы.

– Метафора! – кричал закусивший.

– Да, – вежливо подтвердил молодой литератор, – бедноват язык.

Журналисты ничего не сказали, но сочувственно кивнули, выпили. Дамы не кивали, не говорили, начисто отказались от купленного специально для них портвейна и выпили водки.

– Да как же ему не быть бедноватым, – вскрикивал пожилой, – метафора не собака, прошу это заметить! Без нее голо! Голо! Голо! Запомните это, старик!

Слово «старик» явно относилось ко мне. Я похолодел.

Расходясь, условились опять прийти ко мне. И через неделю опять были. Я прочитал вторую порцию. Вечер ознаменовался тем, что пожилой литератор выпил со мною совершенно неожиданно и против моей воли брудершафт и стал называть меня «Леонтьич».

– Язык ни к черту! Но занятно. Занятно, чтоб тебя черти разорвали (это меня)! – кричал пожилой, поедая студень, приготовленный дусей.

На третьем вечере появился новый человек. Тоже литератор – с лицом злым и мефистофельским, косой на левый глаз, небритый. Сказал, что роман плохой, но изъявил желание слушать четвертую, и последнюю, часть. Была еще какая-то разведенная жена и один с гитарой в футляре. Я почерпнул много полезного для себя на данном вечере. Скромные мои товарищи из «Пароходства» по привычке к разрошшемуся обществу и высказали и свои мнения.

Один сказал, что семнадцатая глава растянута, другой, что характер Васеньки очерчен недостаточно выпукло. И то и другое было справедливо.

Четвертое, и последнее, чтение состоялось не у меня, а у молодого литератора, искусно сочинявшего рассказы. Здесь было уже человек двадцать, и познакомился я с бабушкой литератора, очень приятной старухой, которую портило только одно – выражение испуга, почему-то не покидавшего ее весь вечер. Кроме того, видел няньку, спавшую на сундуке.

Роман был закончен. И тут разразилась катастрофа. Все слушатели, как один, сказали, что роман мой напечатан быть не может по той причине, что его не пропустит цензура.

Я впервые услышал это слово и тут только сообразил, что, сочиняя роман, ни разу не подумал о том, будет ли он пропущен или нет.

Начала одна дама (потом я узнал, что она тоже была разведенной женой). Сказала она так:

– Скажите, Максудов, а ваш роман пропустят?

– Ни-ни-ни! – воскликнул пожилой литератор. – Ни в каком случае! Об «пропустить» не может быть и речи! Просто нет никакой надежды на это. Можешь, старик, не волноваться – не пропустят.

– Не пропустят! – хором отозвался короткий конец стола.

– Язык... – начал тот, который был братом гитариста, но пожилой его перебил.

– К чертям язык! – вскричал он, накладывая себе на тарелку салат. – Не в языке дело. Старик написал плохой, но занятный роман. В тебе, шельмец, есть наблюдательность. И откуда что берется! Вот уж никак не ожидал, но!..
Содержание!

– М-да, содержание...

– Именно содержание, – кричал, беспокоя няньку, пожилой, – ты знаешь, чего требуется? Не знаешь? Ага. То-то!

Он мигал глазом, в то же время выпивал. Затем обнял меня и расцеловал, крича:

– В тебе есть что-то несимпатичное, поверь мне! Уж ты мне поверь. Но я тебя люблю. Люблю, хоть тут меня убейте! Лукав он, шельма! С подковыркой человек!.. А? Что? Вы обратили внимание на главу четвертую? Что он говорил героине? То-то!..

– Во-первых, что это за такие слова, – начал было я, испытывая мучения от его фамильярности.

– Ты меня прежде поцелуй, – кричал пожилой литератор, – не хочешь? Вот и видно сразу, какой ты товарищ! Нет, брат, непростой ты человек!

– Конечно, не простой! – поддержала его вторая разведенная жена.

– Во-первых... – начал опять я в злобе, но ровно ничего из этого не вышло.

– Ничего не во-первых! – кричал пожилой. – А сидит в тебе Достоевщина! Да-с! Ну ладно, ты меня не любишь, Бог тебя за это простит, я на тебя не обижаюсь. Но мы тебя любим все искренне и желаем добра! – Тут он указал на брата гитариста и другого неизвестного мне человека с багровым лицом, который, явившись, извинился за опоздание, объяснив, что был в Центральных банях. – И говорю я тебе прямо, – продолжал пожилой, – ибо я привык всем резать правду в глаза, ты, Леонтьич, с этим романом даже не суйся никуда. Наживешь ты себе неприятности, и придется нам, твоим друзьям, страдать при мысли о твоих мучениях. Ты мне верь! Я человек большого, горького опыта. Знаю жизнь! Ну вот, – крикнул он обиженно и жестом всех призвал в свидетели, – поглядите: смотрит на меня волчьими глазами. Это в благодарность за хорошее отношение! Леонтьич! – взвизгнул он так, что нянька за занавеской встала с сундука. – Пойми! Пойми ты, что не так велики уж художественные достоинства твоего романа (тут послышался с дивана мягкий гитарный аккорд), чтобы из-за него тебе идти на Голгофу. Пойми!

– Ты п-пойми, пойми, пойми! – запел приятным тенором гитарист.

– И вот тебе мой сказ, – кричал пожилой, – ежели ты меня сейчас не расцелуешь, встану, уйду, покину дружескую компанию, ибо ты меня обидел!

Испытывая невыразимую муку, я расцеловал его. Хор в это время хорошо распелся, и масляно и нежно над голосами выплывал тенор:

– Т-ты пойми, пойми...

Как кот, я выкрадывался из квартиры, держа под мышкой тяжелую рукопись.

Нянька с красными слезящимися глазами, наклонившись, пила воду из-под крана в кухне.

Неизвестно почему, я протянул няньке рубль.

– Да ну вас, – злобно сказала нянька, отпихивая рубль, – четвертый час ночи! Ведь это же адские мучения.

Тут издали прорезал хор знакомый голос:

– Где же он? Бежал? Задержать его! Вы видите, товарищи...

Но обитая клеенкой дверь уже выпустила меня, и я бежал без оглядки.

Глава 3

МОЕ САМОУБИЙСТВО

– Да, это ужасно, – говорил я сам себе в своей комнате, – все ужасно. И этот салат, и нянька, и пожилой литератор, и незабвенное «пойми», вообще вся моя жизнь.

За окнами ныл осенний ветер, оторвавшийся железный лист громычал, по стеклам полз полосами дождь. После вечера с нянькой и гитарой много случилось событий, но таких противных, что и писать о них не хочется. Прежде всего я бросился проверять роман с той точки зрения, что, мол, пропустят его или не пропустят. И ясно стало, что его не пропустят. Пожилой был совершенно прав. Об этом, как мне казалось, кричала каждая строчка романа.

Проверив роман, я последние деньги истратил на переписку двух отрывков и отнес их в редакцию одного толстого журнала. Через две недели я получил отрывки обратно. В углу рукописи было написано: «Не подходит». Отрезав ножницами для ногтей эту резолюцию, я отнес эти же отрывки в другой толстый журнал и получил через две недели их обратно с такою же точно надписью: «Не подходит».

После этого умерла кошка. Она перестала есть, забилась в угол и мяукала, доводя меня до иступления. Три дня это продолжалось. На четвертый я застал ее неподвижной в углу на боку.

Я взял у дворника лопату и зарыл ее на пустыре за нашим домом. Я остался в совершенном одиночестве на земле, но, признаюсь, в глубине души обрадовался. Какой обузой для меня являлся несчастный зверь.

А потом пошли осенние дожди, у меня опять заболело плечо и левая нога в колене.

Но самое худшее было не это, а то, что роман был плох. Если же он был плох, то это означало, что жизни моей приходит конец.

Всю жизнь служить в «Пароходстве»? Да вы смеетесь!

Всякую ночь я лежал, тараща глаза в тьму кромешную, и повторял – «это ужасно». Если бы меня спросили – что вы помните о времени работы в «Пароходстве», я с чистою совестью ответил бы – ничего.

Калоши грязные у вешалки, чья-то мокрая шапка с длиннейшими ушами на вешалке – и это все.

– Это ужасно! – повторил я, слушая, как гудит ночное молчание в ушах.

Бессонница дала себя знать недели через две.

Я поехал в трамвае на Самотечную-Садовую, где проживал в одном из домов, номер которого я сохраняю, конечно, в строжайшей тайне, некий человек, имевший право по роду своих занятий на ношение оружия.

При каких условиях мы познакомились, неважно.

Войдя в квартиру, я застал моего приятеля лежащим на диване. Пока он разогревал чай на примусе в кухне, я открыл левый ящик письменного его стола и выкрал оттуда браунинг, потом напился чаю и уехал к себе.

Было около девяти часов вечера. Я приехал домой. Все было как всегда. Из кухни пахло жареной бараниной, в коридоре стоял вечный, хорошо известный мне туман, в нем тускло горела под потолком лампочка. Я вошел к себе. Свет брызнул сверху, и тотчас же комната погрузилась в тьму. Перегорела лампочка.

– Все одно к одному, и все совершенно правильно, – сказал я сурово.

Я зажег керосинку на полу в углу. На листе бумаги написал: «Сим сообщаю, что

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
браунинг № (забыл номер), скажем, такой-то, я украл у Парфена Ивановича (написал фамилию, № дома, улицу, все, как полагается)». Подписался, лег на полу у керосинки. Смертельный ужас охватил меня. Умирать страшно. Тогда я представил себе наш коридор, баранину и бабу Пелагею, пожилого и «Пароходство», повеселил себя мыслью о том, как с грохотом будут ломать дверь в мою комнату и т.д.

Я приложил дуло к виску, неверным пальцем нашарил собачку. В это же время снизу послышались очень знакомые мне звуки, сипло заиграл оркестр, и тенор в граммофоне запел:

Но мне Бог возвратит ли все?!

«Батюшки! „Фауст“! – подумал я. – Ну, уж это действительно вовремя. Однако подожду выхода Мефистофеля. В последний раз. Больше никогда не услышу».

Оркестр то пропадал под полом, то появлялся, но тенор кричал все громче:

Проклинаю я жизнь, веру и все науки!

«Сейчас, сейчас, – думал я, – но как быстро он поет!»

Тенор крикнул отчаянно, затем грохнул оркестр.

Дрожащий палец лег на собачку, и в это мгновение грохот оглушил меня, сердце куда-то провалилось, мне показалось, что пламя вылетело из керосинки в потолок, я уронил револьвер.

Тут грохот повторился. Снизу донесся тяжкий басовый голос:

– Вот и я!

Я повернулся к двери.

Глава 4

ПРИ ШПАГЕ Я

В дверь стучали. Властно и повторно. Я сунул револьвер в карман брюк и слабо крикнул:

– Войдите!

Дверь распахнулась, и я околел на полу от ужаса. Это был он, вне всяких сомнений. В сумраке в высоте надо мною оказалось лицо с властным носом и разметанными бровями. Тени играли, и мне померещилось, что под квадратным подбородком торчит острие черной бороды. Берет был заломлен лихо на ухо. Пера, правда, не было.

Короче говоря, передо мною стоял Мефистофель. Тут я разглядел, что он в пальто и блестящих глубоких калошах, а под мышкою держит портфель. «Это естественно, – подумал я, – не может он в ином виде пройти по Москве в двадцатом веке».

– Рудольфи, – сказал злой дух тенором, а не басом.

Он, впрочем, мог и не представляться мне. Я его узнал. У меня в комнате находился один из самых приметных людей в литературном мире того времени, редактор-издатель единственного частного журнала «Родина», Илья Иванович Рудольфи.

Я поднялся с полу.

– А нельзя ли зажечь лампу? – спросил Рудольфи.

– К сожалению, не могу этого сделать, – отозвался я, – так как лампочка перегорела, а другой у меня нет.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Злой дух, принявший личину редактора, проделал один из своих нехитрых фокусов – вынул из портфеля тут же электрическую лампочку.

– Вы всегда носите лампочки с собой? – изумился я.

– Нет, – сурово объяснил дух, – простое совпадение – я только что был в магазине.

Когда комната осветилась и Рудольфи снял пальто, я проворно убрал со стола записку с признанием в краже револьвера, а дух сделал вид, что не заметил этого. Сели. Помолчали.

– Вы написали роман? – строго осведомился наконец Рудольфи.

– Откуда вы знаете?

– Ликоспастов сказал.

– Видите ли, – заговорил я (Ликоспастов и есть тот самый пожилой), – действительно, я... но... словом, это плохой роман.

– Так, – сказал дух и внимательно поглядел на меня.

Тут оказалось, что никакой бороды у него не было. Тени пошутили.

– Покажите, – властно сказал Рудольфи.

– Ни за что, – отозвался я.

– По-ка-жи-те, – отдельно сказал Рудольфи.

– Его цензура не пропустит...

– Покажите.

– Он, видите ли, написан от руки, а у меня скверный почерк, буква «о» выходит как простая палочка, а...

И тут я сам не заметил, как руки мои открыли ящик, где лежал злополучный роман.

– Я любой почерк разбираю, как печатное, – пояснил Рудольфи, – это профессиональное... – И тетради оказались у него в руках.

Прошел час. Я сидел у керосинки, подогревая воду, а Рудольфи читал роман. Множество мыслей вертелось у меня в голове. Во-первых, я думал о Рудольфи. Надо сказать, что Рудольфи был замечательным редактором и попасть к нему в журнал считалось приятным и почетным. Меня должно было радовать то обстоятельство, что редактор появился у меня хотя бы даже и в виде Мефистофеля. Но, с другой стороны, роман ему мог не понравиться, а это было бы неприятно... Кроме того, я чувствовал, что самоубийство, прерванное на самом интересном месте, теперь уж не состоится, и, следовательно, с завтрашнего же дня я опять окажусь в пучине бедствий. Кроме того, нужно было предложить чаю, а у меня не было масла. Вообще в голове была каша, в которую к тому же впутывался и зря украденный револьвер.

Рудольфи между тем глотал страницу за страницей, и я тщетно пытался узнать, какое впечатление роман производит на него. Лицо Рудольфи ровно ничего не выражало.

Когда он сделал антракт, чтобы протереть стекла очков, я к сказанным уже глупостям прибавил еще одну:

– А что говорил Ликоспастов о моем романе?

– Он говорил, что этот роман никуда не годится, – холодно ответил Рудольфи и перевернул страницу. («Вот такая сволочь Ликоспастов! Вместо того чтобы поддержать друга и т.д.»)

В час ночи мы выпили чаю, а в два Рудольфи дочитал последнюю страницу.

Я заерзал на диване.

– Так, – сказал Рудольфи.

Помолчали.

– Толстому подражаете, – сказал Рудольфи.

Я рассердился.

– Кому именно из Толстых? – спросил я. – Их было много... Алексею ли Константиновичу, известному писателю, Петру ли Андреичу, пойманному за границей царевича Алексея, нумизмату ли Ивану Ивановичу или Льву Николаичу?

– Вы где учились?

Тут приходится открыть маленькую тайну. Дело в том, что я окончил в университете два факультета и скрывал это.

– Я окончил церковно-приходскую школу, – сказал я, кашлянув.

– Вон как! – сказал Рудольфи, и улыбка тронула слегка его губы.

Потом он спросил:

– Сколько раз в неделю вы бреетесь?

– Семь раз.

– Извините за нескромность, – продолжал Рудольфи, – а как вы делаете, что у вас такой пробор?

– Бриолином смазываю голову. А позвольте спросить, почему вас это...

– Бога ради, – ответил Рудольфи, – я просто так. – И добавил: – Интересно. Человек окончил приходскую школу, бреется каждый день и лежит на полу возле керосинки. Вы – трудный человек! – Затем он резко изменил голос и заговорил сурово: – Ваш роман Главлит не пропустит, и никто его не напечатает. Его не примут ни в «Зорях», ни в «Рассвете».

– Я это знаю, – сказал я твердо.

– И тем не менее я этот роман у вас беру, – сказал строго Рудольфи (сердце мое сделало перебой), – и заплачу вам (тут он назвал чудовищно маленькую сумму, забыл какую) за лист. Завтра он будет перепечатан на машинке.

– В нем четыреста страниц! – воскликнул я хрипло.

– Я разниму его на части, – железным голосом говорил Рудольфи, – и двенадцать машинисток в бюро перепечатают его завтра к вечеру.

Тут я перестал бунтовать и решил подчиниться Рудольфи.

– Переписка на ваш счет, – продолжал Рудольфи, а я только кивал головой, как фигурка, – затем: надо будет вычеркнуть три слова – на странице первой, семьдесят первой и триста второй.

Я заглянул в тетради и увидел, что первое слово было «Апокалипсис», второе – «архангелы» и третье – «дьявол». Я их покорно вычеркнул; правда, мне хотелось сказать, что это наивные вычеркивания, но я поглядел на Рудольфи и замолчал.

– Затем, – продолжал Рудольфи, – вы поедете со мною в Главлит. Причем я вас покорнейше прошу не произносить там ни одного слова.

Все-таки я обиделся.

– Если вы находите, что я могу сказать что-нибудь... – начал я мямлить с

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
достоинством, – то я могу и дома посидеть...

Рудольфи никакого внимания не обратил на эту попытку возмущения и продолжал:

– Нет, вы не можете дома посидеть, а поедете со мною.

– Чего же я там буду делать?

– Вы будете сидеть на стуле, – командовал Рудольфи, – и на все, что вам будут говорить, будете отвечать вежливой улыбкой...

– Но...

– А разговаривать буду я! – закончил Рудольфи.

Затем он попросил чистый лист бумаги, карандашом написал на нем что-то, что содержало в себе, как помню, несколько пунктов, сам это подписал, заставил подписать и меня, затем вынул из кармана две хрустящих денежных бумажки, тетради мои положил в портфель, и его не стало в комнате.

Я не спал всю ночь, ходил по комнате, смотрел бумажки на свет, пил холодный чай и представлял себе прилавки книжных магазинов. Множество народу входило в магазин, спрашивало книжку журнала. В домах сидели под лампами люди, читали книжку, некоторые вслух.

Боже мой! Как это глупо, как это глупо! Но я был тогда сравнительно молод, не следует смеяться надо мною.

Глава 5

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СОБЫТИЯ

Украсть не трудно. На место положить – вот в чем штука. Имея в кармане браунинг в кобуре, я приехал к моему другу.

Сердце мое екнуло, когда еще сквозь дверь я услышал его крики:

– Мамаша! А еще кто?..

Глухо слышался голос старушки, его матери:

– Водопроводчик...

– Что случилось? – спросил я, снимая пальто.

Друг оглянулся и шепнул:

– Револьвер сперли сегодня... Вот гады...

– Ай-яй-яй, – сказал я.

Старушка-мамаша носилась по всей маленькой квартире, ползала по полу в коридоре, заглядывая в какие-то корзины.

– Мамаша! Это глупо! Перестаньте по полу елозить!

– Сегодня? – спросил я радостно. (Он ошибся, револьвер пропал вчера, но ему почему-то казалось, что он его вчера ночью еще видел в столе.) – А кто у вас был?

– Водопроводчик, – кричал мой друг.

– Парфеша! Не входил он в кабинет, – робко говорила мамаша, – прямо к крану прошел...

– Ах, мамаша! Ах, мамаша!

– Больше никого не было? А вчера кто был?

– И вчера никого не было! Только вы заходили, и больше никого.

И друг мой вдруг выпучил на меня глаза.

– Позвольте, – сказал я с достоинством.

– Ах! И до чего же вы обидчивые, эти интеллигенты! – вскричал друг. – Не думаю же я, что это вы сперли.

И тут же понесся смотреть, к какому крану проходил водопроводчик. При этом мамаша изображала водопроводчика и даже подражала его интонациям.

– Вот так вошел, – говорила старушка, – сказал «здравствуйте»... шапку повесил – и пошел...

– Куда пошел?..

Старушка пошла, подражая водопроводчику, в кухню, друг мой устремился за нею, я сделал одно ложное движение, якобы за ними, тотчас свернул в кабинет, положил браунинг не в левый, а в правый ящик стола и отправился в кухню.

– Где вы его держите? – спрашивал я участливо в кабинете.

Друг открыл левый ящик и показал пустое место.

– Не понимаю, – сказал я, пожимая плечами, – действительно, загадочная история, – да, ясно, что украли.

Мой друг окончательно расстроился.

– А все-таки я думаю, что его не украли, – сказал я через некоторое время, – ведь если никого не было, кто же может его украсть?

Друг сорвался с места и осмотрел карманы в старой шинели в передней. Там ничего не нашлось.

– По-видимому, украли, – сказал я задумчиво, – придется в милицию заявлять.

Друг что-то простонал.

– Куда-нибудь в другое место вы не могли его засунуть?

– Я его всегда кладу в одно и то же место! – нервничая, воскликнул мой приятель и в доказательство открыл средний ящик стола. Потом что-то пошептал губами, открыл левый и даже руку в него засунул, потом под ним нижний, а затем уже с проклятием открыл правый.

– Вот штука! – хрипел он, глядя на меня. – Вот штука... Мамаша! Нашелся!

Он был необыкновенно счастлив в этот день и оставил меня обедать.

Ликвидировав висевший на моей совести вопрос с револьвером, я сделал шаг, который можно назвать рискованным, – бросил службу в «Вестнике пароходства».

Я переходил в другой мир, бывал у Рудольфи и стал встречать писателей, из которых некоторые имели уже крупную известность. Но все это теперь как-то смылось в моей памяти, не оставив ничего, кроме скуки, в ней, все это я позабыл. И лишь не могу забыть одной вещи: это знакомства моего с издателем Рудольфи – Макаром Рвацким.

Дело в том, что у Рудольфи было все: и ум, и сметка, и даже некоторая эрудиция, у него только одного не было – денег. А между тем азартная любовь Рудольфи к своему делу толкала его на то, чтобы во что бы то ни стало издавать толстый журнал. Без этого он умер бы, я полагаю.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В силу этой причины я однажды оказался в странном помещении на одном из бульваров Москвы. Здесь помещался издатель Рвацкий, как пояснил мне Рудольфи. Поразило меня то, что вывеска на входе в помещение возвещала, что здесь – «Бюро фотографических принадлежностей».

Еще страннее было то, что никаких фотографических принадлежностей, за исключением нескольких отрезков ситцу и сукна, в газетную бумагу завернутых, не было в помещении.

Все оно кишело людьми. Все они были в пальто и шляпах, оживленно разговаривали между собою.

Я услышал мельком два слова – «провокола» и «банки», страшно удивился, но и меня встретили удивленными взорами. Я сказал, что я к Рвацкому по делу. Меня немедленно и очень почтительно проводили за фанерную перегородку, где удивление мое возросло до наивысшей степени.

На письменном столе, за которым помещался Рвацкий, стояли нагроможденные одна на другую коробки с кильками.

Но сам Рвацкий не понравился мне еще более, нежели кильки в его издательстве. Рвацкий был человеком сухим, худым, маленького роста, одетым для моего глаза, привыкшего к блузам в «Пароходстве», крайне странно. На нем была визитка, полосатые брюки, он был при грязном крахмальном воротничке, а воротничок при зеленом галстуке, а в галстуке этом была рубиновая булавка.

Рвацкий меня изумил, а я Рвацкого испугал или, вернее, расстроил, когда я объяснил, что пришел подписать договор с ним на печатание моего романа в издаваемом им журнале. Но тем не менее он быстро пришел в себя, взял принесенные мною два экземпляра договора, вынул самопишущее перо, подписал, не читая почти, оба и подпихнул мне оба экземпляра вместе с самопишущим пером. Я уже вооружился последним, как вдруг глянул на коробки с надписью «Килька отборная астраханская» и сетью, возле которой был рыболов с засученными штанами, и какая-то щемящая мысль вторглась в меня.

– Деньги мне уплатят сейчас же, как написано в договоре? – спросил я.

Рвацкий превратился весь в улыбку сладости, вежливости.

Он кашлянул и сказал:

– Через две недели ровно, сейчас маленькая заминка...

Я положил перо.

– Или через неделю, – поспешно сказал Рвацкий, – почему же вы не подписываете?

– Так мы уже тогда заодно и подпишем договор, – сказал я, – когда заминка уляжется.

Рвацкий горько улыбнулся, качая головой.

– Вы мне не доверяете? – спросил он.

– Помилуйте!

– Наконец, в среду! – сказал Рвацкий. – Если вы имеете нужду в деньгах.

– К сожалению, не могу.

– Важно подписать договор, – рассудительно сказал Рвацкий, – а деньги даже во вторник можно.

– К сожалению, не могу. – И тут я отодвинул договоры и застегнул пуговицу.

– Одну минуточку, ах, какой вы! – воскликнул Рвацкий. – А говорят еще, что писатели непрактичный народ.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И тут вдруг тоска изобразилась на его бледном лице, он встревоженно оглянулся, но вбежал какой-то молодой человек и подал Рвацкому картонный билетик, завернутый в белую бумажку. «Это билет с плацкартой, – подумал я, – он куда-то едет...»

Краска проступила на щеках издателя, глаза его сверкнули, чего я никак не предполагал, что это может быть.

Говоря коротко, Рвацкий выдал мне тут сумму, которая была указана в договоре, а на остальные суммы написал мне векселя. Я в первый и в последний раз в жизни держал в руках векселя, выданные мне. (За вексельную бумагою куда-то бегали, причем я дожидался, сидя на каких-то ящиках, распространявших сильнейший запах сапожной кожи.) Мне очень польстило, что у меня векселя.

Дальше размыло в памяти месяца два. Помню только, что я у Рудольфи возмущался тем, что он послал меня к такому, как Рвацкий, что не может быть издатель с мутными глазами и рубиновой булавкой. Помню также, как екнуло мое сердце, когда Рудольфи сказал: «А покажите-ка векселя», – и как оно стало на место, когда он сказал сквозь зубы: «Все в порядке». Кроме того, никогда не забуду, как я приехал получать по первому из этих векселей. Началось с того, что вывеска «Бюро фотографических принадлежностей» оказалась несуществующей и была заменена вывескою «Бюро медицинских банок».

Я вошел и сказал:

– Мне нужно видеть Макара Борисовича Рвацкого.

Отлично помню, как подогнулись мои ноги, когда мне ответили, что М.Б. Рвацкий... за границей.

Ах, сердце, мое сердце!.. Но, впрочем, теперь это неважно.

Кратко опять-таки: за фанерной перегородкою был брат Рвацкого. (Рвацкий уехал за границу через десять минут после подписания договора со мною – помните плацкарту?) Полная противоположность по внешности своему брату, Алоизий Рвацкий, атлетически сложенный человек с тяжкими глазами, по векселю уплатил.

По второму через месяц я, проклиная жизнь, получил уже в каком-то официальном учреждении, куда векселя идут в протест (нотариальная контора, что ли, или банк, где были окошечки с сетками).

К третьему векселю я поумнел, пришел к второму Рвацкому за две недели до срока и сказал, что устал.

Мрачный брат Рвацкого впервые обратил на меня свои глаза и буркнул:

– Понимаю. А зачем вам ждать сроков? Можете и сейчас получить.

Вместо восьмисот рублей я получил четыреста и с великим облегчением отдал Рвацкому две продолговатые бумажки.

Ах, Рудольфи, Рудольфи! Спасибо вам и за Макара, и за Алоизия. Впрочем, не будем забегать вперед, дальше будет еще хуже.

Впрочем, пальто я себе купил.

И наконец настал день, когда в мороз лютый я пришел в это же самое помещение. Это был вечер. Стосвечовая лампочка резала глаза нестерпимо. Под лампочкой за фанерной перегородкой не было никого из Рвацких (нужно ли говорить, что и второй уехал). Под этой лампочкой сидел в пальто Рудольфи, а перед ним на столе, и на полу, и под столом лежали серо-голубые книжки только что отпечатанного номера журнала. О, миг! Теперь-то мне это смешно, но тогда я был моложе.

У Рудольфи сияли глаза. Дело свое, надо сказать, он любил. Он был настоящий редактор.

Существуют такие молодые люди, и вы их, конечно, встречали в Москве. Эти молодые люди бывают в редакциях журналов в момент выхода номера, но они не писатели. Они

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru видны бывают на всех генеральных репетициях, во всех театрах, хотя они и не актеры, они бывают на выставках художников, но сами не пишут. Оперных примадонн они называют не по фамилиям, а по имени и отчеству, по имени же и отчеству называют лиц, занимающих ответственные должности, хотя с ними лично и не знакомы. В Большом театре на премьере они, протискиваясь между седьмым и восьмым рядами, машут приветливо ручкой кому-то в бельэтаже, в «Метрополе» они сидят за столиком у самого фонтана, и разноцветные лампочки освещают их штаны с раструбами.

Один из них сидел перед Рудольфи.

– Ну-с, как же вам понравилась очередная книжка? – спрашивал Рудольфи у молодого человека.

– Илья Иваныч! – прочувственно воскликнул молодой человек, вертя в руках книжку. – Очаровательная книжка, но, Илья Иваныч, позвольте вам сказать со всею откровенностью, мы, ваши читатели, не понимаем, как вы с вашим вкусом могли поместить эту вещь Максудова.

«Вот так номер!» – подумал я, холодея.

Но Рудольфи заговорщически подмигнул мне и спросил:

– А что такое?

– Помилуйте! – восклицал молодой человек. – Ведь, во-первых... вы позволите мне быть откровенным, Илья Иванович?

– Пожалуйста, пожалуйста, – сказал, сияя, Рудольфи.

– Во-первых, это элементарно неграмотно... Я берусь вам подчеркнуть двадцать мест, где просто грубые синтаксические ошибки.

«надо будет перечитать сейчас же», – подумал я, замирая.

– Ну а стиль! – кричал молодой человек. – Боже мой, какой ужасный стиль! Кроме того, все это эклектично, подражательно, беззубо как-то. Дешевая философия, скольжение по поверхности... Плохо, плоско, Илья Иванович! Кроме того, он подражает...

– Кому? – спросил Рудольфи.

– Аверченко! – вскричал молодой человек, вертя и поворачивая книжку и пальцем раздирая слипшиеся страницы. – Самому обыкновенному Аверченко! Да вот я вам покажу. – Тут молодой человек начал рыться в книжке, причем я, как гусь, вытянув шею, следил за его руками. Но он, к сожалению, не нашел того, что искал.

«Найду дома», – думал я.

– Найду дома, – посулил молодой человек, – книжка испорчена, ей-Богу, Илья Иванович. Он же просто неграмотен! Кто он такой? Где он учился?

– Он говорит, что кончил церковно-приходскую школу, – сверкая глазами, ответил Рудольфи, – а впрочем, спросите у него сами. Прошу вас, познакомьтесь.

Зеленая гниловатая плесень выступила на щеках молодого человека, а глаза его наполнились непередаваемым ужасом.

Я раскланялся с молодым человеком, он оскалил зубы, страдание исказило его приятные черты. Он охнул и выхватил из кармана носовой платок, и тут я увидел, что по щеке у него побежала кровь. Я остолбенел.

– Что с вами? – вскричал Рудольфи.

– Гвоздь, – ответил молодой человек.

– Ну, я пошел, – сказал я суконным языком, стараясь не глядеть на молодого человека.

– Возьмите книги.

Я взял пачку авторских экземпляров, пожал руку Рудольфи, откланялся молодому человеку, причем тот, не переставая прижимать платок к щеке, уронил на пол книжку и палку, задом тронулся к выходу, ударился локтем об стол и вышел.

Снег шел крупный, елочный снег.

Не стоит описывать, как я просидел всю ночь над книгой, перечитывая роман в разных местах. Достоинно внимания, что временами роман нравился, а затем тотчас же казался отвратительным. К утру я был от него в ужасе.

События следующего дня мне памяты. Утром у меня был удачно обокраденный друг, которому я подарил один экземпляр романа, а вечером я отправился на вечеринку, организованную группой писателей по поводу важнейшего события – благополучного прибытия из-за границы знаменитого литератора Измаила Александровича Бондаревского. Торжество умножалось и тем, что одновременно чествовать предполагалось и другого знаменитого литератора – Егора Агапенова, вернувшегося из своей поездки в Китай.

И одевался и шел я на вечер в великом возбуждении. Как-никак это был тот новый для меня мир, в который я стремился. Этот мир должен был открыться передо мною, и притом с самой наилучшей стороны – на вечеринке должны были быть первейшие представители литературы, весь ее цвет.

И точно, когда я вошел в квартиру, я испытал радостный подъем.

Первым, кто бросился мне в глаза, был тот самый вчерашний молодой человек, пропоровший себе ухо гвоздем. Я узнал его, несмотря на то что он был весь забинтован свежими марлевыми бинтами.

Мне он обрадовался, как родному, и долго жал руки, присовокупляя, что всю ночь читал он мой роман, причем он ему начал нравиться.

– Я тоже, – сказал я ему, – читал всю ночь, но он мне перестал нравиться.

Мы тепло разговорились, при этом молодой человек сообщил мне, что будет заливная осетрина, вообще был весел и возбужден.

Я оглянулся – новый мир впускал меня к себе, и этот мир мне понравился. Квартира была громадная, стол был накрыт на двадцать пять примерно кувертов; хрусталь играл огнями; даже в черной икре сверкали искры; зеленые свежие огурцы порождали глуповато-веселые мысли о каких-то пикниках, почему-то о славе и прочем. Тут же меня познакомили с известнейшим автором Лесосековым и с Тунским – новеллистом. Дам было мало, но все же были.

Ликоспастов был тише воды, ниже травы, и тут же как-то я ощутил, что, пожалуй, он будет рангом пониже прочих, что с начинающим даже русокудрым Лесосековым его уже сравнивать нельзя, не говоря уже, конечно, об Агапенове или Измаиле Александровиче.

Ликоспастов продрался ко мне, мы поздоровались.

– Ну что ж, – вздохнув почему-то, сказал Ликоспастов, – поздравляю. Поздравляю от души. И прямо тебе скажу – ловок ты, брат. Руку бы дал на отсечение, что роман твой напечатать нельзя, просто невозможно. Как ты Рудольфи обработал, ума не приложу. Но предсказываю тебе, что ты далеко пойдешь! А поглядеть на тебя – тихоня... Но в тихом...

Тут поздравления Ликоспастова были прерваны громкими звонками с парадного, и исполнявший обязанности хозяина критик Конкин (дело происходило в его квартире) вскричал: «Он!»

И верно: это оказался Измаил Александрович. В передней послышался звучный голос, потом звуки лобзаний, и в столовую вошел маленького роста гражданин в целлулоидном воротнике, в куртке. Человек был сконфужен, тих, вежлив и в руках держал, почему-то не оставив ее в передней, фуражку с бархатным околышем и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
пыльным круглым следом от гражданской кокарды.

«Позвольте, тут какая-то путаница...» – подумал я, до того не вязался вид вошедшего человека с здоровым хохотом и словом «расстегаи», которое донеслось из передней.

Путаница, оказалось, и была. Следом за вошедшим, нежно обнимая за талию, Конкин вовлек в столовую высокого и плотного красавца со светлой вьющейся и холеной бородой, в расчесанных кудрях.

Присутствовавший здесь беллетрист Фиалков, о котором мне Рудольфи шепнул, что он шибко идет в гору, был одет прекрасно (вообще все были одеты хорошо), но костюм Фиалкова и сравнивать нельзя было с одеждой Измаила Александровича. Добротнейшей материи и сшитый первоклассным парижским портным коричневый костюм облекал стройную, но несколько полноватую фигуру Измаила Александровича. Белье крахмальное, лакированные туфли, аметистовые запонки. Чист, бел, свеж, ясен, весел, прост был Измаил Александрович. Зубы его сверкнули, и он крикнул, окинув взором пиршественный стол:

– Га! черти!

И тут порхнул и смешок, и аплодисмент и послышались поцелуи. Кой с кем Измаил Александрович здоровался за руку, кой с кем целовался накрест, перед кой-кем шутиливо отворачивался, закрывая лицо белою ладонью, как будто слеп от солнца, и при этом фыркал.

Меня, вероятно принимая за кого-то другого, расцеловал трижды, причем от Измаила Александровича запахло коньяком, одеколоном и сигарой.

– Баклажанов! – вскричал Измаил Александрович, указывая на первого вошедшего. – Рекомендую. Баклажанов, друг мой.

Баклажанов улыбнулся мученической улыбкой и, от смущения в чужом, большом обществе, надел свою фуражку на шоколадную статую девицы, державшей в руках электрическую лампочку.

– Я его с собой притащил! – продолжал Измаил Александрович. – Нечего ему дома сидеть. Рекомендую – чудный малый и величайший эрудит. И, вспомните мое слово, всех нас он за пояс заткнет не позже чем через год! Зачем же ты, черт, на нее фуражку надел? Баклажанов!

Баклажанов сгорел со стыда и ткнулся было здороваться, но у него ничего не вышло, потому что вскипел водоворот усаживания, и уж между размещающимися потекла вспухшая лакированная кулебяка.

Пир пошел как-то сразу дружно, весело, бодро.

– Расстегаи подвели! – слышал я голос Измаила Александровича. – Зачем же мы с тобою, Баклажанов, расстегаи ели?

Звон хрусталя ласкал слух, показалось, что в люстре прибавили свету. Все взоры после третьей рюмки обратились к Измаилу Александровичу. Послышались просьбы: «Про Париж! Про Париж!»

– Ну, были, например, на автомобильной выставке, – рассказывал Измаил Александрович, – открытие, все честь по чести, министр, журналисты, речи... между журналистов стоит этот жулик, Кондюков Сашка... Ну, француз, конечно, речь говорит... на скорую руку спичешко. Шампанское, натурально. Только смотрю – Кондюков надувает щеки, и не успели мы мигнуть, как его вырвало! Дамы тут, министр! А он, сукин сын!.. И что ему померещилось, до сих пор не могу понять! Скандалище колоссальное. Министр, конечно, делает вид, что ничего не замечает, но как тут не заметишь... фрак, шапокляк, штаны тысячу франков стоят. Все вдребезги... Ну, вывели его, напоили водой, увезли...

– Еще! Еще! – кричали за столом.

В это время уже горничная в белом фартуке обносила осетриной. Звенело сильнее, уже слышались голоса. Но мне мучительно хотелось знать про Париж, и я в звоне,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
стук и восклицаниях ухом ловил рассказы Измаила Александровича.

– Баклажанов! Почему ты не ешь?..

– Дальше! Просим! – кричал молодой человек, аплодируя...

– Дальше что было?

– Ну, а дальше сталкиваются оба эти мошенника на Шан-Зелизе, нос к носу... Табло! И не успел он оглянуться, как этот прохвост Катькин возьми и плюнь ему прямо в рыло!..

– Ай-яй-яй!

– Да-с... Баклажанов! Не спи ты, черт этакий!.. Нуте-с, и от волнения, он неврастеник ж-жуткий, промахнись, и попал даме, совершенно неизвестной даме, прямо на шляпку...

– На Шан-Зелизе?!

– Подумаешь! Там это просто! А у ней одна шляпка три тысячи франков! Ну конечно, господин какой-то его палкой по роже... Скандалище жуткий!

Тут хлопнуло в углу, и желтое «Абрау» засветилось передо мною в узком бокале... Помнится, пили за здоровье Измаила Александровича.

И опять я слушал про Париж.

– Он, не смущаясь, говорит ему: «Сколько?» А тот... ж-жулик! (Измаил Александрович даже зажмурился.) «Восемь, говорит, тысяч!» А тот ему в ответ: «Получите!» И вынимает руку и тут же показывает ему шиш!

– В «Гранд-Опера»?!

– Подумаешь! Плевал он на «Гранд-Опера». Тут двое министров во втором ряду.

– Ну, а тот? Тот-то что? – хохоча, спрашивал кто-то.

– По матери, конечно!

– Батюшки!

– Ну, вывели обоих, там это просто...

Пир пошел шире. Уже плыл над столом, наслаивался дым. Уже под ногой я ощутил что-то мягкое и скользкое и, наклонившись, увидел, что это кусок лососины, и как он попал под ноги – неизвестно. Хохот заглушал слова Измаила Александровича, и поразительные дальнейшие парижские рассказы мне остались неизвестными.

Я не успел как следует задуматься над странностями заграничной жизни, как звонок возвестил прибытие Егора Агапенова. Тут уж было сумбурновато. Из соседней комнаты слышалось пианино, тихо кто-то наигрывал фокстрот, и я видел, как топтался мой молодой человек, держа, прижав к себе, даму.

Егор Агапенов вошел бодро, вошел размашисто, и следом за ним вошел китаец, маленький, сухой, желтоватый, в очках с черным ободком. За китайцем дама в желтом платье и крепкий бородатый мужчина по имени Василий Петрович.

– Измашь тут? – воскликнул Егор и устремился к Измаилу Александровичу.

Тот затрясся от радостного смеха, воскликнул:

– Га! Егор! – и погрузил свою бороду в плечо Агапенова.

Китаец ласково улыбнулся всем, но никакого звука не произносил, как и в дальнейшем не произнес.

– Познакомьтесь с моим другом китайцем! – кричал Егор, отцеловавшись с Измаилом

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Александровичем.

Но дальше стало шумно, путано. Помнится, танцевали в комнате на ковре, отчего было неудобно. Кофе в чашке стоял на письменном столе. Василий Петрович пил коньяк. Видел я спящего Баклажанова в кресле. Накурено было крепко. И как-то почувствовалось, что пора, собственно, и отправиться домой.

И совершенно неожиданно у меня произошел разговор с Агапеновым. Я заметил, что, как только дело пошло к трем часам ночи, он стал проявлять признаки какого-то беспокойства. И кое с кем начинал о чем-то заговаривать, причем, сколько я понимаю, в тумане и дыму получал твердые отказы. Я, погрузившись в кресло у письменного стола, пил кофе, не понимая, почему мне щемило душу и почему Париж вдруг представился каким-то скучным, так что даже и побывать в нем вдруг перестало хотеться.

И тут надо мною склонилось широкое лицо с крупнейшими очками. Это был Агапенов.

– Максудов? – спросил он.

– Да.

– Слышал, слышал, – сказал Агапенов. – Рудольфи говорил. Вы, говорят, роман напечатали?

– Да.

– Здоровый роман, говорят. Ух, Максудов! – вдруг зашептал Агапенов, подмигивая. – Обратите внимание на этот персонаж... Видите?

– Это – с бородой?

– Он, он, деверь мой.

– Писатель? – спросил я, изучая Василия Петровича, который, улыбаясь тревожно-ласковой улыбкой, пил коньяк.

– Нет! Кооператор из Тетюшей... Максудов, не теряйте времени, – шептал Агапенов, – жалеть будете. Такой тип поразительный! Вам в ваших работах он необходим. Вы из него в одну ночь можете настричь десяток рассказов и каждый выгодно продадите. Ихтиозавр, бронзовый век! Истории рассказывает потрясающе! Вы представляете, чего он там в своих Тетюшках насмотрелся. Ловите его, а то другие перехватят и изгадят.

Василий Петрович, почувствовав, что речь идет о нем, улыбнулся еще тревожнее и выпил.

– Да самое лучшее... Идея! – хрипел Агапенов. – Я вас сейчас познакомлю... Вы холостой? – тревожно спросил Агапенов.

– Холостой... – сказал я, выпучив глаза на Агапенова.

Радость выразилась на лице Агапенова.

– Чудесно! Вы познакомьтесь, и ведите вы его к себе ночевать! Идея! У вас диван какой-нибудь есть? На диване он заснет, ничего ему не сделается! А через два дня он уедет.

Вследствие ошеломления я не нашелся ничего ответить, кроме одного:

– У меня один диван...

– Широкий? – спросил тревожно Агапенов.

Но тут я уже немного пришел в себя. И очень вовремя, потому что Василий Петрович уже начал ерзать с явной готовностью познакомиться, а Агапенов начал меня тянуть за руку.

– Простите, – сказал я, – к сожалению, ни в каком случае не могу его взять. Я

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru живу в проходной комнате в чужой квартире, а за ширмой спят дети хозяйки (я хотел добавить еще, что у них скарлатина, потом решил, что это лишнее нагромождение лжи, и все-таки добавил)... и у них скарлатина.

– Василий! – вскричал Агапенов. – У тебя была скарлатина?

Сколько раз в жизни мне приходилось слышать слово «интеллигент» по своему адресу. Не спорю, я, может быть, и заслужил это печальное название. Но тут я все же собрал силы и, не успев Василий Петрович с молящей улыбкой ответить: «Бы...» – как я твердо сказал Агапенову:

– Категорически отказываюсь взять его. Не могу.

– Как-нибудь, – тихо шепнул Агапенов, – а?

– Не могу.

Агапенов повесил голову, пожевал губами.

– Но, позвольте, он же к вам приехал? Где же он остановился?

– Да у меня и остановился, черт его возьми, – сказал тоскливо Агапенов.

– Ну, и...

– Да теща ко мне с сестрой приехала сегодня, поймите, милый человек, а тут китаец еще... И носит их черт, – внезапно добавил Агапенов, – этих деверей. Сидел бы в Тетюшах...

И тут Агапенов ушел от меня.

Смутная тревога овладела мною почему-то, и, не прощаясь ни с кем, кроме Конкина, я покинул квартиру.

Глава 6

КАТАСТРОФА

Да, эта глава будет, пожалуй, самой короткой. На рассвете я почувствовал, что по спине моей прошел озноб. Потом он повторился. Я скорчился и влез под одеяло с головой, стало легче, но только на минуту. Вдруг сделалось жарко. Потом опять холодно, и до того, что зубы застучали. У меня был термометр. Он показал 38,8. Стало быть, я заболел.

Совсем под утро я попытался заснуть и до сих пор помню это утро. Только что закрою глаза, как ко мне наклоняется лицо в очках и бубнит: «Возьми», а я повторяю только одно: «Нет, не возьму». Василий Петрович не то снился, не то действительно поместился в моей комнате, причем ужас заключался в том, что он наливал коньяк себе, а пил его я. Париж стал совершенно невыносим. «Гранд-Опера», и в ней кто-то показывает кукиш. Сложит, покажет и спрячет опять. Сложит, покажет.

– Я хочу сказать правду, – бормотал я, когда день уже разлился за драной нестираной шторой, – полную правду. Я вчера видел новый мир, и этот мир мне был противен. Я в него не пойду. Он – чужой мир. Отвратительный мир! Надо держать это в полном секрете, т-сс!

Губы мои высохли как-то необыкновенно быстро. Я, неизвестно зачем, положил рядом с собою книжку журнала; с целью читать, надо полагать. Но ничего не прочел. Хотел поставить еще раз термометр, но не поставил. Термометр лежит рядом на стуле, а мне за ним почему-то надо идти куда-то. Потом стал совсем забываться. Лицо моего сослуживца из «Пароходства» я помню, а лицо доктора расплылось. Словом, это был грипп. Несколько дней я проплавал в жару, а потом температура упала. Я перестал видеть Шан-Зелизе, и никто не плевал на шляпку, и Париж не растягивался на сто верст.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мне захотелось есть, и добрая соседка, жена мастера, сварила мне бульон. Я его пил из чашки с отбитой ручкой, пытался читать свое собственное сочинение, но читал строк по десяти и оставлял это занятие.

На двенадцатый примерно день я был здоров. Меня удивило то, что Рудольфи не навестил меня, хотя я и написал ему записку, чтобы он пришел ко мне.

На двенадцатый день я вышел из дому, пошел в «Бюро медицинских банок» и увидел на нем большой замок. Тогда я сел в трамвай и долго ехал, держась за раму от слабости и дыша на замерзшее стекло. Приехал туда, где жил Рудольфи. Позвонил. Не открывают. Еще раз позвонил. Открыл старичок и поглядел на меня с отвращением.

– Рудольфи дома?

Старичок посмотрел на носки своих ночных туфель и ответил:

– Нету его.

На мои вопросы – куда он девался, когда будет, и даже на нелепый вопрос, почему замок висит на «Бюро», старичок как-то мялся, осведомился, кто я таков. Я объяснил все, даже про роман рассказал. Тогда старичок сказал:

– Он уехал в Америку неделю тому назад.

Можете убить меня, если я знаю, куда девался Рудольфи и почему.

Куда девался журнал, что произошло в «Бюро», какая Америка, как он уехал, не знаю и никогда не узнаю. Кто таков старичок, черт его знает!

Под влиянием слабости после гриппа в истощенном моем мозгу мелькнула даже мысль, что не видел ли я во сне все – то есть и самого Рудольфи, и напечатанный роман, и Шан-Зелизе, и Василия Петровича, и ухо, распоротое гвоздем. Но по приезде домой я нашел у себя девять голубых книжек. Был напечатан роман. Был. Вот он.

Из напечатавшихся в книжке я, к сожалению, не знал никого. Так что ни у кого не мог и справиться о Рудольфи.

Съездив еще раз в «Бюро», я убедился, что никакого бюро там уже нет, а есть кафе со столиками, покрытыми клеенкой.

Нет, вы объясните мне, куда девались несколько сот книжек? Где они?

Такого загадочного случая, как с этим романом и Рудольфи, никогда в моей жизни не было.

Глава 7

Самым разумным в таких странных обстоятельствах представлялось просто все это забыть и перестать думать и о Рудольфи, и об исчезновении вместе с ним и номера журнала. Я так и поступил.

Однако это не избавляло меня от жестокой необходимости жить дальше. Я проверил свое прошлое.

– Итак, – говорил я самому себе, во время мартовской вьюги сидя у керосинки, – я побывал в следующих мирах.

Мир первый: университетская лаборатория, в коей я помню вытяжной шкаф и колбы на штативах. Этот мир я покинул во время гражданской войны. Не станем спорить о том, поступил ли я легкомысленно или нет. После невероятных приключений (хотя, впрочем, почему невероятных? – кто же не переживал невероятных приключений во время гражданской войны?), словом, после этого я оказался в «Пароходстве». В силу какой причины? Не будем таиться. Я лелеял мысль стать писателем. Ну и что же? Я покинул и мир «Пароходства». И, собственно говоря, открылся передо мною мир, в который я стремился, и вот такая оказия, что он мне показался сразу же

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru нестерпимым. Как представлю себе Париж, так какая-то судорога проходит во мне и не могу влезть в дверь. А все этот чертов Василий Петрович! И сидел бы в Тетюхах! И как ни талантлив Измаил Александрович, но уж очень противно в Париже. Так, стало быть, остался я в какой-то пустоте? Именно так.

Ну что же, седи и сочиняй второй роман, раз ты взялся за это дело, а на вечеринки можешь и не ходить. Дело не в вечеринках, а в том-то вся и соль, что я решительно не знал, об чем этот второй роман должен был быть? Что поведать человечеству? Вот в чем вся беда.

Кстати, о романе. Глянем правде в глаза. Его никто не читал. Не мог читать, ибо исчез Рудольфи, явно не успев распространить книжку. А мой друг, которому я презентовал экземпляр, и он не читал. Уверю вас.

Да, кстати: я уверен, что, прочитав эти строки, многие назовут меня интеллигентом и неврастеником. Насчет первого не спорю, а насчет второго предупреждаю серьезным образом, что это заблуждение. У меня и тени неврастения нет. И вообще, раньше чем этим словом швыряться, надо бы узнать поточнее, что такое неврастения, да рассказы Измаила Александровича послушать. Но это в сторону. Нужно было прежде всего жить, а для этого нужно было деньги зарабатывать.

Итак, прекратив мартовскую болтовню, я пошел на заработки. Тут меня жизнь взяла за шиворот и опять привела в «Пароходство», как блудного сына. Я сказал секретарю, что роман написал. Его это не тронуло. Одним словом, я условился, что буду писать четыре очерка в месяц. Получая соответствующее законам вознаграждение за это. Таким образом, некоторая материальная база намечалась. План заключался в том, чтобы сваливать как можно скорее с плеч эти очерки и по ночам опять-таки писать.

Первая часть была мною выполнена, а со второй получилось черт знает что. Прежде всего я отправился в книжные магазины и купил произведения современников. Мне хотелось узнать, о чем они пишут, как они пишут, в чем волшебный секрет этого ремесла.

При покупке я не щадил своих средств, покупая все самое лучшее, что только оказалось на рынке. В первую голову я приобрел произведения Измаила Александровича, книжку Агапеню, два романа Лесосекова, два сборника рассказов флавиана Фиалкова и многое еще. Первым долгом я, конечно, бросился на Измаила Александровича. Неприятное предчувствие кольнуло меня, лишь только я глянул на обложку. Книжка называлась «Парижские кусочки». Все они мне оказались знакомыми от первого кусочка до последнего. Я узнал и проклятого Кондюкова, которого стошнило на автомобильной выставке, и тех двух, которые подрались на Шан-Зелизе (один был, оказывается, Помадкин, другой Шерстяников), и скандалиста, показавшего кукиш в «Гранд-Опера». Измаил Александрович писал с необыкновенным блеском, надо отдать ему справедливость, и поселил у меня чувство какого-то ужаса в отношении Парижа.

Агапеню, оказывается, успел выпустить книжку рассказов за время, которое прошло после вечеринки, – «Тетюшанская гомоза». Нетрудно было догадаться, что Василия Петровича не удалось устроить ночевать нигде, ночевал он у Агапеню, тому самому пришлось использовать истории бездомного деверя. Все было понятно, за исключением совершенно непонятного слова «гомоза».

Дважды я принимался читать роман Лесосекова «Лебеди», два раза дочитывал до сорок пятой страницы и начинал читать сначала, потому что забывал, что было в начале. Это меня серьезно испугало. Что-то неладное творилось у меня в голове – я перестал или еще не умел понимать серьезные вещи. И я, отложив Лесосекова, принялся за флавиана и даже Ликоспастова и в последнем налетел на сюрприз. Именно, читая рассказ, в котором был описан некий журналист (рассказ назывался «Жилец по ордеру»), я узнал продранный диван с высокочившей наружу пружинной, промокашку на столе... Иначе говоря, в рассказе был описан... я!

Брюки те же самые, втянутая в плечи голова и волчьи глаза... Ну, я, одним словом! Но, клянусь всем, что было у меня дорогого в жизни, я описан несправедливо. Я вовсе не хитрый, не жадный, не лукавый, не лживый, не карьерист и чепухи такой, как в этом рассказе, никогда не произносил! Невыразима была моя грусть по прочтении ликоспастовского рассказа, и решил я все же взглянуть со

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
стороны на себя поостроже, и за это решение очень обязан Ликоспастову.

Однако грусть и размышления мои по поводу моего несовершенства ничего, собственно, не стоили по сравнению с ужасным сознанием, что я ничего не извлек из книжек самых наилучших писателей, путей, так сказать, не обнаружил, огней впереди не увидал, и все мне опостылело. И, как червь, начала сосать мне сердце прескверная мысль, что никакого, собственно, писателя из меня не выйдет. И тут же столкнулся с еще более ужасной мыслью о том, что... а ну, как выйдет такой, как Ликоспастов? Осмелев, скажу и больше: а вдруг даже такой, как Агапенов? Гомоза? Что такое гомоза? И зачем кафры? Все это чепуха, уверяю вас!

Вне очерков я много проводил времени на диване, читая разные книжки, которые, по мере приобретения, укладывал на хромоногой этажерке, и на столе, и попросту в углу. Со своим собственным произведением я поступил так: уложил оставшиеся девять экземпляров и рукопись в ящики стола, запер их на ключ и решил никогда, никогда в жизни к ним не возвращаться.

Вьюга разбудила меня однажды. Вьюжный был март и бушевал, хотя и шел уже к концу. И опять, как тогда, я проснулся в слезах! Какая слабость, ах, какая слабость! И опять те же люди, и опять дальний город, и бок рояля, и выстрелы, и еще какой-то поверженный на снегу.

Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье. Ясно было, что с ними так не разойтись. Но что же делать с ними?

Первое время я просто беседовал с ними, и все-таки книжку романа мне пришлось извлечь из ящика. Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. Ах, какая это была увлекательная игра, и не раз я жалел, что кошки уже нет на свете и некому показать, как на странице в маленькой комнатке шевелятся люди. Я уверен, что зверь вытянул бы лапу и стал бы скрести страницу. Воображаю, какое любопытство горело бы в кошачьем глазу, как лапа царапала бы буквы!

С течением времени камера в книжке зазвучала. Я отчетливо слышал звуки рояля. Правда, если бы кому-нибудь я сказал бы об этом, надо полагать, мне посоветовали бы обратиться к врачу. Сказали бы, что играют внизу под полом, и даже сказали бы, возможно, что именно играют. Но я не обратил бы внимания на эти слова. Нет, нет! Играют на рояле у меня на столе, здесь происходит тихий перезвон клавишей. Но этого мало. Когда затихает дом и внизу ровно ни на чем не играют, я слышу, как сквозь вьюгу прорывается и тоскливая, и злобная гармоника, а к гармонике присоединяются и сердитые, и печальные голоса и нют, нют. О нет, это не под полом! Зачем же гаснет комнатка, зачем на страницах наступает зимняя ночь над Днепром, зачем выступают лошадиные морды, а над ними лица людей в папах? И вижу я острые шашки, и слышу я душу терзающий свист.

Вон бежит, задыхаясь, человечек. Сквозь табачный дым я слежу за ним, я напрягаю зрение и вижу: сверкнуло сзади человечка, выстрел, он, охнув, падает навзничь, как будто острым ножом его спереди ударили в сердце. Он неподвижно лежит, и от головы растекается черная лужица. А в высоте луна, а вдали цепочкой грустные, красноватые огоньки в селении.

Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу... А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли уже более никуда?

И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. Как же ее описать?

А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцветивается. Она мне нравится? Чрезвычайно. Стало быть, я и пишу: картинка первая. Я вижу вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Играют «фауста». Вдруг «фауст» смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вон он выходит из дверей с гитарой в руке. Слышу – напевает. Пишу – напевает.

Да это, оказывается, прелестная игра! Не надо ходить ни на вечеринки, ни в театр ходить не нужно.

Ночи три я провозился, играя с первой картинкой, и к концу этой ночи я понял, что сочиняю пьесу.

В апреле месяце, когда исчез снег со двора, первая картинка была разработана. Герои мои и двигались, и ходили, и говорили.

В конце апреля и пришло письмо Ильчина.

И теперь, когда уже известна читателю история романа, я могу продолжать повествование с того момента, когда я встретился с Ильчиным.

Глава 8

ЗОЛОТОЙ КОНЬ

– Да, – хитро и таинственно прищуриваясь, повторил Ильчин, – я ваш роман прочитал.

Во все глаза я глядел на собеседника своего, то трепетно озаряемого, то потухающего. За окнами хлестала вода. Впервые в жизни я видел перед собою читателя.

– А как же вы его достали? Видите ли... Книжка... – я намекал на роман.

– Вы Гришу Айвазовского знаете?

– Нет.

Ильчин поднял брови, он изумился.

– Гриша заведует литературной частью в Когорте Дружных.

– А что это за Когорта?

Ильчин настолько изумился, что дождался молнии, чтобы рассмотреть меня.

Полоснуло и потухло, и Ильчин продолжал:

– Когорта – это театр. Вы никогда в нем не были?

– Я ни в каких театрах не был. Я, видите ли, недавно в Москве.

Сила грозы упала, и стал возвращаться день. Я видел, что возбуждаю в Ильчине веселое изумление.

– Гриша был в восторге, – почему-то еще таинственнее говорил Ильчин, – и дал мне книжку. Прекрасный роман.

Не зная, как поступать в таких случаях, я отвесил поклон Ильчину.

– И знаете ли, какая мысль пришла мне в голову, – зашептал Ильчин, от таинственности прищуривая левый глаз, – из этого романа вам нужно сделать пьесу!

«Перст судьбы», – подумал я и сказал:

– Вы знаете, я уже начал ее писать.

Ильчин изумился до того, что правой рукою стал чесать левое ухо и еще сильнее прищурился. Он даже, кажется, не поверил сначала такому совпадению, но справился с собою.

– Чудесно, чудесно! Вы непременно продолжайте, не останавливаясь ни на секунду. Вы Мишу Панина знаете?

– Нет.

– Наш заведующий литературной частью.

Дальше Ильчин сказал, что, ввиду того что в журнале напечатана только треть романа, а знать продолжение до зарезу необходимо, мне следует прочитать по рукописи это продолжение ему и Мише, а также Евлампии Петровне, и, наученный опытом, уже не спросил, знаю ли я ее, а объяснил сам, что это женщина-режиссер.

Величайшее волнение возбуждали во мне все проекты Ильчина.

А тот шептал:

– Вы напишете пьесу, а мы ее и поставим. Вот будет замечательно! А?

Грудь моя волновалась, я был пьян дневной грозой, какими-то предчувствиями. А Ильчин говорил:

– И знаете ли, чем черт не шутит, вдруг старика удастся обломать... А?

Узнав, что я и старика не знаю, он даже головою покачал, и в глазах у него написалось: «Вот дитя природы!»

– Иван Васильевич! – шепнул он. – Иван Васильевич! Как? Вы не знаете его? Не слышали, что он стоит во главе независимого? – И добавил: – Ну и ну!..

В голове у меня все вертелось, и главным образом от того, что окружающий мир меня волновал чем-то. Как будто в давних сновидениях я видел его уже, и вот я оказался в нем.

Мы с Ильчиным вышли из комнаты, прошли зал с камином, и до пьяной радости мне понравился этот зал. Небо расчистилось, и вдруг луч лег на паркет. А потом мы прошли мимо странных дверей, и, видя мою заинтересованность, Ильчин соблазнительно поманил меня пальцем внутрь. Шаги пропали, настало беззвучие и полная подземная тьма. Спасительная рука моего спутника вытащила меня, в продолговатом разрезе посветлело искусственно – это спутник мой раздвинул другие портьеры, и мы оказались в маленьком зрительном зале мест на триста. Под потолком тускло горело две лампы в люстре, занавес был открыт, и сцена зияла. Она была торжественна, загадочна и пуста. Углы ее заливал мрак, а в середине, поблескивая чуть-чуть, высился золотой, поднявшийся на дыбы, конь.

– У нас выходной, – шептал торжественно, как в храме, Ильчин, потом он оказался у другого уха и продолжал: – У молодежи пьеска разойдется, лучше требовать нельзя. Вы не смотрите, что зал кажется маленьким, на самом деле он большой, а сборы здесь, между прочим, полные. А если старика удастся переупрямить, то, чего доброго, не пошла бы она и на большую сцену! А?

«Он соблазняет меня, – думал я, и сердце замирало и вздрагивало от предчувствий, – но почему он совсем не то говорит? Право, не важны эти большие сборы, а важен только этот золотой конь, и чрезвычайно интересен загадочнейший старик, которого нужно улаживать и переупрямить для того, чтобы пьеса пошла...»

– Этот мир мой... – шепнул я, не заметив, что начинаю говорить вслух.

– А?

– Нет, я так.

Расстались мы с Ильчиным, причем я унес от него записочку:

«Досточтимый Петр Петрович!

Будьте добры обязательно устройте автору «Черного снега» место на «фаворита».

Ваш душевно Ильчин».

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Это называется контрамарка, – объяснил мне Ильчин, и я с волнением покинул здание, унося первую в жизни своей контрамарку.

С этого дня жизнь моя резко изменилась. Я днем лихорадочно работал над пьесой, причем в дневном свете картинки из страниц уже не появлялись, коробка раздвинулась до размеров Учебной сцены.

Вечером я с нетерпением ждал свидания с золотым конем.

Я не могу сказать, хороша ли была пьеса «Фаворит» или дурна. Да это меня и не интересовало. Но была какая-то необъяснимая прелесть в этом представлении. Лишь только в малюсеньком зале потухал свет, за сценой где-то начиналась музыка и в коробке выходили одетые в костюмы XVIII века. Золотой конь стоял сбоку сцены, действующие лица иногда выходили и садились у копыт коня или вели страстные разговоры у его морды, а я наслаждался.

Горькие чувства охватывали меня, когда кончалось представление и нужно было уходить на улицу. Мне очень хотелось надеть такой же точно кафтан, как и на актерах, и принять участие в действии. Например, казалось, что было бы очень хорошо, если бы выйти внезапно сбоку, наклеив себе колоссальный курносый пьяный нос, в табачном кафтане, с тростью и табакеркою в руке и сказать очень смешное, и это смешное я выдумывал, сидя в тесном ряду зрителей. Но произносили другие смешное, сочиненное другим, и зал по временам смеялся. Ни до этого, ни после этого никогда в жизни не было ничего у меня такого, что вызывало бы наслаждение больше этого.

На «Фаворите» я, вызывая изумление мрачного и замкнутого Петра Петровича, сидящего в окошечке с надписью «Администратор Учебной сцены», побывал три раза, причем в первый раз во втором ряду, во второй – в шестом, а в третий – в одиннадцатом. А Ильчин исправно продолжал снабжать меня записочками, и я посмотрел еще одну пьесу, где выходили в испанских костюмах и где один актер играл слугу так смешно и великолепно, что у меня от наслаждения выступал на лбу мелкий пот.

Затем настал май, и как-то вечером соединились наконец и Евлампия Петровна, и Миша, и Ильчин, и я. Мы попали в узенькую комнату в этом же здании Учебной сцены. Окно уже было раскрыто, и город давал знать о себе гудками.

Евлампия Петровна оказалась царственной дамой с царственным лицом и бриллиантовыми серьгами в ушах, а Миша поразил меня своим смехом. Он начинал смеяться внезапно – «ах, ах, ах», – причем тогда все останавливали разговор и ждали. Когда же отсмеивался, то вдруг старел, умолкал.

«Какие траурные глаза у него, – я начинал по своей болезненной привычке фантазировать. – Он убил некогда друга на дуэли в Пятигорске, – думал я, – и теперь этот друг приходит к нему по ночам, кивает при луне у окна головою». Мне Миша очень понравился.

И Миша, и Ильчин, и Евлампия Петровна показали свое необыкновенное терпение, и в один присест я прочитал им ту треть романа, которая следовала за напечатанною. Вдруг, почувствовав угрызения совести, я остановился, сказав, что дальше и так все понятно.

Было поздно.

Между слушателями произошел разговор, и, хотя они говорили по-русски, я ничего не понял, настолько он был загадочен.

Миша имел обыкновение, обсуждая что-либо, бегать по комнате, иногда внезапно останавливаясь.

– Осип Иваныч? – тихо спросил Ильчин, щурясь.

– Ни-ни, – отозвался Миша и вдруг затрясся в хохоте. Отхохотавшись, он опять вспомнил про застреленного и постарел.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Вообще старейшины... – начал Ильчин.

– Не думаю, – буркнул Миша.

Дальше слышалось: «Да ведь на одних Галиных да на подсобляющем не очень-то...»
(Это – Евлампия Петровна.)

– Простите, – заговорил Миша резко и стал рубить рукой, – я давно утверждаю, что пора поставить этот вопрос на театре!

– А как же Сивцев Вражек? (Евлампия Петровна.)

– Да и Индия тоже неизвестно, как отнесется к этому дельцу, – добавил Ильчин.

– На кругу бы сразу все поставить, – тихо шептал Ильчин, – они так с музычкой и поедут.

– Сивцев! – многозначительно сказала Евлампия Петровна.

Тут на лице моем выразилось, очевидно, полное отчаяние, потому что слушатели оставили свой непонятный разговор и обратились ко мне.

– Мы все убедительно просим, Сергей Леонтьевич, – сказал Миша, – чтобы пьеса была готова не позже августа... Нам очень, очень нужно, чтобы к началу сезона ее уже можно было прочесть.

Я не помню, чем кончился май. Стерся в памяти и июнь, но помню июль. Настала необыкновенная жара. Я сидел голый, завернувшись в простыню, и сочинял пьесу. Чем дальше, тем труднее она становилась. Коробочка моя давно уже не звучала, роман потух и лежал мертвый, как будто и нелюбимый. Цветные фигурки не шевелились на столе, никто не приходил на помощь. Перед глазами теперь вставала коробка Учебной сцены. Герои разрослись и вошли в нее складно и очень бодро, но, по-видимому, им так понравилось на ней рядом с золотым конем, что уходить они никуда не собирались, и события развивались, а конца им не виделось. Потом жара упала, стеклянный кувшин, из которого я пил кипяченую воду, опустел, на дне плавала муха. Пошел дождь, настал август. Тут я получил письмо от Миши Панина. Он спрашивал о пьесе.

Я набрался храбрости и ночью прекратил течение событий. В пьесе было тринадцать картин.

Глава 9

НАЧАЛОСЬ

Надо мною я видел, поднимая голову, матовый шар, полный света, сбоку серебряный колоссальных размеров венок в стеклянном шкафу с лентами и надписью: «Любимому Независимому Театру от московских присяжных...» (одно слово загнулось), перед собою я видел улыбающиеся актерские лица, по большей части меняющиеся.

Издали доносилась тишина, а изредка какое-то дружное тоскливое пение, потом какой-то шум, как в бане. Там шел спектакль, пока я читал свою пьесу.

Лоб я постоянно вытирал платком и видел перед собою коренастого плотного человека, гладко выбритого, с густыми волосами на голове. Он стоял в дверях и не спускал с меня глаз, как будто что-то обдумывал.

Он только и запомнился, все остальное прыгало, светилось и менялось; неизменен был, кроме того, венок. Он резче всего помнится. Таково было чтение, но уже не на Учебной сцене, а на Главной.

Уходя ночью, я, обернувшись, посмотрел, где я был. В центре города, там, где рядом с театром гастрономический магазин, а напротив «Бандажи и корсеты», стояло ничем не примечательное здание, похожее на черепаху и с матовыми, кубической формы, фонарями.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
На следующий день это здание предстало передо мною в осенних сумерках внутри. Я, помнится, шел по мягкому ковру солдатского сукна вокруг чего-то, что, как мне казалось, было внутренней стеной зрительного зала, и очень много народу мимо меня сновало. Начинался сезон.

И я шел по беззвучному сукну и пришел в кабинет, чрезвычайно приятно обставленный, где застал пожилого, приятного же человека с бритым лицом и веселыми глазами. Это и был заведующий приемом пьес Антон Антонович Княжевич.

Над письменным столом Княжевича висела яркая радостная картинка... помнится, занавес на ней был с пунцовыми кистями, а за занавесом бледно-зеленый веселый сад...

– А, товарищ Максудов! – приветливо вскричал Княжевич, склоняя голову набок. – А мы уж вас поджидаем, поджидаем! Прошу покорнейше, садитесь, садитесь!

И я сел в приятнейшее кожаное кресло.

– Слышал, слышал, слышал вашу пьесу, – говорил, улыбаясь, Княжевич и почему-то развел руками, – прекрасная пьеса! Правда, таких пьес мы никогда не ставили, ну, а эту вдруг возьмем да и поставим, да и поставим...

Чем больше говорил Княжевич, тем веселее становились его глаза.

– ...и разбогатеете до ужаса, – продолжал Княжевич, – в каретах будете ездить! Да-с, в каретах!

«Однако, – думалось мне, – он сложный человек, этот Княжевич... очень сложный...»

И чем больше веселился Княжевич, я становился, к удивлению моему, все напряженнее.

Поговорив еще со мною, Княжевич позвонил.

– Мы вас сейчас отправим к Гавриилу Степановичу, прямо ему, так сказать, в руки передадим, в руки! Чудеснейший человек Гавриил-то наш Степанович... Мухи не обидит! Мухи!

Но вошедший на звонок человек в зеленых петлицах выразился так:

– Гавриил Степанович еще не прибыли в театр.

– А не прибыл, так прибудет, – радостно, как и раньше, отозвался Княжевич, – не пройдет и получасу, как прибудет! А вы, пока суд да дело, погуляйте по театру, полюбуйтесь, повеселитесь, попейте чаю в буфете да бутербродов-то, бутербродов-то не жалейте, не обижайте нашего буфетчика Ермолая Ивановича!

И я пошел гулять по театру. Хождение по сукну доставляло мне физическое удовольствие, и еще радовала таинственная полутьма повсюду и тишина.

В полутьме я сделал еще одно знакомство. Человек моих примерно лет, худой, высокий, подошел ко мне и назвал себя:

– Петр Бомбардов.

Бомбардов был актером Независимого Театра, сказал, что слышал мою пьесу и что, по его мнению, это хорошая пьеса.

С первого же момента я почему-то подружился с Бомбардовым. Он произвел на меня впечатление очень умного, наблюдательного человека.

– Не хотите ли посмотреть нашу галерею портретов в фойе? – спросил вежливо Бомбардов.

Я поблагодарил его за предложение, и мы вошли в громадное фойе, также усталое серым сукном. Простенки фойе в несколько рядов были увешаны портретами и увеличенными фотографиями в золоченых овальных рамах.

Из первой рамы на нас глянула писанная маслом женщина лет тридцати, с экзотическими глазами, во взбитой крутой челке, декольтированная.

– Сара Бернар, – объяснил Бомбардов.

Рядом с прославленной актрисой в раме помещалось фотографическое изображение человека с усами.

– Севастьянов Андрей Пахомович, заведующий осветительными приборами театра, – вежливо сказал Бомбардов.

Соседа Севастьянова я узнал сам, это был Мольер.

За Мольером помещалась дама в крошечной, набок надетой шляпке блюдечком, в косынке, застегнутой стрелой на груди, и с кружевным платочком, который дама держала в руке, оттопырив мизинец.

– Людмила Сильвестровна Пряхина, артистка нашего театра, – сказал Бомбардов, причем какой-то огонек сверкнул у него в глазах. Но, покосившись на меня, Бомбардов ничего не прибавил. – Виноват, а это кто же? – удивился я, глядя на жестокое лицо человека с лавровыми листьями в кудрявой голове. Человек был в тоге и в руке держал пятиструнную лиру.

– Император Нерон, – сказал Бомбардов, и опять глаз его сверкнул и погас.

– А почему?..

– По приказу Ивана Васильевича, – сказал Бомбардов, сохраняя неподвижность лица. – Нерон был певец и артист.

– Так, так, так.

За Нероном помещался Грибоедов, за Грибоедовым – Шекспир в отложном крахмальном воротничке, за ним – неизвестный, оказавшийся Плисовым, заведующим поворотным кругом в театре в течение сорока лет.

Далее шли Живокини, Гольдони, Бомарше, Стасов, Щепкин. А потом из рамы глянул на меня лихо заломленный уланский кивер, под ним барское лицо, нафиксатуаренные усы, генеральские кавалерийские эполеты, красный лацкан, лядунка.

– Покойный генерал-майор Клавдий Александрович Комаровский-Эшаппар де Бионкур, командир лейб-гвардии уланского его величества полка.

И тут же, видя мой интерес, Бомбардов рассказал:

– История его совершенно необыкновенная. Как-то приехал он на два дня из Питера в Москву, пообедал у Тестова, а вечером попал в наш театр. Ну, натурально, сел в первом ряду, смотрит... Не помню, какую пьесу играли, но очевидцы рассказывали, что во время картины, где был изображен лес, с генералом что-то случилось. Лес в закате, птицы перед сном засвистели, за сценой благовест к вечерне в селенье дальнем... Смотрят, генерал сидит и батистовым платком утирает глаза.

После спектакля пошел в кабинет к Аристарху Платоновичу. Капельдинер потом рассказывал, что, входя в кабинет, генерал сказал глухо и страшно: «Научите, что делать?!»

Ну, тут они затворились с Аристархом Платоновичем...

– Виноват, а кто это Аристарх Платонович? – спросил я.

Бомбардов удивленно поглядел на меня, но стер удивление с лица тотчас же и объяснил:

– Во главе нашего театра стоят двое директоров – Иван Васильевич и Аристарх Платонович. Вы, простите, не москвич?

– Нет, я – нет... Продолжайте, пожалуйста.

– ...заперлись, и о чем говорили, неизвестно, но известно, что ночью же генерал послал в Петербург телеграмму такого содержания: «Петербург. Его величеству. Почувствовав призвание быть актером вашего величества Независимого Театра, всеподданнейше прошу об отставке. Комаровский-Бионкур».

Я ахнул и спросил:

– И что же было?!

– Компот такой получился, что просто прелесть, – ответил Бомбардов. – Александру Третьему телеграмму подали в два часа ночи. Специально разбудили. Тот в одном белье, борода, крестик... говорит: «Давайте сюда! Что там с моим Эшаппаром?» Прочитал и две минуты не мог ничего сказать, только побагровел и сопел, потом говорит: «Дайте карандаш!» – и тут же начертил резолюцию на телеграмме: «Чтоб духу его в Петербурге не было. Александр». И лег спать.

А генерал на другой день в визитке, в брюках пришел прямо на репетицию.

Резолюцию покрыли лаком, а после революции телеграмму передали в театр. Вы можете видеть ее в нашем музее редкостей.

– Какие же роли он играл? – спросил я.

– Царей, полководцев и камердинеров в богатых домах, – ответил Бомбардов, – у нас, знаете ли, все больше насчет Островского, купцы там... А потом долго играли «Власть тьмы»... Ну, натурально, манеры у нас, сами понимаете... А он все насквозь знал, даме ли платок, налить ли вина, по-французски говорил идеально, лучше французов... И была у него еще страсть: до ужаса любил изображать птиц за сценой. Когда шли пьесы, где действие весной в деревне, он всегда сидел в кулисах на стремянке и свистел соловьем. Вот такая странная история!

– Нет! Я не согласен с вами! – воскликнул я горячо. – У вас так хорошо в театре, что, будь я на месте генерала, я поступил бы точно так же...

– Каратыгин, Тальони, – перечислял Бомбардов, ведя меня от портрета к портрету, – Екатерина Вторая, Карузо, Феофан Прокопович, Игорь Северянин, Баттистини, Эврипид, заведующая женским пошивочным цехом Бобылева.

Но тут беззвучной рысью вбежал в фойе один из тех, что были в зеленых петлицах, и шепотом доложил, что Гавриил Степанович в театр прибыли. Бомбардов прервал себя на полуслове, крепко пожал мне руку, причем произнес загадочные слова тихо:

– Будьте тверды... – И его размыло где-то в полумраке.

Я же двинулся вслед за человеком в петлицах, который иноходью шел впереди меня, изредка подманивая меня пальцем и улыбаясь болезненной улыбкой.

На стенах широкого коридора, по которому двигались мы, через каждые десять шагов встречались огненные электрические надписи: «Тишина! Рядом репетируют!»

Человек в золотом пенсне и тоже в зеленых петлицах, сидевший в конце этого идущего по кругу коридора в кресле, увидев, что меня ведут, вскочил, шепотом гаркнул: «Здравия желаю!» – и распахнул тяжелую портьеру с золотым вышитым вензелем театра «НТ».

Тут я оказался в шатре. Зеленый шелк затягивал потолок, радиусами расходясь от центра, в котором горел хрустальный фонарь. Стояла тут мягкая шелковая мебель. Еще портьера, а за нею застекленная матовым стеклом дверь. Мой новый проводник в пенсне к ней не приблизился, а сделал жест, означавший «постучите-с!», и тотчас пропал.

Я стукнул тихо, взялся за ручку, сделанную в виде головы посеребренного орла, засипела пневматическая пружина, и дверь впустила меня. Я лицом ткнулся в портьеру, запутался, откинул ее...

Меня не будет, меня не будет очень скоро! Я решил, но все же это страшновато... Но, умирая, я буду вспоминать кабинет, в котором меня принял

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
управляющий материальным фондом театра Гавриил Степанович.

Лишь только я вошел, нежно прозвенели и заиграли менуэт громадные часы в левом углу.

В глаза мне бросились разные огни. Зеленый с письменного стола, то есть, вернее, не стола, а бюро, то есть не бюро, а какого-то очень сложного сооружения с десятками ящиков, с вертикальными отделениями для писем, с другою лампою на гнущейся серебристой ноге, с электрической зажигалкой для сигар.

Адский красный огонь из-под стола палисандрового дерева, на котором три телефонных аппарата. Крохотный белый огонек с маленького столика с плоской заграничной машинкой, с четвертым телефонным аппаратом и стопкой золотообрезной бумаги с гербами «НТ». Огонь отраженный, с потолка.

Пол кабинета был затянут сукном, но не солдатским, бильярдным, а поверх его лежал вишневый, в вершок толщины, ковер. Колоссальный диван с подушками и турецкий кальян возле него. На дворе был день в центре Москвы, но ни один луч, ни один звук не проникал в кабинет снаружи через окно, наглухо завешенное в три слоя портьерами. Здесь была вечная мудрая ночь, здесь пахло кожей, сигарой, духами. Нагретый воздух ласкал лицо и руки.

На стене, затянутой тисненным золотом сафьяном, висел большой фотографический портрет человека с артистической шевелюрой, прищуренными глазами, подкрученными усами и с лорнетом в руках. Я догадался, что это Иван Васильевич или Аристарх Платонович, но кто именно из двух, не знал.

Резко повернувшись на винте табурета, ко мне обратился небольшого роста человек с французской черной бородкой, с усами-стрелами, торчащими к глазам.

– Максудов, – сказал я.

– Извините, – отозвался новый знакомый высоким тенорком и показал, что сейчас, мол, только дочитаю бумагу и...

...он дочитал бумагу, сбросил пенсне на черном шнурке, протер утомленные глаза и, окончательно повернувшись спиной к бюро, уставился на меня, ничего не говоря. Он прямо и откровенно смотрел мне в глаза, внимательно изучая меня, как изучают новый, только что приобретенный механизм. Он не скрывал, что изучает меня, он даже прищурился. Я отвел глаза – не помогло, я стал ерзать на диване... Наконец я подумал: «Эге-ге...» – и сам, правда сделав над собою очень большое усилие, уставился в ответ в глаза человеку. При этом смутное неудовольствие почувствовал почему-то по адресу Княжевича.

«Что за странность, – думал я, – или он слепой, этот Княжевич... мухи... мухи... не знаю... не знаю... Стальные, глубоко посаженные маленькие глаза... в них железная воля, дьявольская смелость, непреклонная решимость... французская бородка... почему он мухи не обидит?.. Он жутко похож на предводителя мушкетеров у Дюма... Как его звали... Забыл, черт возьми!»

Дальнейшее молчание стало нестерпимым, и прервал его Гавриил Степанович. Он игриво почему-то улыбнулся и вдруг пожал мне коленку.

– Ну, что ж, договорчик, стало быть, надо подписать? – заговорил он.

Вольт на табурете, обратный вольт, и в руках у Гавриила Степановича оказался договор.

– Только уж не знаю, как его подписывать, не согласовав с Иваном Васильевичем? – и тут Гавриил Степанович бросил невольный краткий взгляд на портрет.

«Ага! Ну, слава Богу... теперь знаю, – подумал я, – это Иван Васильевич».

– Не было б беды? – продолжал Гавриил Степанович. – Ну, уж для вас разве! – Он улыбнулся дружелюбно.

Тут без стука открылась дверь, откинулась портьера, и вошла дама с властным лицом южного типа, глянула на меня. Я поклонился ей, сказал: «Максудов...»

Дама пожала мне крепко, по-мужски, руку, ответила:

– Августа Менажраки, – села на табурет, вынула из кармашка зеленого джемпера золотой мундштук, закурила и тихо застучала на машинке.

Я прочитал договор, откровенно говорю, что ничего не понял и понять не старался.

Мне хотелось сказать: «Играйте мою пьесу, мне же ничего не нужно, кроме того, чтобы мне было предоставлено право приходить сюда ежедневно, в течение двух часов лежать на этом диване, вдыхать медовый запах табака, слушать звон часов и мечтать!»

По счастью, я этого не произнес.

Запомнилось, что часто в договоре попадались слова «буде» и «поелику» и что каждый пункт начинался словами: «Автор не имеет права».

Автор не имел права передавать свою пьесу в другой театр Москвы.

Автор не имел права передавать свою пьесу в какой-либо театр города Ленинграда.

Автор не имел права передавать свою пьесу ни в какой город РСФСР.

Автор не имел права передавать свою пьесу ни в какой город УССР.

Автор не имел права печатать свою пьесу.

Автор не имел права чего-то требовать от театра, а чего – я забыл (пункт 21-й).

Автор не имел права протестовать против чего-то, чего – тоже не помню.

Один, впрочем, пункт нарушал единообразие этого документа – это был пункт 57-й. Он начинался словами: «Автор обязуется». Согласно этому пункту, автор обязывался «безоговорочно и незамедлительно производить в своей пьесе поправки, изменения, добавления или сокращения, буде дирекция, или какие-либо комиссии, или учреждения, или организации, или корпорации, или отдельные лица, облеченные надлежущими на то полномочиями, потребуют таковых, – не требуя за сие никакого вознаграждения, кроме того, каковое указано в пункте 15-м».

Обратив свое внимание на этот пункт, я увидел, что в нем после слов «вознаграждение» следовало пустое место.

Это место я вопросительно подчеркнул ногтем.

– А какое вознаграждение вы считали бы для себя приемлемым? – спросил Гавриил Степанович, не сводя с меня глаз.

– Антон Антонович Княжевич, – сказал я, – сказал, что мне дадут две тысячи рублей...

Мой собеседник уважительно наклонил голову.

– Так, – молвил он, помолчал и добавил: – Эх, деньги, деньги! Сколько зла из-за них в мире! Все мы только и думаем о деньгах, а вот о душе подумал ли кто?

Я до того во время моей трудной жизни отвык от таких сентенций, что, признаться, растерялся... подумал: «А кто знает, может, Княжевич и прав... Просто я зачерствел и стал подозрителен...» Чтобы соблюсти приличие, я испустил вздох, а собеседник ответил мне, в свою очередь, вздохом, потом вдруг игриво подмигнул мне, что совершенно не вязалось со вздохом, и шепнул интимно:

– Четыреста рубликов? А? Только для вас? А?

Должен признаться, что я огорчился. Дело в том, что у меня как раз не было ни копейки денег, и я очень рассчитывал на эти две тысячи.

– А может быть, можно тысячу восемьсот? – спросил я. – Княжевич говорил...

– Популярности ищет, – горько отозвался Гавриил Степанович.

Тут в дверь стукнули, и человек в зеленых петлицах внес поднос, покрытый белой салфеткой. На подносе помещался серебряный кофейник, молочник, две фарфоровые чашки, апельсинного цвета снаружи и золоченые внутри, два бутерброда с зернистой икрой, два с оранжевым прозрачным балыком, два с сыром, два с холодным ростбифом.

– Вы отнесли пакет Ивану Васильевичу? – спросила вошедшего Августа Менажраки.

Тот изменился в лице и покосил поднос.

– Я, Августа Авдеевна, в буфет бегал, а Игнутов с пакетом побежал, – заговорил он.

– Я не Игнутову приказывала, а вам, – сказала Менажраки, – это не игнутовское дело пакеты Ивану Васильевичу относить. Игнутов глуп, что-нибудь перепутает, не так скажет... Вы что же, хотите, чтобы у Ивана Васильевича температура поднялась?

– Убить хочет, – холодно сказал Гавриил Степанович.

Человек с подносом тихо простонал и уронил ложечку.

– Где Пакин был в то время, как вы пропадали в буфете? – спросила Августа Авдеевна.

– Пакин за машиной побежал, – объяснил спрашиваемый, – я в буфет побежал, говорю Игнутову – «беги к Ивану Васильевичу».

– А Бобков?

– Бобков за билетами бегал.

– Поставьте здесь! – сказала Августа Авдеевна, нажала кнопку, и из стены выскочила столовая доска.

Человек в петлицах обрадовался, покинул поднос, задом откинул портьеру, ногой открыл дверь и вдавился в нее.

– О душе, о душе подумайте, Клюквин! – вдогонку ему крикнул Гавриил Степанович и, повернувшись ко мне, интимно сказал:

– Четыреста двадцать пять. А?

Августа Авдеевна надкусила бутерброд и тихо застучала одним пальцем.

– А может быть, тысячу триста? Мне, право, неловко, но я сейчас не при деньгах, а мне портному платить...

– Вот этот костюм шил? – спросил Гавриил Степанович, указывая на мои штаны.

– Да.

– И сшил-то, шельма, плохо, – заметил Гавриил Степанович, – гоните вы его в шею!

– Но, видите ли...

– У нас, – затрудняясь, сказал Гавриил Степанович, – как-то и прецедентов-то не было, чтобы мы авторам деньги при договоре выдавали, но уж для вас... четыреста двадцать пять!

– Тысячу двести, – бодрее отозвался я, – без них мне не выбратся... трудные обстоятельства...

– А вы на бегах не пробовали играть? – участливо спросил Гавриил Степанович.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Нет, – с сожалением ответил я.

– У нас один актер тоже запутался, поехал на бега и, представьте, выиграл полторы тысячи. А у нас вам смысла нет брать. Дружески говорю, переберете – пропадете! Эх, деньги! И зачем они? Вот у меня их нету, и так легко у меня на душе, так спокойно... – И Гавриил Степанович вывернул карман, в котором действительно денег не было, а была связка ключей на цепочке.

– Тысячу, – сказал я.

– Эх, пропади все пропадом! – лихо вскричал Гавриил Степанович. – Пусть меня потом хоть расказнят, но выдам вам пятьсот рублей. Подписывайте!

Я подписал договор, причем Гавриил Степанович разъяснил мне, что деньги, которые будут даны мне, являются авансом, каковой я обязуюсь погасить из первых же спектаклей. Уговорились, что сегодня я получу семьдесят пять рублей, через два дня – сто рублей, потом в субботу – еще сто, а остальные – четырнадцатого.

Боже! Какой прозаической, какой унылой показалась мне улица после кабинета. Моросило, подвода с дровами застряла в воротах, и ломовой кричал на лошадь страшным голосом, граждане шли с недовольными из-за погоды лицами. Я неспею домой, стараясь не видеть картин печальной прозы. Заветный договор хранился у моего сердца.

В своей комнате я застал своего приятеля (смотри историю с револьвером).

Я мокрыми руками вытащил из-за пазухи договор, вскричал:

– Читайте!

Друг мой прочитал договор и, к великому моему удивлению, рассердился на меня.

– Это что за филькина грамота? Вы что, голова садовая, подписываете? – спросил он меня.

– Вы в театральных делах ничего не понимаете, стало быть, и не говорите! – рассердился и я.

– Что такое – «обязуется, обязуется», а они обязуются хоть в чем-нибудь? – забурчал мой друг.

Я горячо стал рассказывать ему о том, что такое картинная галерея, какой душевный человек Гавриил Степанович, упомянул о Саре Бернар и генерале Комаровском. Я хотел передать, как звенит менуэт в часах, как дымится кофе, как тихо, как волшебю звучат шаги на сукне, но часы били у меня в голове, я сам-то видел и золотой мундштук, и адский огонь в электрической печке, и даже императора Нерона, но ничего этого передать не сумел.

– Это Нерон у них составляет договоры? – дико сострил мой друг.

– Да ну вас! – вскричал я и вырвал у него договор.

Порешили позавтракать, послали Дусиного брата в магазин.

Шел осенний дождик. Какая ветчина была, какое масло! Минуты счастья!

Московский климат известен своими капризами. Через два дня был прекрасный, как бы летний, теплый день. И я спешил в Независимый. Со сладким чувством, предвкушая получку ста рублей, я приблизился к Театру и увидел в средних дверях скромную афишу.

Я прочитал:

Репертуар, намеченный в текущем сезоне:

Эсхил – «АГАМЕМНОН»

Софокл – «ФИЛОКТЕТ»

Лопе де Вега – «СЕТИ ФЕНИЗЫ»

Шекспир – «КОРОЛЬ ЛИР»

Шиллер – «ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА»

Островский – «НЕ ОТ МИРА СЕГО»

Максудов – «ЧЕРНЫЙ СНЕГ».

Открывши рот, я стоял на тротуаре – и удивляюсь, почему у меня не вытащили бумажник в это время. Меня толкали, говорили что-то неприятное, а я все стоял, созерцая афишу. Затем я отошел в сторонку, намереваясь увидеть, какое впечатление производит афиша на проходящих граждан.

Выяснилось, что не производит никакого. Если не считать трех-четырех, взглянувших на афишу, можно сказать, что никто ее и не читал.

Но не прошло и пяти минут, как я был вознагражден сторицей за свое ожидание. В потоке шедших к театру я отчетливо разглядел крупную голову Егора Агапенюва. Шел он к театру с целой свитой, в которой мелькнул Ликоспастов с трубкой в зубах и неизвестный с толстым приятным лицом. Последним мыкался кафр в летнем, необыкновенно желтом пальто и почему-то без шляпы. Я ушел глубже в нишу, где стояла незрячая статуя, и смотрел.

Компания поравнялась с афишей и остановилась. Не знаю, как описать то, что произошло с Ликоспастовым. Он первый задержался и прочел. Улыбка еще играла на его лице, еще слова какого-то анекдота договаривали его губы. Вот он дошел до «Сетей Фенизы». Вдруг Ликоспастов стал бледен и как-то сразу постарел. На лице его выразился неподдельный ужас.

Агапенюв прочитал, сказал: «Гм...»

Толстый неизвестный заморгал глазами... «Он припоминает, где он слышал мою фамилию...»

Кафр стал спрашивать по-английски, что увидели его спутники... Агапенюв сказал: «Афиш, афиш», – и стал чертить в воздухе четырехугольник. Кафр мотал головой, ничего не понимая.

Публика шла валом и то заслоняла, то открывала головы компании. Слова то долетали до меня, то тонули в уличном шуме.

Ликоспастов повернулся к Агапенюву и сказал:

– Нет, вы видели, Егор Нилыч? Что ж это такое? – Он тоскливо огляделся. – Да они с ума сошли!..

Ветер сдул конец фразы.

Доносились клочья то агапенювского баса, то ликоспастовского тенора.

– ...Да откуда он взялся?.. Да я же его и открыл... Тот самый... Гу... гу... гу... Жуткий тип...

Я вышел из ниши и пошел прямо на читавших.

Ликоспастов первый увидел меня, и меня поразило то изменение, которое произошло в его глазах. Это были ликоспастовские глаза, но что-то в них появилось новое, отчужденное, легла какая-то пропасть между нами...

– Ну, брат, – вскричал Ликоспастов, – ну, брат! Благодарю, не ожидал! Эсхил, Софокл и ты! Как ты это проделал, не понимаю, но это гениально! Ну, теперь ты, конечно, приятелей узнавать не будешь! Где уж нам с Шекспирами водить дружбу!

– А ты бы перестал дурака валять! – сказал я робко.

– Ну вот, слова уж сказать нельзя! Экий ты, ей-Богу! Ну, я зла на тебя не питаю. Давай почеломкаемся, старик! – И я ощутил прикосновение щеки Ликоспастова, усеянной короткой проволокой.

– Познакомьтесь! – И я познакомился с толстым, не спускавшим с меня глаз. Тот сказал: «Крупп».

Познакомился я и с кафром, который произнес очень длинную фразу на ломаном английском языке. Так как этой фразы я не понял, то ничего кафру и не сказал.

– На учебной сцене, конечно, играть будут? – допытывался Ликоспастов.

– Не знаю, – ответил я, – говорят, что на Главной.

Опять побледнел Ликоспастов и тоскливо глянул в сияющее небо.

– Ну что ж, – сказал он хрипло, – давай Бог. Давай, давай. Может быть, тут тебя постигнет удача. Не вышло с романом, кто знает, может быть, с пьесой выйдет. Только ты не загордись. Помни: нет ничего хуже, чем друзей забывать!

Крупп глядел на меня и почему-то становился все задумчивее; причем я заметил, что он внимательнее всего изучает мои волосы и нос.

Надо было расставаться. Это было тягостно. Егор, пожимая мне руку, осведомился, прочел ли я его книгу. Я похолодел от страха и сказал, что не читал. Тут побледнел Егор.

– Где уж ему читать, – заговорил Ликоспастов, – у него времени нету современную литературу читать... Ну, шучу, шучу...

– Вы прочтите, – веско сказал Егор, – хорошая книжица получилась.

Я вошел в подъезд бельэтажа. Окно, выходящее на улицу, было открыто. Человек с зелеными петлицами протирал его тряпкой. Головы литераторов проплыли за мутным стеклом, донесся голос Ликоспастова:

– Бьешься... бьешься как рыба об лед... Обидно!

Афиша все перевернула у меня в голове, и я чувствовал только одно, что пьеса моя, по существу дела, чрезвычайно, между нами говоря, плоха и что что-то надо бы предпринять, но что – неизвестно.

...И вот у лестницы, ведущей в бельэтаж, передо мною предстал коренастый блондин с решительным лицом и встревоженными глазами. Блондин держал пухлый портфель.

– Товарищ Максудов? – спросил блондин.

– Да, я...

– Ищу вас по всему театру, – заговорил новый знакомый, – позвольте представиться – режиссер Фома Стриж. Ну, все в порядке. Не волнуйтесь и не беспокойтесь, пьеса ваша в хороших руках. Договор подписали?

– Да.

– Теперь вы наш, – решительно продолжал Стриж. Глаза его сверкали. – Вам бы вот что сделать, заключить бы с нами договор на всю вашу грядущую продукцию! На всю жизнь! Чтобы вся она шла к нам. Ежели желаете, мы это сейчас же сделаем. Плюнуть раз! – И Стриж плюнул в плевательницу. – Нуте-с, ставить пьесу буду я. Мы ее в два месяца обломаем. Пятнадцатого декабря покажем генеральную. Шиллер нас не задержит. С Шиллером дело гладкое...

– Виноват, – сказал я робко, – а мне говорили, что Евлампия Петровна будет ставить...

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Стриж изменился в лице.

– Какая такая Евлампия Петровна? – сурово спросил он меня. – Никаких Евлампий. – Голос его стал металлическим. – Евлампия не имеет сюда отношения, она с Ильчиным «на дворе во флигеле» будет ставить. У меня твердая договоренность с Иваном Васильевичем! А ежели кто подкоп поведет, то я в Индию напишу! Заказным, ежели уж на то пошло! – угрожающе закричал Фома Стриж, почему-то впадая в беспокойство. – Давайте сюда экземпляр, – скомандовал он мне, протягивая руку.

Я объяснил, что экземпляр еще не переписан.

– Об чем же они думали? – возмущенно оглядываясь, вскричал Стриж. – Вы у Поликсены Торопецкой в предбаннике были?

Я ничего не понял и только дико глядел на Стрижа.

– Не были? Сегодня она выходная. Завтра же захватите экземпляр, идите к ней, моим именем действуйте! Смело!

Тут очень воспитанный, картавый изящный человек появился рядом и сказал вежливо, но настойчиво:

– В репетиционный зал прошу, Фома Сергеевич! Начинаем.

И Фома перехватил портфель под мышку и скрылся, крикнув на прощанье мне:

– Завтра же в предбанник! Моим именем!

А я остался стоять и долго стоял неподвижно.

Глава 10

СЦЕНЫ В ПРЕДБАНИКЕ

Осенило! Осенило! В пьесе моей было тринадцать картин. Сидя у себя в комнатухе, я держал перед собою старенькие серебряные часы и вслух сам себе читал пьесу, очевидно, очень изумляя соседа за стенкой. По прочтении каждой картины я отмечал на бумажке. Когда дочитал, вышло, что чтение занимает три часа. Тут я сообразил, что во время спектакля бывают антракты, во время которых публика уходит в буфет. Прибавив время на антракты, я понял, что пьесу мою в один вечер сыграть нельзя. Ночные мучения, связанные с этим вопросом, привели к тому, что я вычеркнул одну картину. Это сократило спектакль на двадцать минут, но положения не спасло. Я вспомнил, что помимо антрактов бывают и паузы. Так, например, стоит актриса и, плача, поправляет в вазе букет. Говорить она ничего не говорит, а время-то уходит. Стало быть, бормотать текст у себя дома – одно, а произносить его со сцены – совершенно иное дело.

Надо было еще что-то выбрасывать из пьесы, а что – неизвестно. Все мне казалось важным, а кроме того, стоило наметить что-нибудь к изгнанию, как все с трудом построенное здание начинало сыпаться, и мне снилось, что падают карнизы и обваливаются балконы, и были эти сны вещице.

Тогда я изгнал одно действующее лицо вон, отчего одна картина как-то скосбочилась, потом совсем вылетела, и стало одиннадцать картин.

Дальше, как я ни ломал голову, как ни курил, ничего сократить не мог. У меня каждый день болел левый висок. Поняв, что дальше ничего не выйдет, решил дело предоставить его естественному течению.

И тогда я отправился к Поликсене Торопецкой.

«Нет, без Бомбардова мне не обойтись...» – думалось мне.

И Бомбардов весьма помог мне. Он объяснил, что и эта уже вторично попадающаяся Индия, и предбанник – это вовсе не бред и не послышалось мне. Теперь окончательно выяснилось, что во главе Независимого Театра стояли двое

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
директоров: Иван, как я уже знал, Васильевич и Аристарх Платонович...

– Скажите, кстати, почему в кабинете, где я подписывал договор, только один портрет – Ивана Васильевича?

Тут Бомбардов, обычно очень бойкий, замялся.

– Почему?.. Внизу? Гм... гм... нет... Аристарх Платонович... он... там... его портрет наверху...

Я понял, что Бомбардов еще не привык ко мне, стесняется меня. Это было ясно по этому невразумительному ответу. И я не стал расспрашивать из деликатности... «Этот мир чарует, но он полон загадок...» – думал я.

Индия? Это очень просто. Аристарх Платонович в настоящее время находился в Индии, вот Фома и собирался ему писать заказным. Что касается предбанника, то это актерская шутка. Так они прозвали (и это привилось) комнату перед верхним директорским кабинетом, в которой работала Поликсена Васильевна Торопецкая. Она – секретарь Аристарха Платоновича...

– А Августа Авдеевна?

– Ну, натурально, Ивана Васильевича.

– Ага, ага...

– Ага-то оно ага, – сказал, задумчиво поглядывая на меня, Бомбардов, – но вы, я вам это очень советую, постарайтесь произвести на Торопецкую хорошее впечатление.

– Да я не умею!

– Нет, уж вы постарайтесь!

Держа свернутый в трубку манускрипт, я поднялся в верхний отдел театра и дошел до того места, где, согласно указаниям, помещался предбанник.

Перед предбанником были какие-то сени с диваном; тут я остановился, поволновался, поправил галстук, размышляя о том, как мне произвести на Поликсену Торопецкую хорошее впечатление. И тут же мне показалось, что из предбанника слышатся рыдания. «Это мне показалось...» – подумал я и вошел в предбанник, причем сразу выяснилось, что мне ничуть не показалось. Я догадался, что дама с великолепным цветом лица и в алом джемпере за желтой конторкой и есть Поликсена Торопецкая, и рыдала именно она.

Ошеломленный и незамеченный, я остановился в дверях.

Слезы текли по щекам Торопецкой, в одной руке она комкала платок, другой стучала по конторке. Рябой, плотно сколоченный человек с зелеными петлицами, с блуждающими от ужаса и горя глазами, стоял перед конторкой, тыча руками в воздух.

– Поликсена Васильевна! – диким от отчаяния голосом восклицал человек. – Поликсена Васильевна! Не подписали еще! Завтра подпишут!

– Это подло! – вскричала Поликсена Торопецкая. – Вы поступили подло, Демьян Кузьмич! Подло!

– Поликсена Васильевна!

– Это нижние подвели интригу под Аристарха Платоновича, пользуясь тем, что он в Индии, а вы помогали им!

– Поликсена Васильевна! Матушка! – закричал страшным голосом человек. – Что вы говорите! Чтобы я под благодетеля своего...

– Ничего не хочу слушать, – закричала Торопецкая, – все ложь, презренная ложь! Вас подкупили! Услышав это, Демьян Кузьмич крикнул:

– Поли... Поликсена, – и вдруг зарыдал сам страшным, глухим, лающим басом.

А Поликсена взмахнула рукой, чтобы треснуть по конторке, треснула и всадила себе в ладонь кончик пера, торчащего из вазочки. Тут Поликсена взвизгнула тихо, выскочила из-за конторки, повалилась в кресло и засучила ножками, обутыми в заграничные туфли со стеклянными бриллиантами на пряжках.

Демьян Кузьмич даже не вскрикнул, а как-то взвыл утробно:

– Батюшки! Доктора! – и кинулся вон, а за ним кинулся и я в сени.

Через минуту мимо меня пробежал человек в сером пиджачном костюме, с марлей и склянкой в руке и скрылся в предбаннике.

Я слышал его крик:

– Дорогая! Успокойтесь!

– Что случилось? – шепотом спросил я в сенях у Демьяна Кузьмича.

– Извольте ли видеть, – загудел Демьян Кузьмич, обращая ко мне отчаянные, слезящиеся глаза, – послали они меня в комиссию за путевками нашим в Сочи на октябрь... Ну-с, четыре путевки выдали, а племяннику Аристарха Платоновича почему-то забыли подписать в комиссии... Приходи, говорят, завтра в двенадцать... И вот, извольте ли видеть, – я интригу подвел! – И по страдальческим глазам Демьяна Кузьмича видно было, что он чист, никакой интриги не подводил и вообще интригами не занимается.

Из предбанника донесся слабый крик «ай!», и Демьян Кузьмич брызнул из сеней и скрылся бесследно. Минут через десять ушел и доктор. Я некоторое время просидел в сенях на диване, пока из предбанника не начал слышаться стук машинки, тут осмелился и вошел.

Поликсена Торопецкая, напудренная и успокоившаяся, сидела за конторкой и писала на машинке. Я сделал поклон, стараясь, чтобы это был приятный и в то же время исполненный достоинства поклон, и голосом заговорил достойным и приятным, отчего тот зазвучал, к удивлению моему, сдавленно.

Объяснив, что я такой-то, а направлен сюда фоюю для того, чтобы диктовать пьесу, я получил от Поликсены приглашение садиться и подождать, что я и сделал.

Стены предбанника были обильно увешаны фотографиями, дагерротипами и картинками, среди которых царствовал большой, масляными красками писанный, портрет представительного мужчины в сюртуке и с бакенбардами по моде семидесятых годов. Я догадался, что это Аристарх Платонович, но не понял, кто эта воздушная белая девица или дама, выглядывающая из-за головы Аристарха Платоновича и держащая в руке прозрачное покрывало. Эта загадка до того меня мучила, что, выбрав пристойный момент, я кашлянул и спросил об этом.

Произошла пауза, во время которой Поликсена остановила на мне свой взор, как бы изучая меня, и наконец ответила, но как-то принужденно:

– Это – муза.

– А-а, – сказал я.

Опять застучала машинка, а я стал осматривать стены и убедился, что на каждом из снимков или карточек был изображен Аристарх Платонович в компании с другими лицами.

Так, пожелтевший старый снимок изображал Аристарха Платоновича на опушке леса. Аристарх Платонович был одет по-осеннему и городскому, в ботах, в пальто и цилиндре. А спутник его был в какой-то кацавейке, с ягдташем, с двухствольным ружьем. Лицо спутника, пенсне, седая борода показались мне знакомы.

Поликсена Торопецкая тут обнаружила замечательное свойство – в одно и то же время писать и видеть каким-то волшебным образом, что делается в комнате. Я даже

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
вздрагнул, когда она, не дожидаясь вопроса, сказала:

– Да, да. Аристарх Платонович с Тургеневым на охоте.

Таким же образом я узнал, что двое в шубах у подъезда «Славянского базара», рядом с пароконным извозчиком, – Аристарх Платонович и Островский.

Четверо за столом, а сзади фикус: Аристарх Платонович, Писемский, Григорович и Лесков.

О следующем снимке не нужно было и спрашивать: старик, босой, в длинной рубахе, засунувший руки за пояс, с бровями, как кусты, с запущенной бородой и лысый, не мог быть никем иным, кроме Льва Толстого. Аристарх Платонович стоял против него в плоской соломенной шляпе, в чесучовом летнем пиджаке.

Но следующая акварель поразила меня выше всякой меры. «Не может этого быть!» – подумал я. В бедной комнате, в кресле, сидел человек с длинейшим птичьим носом, большими и встревоженными глазами, с волосами, ниспадавшими прямыми прядями на изможденные щеки, в узких светлых брюках со штрипками, в обуви с квадратными носами, во фрачке синем. Рукопись на коленях, свеча в шандале на столе.

Молодой человек лет шестнадцати, еще без бакенбард, но с тем же надменным носом, словом, несомненный Аристарх Платонович, в курточке, стоял, опираясь руками на стол.

Я выпучил глаза на Поликсену, и та ответила сухо:

– Да, да. Гоголь читает Аристарху Платоновичу вторую часть «Мертвых душ».

Волосы шевельнулись у меня на макушке, как будто кто-то дунул сзади, и как-то само собой у меня вырвалось, невольно:

– Сколько же лет Аристарху Платоновичу?!

На неприличный вопрос я получил и соответствующий ответ, причем в голосе Поликсены послышалась какая-то вибрация:

– У таких людей, как Аристарх Платонович, лет не существует. Вас, по-видимому, очень удивляет, что за время деятельности Аристарха Платоновича многие имели возможность пользоваться его обществом?

– Помилуйте! – вскричал я, испугавшись. – Совершенно наоборот!.. Я... – Но ничего больше путного не сказал, потому что подумал: «А что наоборот?! Что я плету?»

Поликсена умолкла, и я подумал: «Нет, мне не удалось произвести на нее хорошее впечатление. Увы! Это ясно!»

Тут дверь отворилась, и в предбанник оживленной походкой вошла дама, и стоило мне взглянуть на нее, как я узнал в ней Людмилу Сильвестровну Пряхину из портретной галереи. Все на даме было как на портрете: и косынка, и тот же платочек в руке, и так же она держала его, оттопырив мизинец.

Я подумал о том, что не худо бы было и на нее попытаться произвести хорошее впечатление, благо это заодно, и отвесил вежливый поклон, но он как-то прошел незамеченным.

Вбежав, дама засмеялась переливистым смехом и воскликнула:

– Нет, нет! Неужели вы не видите? Неужели вы не видите?

– А что такое? – спросила Торопецкая.

– Да ведь солнышко, солнышко! – восклицала Людмила Сильвестровна, играя платочком и даже немного подтанцовывая. – Бабье лето! Бабье лето!

Поликсена поглядела на Людмилу Сильвестровну загадочными глазами и сказала:

– Тут анкету нужно будет заполнить.

Веселье Людмилы Сильвестровны прекратилось сразу, и лицо ее настолько изменилось, что на портрете я теперь бы ее ни в коем случае не узнал.

– Какую еще анкету? Ах, Боже мой! Боже мой! – И я уж и голоса ее не узнал. – Только что я радовалась солнышку, сосредоточилась в себе, что-то только что нажила, вырастила зерно, чуть запели струны, я шла, как в храм... и вот... Ну, давайте, давайте ее сюда!

– Не нужно кричать, Людмила Сильвестровна, – тихо заметила Торопецкая.

– Я не кричу! Я не кричу! И ничего я не вижу. Мерзко напечатано. – Пряхина бегала глазами по серому анкетному листу и вдруг оттолкнула его: – Ах, пишите вы сами, пишите, я ничего не понимаю в этих делах!

Торопецкая пожала плечами, взяла перо.

– Ну, Пряхина, Пряхина, – нервно вскрикивала Людмила Сильвестровна, – ну, Людмила Сильвестровна! И все это знают, и ничего я не скрываю!

Торопецкая вписала три слова в анкету и спросила:

– Когда вы родились?

Этот вопрос произвел на Пряхину удивительное действие: на скулах у нее выступили красные пятна, и она вдруг заговорила шепотом:

– Пресвятая Богоматерь! Что же это такое? Я не понимаю, кому это нужно знать, зачем? Почему? Ну, хорошо, хорошо. Я родилась в мае, в мае! Что еще нужно от меня? Что?

– Год нужен, – тихо сказала Торопецкая.

Глаза Пряхиной скосились к носу, и плечи стали вздрагивать.

– Ох, как бы я хотела, – зашептала она, – чтобы Иван Васильевич видел, как артистку истязают перед репетицией!..

– Нет, Людмила Сильвестровна, так невозможно, – отозвалась Торопецкая, – возьмите вы анкету домой и заполняйте ее сами, как хотите.

Пряхина схватила лист и с отвращением стала засовывать его в сумочку, дергая ртом.

Тут грянул телефон, и Торопецкая резко крикнула:

– Да! Нет, товарищ! Какие билеты! Никаких билетов у меня нет!.. Что? Гражданин! Вы отнимаете у меня время! Нету у меня ника... Что? Ах! – Торопецкая стала красной с лица. – Ах! Простите! Я не узнала голоса! Да, конечно! Конечно! Прямо в контроле будут оставлены. И программу я распорядюсь, чтобы оставили! А Феофил Владимирович сам не будет? Мы будем очень жалеть! Очень! Всего, всего, всего доброго!

Сконфуженная Торопецкая повесила трубку и сказала:

– Из-за вас я нахамила не тому, кому следует!

– Ах, оставьте, оставьте все это! – нервно вскричала Пряхина. – Погублено зерно, испорчен день!

– Да, – сказала Торопецкая, – заведующий труппой просил вас зайти к нему.

Легкая розоватость окрасила щеки Пряхиной, она надменно подняла брови.

– Зачем же это я понадобилась ему? Это крайне интересно!

– Костюмерша Королькова на вас пожаловалась.

– Какая такая Королькова? – воскликнула Пряхина. – Кто это? Ах да, вспомнила! Да и как не вспомнить, – тут Людмила Сильвестровна рассмеялась так, что холодок прошел у меня по спине, – на «у» и не разжимая губ, – как не вспомнить эту Королькову, которая испортила мне подол? Что же она наябедничала на меня?

– Она жалуется, что вы ее ущипнули со злости в уборной при парикмахерах, – ласково сказала Торопецкая, и при этом в ее хрустальных глазах на мгновение появилось мерцание.

Эффект, который произвели слова Торопецкой, поразил меня. Пряхина вдруг широко и криво, как у зубного врача, открыла рот, а из глаз ее двумя потоками хлынули слезы. Я съезился в кресле и почему-то поднял ноги. Торопецкая нажала кнопку звонка, и тотчас в дверь всунулась голова Демьяна Кузьмича и мгновенно исчезла.

Пряхина же приложила кулак ко лбу и закричала резким, высоким голосом:

– Меня сживают со свету! Бог Господь! Бог Господь! Бог Господь! Да взгляни же хоть ты, Пречистая Мать, что со мною делают в театре! Подлец Пеликан! А Герасим Николаевич предатель! Воображаю, что он нес обо мне в Сивцевом Вражке! Но я брошусь в ноги Ивану Васильевичу! Умолю его выслушать меня!.. – Голос ее сел и треснул.

Тут дверь распахнулась, вбежал тот самый доктор. В руках у него была склянка и рюмка. Никого и ни о чем не спрашивая, он привычным жестом плеснул из склянки в рюмку мутную жидкость, но Пряхина хрипло вскричала:

– Оставьте меня! Оставьте меня! Низкие люди! – и выбежала вон.

За нею устремился доктор, воскликнув «дорогая!» – а за доктором, вынырнув откуда-то, топая в разные стороны подагрическими ногами, полетел Демьян Кузьмич.

Из раскрытых дверей несся плеск клавишей, и дальний мощный голос страстно пропел:

«...и будешь ты царицей ми... и... и...» – он пошел шире, лихо развернулся, – «ра-а...» – но двери захлопнулись, и голос погас.

– Ну-с, я освободилась, приступим, – сказала Торопецкая, мягко улыбаясь.

Глава 11

Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ТЕАТРОМ

Торопецкая идеально владела искусством писать на машинке. Никогда я ничего подобного не видел. Ей не нужно было ни диктовать знаков препинания, ни повторять указаний, кто говорит. Я дошел до того, что, расхаживая по предбаннику взад и вперед и диктуя, останавливался, задумывался, потом говорил: «Нет, погодите...» – менял написанное, совсем перестал упоминать, кто говорит, бормотал и говорил громко, но что бы я ни делал, из-под руки Торопецкой шла почти без подчисток идеально ровная страница пьесы, без единой грамматической ошибки – хоть сейчас отдавай в типографию.

Вообще Торопецкая свое дело знала и справлялась с ним хорошо. Писали мы под аккомпанемент телефонных звонков. Первоначально они мне мешали, но потом я к ним так привык, что они мне нравились. Поликсена справлялась со звонящими с необыкновенной ловкостью. Она сразу кричала:

– Да? Говорите, товарищ, скорее, я занята! Да?

От такого приема товарищ, находящийся на другом конце проволоки, терялся и начинал лепетать всякий вздор и был мгновенно приводим в порядок.

Круг деятельности Торопецкой был чрезвычайно обширен. В этом я убедился по телефонным звонкам.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Да, – говорила Торопецкая, – нет, вы не сюда звоните. Никаких билетов у меня нет... Я застрелю тебя! (Это – мне, повторяя уже записанную фразу.)

Опять звонок.

– Все билеты уже проданы, – говорила Торопецкая, – у меня нет контрамарок... Этим ты ничего не докажешь! (Мне.)

«Теперь начинаю понимать, – думал я, – какое количество охотников ходить даром в театр в Москве. И вот странно: никто из них не пытается проехать даром в трамвае. Опять-таки никто из них не придет в магазин и не попросит, чтобы ему бесплатно отпустили коробку килек. Почему они считают, что в театре не нужно платить?» – Да! Да! – кричала Торопецкая в телефон. – Калькутта, Пенджаб, Мадрас, Аллогабад... Нет, адрес не даем! Да? – говорила она мне.

– Я не позволю, чтобы он распевал испанские серенады под окном у моей невесты, – с жаром говорил я, бегая по предбаннику.

– Невесты... – повторяла Торопецкая. Машинка давала звоночки поминутно. Опять гремел телефон.

– Да! Независимый Театр! Нет у меня никаких билетов! Невесты...

– Невесты! – говорил я. – Ермаков бросает гитару на пол и выбегает на балкон.

– Да? Независимый! У меня никаких билетов нет! Балкон.

– Анна устремляется... нет, просто уходит за ним.

– Уходит... да? Ах, да. Товарищ Бутович, вам будут оставлены билеты у фили в конторе. Всего доброго.

– «Анна. Он застрелится!»

Бахтин. Не застрелится!»

– Да! Здравствуйте. Да, с нею. Потом Андамонские острова. К сожалению, адрес дать не могу, Альберт Альбертович... Не застрелится!..

Надо отдать справедливость Поликсене Торопецкой: дело свое она знала. Она писала десятью пальцами – обеими руками; как только телефон давал сигнал, писала одной рукой, другой снимала трубку, кричала: «Калькутта не понравилась! Самочувствие хорошее...» Демьян Кузьмич входил часто, подбегал к конторке, подавал какие-то бумажки. Торопецкая правым глазом читала их, ставила печати, левой писала на машинке: «Гармоника играет весело, но от этого...»

– Нет, погодите, погодите! – вскрикивал я. – Нет, не весело, а что-то бравурное... Или нет... погодите, – я дико смотрел в стену, не зная, как гармоника играет. Торопецкая в это время пудрилась, говорила в телефон какой-то Мисси, что планшетки для корсета захватит в Вене Альберт Альбертович. Разные люди появлялись в предбаннике, и первоначально мне было стыдно диктовать при них, казалось, что я голый один среди одетых, но я быстро привык.

Показывался Миша Панин и каждый раз, проходя, для поощрения меня, жал мне предплечье и проходил к себе в дверь, за которой, как я уже узнал, помещался его аналитический кабинет.

Приходил гладко выбритый, с римским упадочным профилем, капризно выпяченной нижней губой председатель режиссерской корпорации Иван Александрович Полторацкий.

– Миль пardon. Второй акт уже пишете? Грандиозно! – восклицал он и проходил в другую дверь, комически поднимая ноги, чтобы показать, что он старается не шуметь. Если дверь приоткрывалась, слышно было, как он говорил по телефону:

– Мне все равно... я человек без предрассудков... Это даже оригинально – приехали на бега в подштанниках. Но Индия не примет... Всем сшил одинаково – и князю, и мужу, и барону... Совершенные подштанники и по цвету, и по фасону!.. А

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
вы скажите, что нужны брюки. Мне нет дела! Пусть переделывают. А гоните вы его к чертям! Что он врет! Петя Дитрих не может такие костюмы рисовать! Он брюки нарисовал. Эскизы у меня на столе! Петя... Утонченный или неутонченный, он сам в брюках ходит! Опытный человек!

В разгар дня, когда я, хватаясь за волосы, пытался представить себе, как выразить поточнее, что, вот... человек падает... роняет револьвер... кровь течет или не течет?... – вошла в предбанник молодая, скромно одетая актриса и воскликнула:

– Здравствуйте, душечка, Поликсена Васильевна! Я вам цветочков принесла!

Она расцеловала Поликсену и положила на конторку четыре желтоватые астры.

– Обо мне нет ли чего из Индии?

Поликсена ответила, что есть, и вынула из конторки пухленький конверт. Актриса взволновалась.

– «Скажите Вешняковой, – прочитала Торопецкая, – что я решил загадку роли Ксении...»

– Ах, ну, ну!.. – вскричала Вешнякова.

– «Я был с Прасковьей Федоровной на берегу Ганга, и там меня осенило. Дело в том, что Вешнякова не должна выходить из средних дверей, а сбоку, там, где пианино. Пусть не забывает, что она недавно лишилась мужа и из средних дверей не решится выйти ни за что. Она идет монашеской походкой, опустив глаза долу, держа в руках букетик полевой ромашки, что типично для всякой вдовы...»

– Боже! Как верно! Как глубоко! – вскричала Вешнякова. – Верно! То-то мне было неудобно в средних дверях.

– Погодите, – продолжала Торопецкая, – тут есть еще, – и прочитала: – «А впрочем, пусть Вешнякова выходит, откуда хочет! Я приеду, тогда все станет ясно. Ганг мне не понравился, по-моему, этой реке чего-то не хватает...» Ну, это к вам не относится, – заметила Поликсена.

– Поликсена Васильевна, – заговорила Вешнякова, – напишите Аристарху Платоновичу, что я безумно, безумно ему благодарна!

– Хорошо.

– А мне нельзя ему написать самой?

– Нет, – ответила Поликсена, – он изъявил желание, чтобы ему никто не писал, кроме меня. Это его утомляло бы во время его раздумий.

– Понимаю, понимаю! – вскричала Вешнякова и, расцеловав Торопецкую, удалилась.

Вошел полный, средних лет, энергичный человек и еще в дверях, сияя, воскликнул:

– Новый анекдот слышали? Ах, вы пишете?

– Ничего, у нас антракт, – сказала Торопецкая, и полный человек, видимо распираемый анекдотом, сверкая от радости, наклонился к Торопецкой. Руками он в это время сзывал народ. Явился на анекдот Миша Панин и Полторацкий и еще кто-то. Головы наклонились над конторкой. Я слышал: «И в это время муж возвращается в гостиную...» За конторкой засмеялись. Полный пошептал еще немного, после чего Мишу Панина охватил его припадок смеха «ах, ах, ах», Полторацкий вскричал: «Грандиозно!» – а полный захохотал счастливым смехом и тотчас кинулся вон, крича:

– Вася! Вася! Стой! Слышал? Новый анекдот продам!

Но ему не удалось Васе продать анекдот, потому что его вернула Торопецкая.

Оказалось, что Аристарх Платонович писал и о полном.

– «Передайте Елагину, – читала Торопецкая, – что он более всего должен бояться сыграть результат, к чему его всегда очень тянет».

Елагин изменился в лице и заглянул в письмо.

– «Скажите ему, – продолжала Торопецкая, – что в сцене вечеринки у генерала он не должен сразу здороваться с женою полковника, а предварительно обойти стол кругом, улыбаясь растерянно. У него винокурный завод, и он ни за что не поздоровается сразу, а...»

– Не понимаю! – заговорил Елагин. – Простите, не понимаю, – Елагин сделал круг по комнате, как бы обходя что-то, – нет, не чувствую я этого. Мне неудобно!.. Жена полковника перед ним, а он чего-то пойдет... Не чувствую!

– Вы хотите сказать, что вы лучше понимаете эту сцену, чем Аристарх Платонович? – ледяным голосом спросила Торопецкая.

Этот вопрос смутил Елагина.

– Нет, я этого не говорю... – Он покраснел. – Но, посудите... – И он опять сделал круг по комнате.

– Я думаю, что в ножки следовало бы поклониться Аристарху Платоновичу за то, что он из Индии...

– Что это у нас все в ножки да в ножки, – вдруг пробурчал Елагин.

«Э, да он молодец», – подумал я.

– Вы лучше выслушайте, что дальше пишет Аристарх Платонович, – и прочитала: – «А впрочем, пусть он делает, как хочет. Я приеду, и пьеса станет всем ясна».

Елагин повеселел и отколол такую штуку. Он махнул рукой у щеки, потом у другой, и мне показалось, что у него на моих глазах выросли бакенбарды. Затем он стал меньше ростом, надменно раздул ноздри и сквозь зубы, при этом выщипывая волоски из воображаемых бакенбард, проговорил все, что было написано о нем в письме.

«Какой актер!» – подумал я. Я понял, что он изображает Аристарха Платоновича.

Кровь прилила к лицу Торопецкой, она тяжело задышала.

– Я попросила бы вас!..

– А впрочем, – сквозь зубы говорил Елагин, пожал плечами, своим обыкновенным голосом сказал: – Не понимаю! – и вышел. Я видел, как он в сенях сделал еще один круг в передней, недоуменно пожал плечами и скрылся.

– Ох, уж эти середняки! – заговорила Поликсена. – Ничего святого. Вы слышали, как они разговаривают?

– Кхм, – ответил я, не зная, что сказать, и, главное, не понимая, что означает слово «середняки».

К концу первого дня стало ясно, что в предбаннике пьесу писать нельзя. Поликсену освободили на два дня от ее непосредственных обязанностей, и нас с ней перевели в одну из женских уборных. Демьян Кузьмич, пыхтя, приволок туда машинку.

Бабье лето сдалось и уступило место мокрой осени. Серый свет лился в окно. Я сидел на кушеточке, отражаясь в зеркальном шкафу, а Поликсена на табуреточке. Я чувствовал себя как бы двухэтажным. В верхнем происходила кутерьма и беспорядок, который нужно было превратить в порядок. Требовательные герои пьесы вносили необыкновенную заботу в душу. Каждый требовал нужных слов, каждый старался занять первое место, оттесняя других. Править пьесу – чрезвычайно утомительное дело. Верхний этаж шумел и двигался в голове и мешал наслаждаться нижним, где царствовал установившийся, прочный покой. Со стен маленькой уборной, похожей на бонбоньерку, смотрели, улыбаясь искусственными улыбками, женщины с преувеличенно пышными губами и тенями под глазами. Эти женщины были в кринолинах или в фижмах.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Меж ними сверкали зубами с фотографий мужчины с цилиндрами в руках. Один из них был в жирных эполетах. Пьяный толстый нос свисал до губы, щеки и шея разрезаны складками. Я не узнал в нем Елагина, пока Поликсена не сказала мне, кто это.

Я глядел на фотографии, трогал, вставая с кушетки, негорящие лампы, пустую пудреницу, вдыхал чуть ощутимый запах какой-то краски и ароматный запах папирос Поликсены. Здесь было тихо, и тишину эту резало только стрекотание машинки и тихие ее звоночки, да еще иногда чуть скрипел паркет. В открытую дверь было видно, как на цыпочках проходили иногда какие-то пожилые женщины сухонького вида, пронося груды крахмальных юбок.

Изредка великое молчание этого коридора нарушалось глухими взрывами музыки откуда-то и дальними грозными криками. Теперь я знал, что на сцене, где-то глубоко за паутиной старых коридоров, спусков и лестниц, репетируют пьесу «Степан Разин».

Мы начинали писать в двенадцать часов, а в два происходил перерыв. Поликсена уходила к себе, чтобы навестить свое хозяйство, а я шел в чайный буфет.

Для того чтобы в него попасть, я должен был покинуть коридор и выйти на лестницу. Тут уже нарушалось очарование молчания. По лестнице подымались актрисы и актеры, за белыми дверями звенел телефон, телефон другой откуда-то отзывался снизу. Внизу дежурил один из вышколенных Августой Менажраки курьеров. Потом железная средневековая дверь, таинственные за нею ступени и какое-то безграничное, как мне казалось, по высоте кирпичное ущелье, торжественное, полутемное. В этом ущелье, наклоненные к стенам его, виселись декорации в несколько слоев. На белых деревянных рамах их мелькали таинственные условные надписи черным: «1 лев. зад», «Граф, заспин.», «Спальня III-й акт». Широкие, высокие, от времени черные ворота с врезанной в них калиткой с чудовищным замком на ней были справа, и я узнал, что они ведут на сцену. Такие же ворота были слева, и вывелили они во двор, и через эти ворота рабочие из сараев подавали декорации, не помещавшиеся в ущелье. Я задерживался в ущелье всегда, чтобы предаться мечтам в одиночестве, а сделать это было легко, ибо лишь редкий путник попадался навстречу на узкой тропе между декорациями, где, чтобы разминуться, нужно было поворачиваться боком.

Сосущая с тихим змеиным свистом воздух пружина-цилиндр на железной двери выпускала меня. Звуки под ногами пропадали, я попадал на ковер, по медной львиной голове узнавал преддверие кабинета Гавриила Степановича и все по тому же солдатскому сукну шел туда, где уже мелькали и слышались люди, – в чайный буфет.

Многоведерный блестящий самовар за прилавком первым бросался в глаза, а вслед за ним маленького роста человек, пожилой, с нависшими усами, лысый и столь печальными глазами, что жалость и тревога охватывали каждого, кто не привык еще к нему. Вздыхая тоскливо, печальный человек стоял за прилавком и глядел на груды бутербродов с кетовой икрой и с сыром брынзой. Актеры подходили к буфету, брали эту снедь, и тогда глаза буфетчика наполнялись слезами. Его не радовали ни деньги, которые платили за бутерброды, ни сознание того, что он стоит в самом лучшем месте столицы, в Независимом Театре. Ничто его не радовало, душа его, очевидно, болела при мысли, что вот съедят все, что лежит на блюде, съедят без остатка, выпьют весь гигантский самовар.

Из двух окон шел свет слезливого осеннего дня, за буфетом горела настенная лампа в тюльпане, никогда не угасая, углы тонули в вечном сумраке.

Я стеснялся незнакомых людей, сидевших за столиками, боялся подойти, хоть подойти хотелось. За столиками слышался приглушенный хохот, всюду что-то рассказывали.

Выпив стакан чаю и съев бутерброд с брынзой, я шел в другие места театра. Больше всего мне понравилось то место, которое носило название «контора».

Это место резко отличалось от всех других мест в театре, ибо это было единственное шумное место, куда, так сказать, вливалась жизнь с улицы.

Контора состояла из двух частей. Первой – узкой комнатки, в которую вели настолько замысловатые ступеньки со двора, что каждый входящий впервые в Театр непременно падал. В первой комнатенке сидели двое курьеров, Катков и Баквалин.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Перед ними на столике стояли два телефона. И эти телефоны, почти никогда не умолкая, звонили.

Я очень быстро понял, что по телефонам зовут одного и того же человека и этот человек помещался в смежной комнате, на дверях которой висела надпись:

Заведующий внутренним порядком

ФИЛИПП ФИЛИППОВИЧ ТУЛУМБАСОВ

Большей популярности, чем у Тулумбасова, не было ни у кого в Москве и, вероятно, никогда не будет. Весь город, казалось мне, ломился по аппаратам к Тулумбасову, и то Катков, то Баквалин соединяли с Филиппом Филипповичем жаждущих говорить с ним.

Говорил ли мне кто-то или приснилось мне, что будто бы Юлий Кесарь обладал способностью делать несколько разных дел одновременно, например, читать что-либо и слушать кого-нибудь.

Свидетельствую здесь, что Юлий Кесарь растерялся бы самым жалким образом, если бы его посадили на место Филиппа Филипповича.

Помимо тех двух аппаратов, которые гремели под руками Баквалина и Каткова, перед самим Филиппом Филипповичем стояло их два, а один, старинного типа, висел на стене.

Филипп Филиппович, полный блондин с приятным круглым лицом, с необыкновенно живыми глазами, на дне которых покоилась не видная никому грусть, затаенная, по-видимому, вечная, неизлечимая, сидел за барьером в углу, чрезвычайно уютном. День ли был на дворе или ночь, у Филиппа Филипповича всегда был вечер с горячей лампой под зеленым колпаком. Перед Филиппом Филипповичем на письменном столе помещалось четыре календаря, сплошь исписанные таинственными записями, вроде: «Прян. 2, парт. 4», «13 утр. 2», «Мон. 77727» и в этом роде.

Таковыми же знаками были исчерчены пять раскрытых блокнотов на столе. Над Филиппом Филипповичем высилось чучело бурого медведя, в глаза которого были вставлены электрические лампочки. Филипп Филиппович был огражден от внешнего мира барьером, и в любой час дня на этом барьере лежали животами люди в самых разнообразных одеждах. Здесь перед Филиппом Филипповичем проходила вся страна, это можно сказать с уверенностью; здесь перед ним были представители всех классов, групп, прослоек, убеждений, пола, возраста. Какие-то бедно одетые гражданки в затасканных шляпах сменялись военными с петлицами разного цвета. Военные уступали место хорошо одетым мужчинам с брововыми воротниками и крахмальными воротничками. Среди крахмальных воротничков иногда мелькала ситцевая косоворотка. Кепка на буйных кудрях. Роскошная дама с горностаем на плечах. Шапка с ушами, подбитый глаз. Подросток женского пола с напудренным носиком. Человек в болотных сапогах, в чуйке, подпоясан ремнем. Еще военный, один ромб. Какой-то бритый, с забинтованной головой. Старуха с трясущейся челюстью, мертвенными глазами и почему-то говорящая со своей спутницей по-французски, а спутница в мужских калошах. Тулуп.

Те, которые не могли лечь животом на барьер, толпились сзади, изредка поднимая вверх мятые записки, изредка робко вскрикивая: «Филипп Филиппович!» Временами в толпу, осаждавшую барьер, ввинчивались женщины или мужчины без верхнего платья, а запросто в блузочках или пиджаках, и я понимал, что это актрисы и актеры Независимого Театра.

Но кто бы ни шел к барьеру, все, за редчайшими исключениями, имели вид льстивый, улыбались заискивающе. Все пришедшие просили у Филиппа Филипповича, все зависели от его ответа.

Три телефона звенели, не умолкая никогда, и иногда оглашали грохотом кабинетик сразу все три. Филиппа Филипповича это нисколько не смущало. Правой рукой он брал трубку правого телефона, клал ее на плечо и прижимал щекою, в левую брал другую трубку и прижимал ее к левому уху, а освободив правую, ею брал одну из

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru протягиваемых ему записок, начиная говорить сразу с тремя – в левый, в правый телефон, потом с посетителем, потом опять в левый, в правый, с посетителем. В правый, с посетителем, левый, левый, правый, правый.

Сразу сбрасывал обе трубки на рычаги, и так как освобождались обе руки, то брал две записки. Отклонив одну из них, он снимал трубку с желтого телефона, слушал мгновение, говорил: «Позвоните завтра в три», – вешал трубку, посетителю говорил: «Ничего не могу».

С течением времени я начал понимать, чего просили у Филиппа Филипповича. У него просили билетов.

У него просили билетов в самой разнообразной форме. Были такие, которые говорили, что приехали из Иркутска и уезжают ночью и не могут уехать, не повидав «Бесприданницы». Кто-то говорил, что он экскурсовод из Ялты. Представитель какой-то делегации. Кто-то не экскурсовод и не сибиряк и никуда не уезжает, а просто говорил: «Петухов, помните?» Актрисы и актеры говорили: «Филя, а Филя, устрой...» Кто-то говорил: «В любую цену, цена мне безразлична...»

– Зная Ивана Васильевича двадцать восемь лет, – вдруг шамкала какая-то старуха, у которой моль выела на берете дыру, – я уверена, что он не откажет мне...

– Дам постоять, – внезапно вдруг говорил Филипп Филиппович и, не ожидая дальнейших слов ошеломленной старухи, протягивал ей какой-то кусочек бумаги.

– Нас восемь человек, – начинал какой-то крепыш, и опять-таки дальнейшие слова застревали у него в устах, ибо Филя уже говорил:

– На свободные! – и протягивал бумажку.

– Я от Арнольда Арнольдовича, – начинал какой-то молодой человек, одетый с претензией на роскошь.

«Дам постоять», – мысленно подсказывал я и не угадывал.

– Ничего не могу-с, – внезапно отвечал Филя, один только раз скользнув глазом по лицу молодого человека.

– Но Арнольд...

– Не могу-с!

И молодой человек исчезал, словно проваливался сквозь землю. – Мы с женою... – начинал полный гражданин.

– На завтра? – спрашивал Филя отрывисто и быстро.

– Слушаю.

– В кассу! – восклицал Филя, и полный протискивался вон, имея в руках клочок бумажки, а Филя в это время уже кричал в телефон: «Нет! Завтра!» – в то же время левым глазом читая поданную бумажку.

С течением времени я понял, что он руководится вовсе не внешним видом людей и, конечно, – не их засаленными бумажками. Были скромно, даже бедно одетые люди, которые внезапно для меня получали два бесплатных места в четвертом ряду, и были какие-то хорошо одетые, которые уходили ни с чем. Люди приносили громадные красивые мандаты из Астрахани, Евпатории, Вологды, Ленинграда, и они не действовали или могли подействовать только через пять дней утром, а приходили иногда скромные и молчаливые люди и вовсе ничего не говорили, а только протягивали руку через барьер и тут же получали место.

Умудрившись, я понял, что передо мною человек, обладающий совершенным знанием людей. Поняв это, я почувствовал волнение и холодок под сердцем. Да, передо мною был величайший сердцеведец. Он знал людей до самой их сокровенной глубины. Он угадывал их тайные желания, ему были открыты их страсти, пороки, все знал, что было скрыто в них, но также и доброе. А главное, он знал их права. Он знал, кто и когда должен прийти в Театр, кто имел право сидеть в четвертом ряду, а кто

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
должен был томиться в ярусе, присаживаясь на приступочке в бредовой надежде, что как-нибудь вдруг освободится для него волшебным образом местечко.

Я понял, что школа Филиппа Филипповича была школой величайшей.

Да и как же ему было не узнать людей, когда перед ним за пятнадцать лет его службы прошли десятки тысяч людей. Среди них были инженеры, хирурги, актеры, женорганизаторы, растратчики, домашние хозяйки, машинисты, учителя, меццо-сопрано, застройщики, гитаристы, карманные воровы, дантисты, пожарные, девицы без определенных занятий, фотографы, плановики, летчики, пушкинисты, председатели колхозов, тайные кокотки, беговые наездники, монтеры, продавщицы универсальных магазинов, студенты, парикмахеры, конструкторы, лирики, уголовные преступники, профессора, бывшие домовладельцы, пенсионерки, сельские учителя, виноделы, виолончелисты, фокусники, разведенные жены, заведующие кафе, игроки в покер, гомеопаты, аккомпаниаторы, графоманы, билетерши консерватории, химики, дирижеры, легкоатлеты, шахматисты, лаборанты, проходимцы, бухгалтеры, шизофреники, дегустаторы, маникюрши, счетоводы, бывшие священнослужители, спекулянтки, фототехники.

Зачем же надобны были бумажки Филиппу Филипповичу?

Одного взгляда и первых слов появившегося перед ним ему было достаточно, чтобы знать, на что тот имеет право, и Филипп Филиппович давал ответы, и были эти ответы всегда безошибочны.

– Я, – волнуясь, говорила дама, – вчера купила два билета на «Дона Карлоса», положила в сумочку, прихожу домой...

Но Филипп Филиппович уже жал кнопку звонка и, не глядя более на даму, говорил:

– Баквалин! Потеряны два билета... ряд?

– Одиннадцатый...

– В одиннадцатом ряду. Впустить. Посадить... Проверить!

– Слушаю! – гаркал Баквалин, и не было уже дамы, и кто-то уже наваливался на барьер, хрипел, что он завтра уезжает.

– Так делать не годится! – озлобленно утверждала дама, и глаза ее сверкали. – Ему уже шестнадцать! Нечего смотреть, что он в коротких штанах...

– Мы не смотрим, сударыня, кто в каких штанах, – металлически отвечал Филя, – по закону дети до пятнадцати лет не допускаются. Посиди здесь, сейчас, – говорил он в это же время интимно бритому актеру.

– Позвольте, – кричала скандальная дама, – и тут же рядом пропускают трех малюток в длинных клешах. Я жаловаться буду!

– Эти малютки, сударыня, – отвечал Филя, – были костромские лилипуты.

Наставало полное молчание. Глаза дамы потухали, Филя тогда, оскалив зубы, улыбался так, что дама вздрагивала. Люди, мнущие друг друга у барьера, злорадно хихикали.

Актер с побледневшим лицом, со страдальческими, помутневшими глазами, вдруг наваливался сбоку на барьер, шептал:

– Дикая мигрень...

Филя, не удивляясь, не оборачиваясь, протягивал руку назад, открывал настенный шкафчик, на ощупь брал коробочку, из нее вынимал пакетик, протягивал страдальцу, говорил:

– Водой запей... Слушаю вас, гражданка.

Слезы выступали у гражданки, шляпка съезжала на ухо. Горе дамы было велико. Она сморкалась в грязный платочек. Оказывается, вчера все с того же «Дона Карлоса»

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
пришла домой, ан сумочки-то и нет. В сумочке же было сто семьдесят пять рублей, пудреница и носовой платок.

– Очень плохо, гражданка, – сурово говорил Филя, – деньги надо на сберкнижке держать, а не в сумочке.

Дама тарасила глаза на Филю. Она не ожидала, что к ее горю отнесутся с такой черствостью.

Но Филя тут же с грохотом выдвигал ящик стола, и чрез мгновение измятая сумочка с пожелтевшей металлической наядой была уже у дамы в руках. Та лепетала слова благодарности.

– Покойник прибыл, Филипп Филиппович, – докладывал Баквалин.

В ту же минуту лампа гасла, ящики с грохотом закрывались, торопливо натягивая пальто, Филя протискивался сквозь толпу и выходил. Как зачарованный, я плелся за ним. Ударившись головой об стенку на повороте лестницы, выходил во двор. У дверей конторы стоял грузовик, обвитый красной лентой, и на грузовике лежал, глядя в осеннее небо закрытыми глазами, пожарный. Каска сверкала у него в ногах, а в головах лежали еловые ветви. Филя без шапки, с торжественным лицом, стоял у грузовика и беззвучно отдавал какие-то приказания Кускову, Баквалину и Клюквину.

Грузовик дал сигнал и выехал на улицу. Тут же из подъезда театра раздавались резкие звуки тромбонов. Публика с вялым изумлением останавливалась, останавливался и грузовик. В подъезде театра виден был бородатый человек в пальто, размахивающий дирижерской палочкой. Повинуясь ей, несколько сверкавших труб громкими звуками оглашали улицу. Потом звуки обрывались так же внезапно, как и начинались, и золотые раструбы и русая эспаньолка скрывались в подъезде.

Кусков вскакивал в грузовик, трое пожарных становились по углам гроба, и, провожаемый напутственным Филиным жестом, грузовик уезжал в крематорий, а Филя возвращался в контору.

Громаднейший город пульсирует, и всюду в нем волны – прильет и отошьет. Иногда слабела без всякой видимой причины волна Филиных посетителей, и Филя позволял себе откинуться в кресле, кой с кем и пошутить, размяться.

– А меня к тебе прислали, – говорил актер какого-то другого театра.

– Нашли кого прислать – бузотера, – отвечал Филя, смеясь одними щеками (глаза Фили никогда не смеялись).

В Филину дверь входила очень хорошенькая дама в великолепно сшитом пальто и с черно-бурой лисой на плечах. Филя приветливо улыбался даме и кричал:

– Бонжур, Мисси!

Дама радостно смеялась в ответ. Вслед за дамой в комнату входил развинченной походкой, в матросской шапке, малый лет семи с необыкновенно надменной физиономией, вымазанной соевым шоколадом, и с тремя следами от ногтей под глазом. Малый тихо икал через правильные промежутки времени. За малым входила полная и расстроенная дама.

– Фуй, Альеша! – восклицала она с немецким акцентом.

– Амалия Иванна! – тихо и угрожающе говорил малый, исподтишка показывая Амалии Ивановне кулак.

– Фуй, Альешь! – тихо говорила Амалия Ивановна. – А, здорово! – восклицал Филя, протягивая малому руку.

Тот, икнув, кланялся и шаркал ногой.

– Фуй, Альешь... – шептала Амалия Ивановна.

– Что же это у тебя под глазом? – спрашивал Филя.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

- Я, – икая, шептал малый, повесив голову, – с Жоржем подрался...
 - Фуй, Альеша, – одними губами и совершенно механически шептала Амалия Ивановна.
 - Сэ доммаж! [2 – жаль! (франц.)] – рывкал Филя и вынимал из стола шоколадку.
- Мутные от шоколада глаза малого на минуту загорались огнем, он брал шоколадку.
- Альеша, ти съел сегодня читирнадцать, – робко шептала Амалия Ивановна.
 - Не врите, Амалия Ивановна, – думая, что говорит тихо, гудел малый.
 - Фуй, Альеша!..
 - Филя, вы меня совсем забыли, гадкий! – тихо восклицала дама.
 - Нон, мадам, энпоссибль! – рывкал Филя. – Мэ ле заффер тужур! [3 – Нет, это невозможно, но все дела! (франц.)]
- Дама смеялась журчащим смехом, била филю перчаткой по руке.
- Знаете что, – вдохновенно говорила дама. – Дарья моя сегодня испекла пирожки, приходите ужинать. А?
 - Авек плезир! [4 – С удовольствием! (франц.)] – восклицал Филя и в честь дамы зажигал глаза медведя.
 - Как вы меня испугали, противный филька! – восклицала дама.
 - Альеша! Погляди, какой медведь, – искусственно восторгалась Амалия Ивановна, – якобы живой!
 - Пустите, – орал малый и рвался к барьеру.
 - Фуй, Альеша...
 - Захватите с собой Аргунина, – восклицала как бы осененная вдохновением дама.
 - Иль жу! [5 – Он играет! (франц.)]
 - Пусть после спектакля приезжает, – говорила дама, поворачиваясь спиной к Амалии Ивановне.
 - Же транспорт люи [6 – я привезу его (франц.)].
 - Ну, милый, вот и хорошо. Да, Филенька, у меня к вам просьба. Одну старушку не можете ли вы устроить куда-нибудь на «Дона Карлоса»? А? Хоть в ярус? А, золотко?
 - Портниха? – спрашивал Филя, всепонимающими глазами глядя на даму.
 - Какой вы противный! – восклицала дама. – Почему непременно портниха? Она вдова профессора и теперь...
 - Шьет белье, – как бы во сне говорил Филя, вписывая в блокнот:
«Белошвей. Ми. боков, яр. 13-го».
 - Как вы догадались! – хорошея, восклицала дама.
 - Филипп Филиппович, вас в дирекцию к телефону, – рывкал Баквалин.
 - Сейчас!
 - А я пока мужу позвоню, – говорила дама.
- Филя выскакивал из комнаты, а дама брала трубку, набирала номер.
- Кабинет заведующего. Ну, как у тебя? А к нам я сегодня филю позвала пирожки

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
есть. Ну, ничего. Ты поспи часок. Да, еще Аргунин напросился... Ну, неудобно же
мне... Ну, прощай, золотко. А что у тебя голос какой-то расстроенный? Ну, целую.

Я, вдавившись в клеенчатую спинку дивана и закрывая глаза, мечтал. «О, какой
мир... мир наслаждения, спокойствия...» Мне представлялась квартира этой
неизвестной дамы. Мне казалось почему-то, что это огромная квартира, что в белой
необъятной передней на стене висит в золотой раме картина, что в комнатах всюду
блестит паркет. Что в средней рояль, что громадный ков...

Мечтания мои прервал вдруг тихий стон и утробное ворчание. Я открыл глаза.

Малый, бледный смертельной бледностью, закатив глаза под лоб, сидел на диване,
растопырив ноги на полу. Дама и Амалия Ивановна кинулись к нему. Дама
побледнела.

– Алеша! – вскричала дама. – Что с тобой?!

– Фуй, Альеша! Что с тобой?! – воскликнула и Амалия Ивановна.

– Голова болит, – вибрирующим слабым баритоном ответил малый, и шапка его
съехала на глаза. Он вдруг надул щеки и еще более побледнел.

– О Боже! – вскричала дама.

Через несколько минут во двор влетел открытый таксомотор, в котором, стоя, летел
Баквалин.

Малого, вытирая ему рот платком, под руки вели из конторы.

О, чудный мир конторы! Филя! Прощайте! Меня скоро не будет. Вспомните же меня и
вы!

Глава 12

СИВЦЕВ ВРАЖЕК

Я и не заметил, как мы с Торопецкой переписали пьесу. И не успел я подумать, что
будет теперь далее, как судьба сама подсказала это.

Клюквин привез мне письмо.

«Глубочайше уважаемый Леонтий Сергеевич!..»

Почему, черт возьми, им хочется, чтобы я был Леонтием Сергеевичем? Вероятно, это
удобнее выговаривать, чем Сергей Леонтьевич?.. Впрочем, это неважно!

«...Вы должны читать Вашу пьесу Ивану Васильевичу. Для этого Вам надлежит
прибыть в Сивцев Вражек 13-го в понедельник в 12 часов дня.

Глубоко преданный Фома Стриж»

Я взволновался чрезвычайно, понимая, что письмо это исключительной важности.

Я решил так: крахмальный воротник, галстук синий, костюм серый. Последнее решить
было нетрудно, ибо серый костюм был моим единственным приличным костюмом.

Держаться вежливо, но с достоинством и, Боже сохрани, без намека на угодливость.

Тринадцатое, как хорошо помню, было на другой день, и утром я повидался в театре
с Бомбардовым.

Наставления его показались мне странными до чрезвычайности.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Как пройдете большой серый дом, – говорил Бомбардов, – повернете налево, в тупичок. Тут уж легко найдете. Ворота резные, чугунные, дом с колоннами. С улицы входа нету, а поверните за угол во дворе. Там увидите человека в тулупе, он у вас спросит: «Вы зачем?» – а вы ему скажите только одно слово: «Назначено».

– Это пароль? – спросил я. – А если человека не будет?

– Он будет, – сказал холодно Бомбардов и продолжал: – За углом, как раз напротив человека в тулупе, вы увидите автомобиль без колес на домкрате, а возле него ведро и человека, который моет автомобиль.

– Вы сегодня там были? – спросил я в волнении.

– Я был там месяц тому назад.

– Так почему же вы знаете, что человек будет мыть автомобиль?

– Потому, что он каждый день его моет, сняв колеса.

– А когда же Иван Васильевич ездит в нем?

– Он никогда в нем и не ездит.

– Почему?

– А куда же он будет ездить?

– Ну, скажем, в театр?

– Иван Васильевич в театр приезжает два раза в год на генеральные репетиции, и тогда ему нанимают извозчика Дрыкина.

– Вот тебе на! Зачем же извозчик, если есть автомобиль?

– А если шофер умрет от разрыва сердца за рулем, а автомобиль возьмет да и въедет в окно, тогда что прикажете делать?

– Позвольте, а если лошадь понесет?

– Дрыкинская лошадь не понесет. Она только шагом ходит. Напротив же как раз человека с ведром – дверь. Войдите и подымайтесь по деревянной лестнице. Потом еще дверь. Войдите. Там увидите черный бюст Островского. А напротив беленькие колонны и черная-пречерная печка, возле которой сидит на корточках человек в валенках и топит ее.

Я рассмеялся.

– Вы уверены, что он непременно будет и непременно на корточках?

– Непременно, – сухо ответил Бомбардов, ничуть не смеясь.

– Любопытно проверить!

– Проверьте. Он спросит тревожно: «Вы куда?» А вы ответьте...

– Назначено?

– Угу. Тогда он вам скажет: «Пальтецо снимите здесь», – и вы попадете в переднюю, и тут выйдет к вам фельдшерница и спросит: «Вы зачем?» И вы ответите...

Я кивнул головой.

– Иван Васильевич вас спросит первым делом, кто был ваш отец. Он кто был?

– Вице-губернатор.

Бомбардов сморщился.

- Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
- Э... нет, это, пожалуй, не подходит. Нет, нет. Вы скажите так: служил в банке.
 - Вот уж это мне не нравится. Почему я должен врать с первого же момента?
 - А потому что это может его испугать, а...

Я только моргал глазами.

- ...а вам все равно, банк ли, или что другое. Потом он спросит, как вы относитесь к гомеопатии. А вы скажите, что принимали капли от желудка в прошлом году и они вам очень помогли.

Тут прогремели звонки, Бомбардов заторопился, ему нужно было идти на репетицию, и дальнейшие наставления он давал сокращенно.

- Мишу Панина вы не знаете, родились в Москве, – скороговоркой сообщал Бомбардов, – насчет Фомы скажите, что он вам не понравился. Когда будете насчет пьесы говорить, то не возражайте. Там выстрел в третьем акте, так вы его не читайте...
- Как не читать, когда он застрелился?!

Звонки повторились. Бомбардов бросился бежать в полутьму, издали донесся его тихий крик:

- Выстрела не читайте! И насморка у вас нет!

Совершенно ошеломленный загадками Бомбардова, я минута в минуту в полдень был в тупике на Сивцевом Вражке.

Во дворе мужчины в тулупе не было, но как раз на том месте, где Бомбардов и говорил, стояла баба в платке. Она спросила: «Вам чего?» – и подозрительно поглядела на меня. Слово «назначено» совершенно ее удовлетворило, и я повернул за угол. Точка в точку в том месте, где было указано, стояла кофейного цвета машина, но на колесах, и человек тряпкой вытирал кузов. Рядом с машиной стояло ведро и какая-то бутылка.

Следуя указаниям Бомбардова, я шел безошибочно и попал к бюсту Островского. «Э...» – подумал я, вспомнив Бомбардова: в печке весело пылали березовые дрова, но никого на корточках не было. Но не успел я усмехнуться, как старинная дубовая темнолакированная дверь открылась, и из нее вышел старикашка с кочергой в руках и в заплатанных валенках. Увидев меня, он испугался и заморгал глазами. «Вам что, гражданин?» – спросил он. «Назначено», – ответил я, упиваясь силой магического слова. Старикашка посветлел и махнул кочергой в направлении другой двери. Там горела старинная лампочка под потолком. Я снял пальто, под мышку взял пьесу, стукнул в дверь. Тотчас за дверью послышался звук снимаемой цепи, потом повернулся ключ в дверях, и выглянула женщина в белой косынке и белом халате. «Вам что?» – спросила она. «Назначено», – ответил я. Женщина посторонилась, пропустила меня внутрь и внимательно поглядела на меня.

- На дворе холодно? – спросила она.
- Нет, хорошая погода, бабье лето, – ответил я.
- Насморка у вас нету? – спросила женщина.

Я вздрогнул, вспомнив Бомбардова, и сказал:

- Нет, нету.
- Постучите сюда и входите, – сурово сказала женщина и скрылась. Перед тем как стукнуть в темную, окованную металлическими полосами дверь, я огляделся.

Белая печка, громадные шкафы какие-то. Пахло мятой и еще какой-то приятной травой. Стояла полная тишина, и она вдруг прервалась боем хриплым. Било двенадцать раз, и затем тревожно прокуковала кукушка за шкафом.

Я стукнул в дверь, потом нажал рукой на громадное тяжелое кольцо, дверь впустила

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
меня в большую светлую комнату.

Я волновался, я ничего почти не разглядел, кроме дивана, на котором сидел Иван Васильевич. Он был точно такой же, как на портрете, только немножко свежее и моложе. Черные его, чуть тронутые проседью, усы были прекрасно подкручены. На груди, на золотой цепи, висел лорнет.

Иван Васильевич поразил меня очаровательностью своей улыбки.

– Очень приятно, – молвил он, чуть картавя, – прошу садиться.

И я сел в кресло.

– Ваше имя и отчество? – ласково глядя на меня, спросил Иван Васильевич.

– Сергей Леонтьевич.

– Очень приятно! Ну-с, как изволите поживать, Сергей Пафнутьевич? – И, ласково глядя на меня, Иван Васильевич побарабанил пальцами по столу, на котором лежал огрызок карандаша и стоял стакан с водой, почему-то накрытый бумажкой.

– Покорнейше благодарю вас, хорошо.

– Простуды не чувствуете?

– Нет.

Иван Васильевич как-то побряхтел и спросил:

– А здоровье вашего батюшки как?

– Мой отец умер.

– Ужасно, – ответил Иван Васильевич, – а к кому обращались? Кто лечил?

– Не могу сказать точно, но, кажется, профессор... профессор Янковский.

– Это напрасно, – отозвался Иван Васильевич, – нужно было обратиться к профессору Плетушкову, тогда бы ничего не было.

Я выразил на своем лице сожаление, что не обратились к Плетушкову.

– А еще лучше... гм... гм... гомеопаты, – продолжал Иван Васильевич, – прямо до ужаса всем помогают. – Тут он кинул беглый взгляд на стакан. – Вы верите в гомеопатию?

«Бомбардов – потрясающий человек!» – подумал я и начал что-то неопределенно говорить.

– С одной стороны, конечно... Я лично... хотя многие и не верят...

– Напрасно! – сказал Иван Васильевич. – Пятнадцать капель, и вы перестанете что-нибудь чувствовать. – И опять он побряхтел и продолжал: – А ваш батюшка, Сергей Панфилич, кем был?

– Сергей Леонтьевич, – ласково сказал я.

– Тысячу извинений! – воскликнул Иван Васильевич. – Так он кем был?

«Да не стану я врать!» – подумал я и сказал:

– Он служил вице-губернатором.

Это известие согнало улыбку с лица Ивана Васильевича.

– Так, так, так, – озабоченно сказал он, помолчал, побарабанил и сказал: – Ну-с, приступим.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Я развернул рукопись, кашлянул, обмер, еще раз кашлянул и начал читать.

Я прочел заглавие, потом длинный список действующих лиц и приступил к чтению первого акта:

– «Огоньки вдали, двор, засыпанный снегом, дверь флигеля. Из флигеля глухо слышен „Фауст“, которого играют на рояли...»

Приходилось ли вам когда-либо читать пьесу один на один кому-нибудь? Это очень трудная вещь, уверяю вас. Я изредка поднимал глаза на Ивана Васильевича, вытирал лоб платком.

Иван Васильевич сидел совершенно неподвижно и смотрел на меня в лорнет, не отрываясь. Смучило меня чрезвычайно то обстоятельство, что он ни разу не улыбнулся, хотя уже в первой картине были смешные места. Актеры очень смеялись, слыша их на чтении, а один рассмеялся до слез.

Иван же Васильевич не только не смеялся, но даже перестал крякать. И всякий раз, как я поднимал на него взор, видел одно и то же: уставившийся на меня золотой лорнет и в нем немигающие глаза. Вследствие этого мне стало казаться, что смешные эти места вовсе не смешны.

Так я дошел до конца первой картины и приступил ко второй. В полной тишине слышался только мой монотонный голос, было похоже, что дьячок читает по покойнику.

Мною стала овладевать какая-то апатия и желание закрыть толстую тетрадь. Мне казалось, что Иван Васильевич грозно скажет: «Кончится ли это когда-нибудь?» Голос мой охрип, я изредка прочищал горло кашлем, читал то тенором, то низким басом, раза два вылетели неожиданные петухи, но и они никого не рассмешили – ни Ивана Васильевича, ни меня.

Некоторое облегчение внесло внезапное появление женщины в белом. Она бесшумно вошла, Иван Васильевич быстро посмотрел на часы. Женщина подала Ивану Васильевичу рюмку, Иван Васильевич выпил лекарство, запил его водой из стакана, закрыл его крышечкой и опять поглядел на часы. Женщина поклонилась Ивану Васильевичу древнерусским поклоном и надменно ушла.

– Ну-с, продолжайте, – сказал Иван Васильевич, и я опять начал читать. Далеко прокричала кукушка. Потом где-то за ширмами прозвенел телефон.

– Извините, – сказал Иван Васильевич, – это меня зовут по важнейшему делу из учреждения... Да, – послышался его голос из-за ширм, – да... Гм... гм... Это все шайка работает. Приказываю держать все это в строжайшем секрете. Вечером у меня будет один верный человек, и мы разработаем план...

Иван Васильевич вернулся, и мы дошли до конца пятой картины. И тут в начале шестой произошло поразительное происшествие. Я уловил ухом, как где-то хлопнула дверь, послышался где-то громкий и, как мне показалось, фальшивый плач, дверь, не та, в которую я вошел, а, по-видимому, ведущая во внутренние покои, распахнулась, и в комнату влетел, надо полагать, осатаневший от страху, жирный полосатый кот. Он шарахнулся мимо меня к тюлевой занавеске, вцепился в нее и полез вверх. Тюль не выдержал его тяжести, и на нем тотчас появились дыры. Продолжая раздирать занавеску, кот долез доверху и оттуда оглянулся с остервенелым видом. Иван Васильевич уронил лорнет, и в комнату вбежала Людмила Сильвестровна Пряхина. Кот, лишь только ее увидел, сделал попытку полезть еще выше, но дальше был потолок. Животное сорвалось с круглого карниза и повисло, зачоченев, на занавеске.

Пряхина вбежала с закрытыми глазами, прижав кулак со скомканным и мокрым платком ко лбу, а в другой руке держа платок кружевной, сухой и чистый. Добежав до середины комнаты, она опустилась на одно колено, наклонила голову и руку протянула вперед, как бы пленник, отдающий меч победителю.

– Я не сойду с места, – прокричала визгливо Пряхина, – пока не получу защиты, мой учитель! Пеликан – предатель! Бог все видит, все!

Тут тюль хрустнул, и под котом расплылась полуаршинная дыра.

– Брысь!! – вдруг отчаянно крикнул Иван Васильевич и захлопал в ладоши.

Кот сполз с занавески, распоров ее донизу, и выскочил из комнаты, а Пряхина зарыдала громовым голосом и, закрыв глаза руками, вскричала, давясь в слезах:

– Что я слышу?! Что я слышу?! Неужели мой учитель и благодетель гонит меня?! Боже, Боже!! Ты видишь?!

– Оглянитесь, Людмила Сильвестровна! – отчаянно закричал Иван Васильевич, и тут еще в дверях появилась старушка, которая крикнула:

– Милочка! Назад! Чужой!..

Тут Людмила Сильвестровна открыла глаза и увидела мой серый костюм в сером кресле. Она выпучила глаза на меня, и слезы, как мне показалось, в мгновение ока высохли на ней. Она вскочила с колен, прошептала: «Господи...» – и кинулась вон. Тут же исчезла и старушка, и дверь закрылась.

Мы помолчали с Иваном Васильевичем. После долгой паузы он побарабанил пальцами по столу.

– Ну-с, как вам понравилось? – спросил он и добавил тоскливо: – Пропала занавеска к черту.

Еще помолчали.

– Вас, конечно, поражает эта сцена? – осведомился Иван Васильевич и закрихтел.

Закрихтел и я и заерзал в кресле, решительно не зная, что ответить, – сцена меня несколько не поразила. Я прекрасно понял, что это продолжение той сцены, что была в предбаннике, и что Пряхина исполнила свое обещание броситься в ноги Ивану Васильевичу.

– Это мы репетировали, – вдруг сообщил Иван Васильевич, – а вы, наверное, подумали, что это просто скандал! Каково? А?

– Изумительно, – сказал я, пряча глаза.

– Мы любим так иногда внезапно освежить в памяти какую-нибудь сцену... Гм... Гм... этюды очень важны. А насчет Пеликана вы не верьте. Пеликан – доблестнейший и полезнейший человек!..

Иван Васильевич поглядел тоскливо на занавеску и сказал:

– Ну-с, продолжим!

Продолжить мы не могли, так как вошла та самая старушка, что была в дверях.

– Тетушка моя, Настасья Ивановна, – сказал Иван Васильевич. Я поклонился.

Приятная старушка посмотрела на меня ласково, села и спросила:

– Как ваше здоровье?

– Благодарю вас покорнейше, – кланяясь, ответил я, – я совершенно здоров.

Помолчали, причем тетушка и Иван Васильевич поглядели на занавеску и обменялись горьким взглядом.

– Зачем изволили пожаловать к Ивану Васильевичу?

– Леонтий Сергеевич, – отозвался Иван Васильевич, – пьесу мне принес.

– Чью пьесу? – спросила старушка, глядя на меня печальными глазами.

– Леонтий Сергеевич сам сочинил пьесу!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– А зачем? – тревожно спросила Настасья Ивановна.

– Как зачем?.. Гм... гм...

– Разве уж и пьес не стало? – ласково-укоризненно спросила Настасья Ивановна. – Какие хорошие пьесы есть. И сколько их! Начнешь играть – в двадцать лет всех не переиграешь. Зачем же вам тревожиться сочинять?

Она была так убедительна, что я не нашелся что сказать.

Но Иван Васильевич побарабанил и сказал:

– Леонтий Леонтьевич современную пьесу сочинил!

Тут старушка встревожилась.

– Мы против властей не бунтуем, – сказала она.

– Зачем же бунтовать, – поддержал ее я.

– А «Плоды просвещения» вам не нравятся? – тревожно-робко спросила Настасья Ивановна. – А ведь какая хорошая пьеса. И Милочке роль есть... – Она вздохнула, поднялась. – Поклон батюшке, пожалуйста, передайте.

– Батюшка Сергея Сергеевича умер, – сообщил Иван Васильевич.

– Царство небесное, – сказала старушка вежливо, – он, чай, не знает, что вы пьесы сочиняете? А отчего умер?

– Не того доктора пригласили, – сообщил Иван Васильевич. – Леонтий Пафнутьевич мне рассказал эту горестную историю.

– А ваше-то имечко как же, я что-то не пойму, – сказала Настасья Ивановна, – то Леонтий, то Сергей! Разве уж и имена позволяют менять? У нас один фамилию переменял. Теперь и разбери-ко, кто он такой!

– я – Сергей Леонтьевич, – сказал я сиплым голосом.

– Тысячу извинений, – воскликнул Иван Васильевич, – это я спутал!

– Ну, не буду мешать, – отозвалась старушка.

– Кота надо высечь, – сказал Иван Васильевич, – это не кот, а бандит. Нас вообще бандиты одолели, – заметил он интимно, – уж не знаем, что и делать!

Вместе с надвигающимися сумерками наступила и катастрофа.

Я прочитал:

– «Бахтин (Петрову). Ну, прощай! Очень скоро ты придешь за мною...

Петров. Что ты делаешь?!

Бахтин (стреляет себе в висок, падает, вдали послышалась гармония...).

– Вот это напрасно! – воскликнул Иван Васильевич. – Зачем это? Это надо вычеркнуть, не медля ни секунды. Помилуйте! Зачем же стрелять?

– Но он должен кончить самоубийством, – кашлянув, ответил я.

– И очень хорошо! Пусть кончит и пусть заколется кинжалом!

– Но, видите ли, дело происходит в гражданскую войну... Кинжалы уже не применялись...

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Нет, применялись, – возразил Иван Васильевич, – мне рассказывал этот... как его... забыл... что применялись... Вы вычеркните этот выстрел!..

Я промолчал, совершая грустную ошибку, и прочитал дальше:

– «(...моника и отдельные выстрелы. На мосту появился человек, с винтовкой в руке. Луна...)».

– Боже мой! – воскликнул Иван Васильевич. – Выстрелы! Опять выстрелы! Что за бедствие такое! Знаете что, Лео... знаете что, вы эту сцену вычеркните, она лишняя.

– Я считал, – сказал я, стараясь говорить как можно мягче, – эту сцену главной... Тут, видите ли...

– Форменное заблуждение! – отрезал Иван Васильевич. – Эта сцена не только не главная, но ее вовсе не нужно. Зачем это? Ваш этот, как его?..

– Бахтин.

– Ну да... ну да, вот он закололся там вдаль, – Иван Васильевич махнул рукой куда-то очень далеко, – а приходит домой другой и говорит матери – Бехтеев закололся!

– Но матери нет, – сказал я, ошеломленно глядя на стакан с крышечкой.

– Нужно обязательно! Вы напишите ее. Это нетрудно. Сперва кажется, что трудно – не было матери, и вдруг она есть, – но это заблуждение, это очень легко. И вот старушка рыдает дома, а который принес известие... Назовите его Иванов...

– Но ведь Бахтин герой! У него монологи на мосту... Я полагал...

– А Иванов и скажет все его монологи!.. У вас хорошие монологи, их нужно сохранить. Иванов и скажет – вот Петя закололся и перед смертью сказал то-то, то-то и то-то... Очень сильная сцена будет.

– Но как же быть, Иван Васильевич, ведь у меня же на мосту массовая сцена... там столкнулись массы...

– А они пусть за сценой столкнутся. Мы этого видеть не должны ни в коем случае. Ужасно, когда они на сцене сталкиваются! Ваше счастье, Сергей Леонтьевич, – сказал Иван Васильевич, единственный раз попав правильно, – что вы не изволите знать некоего Мишу Панина!.. (Я похолодел.) Это, я вам скажу, удивительная личность! Мы его держим на черный день, вдруг что-нибудь случится, тут мы его и пустим в ход... Вот он нам пьесочку тоже доставил, удружил, можно сказать, – «Стенька Разин». Я приехал в театр, подъезжаю, издали еще слышу, окна были раскрыты, – грохот, свист, крики, ругань, и палат из ружей! Лошадь едва не понесла, я думал, что бунт в театре! Ужас! Оказывается, это Стриж репетирует! Я говорю Августе Авдеевне: вы, говорю, куда же смотрели? Вы, спрашиваю, хотите, чтобы меня расстреляли самого? А ну как Стриж этот спалит театр, ведь меня по головке не погладят, не правда ли-с? Августа Авдеевна, на что уж доблестная женщина, отвечает: «Казните меня, Иван Васильевич, ничего со Стрижом сделать не могу!» Этот Стриж – чума у нас в театре. Вы, если его увидите, за версту от него бегите куда глаза глядят. (Я похолодел.) Ну конечно, это все с благословения некоего Аристарха Платоныча, ну его вы не знаете, слава Богу! А вы – выстрелы! За эти выстрелы знаете, что может быть? Ну-с, продолжимте.

И мы продолжили, и, когда уже стало темнеть, я осипшим голосом произнес: «Конец!»

И вскоре ужас и отчаяние охватили меня, и показалось мне, что я построил домик и лишь только в него переехал, как рухнула крыша.

– Очень хорошо, – сказал Иван Васильевич по окончании чтения, – теперь вам надо начать работать над этим материалом.

Я хотел вскрикнуть:

«Как?!»

Но не вскрикнул.

И Иван Васильевич, все более входя во вкус, стал подробно рассказывать, как работать над этим материалом. Сестру, которая была в пьесе, надлежало превратить в мать. Но так как у сестры был жених, а у пятидесятипятилетней матери (Иван Васильевич тут же окрестил ее Антониной) жениха, конечно, быть не могло, то у меня вылетала из пьесы целая роль, да, главное, которая мне очень нравилась.

Сумерки лезли в комнату. Побывала фельдшерница, и опять принял Иван Васильевич какие-то капли. Потом какая-то сморщенная старушка принесла настольную лампочку, и стал вечер.

В голове у меня начался какой-то кавардак. Стучали молоты в виске. От голода у меня что-то взмывало внутри, и перед глазами скашивалась временами комната. Но, главное, сцена на мосту улетала, а с нею улетал и мой герой.

Нет, пожалуй, самым главным было то, что совершается, по-видимому, какое-то недоразумение. Перед моими глазами всплывала вдруг афиша, на которой пьеса уже стояла, в кармане хрустел, как казалось мне, последний непроеденный червонец из числа полученных за пьесу, Фома Стриж как будто стоял за спиной и уверял, что пьесу выпустит через два месяца, а здесь было совершенно ясно, что пьесы вообще никакой нет и что ее нужно сочинить с самого начала и до конца заново. В диком хороводе передо мною танцевал Миша Панин, Евлампия, Стриж, картинки из предбанника, но не было пьесы.

Но дальше произошло совсем уже непредвиденное и даже, как мне казалось, невысказанное.

Показав (и очень хорошо показав), как закаляется Бахтин, которого Иван Васильевич прочно окрестил Бехтеевым, он вдруг закричал и повел такую речь:

– Вот вам бы какую пьесу сочинить... Колоссальные деньги можете заработать в один миг. Глубокая психологическая драма... Судьба артистки. Будто бы в некоем царстве живет артистка, и вот шайка врагов ее травит, преследует и жить не дает... А она только воссылает моления за своих врагов...

«И скандалы устраивает», – вдруг в приливе неожиданной злобы подумал я.

– Богу воссылает моления, Иван Васильевич?

Этот вопрос озадачил Ивана Васильевича. Он покряхтел и ответил:

– Богу?... Гм... гм... Нет, ни в коем случае. Богу вы не пишете... Не Богу, а... искусству, которому она глубочайше предана. А травит ее шайка злодеев, и подзуживает эту шайку некий волшебник Черномор. Вы напишите, что он в Африку уехал и передал свою власть некоей даме Икс. Ужасная женщина. Сидит за конторкой и на все способна. Сядете с ней чай пить, внимательно смотрите, а то она вам такого сахара положит в чаек...

«Батюшки, да ведь это он про Торопецкую!» – подумал я.

– ...что вы хлебнете да ноги и протянете. Она да еще ужасный злодей Стриж... то есть, я... один режиссер...

Я сидел, тупо глядя на Ивана Васильевича. Улыбка постепенно сползала с его лица, и я вдруг увидел, что глаза у него совсем не ласковые.

– Вы, как видно, упрямый человек, – сказал он весьма мрачно и пожевал губами.

– Нет, Иван Васильевич, но просто я далек от артистического мира и...

– А вы его изучите! Это очень легко. У нас в театре такие персонажи, что только любуйтесь на них... Сразу полтора акта пьесы готовы! Такие расхаживают, что так

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
и ждешь, что он или сапоги из уборной стянет, или финский нож вам в спину
всадит...

– Это ужасно, – произнес я больным голосом и тронул висок.

– Я вижу, что вас это не увлекает... Вы человек неподатливый! Впрочем, ваша пьеса тоже хорошая, – молвил Иван Васильевич, пытливо всматриваясь в меня, – теперь только стоит ее сочинить, и все будет готово...

На гнущихся ногах, со стуком в голове я выходил и с озлоблением глянул на черного Островского. Я что-то бормотал, спускаясь по скрипучей деревянной лестнице, и ставшая ненавистной пьеса оттягивала мне руки.

Ветер рванул с меня шляпу при выходе во двор, и я поймал ее в луже. Бабьего лета не было и в помине. Дождь брызгал косыми струями, под ногами хлюпало, мокрые листья срывались с деревьев в саду. Текло за воротник.

Шепча какие-то бессмысленные проклятия жизни, себе, я шел, глядя на фонари, тускло горящие в сетке дождя.

На углу какого-то переулочка слабо мерцал огонек в киоске. Газеты, придавленные кирпичами, мокли на прилавке, и неизвестно зачем я купил журнал «Лик Мельпомены» с нарисованным мужчиной в трико в обтяжку, с перышком в шапочке и наигранными подрисованными глазами.

Удивительно омерзительной показалась мне моя комната. Я швырнул разбухшую от воды пьесу на пол, сел к столу и придавил висок рукой, чтобы он утих. Другой рукой я отщипывал кусочки черного хлеба и жевал их.

Сняв руку с виска, я стал перелистывать отсыревший «Лик Мельпомены». Видна была какая-то девица в фижмах, мелькнул заголовок «Обратить внимание», другой – «Распоясавшийся тенор ди грация», и вдруг мелькнула моя фамилия. Я до такой степени удивился, что у меня даже прошла голова. Вот фамилия мелькнула еще и еще, а потом мелькнул и Лопе де Вега. Сомнений не было, передо мною был фельетон «Не в свои сани», и героем этого фельетона был я. Я забыл, в чем была суть фельетона. Помнится смутно его начало:

«На Парнасе было скучно.

– Чтой-то новенького никого нет, – зевая сказал Жан-Батист Мольер.

– Да, скучновато, – отозвался Шекспир...»

Помнится, дальше открывалась дверь, и входил я – черноволосый молодой человек с толстейшей драмой под мышкой.

Надо мною смеялись, в этом не было сомнений, – смеялись злобно все. И Шекспир, и Лопе де Вега, и ехидный Мольер, спрашивающий меня, не написал ли я чего-либо вроде «Тартюфа», и Чехов, которого я по книгам принимал за деликатнейшего человека, но резвее всех издевался автор фельетона, которого звали Волкодав.

Смешно вспоминать теперь, но озлобление мое было безгранично. Я расхаживал по комнате, чувствуя себя оскорбленным безвинно, напрасно, ни за что ни про что.

Дикие мечтания о том, чтобы застрелить Волкодава, перемежались недоуменными размышлениями о том, в чем, же я виноват?

– Это афиша! – шептал я. – Но я разве ее сочинял? Вот тебе! – шептал я, и мне мерещилось, как, заливаясь кровью, передо мною валится Волкодав на пол.

Тут запахло табачным нагаром из трубки, дверь скрипнула, и в комнате оказался Ликоспастов в мокром плаще.

– Читал? – спросил он радостно. – Да, брат, поздравляю, продернули. Ну, что ж поделаешь – назвался груздем, полезай в кузов. Я, как увидел, пошел к тебе, надо

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
навестить друга, – и он повесил стоящий колом плащ на гвоздик.

– Кто этот Волкодав? – глухо спросил я.

– А зачем тебе?

– Ах, ты знаешь?..

– Да ведь ты же с ним знаком.

– Никакого Волкодава не знаю!

– Ну как же не знаешь! Я же тебя и познакомил... Помнишь, на улице... Еще афиша эта смешная... Софокл...

Тут я вспомнил задумчивого толстяка, глядевшего на мои волосы... «Черные волосы!..»

– Что же я этому сукину сыну сделал? – спросил я запальчиво.

Ликоспастов покачал головой.

– Э, брат, нехорошо, нехо-ро-шо... Тебя, как я вижу, гордыня совершенно обуяла. Что же это, уж и слова никто про тебя не смеет сказать? Без критики не проживешь.

– Какая это критика?! Он издевается... Кто он такой?

– Он драматург, – ответил Ликоспастов, – пять пьес написал. И славный малый, ты зря злишься. Ну, конечно, обидно ему немного. Всем обидно...

– Да ведь не я же сочинял афишу? Разве я виноват в том, что у них в репертуаре Софокл и Лопе де Вега... и...

– Ты все-таки не Софокл, – злобно ухмыльнувшись, сказал Ликоспастов, – я, брат, двадцать пять лет пишу, – продолжал он, – однако вот в Софоклы не попал, – он вздохнул.

Я почувствовал, что мне нечего говорить в ответ Ликоспастову. Нечего! Сказать так: «Не попал, потому что ты писал плохо, а я хорошо!» Можно ли так сказать, я вас спрашиваю? Можно?

Я молчал, а Ликоспастов продолжал:

– Конечно, в общественности эта афиша вызвала волнение. Меня уж многие расспрашивали. Огорчает афишка-то! Да я, впрочем, не спорить пришел, а, узнав про вторую беду твою, пришел утешить, потолковать с другом...

– Какую такую беду?!

– Да ведь Ивану-то Васильевичу пьеска не понравилась, – сказал Ликоспастов, и глаза его сверкнули, – читал ты, говорят, сегодня?

– Откуда это известно?!

– Слухом земля полнится, – вздохнув, сказал Ликоспастов, вообще любивший говорить пословицами и поговорками. – Ты Настасью Ивановну Колдыбаеву знаешь? – и, не дождавшись моего ответа, продолжал: – Почтенная дама, тетушка Ивана Васильевича. Вся Москва ее уважает, на нее молились в свое время. Знаменитая актриса была! А у нас в доме живет портниха, Ступина Анна. Она сейчас была у Настасьи Ивановны, только что пришла. Настасья Иванна ей рассказывала. Был, говорит, сегодня у Ивана Васильевича новый какой-то, пьесу читал, черный такой, как жук (я сразу догадался, что это ты). Не понравилось, говорит, Ивану Васильевичу. Так-то. А ведь говорил я тебе тогда, помнишь, когда ты читал? Говорил, что третий акт сделан легковесно, поверхностно сделан, ты извини, я тебе пользы желаю. Не послушался ведь ты! Ну, а Иван Васильевич, он, брат, дело понимает, от него не скроешься, сразу разобрался. Ну, а раз ему не нравится, стало быть, пьеска не пойдет. Вот и выходит, что останешься ты с афишкой на руках. Смеяться будут, вот тебе и Эврипид! Да, говорит Настасья Ивановна, что ты

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru и надерзил Ивану Васильевичу? Расстроил его? Он тебе стал советы подавать, а ты в ответ, говорит Настасья Иванна, – фырк! Фырк! Ты меня прости, но это слишком! Не по чину берешь! Не такая уж, конечно, ценность (для Ивана Васильевича) твоя пьеса, чтобы фыркать...

– Пойдем в ресторанчик, – тихо сказал я, – не хочется мне дома сидеть. Не хочется.

– Понимаю! Ах, как понимаю! – воскликнул Ликоспастов. – С удовольствием. Только вот... – он беспокойно порылся в бумажнике.

– У меня есть.

Примерно через полчаса мы сидели за запятнанной скатертью у окошка ресторана «Неаполь». Приятный блондин хлопотал, уставляя столик кой-какою закуской, говорил ласково, огурцы называл «огурчики», икру – «икоркой, понимаю», и так от него стало тепло и уютно, что я забыл, что на улице беспросветная мгла, и даже перестало казаться, что Ликоспастов змея.

Глава 13

Я ПОЗНАЮ ИСТИНУ

Ничего нет хуже, товарищи, чем малодушие и неуверенность в себе. Они-то и привели меня к тому, что я стал задумываться – уж не надо ли, в самом деле, сестру-невесту превратить в мать?

«Не может же, в самом деле, – рассуждал я сам с собою, – чтобы он говорил так зря? Ведь он понимает в этих делах!»

И, взяв в руки перо, я стал что-то писать на листе. Сознаюсь откровенно: получилась какая-то белиберда. Самое главное было в том, что я возненавидел непрощеную мать Антонину настолько, что, как только она появлялась на бумаге, стискивал зубы. Ну, конечно, ничего и выйти не могло. Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому братья за перо – вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте.

«Так и знайте!» – прохрипел я и, изодрав лист в клочья, дал себе слово в театр не ходить. Мучительно трудно было это исполнить. Мне же все-таки хотелось знать, чем это кончится? «Нет, пусть они меня позовут!» – думал я.

Однако прошел день, прошел другой, три дня, неделя – не зовут. «Видно, прав был негодяй Ликоспастов, – думал я, – не пойдет у них пьеса. Вот тебе и афиша, и „Сети Фенизы“! Ах, как мне не везет!»

Свет не без добрых людей, скажу я, подражая Ликоспастову. Как-то постучали ко мне в комнату, и вошел Бомбардов. Я обрадовался ему до того, что у меня зачесались глаза.

– Всего этого следовало ожидать, – говорил Бомбардов, сидя на подоконнике и постукивая ногой в паровое отопление, – так и вышло. Ведь я же вас предупредил?

– Но подумайте, подумайте, Петр Петрович! – восклицал я. – Как же не читать выстрел? Как же его не читать?!

– Ну, вот и прочитали! Пожалуйста, – сказал жестко Бомбардов.

– Я не расстанусь со своим героем, – сказал я злобно.

– А вы бы и не расстались...

– Позвольте!

И я, захлебываясь, рассказал Бомбардову про все: и про мать, и про Петю, который должен был завладеть дорогими монологами героя, и про кинжал, выведивший меня в особенности из себя.

- Как вам нравятся такие проекты? – запальчиво спросил я.
- Бред, – почему-то оглянувшись, ответил Бомбардов.
- Ну, так!..
- Вот и нужно было не спорить, – тихо сказал Бомбардов, – а отвечать так: очень вам благодарен, Иван Васильевич, за ваши указания, я непременно постараюсь их исполнить. Нельзя возражать, понимаете вы или нет? На Сивцев Вражке не возражают.
- То есть как это?! Никто и никогда не возражает?
- Никто и никогда, – отстукивая каждое слово, ответил Бомбардов, – не возражал, не возражает и возражать не будет.
- Что бы он ни говорил?
- Что бы ни говорил.
- А если он скажет, что мой герой должен уехать в Пензу? Или что эта мать Антонина должна повеситься? Или что она поет контральтовым голосом? Или что эта печка черного цвета? Что я должен ответить на это?
- Что печка эта черного цвета.
- Какая же она получится на сцене?
- Белая, с черным пятном.
- Что-то чудовищное, неслыханное!..
- Ничего, живем, – ответил Бомбардов.
- Позвольте! Неужели же Аристарх Платонович не может ничего ему сказать?
- Аристарх Платонович не может ему ничего сказать, так как Аристарх Платонович не разговаривает с Иваном Васильевичем с тысяча восемьсот восемьдесят пятого года.
- Как это может быть?
- Они поссорились в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году и с тех пор не встречаются, не говорят друг с другом даже по телефону.
- У меня кружится голова! Как же стоит театр?
- Стоит, как видите, и прекрасно стоит. Они разграничили сферы. Если, скажем, Иван Васильевич заинтересовался вашей пьесой, то к ней уж не подойдет Аристарх Платонович, и наоборот. Стало быть, нет той почвы, на которой они могли бы столкнуться. Это очень мудрая система.
- Господи! И, как назло, Аристарх Платонович в Индии. Если бы он был здесь, я бы к нему обратился... – Гм, – сказал Бомбардов и поглядел в окно.
- Ведь нельзя же иметь дело с человеком, который никого не слушает!
- Нет, он слушает. Он слушает трех лиц: Гавриила Степановича, тетушку Настасью Ивановну и Августу Авдеевну. Вот три лица на земном шаре, которые могут иметь влияние на Ивана Васильевича. Если же кто-либо другой, кроме указанных лиц, вздумает повлиять на Ивана Васильевича, он добьется только того, что Иван Васильевич поступит наоборот.
- Но почему?!
- Он никому не доверяет.

– Но это же страшно!

– У всякого большого человека есть свои фантазии, – примирительно сказал Бомбардов.

– Хорошо. Я понял и считаю положение безнадежным. Раз для того, чтобы пьеса моя пошла на сцене, ее необходимо искорежить так, что в ней пропадает всякий смысл, то и не нужно, чтобы она шла! Я не хочу, чтобы публика, увидев, как человек двадцатого века, имеющий в руках револьвер, закалывается кинжалом, тыкала бы в меня пальцами!

– Она бы не тыкала, потому что не было бы никакого кинжала. Ваш герой застрелился бы, как и всякий нормальный человек.

Я притих.

– Если бы вы вели себя тихо, – продолжал Бомбардов, – слушались бы советов, согласились бы и с кинжалом, и с Антониной, то не было бы ни того, ни другого. На все существуют свои пути и приемы.

– Какие же это приемы?

– Их знает Миша Панин, – гробовым голосом ответил Бомбардов.

– А теперь, значит, все погибло? – тоскуя, спросил я.

– Трудновато, трудновато, – печально ответил Бомбардов.

Прошла еще неделя, из театра не было никаких известий. Рана моя стала постепенно затягиваться, и единственно, что было нестерпимо, это посещение «Вестника пароходства» и необходимость сочинять очерки.

Но вдруг... О, это проклятое слово! Уходя навсегда, я уношу в себе неодолимый, малодушный страх перед этим словом. Я боюсь его так же, как слова «сюрприз», как слов «вас к телефону», «вам телеграмма» или «вас просят в кабинет». Я слишком хорошо знаю, что следует за этими словами.

Итак, вдруг и совершенно внезапно появился в моих дверях Демьян Кузьмич, расшаркался и вручил мне приглашение пожаловать завтра в четыре часа дня в театр.

Завтра не было дождя. Завтра был день с крепким осенним заморозком. Стуча каблуками по асфальту, волнуясь, я шел в театр.

Первое, что бросилось мне в глаза, это извозчичья лошадь, раскормленная, как носорог, и сухой старичок на козлах. И неизвестно почему, я понял мгновенно, что это Дрыкин. От этого я взволновался еще больше. Внутри театра меня поразило некоторое возбуждение, которое сказывалось во всем. У Фили в конторе никого не было, а все его посетители, то есть, вернее, наиболее упрямые из них, томилась во дворе, ежась от холода и изредка поглядывая в окно. Некоторые даже постукивали в окошко, но безрезультатно. Я постучал в дверь, она приоткрылась, мелькнул в щели глаз Баквалина, я услышал голос Фили:

– Немедленно впустить!

И меня впустили. Томящиеся на дворе сделали попытку проникнуть за мною следом, но дверь закрылась. Грохнувшись с лесенки, я был поднят Баквалиным и попал в контору. Фили не сидел на своем месте, а находился в первой комнате. На Филе был новый галстук, как и сейчас помню – с крапинками; Фили был выбрит как-то необыкновенно чисто.

Он приветствовал меня как-то особенно торжественно, но с оттенком некоторой грусти. Что-то в театре совершалось, и что-то, я чувствовал, как чувствует, вероятно, бык, которого ведут на заклание, важное, в чем я, вообразите, играю главную роль.

Это почувствовалось даже в короткой фразе Фили, которую он направил тихо, но повелительно Баквалину:

– Пальто примите!

Поразили меня курьеры и капельдинеры. Ни один из них не сидел на месте, а все они находились в состоянии беспокойного движения, непосвященному человеку совершенно непонятного. Так, Демьян Кузьмин рысцой пробежал мимо меня, обгоняя меня, и поднялся в бельэтаж бесшумно. Лишь только он скрылся из глаз, как из бельэтажа выбежал и вниз сбежал Кусков, тоже рысью и тоже пропал. В сумеречном нижнем фойе протрусил Клюквин и неизвестно зачем задернул занавеску на одном из окон, а остальные оставил открытыми и бесследно исчез.

Баквалин пронесся мимо по беззвучному солдатскому сукну и исчез в чайном буфете, а из чайного буфета выбежал Пакин и скрылся в зрительном зале.

– Наверх, пожалуйста, со мною, – говорил мне Филя, вежливо провожая меня.

Мы шли наверх. Еще кто-то пролетел беззвучно мимо и поднялся в ярус. Мне стало казаться, что вокруг меня бегают тени умерших.

Когда мы безмолвно подходили уже к дверям предбанника, я увидел Демьяна Кузьмича, стоящего у дверей. Какая-то фигурка в пиджачке устремилась было к двери, но Демьян Кузьмич тихонько взвизгнул и распялся на двери крестом, и фигурка шархнула, и ее размыло в сумерках на лестнице.

– Пропустить! – шепнул Филя и исчез.

Демьян Кузьмич навалился на дверь, она пропустила меня и... еще дверь, я оказался в предбаннике, где сумерек не было. У Торопецкой на конторке горела лампа. Торопецкая не писала, а сидела, глядя в газету. Мне она кивнула головой.

А у дверей, ведущих в кабинет дирекции, стояла Менажраки в зеленом джемпере, с бриллиантовым крестиком на шее и с большой связкой блестящих ключей на кожаном лакированном поясе.

Она сказала «сюда», и я попал в ярко освещенную комнату.

Первое, что заметилось, – драгоценная мебель карельской березы с золотыми украшениями, такой же гигантский письменный стол и черный Островский в углу. Под потолком пылала люстра, на стенах пылали кенкеты. Тут мне померещилось, что из рам портретной галереи вышли портреты и надвинулись на меня. Я узнал Ивана Васильевича, сидящего на диване перед круглым столиком, на котором стояло варенье в вазочке. Узнал Княжевича, узнал по портретам еще нескольких лиц, в том числе необыкновенной представительности даму в алой блузе, в коричневом, усеянном, как звездами, пуговицами жакете, поверх которого был накинута соболый мех. Маленькая шляпка лихо сидела на седеющих волосах дамы, глаза ее сверкали под черными бровями и сверкали пальцы, на которых были тяжелые бриллиантовые кольца.

Были, впрочем, в комнате и лица, не вошедшие в галерею. У спинки дивана стоял тот самый врач, что спасал во время припадка Милочку Пряжину, и также держал теперь в руках рюмку, а у дверей стоял с тем же выражением горя на лице буфетчик.

Большой круглый стол в стороне был покрыт невиданной по белизне скатертью. Огни играли на хрустале и фарфоре, огни мрачно отражались в нарзанных бутылках, мелькнуло что-то красное, кажется, кетовая икра. Большое общество, раскинувшись в креслах, шевельнулось при моем входе, и в ответ мне были отвешены поклоны.

– А! лео!.. – начал было Иван Васильевич.

– Сергей Леонтьевич, – быстро вставил Княжевич.

– Да... Сергей Леонтьевич, милости просим! Присаживайтесь, покорнейше прошу! – И Иван Васильевич крепко пожал мне руку. – Не прикажете ли закусить чего-нибудь? Может быть, угодно пообедать или позавтракать? Прошу без церемоний! Мы подождем. Ермолай Иванович у нас кудесник, стоит только сказать ему и... Ермолай Иванович, у нас найдется что-нибудь пообедать?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Кудесник Ермолай Иванович в ответ на это поступил так: закатил глаза под лоб, потом вернул их на место и послал мне молящий взгляд.

– Или, может быть, какие-нибудь напитки? – продолжал угощать меня Иван Васильевич. – Нарзану? Ситро? Клюквенного морсу? Ермолай Иванович! – сурово сказал Иван Васильевич. – У нас достаточные запасы клюквы? Прошу вас строжайше проследить за этим.

Ермолай Иванович в ответ улыбнулся застенчиво и повесил голову.

– Ермолай Иванович, впрочем... гм... гм... маг. В самое отчаянное время он весь театр поголовно осетриной спас от голоду! Иначе все бы погибли до единого человека. Актеры его обожают!

Ермолай Иванович не возгордился описанным подвигом, и, напротив, какая-то мрачная тень легла на его лицо.

Ясным, твердым, звучным голосом я сообщил, что и завтракал, и обедал, и отказался в категорической форме и от нарзана, и клюквы.

– Тогда, может быть, пирожное? Ермолай Иванович известен на весь мир своими пирожными!..

Но я еще более звучным и сильным голосом (впоследствии Бомбардов, со слов присутствующих, изображал меня, говоря: «Ну и голос, говорят, у вас был!» – «А что?» – «Хриплый, злобный, тонкий...») отказался и от пирожных.

– Кстати, о пирожных, – вдруг заговорил бархатным басом необыкновенно изящно одетый и причесанный блондин, сидящий рядом с Иваном Васильевичем, – помнится, как-то мы собрались у Пручевина. И приезжает сюрпризом великий князь Максимилиан Петрович... Мы обхохотались... Вы Пручевина ведь знаете, Иван Васильевич? Я вам потом расскажу этот комический случай.

– Я знаю Пручевина, – ответил Иван Васильевич, – величайший жулик. Он родную сестру донага раздел... Ну-с.

Тут дверь впустила еще одного человека, не входящего в галерею, – именно Мишу Панина. «Да, он застрелил...» – подумал я, глядя на лицо Миши.

– А! Почтеннейший Михаил Алексеевич! – вскричал Иван Васильевич, простирая руки к вошедшему. – Милости просим! Пожалуйста в кресло. Позвольте вас познакомиться, – отнесся Иван Васильевич ко мне, – это наш драгоценный Михаил Алексеевич, исполняющий у нас важнейшие функции. А это...

– Сергей Леонтьевич! – весело вставил княжевич.

– Именно он!

Не говоря ничего о том, что мы уже знакомы, и не отказываясь от этого знакомства, мы с Мишей просто пожали руки друг другу.

– Ну-с, приступим! – объявил Иван Васильевич, и все глаза уставились на меня, отчего меня передернуло. – Кто желает высказаться? Ипполит Павлович!

Тут необыкновенно представительный и с большим вкусом одетый человек с кудрями вороного крыла вдел в глаз монокль и устремил на меня свой взор. Потом налил себе нарзану, выпил стакан, вытер рот шелковым платком, поколебался – выпить ли еще, выпил второй стакан и тогда заговорил.

У него был чудесный, мягкий, наигранный голос, убедительный и прямо доходящий до сердца.

– Ваш роман, ле... Сергей Леонтьевич? Не правда ли? Ваш роман очень, очень хорош... В нем... э... как бы выразиться, – тут оратор покосился на большой стол, где стояли нарзанные бутылки, и тотчас Ермолай Иванович просеменил к нему и подал ему свежую бутылку, – исполнен психологической глубины, необыкновенно

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
верно очерчены персонажи... Э... Что же касается описания природы, то в них вы достигли, я бы сказал, почти тургеневской высоты! – Тут нарзан вскипел в стакане, и оратор выпил третий стакан и одним движением брови выбросил монокль из глаза.

– Эти, – продолжал он, – описания южной природы... Э... звездные ночи, украинские... потом шумящий Днепр... Э... как выразился Гоголь... Э... Чуден Днепр, как вы помните... а запахи акации... Все это сделано у вас мастерски...

Я оглянулся на Мишу Панина – тот съехался затравленно в кресле, и глаза его были страшны.

– В особенности... Э... впечатляет это описание рощи... серебристых тополей листы... вы помните?

– У меня до сих пор в глазах эти картины ночи на Днепре, когда мы ездили в поездку! – сказала контрастьто дама в соболях.

– Кстати о поездке, – отозвался бас рядом с Иваном Васильевичем и посмеялся, – преппикантный случай вышел тогда с генерал-губернатором Дукасовым. Вы помните его, Иван Васильевич?

– Помню. Страшнейший обжора! – отозвался Иван Васильевич. – Но продолжайте.

– Ничего, кроме комплиментов... Э... Э... по адресу вашего романа сказать нельзя... но... вы меня простите... сцена имеет свои законы!

Иван Васильевич ел варенье, с удовольствием слушая речь Ипполита Павловича.

– Вам не удалось в вашей пьесе передать весь аромат вашего юга, этих знойных ночей. Роли оказались психологически недочерченными, что в особенности сказалось на роли Бахтина... – Тут оратор почему-то очень обиделся, даже попытал губами: – П... п... и я... Э... не знаю, – оратор похлопал ребрышком монокля по тетрадке, и я узнал в ней мою пьесу, – ее играть нельзя... простите, – уж совсем обиженно закончил он, – простите!

Тут мы встретились взорами. И в моем говоривший прочитал, я полагаю, злобу и изумление.

Дело в том, что в романе моем не было ни акаций, ни серебристых тополей, ни шумящего Днепра, ни... словом, ничего этого не было.

«Он не читал! Он не читал моего романа, – гудело у меня в голове, – а между тем позволяет себе говорить о нем? Он плетет что-то про украинские ночи... Зачем они меня сюда позвали?!»

– Кто еще желает высказаться? – бодро спросил, оглядывая всех, Иван Васильевич.

Наступило натянутое молчание. Высказываться никто не пожелал. Только из угла донесся голос:

– Эхо-хо...

Я повернул голову и увидел в углу полного пожилого человека в темной блузе. Его лицо мне смутно припомнилось на портрете... Глаза его глядели мягко, лицо вообще выражало скуку, давнюю скуку. Когда я глянул, он отвел глаза.

– Вы хотите сказать, Федор Владимирович? – отнесся к нему Иван Васильевич.

– Нет, – ответил тот.

Молчание приобрело странный характер.

– А может быть, вам что-нибудь угодно?.. – обратился ко мне Иван Васильевич.

Вовсе не звучным, вовсе не бодрым, вовсе не ясным, я и сам это понимаю, голосом я сказал так:

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Насколько я понял, пьеса моя не подошла, и я прошу вернуть мне ее.

Эти слова вызвали почему-то волнение. Кресла задвигались, ко мне наклонился из-за спины кто-то и сказал:

– Нет, зачем же так говорить? Виноват!

Иван Васильевич посмотрел на варенье, а потом изумленно на окружающих.

– Гм... гм... – и он забарабанил пальцами, – мы дружественно говорим, что играть вашу пьесу – это значит причинить вам ужасный вред! Ужасающий вред. В особенности, если за нее примется Фома Стриж. Вы сами жизни будете не рады и нас проклянете...

После паузы я сказал:

– В таком случае я прошу вернуть ее мне.

И тут я отчетливо прочел в глазах Ивана Васильевича злобу.

– У нас договорчик, – вдруг раздался голос откуда-то, и тут из-за спины врача показалось лицо Гавриила Степановича.

– Но ведь ваш театр ее не хочет играть, зачем же вам она?

Тут ко мне придвинулось лицо с очень живыми глазами в пенсне, высокий тенорок сказал:

– Неужели же вы ее понесете в театр Шлиппе? Ну, что они там наиграют? Ну, будут ходить по сцене бойкие офицерики. Кому это нужно?

– На основании существующих законоположений и разъяснений ее нельзя давать в театр Шлиппе, у нас договорчик! – сказал Гавриил Степанович и вышел из-за спины врача.

«Что происходит здесь? Чего они хотят?» – подумал я и страшное удушье вдруг ощутил в первый раз в жизни.

– Простите, – глухо сказал я, – я не понимаю. Вы играть ее не хотите, а между тем говорите, что в другой театр я ее отдать не могу. Как же быть?

Слова эти произвели удивительное действие. Дама в соболях обменялась оскорбленным взором с басом на диване. Но страшнее всех было лицо Ивана Васильевича. Улыбка слетела с него, в упор на меня смотрели злые огненные глаза.

– Мы хотим спасти вас от страшного вреда! – сказал Иван Васильевич. – От вернейшей опасности, карающей вас за углом.

Опять наступило молчание и стало настолько томительным, что вынести его больше уж было невозможно.

Поковыряв немного обивку на кресле пальцем, я встал и раскланялся. Мне ответили поклоном все, кроме Ивана Васильевича, глядевшего на меня с изумлением. Боком я добрался до двери, споткнулся, вышел, поклонился Торопецкой, которая одним глазом глядела в «Известия», а другим на меня, Августе Менажраки, принявшей этот поклон сурово, и вышел.

Театр тонул в сумерках. В чайном буфете появились белые пятна – столики накрывали к спектаклю.

Дверь в зрительный зал была открыта, я задержался на несколько мгновений и глянул. Сцена была раскрыта вся, вплоть до кирпичной дальней стены. Сверху спускалась зеленая беседка, увитая плющом, сбоку в громадные открытые ворота рабочие, как муравьи, вносили на сцену толстые белые колонны.

Через минуту меня уже не было в театре.

Ввиду того, что у Бомбардова не было телефона, я послал ему в тот же вечер

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
телеграмму такого содержания:

«Приходите поминки. Без вас сойду с ума, не понимаю».

Эту телеграмму у меня не хотели принимать и приняли лишь после того, как я пригрозил пожаловаться в «Вестник пароходства».

Вечером на другой день мы сидели с Бомбардовым за накрытым столом. Упомянутая мною раньше жена мастера внесла блины.

Бомбардову понравилась моя мысль устроить поминки, понравилась и комната, приведенная в полный порядок.

– Я теперь успокоился, – сказал я после того, как мой гость утолил первый голод, – и желаю только одного – знать, что это было? Меня просто терзает любопытство. Таких удивительных вещей я еще никогда не видал.

Бомбардов в ответ похвалил блины, оглядел комнату и сказал:

– Вам бы нужно жениться, Сергей Леонтьевич. Жениться на какой-нибудь симпатичной, нежной женщине или девице.

– Этот разговор уже описан Гоголем, – ответил я, – не будем же повторяться. Скажите мне, что это было?

Бомбардов пожал плечами.

– Ничего особенного не было, было совещание Ивана Васильевича со старейшинами театра.

– Так-с. Кто эта дама в соболях?

– Маргарита Петровна Таврическая, артистка нашего театра, входящая в группу старейших или основоположников. Известна тем, что покойный Островский в тысяча восемьсот восьмидесятом году, поглядев на игру Маргариты Петровны – она дебютировала, – сказал: «Очень хорошо».

Далее я узнал у моего собеседника, что в комнате были исключительно основоположники, которые были созваны экстреннейшим образом на заседание по поводу моей пьесы, и что Дрыкина известили накануне, и что он долго чистил коня и мыл пролетку карболкой.

Спросивши о рассказчике про великого князя Максимилиана Петровича и обжору генерал-губернатора, узнал, что это самый молодой из всех основоположников.

Нужно сказать, что ответы Бомбардова отличались явной сдержанностью и осторожностью. Заметив это, я постарался нажать своими вопросами так, чтобы добиться все-таки от моего гостя не одних формальных и сухих ответов, вроде «родился тогда-то, имя и отчество такое-то», а все-таки кое-каких характеристик. Меня до глубины души интересовали люди, собравшиеся тогда в комнате дирекции. Из их характеристик должно было сплестись, как я полагал, объяснение их поведения на этом загадочном заседании.

– Так этот Горностаев (рассказчик про генерал-губернатора) актер хороший? – спросил я, наливая вина Бомбардову.

– Угу-у, – ответил Бомбардов.

– Нет, «угу-у» – это мало. Ну, вот, например, насчет Маргариты Петровны известно, что Островский сказал «очень хорошо». Вот уж и какая-то зазубринка! А то что ж «угу-у». Может, Горностаев чем-нибудь себя прославил?

Бомбардов кинул исподтишка на меня настороженный взгляд, помямлил как-то...

– Что бы вам по этому поводу сказать? Гм, гм... – И, осушив свой стакан, сказал:

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Да вот недавно совершенно Горностаев поразил всех тем, что с ним чудо произошло... – И тут начал поливать блин маслом и так долго поливал, что я воскликнул:

– Ради Бога, не тяните!

– Прекрасное вино напारेули, – все-таки вклеил Бомбардов, испытывая мое терпение, и продолжал так: – Было это дельце четыре года тому назад. Раннею весною, и, как сейчас помню, был тогда Герасим Николаевич как-то особенно весел и возбужден. Не к добру, видно, веселился человек! Планы какие-то строил, порывался куда-то, даже помолодел. А он, надо вам сказать, театр любит страстно. Помню, все говорил тогда: «Эх, отстал я несколько, раньше я, бывало, следил за театральной жизнью Запада, каждый год ездил, бывало, за границу, ну, и, натурально, был в курсе всего, что делается в театре в Германии, во Франции! Да, что Франция, даже, вообразите, в Америку с целью изучения театральных достижений заглядывал». – «Так вы, – говорят ему, – подайте заявление да и съездите». Усмехнулся мягкой такой улыбкой. «Ни в коем случае, – отвечает, – не такое теперь время, чтобы заявления подавать! Неужели я допущу, чтобы из-за меня государство тратило ценную валюту? Лучше пусть инженер какой-нибудь съездит или хозяйственник!»

Крепкий, настоящий человек! Нуте-с... (Бомбардов поглядел сквозь вино на свет лампочки, еще раз похвалил вино.) Нуте-с, проходит месяц, настала уже и настоящая весна. Тут и разыгралась беда. Приходит раз Герасим Николаевич к Августе Авдеевне в кабинет. Молчит. Та посмотрела на него, видит, что на нем лица нет, бледен, как салфетка, в глазах траур. «Что с вами, Герасим Николаевич?» «Ничего, – отвечает, – не обращайтесь внимания». Подошел к окну, побарабанил пальцами по стеклу, стал насвистывать что-то очень печальное и знакомое до ужаса. Вслушалась, оказалось – траурный марш Шопена. Не выдержала, сердце у нее по человечеству зануло, пристала: «Что такое? В чем дело?»

Повернулся к ней, криво усмехнулся и говорит: «Поклянитесь, что никому не скажете!» Та, натурально, немедленно поклялась. «Я сейчас был у доктора, и он нашел, что у меня саркома легкого». Повернулся и вышел.

– Да, это штука... – тихо сказал я, и на душе у меня стало скверно.

– Что говорить! – подтвердил Бомбардов. – Ну-с, Августа Авдеевна немедленно под клятвой это Гавриилу Степановичу, тот Ипполиту Павловичу, тот жене, жена Евлампии Петровне; короче говоря, через два часа даже подмастерья в портновском цехе знали, что Герасима Николаевича художественная деятельность кончилась и что венки хоть сейчас можно заказывать. Актеры в чайном буфете через три часа уже толковали, кому передадут роли Герасима Николаевича.

Августа Авдеевна тем временем за трубку и к Ивану Васильевичу. Ровно через три дня звонит Августа Авдеевна к Герасиму Николаевичу и говорит: «Сейчас приеду к вам». И, точно, приезжает. Герасим Николаевич лежит на диване в китайском халате, как смерть сама бледен, но горд и спокоен.

Августа Авдеевна – женщина деловая и прямо на стол красную книжку и чек – бряк!

Герасим Николаевич вздрогнул и сказал: «Вы недобрые люди. Ведь я не хотел этого! Какой смысл умирать на чужбине?»

Августа Авдеевна стойкая женщина и настоящий секретарь! Слова умирающего она пропустила мимо ушей и крикнула: «Фаддей!»

А Фаддей верный, преданный слуга Герасима Николаевича.

И тотчас Фаддей появился.

«Поезд идет через два часа. Плед Герасиму Николаевичу! Белье. Чемодан. Несессер. Машина будет через сорок минут».

Обреченный только вздохнул, махнул рукой.

Есть где-то, не то в Швейцарии на границе, не то не в Швейцарии, словом, в Альпах... – Бомбардов потер лоб, – словом, неважно. На высоте трех тысяч метров

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru над уровнем моря высокогорная лечебница мировой знаменитости профессора Кли. Ездят туда только в отчаянных случаях. Или пан, или пропал. Хуже не будет, а, бывает, случались чудеса. На открытой веранде, в виду снеговых вершин, кладет Кли таких безнадежных, делает им какие-то впрыскивания саркоматина, заставляет дышать кислородом, и, случилось, Кли на год удавалось оттянуть смерть.

Через пятьдесят минут провезли Герасима Николаевича мимо театра по его желанию, и Демьян Кузьмич рассказывал потом, что видел, как тот поднял руку и благословил театр, а потом машина ушла на Белорусско-Балтийский вокзал.

Тут лето наскочило, и пронесся слух, что Герасим Николаевич скончался. Ну, посудачили, посочувствовали... Однако лето... Актеры уж были на отлете, у них поездка начиналась... Так что уж очень большой скорби как-то не было... Ждали, что вот привезут тело Герасима Николаевича... Актеры тем временем разъехались, сезон кончился.

А надо вам сказать, что наш Плисов...

– Это тот симпатичный, с усами? – спросил я. – Который в галерее?

– Именно он, – подтвердил Бомбардов и продолжал: – Так вот он получил командировку в Париж для изучения театральной машинерии. Немедленно, натурально, получил документы и отчалил. Плисов, надо вам сказать, работяга потрясающий и в свой поворотный круг буквально влюблен. Завидовали ему чрезвычайно. Каждому лестно в Париж съездить... «Вот счастливец!» – все говорили. Счастливец он или несчастливец, но взял документики и покатил в Париж, как раз в то время, как пришло известие о кончине Герасима Николаевича. Плисов личность особенная и ухитрился, пробыв в Париже, не увидеть даже Эйфелевой башни. Энтузиаст. Все время просидел в трюмах под сценами, все изучил, что надобно, купил фонари, все честно исполнил. Наконец нужно уж ему и уезжать. Тут решил пройтись по Парижу, хоть глянуть-то на него перед возвращением на родину. Ходил, ходил, ездил в автобусах, объясняясь по преимуществу мычанием, и наконец проголодался, как зверь, заехал куда-то, черт его знает куда. «Дай, – думает, – зайду в ресторанчик, перекушу». Видит – огни. Чувствует, что где-то не в центре, все, по-видимому, недорого. Входит. Действительно, ресторанчик средней руки. Смотрит – и как стоял, так и застыл.

Видит: за столиком, в смокинге, в петлице бутоньерка, сидит покойный Герасим Николаевич, и с ним какие-то две француженки, причем последние прямо от хохоту давятся. А перед ними на столе в вазе со льдом бутылка шампанского и кой-что из фруктов.

Плисов прямо покачнулся у притолоки. «Не может быть! – думает. – Мне показалось. Не может Герасим Николаевич быть здесь и хохотать. Он может быть только в одном месте, на Новодевичьем!»

Стоит, вытаращив глаза на этого, жутко похожего на покойника, а тот поднимается, причем лицо его выразило сперва какую-то как бы тревогу. Плисову даже показалось, что он как бы недоволен его появлением, но потом выяснилось, что Герасим Николаевич просто изумился. И тут же шепнул Герасим Николаевич, а это был именно он, что-то своим француженкам, и те исчезли внезапно.

Очнулся Плисов лишь тогда, когда Герасим Николаевич облобызал его. И тут же все разъяснилось. Плисов только вскрикивал: «Да ну!» – слушая Герасима Николаевича. Ну и действительно чудеса.

Привезли Герасима Николаевича в Альпы эти самые в таком виде, что Кли покачал головой и сказал только: «Гм...» Ну, положили Герасима Николаевича на эту веранду. Впрыснули этот препарат. Кислородную подушку. Вначале больному стало хуже, и хуже настолько, что, как потом признались Герасиму Николаевичу, у Кли насчет завтрашнего дня появились самые неприятные предположения. Ибо сердце сдало. Однако завтрашний день прошел благополучно. Повторили впрыскивание. Послезавтрашний день еще лучше. А дальше – прямо не верится. Герасим Николаевич сел на кушетке, а потом говорит: «Дай-ка я пройдусь». Не только у ассистентов, но у самого Кли глаза стали круглые. Коротко говоря, через день еще Герасим Николаевич ходил по веранде, лицо порозовело, появился аппетит... температура 36,8, пульс нормальный, болей нету и следа.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Герасим Николаевич рассказывал, что на него ходили смотреть из окрестных селений. Врачи приезжали из городов, Кли доклад делал, кричал, что такие случаи бывают раз в тысячу лет. Хотели портрет Герасима Николаевича поместить в медицинских журналах, но он наотрез отказался – «не люблю шумихи!».

Кли же тем временем говорит Герасиму Николаевичу, что делать ему больше в Альпах нечего и что он посылает Герасима Николаевича в Париж для того, чтобы он там отдохнул от пережитых потрясений. Ну вот Герасим Николаевич и оказался в Париже. А француженки, – объяснил Герасим Николаевич, – это двое молодых местных парижских начинающих врачей, которые собирались о нем писать статью. Вот-с какие дела.

– Да, это поразительно! – заметил я. – Я все-таки не понимаю, как же это он выкрутился!

– В этом-то и есть чудо, – ответил Бомбардов, – оказывается, что под влиянием первого же впрыскивания саркома Герасима Николаевича начала рассасываться и рассосалась!

Я всплеснул руками.

– Скажите! – вскричал я. – Ведь этого никогда не бывает!

– Раз в тысячу лет бывает, – отозвался Бомбардов и продолжал: – Но погодите, это не все. Осенью приехал Герасим Николаевич в новом костюме, поправившийся, загоревший – его парижские врачи, после Парижа, еще на океан послали. В чайном буфете прямо гроздьями наши висели на Герасиме Николаевиче, слушая его рассказы про океан, Париж, альпийских врачей и прочее такое. Ну, пошел сезон как обычно, Герасим Николаевич играл, и пристойно играл, и тянулось так до марта... А в марте вдруг приходит Герасим Николаевич на репетицию «Леди Макбет» с палочкой. «Что такое?» – «Ничего, колет почему-то в пояснице». Ну, колет и колет. Поколет – перестанет. Однако же не перестает. Дальше – больше... синим светом – не помогает... Бессонница, спать на спине не может. Начал худеть на глазах. Пантопон. Не помогает! Ну, к доктору, конечно. И вообразите...

Бомбардов сделал умело паузу и такие глаза, что холод прошел у меня по спине.

– И вообразите... доктор посмотрел его, помял, помигал... Герасим Николаевич говорит ему: «Доктор, не тяните, я не баба, видел виды... говорите – она?» Она!! – рывкнул хрипло Бомбардов и залпом выпил стакан. – Саркома возобновилась! Бросилась в правую почку, начала пожирать Герасима Николаевича! Натурально – сенсация. Репетиции к черту, Герасима Николаевича – домой. Ну, на сей раз уж было легче. Теперь уж есть надежда. Опять в три дня паспорт, билет, в Альпы, к Кли. Тот встретил Герасима Николаевича как родного. Еще бы! Рекламу сделала саркома Герасима Николаевича профессору мировую! Опять на веранду, опять впрыскивание – и та же история! Через сутки боль утихла, через двое Герасим Николаевич ходит по веранде, а через три просится у Кли – нельзя ли ему в теннис поиграть! Что в лечебнице творится, уму непостижимо. Больные едут к Кли эшелонами! Рядом второй, как рассказывал Герасим Николаевич, корпус начали пристраивать. Кли, на что сдержанный иностранец, расцеловался с Герасимом Николаевичем троекратно и послал его, как и полагается, отдохнуть, только на сей раз в Ниццу, потом в Париж, а потом в Сицилию.

И опять приехал осенью Герасим Николаевич, – мы как раз вернулись из поездки в Донбасс, – свежий, бодрый, здоровый, только костюм другой, в прошлую осень был шоколадный, а теперь серый в мелкую клетку. Дня три рассказывал о Сицилии и о том, как буржуа в рулетку играют в Монте-Карло. Говорит, что отвратительное зрелище. Опять сезон, и опять к весне та же история, но только в другом месте. Рецидив, но только под левым коленом. Опять Кли, опять на Мадейру, потом в заключение – Париж.

Но теперь уж волнений по поводу вспышек саркомы почти не было. Всем стало понятно, что Кли нашел способ спасения. Оказалось, что с каждым годом под влиянием впрыскиваний устойчивость саркомы понижается, и Кли надеется и даже уверен в том, что еще три-четыре сезона, и организм Герасима Николаевича станет сам справляться с попытками саркомы дать где-нибудь вспышку. И действительно, в позапрошлом году она сказала только легкими болями в гайморовой полости и тотчас у Кли пропала. Но теперь уж за Герасимом Николаевичем строжайшее и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
неослабное наблюдение, и есть боли или нет, но уж в апреле его отправляют.

– Чудо! – сказал я, вздохнув почему-то.

Меж тем пир наш шел горой, как говорится. Затуманились головы от напареули, пошла беседа и живее и, главное, откровеннее. «Ты очень интересный, наблюдательный, злой человек, – думал я о Бомбардове, – и нравишься мне чрезвычайно, но ты хитер и скрытен, и таким сделала тебя твоя жизнь в театре...»

– Не будьте таким! – вдруг попросил я моего гостя. – Скажите мне, ведь сознаюсь вам – мне тяжело... Неужели моя пьеса так плоха?

– Ваша пьеса, – сказал Бомбардов, – хорошая пьеса. И точка.

– Почему же, почему же произошло все это странное и страшное для меня в кабинете? Пьеса не понравилась им?

– Нет, – сказал Бомбардов твердым голосом, – наоборот. Все произошло именно потому, что она им понравилась. И понравилась чрезвычайно.

– Но Ипполит Павлович...

– Больше всего она понравилась именно Ипполиту Павловичу, – тихо, но веско, отдельно проговорил Бомбардов, и я уловил, так показалось мне, у него в глазах сочувствие.

– С ума можно сойти... – прошептал я.

– Нет, не надо сходить... Просто вы не знаете, что такое театр. Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего...

– Говорите! Говорите! – вскричал я и взялся за голову.

– Пьеса понравилась до того, что вызвала даже панику, – начал говорить Бомбардов, – отчего все и стряслось. Лишь только с нею познакомились, а старейшины узнали про нее, тотчас наметили даже распределение ролей. На Бахтина назначили Ипполита Павловича. Петрова задумали дать Валентину Конрадовичу.

– Какому... Вал... это, который...

– Ну да... он.

– Но позвольте! – даже не закричал, а заорал я. – Ведь...

– Ну да, ну да... – проговорил, очевидно, понимавший меня с полуслова Бомбардов, – Ипполиту Павловичу – шестьдесят один год, Валентину Конрадовичу – шестьдесят два года... Самому старшему вашему герою Бахтину сколько лет?

– Двадцать восемь!

– Вот, вот. Нуте-с, как только старейшинам разослали экземпляры пьесы, то и передать вам нельзя, что произошло. Не бывало у нас этого в театре за все пятьдесят лет его существования. Они просто все обиделись.

– На кого? На распределителя ролей?

– Нет. На автора.

Мне оставалось только выпучить глаза, что я и сделал, а Бомбардов продолжал:

– На автора. В самом деле – группа старейшин рассуждала так: мы ищем, жаждем ролей, мы, основоположники, рады были бы показать все наше мастерство в современной пьесе и... здравствуйте, пожалуйста! Приходит серый костюм и приносит пьесу, в которой действуют мальчишки! Значит, играть мы ее не можем?! Это что же, он в шутку ее принес?! Самому младшему из основоположников пятьдесят семь лет – Герасиму Николаевичу.

– Я вовсе не претендую, чтобы мою пьесу играли основоположники! – заорал я. –

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Пусть ее играют молодые!

– Ишь ты как ловко! – воскликнул Бомбардов и сделал сатанинское лицо. – Пусть, стало быть, Аргунин, Галин, Елагин, Благосветлов, Стренковский выходят, кланяются – браво! Бис! Ура! Смотрите, люди добрые, как мы замечательно играем! А основоположники, значит, будут сидеть и растерянно улыбаться, – значит, мол, мы не нужны уже? Значит, нас уж, может, в богадельню? Хи, хи, хи! Ловко! Ловко!

– Все понятно! – стараясь кричать тоже сатанинским голосом, закричал я. – Все понятно!

– Чего ж тут не понять! – отрезал Бомбардов. – Ведь Иван Васильевич сказал же вам, что нужно невесту переделать в мать, тогда играла бы Маргарита Павловна или Настасья Ивановна...

– Настасья Ивановна?!

– Вы не театральный человек, – с оскорбительной улыбкой отозвался Бомбардов, но за что оскорблял, не объяснил.

– Одно только скажите, – пылко заговорил я, – кого они хотели назначить на роль Анны?

– Натурально, Людмилу Сильвестровну Пряхину.

Тут почему-то бешенство овладело мною.

– Что-о? Что такое?! Людмилу Сильвестровну?! – Я вскочил из-за стола. – Да вы смеетесь!

– А что такое? – с веселым любопытством спросил Бомбардов.

– Сколько ей лет?

– А вот этого, извините, никто не знает.

– Анне девятнадцать лет! Девятнадцать! Понимаете? Но это даже не самое главное. А главное то, что она не может играть!

– Анну-то?

– Не Анну, а вообще ничего не может!

– Позвольте!

– Нет, позвольте! Актриса, которая хотела изобразить плач угнетенного и обиженного человека и изобразила его так, что кот спятил и изодрал занавеску, играть ничего не может.

– Кот – болван, – наслаждаясь моим бешенством, отозвался Бомбардов, – у него ожирение сердца, миокардит и неврастения. Ведь он же целыми днями сидит на постели, людей не видит, ну, натурально, испугался.

– Кот – неврастеник, я согласен! – кричал я. – Но у него правильное чутье, и он прекрасно понимает сцену. Он услышал фальшь! Понимаете, омерзительную фальшь. Он был шокирован! Вообще, что означала вся эта петрушка?

– Накладка вышла, – пояснил Бомбардов.

– Что значит это слово?

– Накладкой на нашем языке называется всякая путаница, которая происходит на сцене. Актер вдруг в тексте ошибается, или занавес не вовремя закроют, или...

– Понял, понял...

– В данном случае наложили двое – и Августа Авдеевна и Настасья Ивановна. Первая, пуская вас к Ивану Васильевичу, не предупредила Настасью Ивановну о том,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
что вы будете. А вторая, перед тем как пускать Людмилу Сильвестровну на выход, не проверила, есть ли кто у Ивана Васильевича. Хотя, конечно, Августа Авдеевна меньше виновата – Настасья Ивановна за грибами ездила в магазин...

– Понятно, понятно, – говорил я, стараясь выдавить из себя мефистофельский смех, – все решительно понятно! Так вот, не может ваша Людмила Сильвестровна играть.

– Позвольте! Москвичи утверждают, что она играла прекрасно в свое время...

– Врут ваши москвичи! – вскричал я. – Она изображает плач и горе, а глаза у нее злятся! Она подтанцовывает и кричит «бабье лето!», а глаза у нее беспокойные! Она смеется, а у слушателя мурашки в спине, как будто ему нарзану за рубашку налили! Она не актриса!

– Однако! Она тридцать лет изучает знаменитую теорию Ивана Васильевича о воплощении...

– Не знаю этой теории! По-моему, теория ей не помогла!

– Вы, может быть, скажете, что и Иван Васильевич не актер?

– А, нет! Нет! Лишь только он показал, как Бахтин закололся, я ахнул: у него глаза мертвые сделались! Он упал на диван, и я увидел зарезавшегося. Сколько можно судить по этой краткой сцене, а судить можно, как можно великого певца узнать по одной фразе, спетой им, он величайшее явление на сцене! Я только решительно не могу понять, что он говорит по содержанию пьесы.

– Все мудро говорит!

– Кинжал!!

– Поймите, что лишь только вы сели и открыли тетрадь, он уже перестал слушать вас. Да, да. Он соображал о том, как распределить роли, как сделать так, чтобы разместить основоположников, как сделать так, чтобы они могли разыграть вашу пьесу без ущерба для себя... А вы выстрелы там какие-то читаете. Я служу в нашем театре десять лет, и мне говорили, что единственный раз выстрелили в нашем театре в тысяча девятьсот первом году, и то крайне неудачно. В пьесе этого... вот забыл... известный автор... ну, неважно... словом, двое нервных героев ругались между собой из-за наследства, ругались, ругались, пока один не хлопнул в другого из револьвера, и то мимо... Ну, пока шли простые репетиции, помощник изображал выстрел, хлопая в ладоши, а на генеральной выстрелил в кулисе по-всамделишному. Ну, Настасья Ивановна и сделалось дурно – она ни разу в жизни не слыхала выстрела, а Людмила Сильвестровна закатила истерику. И с тех пор выстрелы прекратились. В пьесе сделали изменение, герой не стрелял, а замахивался лейкой и кричал «убью тебя, негодяя!» и топал ногами, отчего, по мнению Ивана Васильевича, пьеса только выиграла. Автор бешено обиделся на театр и три года не разговаривал с директорами, но Иван Васильевич остался тверд...

По мере того как текла хмельная ночь, порывы мои ослабевали, и я уже не шумно возражал Бомбардову, а больше задавал вопросы. Во рту горел огонь после соленой красной икры и семги, мы утоляли жажду чаем. Комната, как молоком, наполнилась дымом, из открытой форточки била струя морозного воздуха, но она не освежала, а только холодила.

– Вы скажите мне, скажите, – просил я глухим, слабым голосом, – зачем же в таком случае, если пьеса никак не расходуется у них, они не хотят, чтобы я отдал ее в другой театр? Зачем она им? Зачем?

– Хорошенькое дело! Как зачем? Очень интересно нашему театру, чтобы рядом поставили новую пьесу, да которая, по-видимому, может иметь успех! С какой стати! Да ведь вы же написали в договоре, что не отдадите пьесу в другой театр?

Тут у меня перед глазами запрыгали бесчисленные огненно-зеленые надписи «автор не имеет права» и какое-то слово «буде»... и хитрые фигурки параграфов, вспомнился кожаный кабинет, показалось, что запахло духами.

– Будь он проклят! – прохрипел я.

– Кто?!

– Будь он проклят! Гавриил Степанович!

– Орел! – воскликнул Бомбардов, сверкая воспаленными глазами.

– И ведь какой тихий и все о душе говорит!..

– Заблуждение, бред, чепуха, отсутствие наблюдательности! – вскрикивал Бомбардов, глаза его пылали, пылала папироса, дым валил у него из ноздрей. – Орел, кондор. Он на скале сидит, видит на сорок километров кругом. И лишь покажется точка, шевельнется, он взвизгивает и вдруг камнем падает вниз! Жалобный крик, хрипение... и вот уж он взвился в поднебесье, и жертва у него!

– Вы поэт, черт вас возьми! – хрипел я.

– А вы, – тонко улыбнувшись, шепнул Бомбардов, – злой человек! Эх, Сергей Леонтьевич, предсказываю вам, трудно вам придется...

Слова его кольнули меня. Я считал, что я совсем не злой человек, но тут же вспомнились и слова Ликоспастова о волчьей улыбке...

– Значит, – зевая, говорил я, – значит, пьеса моя не пойдет? Значит, все пропало?

Бомбардов пристально поглядел на меня и сказал с неожиданной для него теплотой в голосе:

– Готовьтесь претерпеть все. Не стану вас обманывать. Она не пойдет. Разве что чудо...

Приближался осенний, скверный, туманный рассвет за окном. Но, несмотря на то что были противные объедки, в блюдечках груды окурков, я, среди всего этого безобразия, еще раз поднятый какой-то последней, по-видимому, волной, начал произносить монолог о золотом коне.

Я хотел изобразить моему слушателю, как сверкают искорки на золотом крупе коня, как дышит холодом и своим запахом сцена, как ходит смех по залу... Но главное было не в этом. Раздавив в азарте блюдечко, я страстно старался убедить Бомбардова в том, что я, лишь только увидел коня, как сразу понял и сцену, и все ее мельчайшие тайны. Что, значит, давным-давно, еще, быть может, в детстве, а может быть, и не родившись, я уже мечтал, я смутно тосковал о ней. И вот пришел!

– Я новый, – кричал я, – я новый! Я неизбежный, я пришел!

Тут какие-то колеса поворачивались в горящем мозгу, и выскакивала Людмила Сильвестровна, взывала, махала кружевным платком.

– Не может она играть! – в злобном исступлении хрипел я.

– Но позвольте!.. Нельзя же...

– Попрошу не противоречить мне, – сурово говорил я, – вы притерпелись, я же новый, мой взгляд остр и свеж! Я вижу сквозь нее...

– Однако!

– И никакая те... теория ничего не поможет! А вот там маленький, курносый, чиновничка играет, руки у него белые, голос сиплый, но теория ему не нужна, и этот, играющий убийцу в черных перчатках... не нужна ему теория!

– Аргунин... – глухо донеслось до меня из-за завесы дыма.

– Не бывает никаких теорий! – окончательно впадая в самонадеянность, вскрикивал я и даже зубами скрежетал и тут совершенно неожиданно увидел, что на сером пиджаке у меня большое масляное пятно с прилипшим кусочком луку. Я растерянно оглянулся. Не было ночи и в помине. Бомбардов потушил лампу, и в синеве стали

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
выступать все предметы во всем своем уродстве.

Ночь была съедена, ночь ушла.

Глава 14

ТАИНСТВЕННЫЕ ЧУДОТВОРЦЫ

Удивительно устроена человеческая память. Ведь вот, кажется, и недавно все это было, а между тем восстановить события стройно и последовательно нет никакой возможности. Выпали звенья из цепи! Кой-что вспоминаешь, прямо так и загорится перед глазами, а прочее раскрошилось, рассыпалось, и только одна труха и какой-то дождик в памяти. Да, впрочем, труха и есть. Дождик? Дождик? Ну, месяц, стало быть, который пошел вслед за пьяной ночью, был ноябрь. Ну, тут, конечно, дождь вперемежку с липким снегом. Ну, вы Москву знаете, надо полагать? Стало быть, описывать ее нечего. Чрезвычайно нехорошо на ее улицах в ноябре. И в учреждениях тоже нехорошо. Но это бы еще с полгоря, худо, когда дома нехорошо. Чем, скажите мне, вывести пятно с одежды? Я пробовал и так и эдак, и тем и другим. И ведь удивительная вещь: например, намочишь бензином, и чудный результат – пятно тает, тает и исчезает. Человек счастлив, ибо ничто так не мучает, как пятно на одежде. Неаккуратно, нехорошо, портит нервы. Повесишь пиджак на гвоздик, утром встанешь – пятно на прежнем месте и пахнет чуть-чуть бензином. То же самое после кипятку, спитого чаю, одеколону. Вот чертовщина! Начинаешь злиться, дергаться, но ничего не сделаешь. Нет, видно, кто посадил себе пятно на одежду, так уж с ним и будет ходить до тех самых пор, пока не сгниет и не будет сброшен навсегда самый костюм. Мне-то теперь уж все равно – но другим пожелаю, чтобы их было как можно меньше.

Итак, я выводил пятно и не вывел, потом, помнится, все лопались шнурки на ботинках, кашлял и ежедневно ходил в «Вестник», страдал от сырости и бессонницы, а читал как попало и Бог знает что. Обстоятельства же сложились так, что людей возле меня не стало. Ликоспастов почему-то уехал на Кавказ, приятеля моего, у которого я похищал револьвер, перевели на службу в Ленинград, а Бомбардов заболел воспалением почек, и его поместили в лечебницу. Изредка я ходил его навещать, но ему, конечно, было не до разговоров о театре. И понимал он, конечно, что как-никак, а после случая с «Черным снегом» дотрагиваться до этой темы не следует, а до почек можно, потому что здесь все-таки возможны всякие утешения. Поэтому о почках и говорили, даже Кли в шуточном плане вспоминали, но было как-то невесело.

Всякий раз, впрочем, как я видел Бомбардова, я вспоминал о театре, но находил в себе достаточно воли, чтобы ни о чем его не спросить. Я поклялся себе вообще не думать о театре, но клятва эта, конечно, нелепая. Думать запретить нельзя. Но можно запретить справляться о театре. И это я себе запретил.

А театр как будто умер и совершенно не давал о себе знать. Никаких известий из него не приходило. От людей, повторяю, удалился. Ходил в букинистические лавки и по временам сидел на корточках, в полутьме, роясь в пыльных журналах, и, помнится, видел чудесную картинку... Триумфальная арка...

Тем временем дожди прекратились, и совершенно неожиданно ударил мороз. Окно разделало узором в моей мансарде, и, сидя у окна и дыша на двугривенный и отпечатывающий его на обледеневшей поверхности, я понял, что писать пьесы и не играть их – невозможно.

Однако из-под полу по вечерам доносился вальс, один и тот же (кто-то разучивал его), и вальс этот порождал картинки в коробочке, довольно странные и редкие. Так, например, мне казалось, что внизу притон курильщиков опиума, и даже складывалось нечто, что я развязно мысленно называл – «третьим действием». Именно сизый дым, женщина с асимметричным лицом, какой-то фрачник, отравленный дымом, и подкрадывающийся к нему с финским отточенным ножом человек с лимонным лицом и раскосыми глазами. Удар ножом, поток крови. Бред, как видите! Чепуха! И куда отнести пьесу, в которой подобное третье действие?

Да я и не записывал придуманное. Возникает вопрос, конечно, и прежде всего он возникает у меня самого – почему человек, закопавший самого себя в мансарде,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru потерпевший крупную неудачу, да еще и меланхолик (это-то я понимаю, не беспокойтесь), не сделал вторичной попытки лишить себя жизни?

Признаюсь прямо: первый опыт вызвал какое-то отвращение к этому насильственному акту. Это, если говорить обо мне. Но истинная причина, конечно, не в этом. Всему приходит час. Впрочем, не будем распространяться на эту тему.

Что касается внешнего мира, то все-таки вовсе отрезаться от него невозможно, и давал он себя знать потому, что в тот период времени, когда я получал от Гавриила Степановича то пятьдесят, то сто рублей, я подписался на три театральных журнала и на «Вечернюю Москву».

И приходили номера этих журналов более или менее аккуратно. Просматривая отдел «Театральные новости», я нет-нет да и наткнулся на известия о моих знакомых.

Так, пятнадцатого декабря прочитал:

«Известный писатель Измаил Александрович Бондаревский заканчивает пьесу „Монмартрские ножи“, из жизни эмиграции. Пьеса, по слухам, будет предоставлена автором Старому Театру».

Семнадцатого я развернул газету и наткнулся на следующее известие:

«Известный писатель Е. Агапенев усиленно работает над комедией „Деверь“ по заказу Театра Дружной Когорты».

Двадцать второго было напечатано:

«Драматург Клинкер в беседе с нашим сотрудником поделился сообщением о пьесе, которую он намерен предоставить Независимому Театру. Альберт Альбертович сообщил, что пьеса его представляет собою широко развернутое полотно гражданской войны под Касимовом. Пьеса называется условно „Приступ“».

А дальше как бы град пошел: и двадцать первого, и двадцать четвертого, и двадцать шестого. Газета – и в ней на третьей полосе мутноватое изображение молодого человека, с необыкновенно лунной головой и как бы бодающего кого-то, и сообщение, что это Прок И.С. Драма. Кончает третий акт.

Жвенко Онисим. Анбакомов. Четыре, пять актов.

Второго января я обиделся.

Было напечатано:

«Консультант М. Панин созвал совещание в Независимом Театре группы драматургов. Тема – сочинение современной пьесы для Независимого Театра».

Заметка была озаглавлена: «Пора, давно пора!», и в ней выражалось сожаление и укоризна Независимому Театру в том, что он единственный из всех театров до сих пор еще не поставил ни одной современной пьесы, отображающей нашу эпоху. «А между тем, – писала газета, – именно он, и преимущественно он, Независимый Театр, как никакой другой, в состоянии достойным образом раскрыть пьесу современного драматурга, ежели за это раскрытие возьмутся такие мастера, как Иван Васильевич и Аристарх Платонович».

Далее следовали справедливые укоры и по адресу драматургов, не удосужившихся до сих пор создать произведение, достойное Независимого Театра.

Я приобрел привычку разговаривать с самим собой.

– Позвольте, – обиженно надувая губы, бормотал я, – как это никто не написал пьесу? А мост? А гармоника? Кровь на затоптанном снегу?

Вьюга посвистывала за окном, мне казалось, что во вьюге за окном все тот же проклятый мост, что гармоника поет и слышны сухие выстрелы.

Чай остывал в стакане, со страницы газеты глядело на меня лицо с бакенбардами. Ниже была напечатана телеграмма, присланная Аристархом Платоновичем совещанию:

«Телом в Калькутте, душой с вами».

– Ишь какая жизнь кипит там, гудит, как в плотине, – шептал я, зевая, – а я как будто погребен.

Ночь уплывает, уплывает и завтрашний день, уплывут они все, сколько их будет отпущено, и ничего не останется, кроме неудачи.

Хромая, глядя больное колено, я тащился к дивану, начинал снимать пиджак, ежился от холода, заводил часы.

Так прошло много ночей, их я помню, но как-то все скопом, – было холодно спать. Дни же как будто вымыло из памяти – ничего не помню.

Так тянулось до конца января, и вот тут отчетливо я помню сон, приснившийся в ночь с двадцатого на двадцать первое.

Громадный зал во дворце, и я будто бы иду по залу. В подсвечниках дымно горят свечи, тяжелые, жирные, золотистые. Одет я странно, ноги обтянуты трико, словом, я не в нашем веке, а в пятнадцатом. Иду я по залу, а на поясе у меня кинжал. Вся прелесть сна заключалась не в том, что я явный правитель, а именно в этом кинжале, которого явно боялись придворные, стоящие у дверей. Вино не может опьянить так, как этот кинжал, и, улыбаясь, нет, смеясь во сне, я бесшумно шел к дверям.

Сон был прелестен до такой степени, что, проснувшись, я еще смеялся некоторое время.

И тут стукнули в дверь, и я подошел в одеяле, шаркая разорванными туфлями, и рука соседки просунулась в щель и подала мне конверт. Золотые буквы «НТ» сверкали на нем.

Я разорвал его, вот он и сейчас, распоротый косо, лежит передо мною (и я увезу его с собой!). В конверте был лист опять-таки с золотыми готическими буквами, и крупным, жирным почерком Фомы Стрижа было написано:

«Дорогой Сергей Леонтьевич!

Немедленно в Театр! Завтра начинаю репетировать «Черный снег» в 12 часов дня.

Ваш Ф. Стриж».

Я сел, криво улыбаясь, на диван, дико глядя в листок и думая о кинжале, потом почему-то о Людмиле Сильвестровне, глядя на голые колени.

В дверь тем временем стучали властно и весело.

– Да, – сказал я.

Тут в комнату вошел Бомбардов. Бледный с желтизной, показавшийся выше ростом после болезни, и голосом, от нее же изменившимся, он сказал:

– Знаете уже? Я нарочно заехал к вам.

И, встав перед ним во всей наготе и нищете, волоча по полу старое одеяло, я поцеловал его, уронив листок.

– Как же это могло случиться? – спросил я, наклоняясь к полу.

– Этого даже я не пойму, – ответил мне дорогой мой гость, – никто не поймет и даже никогда не узнает. Думаю, что это сделали Панин со Стрижом. Но как они это сделали – неизвестно, ибо это выше человеческих сил. Короче: это чудо.

ЧАСТЬ II

Глава 15

Серой тонкой змеей, протянутый через весь партер, уходящий неизвестно куда, лежал на полу партера электрический провод в чехле. От него питалась малюсенькая лампочка на столике, стоящем в среднем проходе партера. Лампочка давала ровно столько света, чтобы осветить лист бумаги на столе и чернильницу. На листе была нарисована курносая рожа, рядом с рожей лежала еще свежая апельсиновая корка и стояла пепельница, полная окурков. Графин с водой отблескивал тускло, он был вне светящегося круга.

Партер настолько был погружен в полумрак, что люди со свету, входя в него, начинали идти ощупью, берясь за спинки кресел, пока не привыкал глаз.

Сцена была открыта и слабо освещена сверху из выносного софита. На сцене стояла какая-то стенка, задом повернутая на публику, причем на ней было написано: «Волки и овцы – 2». Стояло кресло, письменный стол, два табурета. В кресле сидел рабочий в косоворотке и пиджаке, а на одном из табуретов – молодой человек в пиджаке и брюках, но опоясанный ремнем, на котором висела шашка с георгиевским темляком.

В зале было душно, на улице уже давно был полный май.

Это был антракт на репетиции – актеры ушли в буфет завтракать. Я же остался. События последних месяцев дали себя знать, я чувствовал себя как бы избитым, все время хотелось присесть и посидеть долго и неподвижно. Такое состояние, впрочем, нередко перемежалось вспышками нервной энергии, когда хотелось двигаться, объяснить, говорить и спорить. И вот теперь я сидел в первом состоянии. Под колпачком лампочки густо слоился дым, его всасывало в колпачок, и потом он уходил куда-то ввысь.

Мысли мои вертелись только вокруг одного – вокруг моей пьесы. С того самого дня, как прислано было фомою Стрижом мне решающее письмо, жизнь моя изменилась до неузнаваемости. Как будто наново родился человек, как будто и комната у него стала другая, хотя это была все та же комната, как будто и люди, окружающие его, стали иными, и в городе Москве он, этот человек, вдруг получил право на существование, приобрел смысл и даже значение.

Но мысли были прикованы только к одному, к пьесе, она заполняла все время – даже сны, потому что снилась уже исполненной в каких-то небывающих декорациях, снилась снятой с репертуара, снилась провалившейся или имеющей огромный успех. Во втором из этих случаев, помнится, ее играли на наклонных лесах, на которых актеры рассыпались, как штукатурки, и играли с фонарями в руках, поминутно запевая песни. Автор почему-то находился тут же, расхаживая по утлым перекладинам так же свободно, как муха по стене, а внизу были липы и яблони, ибо пьеса шла в саду, наполненном возбужденной публикой.

В первом наичаще снился вариант – автор, идя на генеральную, забыл надеть брюки. Первые шаги по улице он делал смущенно, в какой-то надежде, что удастся проскочить незамеченным, и даже приготавливал оправдание для прохожих – что-то насчет ванны, которую он только что брал, и что брюки, мол, за кулисами. Но чем дальше, тем хуже становилось, и бедный автор прилипал к тротуару, искал разносчика газет, его не было, хотел купить пальто, не было денег, скрывался в подъезд и понимал, что на генеральную опоздал...

– Ваня! – слабо доносилось со сцены. – Дай желтый!

В крайней ложе яруса, находящейся у самого портала сцены, что-то загоралось, из ложи косо падал луч растробом, на полу сцены загоралось желтое круглое пятно, ползло, подхватывая в себя то кресло с потертой обивкой, со сбитой позолотой на ручках, то взъерошенного бутафора с деревянным канделябром в руке.

Чем ближе к концу шел антракт, тем больше шевелилась сцена. Высоко поднятые, висящие бесчисленными рядами полотнища под небом сцены вдруг оживали. Одно из

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
них уходило вверх и сразу обнажало ряд тысячесвечевых ламп, режущих глаза. Другое почему-то, наоборот, шло вниз, но, не дойдя до полу, уходило. В кулисах появлялись темные тени, желтый луч уходил, всасывался в ложу. Где-то стучали молотками. Появлялся человек в брюках гражданских, но в шпорах, и, звеня ими, проходил по сцене. Потом кто-то, наклонившись к полу сцены, кричал в пол, приложив руку ко рту щитком:

– Гнобин! Давай!

Тогда почти бесшумно все на сцене начинало уезжать вбок. Вот повлекло бутафора, он уехал со своим канделябром, проплыло кресло и стол. Кто-то вбежал на тронувшийся круг против движения, заплясал, выравниваясь, и, выравнявшись, уехал. Гудение усилилось, и показались, становясь на место ушедшей обстановки, странные, сложные деревянные сооружения, состоящие из некрашенных крутых лестниц, переключателей, настилов. «Едет мост», – думал я и всегда почему-то испытывал волнение, когда он становился на место.

– Гнобин! Стоп! – кричали на сцене. – Гнобин, дай назад!

Мост становился. Затем, брызнув сверху из-под колосников светом в утомленные глаза, обнажались пузатые лампы, скрывались опять, и грубо измазанное полотнище спускалось сверху, становилось по косой. «Сторожка...» – думал я, путаясь в геометрии сцены, нервничая, стараясь прикинуть, как все это будет выглядеть, когда вместо выгородки, сделанной из первых попавшихся сборных вещей из других пьес, соорудят наконец настоящий мост. В кулисах вспыхивали лупоглазые прожекторы в козырьках, снизу сцену залило теплой живой волной света. «Рампу дал...»

Я щурился во тьму на ту фигуру, которая решительным шагом приближалась к режиссерскому столу.

«Романус идет, значит, сейчас произойдет что-то...» – думал я, заслоняясь рукой от лампы.

И действительно, через несколько мгновений надо мною показывалась раздвоенная борода, в полутьме сверкали возбужденные глаза дирижера Романуса. В петлице у Романуса поблескивал юбилейный значок с буквами «НТ».

– Сэ нон э веро, э бен тровато [7 – Если это и неправда, то хорошо найдено (ит.).], а может быть, еще сильнее! – начинал, как обычно, Романус, глаза его вертелись, горя, как у волка в степи. Романус искал жертвы и, не найдя ее, садился рядом со мною.

– Как вам это нравится? А? – прищуриваясь, спрашивал меня Романус.

«Втянет, ой, втянет он меня сейчас в разговор...» – думал я, корчась у лампы.

– Нет, вы, будьте добры, скажите ваше мнение, – буравя меня глазом, говорил Романус, – оно тем более интересно, что вы писатель и не можете относиться равнодушно к безобразиям, которые у нас происходят.

«Ведь как ловко он это делает...» – тоскуя до того, что чесалось тело, думал я.

– Ударить концертмейстера и тем более женщину тромбонем в спину? – азартно спрашивал Романус. – Нет-с. Это дудки! Я тридцать пять лет на сцене и такого случая еще не видел. Стриж думает, что музыканты свиньи и их можно загонять в закуту? Интересно, как это с писательской точки зрения?

Отмалчиваться больше не удавалось.

– А что такое?

Романус только и ждал этого. Звучным голосом, стараясь, чтобы слышали рабочие, с любопытством скопляющиеся у рампы, Романус говорил, что Стриж затолкал музыкантов в карман сцены, где играть нет никакой возможности по следующим причинам: первое – тесно, второе – темно, а в-третьих, в зале не слышно ни одного звука, в-четвертых, ему стоять негде, музыканты его не видят.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Правда, есть люди, – зычно сообщал Романус, – которые смыслят в музыке не больше, чем некоторые животные...

«Чтоб тебя черт взял!» – думал я.

– ...в некоторых фруктах!

Усилия Романуса увенчивались успехом – из электротехнической будки слышалось хихиканье, из будки вылезала голова.

– Правда, таким лицам нужно не режиссурой заниматься, а торговать квасом у Новодевичьего кладбища!.. – заливался Романус.

Хихиканье повторялось.

Далее выяснялось, что безобразия, допущенные Стрижом, дали свои результаты. Тромбонист ткнул в темноте тромбоном концертмейстера Анну Ануфриевну Деньжину в спину так, что...

– ...рентген покажет, чем это кончится!

Романус добавлял, что ребра можно ломать не в театре, в пивной, где, впрочем, некоторые получают свое артистическое образование.

Ликующее лицо монтера красовалось над прорезом будки, рот его раздирало смехом.

Но Романус утверждает, что это так не кончится. Он научил Анну Ануфриевну, что делать. Мы, слава Богу, живем в Советском государстве, напоминал Романус, ребра членам профсоюзов ломать не приходится. Он научил Анну Ануфриевну подать заявление в местком.

– Правда, по вашим глазам я вижу, – продолжал Романус, впиваясь в меня и стараясь уловить меня в круге света, – что у вас нет полной уверенности в том, что наш знаменитый председатель месткома так же хорошо разбирается в музыке, как Римский-Корсаков или Шуберт.

«Вот тип!» – думал я.

– Позвольте!.. – стараясь сурово говорить, говорил я.

– Нет уж, будем откровенны! – восклицал Романус, пожимая мне руку. – Вы писатель! И прекрасно понимаете, что навряд ли Митя Малокрошечный, будь он хоть двадцать раз председателем, отличит гобой от виолончели или фугу Баха от фокстрота «Аллилуйя».

Тут Романус выражал радость, что хорошо еще, что ближайший друг...

– ...и собутыльник!..

К теноровому хихиканью в электрической будке присоединился хриплый басок. Над будкой ликовало уже две головы.

...Антон Калошин помогает разбираться Малокрошечному в вопросах искусства. Это, впрочем, и не мудрено, ибо до работы в театре Антон служил в пожарной команде, где играл на трубе. А не будь Антона, Романус ручается, что кой-кто из режиссеров спутал бы, и очень просто, увертюру к «Руслану» с самым обыкновенным «Со святыми упокой»!

«Этот человек опасен, – думал я, глядя на Романуса, – опасен по-серьезному. Средств борьбы с ним нет!»

Кабы не Калошин, конечно, у нас могли бы заставить играть музыканта, подвесив его кверху ногами к выносному софиту, благо Иван Васильевич не появляется в театре, но тем не менее придется театру заплатить Анне Ануфриевне за искрошенные ребра. Да и в союз Романус ей посоветовал наведаться, узнать, как там смотрят на такие вещи, про которые действительно можно сказать:

– Сэ нон э веро, э бен тровато, а может быть, еще сильнее!

Мягкие шаги послышались сзади, приближалось избавление.

У стола стоял Андрей Андреевич. Андрей Андреевич был первым помощником режиссера в театре, и он вел пьесу «Черный снег».

Андрей Андреевич, полный, плотный блондин лет сорока, с живыми многоопытными глазами, знал свое дело хорошо. А дело это было трудное. Андрей Андреевич, одетый по случаю мая не в обычный темный костюм и желтые ботинки, а в синюю сатиновую рубашку и брезентовые желтоватые туфли, подошел к столу, имея под мышкою неизменную папку.

Глаз Романуса запылал сильнее, и Андрей Андреевич не успел еще пристроить папку под лампой, как вскипел скандал.

Начался он с фразы Романуса:

– Я категорически протестую против насилия над музыкантами и прошу занести в протокол то, что происходит!

– Какие насилия? – спросил Андрей Андреевич служебным голосом и чуть шевельнул бровью.

– Если у нас ставятся пьесы, больше похожие на оперу... – начал было Романус, но спохватился, что автор сидит тут же, и продолжал, исказив свое лицо улыбкой в мою сторону, – что и правильно! Ибо наш автор понимает все значение музыки в драме!.. То... я прошу отвести оркестру место, где он мог бы играть!

– Ему отведено место в кармане, – сказал Андрей Андреевич, делая вид, что открывает папку по срочному делу.

– В кармане? А может быть, лучше в суфлерской будке? Или в бутафорской?

– Вы сказали, что в трюме нельзя играть.

– В трюме? – взвизгнул Романус. – И повторяю, что нельзя. И в чайном буфете нельзя, к вашему сведению.

– К вашему сведению, я и сам знаю, что в чайном буфете нельзя, – сказал Андрей Андреевич, и у него шевельнулась другая бровь.

– Вы знаете, – ответил Романус и, убедившись, что Стрижа еще нет в партере, продолжал: – Ибо вы старый работник и понимаете в искусстве, чего нельзя сказать про кой-кого из режиссеров...

– Тем не менее обращайтесь к режиссеру. Он проверял звучание...

– Чтобы проверить звучание, нужно иметь кой-какой аппарат, при помощи которого можно проверить, например, уши! Но если кому-нибудь в детстве...

– Я отказываюсь продолжать разговор в таком тоне, – сказал Андрей Андреевич и закрыл папку.

– Какой тон?! Какой тон? – изумился Романус. – Я обращаюсь к писателю, пусть он подтвердит свое возмущение по поводу того, как калечат у нас музыкантов!!

– Позвольте... – начал я, видя изумленный взгляд Андрея Андреевича.

– Нет, виноват! – закричал Романус Андрею Андреевичу. – Если помощник, который обязан знать сцену как свои пять пальцев...

– Прошу не учить меня, как знать сцену, – сказал Андрей Андреевич и оборвал шнурок на папке.

– Приходится! Приходится! – ядовито скалясь, прохрипел Романус.

– Я занесу в протокол то, что вы говорите! – сказал Андрей Андреевич.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– И я буду рад, что вы занесете!

– Прошу оставить меня в покое! Вы дезорганизуете работников на репетиции!

– Прошу и эти слова занести! – фальцетом вскричал Романус.

– Прошу не кричать!

– И я прошу не кричать!

– Прошу не кричать! – отозвался, сверкая глазами, Андрей Андреевич и вдруг бешено закричал: – Верховые! Что вы там делаете?! – и бросился через лесенку на сцену.

По проходу уже спешил Стриж, а за ним темными силуэтами показались актеры.

Начало скандала со Стрижом я помню...

Романус поспешил к нему навстречу, подхватил под руку и заговорил:

– Фома! Я знаю, что ты ценишь музыку и это не твоя вина, но я прошу и требую, чтобы помощник не смел издеваться над музыкантами!

– Верховые! – кричал на сцене Андрей Андреевич. – Где Бобылев?!

– Бобылев обедает, – глухо с неба донесся голос...

Актеры кольцом окружили Романуса и Стрижа.

Было жарко, был май. Сотни раз уже эти люди, лица которых казались загадочными в полутьме над абажуром, мазались краской, перевоплощались, волновались, истощались... Они устали за сезон, нервничали, капризничали, дразнили друг друга. Романус доставил огромное и приятное развлечение.

Рослый голубоглазый Скавронский потирал радостно руки и бормотал:

– Так, так, так... Давай! Истинный Бог! Ты ему все выскажи, Оскар!..

Все это дало свои результаты.

– Попрошу на меня не кричать! – вдруг рявкнул Стриж и треснул пьесой по столу.

– Это ты кричишь!! – визгнул Романус.

– Правильно! Истинный Бог! – веселился Скавронский, подбадривая то Романуса: – Правильно, Оскар! Нам ребра дороже этих спектаклей! – то Стрижа: – А актеры хуже, что ли, музыкантов? Ты, Фома, обрати свое внимание на этот факт!

– Квасу бы сейчас, – зевая, сказал Елагин, – а не репетировать... И когда эта склока кончится?

Склока продолжалась еще некоторое время, крики неслись из круга, замыкавшего лампу, и дым поднимался вверх.

Но меня уже не интересовала склока. Вытирая потный лоб, я стоял у рампы, смотрел, как художница из макетной – Аврора Госье – ходила по краю круга с измерительной рейкой, прикладывала ее к полу. Лицо Госье было спокойное, чуть печальное, губы сжаты. Светлые волосы Госье то загорались, точно их подожгли, когда она наклонялась к берегу рампы, то потухали и становились как пепел. И я размышлял о том, что все, что сейчас происходит, что тянется так мучительно, все получит свое завершение...

Склока меж тем кончилась.

– Давайте, ребяташки! Давайте! – кричал Стриж. – Время теряем!

Патрикеев, Владычинский, Скавронский уже ходили по сцене меж бутафорами. На сцену же проследовал и Романус. Его появление не прошло бесследно. Он подошел к

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Владычинскому и озабоченно спросил у того, не находит ли Владычинский, что Патрикеев очень уж злоупотребляет буфонными приемами, вследствие чего публика засмеется как раз в тот момент, когда у Владычинского важнейшая фраза: «А мне куда прикажете деваться? Я одинок, я болен...»

Владычинский побледнел как смерть, и через минуту и актеры, и рабочие, и бутафоры строем стояли у рампы, слушая, как переругиваются давние враги Владычинский с Патрикеевым. Владычинский, атлетически сложенный человек, бледный от природы, а теперь еще более бледный от злости, сжав кулаки и стараясь, чтобы его мощный голос звучал бы страшно, не глядя на Патрикеева, говорил:

– Я займусь вообще этим вопросом! Давно пора обратить внимание на циркачей, которые, играя на штампиках, позорят марку театра!

Комический актер Патрикеев, играющий смешных молодых людей на сцене, а в жизни необыкновенно ловкий, поворотливый и плотный, старался сделать лицо презрительное и в то же время страшное, отчего глаза у него выражали печаль, а лицо физическую боль, сильным голосом отвечал:

– Попрошу не забываться! Я актер Независимого Театра, а не кинохалтурщик, как вы!

Романус стоял в кулисе, удовлетворенно сверкая глазом, голоса ссорящихся покрывал голос Стрижа, кричавшего из кресел:

– Прекратите это сию минуту! Андрей Андреевич! Давайте тревожные звонки Строеву! Где он? Вы мне производственный план срываете!

Андрей Андреевич привычной рукою жал кнопки на щите на посту помощника, и далеко где-то за кулисами, и в буфете, и в фойе тревожно и пронзительно дребезжали звонки.

Строев же, заболтавшийся в предбаннике у Торопецкой, в это время, прыгая через ступеньки, спешил к зрительному залу. На сцену он проник не через зал, а сбоку, через ворота на сцену, пробрался к посту, а оттуда к рампе, тихонько позвякивая шпорами, надетыми на штатские ботинки, и стал, искусно делая вид, что присутствует он здесь уже давным-давно.

– Где Строев? – зывал Стриж. – Звоните ему, звоните! Требую прекращения ссоры!

– Звоню! – отвечал Андрей Андреевич. Тут он повернулся и увидел Строева. – Я вам тревожные даю! – сурово сказал Андрей Андреевич, и тотчас звон в театре утих.

– Мне? – отозвался Строев. – Зачем мне тревожные звонки? Я здесь десять минут, если не четверть часа... минимум... Мама... миа... – он прочистил горло кашлем.

Андрей Андреевич набрал воздуха, но ничего не сказал, а только многозначительно посмотрел. Набранный же воздух он использовал для того, чтобы прокричать:

– Прошу лишних со сцены! Начинаем!

Все улеглось, ушли бутафоры, актеры разошлись к своим местам. Романус в кулисе шепотом поздравил Патрикеева с тем, как он мужественно и правдиво возражал Владычинскому, которого давно уж пора одернуть.

Глава 16

УДАЧНАЯ ЖЕНИТЬБА

В июне месяце стало еще жарче, чем в мае.

Мне запомнилось это, а остальное удивительным образом смазалось в памяти. Обрывки кое-какие, впрочем, сохранились. Так, помнится дрыкинская пролетка у подъезда театра, сам Дрыкин в ватном синем кафтане на козлах и удивленные лица шоферов, объезжавших дрыкинскую пролетку.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Затем помнится большой зал, в котором были беспорядочно расставлены стулья, и на этих стульях сидящие актеры. За столом же, накрытым сукном, Иван Васильевич, Стриж Фома и я.

С Иваном Васильевичем я познакомился поближе за этот период времени и могу сказать, что все это время я помню, как время очень напряженное. Проистекало это оттого, что все усилия свои я направил на то, чтобы произвести на Ивана Васильевича хорошее впечатление, и хлопот у меня было очень много.

Через день я отдавал свой серый костюм утюжить Дусе и аккуратно платил ей за это по десять рублей.

Я нашел подворотню, в которой была выстроена уютная комнатка как бы из картона, и у плотного человека, у которого на пальцах было два бриллиантовых кольца, купил двадцать крахмальных воротничков и ежедневно, отправляясь в театр, надевал свежий. Кроме того, мною, но не в подворотне, а в государственном универсальном магазине были закуплены шесть сорочек: четыре белых и одна в лиловую полоску, одна в синеватую клетку, восемь галстуков разной расцветки. У человека без шапки, невзирая на то, какая была погода, сидящего на углу в центре города рядом со стойкой с развешанными на ней шнурками, я приобрел две банки желтой ботиночной мази и чистил утром желтые туфли, беря у Дуси щетку, а потом натирая туфли полой своего халата.

Эти невероятные, чудовищные расходы привели к тому, что я в две ночи сочинил маленький рассказ под заглавием «Блоха» и с этим рассказом в кармане ходил в свободное от репетиций время по редакциям еженедельных журналов, газетам, пытаюсь этот рассказ продать. Я начал с «Вестника пароходства», в котором рассказ понравился, но где напечатать его отказались на том и совершенно резонном основании, что никакого отношения к речному пароходству он не имеет. Долго и скучно рассказывать о том, как я посещал редакции и как мне в них отказывали. Запомнилось лишь то, что встречали меня повсюду почему-то неприязненно. В особенности помнится мне какой-то полный человек в пенсне, который не только решительно отверг мое произведение, но и прочитал мне что-то вроде нотации.

– В вашем рассказе чувствуется подмигивание, – сказал полный человек, и я увидел, что он смотрит на меня с отвращением.

Нужно мне оправдаться. Полный человек заблуждался. Никакого подмигивания в рассказе не было, но (теперь это можно сделать) надлежит признаться, что рассказ этот был скучен, нелеп и выдавал автора с головой: никаких рассказов автор писать не мог, у него не было для этого дарования.

Тем не менее произошло чудо. Прожив с рассказом в кармане три недели и побывав на Варварке, Воздвиженке, на Чистых прудах, на Страстном бульваре и даже, помнится, на Плющихе, я неожиданно продал свое сочинение в Златоустинском переулке на Мясницкой, если не ошибаюсь, в пятом этаже какому-то человеку с большой родинкой на щеке.

Получив деньги и заткнув страшную брешь, я вернулся в театр, без которого не мог жить уже, как морфинист без морфия.

С тяжелым сердцем я должен признаться, что все мои усилия пропали даром и даже, к моему ужасу, дали обратный результат. С каждым днем буквально я нравился Ивану Васильевичу все меньше и меньше.

Наивно было бы думать, что все расчеты я строил на желтых ботинках, в которых отражалось весеннее солнце. Нет! Здесь была хитрая, сложная комбинация, в которую входил, например, такой прием, как произнесение речей тихим голосом, глубоким и проникновенным. Голос этот соединялся со взглядом прямым, открытым, честным, с легкой улыбкой на губах (отнюдь не заискивающей, а простодушной). Я был идеально причесан, выбрит так, что при проведении тыльной стороной кисти по щеке не чувствовалось ни малейшей шероховатости, я произносил суждения краткие, умные, поражающие знанием вопроса, и ничего не выходило. Первое время Иван Васильевич, улыбаясь, встречаясь со мною, потом он стал улыбаться все реже и реже и, наконец, совсем перестал улыбаться.

Тогда я стал производить репетиции по ночам. Я брал маленькое зеркало, садился перед ним, отражался в нем и начинал говорить:

– Иван Васильевич! Видите ли, в чем дело: кинжал, по моему мнению, применен быть не может...

И все шло как нельзя лучше. Порхала на губах пристойная и скромная улыбка, глаза глядели из зеркала и прямо, и умно, лоб был разглажен, пробор лежал как белая нить на черной голове. Все это не могло не дать результата, и однако выходило все хуже и хуже. Я выбивался из сил, худел и немного запустил наряд. Позволял себе надевать один и тот же воротничок дважды.

Однажды ночью я решил произвести проверку и, не глядя в зеркало, произнес свой монолог, а затем воровским движением скосил глаза и взглянул в зеркало для проверки и ужаснулся.

Из зеркала глядело на меня лицо со сморщенным лбом, оскаленными зубами и глазами, в которых читалось не только беспокойство, но и задняя мысль. Я схватился за голову, понял, что зеркало меня подвело и обмануло, и бросил его на пол. И из него выскочил треугольный кусок. Скверная примета, говорят, если разобьется зеркало. Что же сказать о безумце, который сам разбивает свое зеркало?

– Дурак, дурак, – вскричал я, а так как я картавил, то показалось мне, что в тишине ночи каркнула ворона, – значит, я был хорош, только пока смотрелся в зеркало, но стоило мне убрать его, как исчез контроль, и лицо мое оказалось во власти моей мысли и... а, черт меня возьми!

Я не сомневаюсь в том, что записки мои, если только они попадут кому-нибудь в руки, произведут не очень приятное впечатление на читателя. Он подумает, что перед ним лукавый, двоедушный человек, который из какой-то корысти стремился произвести на Ивана Васильевича хорошее впечатление.

Не спешите осуждать. Я сейчас скажу, в чем была корысть.

Иван Васильевич упорно и настойчиво стремился изгнать из пьесы ту самую сцену, где застрелился Бахтин (Бехтеев), где светила луна, где играли на гармонике. А между тем я знал, я видел, что тогда пьеса перестанет существовать. А ей нужно было существовать, потому что я знал, что в ней истина. Характеристики, данные Ивану Васильевичу, были слишком ясны. Да, признаться, они были излишни. Я изучил и понял его в первые же дни нашего знакомства и знал, что никакая борьба с Иваном Васильевичем невозможна. У меня оставался единственный путь: добиться, чтобы он выслушал меня. Естественно, что для этого нужно было, чтобы он видел перед собой приятного человека. Вот почему я и сидел с зеркалом. Я старался спасти выстрел, я хотел, чтобы услышали, как страшно поет гармоника на мосту, когда на снегу под луной расплывается кровавое пятно. Мне хотелось, чтобы увидели черный снег. Больше я ничего не хотел.

И опять закаркала ворона.

– Дурак! Надо было понять основное! Как можно понравиться человеку, если он тебе не нравится сам? Что же ты думаешь? Что ты проведешь какого-нибудь человека? Сам против него будешь что-то иметь, а ему постараешься внушить симпатию к себе? Да никогда это не удастся, сколько бы ты ни ломался перед зеркалом.

А Иван Васильевич мне не нравился. Не понравилась и тетушка Настасья Ивановна, крайне не понравилась и Людмила Сильвестровна. А ведь это чувствуется!

Дрыкинская пролетка означала, что Иван Васильевич ездил на репетиции «Черного снега» в театр.

Ежедневно в полдень Пакин рысцой вбегал в темный партер, улыбаясь от ужаса и неся в руках калоши. За ним шла Августа Авдеевна с клетчатым пледом в руках. За Августой Авдеевной – Людмила Сильвестровна с общей тетрадью и кружевным платочком.

В партере Иван Васильевич надевал калоши, усаживался за режиссерский стол.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Августа Авдеевна накидывала Ивану Васильевичу на плечи плед, и начиналась репетиция на сцене.

Во время этой репетиции Людмила Сильвестровна, примостившись неподалеку от режиссерского столика, записывала что-то в тетрадь, изредка издавая восклицания восхищения – негромкие.

Тут пришла пора объясниться. Причина моей неприязни, которую я пытался дурацким образом скрыть, заключалась отнюдь не в пледе или калошах и даже не в Людмиле Сильвестровне, а в том, что Иван Васильевич, пятьдесят пять лет занимающийся режиссерской работой, изобрел широко известную и, по общему мнению, гениальную теорию о том, как актер должен был подготавливать свою роль.

Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что теория была действительно гениальна, но меня привело в отчаяние применение этой теории на практике.

Я ручаюсь головой, что, если бы я привел откуда-нибудь свежего человека на репетицию, он пришел бы в величайшее изумление.

Патрикеев играл в моей пьесе роль мелкого чиновника, влюбленного в женщину, не отвечавшую ему взаимностью.

Роль была смешная, и сам Патрикеев играл необыкновенно смешно и с каждым днем все лучше. Он был настолько хорош, что мне начало казаться, будто это не Патрикеев, а именно тот самый чиновник, которого я выдумал. Что Патрикеев существовал раньше этого чиновника и каким-то чудом я его угадал.

Лишь только дрыкинская пролетка появилась у театра, а Ивана Васильевича закутали в плед, началась работа именно с Патрикеевым.

– Ну-с, приступим, – сказал Иван Васильевич.

В партере наступила благоговейная тишина, и волнующийся Патрикеев (а волнение у него выразилось в том, что глаза его стали плаксивыми) сыграл с актрисой сцену объяснения в любви.

– Так, – сказал Иван Васильевич, живо сверкая глазами сквозь лорнетные стекла, – это никуда не годится.

Я ахнул в душе, и что-то в животе у меня оборвалось. Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше, чем сыграл Патрикеев. «И ежели он добьется этого, – подумал я, с уважением глядя на Ивана Васильевича, – я скажу, что он действительно гениален».

– Никуда не годится, – повторил Иван Васильевич, – что это такое? Это какие-то штучки и сплошное наигрывание. Как он относится к этой женщине?

– Любит ее, Иван Васильевич! Ах, как любит! – закричал Фома Стриж, следивший всю эту сцену.

– Так, – отозвался Иван Васильевич и опять обратился к Патрикееву: – А вы подумали о том, что такое пламенная любовь?

В ответ Патрикеев что-то просипел со сцены, но что именно – разобрать было невозможно.

– Пламенная любовь, – продолжал Иван Васильевич, – выражается в том, что мужчина на все готов для любимой. – И приказал: – Подать сюда велосипед!

Приказание Ивана Васильевича вызвало в Стриже восторг, и он закричал беспокойно:

– Эй, бутафоры! Велосипед!

Бутафор выкатил на сцену старенький велосипед с облупленной рамой. Патрикеев поглядел на него плаксиво.

– Влюбленный все делает для своей любимой, – звучно говорил Иван Васильевич, – ест, пьет, ходит и ездит...

Замирая от любопытства и интереса, я заглянул в клеенчатую тетрадь Людмилы Сильвестровны и увидел, что она пишет детским почерком: «Влюбленный все делает для своей любимой...»

– ...так вот, будьте любезны съездить на велосипеде для своей любимой девушки, – распорядился Иван Васильевич и съел мятную лепешечку.

Я не сводил глаз со сцены. Патрикеев взгромоздился на машину, актриса, исполняющая роль возлюбленной, села в кресло, прижимая к животу огромный лакированный ридикюль. Патрикеев тронул педали и нетвердо поехал вокруг кресла, одним глазом косясь на суфлерскую будку, в которую боялся свалиться, а другим на актрису.

В зале заулыбались.

– Совсем не то, – заметил Иван Васильевич, когда Патрикеев остановился, – зачем вы выпучили глаза на бутафора? Вы ездите для него?

Патрикеев поехал снова, на этот раз оба глаза скосив на актрису, повернуть не сумел и уехал за кулисы.

Когда его вернули, ведя велосипед за руль, Иван Васильевич и этот проезд не признал правильным, и Патрикеев поехал в третий раз, повернув голову к актрисе.

– Ужасно! – сказал с горечью Иван Васильевич. – Мышцы напряжены, вы себе не верите. Распустите мышцы, ослабьте их! Неестественная голова, вашей голове не веришь.

Патрикеев проехался, наклонив голову, глядя исподлобья.

– Пустой проезд, вы едете пустой, не наполненный вашей возлюбленной.

И Патрикеев начал ездить опять. Один раз он проехался, подбоченившись и залихватски глядя на возлюбленную. Вертя руль одной рукою, он круто повернул и наехал на актрису, грязной шиной выпачкав ей юбку, отчего та испуганно вскрикнула. Вскрикнула и Людмила Сильвестровна в партере. Осведомившись, не ушиблена ли актриса и не нужна ли ей какая-нибудь медицинская помощь, и узнав, что ничего страшного не случилось, Иван Васильевич опять послал Патрикеева по кругу, и тот ездил много раз, пока наконец Иван Васильевич не осведомился, не устал ли он? Патрикеев ответил, что не устал, но Иван Васильевич сказал, что видит, что Патрикеев устал, и тот был отпущен.

Патрикеева сменила группа гостей. Я вышел покурить в буфет и, когда вернулся, увидел, что актрисин ридикюль лежит на полу, а сама она сидит, подложив руки под себя, точно так же, как и три ее гостя и одна гостья, та самая Вешнякова, о которой писали из Индии. Все они пытались произносить те фразы, которые в данном месте полагались по ходу пьесы, но никак не могли двинуться вперед, потому что Иван Васильевич останавливал каждый раз произнесшего что-нибудь, объясняя, в чем неправильность. Трудности и гостей, и патрикеевской возлюбленной, по пьесе героини, усугублялись тем, что каждую минуту им хотелось вытащить руки из-под себя и сделать жест.

Видя мое изумление, Стриж шепотом объяснил мне, что актеры лишены рук Иваном Васильевичем нарочно, для того, чтобы они привыкли вкладывать смысл в слова и не помогать себе руками.

Переполненный впечатлениями от новых удивительных вещей, я возвращался с репетиции домой, рассуждая так:

– Да, это все удивительно. Но удивительно лишь потому, что я в этом деле профан. Каждое искусство имеет свои законы, тайны и приемы. Дикарю, например, покажется смешным и странным, что человек чистит щеткой зубы, набивая рот мелом. Непосвященному кажется странным, что врач, вместо того чтобы сразу приступить к операции, проделывает множество странных вещей с больным, например берет кровь на исследование и тому подобное...

Более всего я жаждал на следующей репетиции увидеть окончание истории с

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
велосипедом, то есть посмотреть, удастся ли Патрикееву проехать «для нее».

Однако на другой день о велосипеде никто и не заикнулся, и я увидел другие, но не менее удивительные вещи. Тот же Патрикеев должен был поднести букет возлюбленной. С этого и началось в двенадцать часов дня и продолжалось до четырех часов.

При этом подносил букет не только Патрикеев, но по очереди все: и Елагин, игравший генерала, и даже Адальберт, исполняющий роль предводителя бандитской шайки. Это меня чрезвычайно изумило. Но Фома и тут успокоил меня, объяснив, что Иван Васильевич поступает, как всегда, чрезвычайно мудро, сразу обучая массу народа какому-нибудь сценическому приему. И действительно, Иван Васильевич сопровождал урок интересными и назидательными рассказами о том, как нужно подносить букеты дамам и кто их как подносил. Тут же я узнал, что лучше всего это делали все тот же Комаровский-Бионкур (Людмила Сильвестровна вскричала, нарушая порядок репетиции: «Ах, да, да, Иван Васильевич, не могу забыть!») и итальянский баритон, которого Иван Васильевич знал в Милане в 1889 году.

Я, правда, не зная этого баритона, могу сказать, что лучше всех подносил букет сам Иван Васильевич. Он увлекся, вышел на сцену и показал раз тринадцать, как нужно сделать этот приятный подарок. Вообще, я начал убеждаться, что Иван Васильевич удивительный и действительно гениальный актер.

На следующий день я опоздал на репетицию и, когда явился, увидел, что рядышком на стульях на сцене сидят Ольга Сергеевна (актриса, игравшая героиню), и Вешнякова (гостя), и Елагин, и Владычинский, и Адальберт, и несколько мне неизвестных, и по команде Ивана Васильевича «раз, два, три» вынимают из карманов невидимые бумажники, пересчитывают в них невидимые деньги и прячут их обратно.

Когда этот этюд закончился (а поводом к нему, как я понял, служило то, что Патрикеев в этой картине считал деньги), начался другой этюд. Масса народу была вызвана Андреем Андреевичем на сцену и, усевшись на стульях, стала невидимыми ручками на невидимой бумаге и столах писать письма и их заклеивать (опять-таки Патрикеев!). Фокус заключался в том, что письмо должно было быть любовное.

Этюд этот ознаменовался недоразумением; именно – в число писавших, по ошибке, попал бутафор.

Иван Васильевич, подбодряя выходивших на сцену и плохо зная в лицо новых, поступивших в этом году в подсобляющий состав, вовлек в сочинение воздушного письма юного вихрастого бутафора, мыкавшегося с краю сцены.

– А вам что же, – закричал ему Иван Васильевич, – вам отдельное приглашение посылать?

Бутафор уселся на стул и стал вместе со всеми писать в воздухе и плевать на пальцы. По-моему, он делал это не хуже других, но при этом как-то сконфуженно улыбался и был красен.

Это вызвало окрик Ивана Васильевича:

– А это что за весельчак с краю? Как его фамилия? Он, может быть, в цирк хочет поступить? Что за несерьезность?

– Бутафор он! Бутафор, Иван Васильевич! – застонал Фома, а Иван Васильевич утих, а бутафора выпустили с миром.

И дни потекли в неустанных трудах. Я перевидал очень много. Видел, как толпа актеров на сцене, предводительствуемая Людмилой Сильвестровной (которая в пьесе, кстати, не участвовала), с криками бежала по сцене и припадала к невидимым окнам.

Дело в том, что все в той же картине, где и букет, и письмо, была сцена, когда моя героиня подбегала к окну, увидев в нем дальнее зарево.

Это и дало повод для большого этюда. Разросся этот этюд невероятно и, скажу откровенно, привел меня в самое мрачное настроение духа.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Иван Васильевич, в теорию которого входило, между прочим, открытие о том, что текст на репетициях не играет никакой роли и что нужно создавать характеры в пьесе, играя на своем собственном тексте, велел всем переживать это зарево.

Вследствие этого каждый бегущий к окну кричал то, что ему казалось нужным кричать.

– Ах, Боже, Боже мой!! – кричали больше всего.

– Где горит? Что такое? – восклицал Адальберт.

Я слышал мужские и женские голоса, кричавшие:

– Спасайтесь! Где вода? Это горит Елисейев!! (Черт знает что такое!) Спасите! Спасите детей! Это взрыв! Вызвать пожарных! Мы погибли!

Весь этот гвалт покрывал визгливый голос Людмилы Сильвестровны, которая кричала уж вовсе какую-то чепуху:

– О, Боже мой! О, Боже всемогущий! Что же будет с моими сундуками?! А бриллианты, а мои бриллианты!!

Темнея, как туча, я глядел на заламывавшую руки Людмилу Сильвестровну и думал о том, что героиня моей пьесы произносит только одно:

– Гляньте... зарево... – и произносит великолепно, что мне совсем неинтересно ждать, пока выучится переживать это зарево не участвующая в пьесе Людмила Сильвестровна. Дикие крики о каких-то сундуках, не имевших никакого отношения к пьесе, раздражали меня до того, что лицо начинало дергаться.

К концу третьей недели занятий с Иваном Васильевичем отчаяние охватило меня. Поводов к нему было три. Во-первых, я сделал арифметическую выкладку и ужаснулся. Мы репетировали третью неделю, и все одну и ту же картину. Картин же было в пьесе семь.

Стало быть, если класть только по три недели на картину...

– О Господи! – шептал я в бессоннице, ворочаясь на диване дома. – Трижды семь... двадцать одна неделя или пять... да, пять... а то и шесть месяцев!! Когда же выйдет моя пьеса?! Через неделю начнется мертвый сезон, и репетиций не будет до сентября! Батюшки! Сентябрь, октябрь, ноябрь...

Ночь быстро шла к рассвету. Окно было раскрыто, но прохлады не было... Я приходил на репетиции с мигренью, пожелтел и осунулся.

Второй же повод для отчаяния был еще серьезнее. Этой тетради я могу доверить свою тайну: я усомнился в теории Ивана Васильевича. Да! Это страшно выговорить, но это так.

Зловещие подозрения начали закрадываться в душу уже к концу первой недели. К концу второй я уже знал, что для моей пьесы эта теория неприложима, по-видимому. Патрикеев не только не стал лучше подносить букет, писать письмо или объясняться в любви. Нет! Он стал каким-то принужденным и сухим и вовсе не смешным. А самое главное, внезапно заболел насморком.

Когда о последнем обстоятельстве я в печали сообщил Бомбардову, тот усмехнулся и сказал: – Ну, насморк его скоро пройдет. Он чувствует себя лучше и вчера, и сегодня играл в клубе на бильярде. Как отрепетируете эту картину, так его насморк и кончится. Вы ждите: еще будут насморки у других. И прежде всего, я думаю, у Елагина.

– Ах, черт возьми! – вскричал я, начиная понимать.

Предсказание Бомбардова и тут сбылось. Через день исчез с репетиции Елагин, и Андрей Андреевич записал в протокол о нем: «Отпущен с репетиции. Насморк». Та же беда постигла Адальберта. Та же запись в протоколе. За Адальбертом Вешнякова. Я скрежетал зубами, присчитывая в своей выкладке еще месяц на насморки. Но не осуждал ни Адальберта, ни Патрикеева. В самом деле, зачем предводителю

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
разбойников терять время на крики о несуществующем пожаре в четвертой картине, когда его разбойничьи и нужные ему дела влекли его к работе в картине третьей, а также и пятой.

И пока Патрикеев, попивая пиво, играл с маркером в американку, Адальберт репетировал шиллеровских «Разбойников» в клубе на Красной Пресне, где руководил театральным кружком.

Да, эта система не была, очевидно, приложима к моей пьесе, а пожалуй, была и вредна ей. Ссора между двумя действующими лицами в четвертой картине повлекла за собой фразу:

– Я тебя вызову на дуэль!

И не раз в ночи я грозился самому себе оторвать руки за то, что я трижды проклятую фразу написал.

Лишь только ее произнесли, Иван Васильевич очень оживился и велел принести рапиры. Я побледнел. И долго смотрел, как Владычинский и Благосветлов щелкали клинком о клинок, и дрожал при мысли, что Владычинский выколет Благосветлову глаз.

Иван Васильевич в это время рассказывал о том, как Комаровский–Бионкур дрался на шпагах с сыном московского городского головы.

Но дело было не в этом проклятом сыне городского головы, а в том, что Иван Васильевич все настойчивее стал предлагать мне написать сцену дуэли на шпагах в моей пьесе.

Я отнесся к этому как к тяжелой шутке, и каковы были мои ощущения, когда коварный и вероломный Стриж сказал, что просит, чтобы через недельку сценка дуэли была «набросана». Тут я вступил в спор, но Стриж твердо стоял на своем. В исступление окончательное привела меня запись в его режиссерской книге: «Здесь будет дуэль».

И со Стрижом отношения испортились.

В печали, возмущении я ворочался с боку на бок по ночам. Я чувствовал себя оскорбленным.

– Небось, у Островского не вписывал бы дуэлей, – ворчал я, – не давал бы Людмиле Сильвестровне орать про сундуки!

И чувство мелкой зависти к Островскому терзало драматурга. Но все это относилось, так сказать, к частному случаю, к моей пьесе. А было более важное. Искушаемый любовью к Независимому Театру, прикованный теперь к нему, как жук к пробке, я вечерами ходил на спектакли. И вот тут подозрения мои перешли наконец в твердую уверенность. Я стал рассуждать просто: если теория Ивана Васильевича непогрешима и путем его упражнений актер мог получить дар перевоплощения, то естественно, что в каждом спектакле каждый из актеров должен вызывать у зрителя полную иллюзию. И играть все должны так, чтобы зритель забыл, что перед ним сцена...

1936–1937

Пьесы

Дни Турбиных

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Т у р б и н А л е к с е й в а с и л ь е в и ч – полковник-артиллерист, 30 лет.

Т у р б и н н и к о л а й – его брат, 18 лет.

Т а л ь б е р г Е л е н а в а с и л ь е в н а – их сестра, 24 года.

Т а л ь б е р г в л а д и м и р р о б е р т о в и ч – полковник генштаба, ее муж, 38 лет.

М ы ш л а е в с к и й в и к т о р в и к т о р о в и ч – штабс-капитан, артиллерист, 38 лет.

Ш е р в и н с к и й л е о н и д ю р ь е в и ч – поручик, личный адъютант гетмана.

С т у д з и н с к и й а л е к с а н д р б р о н и с л а в о в и ч – капитан, 29 лет.

Л а р и о с и к – житомирский кузен, 21 год.

Г е т м а н в с е я У к р а и н ы.

Б о л б о т у н – командир 1-й конной петлюровской дивизии.

Г а л а н ь б а – сотник-петлюровец, бывший уланский ротмистр.

У р а г а н.

К и р п а т ы й.

Ф о н Ш р а т т – германский генерал.

Ф о н Д у с т – германский майор.

В р а ч г е р м а н с к о й а р м и и.

Д е з е р т и р-с е ч е в и к.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й.

К а м е р-л а к е й.

М а к с и м – гимназический педель, 60 лет.

Г а й д а м а к – телефонист.

П е р в ы й о ф и ц е р.

В т о р о й о ф и ц е р.

Т р е т и й о ф и ц е р.

П е р в ы й ю н к е р.

В т о р о й ю н к е р.

Т р е т и й ю н к е р.

Ю н к е р а и г а й д а м а к и.

Первое, второе и третье действия происходят зимой 1918 года, четвертое действие – в начале 1919 года.

Место действия – город Киев.

Картина первая

Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини.

Алексей склонился над бумагами.

Н и к о л к а (играет на гитаре и поет).

Хуже слухи каждый час:
Петлюра идет на нас!
Пулеметы мы зарядили,
По Петлюре мы палили,
Пулеметчики-чики-чики...
Голубчики-чики...
Выручали вы нас, молодцы.

А л е к с е й. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное.

Н и к о л к а. Зачем кухаркины? Это я сам сочинил, Алеша. (Поет.)

Хошь ты пой, хошь не пой,
В тебе голос не такой!
Есть такие голоса...
Дыбом станут волоса...

А л е к с е й. Это как раз к твоему голосу и относится. Н и к о л к а. Алеша, это ты напрасно, ей-Богу! У меня есть голос, правда, не такой, как у Шервинского, но все-таки довольно приличный. Драматический, вернее всего – баритон. Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, есть у меня голос?

Е л е н а (из своей комнаты). У кого? У тебя? Нету никакого.

Н и к о л к а. Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между прочим, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, – говорит, – Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».

А л е к с е й. Дурак твой учитель пения.

Н и к о л к а. Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме. Учитель пения – дурак. У меня голоса нет, а вчера еще был, и вообще пессимизм. А я по своей натуре более склонен к оптимизму. (Трогает струны.) Хотя ты знаешь, Алеша, я сам начинаю беспокоиться. Девять часов уже, а он сказал, что утром приедет. Уж не случилось ли чего-нибудь с ним?

А л е к с е й. Ты потише говори. Понял?

Н и к о л к а. Вот комиссия, создатель, быть замужней сестры братом.

Е л е н а (из своей комнаты). Который час в столовой?

Н и к о л к а. Э... девять. Наши часы впереди, Леночка.

Е л е н а (из своей комнаты). Не сочиняй, пожалуйста.

Н и к о л к а. Ишь, волнуется. (Напевает.) Туманно... Ах, как все туманно!..

А л е к с е й. Не надрывай ты мне душу, пожалуйста. Пой веселую.

Н и к о л к а (поет).

Здравствуйте, дачницы!
Здравствуйте, дачники!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Съемки у нас уж давно начались...
Гей, песнь моя!.. Любимая!..
Буль-буль-буль, бутылочка
Казенного вина!!.
Бескозырки тонные,
Сапоги фасонные,
То юнкера-гвардейцы идут...

Электричество внезапно гаснет. За окнами с песней проходит воинская часть.

А л е к с е й. Черт знает что такое! Каждую минуту тухнет. Леночка, дай, пожалуйста, свечи.

Е л е н а (из своей комнаты). Да!.. Да!..

А л е к с е й. Какая-то часть прошла.

Елена, выходя со свечой, прислушивается. Далекий пушечный удар.

Н и к о л к а. Как близко. Впечатление такое, будто бы под Святошином стреляют. Интересно, что там происходит? Алеша, может быть, ты пошлешь меня узнать, в чем дело в штабе? Я бы съездил.

А л е к с е й. Конечно, тебя еще не хватает. Сиди, пожалуйста, смирно.

Н и к о л к а. Слушаю, господин полковник... Я, собственно, потому, знаешь, бездействие... обидно несколько... Там люди дерутся... Хотя бы дивизион наш был скорее готов.

А л е к с е й. Когда мне понадобятся твои советы в подготовке дивизиона, я тебе сам скажу. Понял?

Н и к о л к а. Понял. Виноват, господин полковник.

Электричество вспыхивает.

Е л е н а. Алеша, где же мой муж?

А л е к с е й. Приедет, Леночка.

Е л е н а. Но как же так? Сказал, что приедет утром, а сейчас девять часов, и его нет до сих пор. Уже не случилось ли с ним чего?

А л е к с е й. Леночка, ну, конечно, этого не может быть. Ты же знаешь, что линию на запад охраняют немцы.

Е л е н а. Но почему же его до сих пор нет?

А л е к с е й. Ну, очевидно, стоят на каждой станции.

Н и к о л к а. Революционная езда, Леночка. Час едешь, два стоишь.

Звонок.

Ну вот и он, я же говорил! (Бежит открывать дверь.) Кто там?

Голос Мышлаевского. Открой, ради Бога, скорей!

Н и к о л к а (впускает Мышлаевского в переднюю). Да это ты, Витенька?

М ы ш л а е в с к и й. Ну я, конечно, чтоб меня раздавило! Никол, бери винтовку, пожалуйста. Вот, дьяволова мать!

Е л е н а. Виктор, откуда ты?

М ы ш л а е в с к и й. Из-под Красного Трактира. Осторожно вешай, Никол. В кармане бутылка водки. Не разбей. Позволь, Лена, ночевать, не дойду домой, совершенно замерз.

Е л е н а. Ах, Боже мой, конечно! Иди скорей к огню.

Идут к камину.

М ы ш л а е в с к и й. Ох... ох... ох...

А л е к с е й. Что же они, валенки вам не могли дать, что ли?

М ы ш л а е в с к и й. Валенки! Это такие мерзавцы! (Бросается к огню.)

Е л е н а. Вот что: там ванна сейчас топится, вы его раздевайте поскорее, а я ему белье приготовлю. (Уходит.)

М ы ш л а е в с к и й. Голубчик, сними, сними, сними...

Н и к о л к а. Сейчас, сейчас. (Снимает с Мышлаевского сапоги.)

М ы ш л а е в с к и й. Легче, братик, ох, легче! Водки бы мне выпить, водочки.

А л е к с е й. Сейчас дам.

Н и к о л к а. Алеша, пальцы на ногах поморожены.

М ы ш л а е в с к и й. Пропали пальцы к чертовой матери, пропали, это ясно.

А л е к с е й. Ну что ты! Отойдут. Николка, растирай ему ноги водкой.

М ы ш л а е в с к и й. Так я и позволил ноги водкой тереть. (Пьет.) Три рукой. Больно!.. Больно!.. Легче.

Н и к о л к а. Ой-ой-ой! Как замерз капитан!

Е л е н а (появляется с халатом и туфлями). Сейчас же в ванну его. На!

М ы ш л а е в с к и й. Дай тебе Бог здоровья, Леночка. Дайте-ка водки еще. (Пьет.)

Елена уходит.

Н и к о л к а. Что, согрелся, капитан?

М ы ш л а е в с к и й. Легче стало. (Закурил.)

Н и к о л к а. Ты скажи, что там под Трактиром делается?

М ы ш л а е в с к и й. Метель под Трактиром. Вот что там. И я бы эту метель, мороз, немцев-мерзавцев и Петлюру!..

А л е к с е й. Зачем же, не понимаю, вас под Трактир погнали?

М ы ш л а е в с к и й. А мужички там эти под Трактиром. Вот эти самые милые мужички сочинения графа Льва Толстого!

Н и к о л к а. Да как же так? А в газетах пишут, что мужики на стороне гетмана...

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, юнкер, мне газеты тычешь? Я бы всю эту вашу газетную шваль перевешал на одном суку! Я сегодня утром лично на разведке напоролся на одного деда и спрашиваю: «Где же ваши хлопцы?» Деревня точно вымерла. А он сослепу не разглядел, что у меня погоны под башлыком, и отвечает: «Уси побиглы до Петлюры...»

Н и к о л к а. Ой-ой-ой-ой...

М ы ш л а е в с к и й. Вот именно «ой-ой-ой-ой»... Взял я этого толстовского хрена за манишку и говорю: «Уси побиглы до Петлюры? Вот я тебя сейчас пристрелю, старую... Ты у меня узнаешь, как до Петлюры бегают. Ты у меня сбегает в царство

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
небесное».

А л е к с е й. Как же ты в город попал?

М ы ш л а е в с к и й. Сменили сегодня, слава тебе, Господи! Пришла пехотная дружина. Скандал я в штабе на посту устроил. Жутко было! Они там сидят, коньяк в вагоне пьют. Я говорю, вы, говорю, сидите с гетманом во дворце, а артиллерийских офицеров вышибли в сапогах на мороз с мужичьем перестреливаться! Не знали, как от меня отделаться. Мы, говорят, командиром вас, капитан, по специальности в любую артиллерийскую часть. Поезжайте в город... Алеша, возьми меня к себе.

А л е к с е й. С удовольствием. Я и сам хотел тебя вызвать. Я тебе первую батарею дам.

М ы ш л а е в с к и й. Благодетель...

Н и к о л к а. Ура!.. Все вместе будем. Студзинский – старшим офицером... Прелестно!..

М ы ш л а е в с к и й. Вы где стоите?

Н и к о л к а. Александровскую гимназию заняли. Завтра или послезавтра можно выступить.

М ы ш л а е в с к и й. Ты ждешь не дождешься, чтобы Петлюра тебя по затылку трахнул?

Н и к о л к а. Ну, это еще кто кого!

Е л е н а (появляется с простыней). Ну, Виктор, отправляйся, отправляйся. Иди мойся. На простыню.

М ы ш л а е в с к и й. Лена ясная, позволь, я тебя за твои хлопоты обниму и поцелую. Как ты думаешь, Леночка, мне сейчас водки выпить или уже потом, за ужином сразу?

Е л е н а. Я думаю, что потом, за ужином, сразу. Виктор! Мужа ты моего не видел? Муж пропал.

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, Леночка, найдется. Он сейчас приедет. (Уходит.)

Начинается непрерывный звонок.

Н и к о л к а. Ну вот он он! (Бежит в переднюю.)

А л е к с е й. Господи, что это за звонок?

Н и к о л к а отворяет дверь. Появляется в передней Л а р и о с и к с чемоданом и с узлом.

Л а р и о с и к. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Н и к о л к а. Это вы кнопку вдавили. (Выбегает за дверь, на лестницу.)

Л а р и о с и к. Ах, Боже мой! Простите, ради Бога! (Входит в комнату.) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать ее самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

А л е к с е й. Мое почтение.

Л а р и о с и к. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. (Всем.) Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам все объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Е л е н а. Какой неразборчивый почерк!

Л а р и о с и к. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (Читает.) «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...» Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. (Николке.) И вас тоже. (Читает.) «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» – ах уж эта мама!.. – «... невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей. Но я очень спешу, сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет...» Гм... вот и все.

А л е к с е й. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Л а р и о с и к. Как с кем? Вы меня не знаете?

А л е к с е й. К сожалению, не имею удовольствия.

Л а р и о с и к. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Н и к о л к а. И я тоже не знаю.

Л а р и о с и к. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам все объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Н и к о л к а. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Е л е н а. Мы никакой телеграммы не получали.

Л а р и о с и к. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

А л е к с е й. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Л а р и о с и к. Ларион Ларионович Суржанский.

Е л е н а. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира?

Л а р и о с и к. Ну да.

Е л е н а. И вы... к нам приехали?

Л а р и о с и к. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждете... Простите, пожалуйста, я наследил вам... Я думал, что вы меня ждете, а раз так, то я поеду в какой-нибудь отель...

Е л е н а. Какие теперь отели?! Погодите, вы прежде всего раздевайтесь.

А л е к с е й. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

Н и к о л к а. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в передней.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире!

Е л е н а (шепотом). Алеша, что же мы с ним будем делать? Он симпатичный. Давай поместим его в библиотеке, все равно комната пуста.

А л е к с е й. Конечно, поди скажи ему.

Е л е н а. Вот что, Ларион Ларионович, прежде всего в ванну... Там уже есть один – капитан Мышлаевский... А то, знаете ли, после поезда...

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Л а р и о с и к. Да-да, ужасно!.. Ужасно!.. Ведь от Житомира до Киева я ехал
одиннадцать дней...

Н и к о л к а. Одиннадцать дней!.. Ой-ой-ой!..

Л а р и о с и к. Ужас, ужас!.. Это такой кошмар!

Е л е н а. Ну пожалуйста!

Л а р и о с и к. Душевно вам... Ах, извините, Елена Васильевна, я не могу идти в
ванну.

А л е к с е й. Почему вы не можете идти в ванну?

Л а р и о с и к. Извините меня, пожалуйста. Какие-то злодеи украли у меня в
санитарном поезде чемодан с бельем. Чемодан с книгами и рукописями оставили, а
белье все пропало.

Е л е н а. Ну, это беда поправимая.

Н и к о л к а. Я дам, я дам!

Л а р и о с и к (интимно, Николке). Рубашка, впрочем, у меня здесь, кажется,
есть одна. Я в нее собрание сочинений Чехова завернул. А вот не будете ли вы
добры дать мне кальсоны?

Н и к о л к а. С удовольствием. Они вам будут велики, но мы их заколем
английскими булавками.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

Е л е н а. Ларион Ларионович, мы вас поместим в библиотеке. Николка, проводи!

Н и к о л к а. Пожалуйста за мной.

Лариосик и Николка уходят.

А л е к с е й. Вот тип! Я бы его остриг прежде всего. Ну, Леночка, зажги свет, я
пойду к себе, у меня еще масса дел, а мне здесь мешают. (Уходит.)

Звонок.

Е л е н а. Кто там?

Г о л о с т а л ь б е р г а. Я, я. Открой, пожалуйста.

Е л е н а. Слава Богу! Где же ты был? Я так волновалась!

Т а л ь б е р г (входя). Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.

Е л е н а. Где же ты был?

Т а л ь б е р г. В германском штабе задержали. Важные дела.

Е л е н а. Ну иди, иди скорей, грейся. Сейчас чай будем пить.

Т а л ь б е р г. Не надо чаю, лена, погоди. Позвольте, чей это френч?

Е л е н а. Мышлаевского. Он только что приехал с позиций, совершенно
замороженный.

Т а л ь б е р г. Все-таки можно прибрать.

Е л е н а. Я сейчас. (Вешает френч за дверь.) Ты знаешь, еще новость. Сейчас
неожиданно приехал мой кузен из Житомира, знаменитый Лариосик, Алексей оставил
его у нас в библиотеке.

Т а л ь б е р г. Я так и знал! Недостаточно одного сеньора Мышлаевского.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Появляются еще какие-то житомирские кузены. Не дом, а постоянный двор. Я решительно не понимаю Алексея.

Е л е н а. Володя, ты просто устал и в дурном расположении духа. Почему тебе не нравится Мышлаевский? Он очень хороший человек.

Т а л ь б е р г. Замечательно хороший! Трактирный завсегда тай.

Е л е н а. Володя!

Т а л ь б е р г. Впрочем, сейчас не до Мышлаевского. Лена, закрой дверь... Лена, случилась ужасная вещь.

Е л е н а. Что такое?

Т а л ь б е р г. Немцы оставляют гетмана на произвол судьбы.

Е л е н а. Володя, да что ты говоришь?! Откуда ты узнал?

Т а л ь б е р г. Только что, под строгим секретом, в германском штабе. Никто не знает, даже сам гетман.

Е л е н а. Что же теперь будет?

Т а л ь б е р г. Что теперь будет... Гм... Половина десятого. Так-с... Что теперь будет?... Лена!

Е л е н а. Что ты говоришь?

Т а л ь б е р г. Я говорю: «Лена»!

Е л е н а. Ну что «Лена»?

Т а л ь б е р г. Лена, мне сейчас нужно бежать.

Е л е н а. Бежать? Куда?

Т а л ь б е р г. В Германию, в Берлин. Гм... Дорогая моя, ты представляешь, что будет со мной, если русская армия не отобьет Петлюру и он войдет в Киев?

Е л е н а. Тебя можно будет спрятать.

Т а л ь б е р г. Миленькая моя, как можно меня спрятать! Я не иголка. Нет человека в городе, который не знал бы меня. Спрятать помощника военного министра. Не могу же я, подобно сеньору Мышлаевскому, сидеть без френча в чужой квартире. Меня отличнейшим образом найдут.

Е л е н а. Постой! Я не пойму... Значит, мы оба должны бежать?

Т а л ь б е р г. В том-то и дело, что нет. Сейчас выяснилась ужасная картина. Город обложен со всех сторон, и единственный способ выбраться – в германском штабном поезде. Женщин они не берут. Мне одно место дали благодаря моим связям.

Е л е н а. Другими словами, ты хочешь уехать один?

Т а л ь б е р г. Дорогая моя, не «хочу», а иначе не могу! Пойми – катастрофа! Поезд идет через полтора часа. Решай, и как можно скорее.

Е л е н а. Через полтора часа? Как можно скорее? Тогда я решаю – уезжай.

Т а л ь б е р г. Ты умница. Я всегда это говорил. Что я хотел еще сказать? Да, что ты умница! Впрочем, я это уже сказал.

Е л е н а. На сколько же времени мы расстаемся?

Т а л ь б е р г. Я думаю, месяца на два. Я только пережду в Берлине всю эту кутерьму, а когда гетман вернется...

Е л е н а. А если он совсем не вернется?

Т а л ь б е р г. Этого не может быть. Даже если немцы оставят Украину, Антанта займет ее и восстановит гетмана. Европе нужна гетманская Украина как кордон от московских большевиков. Ты видишь, я все рассчитал.

Е л е н а. Да, я вижу, но только вот что: как же так, ведь гетман еще тут, они формируют свои войска, а ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Т а л ь б е р г. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету – я бегу, потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от гетманского министерства. Что, недурно?

Е л е н а. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

Т а л ь б е р г. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не «все».

Е л е н а. Ты же предупреди братьев.

Т а л ь б е р г. Конечно, конечно. Отчасти я даже рад, что еду один на такой большой срок. Как-никак ты все-таки побережешь наши комнаты.

Е л е н а. Владимир Робертович, здесь мои братья! Неужели же ты думаешь, что они вытеснят нас? Ты не имеешь права...

Т а л ь б е р г. О нет, нет, нет... Конечно, нет... Но ты же знаешь пословицу: «Qui va a la chasse, perd sa place»[8 – «кто уходит на охоту, теряет свое место» (франц.). Здесь и в дальнейшем перевод сделан автором.]. Теперь еще просьба, последняя. Здесь... Гм... без меня, конечно, будет бывать этот... Шервинский...

Е л е н а. Он и при тебе бывает.

Т а л ь б е р г. К сожалению. Видишь ли, моя дорогая, он мне не нравится.

Е л е н а. Чем, позволь узнать?

Т а л ь б е р г. Его ухаживания за тобой становятся слишком назойливыми, и мне было бы желательно... Гм...

Е л е н а. Что желательно было бы тебе?

Т а л ь б е р г. Я не могу сказать тебе что. Ты женщина умная и прекрасно воспитана. Ты прекрасно понимаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.

Е л е н а. Хорошо... я не брошу тень на фамилию Тальберг.

Т а л ь б е р г. Почему ты отвечаешь мне так сухо? Я ведь не говорю тебе о том, что ты можешь мне изменить. Я прекрасно знаю, что этого быть не может.

Е л е н а. Почему ты полагаешь, Владимир Робертович, что этого не может быть?..

Т а л ь б е р г. Елена, Елена, Елена! Я не узнаю тебя. Вот плоды общения с Мышлаевским! Замужняя дама – изменить!.. Без четверти десять! Я опоздаю!

Е л е н а. Я сейчас тебе уложу...

Т а л ь б е р г. Милая, ничего, ничего, только чемоданчик, в нем немного белья. Только, ради Бога, скорее, даю тебе одну минуту.

Е л е н а. Ты же все-таки простись с братьями.

Т а л ь б е р г. Само собой разумеется, только смотри, я еду в командировку.

Е л е н а. Алеша! Алеша! (Убегает.)

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
А л е к с е й (входя). Да, да... А, здравствуй, Володя.

Т а л ь б е р г. Здравствуй, Алеша.

А л е к с е й. Что за суета?

Т а л ь б е р г. Видишь ли, я должен сообщить тебе важную новость. Нынче ночью положение гетмана стало весьма серьезным.

А л е к с е й. Как?

Т а л ь б е р г. Серьезно и весьма.

А л е к с е й. В чем дело?

Т а л ь б е р г. Очень возможно, что немцы не окажут помощи и придется отбивать Петлюру своими силами.

А л е к с е й. Что ты говоришь?!

Т а л ь б е р г. Очень может быть.

А л е к с е й. Дело желтенькое... Спасибо, что сказал.

Т а л ь б е р г. Теперь второе. Так как я сейчас еду в командировку...

А л е к с е й. Куда, если не секрет?

Т а л ь б е р г. В Берлин.

А л е к с е й. Куда? В Берлин?

Т а л ь б е р г. Да. Как я ни барахтался, выкрутиться не удалось. Такое безобразие!

А л е к с е й. Надолго, смею спросить?

Т а л ь б е р г. На два месяца.

А л е к с е й. Ах вот как.

Т а л ь б е р г. Итак, позволь пожелать тебе всего хорошего. Берегите Елену.
(Протягивает руку.)

Алексей прячет руку за спину.

Что это значит?

А л е к с е й. Это значит, что командировка ваша мне не нравится.

Т а л ь б е р г. Полковник Турбин!

А л е к с е й. Я вас слушаю, полковник Тальберг.

Т а л ь б е р г. Вы мне ответите за это, господин брат моей жены!

А л е к с е й. А когда прикажете, господин Тальберг?

Т а л ь б е р г. Когда... Без пяти десять... Когда я вернусь.

А л е к с е й. Ну, Бог знает что случится, когда вы вернетесь!

Т а л ь б е р г. Вы... вы... Я давно уже хотел поговорить с вами.

А л е к с е й. Жену не волновать, господин Тальберг!

Е л е н а (входя). О чем вы говорили?

А л е к с е й. Ничего, ничего, Леночка!

Т а л ь б е р г. Ничего, ничего, дорогая! Ну, до свидания, Алеша!

А л е к с е й. До свидания, Володя!

Е л е н а. Николка! Николка!

Н и к о л к а (входя). Вот он я. Ох, приехал?

Е л е н а. Володя уезжает в командировку. Простись с ним.

Т а л ь б е р г. До свидания, Никол.

Н и к о л к а. Счастливого пути, господин полковник.

Т а л ь б е р г. Елена, вот тебе деньги. Из Берлина немедленно вышлю. Честь имею кланяться. (Стремительно идет в переднюю.) Не провожай меня, дорогая, ты простудишься. (Уходит.)

Елена идет за ним.

А л е к с е й (неприятным голосом). Елена, ты простудишься!

Пауза.

Н и к о л к а. Алеша, как же это он так уехал? Куда?

А л е к с е й. В Берлин.

Н и к о л к а. В Берлин... В такой момент... (Смотря в окно.) С извозчиком торгуется. (Философски.) Алеша, ты знаешь, я заметил, что он на крысу похож.

А л е к с е й (машинально). Совершенно верно, Никол. А дом наш – на корабль. Ну, иди к гостям. Иди, иди.

Николка уходит.

Дивизион в небо, как в копеечку, попадает. «Весьма серьезно». «Серьезно и весьма». Крыса! (Уходит.)

Е л е н а (возвращается из передней. Смотрит в окно). Уехал...

Картина вторая

Накрыт стол для ужина.

Е л е н а (у рояля, берет один и тот же аккорд). Уехал. Как уехал...

Ш е р в и н с к и й (внезапно появляется на пороге). Кто уехал?

Е л е н а. Боже мой! Как вы меня испугали, Шервинский! Как же вы вошли без звонка?

Ш е р в и н с к и й. Да у вас дверь открыта – все настезь. Здравия желаю, Елена Васильевна. (Вынимает из бумаги громадный букет.)

Е л е н а. Сколько раз я просила вас, Леонид Юрьевич, не делать этого. Мне неприятно, что вы тратите деньги.

Ш е р в и н с к и й. Деньги существуют на то, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс. Разрешите снять бурку?

Е л е н а. А если б я сказала, что не разрешаю?

Ш е р в и н с к и й. Я просидел бы всю ночь в бурке у ваших ног.

Е л е н а. Ой, Шервинский, армейский комплимент.

Ш е р в и н с к и й. Виноват, это гвардейский комплимент. (Снимает в передней бурку, остается в великолепнейшей черкеске.) Я так рад, что вас увидел! Я так давно вас не видел!

Е л е н а. Если память мне не изменяет, вы были у нас вчера.

Ш е р в и н с к и й. Ах, Елена Васильевна, что такое в наше время «вчера»? И так, кто же уехал?

Е л е н а. Владимир Робертович.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте, он же сегодня должен был вернуться!

Е л е н а. Да, он вернулся и... опять уехал.

Ш е р в и н с к и й. Куда?

Е л е н а. Какие дивные розы!

Ш е р в и н с к и й. Куда?

Е л е н а. В Берлин.

Ш е р в и н с к и й. В... Берлин? И надолго, разрешите узнать?

Е л е н а. Месяца на два.

Ш е р в и н с к и й. На два месяца! Да что вы!.. Печально, печально, печально... Я так расстроен, я так расстроен!!

Е л е н а. Шервинский, пятый раз целуете руку.

Ш е р в и н с к и й. Я, можно сказать, подавлен... Боже мой, да тут все! Ура! Ура!

Г о л о с н и к о л к и. Шервинский! Демона!

Е л е н а. Чему вы так бурно радуетесь?

Ш е р в и н с к и й. Я радуюсь... Ах, Елена Васильевна, вы не поймете!..

Е л е н а. Вы не светский человек, Шервинский.

Ш е р в и н с к и й. Я не светский человек? Позвольте, почему же? Нет, я светский... Просто я, знаете ли, расстроен... И так, стало быть, он уехал, а вы остались.

Е л е н а. Как видите. Как ваш голос?

Ш е р в и н с к и й (у рояля). Ма-ма... миа... ми... Он далеко, он да... он далеко, он не узнает... Да... В бесподобном голосе. Ехал к вам на извозчике, казалось, что и голос сел, а сюда приезжаю – оказывается, в голосе.

Е л е н а. Ноты захватили?

Ш е р в и н с к и й. Ну как же, как же... Вы чистой воды богиня!

Е л е н а. Единственно, что в вас есть хорошего, – это голос, и прямое ваше назначение – это оперная карьера.

Ш е р в и н с к и й. Кое-какой материал есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды в Жмеринке пел эпиталаму, там вверху «фа», как вам известно, а я взял «ля» и держал девять тактов.

Е л е н а. Сколько?

Ш е р в и н с к и й. Семь тактов держал. Напрасно вы не верите. Ей-Богу! Там была графиня Гендрикова... Она влюбилась в меня после этого «ля».

Е л е н а. И что же было потом?

Ш е р в и н с к и й. Отравилась. Цианистым калием.

Е л е н а. Ах, Шервинский! Это у вас болезнь, честное слово. Господа, Шервинский! Идите к столу!

Входят А л е к с е й, С т у д з и н с к и й и М ы ш л а е в с к и й.

А л е к с е й. Здравствуйте, Леонид Юрьевич. Милости просим.

Ш е р в и н с к и й. Виктор! Жив! Ну, слава Богу! Почему ты в чалме?

М ы ш л а е в с к и й (в чалме из полотенца). Здравствуй, адъютант.

Ш е р в и н с к и й (Студзинскому). Мое почтение, капитан.

Входят Л а р и о с и к и Н и к о л к а.

М ы ш л а е в с к и й. Позвольте вас познакомиться. Старший офицер нашего дивизиона капитан Студзинский, а это мсье Суржанский. Вместе с ним купались.

Н и к о л к а. Кузен наш из Житомира.

С т у д з и н с к и й. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Душевно рад познакомиться.

Ш е р в и н с к и й. Ее императорского величества лейб-гвардии уланского полка и личный адъютант гетмана поручик Шервинский.

Л а р и о с и к. Ларион Суржанский. Душевно рад с вами познакомиться.

М ы ш л а е в с к и й. Да вы не приходите в такое отчаяние. Бывший лейб, бывшей гвардии, бывшего полка...

Е л е н а. Господа, идите к столу.

А л е к с е й. Да-да, пожалуйста, а то двенадцать часов, завтра рано вставать.

Ш е р в и н с к и й. Ух, какое великолепие! По какому случаю пир, позвольте спросить?

Н и к о л к а. Последний ужин дивизиона. Завтра выступаем, господин поручик...

Ш е р в и н с к и й. Ага...

С т у д з и н с к и й. Где прикажете, господин полковник?

Ш е р в и н с к и й. Где прикажете?

А л е к с е й. Где угодно, где угодно. Прошу вас! Леночка, будь хозяйкой.

Усаживаются.

Ш е р в и н с к и й. Итак, стало быть, он уехал, а вы остались?

Е л е н а. Шервинский, замолчите.

М ы ш л а е в с к и й. Леночка, водки выпьешь?

Е л е н а. Нет-нет-нет!..

М ы ш л а е в с к и й. Ну, тогда белого вина.

С т у д з и н с к и й. Вам позволите, господин полковник?

А л е к с е й. Мерси, вы, пожалуйста, себе.

М ы ш л а е в с к и й. Вашу рюмку.

Л а р и о с и к. Я, собственно, водки не пью.

М ы ш л а е в с к и й. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селедку без водки есть? Абсолютно не понимаю.

Л а р и о с и к. Душевно вам признателен.

М ы ш л а е в с к и й. Давно, давно я водки не пил.

Ш е р в и н с к и й. Господа! Здоровье Елены Васильевны! Ура!

С т у д з и н с к и й, Л а р и о с и к, М ы ш л е в с к и й. Ура!

Е л е н а. Тише! Что вы, господа! Весь переулочок разбудите. И так уж твердят, что у нас каждый день попойка.

М ы ш л а е в с к и й. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Л а р и о с и к. Да, очень!

М ы ш л а е в с к и й. Умоляю, еще по рюмке. Господин полковник...

А л е к с е й. Ты не гони особенно, Виктор, завтра выступать.

Н и к о л к а. И выступим!

Е л е н а. Что с гетманом, скажите?

С т у д з и н с к и й. Да-да, что с гетманом?

Ш е р в и н с к и й. Все обстоит благополучно. Какой вчера был ужин во дворце!.. На двести персон. Рябчики... Гетман в национальном костюме.

Е л е н а. Да говорят, что немцы нас оставляют на произвол судьбы?

Ш е р в и н с к и й. Не верьте никаким слухам, Елена Васильевна.

Л а р и о с и к. Благодарю, глубокоуважаемый Виктор Викторович. Я ведь, собственно говоря, водки не пью.

М ы ш л а е в с к и й (выпивая). Стыдитесь, Ларион!

Ш е р в и н с к и й, Н и к о л к а. Стыдитесь!

Л а р и о с и к. Покорнейше благодарю.

А л е к с е й. Ты, Никол, на водку-то не налегай.

Н и к о л к а. Слушаю, господин полковник! Я – белого вина.

Л а р и о с и к. Как это вы ловко ее опрокидываете, Виктор Викторович.

М ы ш л а е в с к и й. Достигается упражнением.

А л е к с е й. Спасибо, капитан. А салату?

С т у д з и н с к и й. Покорнейше благодарю.

М ы ш л а е в с к и й. Лена золотая! Пей белое вино. Радость моя! Рыжая Лена, я знаю, отчего ты так расстроена. Брось! Все к лучшему.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ш е р в и н с к и й. Все к лучшему.

М ы ш л а е в с к и й. Нет-нет, до дна, Леночка, до дна!

Н и к о л к а (берет гитару, поет). Кому чару пить, кому здраву быть... пить чару...

В с е (поют). Свет Елене Васильевне!

Леночка, выпейте!

Выпейте... выпейте...

Елена пьет.

Браво!!!

Аплодируют.

М ы ш л а е в с к и й. Ты замечательно выглядишь сегодня. Ей-Богу. И капот этот идет тебе, клянусь честью. Господа, гляньте, какой капот, совершенно зеленый!

Е л е н а. Это платье, Витенька, и не зеленое, а серое.

М ы ш л а е в с к и й. Ну, тем хуже. Все равно. Господа, обратите внимание, не красивая она женщина, вы скажете?

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна очень красивая. Ваше здоровье!

М ы ш л а е в с к и й. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

Ш е р в и н с к и й. Ну, ну, Виктор, Виктор!..

М ы ш л а е в с к и й. Леонид, отойди. От чужой, мужней жены отойди!

Ш е р в и н с к и й. Позволь...

М ы ш л а е в с к и й. Мне можно, я друг детства.

Ш е р в и н с к и й. Свинья ты, а не друг детства...

Н и к о л к а (вставая). Господа, здоровье командира дивизиона!

Студзинский, Шервинский и Мышлаевский встают.

Л а р и о с и к. Ура!.. Извините, господа, я человек не военный.

М ы ш л а е в с к и й. Ничего, ничего, Ларион! Правильно!

Л а р и о с и к. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Е л е н а. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Многоуважаемый Алексей Васильевич... Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо!..

А л е к с е й. Очень приятно.

Л а р и о с и к. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши израненные души так жаждут покоя...

М ы ш л а е в с к и й. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Л а р и о с и к. Я? Да... пишу.

М ы ш л а е в с к и й. Так. Извините, что я вас перебил. Продолжайте.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Л а р и о с и к. Пожалуйста... Кремовые шторы... Они отделяют нас от всего
мира... Впрочем, я человек не военный... Эх!.. Налейте мне еще рюмочку.

М ы ш л а е в с к и й. Bravo, Ларион! Ишь, хитрец, а говорил – не пьет.
Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как глубокоуважаемый сапог.

Л а р и о с и к. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи и не
однажды... в обществе сослуживцев моего покойного папы... в Житомире... Ну, там
податные инспектора... Они меня тоже... ох как ругали!

М ы ш л а е в с к и й. Податные инспектора – известные звери.

Ш е р в и н с к и й. Пейте, Лена, пейте, дорогая!

Е л е н а. Напоить меня хотите? У, какой противный!

Н и к о л к а (у рояля, поет).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землю?

Л а р и о с и к (поет).

Так громче, музыка, играй победу.

В с е (поют).

Мы победили, и враг бежит.
Так за...

Л а р и о с и к. Царя...

А л е к с е й. Что вы, что вы!

В с е (поют фразу без слов).

Мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!».

Н и к о л к а (поет).

Из темного леса навстречу ему...

Все поют.

Л а р и о с и к. Эх! До чего у вас весело, Елена Васильевна, дорогая! Огни!..
Ура!

Ш е р в и н с к и й. Господа! Здоровье его светлости гетмана всяя Украины. Ура!

Пауза.

С т у д з и н с к и й. Виноват. Завтра драться я пойду, но тост этот пить не
стану и другим офицерам не советую.

Ш е р в и н с к и й. Господин капитан!

Л а р и о с и к. Совершенно неожиданное происшествие.

М ы ш л а е в с к и й (пьян). Из-за него, дьявола, я себе ноги отморозил.
(Пьет.)

С т у д з и н с к и й. Господин полковник, вы тост одобряете?

А л е к с е й. Нет, не одобряю!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ш е р в и н с к и й. Господин полковник, позвольте, я скажу!

С т у д з и н с к и й. Нет, уж позвольте, я скажу!

Л а р и о с и к. Нет, уж позвольте, я скажу! Здоровье Елены Васильевны, а равно ее глубокоуважаемого супруга, отбившего в Берлин!

М ы ш л а е в с к и й. Во! Угадал, Ларион! Лучше – трудно.

Н и к о л к а (поет).

Скажи мне всю правду, не бойся меня...

Л а р и о с и к. Простите, Елена Васильевна, я человек не военный.

Е л е н а. Ничего, ничего, Ларион. Вы душевный человек, хороший. Идите ко мне сюда.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна! Ах, Боже мой, красное вино!..

Н и к о л к а. Солью, солью посыплю... ничего.

С т у д з и н с к и й. Этот ваш гетман!..

А л е к с е й. Одну минуту, господа!.. Что же, в самом деле? В насмешку мы ему дались, что ли? Если бы ваш гетман, вместо того чтобы ломать эту чертову комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, ведь Петлюры бы духу не пахло в Малороссии. Но этого мало: мы бы большевиков в Москве прихлопнули как мух. И самый момент! Там, говорят, кошек жрут. Он бы, мерзавец, Россию спас!

Ш е р в и н с к и й. Немцы бы не позволили формировать армию, они ее боятся.

А л е к с е й. Неправда-с. Немцам нужно было объяснить, что мы им не опасны. Конечно! Войну мы проиграли! У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем вообще все на свете: у нас большевики. Немцам нужно было сказать: «Вам что? Нужен хлеб, сахар? Нате, берите, лопайте, подавитесь, но только помогите нам, чтобы наши мужички не заболели московской болезнью». А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдатаев кафе. Кафейная армия! Пойди его заведи. Так он тебе и пойдет воевать. У него, у мерзавца, валюта в кармане. Он в кофейне сидит на Крещатике, а вместе с ним вся эта гвардейская штабная орава. Ну-с, великолепно! Дали полковнику Турбину дивизион: лети, спеши, формируй, ступай, Петлюра идет!.. Отлично-с! А вот глянул я вчера на них, и, даю вам слово чести, в первый раз дрогнуло мое сердце.

М ы ш л а е в с к и й. Алеша, командирчик ты мой! Артиллерийское у тебя сердце! Пью здоровье!

А л е к с е й. Дрогнуло, потому что на сто юнкеров – сто двадцать студентов, и держат они винтовку, как лопату. И вот вчера на плацу... Снег идет, туман вдали... Померещился мне, знаете ли, гроб...

Е л е н а. Алеша, зачем ты говоришь такие мрачные вещи? Не смей!

Н и к о л к а. Не извольте расстраиваться, господин командир, мы не выдадим.

А л е к с е й. Вот, господа, сижу я сейчас среди вас, и все у меня одна неотвязная мысль. Ах! Если бы мы все это могли предвидеть раньше! Вы знаете, что такое этот ваш Петлюра? Это миф, это черный туман. Его и вовсе нет. Вы гляньте в окно, посмотрите, что там. Там метель, какие-то тени... В России, господа, две силы: большевики и мы. Мы еще встретимся. Вижу я более грозные времена. Вижу я... Ну, ладно! Мы не удержим Петлюру. Но ведь он ненадолго придет. А вот за ним придут большевики. Вот из-за этого я и иду! На рожон, но пойду! Потому что, когда мы встретимся с ними, дело пойдет веселее. Или мы их закопаем, или, вернее, они нас. Пью за встречу, господа!

Л а р и о с и к (за роялем, поет).

Жажда встречи,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Клятвы, речи –
Все на свете
Трын-трава...

Н и к о л к а. Здорово, Ларион! (Поет.)

Жажда встречи,
Клятвы, речи...

Все сумбурно поют. Лариосик внезапно зарыдал.

Е л е н а. Лариосик, что с вами?

Н и к о л к а. Ларион!

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, Ларион, кто тебя обидел?

Л а р и о с и к (пьян). Я испугался.

М ы ш л а е в с к и й. Кого? Большевиков? Ну, мы им сейчас покажем! (Берет маузер.)

Е л е н а. Виктор, что ты делаешь?!

М ы ш л а е в с к и й. Комиссаров буду стрелять. Кто из вас комиссар?

Ш е р в и н с к и й. Маузер заряжен, господа!!

С т у д з и н с к и й. Капитан, сядь сию минуту!

Е л е н а. Господа, отнимите у него!

Отнимает маузер. Лариосик уходит.

А л е к с е й. Что ты, с ума сошел? Сядь сию минуту! Это я виноват, господа.

М ы ш л а е в с к и й. Стало быть, я в компанию большевиков попал. Очень приятно. Здравствуйте, товарищи! Выпьем за здоровье комиссаров. Они симпатичные!

Е л е н а. Виктор, не пей больше!

М ы ш л а е в с к и й. Молчи, комиссарша!

Ш е р в и н с к и й. Боже, как налился!

А л е к с е й. Господа, это я виноват. Не слушайте того, что я сказал. Просто у меня расстроены нервы.

С т у д з и н с к и й. О нет, господин полковник. Поверьте, что мы понимаем и что мы разделяем все, что вы сказали. Империю Российскую мы будем защищать всегда!

Н и к о л к а. Да здравствует Россия!

Ш е р в и н с к и й. Позвольте слово! Вы меня не поняли! Гетман так и сделает, как вы предлагаете. Вот когда нам удастся отбиться от Петлюры и союзники помогут нам разбить большевиков, вот тогда гетман положит Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича...

М ы ш л а е в с к и й. Какого Александровича? А говорит, я налился.

Н и к о л к а. Император убит...

Ш е р в и н с к и й. Господа! Известие о смерти его императорского величества...

М ы ш л а е в с к и й. Несколько преувеличено.

С т у д з и н с к и й. Виктор, ты офицер!

Е л е н а. Дайте же сказать ему, господа!

Ш е р в и н с к и й. ...вымышлено большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: «А о дальнейшем с вами будет говорить...» – портьера раздвинулась, и вышел наш государь.

Входит Л а р и о с и к.

Он сказал: «Господа офицеры, поезжайте на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет время, я лично вас поведу в сердце России, в Москву!» И прослезился.

С т у д з и н с к и й. Убит он! Е л е н а. Шервинский! Это правда?

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна!

А л е к с е й. Поручик, это легенда! Я уже слышал эту историю.

Н и к о л к а. Все равно. Пусть император мертв, да здоровствует император! Ура!.. Гимн! Шервинский! Гимн! (Поет.) Боже, царя храни!..

Ш е р в и н с к и й, С т у д з и н с к и й, М ы ш л е в с к и й. Боже, царя храни!

Л а р и о с и к (поет). Сильный, державный...

Н и к о л к а, С т у д з и н с к и й, Ш е р в и н с к и й. Царствуй на славу...

Е л е н а, А л е к с е й. Господа, что вы! Не нужно этого!

М ы ш л а е в с к и й (плачет). Алеша, разве это народ! Ведь это бандиты. Профессиональный союз царевбийц. Петр Третий... Ну что он им сделал? Что? Орут: «Войны не надо!» Отлично... Он же прекратил войну. И кто? Собственный дворянин царя по морде бутылкой!.. Павла Петровича князь портсигаром по уху... А этот... забыл, как его... с бакенбардами, симпатичный, дай, думает, мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых. Так его бомбой за это? Пороть их надо, негодяев, Алеша! Ох, мне что-то плохо, братцы...

Е л е н а. Ему плохо!

Н и к о л к а. Капитану плохо!

А л е к с е й. В ванну.

Студзинский, Николка и Алексей поднимают Мышлаевского и выносят.

Е л е н а. Я пойду посмотрю, что с ним.

Ш е р в и н с к и й (загородив дверь). Не надо, лена!

Е л е н а. Господа, господа, ведь нужно же так... Хаос... Накурили... Лариосик-то, Лариосик!..

Ш е р в и н с к и й. Что вы, что вы, не будите его!

Е л е н а. Я сама из-за вас напилась. Боже, ноги не ходят.

Ш е р в и н с к и й. Вот сюда, сюда... Вы мне разрешите... возле вас?

Е л е н а. Садитесь... Шервинский, что с нами будет? Чем же все это кончится? А?.. Я видела дурной сон. Вообще кругом за последнее время все хуже и хуже.

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна! Все будет благополучно, а снам вы не верьте...

Е л е н а. Нет, нет, мой сон вещий. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно-холодно. Волны. А мы в трюме.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вода поднимается к самым ногам... Влезает на какие-то нары. И вдруг крысы. Такие омерзительные, такие огромные. Так страшно, что я проснулась.

Ш е р в и н с к и й. А вы знаете что, Елена Васильевна? Он не вернется.

Е л е н а. Кто?

Ш е р в и н с к и й. Ваш муж.

Е л е н а. Леонид Юрьевич, это нахальство. Какое вам дело? Вернется, не вернется.

Ш е р в и н с к и й. Мне-то большое дело. Я вас люблю.

Е л е н а. Слышала. И все вы сочиняете.

Ш е р в и н с к и й. Ей-Богу, я вас люблю.

Е л е н а. Ну и любите про себя.

Ш е р в и н с к и й. Не хочу, мне надоело.

Е л е н а. Пойдите, пойдите. Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?

Ш е р в и н с к и й. Потому что он на крысу похож.

Е л е н а. Какая вы свинья все-таки, Леонид! Во-первых, вовсе не похож.

Ш е р в и н с к и й. Как две капли. Пенсне, носик острый...

Е л е н а. Очень, очень красиво! Про отсутствующего человека гадости говорить, да еще его жене!

Ш е р в и н с к и й. Какая вы ему жена!

Е л е н а. То есть как?

Ш е р в и н с к и й. Вы посмотрите на себя в зеркало. Вы красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять. Аккомпанируете прекрасно на рояле. А он рядом с вами – вешалка, карьерист, штабной момент.

Е л е н а. За глаза-то! Отлично! (Зажимает ему рот.)

Ш е р в и н с к и й. Да я ему это в глаза скажу. Давно хотел. Скажу и вызову на дуэль. Вы с ним несчастливы.

Е л е н а. С кем же я буду счастлива?

Ш е р в и н с к и й. Со мной.

Е л е н а. Вы не годитесь.

Ш е р в и н с к и й. Ого-го!.. Почему это я не годюсь?

Е л е н а. Что в вас есть хорошего?

Ш е р в и н с к и й. Да вы всмотритесь.

Е л е н а. Ну побрякушки адъютантские, смазлив, как херувим. И голос. И больше ничего.

Ш е р в и н с к и й. Так я и знал! Что за несчастье! Все твердят одно и то же: Шервинский – адъютант, Шервинский – певец, то, другое... А что у Шервинского есть душа, этого никто не замечает. И живет Шервинский как бездомная собака, и не к кому Шервинскому на грудь голову склонить.

Е л е н а (отталкивает его голову). Вот гнусный ловелас! Мне известны ваши

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной. Фу, губы
накрашенные...

Ш е р в и н с к и й. Она не длинная. Это меццо-сопрано. Елена Васильевна,
ей-Богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны,
Лена, как плохо с твоей стороны, Лена.

Е л е н а. Я вам не Лена!

Ш е р в и н с к и й. Ну, плохо с твоей стороны, Елена Васильевна. Вообще у
вас нет никакого чувства ко мне.

Е л е н а. К несчастью, вы мне очень нравитесь.

Ш е р в и н с к и й. Ага! Нравлюсь. А мужа своего вы не любите.

Е л е н а. Нет, люблю.

Ш е р в и н с к и й. Лена, не лги. У женщины, которая любит мужа, не такие
глаза. Я видал женские глаза. В них все видно.

Е л е н а. Ну да, вы опытни, конечно.

Ш е р в и н с к и й. Как он уехал?!

Е л е н а. И вы бы так сделали.

Ш е р в и н с к и й. Я? Никогда! Это позорно. Сознайтесь, что вы его не любите!

Е л е н а. Ну, хорошо: не люблю и не уважаю. Не уважаю. Довольны? Но из этого
ничего не следует. Уберите руки.

Ш е р в и н с к и й. А зачем вы тогда поцеловались со мной?

Е л е н а. Лжешь ты! Никогда я с тобой не целовалась. Лгун с аксельбантами!

Ш е р в и н с к и й. Я лгу?.. А у рояля? Я пел: «Бога всесильного»... и мы были
одни. И даже скажу когда – восьмого ноября. Мы были одни, и ты поцеловала в
губы.

Е л е н а. Я тебя за голос поцеловала. Понял? За голос. Матерински поцеловала.
Потому что голос у тебя замечательный. И больше ничего.

Ш е р в и н с к и й. Ничего?

Е л е н а. Это мучение. Честное слово! Посуда грязная. Эти пьяные. Муж куда-то
уехал. Кругом свет...

Ш е р в и н с к и й. Свет мы уберем. (Тушит верхний свет.) Так хорошо? Слушай,
Лена, я тебя очень люблю. Я тебя все равно не выпущу. Ты будешь моей женой.

Е л е н а. Пристал, как змея... как змея.

Ш е р в и н с к и й. Какая же я змея?

Е л е н а. Пользуется каждым случаем и соблазняет. Ничего ты не добьешься.
Ничего. Какой бы он ни был, не стану я из-за тебя ломать свою жизнь. Может быть,
ты еще хуже окажешься.

Ш е р в и н с к и й. Лена, до чего ты хороша!

Е л е н а. Уйди! Я пьяна. Это ты сам меня напоил нарочно. Ты известный негодяй.
Вся жизнь наша рушится. Все пропадает, валится.

Ш е р в и н с к и й. Елена, ты не бойся, я тебя не покину в такую минуту. Я
возле тебя буду, Лена.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Е л е н а. Выпустите меня. Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг.

Ш е р в и н с к и й. Лена, ты брось его совсем и выходи за меня... Лена!

Целуются.

Разведешься?

Е л е н а. Ах, пропади все пропадом!

Целуются.

Л а р и о с и к (внезапно). Не целуйтесь, а то меня тошнит.

Е л е н а. Пустите меня! Боже мой! (Убегает.)

Л а р и о с и к. Ох!..

Ш е р в и н с к и й. Молодой человек, вы ничего не видали!

Л а р и о с и к (мутно). Нет, видал.

Ш е р в и н с к и й. То есть как?

Л а р и о с и к. Если у тебя король, ходи с короля, а дам не трогай!.. Не трогай!.. Ой!..

Ш е р в и н с к и й. Я с вами не играл.

Л а р и о с и к. Нет, ты играл.

Ш е р в и н с к и й. Боже, как нарезался!

Л а р и о с и к. Вот посмотрим, что мама вам скажет, когда я умру. Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько нельзя. (Падает на грудь Шервинскому.)

Ш е р в и н с к и й. Как надрался!

Часы бьют три, играют менуэт.

Занавес

Действие второе

Картина первая

Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты. Отдельно полевой телефон. На стене огромная карта в раме. Ночь. Кабинет ярко освещен.

Дверь отворяется, и камер-лакей впускает Шервинского.

Ш е р в и н с к и й. Здравствуйте, Федор.

Л а к е й. Здравия желаю, господин поручик.

Ш е р в и н с к и й. Как! Никого нет? А кто из адъютантов дежурит у аппаратов?

Л а к е й. Его сиятельство князь Новожилицев.

Ш е р в и н с к и й. А где же он?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Л а к е й. Не могу знать. С полчаса назад вышли.

Ш е р в и н с к и й. Как это так? И аппараты полчаса стояли без дежурного?

Л а к е й. Да никто не звонил. Я все время был у дверей.

Ш е р в и н с к и й. Мало ли что не звонил! А если бы позвонил? В такой момент! Черт знает что такое!

Л а к е й. Я бы принял телефонограмму. Они так и распорядились, чтобы, пока вы не придете, я бы записывал.

Ш е р в и н с к и й. Вы? Записывать военные телефонограммы?!.. Да что у него, размягчение мозга? А, понял, понял! Он заболел?

Л а к е й. Никак нет. Они вовсе из дворца выбыли.

Ш е р в и н с к и й. То есть как это – вовсе из дворца? Вы шутите, дорогой Федор. Не сдав дежурства, отбыл из дворца? Значит, он в сумасшедший дом отбыл?

Л а к е й. Не могу знать. Только они забрали свою зубную щетку, полотенце и мыло из адъютантской комнаты. Я же им еще газету давал.

Ш е р в и н с к и й. Какую газету?

Л а к е й. Я же докладываю, господин поручик: во вчерашний номер они мыло завернули.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте, да вот же его шашка!

Л а к е й. Да они в штатском уехали.

Ш е р в и н с к и й. Или я с ума сошел, или вы. Запись-то он мне оставил, по крайней мере? Что-нибудь приказал передать?

Л а к е й. Приказали кланяться.

Ш е р в и н с к и й. Вы свободны, Федор.

Л а к е й. Слушаю. Разрешите доложить, господин адъютант?

Ш е р в и н с к и й. Нуте-с?

Л а к е й. Они изволили неприятное известие получить.

Ш е р в и н с к и й. Откуда? Из дому?

Л а к е й. Никак нет. По полевому телефону. И сейчас же заторопились. При этом в лице очень изменились.

Ш е р в и н с к и й. Я надеюсь, Федор, что вас не касается окраска лица адъютантов его светлости. Вы лишнее говорите.

Л а к е й. Прошу извинить, господин поручик. (Уходит.)

Ш е р в и н с к и й (говорит по телефону на гетманском столе). 12-23... Мерси... Это квартира князя Новожильцева?.. Попросите Сергея Николаевича... Что? Во дворце? Его нет во дворце. Я сам говорю из дворца... Постой, Сережа, да это твой голос!.. Сере... Позвольте...

Телефон звонит отбой.

Что за хамство! Я же отлично слышал, что это он сам. (Пауза.) Шервинский, Шервинский... (Вызывает по полевому телефону, телефон пищит.) Штаб Святошинского отряда... Попросите начштаба... Как – его нет? Помощника... Штаб Святошинского отряда?.. Что за чертовщина!.. (Садится за стол, звонит.)

Входит к а м е р-л а к е й.

(Пишет записку.) Федор, сейчас же эту записку передайте вестовому. Чтобы срочно поехал ко мне на квартиру на Львовскую улицу, там ему по этой записке дадут сверток. Чтобы сейчас же привез его сюда. Вот два карбованца ему на извозчика. Вот записка в комендатуру на пропуск.

Л а к е й. Слушаю. (Уходит.)

Ш е р в и н с к и й (трогает баки, задумчиво). Что за чертовщина, честное слово! На столе звонит телефон.

Я слушаю... Да. Личный адъютант его светлости поручик Шервинский... Здравия желаю, ваше превосходительство... Как-с? (Пауза.) Болботун?!.. Как, со всем штабом?.. Слушаю!.. Так-с, передам... Слушаю, ваше превосходительство... Его светлость должен быть в двенадцать часов ночи. (Вешает трубку.)

Телефон звонит отбой. Пауза.

Я убит, господа! (Свистит.)

За сценой глухая команда: «Смирно!» – потом многоголосый крик караула: «Здравия желаем, ваша светлость!»

Л а к е й (открывает обе половинки двери). Его светлость!

Входит Г е т м а н. Он в богатейшей черкеске, малиновых шароварах и сапогах без каблучков кавказского типа и без шпор. Блестящие генеральские погоны. Коротко подстриженные сидящие усы, гладко обритая голова, лет сорока пяти.

Г е т м а н. Здравствуйте, поручик.

Ш е р в и н с к и й. Здравия желаю, ваша светлость.

Г е т м а н. Приехали?

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь спросить – кто?

Г е т м а н. Как это – кто? Я назначил без четверти двенадцать совещание у меня. Должен быть командующий русской армией, начальник гарнизона и представители германского командования. Где они?

Ш е р в и н с к и й. Не могу знать. Никто не прибыл.

Г е т м а н. Вечно опаздывают. Сводку мне за последний час. Живо!

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь доложить вашей светлости: я только что принял дежурство. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной...

Г е т м а н. Я давно уже хотел поставить на вид вам и другим адъютантам, что следует говорить по-украински. Это безобразие, в конце концов! Ни один мой офицер не говорит на языке страны, а на украинские части это производит самое отрицательное впечатление. Прохаю ласково.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю, ваша светлость. Дежурный адъютант корнет... князь... (В сторону.) Черт его знает, как «князь» по-украински!.. Черт! (Вслух.) Новожильцев, временно исполняющий обязанности... Я думаю... думаю... думаю...

Г е т м а н. Говорите по-русски!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю, ваша светлость. Корнет князь Новожильцев, дежуривший передо мной, очевидно, внезапно заболел и отбыл домой еще до моего прибытия...

Г е т м а н. Что вы такое говорите? Отбыл с дежурства? Вы сами-то как? В здравом уме? То есть как это – отбыл с дежурства? Значит, бросил дежурство? Что у вас тут происходит, в конце концов? (Звонит по телефону.) Комендатура?.. Дать сейчас же наряд... По голосу надо слышать, кто говорит. Наряд на квартиру к моему

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
адъютанту корнету Новожильцеву, арестовать его и доставить в комендатуру. Сию минуту.

Ш е р в и н с к и й (в сторону). Так ему и надо! Будет знать, как чужими голосами по телефону разговаривать. Хам!

Г е т м а н (по телефону). Зараз! (Шервинскому.) Ну а запись он оставил?

Ш е р в и н с к и й. Так точно. Но на ленте ничего нет.

Г е т м а н. Да что ж он? Спятил? Рехнулся? Да я его расстреляю сейчас, здесь же, у дворцового парапета. Я вам покажу всем! Соединитесь сейчас же со штабом командующего. Просить немедленно ко мне! То же самое начгарнизона и всех командиров полков. Живо!

Ш е р в и н с к и й. Осмелюсь доложить, ваша светлость, известие чрезвычайной важности.

Г е т м а н. Какое там еще известие?

Ш е р в и н с к и й. Пять минут назад мне звонили из штаба командующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости внезапно заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.

Пауза.

Г е т м а н. Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите? Ну!..

Ш е р в и н с к и й. Так точно, ваша светлость, катастрофа. В десять часов вечера петлюровские части прорвали городской фронт, и конница Болботуна пошла в прорыв...

Г е т м а н. Болботуна?.. Где?..

Ш е р в и н с к и й. За Слободкой, в десяти верстах.

Г е т м а н. Погодите... погодите... так... что такое?.. Вот что... Во всяком случае, вы отличный, расторопный офицер. Я давно это заметил. Вот что. Сейчас же соединитесь со штабом германского командования и просите представителей его сию минуту Пожаловать ко мне. Живо, голубчик, живо!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю. (По телефону.) Третий. Seien Sie bitte so liebenswürdig, Herr Major von Dust an den Apparat zu bitten.

Стук в дверь.

Ja... Ja... [9 - Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста. Да... да... (нем.)]

Г е т м а н. Войдите, да.

Л а к е й. Представители германского командования генерал фон Шратт и майор фон Дуст просят их принять.

Г е т м а н. Просить сюда сейчас же. (Шервинскому.) Отставить.

Лакей впускает ф о н Ш р а т т а и ф о н Д у с т а. Оба в серой форме. Шратт – длиннолицый, седой. Дуст – с багровым лицом.

Оба в моноклях.

Ш р а т т. wir haben die Ehre, Euer Durchlaucht zu begrussen [10 - имеем честь приветствовать вашу светлость (нем.)].

Г е т м а н. Sehr erfreut, Sie zu sehen, meine Herren. Bitte nehmen Sie Platz.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Немцы усаживаются.

Ich habe eben die Nachricht von der schwierigen Lage unserer Armee erhalten[11 - Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь... Я только что получил известия о тяжелом положении нашей армии (нем.)].

Ш р а т т. Das ist uns schon längere Zeit bekannt[12 - Мы об этом знали уже давно (нем.)].

Г е т м а н (Шервинскому). Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Ш е р в и н с к и й. По-русски разрешите, ваша светлость?

Г е т м а н. Генерал, могу просить говорить по-русски?

Ш р а т т (с резким акцентом). О да! С большим удовольствием.

Г е т м а н. Мне сейчас стало известно, что петлюровская конница прорвала городской фронт.

Шервинский пишет.

Кроме того, из штаба русского командования я имею какие-то совершенно невероятные известия. Штаб русского командования позорно бежал. Das ist ja unerhört![13 - Это неслыханно! (нем.)] (Пауза.) Я обращаюсь через ваше посредство к германскому правительству... со следующим заявлением: Украине угрожает смертельная опасность. Банды Петлюры грозят занять столицу. В случае такого исхода в столице произойдет анархия. Поэтому я прошу германское командование немедленно дать войска для отражения хлынувших сюда банд и восстановления порядка на Украине, столь дружественной Германии.

Ш р а т т. Сожалени, германски командование не может такое сделать.

Г е т м а н. Как? Уведомьте, генерал, почему?

Ш р а т т. Physisch unmöglich! Физически невозможно есть. Erstens, во-первых, по нашим сведениям, Петлюра имеет двести тисч войск, великолепно вооружен. А между тем германски командование забирайт дивизии и уводит их в Германии.

Ш е р в и н с к и й (в сторону). Мерзавцы!

Ш р а т т. Таким образом, в распоряжении нашим вооружении достаточны сил нет. Zweitens, во-вторых, вся Украина оказывает на стороне Петлюры.

Г е т м а н. Поручик, подчеркните эту фразу в протоколе.

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с.

Ш р а т т. Ничего не имеют протиф. Подчеркнуть. Таким образом, остановить Петлюру невозможно есть.

Г е т м а н. Значит, меня, армию и правительство германское командование внезапно оставляет на произвол судьбы?

Ш р а т т. Ниэт, ми командированы брать мери к спасению вашей светлости.

Г е т м а н. Какие же меры командование предлагает?

Ш р а т т. Моментальную эвакуацию вашей светлости. Сейчас вагон и nach Германия.

Г е т м а н. Простите, я ничего не понимаю. Как же так?.. Виноват. Может быть, это германское командование эвакуировало князя Белорукова?

Ш р а т т. Точно так.

Г е т м а н. Без согласия со мной? (Волнуясь.) Я не согласен. Я заявляю правительству Германии протест против таких действий. У меня есть еще возможность собрать армию в городе и защищать Киев своими средствами. Но

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ответственность за разрушение столицы ляжет на германское командование. И я
думаю, что правительства Англии и Франции...

Ш р а т т. Правительство Англии! Правительство Франции!! Германское
правительство ощущает в себе достаточно силы, чтобы не давать разрушение
столицы.

Г е т м а н. Это угроза, генерал?

Ш р а т т. Предупреждение, ваша светлость. В распоряжении вашей светлости
никаких вооруженных сил нет. Положение катастрофическое...

Д у с т (тихо Шратту). Mein General, wir haben gar keine Zeit. Wir müssen... [14
- Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (нем.)]

Ш р а т т. Ja-ja... Ваша светлость, позвольте сказать последнее: мы сейчас
перехватили сведения, что конница Петлюры восемь верст от Киева. И завтра утром
она войдет...

Г е т м а н. Я узнаю об этом последний!

Ш р а т т. Ваша светлость, вы знаете, что будет с вами случае взятия вас в плен?
На вашей светлости есть приговор. Он есть весьма печален.

Г е т м а н. Какой приговор?

Ш р а т т. Прошу извинения у вашей светлости. (Пауза.) Повиэсить. (Пауза.) Ваша
светлость, я попросил бы ответ мгновенно. В моем распоряжении только десять
маленьких минут, после этого я раздеваю с себя ответственность за жизнь вашей
светлости.

Большая пауза.

Г е т м а н. Я еду!

Ш р а т т. Ах, едете? (Дусту.) Будьте любезны, действовать тайно и без всяки шум.

Д у с т. О, никакой шум! (Стреляет из револьвера в потолок два раза.)

Шервинский растерян.

Г е т м а н (берясь за револьвер). Что это значит?

Ш р а т т. О, будьте спокойны, ваша светлость. (Скрывается в портъере правой
двери.)

За сценой гул, крики: «Караул, в ружье!» Топот.

Д у с т (открывая среднюю дверь). Ruhig! [15 - Тише! (нем.)] Спокойно! Генерал
фон Шратт зацепил брюками револьвер, ошибочно попал к себе на голова.

Голоса за сценой: «Гетман! Где гетман?»

Гетман есть очень здоровый. Ваша светлость, любезно высуньтесь... Караул...

Г е т м а н (в средних дверях). Все спокойно, прекратите тревогу.

Д у с т (в дверях). Прошу, пропускайте врача с инструментом.

Тревога утихает. Входит в р а ч германской армии с ящиком и медицинской сумкой.
Дуст закрывает среднюю дверь на ключ.

Ш р а т т (выходя из-за портъеры). Ваша светлость, прошу переодеться в
германский униформ, как будто вы есть я, а я есть раненый. Мы вас тайно вывезем
из города, чтобы никто не знал, чтобы не вызвать возмущения караул.

Г е т м а н. Делайте как хотите.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Звонок по полевому телефону.

Поручик, к аппарату!

Ш е р в и н с к и й. Кабинет его светлости... Как?... Что?... (Гетману.) Ваша светлость, два полка сердюков перешли на сторону Петлюры... На обнаженном участке появилась неприятельская конница. Ваша светлость, что передать?

Г е т м а н. Что передать? Передайте, чтобы задержали конницу ну хотя бы на полчаса! Я же должен уехать! Я дам им бронемшины!

Ш е р в и н с к и й (по телефону). Вы слушаете?... Задержитесь на полчаса хотя бы! Его светлость даст вам бронемшины!

Д у с т (вынимая из ящика германскую форму). Ваша светлость! Где угодно?

Г е т м а н. В спальне.

Гетман и Дуст уходят направо.

Ш е р в и н с к и й (у авансцены). Бежать, что ли? Поедет Елена или не поедет? (Решительно, Шратту.) Ваше превосходительство, покорнейше прошу взять меня с гетманом, я его личный адъютант. Кроме того, со мной... моя невеста...

Ш р а т т. С сожалением, поручик, не только ваша невеста, но и вас не могу брать. Если вы хотите ехать, отправляйтесь станцию наш штабной поезд. Предупреждаю – никаких мест нет, там уж есть личный адъютант.

Ш е р в и н с к и й. Кто?

Ш р а т т. Как его... Князь Новожильцев.

Ш е р в и н с к и й. Новожильцев! Да когда же он успел?

Ш р а т т. Когда бывает катастрофа, каждый стает проворный очень. Он был у нас в штабе сейчас.

Ш е р в и н с к и й. И он там, в Берлине, будет при гетмане служить?

Ш р а т т. О ниэт! Гетман будет один. Никакая свита. Мы только доведем до границ тех, кто желает спасти своя шея от ваш мужик, а там каждый как желает.

Ш е р в и н с к и й. О, покорнейше благодарю. Я и здесь сумею спасти свою шею...

Ш р а т т. Правильно, поручик. Никогда не следует покидать свой родина. Heimat ist Heimat[16 – Родина есть родина (нем.)].

Входят г е т м а н и д у с т. Гетман переодет германским генералом. Растерян, курит.

Г е т м а н. Поручик, все бумаги здесь сжечь.

Д у с т. Herr Doctor, seien Sie so liebenswürdig...[17 – Господин доктор, будьте так любезны... (нем.)] Ваша светлость, садитесь.

Гетмана усаживают. Врач забинтовывает ему голову наглухо.

В р а ч. Fertig[18 – Готово (нем.)].

Ш р а т т (Дусту). Машину!

Д у с т. Sogleich[19 – Сию минуту (нем.)].

Ш р а т т. Ваша светлость, ложитесь.

Г е т м а н. Но ведь нужно же объявить об этом народу... Манифест?..

Ш р а т т. Манифест!.. Пожалуй...

Г е т м а н (глухо). Поручик, пишите... Бог не дал мне силы... и я...

Д у с т. Манифест... Нет никакой времени манифест... Из поезда телеграммой...

Г е т м а н. Отставить!

Д у с т. Ваша светлость, ложитесь.

Гетмана укладывают на носилки. Шратт прячется. Среднюю дверь открывают, появляется лакей. Дуст, врач и лакей выносят гетмана в левую дверь. Шервинский помогает до двери, возвращается. Входит Ш р а т т.

Ш р а т т. Все в порядке. (Смотрит на часы-браслет.) Один час ночи. (Надевает кепи и плащ.) До свидания, поручик. Вам советую не засиживаться здесь. Вы можете покойно расходиться. Снимайте погоны. (Прислушивается.) Слышите?

Ш е р в и н с к и й. Беглый огонь.

Ш р а т т. Именно. Каламбур! «Беглый»! Пропуск на боковой ход имеете?

Ш е р в и н с к и й. Так точно.

Ш р а т т. Auf wiedersehen[20 - До свидания (нем.)]. Спешите. (Уходит.)

Ш е р в и н с к и й (подавлен). Чистая немецкая работа. (Внезапно оживает.) Нуте-с, времени нету. Нету, нету... нету... (У стола.) О, портсигар! Золотой! Гетман забыл. Оставить его здесь? Невозможно, лакеи сопрут. Ого! Фунт, должно быть, весит. Историческая ценность. (Прячет портсигар в карман.) Нуте-с... (За столом.) Бумаг мы никаких палить не будем, за исключением адъютантского списка. (Сжигает бумагу.) Свиныя я или не свиныя? Нет, я не свиныя. (По телефону.) 14-53... Да... Дивизион?... Командира к телефону! Срочно!.. Разбудить! (Пауза.) Полковник Турбин?... Говорит Шервинский. Слушайте, Алексей Васильевич, внимательно: гетман драпу дал... Драпанул!.. Seriously говорю... Нет, до рассвета есть время... Елене Васильевне передайте, чтобы из дома завтра ни в коем случае не выходила... Я приеду утром прятаться. Прощайте. (Дает отбой.) И совесть моя чиста и спокойна... Федор!

Входит к а м е р – л а к е й.

Вестовой привез сверточек?

Л а к е й. Так точно.

Ш е р в и н с к и й. Скорей дайте его сюда!

Лакей выходит, потом возвращается с узлом.

Л а к е й (растерян). Позвольте узнать, что с их светлостью?

Ш е р в и н с к и й. Что это за вопрос? Гетман изволит почивать. И вообще молчите. Вы хороший человек, Федор. В вашем лице есть что-то... этакое... привлекательное... пролетарское...

Л а к е й. Так-с.

Ш е р в и н с к и й. Федор, принесите мне из адъютантской комнаты мое полотенце, бритву и мыло.

Л а к е й. Слушаю. Газету прикажете?

Ш е р в и н с к и й. Совершенно верно. И газету.

Лакей выходит в левую дверь. Шервинский в это время надевает штатское пальто и шляпу, снимает шпоры. Свою шашку и шашку Новожильцева увязывает в узел. Появляется лакей.

Идет мне эта шляпа?

Л а к е й. Как же-с. Бритвочку в карман возьмете?

Ш е р в и н с к и й. Бритву в карман... Ну-с... Дорогой Федор, позвольте вам на память оставить пятьдесят карбованцев.

Л а к е й. Покорнейше благодарю.

Ш е р в и н с к и й. Позвольте пожать вашу честную трудовую руку. Не удивляйтесь, я демократ по натуре, Федор! Я во дворце никогда не был, адъютантом никогда не служил.

Л а к е й. Понятно.

Ш е р в и н с к и й. Вас не знаю. Вообще я оперный артист...

Л а к е й. Неужто ходу дал?

Ш е р в и н с к и й. Смылся.

Л а к е й. Ах, прощелыга!

Ш е р в и н с к и й. Бандит неопикуемый!

Л а к е й. А нас всех, стало быть, на произвол судьбы?

Ш е р в и н с к и й. Вы же видите. Вам-то еще полгоря, а каково мне?

Звонок телефона.

Слушаю... А! Капитан!.. Да! Бросайте все к чертовой матери и бегите... Значит, знаю, что говорю... Шервинский... Всего хорошего. До свидания!.. Дорогой Федор, как ни приятно мне беседовать с вами, но вы сами видите, что у меня времени нет никакого... Федор, пока я у власти, дарю вам этот кабинет. Что вы смотрите? Чудак! Вы сообразите, какое одеяло выйдет из этой портьеры. (Исчезает.)

Пауза. Звонок телефона.

Л а к е й. Слушаю... Чем же я вам могу помочь?.. Знаете что? Бросайте все к чертовой матери и бегите... Федор говорит... Федор!..

Картина вторая

Пустое, мрачное помещение. Надпись: «Штаб 1-й кинной дивизии». Штандарт голубой с желтым. Керосиновый фонарь у входа. Вечер. За окнами изредка стук лошадиных копыт. Тихо наигрывает гармоника знакомые мотивы.

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Це я, франько, вновь включився в цепь... В цепь, кажу!.. Слушаете?.. Це штаб кинной дивизии.

Телефон поет сигналы. Шум за сценой. Ураган и кирпаты вводят дезертира-сечевика. Лицо у него окровавленное.

Б о л б о т у н. Що такое?

У р а г а н. Дезертира поймали, пан полковник.

Б о л б о т у н. Якого полку?

Молчание.

Якого полку, я тебя спрашиваю?

Молчание.

Т е л е ф о н и с т. Та це ж я! Я из штабу, франько, включився в цепь! Це штаб

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
кинной дивизии!.. Слушаете?.. Тьфу ты, черт!..

Б о л б о т у н. Що ж ты, Бога душу твою мать! А? Що ж ты... У то время, як всякий честный казак вийшов на защиту Украинской республики вид белогвардейцев та жидив-коммунистив, у то время, як всякий хлибороб встал в ряды украинской армии, ты ховаешься в кусты? А ты знаешь, що роблють з нашими хлиборобами гетманские офицеры, а там комиссары? Живых у землю зарывают! Чув? Так я ж тебе самого закопаю у могилу! Самого! Сотника Галаньбу!

Голос за сценой: «Сотника требуют к полковнику!» Суета.

Де ж вы его взяли?..

К и р п а т ы й. По-за штабелями, сукин сын, бежав, ховався!..

Б о л б о т у н. Ах ты, зараза, зараза!

Входит Г а л а н ь б а, холоден, черен, с черным штыком.

Допросить, пан сотник, дезертира... Франько, диспозицию! Не ковыряй аппарат!

Т е л е ф о н и с т. Зараз, пан полковник, зараз! Що з ним зробишь? «Не ковыряй...»

Г а л а н ь б а (с холодным лицом). Якого полку?

Молчание.

Якого полку?

Д е з е р т и р (плача). Я не дезертир. Змилуйтесь, пан сотник! Я до лазарету побырався. У меня ноги поморожены зовсим.

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Де же диспозиция?.. Прохаю ласково. Командир кинной дивизии прохае диспозицию... Вы слушаете?.. Что ты будешь робить с этим аппаратом!

Г а л а н ь б а. Ноги поморожены? А чому же це ты не взяв посвидченья вид штабу своего полка? А? Якого полку? (Замахивается.)

Слышно, как лошади идут по бревенчатому мосту.

Д е з е р т и р. Второго сечевого.

Г а л а н ь б а. Знаем вас, сечевиков. Все зрадники. Изменники. Большевики. Скидай сапоги, скидай. И если ты не поморозив ноги, а брешешь, то я тебя тут же расстреляю. Хлопцы! Фонарь!

Т е л е ф о н и с т (по телефону). Пришлите нам ординарца для согласования... В Слободку!.. Так!.. Так!.. Слушаю!.. Грицько! Хай ординарец захватит диспозицию для нашего штабу. Добре?.. Пан полковник, диспозиция зараз буде...

Б о л б о т у н. Добре...

Г а л а н ь б а (вынув маузер). И вот тебе условие: ноги здоровые – будешь ты у меня на том свете. Отойдите сзади, чтобы я в кого-нибудь не попал.

Дезертир садится на пол, разувается. Молчание.

Б о л б о т у н. Це правильно. Щоб другим був пример.

Фонарем освещают дезертира.

К и р п а т ы й (со вздохом). Поморожены... Правду казав.

Г а л а н ь б а. Записку треба було узять. Записку, мразь! А не бежать из

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
полка...

Д е з е р т и р. Нема у кого записку взять. У нас ликаря в полку нема. Никого нема. (Плачет.)

Г а л а н ь б а. Взять его под арест! И под арестом до лазарету! Як ему ликарь ногу перевяжет, вернуть его сюды в штаб и дать ему пятнадцать шомполив, щоб вин знав, як без документов бегать с своего полку.

У р а г а н (выводя). Иди, иди!

За сценой гармоника. Голос поет уныло: «Ой, яблочко, куда котишься, к гайдамакам попадешь – не воротисься...» Тревожные голоса за окном: «Держи их! Держи их! Мимо мосту... Побиглы по льду...»

Г а л а н ь б а (в окно). Хлопцы, що там? Що?

Голос: «Якись жида, пан сотник, мимо мосту по льду дали ходу из Слободки».

Хлопцы! Разведка! По коням! По коням! Садись! Садись! Кирпатый! А ну, проскочить за ними! Тильки живыми вызьмить! Живыми!

Б о л б о т у н. Франько, держи связь!

Т е л е ф о н и с т. Держу, пан полковник, во как держу!

Топот за сценой. Появляется У р а г а н, вводит человека с корзиной.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Миленькие, я ж ничего. Что вы!.. Я ремесленник...

Г а л а н ь б а. С чем задержали?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Помилуйте, товарищ военный...

Г а л а н ь б а. Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Виноват, господин военный.

Г а л а н ь б а. Я тебе не господин. Господа все с гетманом в городе сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем. Хлопец, дай ему, тебе ближе. Урежь этому господину по шее. Теперь бачишь, яки господа тут? Видишь?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Вижу.

Г а л а н ь б а. Осветить его, хлопцы! Мени щесь здається, що вин коммунист.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Что вы! Что вы, помилуйте! Я, изволите ли видеть, сапожник.

Б о л б о т у н. Що-то ты дуже гарно размовляешь на московской мови.

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Калуцкие мы, ваше здоровье. Калужской губернии. Да уж и жизни не рады, что сюда, на Украину к вам, заехали. Сапожник я.

Г а л а н ь б а. Документ!

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Паспорт? Сию минуту. Паспорт у меня чистый, можно сказать.

Г а л а н ь б а. С чем корзина? Куда шел?

Ч е л о в е к с к о р з и н о й. Сапоги в корзине, ваше... бла... ва... сапожки... с... Мы на магазин работаем. Сами в Слободке живем, а сапоги в город носим.

Г а л а н ь б а. Почему ночью?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Человек с корзиной. Как раз в самый раз, к утру в городе.

Болботун. Сапоги... Ого-го... це гарно!

Ураган вскрывает корзину.

Человек с корзиной. Виноват, уважаемый гражданин, они не наши, из хозяйского товару.

Болботун. Из хозяйского! Це наикраше. Хозяйский товар – хороший товар. Хлопцы, берите по паре хозяйского товару.

Разбирают сапоги.

Человек с корзиной. Гражданин военный министр! Мне без этих сапог погибать. Прямо форменно в гроб ложиться! Тут на две тысячи рублей... Это хозяйское...

Болботун. Мы тебе расписку дадим.

Человек с корзиной. Помилуйте, что ж мне расписка? (Бросается к Болботуну, тот дает ему в ухо. Бросается к Галаньбе.) Господин кавалерист! На две тысячи рублей. Главное, что если б я буржуй был бы или, скажем, большевик...

Галаньба дает ему в ухо.

(Садится на землю, растерянно.) Что ж это такое делается? А впрочем, берите! Это значит – на снабжение армии?.. Только уж позвольте и мне парочку за компанию. (Начинает снимать сапоги.)

Телефонист. Дивись, пан полковник, что вин робит?

Болботун. Ты що ж, смеешься, гнида? Отойди от корзины. Долго ты будешь крутиться под ногами? Долго? Ну, терпение мое лопнуло. Хлопцы, расступитесь. (Берется за револьвер.)

Человек с корзиной. Что вы! Что вы! Что вы!..

Болботун. Геть отсюда!

Человек с корзиной бросается к двери.

Все. Покорно благодарим, пан полковник!

Телефонист (по телефону). Слушаю!.. Слушаю!.. Слава! Слава! Пан полковник! Пан полковник! В штаб пришли ходоки от двух гетьманских сердюкских полкив. Батько веде с ними переговоры о переходе на нашу сторону.

Болботун. Слава! Як ти полки будут з нами, то Киев наш.

Телефонист (по телефону). Грицько! А у нас сапоги новые!.. Так... так... Слушаю, слушаю... Слава! Слава, пан полковник, пожалуйста швидче до аппарату.

Болботун (по телефону). Командир першей кинной дивизии полковник Болботун... Я вас слушаю... Так... Так... Выежаю зараз. (Галаньбе.) Пан сотник, прикажите швидче, вси четыре полка на конь! Подступы к городу взяли! Слава! Слава!

Ураган, Кирпатый. Наступление?

Суета.

Галаньба (в окно). Садись! Садись! По коням!

За окном гул: «Ура!» Галаньба убегает.

Болботун. Снимай аппарат! Коня мне!

Телефонист снимает аппарат. Суета.

У р а г а н. Коня командиру!

Г о л о с а. Перший курень, рысью марш!

Другой курень, рысью марш!..

За окном топот, свист. Все выбегают со сцены. Потом гармоника гремит, пролетая...

Занавес

Действие третье

Картина первая

Вестибюль Александровской гимназии. Ружья в козлах. Ящики, пулеметы. Гигантская лестница. Портрет Александра I наверху. В стеклах рассвет. За сценой грохот: дивизион с музыкой проходит по коридорам гимназии.

Н и к о л к а (за сценой запекает на нелепый мотив солдатской песни).

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна.

Свист.

Ю н к е р а (оглушительно поют).

Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.

Свист.

Н и к о л к а (поет).

Наш уголок я убрала цветами...

С т у д з и н с к и й (на площадке лестницы). Дивизион, стой!

Дивизион за сценой останавливается с грохотом.

Отставить! Капитан!

М ы ш л а е в с к и й. Первая батарея! На месте! Шагом марш!

Дивизион марширует за сценой.

С т у д з и н с к и й. Ножку! Ножку!

М ы ш л а е в с к и й. Ать! Ать! Ать! Первая батарея, стой!

П е р в ы й о ф и ц е р. Вторая батарея, стой!

Дивизион останавливается.

М ы ш л а е в с к и й. Батарея, можете курить! Вольно!

За сценой гул и говор.

П е р в ы й о ф и ц е р (Мышлаевскому). У меня, господин капитан, пятерых во взводе не хватает. По-видимому, ходу дали. Студентики!

В т о р о й о ф и ц е р. Вообще чепуха свинячья. Ничего не разберешь.

П е р в ы й о ф и ц е р. Что ж командир не едет? В шесть назначено выходить, а сейчас без четверти семь.

М ы ш л а е в с к и й. Тише, поручик, во дворец по телефону вызвали. Сейчас приедет. (Юнкерам.) Что, озябли?

П е р в ы й ю н к е р. Так точно, господин капитан, прохладно.

М ы ш л а е в с к и й. Отчего ж вы стоите на месте? Синий, как покойник. Потопчитесь, разомнитесь. После команды «вольно» вы не монумент. Каждый сам себе печка. Пободрей! Эй, второй взвод, в классы парты ломать, печи топить! Живо!

Ю н к е р а(кричат). Братцы, вали в класс!

Парты ломать, печки топить!

Шум, суета.

М а к с и м (появляется из каморки, в ужасе). Ваше превосходительство, что ж это вы делаете такое? Партами печи топить?! Что ж это за поношение! Мне господином директором велено...

П е р в ы й о ф и ц е р. Явление четырнадцатое...

М ы ш л а е в с к и й. А чем же, старик, печи топить?

М а к с и м. Дровами, батюшка, дровами.

М ы ш л а е в с к и й. А где у тебя дрова?

М а к с и м. У нас дров нету.

М ы ш л а е в с к и й. Ну, катись отсюда, старик, колбасой к чертовой матери! Эй, второй взвод, какого черта?..

М а к с и м. Господи Боже мой, угодники-святители! Что же это делается! Татары, чистые татары. Много войска было... (Уходит. Кричит за сценой.) Господа военные, что же это вы делаете!

Ю н к е р а (ломают парты, пилят их, топят печь. Поют).

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

М а к с и м. Эх, кто же так печи растопляет?

Ю н к е р а(поют).

Ах вы, Сашки-канашки мои!..

(Печально.)

Помилуй нас, Боже, в последний раз...

внезапный близкий разрыв. Пауза. Суета.

П е р в ы й о ф и ц е р. Снаряд.

М ы ш л а е в с к и й. Разрыв где-то близко.

П е р в ы й ю н к е р. Это по нас, господин капитан, пожалуй.

М ы ш л а е в с к и й. Вздор! Петлюра плюнул.

Песня замирает.

П е р в ы й о ф и ц е р. Я думаю, господин капитан, что придется сегодня с Петлюрой повидаться. Интересно, какой он из себя?

В т о р о й о ф и ц е р (мрачен). Узнаешь, не спеши.

М ы ш л а е в с к и й. Наше дело маленькое. Прикажут – повидаем. (Юнкерам.) Юнкера, какого ж вы... Чего скисли? Веселей!

Ю н к е р а (поют).

И когда по белой лестнице
Поведут нас в синий край...

В т о р о й ю н к е р (подлетает к Студзинскому). Командир дивизиона!

С т у д з и н с к и й. Становись! Дивизион, смирно! Равнение на середину! Господа офицеры! Господа офицеры!

М ы ш л а е в с к и й. Первая батарея, смирно!

Входит А л е к с е й.

А л е к с е й (Студзинскому). Список! Скольких нету?

С т у д з и н с к и й (тихо). Двадцати двух человек.

А л е к с е й (рвет список). Наша застава на Демиевке?

С т у д з и н с к и й. Так точно!

А л е к с е й. Вернуть!

С т у д з и н с к и й (второму юнкеру). Вернуть заставу!

В т о р о й ю н к е р. Слушаю. (Убегает.)

А л е к с е й. Приказываю господам офицерам и дивизиону внимательно слушать то, что я им объявляю. Слушать, запоминать. Запомнив, исполнять.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, немедленно снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам.

Пауза.

Я кончил. Исполнять приказание!

С т у д з и н с к и й. Господин полковник! Алексей Васильевич!

П е р в ы й о ф и ц е р. Господин полковник! Алексей Васильевич!

В т о р о й о ф и ц е р. Что это значит?

А л е к с е й. Молчать! Не рассуждать! Исполнять приказание! живо!

Т р е т и й о ф и ц е р. Что это значит, господин полковник? Арестовать его!

Шум.

Юнкера. Арестовать?!

Мы ничего не понимаем!..

Как – арестовать?!.. Что ты, взбесился?!..

Петлюра ворвался!..

Вот так штука! Я так и знал!..

Тише!..

Первый офицер. Что это значит, господин полковник?

Третий офицер. Эй, первый взвод, за мной!

Вбегают растерянные юнкера с винтовками.

Николка. Что вы, господа, что вы делаете?

Второй офицер. Арестовать его! Он передался Петлюре!

Третий офицер. Господин полковник, вы арестованы!

Мышлавский (удерживая третьего офицера). Пойдите, поручик!

Третий офицер. Пустите меня, господин капитан, руки прочь! Юнкера, взять его!

Мышлавский. Юнкера, назад!

Студзинский. Алексей Васильевич, посмотрите, что делается.

Николка. Назад!

Студзинский. Назад, вам говорят! Не слушать младших офицеров!

Первый офицер. Господа, что это?

Второй офицер. Господа!

Суматоха. В руках у офицеров револьверы.

Третий офицер. Не слушать старших офицеров!

Первый юнкер. В дивизионе бунт!

Первый офицер. Что вы делаете?

Студзинский. Молчать! Смирно!

Третий офицер. Взять его!

Алексей. Молчать! Я буду еще говорить!

Юнкера. Не о чем разговаривать!

Не хотим слушать!

Не хотим слушать!

Равняйтесь по командиру второй батареи!

Николка. Дайте ему сказать.

Третий офицер. Тише, юнкера, успокойтесь! Дайте ему высказаться, мы

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
его не выпустим отсюда!

Мышлавский. Уберите своих юнкеров назад сию секунду!

Первый офицер. Смирно! На месте!

Юнкера. Смирно! Смирно! Смирно!

Алексей. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно (третьему офицеру) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

Третий офицер. Гетмана обещали защищать.

Алексей. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман, бросив на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что в то время, как поручик собирается защищать гетмана, его давно уже нет. Он благополучно следует в Берлин.

Юнкера. В Берлин?

О чем он говорит?!

Не хотим слушать!

Первый юнкер. Господа, да что вы его слушаете?

Студзинский. Молчать!

Гул. В окнах рассвет.

Алексей. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья – его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому, ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Юнкера. Быть не может!

Быть не может этого!

Это ложь!

Алексей. Кто сказал – ложь? Кто сказал – ложь? Я сейчас был в штабе. Я проверил все сведения. Я отвечаю за каждое мое слово!.. Итак, господа! Вот мы, нас двести человек. А там – Петлюра. Да что я говорю – не там, а здесь! Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас – на месте мы, две-три пехотные дружины и три батареи. Понятно? Тут один из вас вынул револьвер по моему адресу. Он меня безумно напугал. Мальчишка!

Третий офицер. Господин полковник...

Алексей. Молчать! Так вот-с. Если бы вы все сейчас, вот при этих условиях вынесли бы постановление защищать... что? кого?.. одним словом, идти в бой – я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, тем более что за этот балаган заплатите своей кровью и совершенно бессмысленно вы все!

Николка. Штабная сволочь! Гул и рев.

Юнкера. Что нам делать теперь?

В гроб ложиться!

Позор!..

Поди ты к черту!.. Что ты, на митинге?

Стоять смирно!

В капкан загнали.

Т р е т и й ю н к е р (вбегают с плачем). Кричали: вперед, вперед, а теперь – назад. Найду гетмана – убью!

П е р в ы й о ф и ц е р. Убрать эту бабу к черту! Юнкера, слушайте: если верно, что говорит полковник, – равняться на меня! Достанем эшелоны – и на Дон, к Деникину!

Ю н к е р а. На Дон! К Деникину!..

Легкое дело... что ты несешь!

На Дон – невозможно!..

С т у д з и н с к и й. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить и вывезти дивизион на Дон.

А л е к с е й. Капитан Студзинский! Не смей! Я командую дивизионом! Я буду приказывать, а вы – исполнять! На Дон? Слушайте, вы! Там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон проберетесь. Вы встретите тех же генералов и ту же штабную ораву.

Н и к о л к а. Такую же штабную сволочь!

А л е к с е й. Совершенно правильно. Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколлет головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои! Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетелями капитаны Студзинский и Мышлаевский, я на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю, предупреждаю и, любя вас, посылаю домой. Я кончил.

Рев голосов. Внезапный разрыв.

Срывают погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!

Юнкера срывают погоны, бросают винтовки.

М ы ш л а е в с к и й (кричит). Тише! Господин полковник, разрешите зажечь здание гимназии?

А л е к с е й. Не разрешаю.

Пушечный удар. Дрогнули стекла.

М ы ш л а е в с к и й. Пулемет!

С т у д з и н с к и й. Юнкера, домой!

М ы ш л а е в с к и й. Юнкера, бей отбой, по домам!

Труба за сценой. Юнкера и офицеры разбегаются. Николка ударяет винтовкой в ящик с выключателями и убегает. Гаснет свет. Алексей у печки рвет бумаги, сжигает их. Долгая пауза. Входит М а к с и м.

А л е к с е й. Ты кто такой?

М а к с и м. Я сторож здешний.

А л е к с е й. Пошел отсюда вон, убьют тебя здесь.

М а к с и м. Ваше высокоблагородие, куда ж это я отойду? Мне отходить нечего от казенного имущества. В двух классах парты поломали, такого убытку наделали, что я и выразить не могу. А свет... Много войска бывало, а такого – извините...

А л е к с е й. Старик, уйди ты от меня.

М а к с и м. Меня теперь хоть саблей рубите, а я не уйду. Мне что было сказано господином директором...

А л е к с е й. Ну, что тебе сказано господином директором?

М а к с и м. Максим, ты один останешься... Максим, гляди... А вы что же...

А л е к с е й. Ты, старичок, русский язык понимаешь? Убьют тебя. Уйди куда-нибудь в подвал, скройся там, чтоб духу твоего не было.

М а к с и м. Кто отвечать-то будет? Максим за все отвечай. Всякие – за царя и против царя были, солдаты оголтелые, но чтоб парты ломать...

А л е к с е й. Куда списки девались? (Разбивает шкаф ногой.)

М а к с и м. Ваше высокопревосходительство, ведь у него ключ есть. Гимназический шкаф, а вы – ножкой. (Отходит, крестится.)

Пушечный удар.

Царица небесная... Владычица... Господи Иисусе...

А л е к с е й. Так его! Даешь! Даешь! Концерт! Музыка! Ну, попадешься ты мне когда-нибудь, пан гетман! Гадина!

М ы ш л а е в с к и й появляется наверху. В окна пробивается легонькое зарево.

М а к с и м. Ваше превосходительство, хоть вы ему прикажите. Что ж это такое? Шкаф ногой взломал!

М ы ш л а е в с к и й. Старик, не путайся под ногами. Пошел вон.

М а к с и м. Татары, прямо татары... (Исчезает.)

М ы ш л а е в с к и й (издали). Алеша! Зажег я цейхгауз! Будет Петлюра шиш иметь вместо шинелей!

А л е к с е й. Ты, Бога ради, не задерживайся. Беги домой.

М ы ш л а е в с к и й. Дело маленькое. Сейчас вкачу еще две бомбы в сено – и ходу. Ты-то чего сидишь?

А л е к с е й. Пока застава не прибежит, не могу.

М ы ш л а е в с к и й. Алеша, надо ли? А?

А л е к с е й. Ну что ты говоришь, капитан!

М ы ш л а е в с к и й. Я тогда с тобой останусь.

А л е к с е й. На что ты мне нужен, Виктор? Я приказываю: к Елене сейчас же! Карауль ее! Я следом за вами. Да что вы, взбесились все, что ли? Будете ли вы слушать или нет?

М ы ш л а е в с к и й. Ладно, Алеша. Бегу к Ленке!

А л е к с е й. Николка, погляди, ушел ли. Гони его в шею, ради Бога.

М ы ш л а е в с к и й. Ладно! Алеша, смотри не рискуй!

А л е к с е й. Учи ученого!

Мышлаевский исчезает.

Серьезно. «Серьезно и весьма»... И когда по белой лестнице... поведут нас в синий край... Застава бы не засыпалась...

Н и к о л к а (появляется наверху, крадется). Алеша!

А л е к с е й. Ты что же, шутки со мной вздумал шутить, что ли?! Сию минуту ДОМОЙ, снять погоны! Вон!

Н и к о л к а. Я без тебя, полковник, не пойду.

А л е к с е й. Что?! (Вынул револьвер.)

Н и к о л к а. Стреляй, стреляй в родного брата!

А л е к с е й. Болван.

Н и к о л к а. Ругай, ругай родного брата. Я знаю, чего ты сидишь! Знаю, ты командир, смерти от позора ждешь, вот что! Ну, так я тебя буду караулить. Ленка меня убьет.

А л е к с е й. Эй, кто-нибудь! Взять юнкера Турбина! Капитан Мышлаевский!

Н и к о л к а. Все уже ушли!

А л е к с е й. Ну погоди, мерзавец, я с тобой дома поговорю!

Шум и топот. Вбегают юнкера, бывшие в заставе.

Ю н к е р а (пробегая). Конница Петлюры следом!..

А л е к с е й. Юнкера! Слушать команду! Подвальным ходом на Подол! Я вас прикрою. Срывайте погоны по дороге!

За сценой приближающийся лихой свист, глухо звучит гармоника: «И шумит, и гудит...»

Бегите, бегите! Я вас прикрою! (Бросается к окну наверху.) Беги, я тебя умоляю. Ленку пожалей!

Бликий разрыв снаряда. Стекла лопнули. Алексей падает.

Н и к о л к а. Господин полковник! Алешка! Алешка, что ты наделал?!

А л е к с е й. Унтер-офицер Турбин, брось геройство к чертям! (Смолкает.)

Н и к о л к а. Господин полковник... этого быть не может! Алеша, поднимись!

Топот и гул. Вбегают гайдамаки.

У р а г а н. Тю! Бачь! Бачь! Тримай его, хлопцы! Тримай!

Кирпатый стреляет в Николку.

Г а л а н ь б а (вбегая). Живьем! Живьем возьмем его, хлопцы!

Николка отползает вверх по лестнице, оскалился.

К и р п а т ы й. Ишь, волчонок! Ах сукино отродье!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
У р а г а н. Не уйдешь! Не уйдешь!

Появляются гайдамаки.

Н и к о л к а. Висельники, не дамся! Не дамся, бандиты! (Бросается с перил и исчезает.)

К и р п а т ы й. Ах циркач! (Стреляет.) Нема больше никого.

Г а л а н ь б а. Что ж вы выпустили его, хлопцы? Эх, шляпа!..

Гармоника: «И шумит, и гудит...» За сценой крик: «Слава, слава!» Трубы за сценой. Болботун, за ним – гайдамаки со штандартами.

Знамена плывут вверх по лестнице. Оглушительный марш.

Картина вторая

Квартира Турбиных. Рассвет. Электричества нет. Горит свеча на ломберном столе.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, дорогая! Располагайте мной, как вам угодно! Хотите, я оденусь и отправлюсь их искать?

Е л е н а. Ах, нет, нет! Что вы, Лариосик! Вас убьют на улице. Будем ждать. Боже мой, еще зарево. Какой ужасный рассвет! Что там делается? Я только хотела бы одно знать: где они?

Л а р и о с и к. Боже мой, как ужасна гражданская война!

Е л е н а. Знаете что: я женщина, меня не тронут. Я пойду посмотрю, что делается на улице.

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, я вас не пушу! Да я... я вас просто не пушу!.. Что мне скажет Алексей Васильевич! Он велел ни в коем случае не выпускать вас на улицу, и я ему дал слово.

Е л е н а. Я близко...

Л а р и о с и к. Елена Васильевна!

Е л е н а. Хотя бы узнать, в чем дело...

Л а р и о с и к. Я сам пойду...

Е л е н а. Оставьте это... Будем ждать...

Л а р и о с и к. Ваш супруг очень хорошо сделал, что отбыл. Это очень мудрый поступок. Он переживет теперь в Берлине эту ужасную кутерьму и вернется.

Е л е н а. Мой супруг? Мой супруг?.. Имени моего супруга больше в доме не упоминайте. Слышите?

Л а р и о с и к. Хорошо, Елена Васильевна... Всегда я найду, что сказать вовремя... Может быть, вы чаю хотите? Я бы поставил самоварчик...

Е л е н а. Нет, не надо...

Стук.

Л а р и о с и к. Постойте, постойте, не открывайте, надо спросить, кто там. Кто там?

Ш е р в и н с к и й. Это я! Я... Шервинский...

Е л е н а. Слава Богу! (Открывает.) Что это значит? Катастрофа?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ш е р в и н с к и й. Петлюра город взял.

Л а р и о с и к. Взял? Боже, какой ужас!

Е л е н а. Где они? В бою?

Ш е р в и н с к и й. Не волнуйтесь, Елена Васильевна! Я предупредил Алексея Васильевича несколько часов тому назад. Все обстоит совершенно благополучно.

Е л е н а. Как же все благополучно? А гетман? Войска?

Ш е р в и н с к и й. Гетман сегодня ночью бежал.

Е л е н а. Бежал? Бросил армию?

Ш е р в и н с к и й. Точно так. И князь Белоруков. (Снимает пальто.)

Е л е н а. Подлецы!

Ш е р в и н с к и й. Неопишуемые прохвосты!

Л а р и о с и к. А почему свет не горит?

Ш е р в и н с к и й. Обстреляли станцию.

Л а р и о с и к. Ай-ай-ай...

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна, можно у вас спрятаться? Сейчас офицеров будут искать.

Е л е н а. Ну конечно!

Ш е р в и н с к и й. Елена Васильевна, если бы вы знали, как я счастлив, что вы живы и здоровы.

Стук в дверь.

Ларион, спросите, кто там...

Л а р и о с и к. Кто там?

Голос Мышлаевского. Свои, свои...

Лариосик открывает дверь. Входят М ы ш л а е в с к и й и С т у д з и н с к и й.

Е л е н а. Слава тебе Господи! А где же Алеша и Николай?

М ы ш л а е в с к и й. Спокойно, спокойно, Лена. Сейчас придут. Не бойся ничего, улицы еще свободны. Их обоих застава проводит. А, этот уж тут? Ну, стало быть, ты все знаешь...

Е л е н а. Спасибо, все. Ну, немцы! Ну, немцы!

С т у д з и н с к и й. Ничего... ничего... когда-нибудь вспомним мы все... Ничего!

М ы ш л а е в с к и й. Здравствуй, Ларион!

Л а р и о с и к. Вот, Витенька, какие ужасные происшествия!

М ы ш л а е в с к и й. Да, происшествия первого сорта.

Е л е н а. На кого вы похожи! Идите грейтесь, я вам сейчас самовар поставлю.

Ш е р в и н с к и й (от камина). Помочь вам, Лена?

Е л е н а. Не надо. Я сама. (Убегает.)

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мышлаевский. Здоровеньки булы, пане личный адъютант. Чому ж це вы без аксельбантов?.. «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части...» И прослезился. За ноги вашу мамашу!

Шервинский. Что означает этот балаганный тон?

Мышлаевский. Балаган получился, оттого и тон балаганный. Ты ж сулил и государя императора и за здоровье светлости пил. Кстати, где эта светлость теперь, в настоящее время?

Шервинский. Зачем тебе?

Мышлаевский. А вот зачем: если бы мне попалась сейчас эта самая светлость, взял бы я ее за ноги и хлопал бы головой о мостовую до тех пор, пока не почувствовал бы полного удовлетворения. А вашу штабную ораву в уборной следует утопить!

Шервинский. Господин Мышлаевский, прошу не забываться!

Мышлаевский. Мерзавцы!

Шервинский. Что-о?

Лариосик. Зачем же ссориться?

Студзинский. Сию же минуту, как старший, прошу прекратить этот разговор! Совершенно нелепо и ни к чему не ведет! Чего ты, в самом деле, пристал к человеку? Поручик, успокойтесь.

Шервинский. Поведение капитана Мышлаевского в последнее время нестерпимо... И главное – хамство! Я, что ль, виноват в катастрофе? Напротив, я всех вас предупредил. Если бы не я, еще вопрос, сидел бы он сейчас здесь живой или нет!

Студзинский. Совершенно верно, поручик. И мы вам очень признательны.

Елена (входит). Что такое? В чем дело?

Студзинский. Елена Васильевна, вы не волнуйтесь, все будет в полном порядке. Я вам ручаюсь. Идите к себе.

Елена уходит.

Виктор, извинись, ты не имеешь никакого права.

Мышлаевский. Ну, ладно, брось, Леонид! Я погорячился. Ведь такая обида!

Шервинский. Довольно странно.

Студзинский. Бросьте, совсем не до этого. (Садится к огню.)

Пауза.

Мышлаевский. Где Алеша с Николкой, в самом деле?

Студзинский. Я сам беспокоюсь... Пять минут жду, а после этого пойду навстречу...

Пауза.

Мышлаевский. Что ж, он, значит, при тебе ходу дал?

Шервинский. При мне: я был до последней минуты.

Мышлаевский. Замечательное зрелище! Дорого бы дал, чтобы присутствовать при этом! Что же ты не пришиб его, как собаку?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ш е р в и н с к и й. Ты бы пошел и сам его пришиб!

М ы ш л а е в с к и й. Пришиб бы, будь спокоен. Что ж, он тебе сказал что-нибудь на прощанье?

Ш е р в и н с к и й. Что ж, сказал! Обнял, поблагодарил за верную службу...

М ы ш л а е в с к и й. И прослезился?

Ш е р в и н с к и й. Да, прослезился...

Л а р и о с и к. Прослезился? Скажите пожалуйста!..

М ы ш л а е в с к и й. Может быть, подарил что-нибудь на прощанье? Например, золотой портсигар с монограммой.

Ш е р в и н с к и й. Да, подарил портсигар.

М ы ш л а е в с к и й. Вишь, черт!.. Ты меня извини, Леонид, боюсь, что ты опять рассердишься. Человек ты, в сущности, неплохой, но есть у тебя странности...

Ш е р в и н с к и й. Что ты хочешь этим сказать?

М ы ш л а е в с к и й. Да как бы выразиться... Тебе бы писателем быть... фантазия у тебя богатая... Прослезился... Ну а если бы я сказал: покажи портсигар!

Шервинский молча показывает портсигар.

Убил! Действительно монограмма!

Ш е р в и н с к и й. Что нужно сказать, капитан Мышлаевский?

М ы ш л а е в с к и й. Сию минуту. При вас, господа, прошу у него извинения.

Л а р и о с и к. Я в жизни не видал такой красоты! Целый фунт, вероятно, весит.

Ш е р в и н с к и й. Восемьдесят четыре золотника.

В окно стук.

Господа!..

Встают.

М ы ш л а е в с к и й. Не люблю фокусов... Почему не через дверь?..

Ш е р в и н с к и й. Господа... револьверы... лучше выбросить. (Прячет портсигар за камин.)

Студзинский и Мышлаевский подходят к окну и, осторожно отодвинув штору, выглядывают.

С т у д з и н с к и й. Ах, я себе простить не могу!

М ы ш л а е в с к и й. Что за дьявольщина!

Л а р и о с и к. Ах, Боже мой! (Кидается известить Елену.) Елена...

М ы ш л а е в с к и й. Куда ты, черт?.. С ума сошел!.. Да разве можно!.. (Зажимает ему рот.)

Все выбегают. Пауза. Вносят Николку.

Ленку, Ленку надо убрать куда-нибудь... Боже мой! Алеша-то где же?.. Убить меня мало!.. Кладите, кладите... прямо на пол...

С т у д з и н с к и й. Лучше бы на диван. Ищи рану, рану ищи!

Ш е р в и н с к и й. Голова разбита!..

С т у д з и н с к и й. Кровь в сапоге... Снимайте сапоги...

Ш е р в и н с к и й. Давайте перенесем его... туда... Нельзя же на полу, в самом деле...

С т у д з и н с к и й. Лариосик! Живо несите подушку и одеяло. Кладите на диван. Переносят Николку на диван.

Режь сапог!.. Режь сапог!.. У Алексея Васильевича бинты в кабинете.

Шервинский убегает.

Спирт захватите! Господи Боже мой, как он подвернулся? Что такое?.. Где Алексей Васильевич?..

Шервинский прибегает с йодом и бинтами. Студзинский бинтует голову Николки.

Л а р и о с и к. Он умирает?

Н и к о л к а (приходя в себя). О!

М ы ш л а е в с к и й. С ума сойти!.. Говори одно только слово: где Алешка?

С т у д з и н с к и й. Где Алексей Васильевич?

Н и к о л к а. Господа...

М ы ш л а е в с к и й. Что?

Стремительно входит Е л е н а.

Леночка, ты не волнуйся. Упал он и головой ударился. Страшного ничего нет.

Е л е н а. Да его ранили! Что ты говоришь?

Н и к о л к а. Нет, Леночка, нет...

Е л е н а. А где Алексей? Где Алексей? (Настойчиво.) Ты же с ним был. Отвечай одно слово: где Алексей?

М ы ш л а е в с к и й. Что же теперь делать-то?

С т у д з и н с к и й (Мышлаевскому). Этого не может быть! Не может!..

Е л е н а. Что же ты молчишь?

Н и к о л к а. Леночка... Сейчас...

Е л е н а. Не лги! Только не лги! Мышлаевский делает знак Николке – «молчи».

С т у д з и н с к и й. Елена Васильевна...

Ш е р в и н с к и й. Лена, что вы...

Е л е н а. Ну, все понятно! Убили Алексея!

М ы ш л а е в с к и й. Что ты, что ты, Лена! С чего ты взяла?

Е л е н а. Ты посмотри на его лицо. Посмотри. Да что мне лицо! Я ведь знала, чувствовала, еще когда он уходил, знала, что так кончится!

С т у д з и н с к и й (Николке). Говорите, что с ним?!

Е л е н а. Ларион! Алешу убили...

Ш е р в и н с к и й. Дайте воды...

Е л е н а. Ларион! Алешу убили! Вчера вы с ним за столом сидели – помните? А его убили...

Л а р и о с и к. Елена Васильевна, миленькая...

Ш е р в и н с к и й. Лена, Лена...

Е л е н а. А вы?! Старшие офицеры! Старшие офицеры! Все домой пришли, а командира убили?..

М ы ш л а е в с к и й. Лена, пожалей нас, что ты говоришь?! Мы все исполняли его приказание. Все!

С т у д з и н с к и й. Нет, она совершенно права! Я кругом виноват. Нельзя было его оставить! Я старший офицер, и я свою ошибку поправлю! (Берет револьвер.)

М ы ш л а е в с к и й. Куда? Нет, стой! Нет, стой!

С т у д з и н с к и й. Убери руки!

М ы ш л а е в с к и й. Что ж, я один останусь? Ты ни в чем ровно не виноват! Ни в чем! Я его видел последним, предупреждал и все исполнил. Лена!

С т у д з и н с к и й. Капитан Мышлаевский, сию минуту выпустите меня!

М ы ш л а е в с к и й. Отдай револьвер! Шервинский!

Ш е р в и н с к и й. Вы не имеете права! Вы что, еще хуже сделать хотите? Вы не имеете права! (Держит Студзинского.)

М ы ш л а е в с к и й. Лена, прикажи ему! Все из-за твоих слов. Возьми у него револьвер!

Е л е н а. Я от горя сказала. У меня помутилось в голове. Отдайте револьвер!

С т у д з и н с к и й (истерически). Никто не смеет меня упрекать! Никто! Никто! Все приказания полковника Турбина я исполнил!

Е л е н а. Никто!.. Никто!.. Я обезумела.

М ы ш л а е в с к и й. Николка, говори... Лена, будь мужественна. Мы его найдем... Найдем... Говори начистоту...

Н и к о л к а. Убили командира...

Елена падает в обморок.

Занавес

Действие четвертое

Через два месяца. Крещенский сочельник 1919 года. Квартира освещена: Елена и Лариосик убирают елку.

Л а р и о с и к (на лесенке). Я полагаю, что эта звезда... (Таинственно прислушивается.)

Е л е н а. Что вы?

Л а р и о с и к. Нет, это мне показалось... Елена Васильевна, уверяю вас, это конец. Они возьмут город.

Е л е н а. Не спешите, Лариосик, ничего еще не известно.

Л а р и о с и к. Верный признак – стрельбы нет. Откровенно вам признаюсь, Елена Васильевна, за эти последние два месяца мне страшно надоела стрельба. Я не люблю...

Е л е н а. Я разделяю ваш вкус.

Л а р и о с и к. Я полагаю, что эта звезда здесь будет очень уместна.

Е л е н а. Слезайте, Лариосик, а то я боюсь, что вы себе голову разобьете.

Л а р и о с и к. Ну что вы, Елена Васильевна!.. Елка на ять, как говорит Витенька. Хотел бы я видеть человека, который бы сказал, что елка некрасива! Ах, Елена Васильевна, если бы вы знали!.. Елка напоминает мне невозвратные дни моего детства в Житомире... Огни... Елочка зеленая... (Пауза.) Впрочем, здесь мне лучше, гораздо лучше, чем в детстве. Вот отсюда я никуда бы не ушел... Так бы просидел весь век под елкой у ваших ног и никуда бы не ушел...

Е л е н а. Вы бы соскучились. Вы страшный поэт, Ларион.

Л а р и о с и к. Нет, уж какой я поэт! Куда там, к чер... Ах, извините, Елена Васильевна!

Е л е н а. Прочтите, прочтите что-нибудь новенькое. Ну прочтите. Мне очень нравятся ваши стихи. Вы очень способный.

Л а р и о с и к. Вы искренно говорите?

Е л е н а. Совершенно искренно.

Л а р и о с и к. Ну хорошо... Я прочту... Я прочту... Посвящается... Ну, одним словом, посвящается... Нет, не буду я вам читать стихи.

Е л е н а. Почему?

Л а р и о с и к. Нет, зачем?..

Е л е н а. А кому посвящается?

Л а р и о с и к. Одной женщине.

Е л е н а. Секрет?

Л а р и о с и к. Секрет. Вам.

Е л е н а. Спасибо вам, милый.

Л а р и о с и к. Что мне спасибо!.. Из спасибо шинели не сошьешь... Ой, извините, Елена Васильевна, это я от Мышлаевского заразился. Вы знаете, такие выражения вырываются...

Е л е н а. Я вижу. По-моему, вы в Мышлаевского влюблены.

Л а р и о с и к. Нет. Я в вас влюблен.

Е л е н а. Не надо в меня влюбляться, Ларион, не надо.

Л а р и о с и к. Знаете что? Выйдите за меня замуж.

Е л е н а. Вы трогательный человек. Только это невозможно.

Л а р и о с и к. Он не вернется!.. А как же вы будете одна? Одна, без поддержки, без участия. Ну, правда, я поддержка довольно парши... слабая, зато я вас очень буду любить. Всю жизнь. Вы – мой идеал. Он не приедет. Теперь в особенности, когда наступают большевики... Он не вернется!

Е л е н а. Он не вернется. Но не в этом дело. Если бы он даже и вернулся, все равно моя жизнь с ним кончена.

Л а р и о с и к. Его отрезали... Я не мог смотреть на вас, когда он уехал. У меня сердце кровью обливалось. Ведь на вас было страшно смотреть, ей-Богу...

Е л е н а. Разве я такая плохая была?

Л а р и о с и к. Ужас! Кошмар! Худая-прехудая... Лицо – желтое-прежелтое...

Е л е н а. Что вы выдумываете, Ларион!

Л а р и о с и к. Ой... действительно, черт-те что... Но теперь вы лучше, гораздо лучше... Вы теперь румяная-прерумяная...

Е л е н а. Вы, Лариосик, неподражаемый человек. Идите ко мне, я вас в лоб поцелую.

Л а р и о с и к. В лоб? Ну, в лоб – так в лоб!

Елена целует его в лоб.

Конечно, разве можно меня полюбить!

Е л е н а. Очень даже можно. Только у меня есть роман.

Л а р и о с и к. Что? Роман! У кого? У вас? У вас роман? Не может быть!

Е л е н а. Разве уж я не гожусь?

Л а р и о с и к. Вы – святая! Вы... А кто он? Я его знаю?

Е л е н а. И очень хорошо. Л а р и о с и к. Очень хорошо знаю?... Стойте... Кто же? Стойте, стойте, стойте!.. Молодой человек... вы ничего не видали... Ходи с короля, а дам не трогай... А я думал, что это сон. Проклятый счастливец!

Е л е н а. Лариосик! Это нескромно!

Л а р и о с и к. Я ухожу... Я ухожу....

Е л е н а. Куда, куда?

Л а р и о с и к. Пойду к армянину за водкой и напьюсь до бесчувствия...

Е л е н а. Так я вам и позволила... Ларион, я буду вам другом.

Л а р и о с и к. Читал, читал в романах... Как «другом буду» – значит, конечно, крышка! Конеч! (Надевает пальто.)

Е л е н а. Лариосик! Возвращайтесь скорее! Скоро гости придут!

Лариосик, открыв дверь, сталкивается в передней с входящим Ш е р в и н с к и м. Тот в мерзкой шляпе и изодранном пальто, в синих очках.

Ш е р в и н с к и й. Здравствуйте, Елена Васильевна! Здравствуйте, Ларион!

Л а р и о с и к. А... здравствуйте... здравствуйте. (Исчезает.)

Е л е н а. Бог мой! На кого вы похожи!

Ш е р в и н с к и й. Ну, спасибо, Е л е н а Васильевна. Я уж попробовал! Сегодня еду на извозчике, а уже какие-то пролетарии по тротуарам так и шныряют, так и шныряют. И один говорит таким ласковым голоском: «Ишь, украинский барин! Погоди, говорит, до завтра. Завтра мы вас с извозчиков снимаем!» У меня глаз опытный. Я, как на него посмотрел, сразу понял, что надо ехать домой и переодеваться. Поздравляю вас – Петлюре крышка!

Е л е н а. Что вы говорите?!

Ш е р в и н с к и й. Сегодня ночью красные будут. Стало быть, советская власть и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
тому подобное!

Е л е н а. Чему же вы радуетесь? Можно подумать, что вы сами большевик!

Ш е р в и н с к и й. Я сочувствующий! А пальтишко я у дворника напрокат взял. Это – беспартийное пальтишко.

Е л е н а. Сию минуту извольте снять эту гадость!

Ш е р в и н с к и й. Слушаю-с! (Снимает пальто, шляпу, калоши, очки, остается в великолепном фракном костюме.) Вот, поздравьте, только что с дебюта. Пел и принят.

Е л е н а. Поздравляю вас.

Ш е р в и н с к и й. Лена, никого дома нет? Как Николка?

Е л е н а. Спит...

Ш е р в и н с к и й. Лена, Лена...

Е л е н а. Пустите... Пойдите, зачем же вы сбрили баки?

Ш е р в и н с к и й. Гримироваться удобнее.

Е л е н а. Большевиком вам так удобнее гримироваться. У, хитрое, малодушное создание! Не бойтесь, никто вас не тронет.

Ш е р в и н с к и й. Ну пусть попробуют тронуть человека, у которого две полные октавы в голосе да еще две ноты наверху!.. Леночка! Можно объясниться?

Е л е н а. Объяснитесь.

Ш е р в и н с к и й. Лена! Вот все кончилось... Николка выздоравливает... Петлюру выгоняют... Я дебютировал... Теперь начинается новая жизнь. Больше томиться нам невозможно. Он не придет. Его отрезали, Лена! Я не плохой, ей-Богу!.. Я не плохой. Ты посмотри на себя. Ты одна. Ты чахнешь...

Е л е н а. Ты справишься?

Ш е р в и н с к и й. А от чего мне, Леночка, исправляться?

Е л е н а. Леонид, я стану вашей женой, если вы изменитесь. И прежде всего перестанете лгать!

Ш е р в и н с к и й. Неужели я такой лгун, Леночка?

Е л е н а. Вы не лгун, а Бог тебя знает, какой-то пустой, как орех... Что такое?! Государя императора в портъере видел. И прослезился... И ничего подобного не было. Эта длинная – меццо-сопрано, а оказывается, она – просто продавщица в кофейне Семадени...

Ш е р в и н с к и й. Леночка, она очень недолго служила, пока без ангажемента была.

Е л е н а. У нее, кажется, был ангажемент!

Ш е р в и н с к и й. Лена! Клянусь памятью покойной мамы, а также и папы – у нас ничего не было. Я ведь сирота.

Е л е н а. Мне все равно. Мне неинтересны ваши грязные тайны. Важно другое: чтобы ты перестал хвастать и лгать. Единственный раз сказал правду, когда говорил про портсигар, и то никто не поверил, доказательство пришлось предъявлять. Фу!.. Срам... Срам...

Ш е р в и н с к и й. Про портсигар я именно все наврал. Гетман мне его не дарил, не обнимал и не прослезился. Просто он его на столе забыл, а я его спрятал.

Е л е н а. Стащил со стола?

Ш е р в и н с к и й. Спрятал. Это историческая ценность.

Е л е н а. Боже мой, этого еще не доставало! дайте его сюда! (Отбирает портсигар и прячет.)

Ш е р в и н с к и й. Леночка, папиросы там – мои.

Е л е н а. Счастлив ваш Бог, что вы догадались мне об этом сказать. А если бы я сама узнала?..

Ш е р в и н с к и й. А как бы вы узнали?

Е л е н а. Дикарь!

Ш е р в и н с к и й. Вовсе нет. Леночка, я страшно изменился. Сам себя не узнаю, честное слово! Катастрофа на меня подействовала или смерть Алеши... Я теперь иной. А материально ты не беспокойся, Ленуша, я ведь – ого-го... Сегодня на дебюте спел, а директор мне говорит: «Вы, говорит, Леонид Юрьевич, изумительные надежды подаете. Вам бы, говорит, надо ехать в Москву, в Большой театр...» Подошел ко мне, обнял меня и...

Е л е н а. И что?

Ш е р в и н с к и й. И ничего... Пошел по коридору...

Е л е н а. Неисправим!

Ш е р в и н с к и й. Лена!

Е л е н а. Что ж мы будем делать с Тальбергом?

Ш е р в и н с к и й. Развод. Развод. Ты адрес его знаешь? Телеграмму ему и письмо о том, что все кончено! Кончено!

Е л е н а. Ну хорошо! Скучно мне и одиноко. Тоскливо. Хорошо! Я согласна!

Ш е р в и н с к и й. Ты победил, Галилеянин! Лена! (Поет.) И будешь ты царицей ми-и-и-ра... «Соль» чистое! (Указывает на портрет Тальберга.) Я требую выбросить его вон! Я его видеть не могу!

Е л е н а. Ого, какой тон!

Ш е р в и н с к и й (ласково). Я его, Леночка, видеть не могу. (Выламывает портрет из рамы и бросает его в камин.) Крыса! И совесть моя чиста и спокойна!

Е л е н а. Тебе жабо очень пойдет... Красив ты, что говорить!..

Ш е р в и н с к и й. Мы не пропадем...

Е л е н а. О, за тебя-то я не боюсь!.. Ты не пропадешь!

Ш е р в и н с к и й. Лена, идем к тебе... Я спую, ты проаккомпанируешь... Ведь мы два месяца не виделись. Все на людях да на людях.

Е л е н а. Да ведь придут сейчас.

Ш е р в и н с к и й. А мы тогда вернемся обратно.

Уходят, закрывают дверь. Слышен рояль. Шервинский великолепным голосом поет эпиталаму из «Нерона».

Н и к о л к а (входит, в черной шапочке, на костылях. Бледен и слаб. В студенческой тужурке). А!.. Репетируют! (Видит раму портрета.) А!.. Вышибли. Понимаю... Я давно догадывался. (Ложится на диван.)

Л а р и о с и к (появляется в передней). Николаша! Встал? Один? Подожди, сейчас

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
подушку тебе принесу. (Приносит подушку Николке.)

Н и к о л к а. Не беспокойся, Ларион, не нужно. Спасибо. Видно, Ларион, я так калекой и останусь.

Л а р и о с и к. Ну что ты, что ты, Николаша, как тебе не стыдно!

Н и к о л к а. Слушай, Ларион, что их-то еще нету?

Л а р и о с и к. Нет еще, но скоро будут. Ты знаешь, иду сейчас по улице – обозы, обозы, и на них эти, с хвостами. Видно, здорово поколотили их большевики.

Н и к о л к а. Так им и надо!

Л а р и о с и к. Но тем не менее я водочки достал! Единственный раз в жизни мне повезло! Думал, ни за что не достану. Такой уж я человек! Погода была великолепная, когда я выходил. Небо ясно, звезды блещут, пушки не стреляют... Все обстоит в природе благополучно. Но стоит мне показаться на улице – обязательно пойдет снег. И действительно, вышел – и мокрый снег лепит в самое лицо. Но бутылочку достал!.. Пусть знает Мышлаевский, на что я способен. Два раза упал, затылком трахнулся, но бутылку держал в руках.

Г о л о с Ш е р в и н с к о г о. «Ты любовь благословляешь...»

Н и к о л к а. Смотри, видишь?.. Потрясающая новость! Елена расходится с мужем. Она за Шервинского выйдет.

Л а р и о с и к (роняет бутылку). Уже?

Н и к о л к а. Э, Лариосик, э-э!.. Что ты, Ларион, что ты?.. А-а... понимаю! Тоже врезался?

Л а р и о с и к. Никол, когда речь идет о Елене Васильевне, такие слова, как врезался, неуместны. Понял? Она золотая!

Н и к о л к а. Рыжая она, Ларион, рыжая. Прямо несчастье. Оттого всем и нравится, что рыжая. Как кто увидит, сейчас букеты начинает таскать. Так что у нас все время в квартире букеты, как веники, стояли. А Тальберг злился. Ну, ты осколки собирай, а то сейчас Мышлаевский явится, он тебя убьет.

Л а р и о с и к. Ты ему не говори. (Собирает осколки.)

Звонок, Лариосик впускает М ы ш л а е в с к о г о и С т у д з и н с к о г о. Оба в штатском.

М ы ш л а е в с к и й. Красные разбили Петлюру! Войска Петлюры город оставляют!

С т у д з и н с к и й. Да-да! Красные уже в Слободке. Через полчаса будут здесь.

М ы ш л а е в с к и й. Завтра, таким образом, здесь получится советская республика... Позвольте, водкой пахнет! Кто пил водку раньше времени? Сознавайтесь. Что ж это делается в этом богоспасаемом доме?!.. Вы водкой полы моете?!.. Я знаю, чья это работа! Что ты все бьешь?! Что ты все бьешь! Это в полном смысле слова золотые руки! К чему ни притронется – бац, осколки! Ну если уж у тебя такой зуд – бей сервизы!

За сценой все время рояль.

Л а р и о с и к. Какое ты имеешь право делать мне замечания! Я не желаю!

М ы ш л а е в с к и й. Что это на меня все кричат? Скоро бить начнут! Впрочем, я сегодня добрый почему-то. Мир, Ларион, я на тебя не сержусь.

Н и к о л к а. А почему стрельбы нет?

М ы ш л а е в с к и й. Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!

Л а р и о с и к. А главное, удивительнее всего, что все радуются, даже буржуи

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
недорезанные. До того всем Петлюра надоел!

Н и к о л к а. Интересно, как большевики выглядят?

М ы ш л а е в с к и й. Увидишь, увидишь.

Л а р и о с и к. Капитан, ваше мнение?

С т у д з и н с к и й. Не знаю, ничего не понимаю теперь. Лучше всего нам подняться и уйти вслед за Петлюрой. Как мы, белогвардейцы, уживемся с большевиками, не представляю себе!

М ы ш л а е в с к и й. Куда за Петлюрой?

С т у д з и н с к и й. Пристроиться к какому-нибудь обозу и уйти в Галицию.

М ы ш л а е в с к и й. А потом куда?

С т у д з и н с к и й. А там на Дон, к Деникину, и биться с большевиками.

М ы ш л а е в с к и й. Опять, значит, к генералам под команду? Это очень остроумный план. Жаль, что лежит Алешка в земле, а то бы он много интересного мог рассказать про генералов. Но жаль, успокоился командир.

С т у д з и н с к и й. Не терзай мою душу, не вспоминай.

М ы ш л а е в с к и й. Нет, позвольте, его нет, позвольте, я поговорю... Опять в армию, опять биться?.. И прослезился?.. Спасибо, спасибо, я уже смеялся. В особенности когда Алешку повидал в анатомическом театре.

Николка заплакал.

Л а р и о с и к. Николаша, Николаша, что ты, погоди!

М ы ш л а е в с к и й. Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?!.. И я опять иди к этим светлостям?! Ну нет. Видали? (Показывает шиш.) Шиш!

С т у д з и н с к и й. Изъясняйся, пожалуйста, словами.

М ы ш л а е в с к и й. Я сейчас изъяснюсь, будьте благонадежны. Что я, идиот, в самом деле? Нет, я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил!

Л а р и о с и к. Виктор Мышлаевский большевиком стал.

М ы ш л а е в с к и й. Да, ежели угодно, я за большевиков!

С т у д з и н с к и й. Виктор, что ты говоришь?

М ы ш л а е в с к и й. Я за большевиков, но только против коммунистов.

С т у д з и н с к и й. Это смешно. Надо понимать, о чем ты говоришь.

Л а р и о с и к. Позволь тебе сказать, что это одно и то же: большевизм и коммунизм.

М ы ш л а е в с к и й (передразнивая). «Большевизм и коммунизм». Ну, тогда и за коммунистов...

С т у д з и н с к и й. Слушай, капитан, ты упомянул слово «отечество». Какое же отечество, когда большевики? Россия кончена. Вот помнишь, командир говорил, и командир был прав: вот они, большевики!..

М ы ш л а е в с к и й. Большевики?.. Великолепно! Очень рад!

С т у д з и н с к и й. Да ведь они тебя мобилизуют.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мышляевский. И пойдю, и буду служить. Да!

Студзинский. Почему?!

Мышляевский. А вот почему! Потому! Потому что у Петлюры, вы говорили, сколько? Двести тысяч! Вот эти двести тысяч пятки салом подмазали и дуют при одном слове «большевики». Видал? Чисто! Потому что за большевиками мужички тучей... А я им всем что могу противопоставить? Рейтузы с кантом? А они этого канта видеть не могут... Сейчас же за пулеметы берутся. Не угодно ли... Спереди красногвардейцы, как стена, сзади спекулянты и всякая рвань с гетманом, а я посередине? Слуга покорный! Нет, мне надоело изображать навоз в проруби. Пусть мобилизуют! По крайней мере, буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас. Алешка был прав!

Студзинский. Да какая же, к черту, русская армия, когда они Россию прикончили?! Да они нас все равно расстреляют!

Мышляевский. И отлично сделают! Заберут в Чека, обложат и выведут в расход. И им спокойнее, и нам...

Студзинский. Я с ними буду биться!

Мышляевский. Пожалуйста, надевай шинель! Валяй! Дуй!.. Шпарь к большевикам, кричи им: не пуцу! Николку с лестницы уже сбросили раз! Голову видал? А тебе ее и вовсе оторвут. И правильно – не лезь. Теперь пошли дела не наши!

Лариосик. Я против ужасов гражданской войны. В сущности, зачем проливать кровь?

Мышляевский. Ты на войне был?

Лариосик. У меня, витька, белый билет. Слабые легкие. И, кроме того, я единственный сын у моей мамы.

Мышляевский. Правильно, товарищ белобилетник.

Студзинский. Была у нас Россия – великая держава!..

Мышляевский. И будет!.. Будет!

Студзинский. Да, будет, будет – ждите!

Мышляевский. Пржней не будет, новая будет. Новая! А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону – а что вас расхлопают, я вам предсказываю – и когда ваш Деникин даст деру за границу – а я вам это тоже предсказываю, – тогда куда?

Студзинский. Тоже за границу.

Мышляевский. Нужны вы там, как пушке третье колесо! Куда ни приедете, в харю наплюют от Сингапура до Парижа. Я не поеду, буду здесь, в России. И будь с ней что будет!.. Ну и кончено, довольно, я закрываю собрание.

Студзинский. Я вижу, что я одинок.

Шервинский (вбегает). Подождите, подождите, не закрывайте собрания. Я имею внеочередное заявление. Елена Васильевна Тальберг разводится с мужем своим, бывшим полковником генерального штаба Тальбергом, и выходит... (Кланяется, указывая рукой на себя.)

Входит Елена.

Лариосик. А!..

Мышляевский. Брось, Ларион, куда нам с суконным рылом в калашный ряд. Лена ясная, позволь, я тебя обниму и поцелую.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
С т у д з и н с к и й. Поздравляю вас, Елена Васильевна.

М ы ш л а е в с к и й (идет за Лариосиком, убежавшим в переднюю). Ларион, поздравь – неудобно! Потом опять сюда придешь.

Л а р и о с и к (Елене). Поздравляю вас и желаю вам счастья. (Шервинскому.) Поздравляю вас... поздравляю.

М ы ш л а е в с к и й. Но ты молодец, молодец! Ведь какая женщина! По-английски говорит, на фортепьянах играет, а в то же время самоварчик может поставить. Я сам бы на тебе, Лена, с удовольствием женился.

Е л е н а. Я бы за тебя, Витенька, не вышла.

М ы ш л а е в с к и й. Ну и не надо. Я тебя и так люблю. А сам я по преимуществу человек холостой и военный. Люблю, чтобы дома было уютно, без женщин и детей, как в казарме... Ларион, наливай! Поздравить надо!

Ш е р в и н с к и й. Погодите, господа! Не пейте это вино! Я вам сейчас принесу. Вы знаете, какое это вино! Ого-го-го!.. (Взглянул на Елену, увял.) Ну так, среднее винишко. Обыкновенное «Абрау-Дюрсо».

М ы ш л а е в с к и й. Лена, твоя работа! Женись, Шервинский, ты совершенно здоров! Ну, поздравляю вас и желаю вам...

Дверь в переднюю открывается, входит Тальберг в штатском пальто, с чемоданом.

С т у д з и н с к и й. Господа! Владимир Робертович... Владимир Робертович...

Т а л ь б е р г. Мое почтение.

Мертвая пауза.

М ы ш л а е в с к и й. Это номер!

Т а л ь б е р г. Здравствуй, Лена! Вы как будто удивлены?

Пауза.

Немного странно! Казалось бы, я мог больше удивляться, застав на своей половине столь веселую компанию в столь трудное время. Здравствуй, Лена. Что это значит?

Ш е р в и н с к и й. А вот что...

Е л е н а. Погоди... Господа, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоем с Владимиром Робертовичем.

Ш е р в и н с к и й. Лена, я не хочу!

М ы ш л а е в с к и й. Постой, постой... Все уладим. Соблюдай спокойствие... Нам выкатываться, Леночка?

Е л е н а. Да.

М ы ш л а е в с к и й. Я знаю, ты умница. В случае чего кликни меня. Персонально. Ну что ж, господа, покурим, пойдем к Лариону. Ларион, забирай подушку, и идем.

Все уходят, причем Лариосик почему-то на цыпочках.

Е л е н а. Прошу вас.

Т а л ь б е р г. Что все это значит? Прошу объяснить.

Пауза.

Что за шутки? Где Алексей?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Е л е н а. Алексея убили.

Т а л ь б е р г. Не может быть!.. Когда?

Е л е н а. Два месяца тому назад, через два дня после вашего отъезда.

Т а л ь б е р г. Ах, Боже мой, это ужасно! Но ведь я же предупреждал. Ты помнишь?

Е л е н а. Да, помню. А Николка – калека.

Т а л ь б е р г. Конечно, все это ужасно... Но ведь я же не виноват во всей этой истории... И согласись, это никак не причина для устройства такой, я бы сказал, глупой демонстрации.

Пауза.

Е л е н а. Скажите, как же вы вернулись? Ведь сегодня большевики уже будут...

Т а л ь б е р г. Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Немцы нас обманули. Но в Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову. Киев надо бросить немедленно... времени нету... Я за тобой.

Е л е н а. Я, видите ли, с вами развожусь и выхожу замуж за Шервинского.

Т а л ь б е р г (после долгой паузы). Хорошо! Очень хорошо! Воспользоваться моим отсутствием для устройства пошлого романа...

Е л е н а. Виктор!..

Входит М ы ш л а е в с к и й.

М ы ш л а е в с к и й. Лена, ты меня уполномачиваешь объясниться?

Е л е н а. Да! (Уходит.)

М ы ш л а е в с к и й. Понял. (Подходит к Тальбергу.) Ну? Вон!.. (Ударяет его.)

Тальберг растерян. Идет в переднюю, уходит.

М ы ш л а е в с к и й. Лена! Персонально!

Входит Е л е н а.

Уехал. Дает развод. Очень мило поговорили.

Е л е н а. Спасибо, Виктор! (Целует его и убегает.)

М ы ш л а е в с к и й. Ларион!

Л а р и о с и к (входит). Уже уехал?

М ы ш л а е в с к и й. Уехал!

Л а р и о с и к. Ты гений, Витенька!

М ы ш л а е в с к и й. «Я гений – Игорь Северянин». Туши свет, зажигай елку и сыграй какой-нибудь марш.

Лариосик тушит свет в комнате, освещает елку электрическими лампочками, выбегает в соседнюю комнату. Марш.

Господа, прошу!

Входят Ш е р в и н с к и й, С т у д з и н с к и й, Н и к о л к а и Е л е н а.

С т у д з и н с к и й. Очень красиво! И как стало сразу уютно!

Мышлаевский. Ларионова работа. Ну, теперь позвольте вас поздравить по-настоящему. Ларион, довольно!

Входит Лариосик с гитарой, передает ее Николке.

Поздравляю тебя, Лена ясная, раз и навсегда. Забудь обо всем. И вообще – ваше здоровье! (Пьет.)

Николка (трогает струны гитары, поет).

Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль на радость соседей-врагов
Могильной засыплюсь землею?
Так громче, музыка, играй победу,
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!

Мышлаевский (поет). Так за Совет Народных Комиссаров...

Все, кроме Студзинского, подхватывают:

«Мы грянем громкое „Ура! Ура! Ура!“.

Студзинский. Ну, это черт знает что!.. Как вам не стыдно!

Николка (запевает).

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник...

Лариосик. Замечательно!.. Огни... елочка...

Мышлаевский. Ларион! Скажи нам речь!

Николка. Правильно, речь!..

Лариосик. Я, господа, право, не умею! И, кроме того, я очень застенчив.

Мышлаевский. Ларион говорит речь!

Лариосик. Что ж, если обществу угодно, я скажу. Только прошу извинить: ведь я не готовился. Господа! Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много... и я в том числе. Я пережил жизненную драму... И мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...

Мышлаевский. Как хорошо про корабль...

Лариосик. Да, корабль... Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму... Ну, не стоит говорить о печалях. Время повернулось. Вот сгинул Петлюра... Все живы... да... мы все снова вместе... И даже больше того: вот Елена Васильевна, она тоже пережила очень и очень много и заслуживает счастья, потому что она замечательная женщина. И мне хочется сказать ей словами писателя: «Мы отдохнем, мы отдохнем...»

Далекие пушечные удары.

Мышлаевский. Так-с!.. Отдохнули!.. Пять... шесть... девять!..

Елена. Неужто бой опять?

Шервинский. Нет. Это салют!

Мышлаевский. Совершенно верно: шестидюймовая батарея салютует.

За сценой издали, все приближаясь, оркестр играет «Интернационал».

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Господа, слышите? Это красные идут!

Все идут к окну.

Н и к о л к а. Господа, сегодняшний вечер – великий пролог к новой исторической пьесе.

С т у д з и н с к и й. Кому – пролог, а кому – эпилог.

Бег

Восемь снов

Пьеса в четырех действиях

Бессмертье – тихий, светлый берег;

Наш путь – к нему стремление.

Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

Действующие лица

С е р а ф и м а В л а д и м и р о в н а К о р з у х и н а – молодая петербургская дама.

С е р г е й П а в л о в и ч Г о л у б к о в – сын профессора-идеалиста из Петербурга.

А ф р и к а н – архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский, архипастырь именитого воинства, он же химик М а х р о в.

П а и с и й – монах.

Д р я х л ы й и г у м е н.

Б а е в – командир полка в Конармии Буденного.

Б у д е н о в е ц.

Г р и г о р и й Л у к ь я н о в и ч Ч а р н о т а – запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Б а р а б а н ч и к о в а – дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Л ю с ь к а – походная жена генерала Чарноты.

К р а п и л и н – вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Д е Б р и з а р – командир гусарского полка у белых.

Р о м а н В а л е р ь я н о в и ч Х л у д о в.

Г о л о в а н – есаул, адъютант Хлудова.

К о м е н д а н т с т а н ц и и.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и.

Н и к о л а е в н а – жена начальника станции.

О л ь к а – дочь начальника станции, 4-х лет.

П а р а м о н и л ь и ч К о р з у х и н – муж Серафимы.

Т и х и й – начальник контрразведки.

С к у н с к и й, Г у р и н – служащие в контрразведке.

Б е л ы й г л а в н о к о м а н д у ю щ и й.

Л и ч и к о в к а с с е.

А р т у р А р т у р о в и ч – тараканий царь.

Ф и г у р а в к о т е л к е и в и н т е н д а н т с к и х п о г о н а х

Т у р ч а н к а, л ю б я щ а я м а т ь.

П р о с т и т у т к а – к р а с а в и ц а.

Г р е к – д о н ж у а н.

А н т у а н Г р и щ е н к о – лакей Корзухина.

М о н а х и, б е л ы е ш т а б н ы е о ф и ц е р ы, к о н в о й н ы е к а з а к и Б е л о г о г л а в н о к о м а н д у ю щ е г о, к о н т р – р а з в е д ч и к и, к а з а к и в б у р к а х, а н г л и й с к и е, ф р а н ц у з с к и е и и т а л ь я н с к и е м о р я к и, т у р е ц к и е и и т а л ь я н с к и е п о л и ц е й с к и е, м а л ь ч и ш к и т у р к и и г р е к и, а р м я н с к и е и г р е ч е с к и е г о л о в ы в о к н а х, т о л п а в К о н с т а н т и н о п о л е.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года. Сны второй, третий и четвертый – в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой – в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой – в Париже осенью 1921 года.

Восьмой – осенью 1921 года в Константинополе.

Действие первое

Сон первый

Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...»

Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткой, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Б а р а б а н ч и к о в а. Химик М а х р о в, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть... В высоком игуменском кресле сидит С е р а ф и м а, в черной шубе.

Судя по лицу, Серафиме нездоровится.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом, – Г о л у б к о в,
петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

Г о л у б к о в (прислушиваясь к пению). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уже месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится крутом... Видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-Богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась мне зеленая лампа в кабинете...

С е р а ф и м а. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Г о л у б к о в. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно-давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(Погладив ее руку.) Позвольте, да у вас жар?

С е р а ф и м а. Нет, пустяки.

Г о л у б к о в. То есть как пустяки? Жар, ей-Богу, жар!

С е р а ф и м а. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

Послушайте, madame, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Г о л у б к о в. Я сбегаяю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

С е р а ф и м а. Почему же вы не хотите, голубушка?

Б а р а б а н ч и к о в а (капризно). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

М а х р о в (тихо, Голубкову). Загадочная и весьма загадочная особа!

Г о л у б к о в (шепотом). Вы думаете, что...

М а х р о в. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого ни встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

П а и с и й (появляется бесшумно, черен, испуган). Документики, документики приготовьте, господа честные! (Задует все свечи, кроме одной.)

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Б а е в (входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым – Буденовец с фонарем). А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

П а и с и й. Здесь, здесь, здесь...

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Б а е в (Буденовцу). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(Паисию.) Был огонь на колокольне?

П а и с и й. Что вы, что вы! Какой огонь?

Б а е в. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

П а и с и й. Господи! Что вы?

Б а е в. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

П а и с и й. Беженцы они, бе...

С е р а ф и м а. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. (Указывает на Барабанчикову.) Вот женщина, у нее роды начинаются...

Б а е в (подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает). Барабанчикова, замужняя...

П а и с и й (сатанея от ужаса, шепчет). Господи, Господи, только это пронеси! (Готов убежать.) Святой славный великомученик Димитрий...

Б а е в. Где муж?

Барабанчикова простонала.

Б а е в. Нашла время, место рожать! (Махрову.) Документ!

М а х р о в. Вот документик! Я – химик из Мариуполя.

Б а е в. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

М а х р о в. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Б а е в. Огурчики!

Б у д е н о в е ц (появляется внезапно). Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... (Шепчет на ухо Баеву.)

Б а е в. Да что ты! Откуда?

Б у д е н о в е ц. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Б а е в. Ну ладно, ладно, пошли. (Голубкову, который протягивает свой документ.) Некогда, некогда, после. (Паисию.) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

П а и с и й. Нет, нет, нет...

Б а е в. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (Уходит вместе с Буденовцем.)

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было. Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

М а х р о в. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Г о л у б к о в (шепотом, Серафиме). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?... Отчего все это произошло?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Б а р а б а н ч и к о в а. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков – задница, а не генерал! (Серафиме.) Пардон, мадам.

Г о л у б к о в (машинально). Ну?

Б а р а б а н ч и к о в а. Ну что – ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Г о л у б к о в. Ну?

Б а р а б а н ч и к о в а. Малый в червах объявил.

М а х р о в (тихо). Ого-го, до чего интересная особа!

Г о л у б к о в. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты...

Б а р а б а н ч и к о в а. Вот какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Г о л у б к о в. А куда же он удалился?

Б а р а б а н ч и к о в а. Совершенно определенно – в болото.

М а х р о в. А откуда вам все это известно, мадам?

Б а р а б а н ч и к о в а. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

М а х р о в. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?

Б а р а б а н ч и к о в а. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи все, кроме одной, смотрит в окно.

Г о л у б к о в. Что еще?

П а и с и й. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще Господь послал и будем ли мы живы к ночи! (Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.)

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

С е р а ф и м а. Пожар?

Г о л у б к о в. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава Богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Б а р а б а н ч и к о в а (садится, кутаясь в попону). Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (Голубкову.) Какие штаны на них?

Г о л у б к о в. Красные!.. А вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

Б а р а б а н ч и к о в а. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое! Не может быть? Его голос! (Голубкову.) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонами. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман, подбегает к окну, распахивает

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
его, кричит.) Здравствуйте, гусары! Здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко
мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Л ю с ь к а в косынке сестры милосердия, в
кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней – обросший бородой д е Б р
и з а р и вестовой К р а п и л и н с факелом.

Л ю с ь к а. Гриша! Гри-Гри! (Бросается на шею Чарноте.) Не верю глазам! Живой?
Спасся? (Кричит в окно.) Гусары, слушайте, генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Л ю с ь к а. Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

Ч а р н о т а. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в
штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в
червах... и на тебе – пулеметы! Буденный – на тебе, с небес! Начисто штаб
перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок к учителю Барабанчикову,
давай, говорю, документы! А он, в панике, взял, да не те документы мне и сунул!
Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины – мадам
Барабанчикова, и удостоверение – беременная! Крутом красные, ну, говорю, кладите
меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами – шлеп, шлеп!..

Л ю с ь к а. Кто?

Ч а р н о т а. Командир-буденовец.

Л ю с ь к а. Ах!

Ч а р н о т а. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит
под попой! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой!
И паспорт он взял, а попоны не поднял!

Люська визжит.

(Выбегает, в дверях кричит.) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

д е Б р и з а р. Ну, я-то попоны приподыму! Не будь я краповый черт, если я на
радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях
забыли! (Махрову.) Ну, у тебя и документ спрашивать не надо. По волосам видно,
что за птица! Крапилин, свети сюда!

П а и с и й (влетает). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это
высокопреосвященнейший Африкан!

д е Б р и з а р. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(Всматривается в лицо Махрова.) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это
действительно вы?! Как же вы сюда попали?

А ф р и к а н. В Курчулан приехал благословить донской корпус, а меня пленили
красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документами.

д е Б р и з а р. Черт знает что такое! (Серафиме.) Женщина, документ!

С е р а ф и м а. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а
мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий
паспорт. Моя фамилия Корзухина.

д е Б р и з а р. mille excuses, madame! [21 – тысяча извинений, мадам!
(франц.)] А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Г о л у б к о в. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын
знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Д е Б р и з а р. Очень приятно. Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый И г у м е н, а за ним – х о р м о н а х о в со свечами.

И г у м е н (Африкану). Ваше высокопреосвященство! (Монахам.) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облакают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко. Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

А ф р и к а н. Воззри с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

М о н а х и (внезапно запели). Ειζπολλαξτηδε′ζποτα! [22 – Греческая молитва. «На все века, владыка!»]

В дверях вырастает Ч а р н о т а, с ним – Л ю с ь к а.

Ч а р н о т а. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. (Показывает жестом – «уходите».)

А ф р и к а н. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Ч а р н о т а (Африкану). Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

А ф р и к а н. Всеблагий Господи, что же это? (Схватывает свой тулуп.) Двуколки с вами-то есть? (Исчезает.)

Ч а р н о т а. Карту мне! Свети, Крапилин! (Смотрит на карту.) Все заперто! Гроб!

Л ю с ь к а. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

Ч а р н о т а. Стой! Щель нашел! (Де Бризару.) Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

Д е Б р и з а р. Слушаю, ваше превосходительство.

Ч а р н о т а. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Л ю с ь к а. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Г о л у б к о в (Чарноте). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Ч а р н о т а. Вы в университете учились?

Г о л у б к о в. Конечно, да...

Ч а р н о т а. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет. Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Л ю с ь к а. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

С е р а ф и м а (глухо). Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Г о л у б к о в. Боже мой! Серафима Владимировна, это немыслимо! Серафима Владимировна, подымайтесь!

С е р а ф и м а. Я хочу пить... и в Петербург...

Г о л у б к о в. Что же это такое?..

Л ю с ь к а (победоносно). Это тиф, вот что это такое.

Д е Б р и з а р. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

К р а п и л и н. Так точно, ехать надо.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, надо ехать...

Д е Б р и з а р. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

К р а п и л и н. Так точно, ехать надо!

Д е Б р и з а р (глянул на браслет-часы). Пора! (Выбегает.)

Послышалась его команда: «Садись!» – потом топот.

Л ю с ь к а. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

К р а п и л и н. Слушаюсь! (Вместе с Голубковым подымают Серафиму, ведут под руки.)

Л ю с ь к а. В двуколку ее!

Уходят.

Ч а р н о т а (один, допивает коньяк, смотрит на часы). Пора.

И г у м е н (вырастает из люка). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Ч а р н о т а. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! (Исчезает.)

Послышался его крик: «Садись! Садись!» – потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

П а и с и й. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

И г у м е н. А где ж владыко?

П а и с и й. Ускакал, ускакал в двуколке!

И г у м е н. Пастырь, пастырь недостойный!.. Покинувший овцы своя! (Кричит глухо в подземелье.) Братие! Молитесь!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Из-под земли глухо слышалось: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...». Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

Сон второй

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отдѣление оперативное». Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят белыми штабными офицерами. Большинство из них в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машинки в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно – страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкой, съжившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится.

Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерьянович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

Хлудов (диктует Головану). «...Запятая. Но фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись – Хлудов. Точка».

Голован (передает написанное кому-то). Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной (осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон). Да, слушаю... слушаю... Буденный?... Буденный?..

Второй штабной (стонет в телефон). Таганаш... Таганаш...

Третий штабной (стонет в телефон). Нет, на Карпову балку...

Г о л о в а н (осветившись сигналом, подает Хлудову трубку). Ваше превосходительство...

Х л у д о в (в трубку). Да. Да. Да. Нет. Да. (Возвращает трубку Головану.) Мне коменданта.

Г о л о в а н. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» К о м е н д а н т, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

Х л у д о в. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

К о м е н д а н т (мертвым голосом). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Х л у д о в. Дайте мне начальника станции.

К о м е н д а н т (бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом). Что ж я-то поделаю?

Х л у д о в. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может. (Звонит.)

На стене вспыхивает надпись: «Отделение контрразъездывательное». На звонок из стены выходит Т и х и й, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

Х л у д о в (обращается к нему). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Х л у д о в (яростно). Печка с угаром, что ли?

Г о л о в а н. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает К о м е н д а н т, а за ним Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и.

Х л у д о в (Начальнику станции). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (говорит и движется, но уже сутки человек мертвый). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Х л у д о в. Вторая, значит, с угаром?

Г о л о в а н. Сию минуту! (Кому-то в сторону.) Залить печку!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Угар, угар.

Х л у д о в (Начальнику станции). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (говорит вздор). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, – верьте Богу! – и лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую... У меня дети...

Х л у д о в. Искренний человек, а? Нет? Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (Укоризненно, Тихому.) Меня не любят. (Сухо.) Дать сапер. Толкать, сортировать. Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
коменданта арестовать! А начальника станции повесить на семафоре, осветив под
ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медленный вальс. Когда-то под этот вальс
танцевали на гимназических балах.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (вяло). Ваше высокопревосходительство, мои дети
еще в школу не ходили...

Тихий берет Начальника станции под руку и уводит. За ними – Комендант.

Х л у д о в. Вальс?

Г о л о в а н. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (за стеклянной перегородкой оживает, кричит в
телефон). Христофор Федорович! Христом-Богом заклинаю: с четвертого и пятого
пути все составы всплошную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай!
Господом заклинаю!

Н и к о л а е в н а (появилась возле Начальника станции). Что такое, Вася, что?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку,
Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!

Н и к о л а е в н а. Ольку? Ольку? (Исчезает.)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Ч а р н о т а, в бурке и
папахе, проходит к Хлудову. Л ю с ь к а, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в
глубине у двери.

Ч а р н о т а. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная
кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! (Указывает куда-то вдаль.) Что же это вы делаете?
(Внезапно снимает папаху.) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома,
прекрати!

Х л у д о в. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Ч а р н о т а. Слушаю. (Отходит.)

Л ю с ь к а. Куда?

Ч а р н о т а (тускло). На Карпову балку.

Л ю с ь к а. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную.

Ч а р н о т а (тускло). Можешь погибнуть.

Л ю с ь к а. Ну и слава Богу! (Уходит с Чарнотой.)

Послышалось лязганье, стук, потом страдальческий вой бронепоезда. Н и к о л а е
в н а врывается за перегородку, тащит О л ь к у, закутанную в платок.

Н и к о л а е в н а. Вот она, Олька, вот она!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (в телефон). Христофор Федорович, дотянул?!
Спасибо тебе, спасибо! (Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.)

За ним – Т и х и й и К о м е н д а н т.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Х л у д о в (Начальнику станции). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Пршел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Х л у д о в. Зачем ребенок?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Х л у д о в. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? (Достает из кармана карамель.) Девочка, на! Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... (Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.)

Опять послышался вальс и стал удаляться. Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит П а р а м о н И л ь и ч К о р з у х и н. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Головану, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.

Х л у д о в. Я слушаю.

К о р з у х и н (Хлудову). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда в ставку.

Х л у д о в. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину товарищу министра.

Г о л о в а н. Прошу за мной. (При общем напряженном внимании ведет Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то ввысь.)

Корзухин вздрагивает. Возвращается с Голованом к Хлудову.

Х л у д о в. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

К о р з у х и н (волнуясь). Второй касается непосредственно моего министерства. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения и содействия вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

Х л у д о в (мягко). А какой именно груз?

К о р з у х и н. Экспортный пушной товар, предназначенный за границу.

Х л у д о в (улыбнувшись). Ах пушной экспортный! А в каких составах груз?

К о р з у х и н (подает бумагу). Прошу вас.

Х л у д о в. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(Мягко.) Покороче, третий вопрос?

К о р з у х и н (остолбенев). Положение на фронте?..

Х л у д о в (зевнув). Ну какое может быть положение на фронте! Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал главнокомандующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска. Вот и сидим на табуретах, как попугаи. (Меня интонацию, шипит.) Положение? Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И еще скажите, что
заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар!

К о р з у х и н. Неслыханно! (Травлено озирается.) Я буду иметь честь доложить
об этом главнокомандующему.

Х л у д о в (вежливо). Пожалуйста.

К о р з у х и н (пятась, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает). Какой
поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (мертвея, предстает перед Хлудовым). С Кермана
Кемальчи особое назначение!

Х л у д о в. Смирно! Господа офицеры!

Вся ставка встает. В тех дверях, из которых выходит Корзухин, появляются д в о
е к о н в о й н ы х к а з а к о в в малиновых башлыках, вслед за ними Б е л ы й
Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й в заломленной на затылок папахе, длиннейшей
шинели, с кавказской шашкой, а вслед за ним – высокопреосвященнейший А ф р и к а
н, который ставку благословляет.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Здравствуйте, господа!

Ш т а б н ы е. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Х л у д о в. Попрошу разрешения рапорт представить вашему
высокопревосходительству конфиденциально.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Да. Всем оставить помещение. (Африкану.)
Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с командующим фронтом.

А ф р и к а н. В добрый час! В добрый час!

Все выходят, и Хлудов остается наедине с Главнокомандующим.

Х л у д о в. Три часа тому назад противник взял Юшунь. Большевики в Крыму.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Конец?!

Х л у д о в. Конец.

Молчание.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (в дверь). Владыко!

А ф р и к а н, встревоженный, появляется.

Владыко! Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые,
в этот страшный час только на милосердие Божие уповаем!

А ф р и к а н (понял, что наступила беда). Ай-яй-яй!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Помолитесь, владыко святой!

А ф р и к а н (перед Георгием Победоносцем). Всемогущий Господь! За что? За что
новое испытание посылаешь чадам своим, Христову именованному воинству? С нами
крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием.

В стеклянной перегородке показалось лицо Н а ч а л ь н и к а с т а н ц и и,
тоскующего от страха.

Х л у д о в. Ваше высокопреосвященство, простите, что я вас перебиваю, но вы
напрасно беспокоите Господа Бога. Он уже явно и давно от нас отступился. Ведь
это что ж такое? Никогда не бывало, а теперь воду из Сиваша угнало, и
большевики, как по паркету, прошли. Георгий-то Победоносец смеется!

А ф р и к а н. Что вы, доблестный генерал?!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Я категорически против такого тона. Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

Х л у д о в. Ах вот как! А у кого бы, ваше высокопревосходительство, ваши солдаты на Перекопе вал удерживали? У кого бы Чарнота в эту ночь с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал? Вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (темнея). Что это такое?

А ф р и к а н. Господи, воззри на них, просвети и укрепи! Аще царство разделится, вскоре раззорится!..

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Впрочем, сейчас не время...

Х л у д о в. Да, не время. Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Да. (Вынимает конверт, подает его Хлудову.) Прошу немедленно вскрыть.

Х л у д о в. А, уже готово! Вы предвидели? Это хорошо. Ныне отпускаешь раба твоего, владыко... Слушаю. (Кричит.) Поезд главнокомандующему! Конвой! Ставка!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (за перегородкой бросается к телефону). Керман Кемальчи! Дай жезл! Дай жезл!

Появляются к о н в о й н ы е к а з а к и и в с е ш т а б н ы е.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ. Да ниспошет нам всем Господь силы и разум пережить русское лихолетье! Всех и каждого честно предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Внезапно дверь распаивается, и появляется д е Б р и з а р с завязанной марлей головой, становится во фронт Главнокомандующему.

Д е Б р и з а р. Здравия желаю, ваше императорское величество! (Ставке, таинственно.) «Графиня, ценой одного рандеву, хотите, пожалуй, я вам назову...»

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Что это?

Г о л о в а н. Командир гусарского полка граф де Бризар контужен в голову.

Х л у д о в (как во сне). Чонгар... Чонгар...

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. В мой поезд со мной, в Севастополь! (Быстро выходит в сопровождении конвойных казаков.)

А ф р и к а н. Господи! Господи! (Благословляет ставку, быстро выходит.)

Д е Б р и з а р (увлекаемый штабными). Виноват!.. «Графиня, ценой одного рандеву...»

Ш т а б н ы е. В Севастополь, граф, в Севастополь...

Д е Б р и з а р. Виноват!.. Виноват!.. (Исчезает.)

Х л у д о в (вскрывает конверт. Прочитал, оскалился. Головану). Летчика на Карпову балку к генералу Барбовичу. Приказ – от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
По ставке пронесится шелест: «Аминь, аминь...» Потом могильная тишина.

Другого – к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову – с кубанцами в Феодосию. Калинину – с донцами в Керчь. Чарноте – в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!

Г о л о в а н (поспешно выходя). Летчиков! Летчиков!

Группы штабных начинают таять. Сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны.

Послышалось, как взревел поезд и ушел. Суета, порядка уже нет. Тут распаивается дверь, из которой выходил Чарнота, и появляется С е р а ф и м а, в бурке. За ней – Г о л у б к о в и К р а п и л и н, пытающиеся ее удержать.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, опомнитесь, сюда нельзя! (Удивленным штабным.) Тифозная женщина!..

К р а п и л и н. Так точно, тифозная.

С е р а ф и м а (звонко). Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

Х л у д о в. Ничего, пропустите ко мне. Хлудов – это я.

Г о л у б к о в. Не слушайте ее, она больна!

С е р а ф и м а. Из Петербурга бежим, все бежим да бежим... Куда? К Роману Хлудову под крыло! Все Хлудов, Хлудов, Хлудов... Даже снится Хлудов! (Улыбается.) Вот и удостоилась лицезреть: сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!

Г о л у б к о в (отчаянно). У нее тиф! Она бредит!.. Мы из эшелона!

Хлудов звонит, и из стены выходят Т и х и й и Г у р и н.

С е р а ф и м а. Ну что же! Они идут и всех вас прикончат!

В группе штабных шорох: «А-а... коммунистка!»

Г о л у б к о в. Что вы! Что вы! Она жена товарища министра Корзухина! Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

Х л у д о в. Это хорошо, потому что, когда у нас, отдавая отчет, говорят, ни слова правды не добьешься.

Г о л у б к о в. Она – Корзухина!

Х л у д о в. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? Это – пушной товар? Так у этого негодяя еще и жена коммунистка? У, благословенный случай! Ну, я с ним сейчас посчитаюсь! Если только он не успел уехать, дать мне его сюда!

Тихий дает знак Гурину, и тот исчезает.

Т и х и й (мягко, Серафиме). Как ваше имя-отчество?

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна... Серафима...

Г у р и н вводит К о р з у х и н а. Тот смертельно бледен, чует беду.

Вы – Парамон Ильич Корзухин?

К о р з у х и н. Да, это я.

Г о л у б к о в. Слава Богу, вы выехали нам навстречу! Наконец-то!

Т и х и й (ласково, Корзухину). Ваша супруга, Серафима Владимировна, приехала к вам из Петербурга.

К о р з у х и н (посмотрел в глаза Тихому и Хлудову, учуял какую-то ловушку). Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщину вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман.

С е р а ф и м а (поглядев на Корзухина, мутно). А-а, отрекся! У, гадина!

К о р з у х и н. Это шантаж!

Г о л у б к о в (отчаянно). Парамон Ильич, что вы делаете?! Этого не может быть!

Х л у д о в. Искренний человек, а? Ну, ваше счастье, господин Корзухин! Пушной товар! Вон!

Корзухин исчезает.

Г о л у б к о в. Умоляю вас допросить нас! Я докажу, что она его жена!

Х л у д о в (Тихому). Взять обоих, допросить!

Т и х и й (Гурина). Забирай в Севастополь.

Гурин берет Серафиму под руку.

Г о л у б к о в. Вы же интеллигентные люди!.. Я докажу!..

С е р а ф и м а. Вот один только человек и нашелся в дороге... Ах, Крапилин, красноречивый человек, что же ты не заступишься?

Серафиму и Голубкова уводят.

К р а п и л и н (став перед Хлудовым). Точно так. Как в книгах написано: шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удушенных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека – цап и в мешок! Стервятиной питаешься.

Т и х и й. Позвольте убрать его, ваше превосходительство?

Х л у д о в. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори.

Т и х и й (манит кого-то пальцем, и из двери контрразведывательного отделения выходят два контрразведчика. Шепотом). Доску.

Появляется Т р е т и й к о н т р р а з в е д ч и к с куском фанеры.

Х л у д о в. Как твоя фамилия, солдат?

К р а п и л и н (заносясь в гибельные выси). Да что фамилие? фамилие у меня неизвестное – Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве! Вот только подожди здесь на своей табуретке! (Улыбаясь.) Да нет, убежишь, убежишь в Константинополь! Храбер ты только женщин вешать да слесарей!

Х л у д о в. Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

К р а п и л и н. Все губернии плюют на твою музыку! (Вдруг очнулся, вздрогнул, опустился на колени, говорит жалобно.) Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным! Я был в забытьи!

Х л у д о в. Нет! Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Валяешься в ногах? Повесить его! Я не могу на него смотреть!

Контрразведчики мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок и увлекают его вон.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Г о л о в а н (появляясь). Приказание вашего превосходительства исполнено.
Летчики вылетели.

Х л у д о в. Всем в поезд, господа. Готовь, есаул, мне конвой и вагон!

Все исчезают.

(Один, берет телефонную трубку, говорит в нее.) Командующий фронтом говорит. На бронепоезд «Офицер» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии, и огонь, огонь! По Таганашу огонь, огонь! Пусть в землю втопчет на прощанье! Потом пусть рвет за собой путь и уходит в Севастополь! (Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табуретке.)

Пролетел далекий вой бронепоезда.

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука почти не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции, и обледенелые окна обрушиваются. Теперь обнажается перрон. Видны голубоватые электрические луны. Под первой из них, на железном столбе, висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: «Вестовой Крапилин – большевик». Под следующей мачтой другой мешок, дальше ничего не видно.

(Один в полутьме смотрит на повешенного Крапилина.) Я болен, я болен. Только не знаю чем.

О л ь к а появилась в полутьме, выпущенная в панике. Тащится в валенках по полу.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (в полутьме ищет и сонно бормочет). Дура, дура Николаевна... Олька. Олька-то где? Олечка, Оля, куда же ты, дурочка, куда ты? (Схватывает Ольку на руки.) Иди на руки, на руки к отцу... А туда не смотри... (Счастлив, что не замечен, проваливается в тьму, и сон второй кончается.)

Конец первого действия

Действие второе

Сон третий

...Игла светит во сне...

Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван. В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры. Т и х и й сидит за письменным столом в штатском платье. Дверь открывается, и Г у р и н впускает Г о л у б к о в а.

Г у р и н. Сюда... (Скрывается.)

Т и х и й. Садитесь, пожалуйста.

Г о л у б к о в (он в пальто, в руках шляпа). Благодарю вас. (Садится.)

Т и х и й. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и командованию важно знать правду. О контрразведке красные распространяют гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую работу по охране государства от большевиков. Согласны ли вы с этим?

Г о л у б к о в. Я, видите ли...

Т и х и й. Вы меня боитесь?

Г о л у б к о в. Да.

Т и х и й. Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока везли сюда, в Севастополь?

Г о л у б к о в. О нет, нет, этого я не могу сказать!

Т и х и й. Курите, пожалуйста. (Предлагает папиросы.)

Г о л у б к о в. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с ней?

Т и х и й. Кто вас интересует?

Г о л у б к о в. Она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мной. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!

Т и х и й. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

Молчание.

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Встать смиренно! Руки по швам!

Г о л у б к о в (подымаясь). Боже мой!

Т и х и й. Слушай, как твоя настоящая фамилия?

Г о л у б к о в. Я поражен... моя настоящая фамилия Голубков!

Т и х и й (вынимает револьвер, целится в Голубкова. Тот закрывает лицо руками). Ты понимаешь ли, что ты в моих руках? Никто не придет тебе на помощь! Ты понял?

Г о л у б к о в. Понял.

Т и х и й. Итак, условимся: ты будешь говорить чистую правду. Смотри сюда. Если ты начнешь лгать, я включу эту иглу (включает иглу, которая, нагреваясь от электричества, начинает светить) и коснусь ею тебя. (Тушит иглу.)

Г о л у б к о в. Клянусь, что я действительно...

Т и х и й. Молчать! Отвечать только на вопросы. (Прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.) Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия?

Г о л у б к о в. Сергей Павлович Голубков.

Т и х и й (пишет, скучно). Где проживаете постоянно?

Г о л у б к о в. В Петрограде.

Т и х и й. Зачем вы прибыли в расположение белых из Советской России?

Г о л у б к о в. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петрограде такие условия жизни, при которых я работать не могу. И в поезде познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с ней к белым.

Т и х и й. Зачем же приехала к белым именуемая себя Серафимой Корзухиной?

Г о л у б к о в. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина!

Т и х и й. Корзухин при вас на станции сказал, что это ложь.

Г о л у б к о в. Клянусь, что он солгал!

Т и х и й. Зачем же ему лгать?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Г о л у б к о в. Он испугался, он понял, что ему угрожает какая-то опасность.

Тихий кладет перо, пододвигает руку к игле.

Что вы делаете? Я говорю правду!

Т и х и й. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я записываю ваши показания, как вы видите, и ничего больше не делаю. Давно она состоит в коммунистической партии?

Г о л у б к о в. Этого не может быть!

Т и х и й. Так. (Пододвигает Голубкову лист бумаги, дает ему перо.) Пишите все, что сейчас показали, я буду вам диктовать, так вам будет легче. Предупреждаю вас, что если вы остановитесь, я коснусь вас иглой. Если не будете останавливаться, ничего не бойтесь, вам ничего не угрожает. (Зажигает иглу, которая освещает бумагу, диктует.) «Я, нижеподписавшийся...

Голубков начинает писать под диктовку.

...Голубков Сергей Павлович, на допросе в контрразведывательном отделении ставки комфронт 31 октября 1920 года показал двоеточие Серафима Владимировна Корзухина, жена Парамона Ильича Корзухина...» – не останавливайтесь! – «...состоящая в коммунистической партии, приехала из города Петрограда в район, занятый вооруженными силами Юга России, для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе точка. Приват-доцент... подпись». (Берет лист у Голубкова, тушит иглу.) Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невинности я совершенно убежден. Извините, если я с вами был временами несколько резок. Вы свободны. (Звонит.)

Г у р и н (входит). Я!

Т и х и й. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти, он свободен.

Г у р и н (Голубкову). Иди.

Голубков выходит вместе с Гуриным, забыв свою шляпу.

Т и х и й. Поручик Скунский!

С к у н с к и й входит. Очень мрачен.

Т и х и й (зажигая на столе лампу). Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться?

С к у н с к и й. Здесь у трапа? Десять тысяч долларов. В Константинополе меньше. Советую у Корзухиной получить признание.

Т и х и й. Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на полчаса.

С к у н с к и й. Моя доля?

Тихий пальцами показывает – две.

Сейчас пошлю агентуру. С Корзухиной поскорей. Поздно, сейчас конница уже идет грузиться. (Уходит.)

Тихий звонит. Гурин входит.

Т и х и й. Арестованную Корзухину. Она в памяти?

Г у р и н. Сейчас как будто полегче.

Т и х и й. Давай.

Гурин выходит, потом через несколько времени вводит С е р а ф и м у. Та в жару. Гурин выходит.

Вы больны? Я не стану вас задерживать, садитесь на диван, туда, туда.

Серафима садится на диван.

Сознайтесь, что вы приехали для пропаганды, и я вас отпущу.

С е р а ф и м а. Что?.. А?.. Какая пропаганда? Боже мой, зачем я сюда поехала?

Послышался вальс, стал приближаться, а с ним – стрекот копыт за окном.

Почему вальс играют у вас?

Т и х и й. Конница Чарноты идет на пристань, не отвлекайтесь. Ваш сообщник Голубков показал, что вы приехали сюда для пропаганды.

С е р а ф и м а (ложится на диван, тяжело отдувается). Уйдите все из комнаты, не мешайте мне спать...

Т и х и й. Нет. Очнитесь, прочтите. (Показывает написанное Голубковым Серафиме.)

С е р а ф и м а (щурится, читает). Петербург... лампа... он с ума сошел... (Вдруг схватывает документ, комкает, подбегает к окну, локтем выбивает стекло, кричит.) Помогите! Помогите! Здесь преступление! Чарнота! Сюда, на помощь!

Т и х и й. Гурин!

Г у р и н вбегает, схватывает Серафиму.

Отними документ! А, черт тебя возьми!

Вальс обрывается. В окне мелькнуло лицо под папашой. Голос: «Что такое у вас?» Послышались голоса, стук дверей, шум. Дверь открывается, появляется Ч е р н о т а в бурке, за ним еще двое в бурках. Вбегает С к у н с к и й. Гурин выпускает Серафиму.

С е р а ф и м а. Чарнота! Это вы? Чарнота! Заступитесь! Посмотрите, что они делают со мной! Посмотрите, что они заставили его написать!

Чарнота берет документ.

Т и х и й. Попрошу немедленно оставить помещение контрразведки!

Ч а р н о т а. Нет, что же – оставить? Что вы делаете с женщиной?

Т и х и й. Поручик Скунский, зовите караул!

Ч а р н о т а. Я вам покажу – караул! (Вытаскивает револьвер.) Что вы делаете с женщиной?

Т и х и й. Поручик Скунский, гасите свет!

Свет гаснет.

(В темноте.) Вам дорого это обойдется, генерал Чарнота!

Тьма. Сон кончается.

Сон четвертый

...И множество разноплеменных

людей вышли с ними...

Сумерки. Кабинет во дворце в Севастополе. Кабинет в странном виде: одна портьера

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
на окне наполовину оборвана, на стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу деревянный ящик, кажется, с бумагами. Горит камин. У камина сидит неподвижно д е Б р и з а р с перевязанной головой. Входит Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Ну как ваша голова?

д е Б р и з а р. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Так. Пирамидон? (Рассеян.) Как по-вашему, я похож на Александра Македонского?

д е Б р и з а р (не удивляясь). Я, ваше превосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Про кого говорите?

д е Б р и з а р. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Величества?.. Гм... Вот что, полковник, вам надлежит отдохнуть. Я был очень рад приютить вас во дворце, вы честно исполнили свой долг перед отечеством. А теперь поезжайте, пора.

д е Б р и з а р. Куда прикажете ехать, ваше высокопревосходительство?

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. На корабль. Я позабочусь о вас за границей.

д е Б р и з а р. Слушаюсь. Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Полковник, нельзя так остро ставить вопросы. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте.

д е Б р и з а р. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (Идет к выходу, останавливается, таинственно поет.) «Графиня, ценой одного рандеву...» (Скрывается.)

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (вслед за ним говорит в дверь). Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически, через три минуты одного после другого. Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника де Бризара ко мне на корабль! Напишите врачу на корабль, что пирамидон – не лекарство! Он же явно ненормален! (Возвращается к камину, задумывается.) Александр Македонский... Вот негодяи!

Входит К о р з у х и н.

Вам что?

К о р з у х и н. Товарищ министра Корзухин.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. А! Вовремя! Я вызвать вас хотел, невзирая на эту кутерьму. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю, похож? (Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись – редактор Корзухин? (Читает.) «Главкомандующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...» Что означает эта свиньячья петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (Читает.) «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...» Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы? Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит!

Оглушительно грянул телефон в соседней комнате. Главкомандующий выходит,
Страница 270

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
хлопнув дверью.

К о р з у х и н (отдышавшись). Так вам и нужно, Парамон Ильич! Какого черта, спрашивается, меня понесло во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? Ну схватили Серафиму Владимировну, ну что же я могу сделать? Ну погибнет, ну царство небесное! Что же мне из-за нее самому лишаться жизни? Александр Македонский грубиян!.. Под суд? Простите, Париж не Севастополь! В Париж! И будьте вы все прокляты и ныне, и присно, и во веки веков! (Устремляется к дверям.)

А ф р и к а н (входя). Аминь. Господин Корзухин, что делается, а?

К о р з у х и н. Да, да, да... (Незаметно ускользает.)

А ф р и к а н (глядя на ящики). Ай-яй-яй! Господи, Господи! И отправились сыны израилены из Раамсеса в Сокхоф до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...

Быстро входит Х л у д о в.

Вы, ваше превосходительство? А тут только что был господин Корзухин, вот странно...

Х л у д о в. Вы мне прислали Библию в ставку в подарок?

А ф р и к а н. Как же, как же...

Х л у д о в. Помню-с, читал от скуки ночью в купе. «Ты дунул духом твоим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...» Про кого это сказано? А? «Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя...» Что, хороша память? А он клеветает, будто я ненормален! А вы чего здесь торчите?

А ф р и к а н. Торчите! Роман Валерьянович! Я дожидаюсь главнокомандующего...

Х л у д о в. Кто дожидается, тот дождется. Это в стиле вашей Библии. Знаете, чего вы здесь дождетесь?

А ф р и к а н. Чего?

Х л у д о в. Красных.

А ф р и к а н. Может ли быть так скоро?

Х л у д о в. Все может быть, мы вот тут с вами сидим, Священное писание вспоминаем, а в это время, вообразите, рысью с севера конница к Севастополю подходит... (Подводит Африкана к окну.) Гляньте...

А ф р и к а н. Зарево! Господи!

Х л у д о в. Оно самое. На корабль скорей, святой отец, на корабль!

Африкан, осенив себя частыми крестами, уходит.

Провалился!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (входит). А, слава Богу! С нетерпением вас ждал. Ну что, все ушли?

Х л у д о в. Конницу по дороге сильно трепали зеленые. Но, в общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал. Забился в угол купе, ни я никого не обижая, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Я вас не понимаю, что вы говорите?

Х л у д о в. Да в детстве это было. В кухню раз вошел в сумерки – тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми и погасни. Слышу, они лапками шуршат – шур-шур, мур-мур... И у нас тоже – мгла и шуршание. Смотрю

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
и думаю: куда бегут? как тараканы, в ведро. С кухонного стола – бух!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Благодарю вас, генерал, за все, что вы, с вашим громадным стратегическим талантом, сделали для Крыма, и больше не задерживаю. Я и сам сейчас переезжаю в гостиницу.

Х л у д о в. К воде поближе?

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую.

Х л у д о в. Предвидел. В вестибюле мой конвой. Произойдет большой скандал, я популярен. Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Нет, тут не болезнь. Вот уж целый год вы омерзительным паясничеством прикрываете ненависть ко мне.

Х л у д о в. Не скрою, ненавижу.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Зависть? Тоска по власти?

Х л у д о в. О нет, нет. Ненавижу за то, что вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская империя? Как могли вы вступить в борьбу с ними, когда вы бессильны? Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! (Утихая.) Впрочем, теперь вообще не время, мы оба уходим в небытие.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Я вам советую остаться здесь во дворце, это лучший способ для вас перейти в небытие.

Х л у д о в. Это мысль. Но я не продумал как следует.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Я не держу вас, генерал.

Х л у д о в. Гоните верного слугу? «И аз иже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лях и лях...»

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (стукнув стулом). Клоун!

Х л у д о в. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (при словах «Александр Македонский» пришел в ярость). Если вы еще одно слово!.. Если вы...

К о н в о й н ы й (вырос из-под земли). Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й. Да? Едем! (Хлудову.) Мы еще увидимся! (Выходит.)

Х л у д о в (один, садится к камину, спиной к двери). Пусто и очень хорошо. (Вдруг беспокойно встает, открывает дверь, показывается анфилада темных и брошенных комнат с люстрами в темных кисейных мешках.) Эй, кто тут есть? Нет никого. (Садится.) Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. (Оборачивается, говорит кому-то.) Уйдешь ты или нет? Ведь это вздор! Я могу пройти сквозь тебя подобно тому, как вчера стрелой я пронзил туман. (Проходит как бы сквозь что-то.) Ну вот я и раздавил тебя. (Садится, молчит.)

Дверь тихонько открывается, и входит Г о л у б к о в. Он в пальто, без шляпы.

Г о л у б к о в. Ради Бога, позвольте мне войти на одну минуту!

Х л у д о в (не оборачиваясь). Пожалуйста, пожалуйста, войдите.

Г о л у б к о в. Я знаю, что это безумная дерзость, но мне обещали, что меня допустят именно к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел.

Х л у д о в (не оборачиваясь). Что вам нужно от меня?

Г о л у б к о в. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство,
Страница 272

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я
прибежал жаловаться на зверское преступление, причиной которого является генерал
Хлудов.

Хлудов оборачивается.

(Узнав Хлудова, пятится.) А-а...

Х л у д о в. Это интересно. Позвольте, но ведь вы живой, вы же не повешены,
надеюсь? В чем ваша претензия?

Молчание.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем
претензия? Да не проявляйте, пожалуйста, трусости. Вы пришли говорить, ну и
говорите.

Г о л у б к о в. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...

Х л у д о в. Помню, да. Помню. Вспомнил. Я вас узнал. Позвольте, кому же вы
хотели здесь жаловаться на меня?

Г о л у б к о в. Главнокомандующему.

Х л у д о в. Поздно. Нету его. (Указывает в окно.)

Вдали мерцают огоньки, и видно малое зарево.

Ведро с водой. Он погрузился в небытие навсегда. На генерала Хлудова более
некому пожаловаться. (Подходит к столу, берет одну из телефонных трубок, говорит
в нее.) Вестибюль?.. Есаула Голована... Слушай, есаул, возьми с собой конвой и в
контрразведку, там за мной записана женщина... (Голубкову.) Корзухина?

Г о л у б к о в. Да-да, Серафима Владимировна!

Х л у д о в (в телефон). Серафима Владимировна Корзухина. Если она не
расстреляна, сию же минуту доставь мне ее сюда во дворец. (Кладет трубку.)
Подождем.

Г о л у б к о в. Если не расстреляна – вы сказали? Если не расстреляна?.. Ее
расстреляли? Ну, если вы это сделали... (Плачет.)

Х л у д о в. Ведите себя как мужчина.

Г о л у б к о в. Ах, вы еще издеваетесь! Хорошо, я поведу... Если только ее нет
в живых, я вас убью!

Х л у д о в (вяло). Что же, это, может быть, лучший исход. Да нет, никого вы не
убьете, к сожалению. Молчите.

Голубков садится и умолкает.

(Отвернувшись от Голубкова, говорит кому-то.) Если ты стал моим спутником,
солдат, то говори со мной. Твое молчание давит меня, хотя и представляется мне,
что твой голос должен быть тяжелым и медным. Или оставь меня. Ты знаешь, что я
человек большой воли и не поддамся первому видению, от этого выздоравливают.
Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стерло и кости твои сломало. И
бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый
вестовой?

Г о л у б к о в. С кем вы говорите?

Х л у д о в. А? С кем? Сейчас узнаем. (Рукой разрезает воздух.) Ни с кем, сам с
собой. Да. Так кто она вам, любовница?

Г о л у б к о в. Нет-нет! Она случайно встреченный человек, но я ее люблю. Ах, я
жалкий безумец! Зачем, зачем тогда в монастыре я ее, больную, поднял, уговорил
ехать в эти дьявольские лапы... Ах, я жалкий человек!

Х л у д о в. В самом деле, зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем вас принесло сюда? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, чего я вам дать не могу. Нет ее и не будет. Ее расстреляли.

Г о л у б к о в. Злодей! Злодей! Бессмысленный злодей!

Х л у д о в. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой – молчащий вестовой. Что со мной? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает.

Г о л у б к о в. А, теперь я понял! Ты сумасшедший! Теперь все понимаю! И лед на Чонгаре, и черные мешки, и мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму? Вот он, вот он, ее слепой убийца! А что с него взять, если разум его помутился!

Х л у д о в. Вот чудак! (Бросает Голубкову револьвер.) Сделайте одолжение, стреляйте. (В пространство.) Ну, оставь меня. Может быть, этот догадается выстрелить.

Г о л у б к о в. Нет, не могу я стрелять в тебя, ты мне жалок, страшен, омерзителен!

Х л у д о в. Да что это за комедия, в конце концов?

Послышались вдали шаги.

Стойте, стойте, идут! Может быть, это он? Сейчас все узнаем.

Входит Г о л о в а н.

Расстреляна?

Г о л о в а н. Никак нет.

Г о л у б к о в. Жива? Жива? Где же она, где?

Х л у д о в. Тише. (Головану.) Почему же не доставили вы ее в таком случае?

Голован косится на Голубкова.

Говорите при нем.

Г о л о в а н. Слушаю. Сегодня в четыре часа дня генерал-майор Чарнота ворвался в помещение контрразведки, арестованную Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

Г о л у б к о в. Куда? Куда?

Х л у д о в. Тише. (Головану.) Куда?

Г о л о в а н. На пароход «Витязь». В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

Х л у д о в. Довольно. Спасибо. Итак, вот, жива. Жива эта ваша женщина Серафима.

Г о л у б к о в. Да-да, жива, жива...

Х л у д о в. Есаул, берите конвой, знамя, грузитесь на «Святителя», я сейчас приеду.

Г о л о в а н. Осмелюсь доложить...

Х л у д о в. Я в здравом уме, приеду, не бойтесь, приеду.

Г о л о в а н. Слушаю. (Исчез.)

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Х л у д о в. Ну, стало быть, она плывет туда, в Константинополь.

Г о л у б к о в (слепо). Да-да-да, в Константинополь... Я все равно от вас не отстану. Вот огни, это огни в порту, смотрите. Возьмите меня в Константинополь.

Х л у д о в. О, черт, черт, черт...

Г о л у б к о в. Хлудов, едем скорее!

Х л у д о в. Замолчи. (Бормочет.) Ну вот, одного я удовлетворил, теперь на свободе могу поговорить с тобой. (В пространство.) Чего ты хочешь? Чтобы я остался? Нет, не отвечает. Бледнеет, отходит, покрылся тьмой и стал вдали.

Г о л у б к о в (тоскуя). Хлудов, ты болен! Хлудов, это бред! Оставь его! Нам надо спешить! Ведь «Святитель» уйдет, мы опоздаем!

Х л у д о в. Черт... черт... Какая-то Серафима... В Константинополь... Ну, едем, едем! (Быстро выходит.)

Голубков выходит за ним. Тьма. Сон кончается.

Конец второго действия

Действие третье

Сон пятый

...янычар сбоит!..

Странная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная «Разлука», стоны уличных торговцев, гудение трамваев. И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: «Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега!!!» «Русская азартная игра с дозволения полиции». «Sensation a Constantinople! Courses des cafards». «Races of cock-roachs!»

Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой на французском и русском языках: «Начало в пять часов вечера». «Commencement a 5 heures du soir». Сбоку ресторан на воздухе под золотушными лаврами в кадках. Надпись: «Русский деликатес – вобла. Порция 50 пиастров». Выше – вырезанный из фанеры и раскрашенный таракан во фраке, подающий пенящуюся кружку пива. Лаконическая надпись: «Пиво».

Выше сооружения и сзади живет в зное своей жизнью узкий переулок: проходят турчанки в чарчафах, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом; изредка проводят осликов с корзинами. Лавчонка с кокосовыми орехами. Мелькают русские в военной потрепанной форме. Слышны звоночки продавцов лимонада. Где-то отчаянно вопит мальчишка: «Пресс дю суар!»[23 – «Presse du soir» – «Вечерняя газета» (франц.).]

У выхода с переулка вниз к сооружению Ч а р н о т а, в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещинскими языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

Ч а р н о т а. Не бьется, не ломается, а только кувыркается! Купите красного комиссара для увеселения ваших детишек-ангелочков! Мадам! Мадам! Аштэ пур вотр анфан![24 – «Achetez pour votres enfants! – Купите для ваших детей! (франц.)]

Т у р ч а н к а, л ю б я щ а я м а т ь. Бунун фиа ты надыр? Комбьен?[25 –

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Сколько это стоит? (турецк.) Сколько? (франц.)]

Ч а р н о т а. Сенкан пиастр, мадам, сенкан![26 – Cinquante piastres, madame, cinquante! – Пятьдесят пиастров, мадам! (франц.)]

Т у р ч а н к а, л ю б я щ а я м а т ь. О, иох! Бу пахалы дыр![27 – Ох, нет! Это дорого! (турецк.)] (Проходит.)

Ч а р н о т а. Мадам! Сорок! Каран! А, чтоб тебе пропасть! Да у тебя и детей никогда не было! Геен зи!.. Геен зи!..[28 – Gehen Sie!.. Gehen Sie!.. – Пошла ты!.. Пошла!.. (нем.)] Ступай в гарем! Боже мой, до чего же сволочной город!

Константинополь стонет над Чарнотой. Где-то надрываются тенора – продавцы лимонов, кричат сладко: «Амбуляси! Амбуляси!» Басы поют в симфонии: «Каймаки, каймаки!» Струится зной.

В кассе возникает Л и ч и к о. Чарнота подходит к кассе.

Марья Константиновна, а Марья Константиновна!

Л и ч и к о. Что вам, Григорий Лукьянович?

Ч а р н о т а. Видите ли, какое дельце... Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара?

Л и ч и к о. Помилуйте, Григорий Лукьянович, не могу я.

Ч а р н о т а. Что же, я жулик, или фармазон константинопольский, или неизвестный вам человек? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегами?

Л и ч и к о. Так-то оно так... Скажите сами Артуру Артуровичу.

Ч а р н о т а. Артур Артурович!

А р т у р (появляется на карусели, как Петрушка из-за ширм, мучается, пристегивая фрачный воротничок). В чем дело? Кому я понадобился? А!.. Чем могу?

Ч а р н о т а. Видите ли, я хотел вас попросить...

А р т у р. Нет! (Скрывается.)

Ч а р н о т а. Что это за хамство! Куда ты скрылся, прежде чем я сказал?

А р т у р (появляется). Так ведь я же знаю, что вы скажете.

Ч а р н о т а. Интересно – что?

А р т у р. Гораздо интереснее то, что я вам скажу.

Ч а р н о т а. Интересно – что?

А р т у р. Кредит – никому! (Скрывается.)

Ч а р н о т а. Вот скотина!

В ресторане появляются д в о е ф р а н ц у з с к и х м о р я к о в, кричат: «Un bock! Un bock!»[29 – Бокал пива! Бокал пива! (франц.)]

Л и ч и к о. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите.

Ч а р н о т а. Да ну его к черту, и не подумаю снимать, совершенно бесполезно. Пускай ползет, он мне не мешает. Ах, город!.. Каких я только городов не перевидал, но такого... Да, видал многие города, очаровательные города, мировые!..

Л и ч и к о. Какие же вы города видали, Григорий Лукьянович?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ч а р н о т а. Господи! А Харьков! А Ростов! А Киев! Эх, Киев-город, красота, Марья Константиновна! Вот так Лавра пылает на горах, а Днепро, Днепро! Неопиcуемый воздух, неопиcуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, доли, на Днепре черторой! И помню, какой славный бой под Киевом, прелестный бой! Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко, Марья Константиновна. И вши, конечно, были... Вошь – вот это насекомое!

Л и ч и к о. Фу, гадости какие говорите, Григорий Лукьянович!

Ч а р н о т а. Почему же гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых. Вошь – животное военное, боевое, а клоп – паразит. Вошь ходит эскадронами, в конном строю, вошь кроет лавой, и тогда, значит, будут громаднейшие бои! (Тоскует.) Артур!

А р т у р (выглядывает во фраке). Чего вы так кричите?

Ч а р н о т а. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы – тараканий царь. Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая!

А р т у р. Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами.

Ч а р н о т а. Да тебе-то что? Ты же говорил, что ты венгерец.

А р т у р. Тем не менее.

Ч а р н о т а. Вот и я говорю: везет вам, венгерцам! Вот чего, Артур Артурович: хочу я ликвидировать свое предприятие. (Показывает на лоток.)

А р т у р. Пятьдесят.

Ч а р н о т а. Чего?

А р т у р. Пиастров.

Ч а р н о т а. Ты что же, насмешки строишь надо мной? Я штуку продаю по пятьдесят!

А р т у р. Ну и продолжай!

Ч а р н о т а. Вы, стало быть, и впредь намерены кровопийствовать?

А р т у р. Я вам не навязываюсь.

Ч а р н о т а. Счастливый вы человек, Артур Артурович, не попались вы мне в Северной Таврии!

А р т у р. Ну, здесь, слава Богу, не Северная Таврия!

Ч а р н о т а. Возьми газыри. Серебряные.

А р т у р. Газыри вместе с ящиком – две лиры пятьдесят.

Ч а р н о т а. На, бери! (Отдает ящик и газыри Артуру.)

А р т у р. Пожалуйста. (Отдает деньги Чарноте.)

В карусель проходят т р о е в шапках с павлиньими перьями, в безрукавках и с гармониями.

(Скрылся, потом опять выглянул, кричит.) Пять часов! Мы начинаем! Пожалуйста, господа!

Над каруселью взвивается русский трехцветный флаг. В карусели гармонии заиграли залихватский марш. Чарнота первым устремляется к кассе.

Ч а р н о т а. Давайте, Марья Константиновна, на две лиры пятьдесят на янычара!

К кассе повалила публика. Вламывается группа и т а л ь я н с к и х в о е н н ы х м о р я к о в, за ними – а н г л и й с к и е м а т р о с ы, с ними – П р о с т и т у т к а-к р а с а в и ц а. Полезли ж у л и к и разного типа, мелькнул Н е г р. Марш гремит. В ресторане летает Л а к е й, подает пиво, А р т у р, во фраке и в цилиндре, взвился над каруселью. Марш смолк.

А р т у р. Мсье, дам! Бега открыты! Не виданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Курс де кафар! Карсо дель пьятелло! Рейс оф кок-рочс! Любимая забава покойной императрицы в Царском Селе! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс в Царское Село!

Появляются д в о е п о л и ц е й с к и х – итальянский и турецкий.

Первый заезд! Бегут: первый номер – Черная жемчужина! Номер второй – фаворит Янычар.

И т а л ь я н ц ы-м а т р о с ы (аплодируют, кричат). Evviva![30 – да здравствует (итал.)]

А н г л и ч а н е-м а т р о с ы (свистят, кричат). Away! Away![31 – долой! Долой! (англ.)]

Вламывается потная, взволнованная Ф и г у р а в котелке и в интендантских погонах.

Ф и г у р а. Опоздал?! Побежали?

Голос: «Поспеешь!»

А р т у р. Третий – Баба-яга! Четвертый – Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан!

Крики: «Ура!», «Не плачь, дитя!» «It is a swindle! It is a swindle!».[32 – Афера! Афера! (англ.)]

Шестой – Хулиган! Седьмой – Пуговица!

Свист. Крики: «A trap!», «A trap!»[33 – ловушка! ловушка! (англ.)]

А р т у р. Ай бег ер пардон![34 – I beg your pardon! – Прошу прощения! (англ.)] Никаких шансов! Тараканы бегут на открытой доске, с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков! И так, к началу! (Проваливается в карусель.)

Толпа игроков хлынула в карусель. М а л ь ч и ш к и появились на каменном заборе. В карусели гул, потом мертвое молчание. Потом гармонии заиграли «Светит месяц»; в музыке побежали, шурша, тараканьи лапки.

Отчаянный голос в карусели: «Побежали!»

Мальчишка-грек, похожий на дьяволенка, танцует на заборе, кричит: «Побезали, побезали!» Крик в карусели: «Янычар сбоит!» Гул.

Ч а р н о т а (у кассы). Как – сбоит? Быть этого не может!!!

Голос в карусели: «Не плачь, дитя!»

Другой голос: «Давай, давай, давай!»

Убить Артурку мало!

Личико беспокойно высовывается из кассы. Полицейские проявляют беспокойство, заглядывают в карусель.

Ф и г у р а (выбежав из карусели). Жульничество! Артурка пивом опоил янычара!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Артур вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны, цилиндр превращен в лепешку, воротничка нет. Лицо в крови. За ним гонится толпа игроков.

А р т у р (кричит отчаянно). Марья Константиновна, зовите полицию!

Личико исчезает. Полицейские свистят.

И т а л ь я н ц ы-м а т р о с ы (кричат). Ladro! Scroccone! Trufatore![35 - Жулик! Мошенник! Плут! (итал.)]

П р о с т и т у т к а-к р а с а в и ц а. Бей Артура, Джанни! (Артуру.)
Ingannatore![36 - Мерзавец! (итал.)]

М а т р о с ы-а н г л и ч а н е. Hip, hip, hurrah! Long live Pugovitzza![37 - Хип, хип, ура! Да здравствует Пуговица! (англ.)]

П р о с т и т у т к а-к р а с а в и ц а. Братики! Фрателли! Кто-то подкупил Артурку, чтобы Пуговицу играть! фаворит трясет лапками, пьян, как зюзя! Где это видано, чтобы Янычар сбоил?!

А р т у р (в отчаянии). Где вы видели когда-либо пьяного таракана? Же ву деманд эн пе, у эсе-ке ву заве вю эн кафар суль! Полис! Полис! О скур!.. Полиция! На помощь!

П р о с т и т у т к а-к р а с а в и ц а. Мансонж! Ложь! Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

И т а л ь я н е ц-м а т р о с (схватывает Артура за глотку, кричит). А, magalia![38 - Сброд! (итал.)]

И т а л ь я н ц ы (кричат). Canalia![39 - негодяй! (итал.)]

А р т у р (томно). Убивают...

Б о ц м а н-а н г л и ч а н и н (Итальянцу). Stop! Keep back![40 - Стой! назад! (англ.)] (Схватывает Итальянца.)

Ф и г у р а. Дай ему по уху!

П р о с т и т у т к а-к р а с а в и ц а (Англичанину). А, так вы заступаться?!

Англичанин ударяет Итальянца, тот падает.

П р о с т и т у т к а-к р а с а в и ц а. А soccorso, fratelli! На помощь, братики! Бейте, братики, англичан! Итальянцы, на помощь!

Англичане схватываются с итальянцами. Итальянцы вытаскивают ножи. При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны. Мальчишка-грек, танцуя на стене, кричит: «Англичанов резут!!!» Из переулка, свистя, врывается т о л п а и т а л ь я н с к и х и т у р е ц к и х п о л и ц е й с к и х с р е в о л ь в е р а м и.

Чарнота у кассы, схватывается за голову.

Сон вдруг разваливается. Тьма. Настает тишина, и течет новый сон.

Сон шестой

...Разлука ты, разлука!..

Появляется двор с кипарисами, двухэтажный дом с галереей. Водоем у каменной стены, тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Повыше дома кривой пустынный переулок. Солнце садится за балюстраду минарета. Первые предвечерние тени.

Тихо.

Ч а р н о т а (входит во двор). Чертова Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно... Съест она меня, съест. Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, Григорий Лукьянович, вы побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай-яй-яй!

Дверь на галерейку открывается, и выходит Л ю с ь к а. Одета неряшливо. Люська голодна, от этого глаза ее блестят, а лицо дышит неземно мимолетной красотой.

Л ю с ь к а. А, здравия желаю, ваше превосходительство! Бонжур, мадам Барабанчикова!

Ч а р н о т а. Здравствуй, Люсенька!

Л ю с ь к а. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера, тем более что дома очень скучно – ни провизии, ни денег. Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет. И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Пожалуйста деньги, я и Серафима не ели со вчерашнего дня ничего. Будьте любезны.

Ч а р н о т а. А где Серафима?

Л ю с ь к а. Это не важно. Она стирает. Ну, подавай деньги.

Ч а р н о т а. Случилась катастрофа, Люсенька.

Л ю с ь к а. Неужели? Где газыри?

Ч а р н о т а. Я, Люся, задумал продать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре, и...

Л ю с ь к а. Украли?

Ч а р н о т а. Угу...

Л ю с ь к а. Конечно, человек с черной бородой украл, не правда ли?

Ч а р н о т а (слабея). При чем тут человек с черной бородой?

Л ю с ь к а. А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так честное слово – украли?

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что. Ты знаешь, кто ты, Гриша, таков?

Ч а р н о т а. Кто?

Л ю с ь к а. Последний подлец!

Ч а р н о т а. Как ты смеешь?!

С е р а ф и м а выходит с ведром, останавливается. Ссорящиеся ее не замечают.

Л ю с ь к а. Смею, потому что ящик был куплен на мои деньги.

Ч а р н о т а. Ты мне жена, и у нас общие деньги.

Л ю с ь к а. У мужа – от торговли чертями, а у жены – от торговли совсем другими вещами!

Ч а р н о т а. Что ты сказала?

Л ю с ь к а. Да что ты валяешь дурака! На прошлой неделе с французом я псалмы ездила петь? Кто-нибудь у меня спросил, откуда у меня пять лир появилось? И на пять лир неделю жили, и ты, и я, и Серафима! Но это еще не все! Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Ну-с, подведем итоги. Лихой рыцарь генерал Чарнота разгромил контрразведку, вынужден был из армии бежать, ну

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
и теперь нищенствует в Константинополе, а с ним и я!

Ч а р н о т а. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

Л ю с ь к а. Нет! А ее, Симку, могу упрекнуть, могу! (Закусила удила.) Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает по своем пропавшем без вести Голубкове, пусть живет и блистательный генерал за счет распутной Люськи.

С е р а ф и м а. Люся!

Л ю с ь к а. Подслушивать тебе как будто и не к лицу, Серафима Владимировна!

С е р а ф и м а. Я и не думала подслушивать, не занимаюсь этим. Услышала случайно, и хорошо, что услышала. Почему же ты мне раньше ничего не сказала насчет пяти лир?

Л ю с ь к а. Что ты лукавишь, Серафима, что ты, слепая, что ли?

С е р а ф и м а. Клянусь тебе, я ничего не знала. Я думала, что пять лир он принес. Но не беспокойся, Люся, я отработаю.

Л ю с ь к а. Пожалуйста, без благородства!

С е р а ф и м а. Не сердись, не будем ссориться. Выясним положение.

Л ю с ь к а. Выяснять тут нечего. Завтра греки нас турнут с квартиры, жрать абсолютно нечего, все продано. (Загорается вновь.) Нет, я не могу успокоиться! Это он меня довел до белого каления! (Чарноте.) Отвечай, проиграл?

Ч а р н о т а. Проиграл.

Л ю с ь к а. Ах ты!..

Ч а р н о т а. Войди в мое положение! Не могу я торговать чертями! я воевал!

С е р а ф и м а. Люся, брось, брось... Ну брось! Полторы-две лиры, ну чем они нам помогут?

Молчание.

А ведь действительно какой-то злостный рок нас травит!

Л ю с ь к а. Лирика!

Ч а р н о т а (внезапно, Люське). Ты была с французом?

Л ю с ь к а. Поди ты к черту от меня!

С е р а ф и м а. Тише, тише, тише! Перестаньте ссориться, сейчас я принесу ужин.

Л ю с ь к а. Брось, Симка, не берись не за свои дела. Ты моими словами не обижайся. Я все равно пойду по этой дороге. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету!

С е р а ф и м а. И не евши я сидеть не буду, и на чужой счет питаться не буду. А знать, что ты ходишь, зарабатываешь, и сидеть здесь – это уж такая подлость, такая подлость! Надо было мне все сказать! Попали вместе в яму – вместе и действовать будем!

Л ю с ь к а. Чарнота продаст револьвер.

Ч а р н о т а. Люсенька, штаны продам, все продам, только не револьвер! Я без револьвера жить не могу!

Л ю с ь к а. Он тебе голову заменяет. Ну и питайся на женский счет!

Ч а р н о т а. Ты не искушай меня!

Л ю с ь к а. Вот только тронь меня пальцем, я тебя отравлю ночью!

С е р а ф и м а. Перестаньте! Что вы грызетесь все время? Я вам говорю – будет ужин! Это вы с голоду!

Л ю с ь к а. Что ты там затеваешь, дура?

С е р а ф и м а. Ничего я не дура, я была действительно душой! Да не все ли равно, чем торговать. Все это такая чепуха! (Уходит на галерею, потом возвращается в шляпе. Уходя.) Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.

Где-то шарманка заиграла «Разлуку».

Л ю с ь к а. Симка! Симка!

Ч а р н о т а. Сима!

Молчание.

Л ю с ь к а. У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор! А ты...

Ч а р н о т а. Замолчи.

Л ю с ь к а. Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгой чертов! (Уходит в галерею.)

Ч а р н о т а (один). В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра. (Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурки.) До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с ней, наши русские лучше, определенно лучше. (Зажигает окурки и уходит на галерею.)

Во двор входит Г о л у б к о в, он в английском френче, в обмотках и в турецкой феске. С шарманкой. Ставит ее на землю, начинает играть «Разлуку», потом марш.

(Кричит с галереи.) Перестанешь ли ты, турецкая морда, мне душу надрывать?

Г о л у б к о в. Что? Гри... Григорий Лукьянович?! Говорил, что найду! Нашел!

Ч а р н о т а. Кто такой! Ты, приват-доцент?

Г о л у б к о в (садится на край водоема, в волнении). Нашел.

Ч а р н о т а (сбегает к нему). Меня-то нашел, нашел... Я тебя за турка принял. Здравствуй! (Целует Голубкова.) На что ты похож?! Э, постарел! Мы думали, что ты у большевиков остался. Где же ты пропал полгода?

Г о л у б к о в. Сперва в лагере околачивался, потом тифом заболел, в больнице два месяца провалялся, а теперь вот хожу по Константинополю, Хлудов приютил. Его, ты знаешь, разжаловали, из армии вон!

Ч а р н о т а. Слышал. Я, брат, и сам теперь человек штатский. Насмотрелись мы тут... Но с шарманкой еще никого не было.

Г о л у б к о в. Мне с шарманкой очень удобно. По дворам хожу и таким образом ищу. Говори сразу, умерла она? Говори, не бойся. Я ко всему привык.

Ч а р н о т а. А, Серафима! Зачем умерла? Поправилась, живехонька!

Г о л у б к о в. Нашел! (Обнимает Чарноту.)

Ч а р н о т а. Конечно, жива. Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!

Г о л у б к о в. А где же она, где Серафима?

Ч а р н о т а. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

Г о л у б к о в. Что?!

Ч а р н о т а. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег.

Г о л у б к о в. Как так – пошла на Перу? Ты лжешь!

Ч а р н о т а. Чего там лжешь? Я сам не курил сегодня полдня. В Мадрид меня чего-то кидает... Снился мне всю ночь Мадрид...

Послышались голоса. Во двор входит С е р а ф и м а, а с ней Г р е к-д о н ж у а н, увешанный покупками и с бутылками в руках.

С е р а ф и м а. О нет, нет, это будет очень удобно, мы посидим, поболтаем... Правда, мы живем на бивуаках...

Г р е к-д о н ж у а н (с сильным акцентом). Очень, очень мило! Я боюсь стеснить вас, мадам.

С е р а ф и м а. Позвольте, я познакомлю вас...

Чарнота поворачивается спиной к ней.

Куда же вы, Григорий Лукьянович, это неудобно!

Г р е к-д о н ж у а н. Очень, очень приятно!

С е р а ф и м а (узнав Голубкова). Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, подымается с водоема, подходит к Греку и дает ему в ухо. Грек-донжуан роняет покупки, крайне подавлен. В окнах появляются встревоженные греческие и армянские головы. Люська выходит на галерею.

Г р е к-д о н ж у а н. Что это? Такое что?..

С е р а ф и м а. Боже мой!.. Позор, позор!

Ч а р н о т а. Господин грек!

Г р е к-д о н ж у а н. А, это я в мухоловку попал, притон! (Печален.)

С е р а ф и м а. Простите меня, мсье, простите, ради Бога! Это ужас, это недоразумение!..

Ч а р н о т а (берясь за револьвер, оборачивается к окнам). Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

Г р е к-д о н ж у а н (тоскливо). Ой, Боже...

Г о л у б к о в (двинулся к нему). Вы...

Г р е к-д о н ж у а н (вынув бумажник и часы). На кошелек и на часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая – у меня семья, магазин, детки... Ничего не скажу полиции... живи, добрый человек, славь Бога всемогущего...

Г о л у б к о в. Вон отсюда!

Г р е к-д о н ж у а н. Ах, Стамбул, какой стал!..

Г о л у б к о в. Покупки взять!

Грек-донжуан хотел было взять покупки, но всмотрелся в лицо Голубкова и кинулся бежать.

Л ю с ь к а. Господин Голубков? А мы вас не далее как час назад вспоминали!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Думали, что вы находитесь там, в России. Но ваш выход можно считать блестящим!

Г о л у б к о в. А вы, Серафима Владимировна, что же это вы делаете?! Я и плыл, и бежал, был в больнице, видите, голова моя обрита... Бежал только за тобой! А ты, что ты тут делаешь?

С е р а ф и м а. Кто вам дал право упрекать меня?

Г о л у б к о в. Я тебя люблю, я гнался за тобой, чтобы тебе это сказать!

С е р а ф и м а. Оставьте меня. Я больше ничего не хочу слышать! Мне все это надоело! Зачем вы появились опять передо мной? Все мы нищие! Отделяюсь от вас!.. Хочу погибать одна! Боже, какой позор! Какой срам! Прощайте!

Г о л у б к о в. Не уходите, умоляю!

С е р а ф и м а. Ни за что не вернусь! (Уходит.)

Г о л у б к о в. Ах так! (Выхватывает внезапно кинжал у Чарноты и бросается вслед за Серафимой.)

Ч а р н о т а (обхватив его, отнимает кинжал). Ты что, с ума сошел? В тюрьму хочется?

Г о л у б к о в. Пустите! Я все равно ее найду, я все равно ее задержу! Ладно! (Садится на край водоема.)

Л ю с ь к а. Вот представление так представление! Греки поражены. Ну, довольно. Чарнота, открывай сверток, я голодна.

Г о л у б к о в. Не дам прикоснуться к сверткам!

Ч а р н о т а. Нет, не открою.

Л ю с ь к а. Ах вот что! Ну, терпение мое кончилось! Выпила я свою константинопольскую чашу, довольно! (Берет в галерее шляпу, какой-то сверток, выходит.) Ну-с, Григорий Лукьянович, желаю вам всего хорошего. Совместная наша жизнь кончена. У Люськи есть знакомства в восточном экспрессе, и Люська была дурой, что сидела здесь полгода! Прощайте!

Ч а р н о т а. Куда ты?

Л ю с ь к а. В Париж! В Париж! Прощайте! (Исчезает в переулке.)

Чарнота и Голубков сидят на краю водоема и молчат. М а л ь ч и ш к а-т у р о к ведет кого-то, манит, говорит: «Здесь, здесь!»

За мальчишкой идет Хлудов в штатском. Постарел и поседел.

Ч а р н о т а. Вот и Роман. И он появился. Ты что смотришь, что газырей нет? Я тоже, как и ты, человек вольный.

Х л у д о в. Да, уж вижу. Ну, здравствуй, Григорий Лукьянович. Да вот так все и ходим один по следам другого. (Указывая на Голубкова.) То я его лечил, а теперь он носится с мыслью меня вылечить. Между делом на шарманке играет. (Голубкову.) Ну что, и тут безрезультатно?

Г о л у б к о в. Нет, нашел. Только ты меня ни о чем не спрашивай. Не спрашивай ни о чем.

Х л у д о в. Я тебя не спрашиваю. Это дело твое. Мне важно только – нашел?

Г о л у б к о в. Хлудов! Я попрошу тебя только об одном, и ты один это можешь сделать. Догони ее, она ушла от меня, задержи ее, побереги, чтобы она не ушла на панель.

Х л у д о в. Почему же ты сам не можешь этого сделать?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Г о л у б к о в. Здесь, на водоеме, я принял твердое решение, я уезжаю в Париж. Я найду Корзухина, он богатый человек, он обязан ей помочь, он ее погубил.

Х л у д о в. Как ты поедешь? Кто тебя пустит во Францию?

Г о л у б к о в. Тайком уеду. Я сегодня играл в порту на шарманке, капитан принял во мне участие, я вас, говорит, в трюм заберу, в трюме в Марсель отвезу.

Х л у д о в. Что же? Долго я должен ее караулить?

Г о л у б к о в. Я скоро вернусь и даю тебе клятву, что больше никогда ни о чем не попрошу.

Х л у д о в. Дорого мне обошлась эта станция. (Оборачивается.) Нет, нету.

Ч а р н о т а (шепотом). Хорош караульщик!

Г о л у б к о в (шепотом). Не смотри на него, он борется с этим.

Х л у д о в. Куда же она сейчас пошла?

Ч а р н о т а. Это не трудно угадать. Пошла у грека прощения вымаливать, на Шишлы, в комиссионный магазин. Я его знаю.

Х л у д о в. Ну хорошо.

Г о л у б к о в. Только чтоб не ушла на панель!

Х л у д о в. У меня-то? У меня не уйдет. Недаром говорил один вестовой – мимо тебя не проскочишь... Ну, впрочем, не будем вспоминать... Помяни, Господи! (Голубкову.) Денег нет?

Г о л у б к о в. Не надо денег!

Х л у д о в. Не дури. Вот две лиры, больше сейчас нет. (Отстегивает медальон от часов.) Возьми медальон, в случае крайности – продашь. (Уходит.)

Вечерние тени гуще. С минарета полился сладкий голос муэдзина: «La illah illa illah...»[41 – Молитва магометан: «Нет бога, кроме бога».]

Г о л у б к о в. Вот и ночь наступает... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сажу-то? Пора! Ночью уеду в трюме.

Ч а р н о т а. Я поеду с тобой. Никаких мы денег не достанем, я и не надеюсь на это, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю – думал, в Мадрид, но Париж – это, пожалуй, как-то пристойнее. Идем. То-то греки-хозяева удивятся и обрадуются!

Г о л у б к о в (идет). Никогда нет прохлады – ни днем, ни ночью!

Ч а р н о т а (уходит с ним). В Париж так в Париж!

Мальчишка-турок подбегает к шарманке, вертит ручку.

Шарманка играет марш.

Голос муэдзина летит с минарета.

Тени. Кое-где загораются уже огоньки. В небе бледноватый золотой рог. Потом тьма. Сон кончается.

Конец третьего действия

Действие четвертое

Сон седьмой

...Три карты, три карты, три карты!..

Осенний закат в Париже. Кабинет господина К о р з у х и н а в собственном особняке. Кабинет обставлен необыкновенно внушительно. В числе прочего несгораемая касса. Кроме письменного стола – карточный. На нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

К о р з у х и н. Антуан!

Входит очень благообразного французского вида лакей А н т у а н, в зеленом фартуке.

Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard.

Молчание.

Repondez-donc quelque chose![42 – мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня. Со стола не надо убирать. Я буду обедать позднее. Да отвечайте же! (франц.)] Да вы, кажется, ничего не поняли?

А н т у а н. Так точно, Парамон Ильич, не понял.

К о р з у х и н. Как «так точно» по-французски?

А н т у а н. Не могу знать, Парамон Ильич.

К о р з у х и н. Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то ни другое в Париже не принято. Учитесь, Антуан, это скучно. Que faites-vous a ce moment? Что вы делаете в настоящую минуту?

А н т у а н. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич.

К о р з у х и н. Как ножи, Антуан?

А н т у а н. Ле куто, Парамон Ильич.

К о р з у х и н. Правильно. Учитесь, Антуан.

Звонок.

(Расстегивает пижаму, говорит, выходя.) Принять. Авось партнер подвернется. Je suis a la maison[43 – я – дома (франц.)]. (Выходит.)

Антуан выходит и возвращается с Г о л у б к о в ы м. Тот в матросских черных брюках, сером потертом пиджачке, в руках у него кепка.

Г о л у б к о в. Je voudrais parler a monsieur Корзухин[44 – я хотел бы поговорить с мсье... (франц.)].

А н т у а н. Пожалуйста вашу визитную карточку, вотр карт.

Г о л у б к о в. Как? Вы русский? А я вас принял за француза. Как я рад!

А н т у а н. Так точно, я русский. Я – Грищенко...

Голубков жмет руку Антуану.

Г о л у б к о в. Дело вот в чем – карточек у меня нет. Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

А н т у а н. Слушаю-сь. (Скрывается.)

К о р з у х и н (выходя уже в пиджаке, бормочет). Какой такой Голубков?.. Голубков... Чем могу служить?

Г о л у б к о в. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились год тому назад в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она сейчас в Константинополе на краю гибели.

К о р з у х и н. На краю чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припоминаю.

Г о л у б к о в. Как же? Ночь... еще сделался ужасный мороз, вы помните мороз во время взятия Крыма?

К о р з у х и н. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться.

Г о л у б к о в. Но ведь вы – Парамон Ильич Корзухин, вы были в Крыму, ведь я же вас узнал!

К о р з у х и н. Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я тогда же уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был и должен вам сказать, что вот уже третий месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Это очаровательнейшее существо настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие разговоры о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны.

Г о л у б к о в. Фрежоль... Значит, вы отказываетесь от живого человека! Но ведь она же ехала к вам! Помните, ее арестовали? Помните, мороз, окна, фонарь – голубая луна?..

К о р з у х и н. Ну да, голубая луна, мороз... Контрразведка уже пыталась разшантажировать меня при помощи легенды о какой-то моей жене-коммунистке. Мне неприятен этот разговор, господин Голубков, повторяю вам.

Г о л у б к о в. Ай-яй-яй! Моя жизнь мне снится!..

К о р з у х и н. Вне всяких сомнений.

Г о л у б к о в. Я понял. Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выручить ее из рук нищеты. Но я прошу вас помочь ей хотя бы временно. Вы – богатейший человек, всем известно, что все ваши капиталы за границей. Дайте мне взаймы тысячу долларов, и, лишь только мы станем на ноги, я вам свято ее верну. Я отработаю! Я поставлю себе это целью жизни.

К о р з у х и н. Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, что разговор о мифической жене приведет именно к долларам. Тысячу? Я не ослышался?

Г о л у б к о в. Тысячу. Клянусь вам, я верну ее!

К о р з у х и н. Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. (Начинает балладу о долларе и вдохновляется.) Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду! Глядите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка – химера! Он и там! Химера его стережет! (Указывает таинственно в пол.) Неясное ощущение, не шум и не звук, а как бы дыхание вспученной земли: там стрелой летят поезда, в них доллар. Теперь закройте глаза и вообразите – мрак, в нем волны ходят, как горы. Мгла и вода – океан! Он страшен, он сожрет. Но в океане, с сипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет чудовище! Идет, кряхтит, несет на себе огни! Оно роет воду, ему тяжело, но в адских топках, там, где голые кочегары, оно несет свое золотое дитя, свое божественное сердце-доллар! И вдруг тревожно в мире!

Где-то далеко послышались звуки проходящей военной музыки.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И вот они уже идут! Идут! Их тысячи, потом миллионы! Их головы запаяны в стальные шлемы. Они идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар! Но вот в мире тихо, и всюду, во всех городах, ликующе кричат трубы! Он отомщен! Они кричат в честь доллара! (Утихает.)

Музыка удаляется.

Итак, господин Голубков, я думаю, что вы и сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному молодому человеку целую тысячу долларов?

Г о л у б к о в. Да, я не буду настаивать. Но я хотел бы сказать вам на прощанье, господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет! Иначе быть не может! Прощайте! (Хочет уйти.)

Звонок. Входит А н т у а н.

А н т у а н. Женераль Чарнота.

К о р з у х и н. Гм... Русский день. Ну, проси, проси.

А н т у а н уходит. Входит Ч а р н о т а. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего. Развязен.

Ч а р н о т а. Здорово, Парамоша!

К о р з у х и н. Мы с вами разве встречались?

Ч а р н о т а. Ну вот вопрос! Да ты что, Парамон, гредишь? А Севастополь?

К о р з у х и н. Ах да, да... Очень приятно. Простите, а мы с вами пили брудершафт?

Ч а р н о т а. Черт его знает, не припоминаю... Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

К о р з у х и н. Прости, пожалуйста... Вы, кажется, в кальсонах?

Ч а р н о т а. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

К о р з у х и н. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

Ч а р н о т а. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

К о р з у х и н. Пардон, пардон!

Ч а р н о т а (тихо, Голубкову). Дал?

Г о л у б к о в. Нет. Я ухожу. Пойдем отсюда.

Ч а р н о т а. Куда же это мы теперь пойдем? (Корзухину.) Что с тобой, Парамон? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, перед тобой, а ты отказываешь им в пустяковой сумме. Да ты понимаешь, что в Константинополе Серафима голодает?

Г о л у б к о в. Попрошу тебя замолчать. Словом, идем, Григорий!

Ч а р н о т а. Ну, знаешь, Парамон, грешный я человек, нарочно бы к большевикам записался, только чтобы тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно выписался бы обратно. Постой, зачем это карты у тебя? Ты играешь?

К о р з у х и н. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю и очень люблю.

Ч а р н о т а. Ты играешь! В какую же игру ты играешь?

К о р з у х и н. Представь, в девятку, и очень люблю.

Ч а р н о т а. Так сыграем со мной.

К о р з у х и н. Я с удовольствием бы, но, видите ли, я люблю играть только на наличные.

Г о л у б к о в. Ты перестанешь унижаться, Григорий, или нет? Пойдем!

Ч а р н о т а. Никакого унижения нет в этом. (Шепотом.) Тебе это сказано? В крайнем случае? Крайнее этого не будет. Давай хлудовский медальон!

Г о л у б к о в. На, пожалуйста, мне все равно теперь. И я уйду.

Ч а р н о т а. Нет, уж мы выйдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу. Ты еще в Сену нырнешь. (Протягивает медальон Корзухину.) Сколько?

К о р з у х и н. Гм... приличная вещь... Ну что же, десять долларов.

Ч а р н о т а. Однако, Парамон! Эта вещь стоит гораздо больше, но ты, по-видимому, в этом не разбираешься. Ну что же, пошли! (Вручает медальон Корзухину, тот дает ему десять долларов. Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.) Как раба твоего зовут?

К о р з у х и н. Гм... Антуан.

Ч а р н о т а (зычно). Антуан!

А н т у а н появляется.

Принеси мне, голубчик, закусить.

А н т у а н (удивленно, но почтительно улыбнувшись). Слушаю-сь... А лэнстан! [45 - A l'instant! - Сию минуту! (франц.)] (Исчезает.)

Ч а р н о т а. На сколько?

К о р з у х и н. Ну, на эти самые десять долларов. Попрошу карту.

Ч а р н о т а. Девять.

К о р з у х и н (платит). Попрошу на квит.

Ч а р н о т а (мечет). Девять.

К о р з у х и н. Еще раз квит.

Ч а р н о т а. Карту желаете?

К о р з у х и н. Да. Семь.

Ч а р н о т а. А у меня восемь.

К о р з у х и н (улыбнувшись). Ну, так и быть, на квит.

Г о л у б к о в (внезапно). Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все обратно!

Ч а р н о т а. Если ты лучше меня понимаешь игру, так ты садись за меня.

Г о л у б к о в. Я не умею.

Ч а р н о т а. Так не засти мне свет! Карту?

К о р з у х и н. Да, пожалуйста. Ах, черт, жир!

Ч а р н о т а. У меня три очка.

К о р з у х и н. Вы не прикупаете к тройке?

Ч а р н о т а. Иногда, как когда...

А н т у а н вносит закуску.

(Выпивая.) Голубков, рюмку?

Г о л у б к о в. Я не желаю.

Ч а р н о т а. А ты, Парамон, что же?

К о р з у х и н. Мерси, я уже завтракал.

Ч а р н о т а. Ага... Угодно карточку?

К о р з у х и н. Да. Сто шестьдесят долларов.

Ч а р н о т а. Идет. «Графиня, ценой одного рандеву...» Девять.

К о р з у х и н. Неслыханная вещь! Триста двадцать идет!

Ч а р н о т а. Попрошу прислать наличные.

Г о л у б к о в. Брось, Чарнота, умоляю тебя! Теперь брось!

Ч а р н о т а. Будь добр, займись ты каким-нибудь делом. Ну, альбом, что ли, посмотри. (Корзухину.) Наличные, пожалуйста!

К о р з у х и н. Сейчас. (Открывает кассу, в ней тотчас грянули колокола, всюду слышались звонки.)

Свет гаснет и тотчас возвращается. Из передней появляется А н т у а н с револьвером в руке.

Г о л у б к о в. Что это такое?

К о р з у х и н. Это сигнализация от воров. Антуан, вы свободны, это я открывал.

Антуан выходит.

Ч а р н о т а. Очень хорошая вещь. Пошло! Восемь!

К о р з у х и н. Идет шестьсот сорок долларов?

Ч а р н о т а. Не пойдет. Этой ставки не принимает банк.

К о р з у х и н. Вы хорошо играете. Сколько примете?

Ч а р н о т а. Пятьдесят.

К о р з у х и н. Пошло. Девять!

Ч а р н о т а. У меня жир.

К о р з у х и н. Пришлите.

Ч а р н о т а. Пожалуйста.

К о р з у х и н. Пятьсот девяносто!

Ч а р н о т а. Э, Парамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!

Г о л у б к о в. Чарнота, умоляю, уйдем!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
К о р з у х и н. Карту! У меня семь!

Ч а р н о т а. Семь с половиной! Шучу, восемь.

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Опять звон, тьма, опять свет. И уже ночь на сцене. На карточном столе горят свечи в розовых колпачках. Корзухин уже без пиджака, волосы его всклокочены. В окнах огни Парижа, где-то слышна музыка. Перед Корзухиным и перед Чарнотой груды валюты. Голубков лежит на диване и спит.

Ч а р н о т а (напевает). «Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты...» Жир.

К о р з у х и н. Пришлите четыреста! Пошли три тысячи!

Ч а р н о т а. Есть. Наличные!

Корзухин бросается к кассе. Опять тьма со звоном и музыкой. Потом свет. В Париже – синий рассвет. Тихо. Никакой музыки не слышно.

Корзухин, Чарнота и Голубков похожи на тени. На полу валяются бутылки от шампанского.

Голубков, комкая, прячет деньги в карманы.

Ч а р н о т а (Корзухину). Нет ли у тебя газеты завернуть?

К о р з у х и н. Нету. Знаете что, сдайте мне наличные, я вам выдам чек!

Ч а р н о т а. Что ты, Парамон? Неужели в каком-нибудь банке выдадут двадцать тысяч долларов человеку, который явился в подштаниках? Нет, спасибо!

Г о л у б к о в. Чарнота, выкупи мой медальон, я хочу его вернуть!

К о р з у х и н. Триста долларов!

Г о л у б к о в. На! (Швыряет деньги.)

Корзухин в ответ швыряет медальон.

Ч а р н о т а. Ну, до свидания, Парамоша. Засиделись мы у тебя, нам пора.

К о р з у х и н (загораживая дверь). Нет, стой! У меня жар, я ничего не понимаю... Вы воспользовались моей болезнью?! Вот что, верните деньги, я вам дам по пятьсот долларов отступного!

Ч а р н о т а. «Ты шутишь», – зверь вскричал коварный!..»

К о р з у х и н. Ну, если так, я сейчас же звоню в полицию, что вы ограбили меня! Вас схватят сейчас же! Оборванцы!

Ч а р н о т а. Ты слышал? (Вынимает револьвер.) Ну, Парамон, молись своей парижской Богоматери, твой смертный час настал!

К о р з у х и н. Караул! Караул!

На эти вопли вбегает А н т у а н, в одном белье.

Все спят! Вся вилла спит! Никто не слышит, как меня грабят! Караул!

Портьера раздвигается, и возникает Л ю с ь к а. Она в пижаме. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменевают.

Вы спите, милая Люси, в то время как патрона вашего грабят русские бандиты!

Л ю с ь к а. Боже мой, Боже! Видно, не испила я еще горькой чаши моей!.. Казалось бы, имела я право отдохнуть, но нет, нет... Недаром видела сегодня тараканов во сне! Мне интересно только одно – как вы сюда добрались?

Ч а р н о т а (поражен). Это она?

К о р з у х и н (Чарноте). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Люська за спиной Корзухина становится на колени, умоляюще складывает руки.

Ч а р н о т а. Откуда же мне ее знать? Никакого понятия не имею.

Л ю с ь к а. Так познакомимся же, господа! Люси Фрежоль.

Ч а р н о т а. Генерал Чарнота.

Л ю с ь к а. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (Корзухину.) Крысик, чего ты кричал так отчаянно, кто тебя обидел?

К о р з у х и н. Он выиграл у меня двадцать тысяч долларов! И я хочу, чтоб он вернул их!

Г о л у б к о в. Это неслыханная подлость!

Л ю с ь к а. Нет, нет, жабочка, это невозможно! Ну, проиграл, что же поделаешь! Ты не маленький!

К о р з у х и н. Где Антуан покупал карты?!

А н т у а н. Вы сами покупали их, Парамон Ильич.

Л ю с ь к а. Антуан, уйдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной?

Антуан скрывается.

Господа! Деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений не будет. (Корзухину.) Иди, мой мальчик, усни, усни. У тебя под глазами тени.

К о р з у х и н. Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом! (Всхлипнув, уходит.)

Л ю с ь к а. Ну-с, была очень рада повидать соотечественников и жалею, что больше никогда не придется встретиться. (Шепотом.) Выиграли – и уносите ноги! (Громко.) Антуан!

А н т у а н выглядывает в дверь.

Господа покидают нас, выпустите их.

Ч а р н о т а. О ревуар, мадемуазель[46 – Au revoir, mademoiselle. – До свиданья (франц.).].

Л ю с ь к а. Адье![47 – Adieu! – прощайте! (франц.)]

Чарнота и Голубков уходят.

Слава тебе Господи, унесло их! Боже мой! Когда же я наконец отдохну!

В пустынной улице послышались шаги.

(Воровски оглянувшись, подбегает к окну, открывает его, тихонько кричит.) Прощайте! Голубков, береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

Потом тьма. Сон кончается.

Сон восьмой и последний

...Жили двенадцать разбойников...

Комната в коврах, низенькие диваны, кальян. На заднем плане сплошная стеклянная стена, и в ней стеклянная дверь. За стеклами догорают константинопольский минарет, лавры и верх Артуровой карусели. Садится осеннее солнце, закат, закат... Х л у д о в сидит в комнате, он сидит на ковре, поджав ноги по-турецки, и разговаривает с кем-то.

Х л у д о в. Ты достаточно измучил меня. Но наступило просветление. Да, просветление. Но ведь нельзя же забывать, что ты не один возле меня. Есть и живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба завязала их в один узел со мной, и их теперь не отлепить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты. Как отделился ты один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас было много... (Бормочет.) Ну, помяни, помяни, помяни... А мы не будем вспоминать. (Думает, стареет, поникает.) Да. Итак, все это я сделал напрасно. А потом что было? Просто – мгла, и мы ушли. Потом – зной, и каждый день вертится карусель. Но ты, ловец! В какую даль проник за мной, и вот поймал, поймал меня в мешок! Не мучь более меня, пойми, что я решился, клянусь. Лишь только Голубков вернется, я поеду сейчас же. Ну облегчи же мне душу, кивни. Кивни хоть раз, красноречивый вестовой Крапилин! Так! Кивнул! Решено!

Тихо входит С е р а ф и м а.

С е р а ф и м а. Что, Роман Валерьянович, опять?

Х л у д о в. Что такое?

С е р а ф и м а. С кем вы говорили? Ведь в комнате нет никого, кроме вас!

Х л у д о в. Вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера бормотать. Надеюсь, что это никому не мешает, а?

С е р а ф и м а (садится на ковер рядом с Хлудовым). Четыре месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотанье. Вы думаете, это легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Бедный, бедный человек...

Х л у д о в. Хорошо. Я достану вам другую комнату, но в этом же квартале, чтобы вы были под моим надзором. Я продал перстень, деньги есть. Светло в ней, окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите – чепуха. Разгром. Проиграли и выброшены. А почему проиграли, вы знаете? (Таинственно указывает за плечо.) Мы-то с ним все знаем. Мне и самому неудобно с вами рядом, но я должен держать слово.

С е р а ф и м а. Роман Валерьянович, вы помните тот день, когда уезжал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули, помните?

Х л у д о в. Когда человек с ума сходит, приходится применять силу. Все вы какие-то ненормальные.

С е р а ф и м а. Мне стало жаль вас, Роман Валерьянович, и из-за этого только я и осталась.

Х л у д о в. Мне нянька не нужна, а вам нужна!

С е р а ф и м а. Не раздражайтесь, вы этим причиняете вред только самому себе.

Х л у д о в. Да, верно, верно... Я больше никому не могу причинить вреда. А помните – ночь, ставка... Хлудов – зверюга, Хлудов – шакал? А?

С е р а ф и м а. Все это ушло, и я забыла, и вы не вспоминайте.

Х л у д о в (бормочет). Да, да, да... Нет, мне приходится вспоминать. А впрочем, помяни, помяни... не будем вспоминать.

С е р а ф и м а. Ну вот, Роман Валерьянович, я всю ночь думала... Надо же на что-нибудь решиться. Скажите, до каких же пор мы будем с вами этак сидеть?

Х л у д о в. А вот вернется Голубков – и сразу клубочек разматывается. Я вас сдаю

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную. И кончено. Душный город!

С е р а ф и м а. Ах, каким безумием было отпустить его тогда! Никогда себе этого не прощу! Ах, как я тоскую по нем! Это Люська, Люська виновата... Я обезумела от ее упреков... А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверно, пропал в скитаниях, а может быть, и умер.

Х л у д о в. Душный город! И это позорище – тараканьи бега! Все на меня валят, будто я ненормален. А зачем, в самом деле, вы его отпустили? Деньги там какие-то, у этого вашего мужа?

С е р а ф и м а. Нет у меня никакого мужа, забыла его и проклиная!

Х л у д о в. Ну, словом, что же делать?

С е р а ф и м а. Будем смотреть правде в глаза: пропал Сергей Павлович, пропал. И сегодня ночью я решила: вот казаков пустили домой, и я попрошусь, вернусь вместе с ними в Петербург. Зачем я, сумасшедшая, поехала?

Х л у д о в. Умно. Очень. Умный человек, а? Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

С е р а ф и м а. Одного я только не знаю, одно меня только и держит – это что будет с вами?

Х л у д о в (таинственно манит ее пальцем. Она придвигается, и он говорит ей на ухо). Только тсс... вам-то ничего, а за мной контрразведка по пятам ходит, у них нюх... (Шепчет.) Я тоже поеду в Россию, можно ехать сегодня же ночью. Ночью пойдет пароход.

С е р а ф и м а. Вы тайком хотите, под чужим именем?

Х л у д о в. Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

С е р а ф и м а. Опомнитесь, вас сейчас же расстреляют!

Х л у д о в. Моментально. (Улыбается.) Мгновенно. А? Ситцевая рубашка, подвал, снег... Готово! Тает мое бремя. Смотрите, он ушел и стал вдали.

С е р а ф и м а. А! Так вот вы о чем бормочете! Вы хотите смерти? Безумный человек! Оставайтесь здесь, может быть, вы вылечитесь?

Х л у д о в. Я вылечился сегодня. Я совершенно здоров. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы и на столбах фонарики... Хлудов пройдет под фонариками.

Громкий стук в дверь. Она тотчас открывается, и входят Г о л у б к о в и Ч а р н о т а. Оба одеты в приличные костюмы. В руках у Чарноты чемоданчик. Молчание.

С е р а ф и м а. Сережа!.. Сережа!

Ч а р н о т а. Здравствуйте! Что же вы молчите?

Х л у д о в. Ну вот они. Приехали. Я же говорил вам...

Г о л у б к о в. Сима! Ну что же, Сима, здравствуй!

Серафима обнимает Голубкова и плачет.

Х л у д о в (морщась). Пойдем, Чарнота, на балкон, поговорим. (Уходит с Чарнотой за стеклянную стену.)

Г о л у б к о в. Ну не плачь, не плачь. О чем ты плачешь, Серафима? Вот я, я вернулся...

С е р а ф и м а. Я думала, что ты погиб! О, если б ты знал, как я тосковала!.. Теперь для меня все ясно... Но все-таки я дождалась! Ты теперь никуда больше не поедешь, я тебя не отпущу.

Г о л у б к о в. Никуда, конечно, никуда! Все кончено! И мы сейчас все придумаем! Как же ты жила здесь, Сима, без меня? Скажи мне хоть слово!

С е р а ф и м а. Я измучилась, я не сплю. Как только ты уехал, я опомнилась, я не могла простить себе, что я тебя отпустила! Все ночью сижу, смотрю на огни, и мне мерещится, что ты ходишь по Парижу, оборванный и голодный... А Хлудов больной, он такой страшный!

Г о л у б к о в. Не надо, Сима, не надо!

С е р а ф и м а. Ты видел мужа моего?

Г о л у б к о в. Видел, видел. Он отрекся от тебя, и у него новая жена, а кто – совершенно неинтересно... И... так лучше, и ты свободна! (Кричит.) Хлудов, спасибо!

Х л у д о в и Ч а р н о т а входят.

Х л у д о в. Ну вот, все в порядке теперь, а? (Голубкову.) Ты ее любишь? А? Искренний человек? Советую ехать туда, куда она скажет. А теперь прощайте все! (Берет пальто, шляпу и маленький чемодан.)

Ч а р н о т а. Куда это, смею спросить?

Х л у д о в. Сегодня ночью пойдет пароход, и я с ним. Только молчите.

Г о л у б к о в. Роман! Одумайся! Тебе нельзя этого делать!

С е р а ф и м а. Говорила уже, его не удержишь.

Х л у д о в. Чарнота! А знаешь что? Поедем со мной, а?

Ч а р н о т а. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда это? Ах туда? Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтоб тебя не разорвали по дороге! Ты, брат, большую память о себе оставил. Ну, а попутно с тобой и меня, раба божьего, поведут, поведут... За мной много чего есть! Хотя, правда, фонарей у меня в тылу нет!

С е р а ф и м а. Чарнота! Что ты больному говоришь?

Ч а р н о т а. Говорю, чтобы остановить его.

Г о л у б к о в. Роман! Останься, тебе нельзя ехать!

Х л у д о в. Ты будешь тосковать, Чарнота.

Ч а р н о т а. Эх, сказал! Я, брат, давно тоскую. Мучает меня Киев, помню я Лавру, помню бои... От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду. И тебе из жалости говорю – не езд.

Х л у д о в. Ну, прощай! Прощайте! (Уходит.)

Ч а р н о т а. Серафима, задержи его, он будет каяться!

С е р а ф и м а. Ничего не могу сделать.

Г о л у б к о в. Вы его не удержите, я знаю его.

Ч а р н о т а. А! Душа суда требует! Ну что ж, ничего не сделаешь! Ну, а вы?

С е р а ф и м а. Пойдем, Сергей, проситься. Я придумала – поедем ночью домой!

Г о л у б к о в. Поедем, поедем! Не могу больше скитаться!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ч а р н о т а. Ну что ж, вам можно, вас пустят. Давай делить деньги.

С е р а ф и м а. Какие деньги? Это, может быть, корзухинские деньги?

Г о л у б к о в. Он выиграл у Корзухина двадцать тысяч долларов.

С е р а ф и м а. Ни за что!

Г о л у б к о в. И мне не надо. Доехал сюда, и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России. Того, что ты дал, нам хватит.

Ч а р н о т а. Предлагаю в последний раз. Нет? Благородство? Ну, ладно. Итак, пути наши разошлись, судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер, а я куда? Кто я теперь? Я – Вечный Жид отныне! Я – Агасфер. Летучий я голландец! Я – черт собачий!

Часы пробили пять. Над каруселью поднялся флаг вдаль, и послышались гармонии, а с ними хор у Артура на бегах: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите? Жива вертушка, работает! (Распахивает дверь на балкон.)

Хор полился яснее: «...много разбойники пролили крови честных христиан...»

Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей генерал Чарнота! (Исчезает.)

Г о л у б к о в. Не могу больше видеть этого города! Не могу слышать!

С е р а ф и м а. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной! Я хочу опять на караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

Хор разливается шире: «Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим!..» Издали полился голос муэдзина: «La illah illa illah...»

Г о л у б к о в. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет... Идем, идем!

С е р а ф и м а. Идем! Конеч!

Оба выбегают из комнаты Хлудова. Константинополь начинает гаснуть и угасает навсегда.

Конец

Иван Васильевич

Комедия в трех действиях

Действуют:

З и н а и д а М и х а й л о в н а – киноактриса.

У л ь я н а А н д р е е в н а – жена управдома Бунши.

Ц а р и ц а

Т и м о ф е е в – изобретатель.

М и л о с л а в с к и й Ж о р ж.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Б у н ш а-К о р е ц к и й – управдом.

Ш п а к А н т о н С е м е н о в и ч.

И о а н н Г р о з н ы й.

Я к и н – кинорежиссер.

Д ь я к

Ш в е д с к и й п о с о л.

П а т р и а р х.

О п р и ч н и к и.

С т о л ь н и к и.

Г у с л я р ы.

М и л и ц и я.

Действие первое

Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом – комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Громадных размеров и необычной конструкции аппарат, по-видимому, радиоприемник, над которым работает Т и м о ф е е в. Множество ламп в аппарате, в которых то появляется, то гаснет свет. Волосы у Тимофеева включенные, глаза от бессонницы красные.

Он озабочен. Тимофеев нажимает кнопку аппарата. Слышен приятный певучий звук.

Т и м о ф е е в. Опять звук той же высоты...

Освещение меняется.

Свет пропадает в пятой лампе... Почему нет света? Ничего не понимаю. Проверим. (Вычисляет.) А два, а три... угол между направлениями положительных осей... Я ничего не понимаю. Косинус, косинус... Верно!

Внезапно в радиорупоре в передней возникает радостный голос, который говорит: «Слушайте продолжение „Псковитянки“!» И вслед за тем в радиорупоре грянули колокола и заиграла хриплая музыка.

Мне надоел Иоанн с колоколами! И, кроме того, я отвинтил бы голову тому, кто ставит такой приемник. Ведь я же говорил ему, чтобы он снял, что я поправлю! У меня нету времени! (Выбегает в переднюю и выключает радио, и рупор, крякнув, умолкает. Возвращается к себе в комнату.) На чем я остановился?... Косинус... Да нет, управдом! (Открывает окно, высовывается, кричит.) Ульяна Андреевна! Где ваш драгоценный супруг? Не слышу! Ульяна Андреевна, ведь я же просил, чтобы он убрал рупор! Не слышу. Чтобы он убрал рупор! Скажите ему, чтобы он потерпел, я ему поставлю приемник! Австралию он будет принимать! Скажите, что он меня замучил со своим Иоанном Грозным! И потом, ведь он же хрипит! Да рупор хрипит! У меня нет времени! У меня колокола в голове играют. Не слышу! Ну, ладно. (Закрывает окно.) На чем я остановился?... Косинус... У меня висок болит... Где же Зина? Чаю бы выпить сейчас. (Подходит к окну.) Какой странный человек... в черных перчатках... Чего ему надо? (Садится.) Нет, еще раз попробую. (Жмет кнопки в аппарате, отчего получается дальний певучий звук и свет в лампах меняется.) Косинус и колокола... (Пишет на бумажке.) Косинус и колокола... и колокола... то есть косинус... (Зевает.) Звенит, хрипит... вот музыкальный управдом... (Поникает и засыпает тут же у аппарата.)

Освещение в лампах меняется. Затем свет гаснет. Комната Тимофеева погружается во тьму, и слышен только дальний певучий звук. Освещается передняя. В передней появляется З и н а и д а М и х а й л о в н а.

З и н а и д а (в передней, прислушивается к певучему звуку). Дома. Я начинаю серьезно бояться, что он сойдет с ума с этим аппаратом. Бедняга!.. А тут его еще ждет такой удар... Три раза я разводилась... ну да, три, Зузина я не считаю... Но никогда еще я не испытывала такого волнения. Воображаю, что будет сейчас! Только бы не скандал! Они так утомляют, эти скандалы... (Пудрится.) ну, вперед! Лучше сразу развязать гордиев узел... (Стучит в дверь.) Кока, открой!

Т и м о ф е е в (в темноте). А, черт возьми!.. Кто там еще?

З и н а и д а. Это я, Кока.

Комната Тимофеева освещается. Т и м о ф е е в открывает дверь. Вместо радиоприемника – странный, невиданный аппарат.

Кока, ты так и не ложишься? Кока, твой аппарат тебя погубит. Ведь нельзя же так! И ты меня прости, Кока, мои знакомые утверждают, что увидеть прошлое и будущее невозможно. Это просто безумная идея, кокочка. Утопия.

Т и м о ф е е в. Я не уверен, Зиночка, что твои знакомые хорошо разбираются в этих вопросах. Для этого нужно быть специалистом.

З и н а и д а. Прости, Кока, среди них есть изумительные специалисты.

Т и м о ф е е в. Пойми, что где-то есть маленькая ошибка, малюсенькая! Я чувствую ее, ощущаю, она вот тут где-то... вот она бродит! И я ее поймаю.

З и н а и д а. Нет, он святой!

Пауза. Тимофеев занят вычислениями.

Ты прости, что я тебе мешаю, но я должна сообщить тебе ужасное известие... Нет, не решаюсь... У меня сегодня в кафе свистнули перчатки. Так курьезно! Я их положила на столик и... я полюбила другого, Кока... Нет, не могу... Я подозреваю, что это с соседнего столика... Ты понимаешь меня?

Т и м о ф е е в. Нет... Какой столик?

З и н а и д а. Ах, Боже мой, ты совсем оступел с этой машиной!

Т и м о ф е е в. Ну, перчатки... Что перчатки?

З и н а и д а. Да не перчатки, а я полюбила другого. Свершилось!..

Тимофеев мутно смотрит на Зинаиду.

Только не возражай мне... и не нужно сцен. Почему люди должны расстаться непременно с драмой? Ведь согласись, Кока, что это необязательно. Это настоящее чувство, все остальное в моей жизни было заблуждением... Ты спрашиваешь, кто он? И, конечно, думаешь, что это Молчановский? Нет, приготовься: он кинорежиссер, очень талантлив... Не будем больше играть в прятки, это Якин.

Т и м о ф е е в. Так...

Пауза.

З и н а и д а. Однако это странно! Это в первый раз в жизни со мной. Ему сообщают, что жена ему изменила, ибо я действительно тебе изменила, а он – так! Даже как-то невежливо!

Т и м о ф е е в. Он... этого... как его... блондин, высокий?

З и н а и д а. Ну, уж это безобразие! До такой степени не интересоваться женой! Блондин Молчановский, запомни это! А Якин – он очень талантлив!

Пауза.

Ты спрашиваешь, где мы будем жить? В пять часов я уезжаю с ним в Гагры выбирать

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
место для съемки, а когда мы вернемся, ему должны дать квартиру в новом доме,
если, конечно, он не врет...

Т и м о ф е е в (мутно). Наверно, врет.

З и н а и д а. Как это глупо, из ревности оскорблять человека! Не может же он
каждую минуту врать.

Пауза.

Я долго размышляла во время последних бессонных ночей и пришла к заключению, что
мы не подходим друг другу. Я вся в кино... в искусстве, а ты с этим аппаратом...
Однако я все-таки поражаюсь твоему спокойствию! И даже как-то тянет устроить
сцену. Ну, что же... (Идет за ширму и выносит чемодан.) Я уже уложилась, чтобы
не терзать тебя. Дай мне, пожалуйста, денег на дорогу, я тебе верну с Кавказа.

Т и м о ф е е в. Вот сто сорок... сто пятьдесят три рубля... больше нет.

З и н а и д а. А ты посмотри в кармане пиджака.

Т и м о ф е е в (посмотрев). В пиджаке нет.

З и н а и д а. Ну, поцелуй меня. Прощай, Кока. Все-таки как-то грустно... Ведь
мы прожили с тобой целых одиннадцать месяцев!.. Поражаюсь, решительно поражаюсь!

Тимофеев целует Зинаиду.

Но ты пока не выписывай меня все-таки. Мало ли что может случиться. Впрочем, ты
такой подлости никогда не сделаешь. (Выходит в переднюю, закрывает за собой
парадную дверь.)

Т и м о ф е е в (тупо смотрит ей вслед). Один... Как же я так женился? На ком?
Зачем? Что это за женщина? (У аппарата.) Один... А впрочем, я ее не осуждаю.
Действительно, как можно жить со мной? Ну что же, один так один! Никто не мешает
зато... Пятнадцать... шестнадцать...

Певучий звук. В передней звонок. Потом назойливый звонок.

Ну как можно работать в таких условиях!.. (Выходит в переднюю, открывает
парадную дверь.)

Входит У л ь я н а А н д р е е в н а.

У л ь я н а. Здравствуйте, товарищ Тимофеев. Иван Васильевич к вам не заходил?

Т и м о ф е е в. Нет.

У л ь я н а. Передайте Зинаиде Михайловне, что Марья Степановна говорила: Анне
Ивановне маникюрша заграничную материю предлагает, так если Зинаида...

Т и м о ф е е в. Я ничего не могу передать Зинаиде Михайловне, потому что она
уехала.

У л ь я н а. Куда уехала?

Т и м о ф е е в. С любовником на Кавказ, а потом они будут жить в новом доме,
если он не врет, конечно...

У л ь я н а. Как с любовником?! Вот так так! И вы спокойно об этом говорите!
Оригинальный вы человек!

Т и м о ф е е в. Ульяна Андреевна, вы мне мешаете.

У л ь я н а. Ах, простите! Однако у вас характер, товарищ Тимофеев! Будь я на
месте Зинаиды Михайловны, я бы тоже уехала.

Т и м о ф е е в. Если бы вы были на месте Зинаиды Михайловны, я бы повесился.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
У л ь я н а. Вы не смеете под носом у дамы дверь захлопывать, грубиян! (Уходит.)

Т и м о ф е е в (возвращаясь в свою комнату). Чертова кукла!

Нажимает кнопки в аппарате, и комната его исчезает в полной темноте. Парадная дверь тихонько открывается, и в ней появляется М и л о с л а в с к и й, дурно одетый, с артистическим бритым лицом человек в черных перчатках. Прислушивается у двери Тимофеева.

М и л о с л а в с к и й. Весь мир на службе, а этот дома. Патефон починает. (У дверей Шпака читает надпись.) Шпак Антон Семенович. Ну что же, зайдем к Шпаку... Какой замок комичный. Мне что-то давно такой не попадался. Ах нет, у вдовы на Мясницкой такой был. Его надо брать шестым номером. (Вынимает отмычки.) Наверно, сидит в учреждении и думает: ах, какой чудный замок я повесил на свою дверь! Но на самом деле замок служит только для одной цели: показать, что хозяина дома нет... (Открывает замок, входит в комнату Шпака, закрывает за собой дверь так, что замок остается на месте.) Э, какая прекрасная обстановка!.. Это я удачно зашел... Э, да у него и телефон отдельный. Большое удобство! И какой аккуратный, даже свой служебный номер записал. А раз записал, первым делом нужно ему позвонить, чтобы не было никаких недоразумений. (По телефону.) Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один. Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Бонжур. Товарищ Шпак, вы до самого конца сегодня на службе будете?.. Говорит одна артистка... Нет, не знакома, но безумно хочу познакомиться. Так вы до четырех будете?.. Я вам еще позвоню, я очень настойчивая... Нет, блондинка. Контральто. Ну, пока. (Кладет трубку.) Страшно удивился. Ну-с, начнем... (Взламывает шкаф, вынимает костюм.) Шевиот... О!.. (Снимает свой, завязывает в газету, надевает костюм Шпака.) Как на меня шит... (Взламывает письменный стол, берет часы с цепочкой, кладет в карман портсигар.) За три года, что я не был в Москве, как они все вещами пообзавелись! Приятно работать. Прекрасный патефон... И шляпа... Мой номер. Приятный день!.. Фу, устал! (Взламывает буфет, достает водку, закуску, выпивает.) На чем это он водку настаивает? Прелестная водка!.. Нет, это не полынь... А уютно у него в комнате... Он и почитать любит... (Берет книгу, читает.) «Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой... Ковшами золотыми столов блистает ряд, разгульные за ними опричники сидят...» Славное стихотворение! Красивое стихотворение!.. «Да здравствуют тиуны, опричники мои! Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи...» Мне нравится это стихотворение. (По телефону.) Отдел междугородних перевозок. Мерси. Добавочный пятьсот один... Мерси. Товарища Шпака. Мерси. Товарищ Шпак? Это я опять... Скажите, на чем вы водку настаиваете?.. Моя фамилия таинственная... Из Большого театра... А какой вам сюрприз сегодня выйдет!.. «Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой...» (Кладет трубку.) Страшно удивляется. (Выпивает.) «Ковшами золотыми столов блистает ряд...»

Комната Шпака погружается в тьму, а в комнату Тимофеева набирается свет. Аппарат теперь чаще дает певучие звуки, и время от времени вокруг аппарата меняется освещение.

Т и м о ф е е в. Светится. Светится! Это иное дело...

Парадная дверь открывается, и входит Б у н ш а. Первым делом обращает свое внимание на радиоаппарат.

Б у н ш а. Неимоверные усилия я затрачиваю на то, чтобы вносить культуру в наш дом. Я его радиофицировал, но они упорно не пользуются радио. (Тычет вилкой в штепсель, но аппарат молчит.) Антракт. (Стучит в дверь Тимофеева.)

Т и м о ф е е в. А, кто там, войдите... чтоб вам провалиться!..

Бунша входит.

Этого не хватало!..

Б у н ш а. Это я, Николай Иванович.

Т и м о ф е е в. Я вижу, Иван Васильевич. Удивляюсь я вам, Иван Васильевич! В ваши годы вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с засаленной книгой... Я занят, Иван Васильевич, простите.

Б у н ш а. Это домовая книга. У меня нет внуков. И если я перестану ходить, то произойдет ужас.

Т и м о ф е е в. Государство рухнет?

Б у н ш а. Рухнет, если за квартиру не будут платить. У нас в доме думают, что можно не платить, а на самом деле нельзя. Вообще наш дом удивительный. Я по двору прохожу и содрогаюсь. Все окна раскрыты, все на подоконниках лежат и рассказывают такую ерунду, которую рассказывать неудобно.

Т и м о ф е е в. Ей-Богу, я ничего не понимаю! Вам лечиться надо, князь!

Б у н ш а. Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уж доказал путем представления документов, что за год до моего рождения мой папа уехал за границу, и таким образом очевидно, что я сын нашего кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея.

Т и м о ф е е в. Ну, если вы сын кучера, тем лучше. Но у меня нет денег, Иван Пантелеевич.

Б у н ш а. Нет, вы меня называйте согласно документам – Иваном Васильевичем.

Т и м о ф е е в. Хорошо, хорошо.

Б у н ш а. Заклинаю вас, заплатите за квартиру.

Т и м о ф е е в. Я вам говорю, нет сейчас денег... Меня жена бросила, а вы меня истязаете.

Б у н ш а. Позвольте, что же вы мне не заявили?

Т и м о ф е е в. А вам-то что за дело?

Б у н ш а. Такое дело, что я должен ее немедленно выписать.

Т и м о ф е е в. Она просила не выписывать.

Б у н ш а. Все равно, я должен отметить в книге это событие. (Отмечает в книге.) Я присяду.

Т и м о ф е е в. Да незачем вам присаживаться? Как вам объяснить, что меня нельзя тревожить во время этой работы?

Б у н ш а. Нет, вы объясните. Я передовой человек. Вчера была лекция для управдомов, и я колоссальную пользу получил. Почти все понял. Про стратосферу. Вообще наша жизнь очень интересная и полезная, но у нас в доме этого не понимают.

Т и м о ф е е в. Когда вы говорите, Иван Васильевич, впечатление такое, что вы бредите!

Б у н ш а. Наш дом вообще очень странный. Шпак все время красное дерево покупает, но за квартиру платит туго. А вы неизвестную машину сделали.

Т и м о ф е е в. Вот мученье, честное слово!

Б у н ш а. Я умоляю вас, Николай Иванович, вы насчет своей машины заявите. Ее зарегистрировать надо, а то во флигеле дамы уже говорят, что вы такой аппарат строите, что весь наш дом рухнет. А это знаете... и вы погибнете, и я с вами за компанию.

Т и м о ф е е в. Какая же сволочь эту ерунду говорила?

Б у н ш а. Я извиняюсь, это моя жена Ульяна Андреевна говорила.

Т и м о ф е е в. Виноват! Почему эти дамы болтают чепуху? Я знаю, это вы виноваты. Вы, старый зуда, слоняетесь по всему дому, подглядываете, ябедничаете

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
и, главное, врите!

Б у н ш а. После этих кровных оскорблений я покидаю квартиру и направляюсь в милицию. Я – лицо, занимающее ответственный пост управдома, и обязан наблюдать.

Т и м о ф е е в. Стойте!.. Извините меня, я погорячился. Ну хорошо, идите сюда. Просто–напросто я делаю опыты над проникновением во время... Да, впрочем, как я вам объясню, что такое время? Ведь вы же не знаете, что такое четырехмерное пространство, движение... и вообще... словом, поймите, что это не только не взорвется, но принесет стране неслыханную пользу... Ну, как бы вам попроще... я, например, хочу пронизать сейчас пространство и пойти в прошлое...

Б у н ш а. Пронизать пространство? Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции. У меня, как у управдома, чувство тревоги от таких опытов во вверенном мне доме. Стоит таинственная машина, запертая на ключ...

Т и м о ф е е в. Что?! Ключ? Иван Васильевич, спасибо! Спасибо! Вы гениальны! Ключ! Ах, я рассеянный болван! Я работал при запертом механизме... Стойте! Смотрите! Смотрите, что сейчас произойдет... Попробуем на близком расстоянии... маленький угол... (Поворачивает ключ, нажимает кнопку.) Смотрите, мы пойдем сейчас через пространство во время... назад... (Нажимает кнопку.)

Звон. Тьма. Потом свет. Стенка между комнатами исчезла, и в комнате Шпака сидит выпивающий М и л о с л а в с к и й с книжкой в руках.

(Исступленно.) Вы видели?

М и л о с л а в с к и й. А, чтоб тебя черт... Что это такое?

Б у н ш а. Николай Иванович, куда стенка девалась?!

Т и м о ф е е в. Удача! Удача! я вне себя! Вот оно! Вот оно!..

Б у н ш а. Неизвестный гражданин в комнате Шпака!

М и л о с л а в с к и й. Я извиняюсь, в чем дело? Что случилось? (Забирает патефон, свой узел и выходит в комнату Тимофеева.) Тут сейчас стенка была!

Б у н ш а. Николай Иванович, вы будете отвечать за стенку по закону. Вот вы какую машину сделали! Полквартиры исчезло!

Т и м о ф е е в. Да ну вас к черту с вашей стенкой! Ничего ей не сделается!.. (Жмет кнопку аппарата.)

Тьма. Свет. Стенка становится на место, закрывает комнату Шпака.

М и л о с л а в с к и й. Видел чудеса техники, но такого никогда!

Т и м о ф е е в. О Боже, у меня кружится голова!.. Нашел, нашел! О человечество, что ждет тебя!..

Б у н ш а (Милославскому). Я извиняюсь, вы кто же такой будете?

М и л о с л а в с к и й. Кто я такой буду, вы говорите? Я дожидаюсь моего друга Шпака.

Б у н ш а. А как же вы дожидаетесь, когда дверь снаружи на замок закрыта?

М и л о с л а в с к и й. Как вы говорите? Замок? Ах да... он за «Известиями» пошел на угол, купить, а меня... это... запер...

Т и м о ф е е в. Да ну вас к черту! Что за пошлые вопросы! (Милославскому.) Понимаете, я пронзил время! Я добился своего!..

М и л о с л а в с к и й. Скажите, это, стало быть, любую стенку можно так убрать? Вашему изобретению цены нет, гражданин! Поздравляю вас! (Бунше.) А что вы на меня так смотрите, отец родной? На мне узорov нету и цветы не растут.

Б у н ш а. Меня терзает смутное сомнение. На вас такой же костюм, как у Шпака!

М и л о с л а в с к и й. Что вы говорите? Костюм? А разве у Шпака у одного костюм в полоску в Москве? Мы с ним друзья и всегда в одном магазине покупаем материю. Удовлетворяет вас это?

Б у н ш а. И шляпа такая же.

М и л о с л а в с к и й. И шляпа.

Б у н ш а. А ваша фамилия как?

М и л о с л а в с к и й. Я артист государственных больших и камерных театров. А на что вам моя фамилия? Она слишком известная, чтобы я вам ее называл.

Б у н ш а. И цепочка такая же, как у Шпака.

М и л о с л а в с к и й. Э, какой вы назойливый!.. Шляпа, цепочка... это противно!.. Без отдыха пирует с дружиной удалой Иван Васильич Грозный...

Т и м о ф е е в. Оставьте вы, в самом деле, гражданина в покое. (Милославскому.) Может быть, вы хотите вернуться в комнату Шпака? Я открою вам стенку.

М и л о с л а в с к и й. Ни в коем случае. Я на него обижен. В самом деле, пошел за газетой и пропал. Может быть, он два часа будет ходить. Я лучше на этот опыт посмотрю, он мне очень понравился.

Т и м о ф е е в (жмет ему руку). Я очень рад! Вы были первый, кто увидел... Вы, так сказать, первый свидетель.

М и л о с л а в с к и й. Никогда еще свидетелем не приходилось быть! Очень, очень приятно!.. (Бунше.) Вот смотрит! Вы на мне дыру протрете!

Т и м о ф е е в. Это наш оправдом.

М и л о с л а в с к и й. Ах, тогда понятно!.. Шляпа, цепочка... ах, какая противная должность! Сколько я от них неприятностей имел, если бы вы знали, гражданин ученый.

Т и м о ф е е в. Не обращайтесь на него внимания.

М и л о с л а в с к и й. И то правда.

Т и м о ф е е в. Вы понимаете, гражданин артист...

М и л о с л а в с к и й. Как же не понять? Скажите, а в магазине можно так же стенку приподнять? Ах, какой увлекательный опыт!

Б у н ш а. Вы с патефоном пришли к Шпаку?

М и л о с л а в с к и й. Он меня доконает! Это что же такое, а?

Т и м о ф е е в (Бунше). Вы перестанете приставать или нет? (Милославскому.) Поймите, дело не в стенке, это только первое движение! Дело в том, что, минуя все эти стенки, я могу проникнуть во время! Вы понимаете, я могу двинуться на двести, триста лет назад или вперед! Да что на триста!.. Нет, такого изобретения не знал мир!.. Я волнуюсь!.. Меня бросила жена сегодня, но понимаете... Ах!..

М и л о с л а в с к и й. Гражданин профессор, не расстраивайтесь, за вас выйдет любая! Вы плюньте, что она вас бросила!

Б у н ш а. Я уж ее выписал.

М и л о с л а в с к и й (Бунше). Тьфу на вас!.. Без отдыха пирует Иван Васильич Грозный... Ах, какое изобретение! (Стучит по стенке.) Поднял – вошел, вышел – закрыл! Ах ты, Боже мой!..

Т и м о ф е е в. У меня дрожат руки... я не могу терпеть... Хотите, проникнем в

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
прошлое?.. Хотите, увидим древнюю Москву?.. Неужели вам не страшно? Вы не
волнуетесь?

Б у н ш а. Николай Иванович! Одумайтесь, прежде чем такие опыты в жакте делать!

М и л о с л а в с к и й. Если ты еще раз вмешаешься в опыт гражданина академика,
я тебя! Что это за наказание? (Тимофееву.) Валяйте!

Тимофеев жмет кнопки у аппарата. Звон. Тьма. Внезапно возникает палата Иоанна
Грозного. И о а н н, с посохом, в царском одеянии, сидит в кресле, а перед
Иоанном, примостившись у стола, пишет Д ь я к. На плечах у Иоанна наброшена
поверх одеяния опричническая ряса. Слышится далекое церковное пение, колокольный
мягкий звон.

И о а н н (диктует). ...И руководителю...

Д ь я к. (пишет). ...И руководителю...

И о а н н. К пренебесному селению преподобному игумну Козьме...

Д ь я к. ...Козьме...

И о а н н. ...Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси...

Д ь я к. ...Всея Руси...

И о а н н. ...Челом бьет.

Т и м о ф е е в. О Боже! Смотрите! Да ведь это Иоанн!..

М и л о с л а в с к и й. Елки-палки!..

Иоанн и Дьяк поворачивают головы, услышав голоса. Дьяк вскрикивает и убегает из
палаты. Иоанн вскакивает, крестится.

И о а н н. Сгинь! Пропади! Увы мне, грешному!.. Горе мне, окаянному! Скверному
душегубцу, ох!.. Сгинь! (Ища выхода, в исступлении бросается в комнату
Тимофеева, крестит стены, мечется, бежит в переднюю, скрывается.)

Т и м о ф е е в. Это Иоанн Грозный! Куда вы?.. Стойте!.. Боже мой, его увидят!..
Держите его! (Убегает вслед за Иоанном.)

Бунша бросается к телефону.

М и л о с л а в с к и й. Ты куда звонить собрался?

Б у н ш а. В милицию!

М и л о с л а в с к и й. Положь трубку, я тебе руки обобью! Не может жить без
милиции ни одной секунды!

В палату врывается О п р и ч н и к.

О п р и ч н и к. Где демоны? Гойда! Бей их! (Бунше.) Где царь?

Б у н ш а. Не знаю!.. Караул!..

М и л о с л а в с к и й. Закрой машину! Машину закрой!

О п р и ч н и к (крестясь). Ой, демоны!.. (Бросает бердыш, исчезает из палаты.)

М и л о с л а в с к и й. Закрывай! Ключ поверни! Ключ! Вот так машинка!..

Бунша жмет кнопки, вытаскивает ключ. В то же мгновение – звон. Занавеска на окне
вздувается, понесло бумаги, Буншу потащило в палату, он роняет очки.

Б у н ш а. Спасите!.. Куда меня тащит?!..

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
М и л о с л а в с к и й. Куда же ты двинул, черт, машину?!

Понесло Милославского. Тьма. Свет. Нет палаты. Стенка на месте. В комнате нет ни Бунши, ни Милославского. Остался только патефон, и сверток, и очки. Появляется Т и м о ф е е в.

Т и м о ф е е в. Он на чердаке заперся! Помогите мне его оттуда извлечь!.. Боже, где же они? А? (Бросается к аппарату.) Они двинули стрелку в обратную сторону! Их унесло?.. Что же это будет?.. Бунша! Бунша! Иван Васильевич!

Дальний крик Иоанна.

Этот на чердаке орет!.. Но ключ? Где же ключ?.. Боже, они ключ вытащили! Что делать, позвольте!.. Что делать-то, а?.. Нету ключа... Ну да, вынули ключ... Иван Васильевич! Зачем же вы ключ-то вынули?! Впрочем, кричать бесполезно. Они ключ захватили с собою. Вернуть того в комнату? (Убегает.)

Пауза. Открывается парадная дверь, и входит Ш п а к.

Ш п а к. Какая-то тревога у меня с тех пор, как эта блондинка из Большого театра позвонила... Не мог досидеть на службе... (Трогает замок на своей двери.) Батюшки!..

Комната Шпака освещается.

(Входит, бросается к письменному столу.) Батюшки! (Бросается к шкафу.) Батюшки! (По телефону.) Милицию!! Милиция?! В Банном переулке десять – грандиозная кража, товарищ!.. Кого обокрали? Конечно, меня! Шпак! Шпак моя фамилия! Блондинка обокрала!

В радио заиграла музыка.

Товарищ начальник... Это радио играет! Пальто и костюмы!.. Что же вы сердитесь? Слушаете? Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам! Батюшки мои, батюшки!.. (Рыдая, бросается из комнаты и скрывается за парадной дверью.)

В радио гремит музыка.

Занавес

Действие второе

Комната Тимофеева. В ней – И о а н н и Т и м о ф е е в. Оба в волнении.

И о а н н. О Боже мой, Господи, Вседержитель!

Т и м о ф е е в. Тсс... тише, тише! Только не кричите, умоляю! Мы наживем страшную беду и, во всяком случае, скандал. Я и сам схожу с ума, но я стараюсь держать себя в руках.

И о а н н. Ох, тяжело мне! Молви еще раз, ты не демон?

Т и м о ф е е в. Ах, помилуйте, я же на чердаке вам объяснил, что я не демон.

И о а н н. Ой, не лги! Царю лжешь! Не человеческим хотением, но Божиим соизволением царь есмь!

Т и м о ф е е в. Очень хорошо. Я понимаю, что вы царь, но на время прошу вас забыть об этом. Я вас буду называть не царем, а просто Иваном Васильевичем. Поверьте, для вашей же пользы.

И о а н н. Увы мне, Ивану Васильевичу, увы, увы!..

Т и м о ф е е в. Что же делать, я понимаю ваше отчаяние. Действительно, происшествие удручающее. Но кто же мог ожидать такой катастрофы? Ведь они ключ унесли с собой! Я не могу вас отправить обратно сейчас... И вы понимаете, что

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
они оба сейчас там, у вас! Что с ними будет?

И о а н н. Пес с ними! Им головы отрубят, и всего делов!

Т и м о ф е е в. Как отрубят головы?! Боже, я погубил двоих людей! Это
немыслимо! Это чудовищно!

Пауза.

Вы водку пьете?

И о а н н. О горе мне!.. Анисовую.

Т и м о ф е е в. Нет анисовой у меня. Выпейте горного дубнячку, вы подкрепитесь
и придете в себя. Я тоже. (Вынимает водку, закуску.) Пейте.

И о а н н. Отведай ты из моего кубка.

Т и м о ф е е в. Зачем это? Ах да... Вы полагаете, что я хочу вас отравить?
Дорогой Иван Васильевич, у нас это не принято. И кильками в наш век гораздо
легче отравиться, нежели водкой. Пейте смело.

И о а н н. Ну, здрав буди. (Пьет.)

Т и м о ф е е в. Покорно благодарю. (Пьет.)

И о а н н. Как твое имя, кудесник?

Т и м о ф е е в. Меня зовут Тимофеев.

И о а н н. Князь?

Т и м о ф е е в. Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот
утверждает, что он сын кучера.

И о а н н. Ах, сволочь!

Т и м о ф е е в. Нет, как подумаю, что они там, с ума схожу!.. Пейте. Закусите
ветчинкой.

И о а н н. День-то постный...

Т и м о ф е е в. Ну, кильками.

И о а н н. Ключница водку делала?

Т и м о ф е е в. Ну, пускай будет ключница... долго объяснять...

И о а н н. Так это, стало быть, ты такую машину сделал?.. Ох-хо-хо!.. У меня
тоже один был такой... крылья сделал...

Т и м о ф е е в. Нуте-с?..

И о а н н. Я его посадил на бочку с порохом, пущай полетает!..

Т и м о ф е е в. Ну зачем же вы так круто?

И о а н н. Ты, стало быть, тут живешь? Хоромы-то тесные.

Т и м о ф е е в. Да уж, хоромы неважные.

И о а н н. А боярыня твоя где? В церкви, что ли?

Т и м о ф е е в. Не думаю. Моя боярыня со своим любовником Якиным на Кавказ
сегодня убежала.

И о а н н. Врешь!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Т и м о ф е е в. Ей-Богу!

И о а н н. Ловят? Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело...

Т и м о ф е е в. Нет, зачем же? Нет... Они любят друг друга, ну и пусть будут счастливы.

И о а н н. И то правда. Ты добрый человек... Ах ты, Боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли! Боярин, ищи ключ! Отправляй меня назад!

Т и м о ф е е в. Понимаете, я сам бы сейчас побежал к слесарю, но дома ни копейки денег, все жене отдал.

И о а н н. Чего? Денег? (Вынимает из кармана золотую монету.)

Т и м о ф е е в. Золото? Спасены! Я сейчас в ювелирный магазин, потом к слесарю, он сделает ключ, мы откроем аппарат.

И о а н н. Я с тобой пойду.

Т и м о ф е е в. По улице? О нет, Иван Васильевич, это невозможно! Вы останетесь здесь и ничем не выдавайте себя. Я даже вас запру, и если кто будет стучать, не открывайте. Да никто прийти не может. Спасибо Якину, что жену увез... Словом, ждите меня, сидите тихо.

И о а н н. О Господи!..

Т и м о ф е е в. Через час я буду здесь. Сидите тихо!

Тимофеев, закрыв дверь своей комнаты, уходит. Иоанн один, рассматривает вещи в комнате. На улице послышался шум автомобиля. Иоанн осторожно выглядывает в окно, отскакивает. Пьет водку.

И о а н н (тихо напевает). Сделал я великие прегрешения... пособи мне, Господи... пособи, чудотворцы московские...

В дверь стучат. Иоанн вздрагивает, крестит дверь, стук прекращается.

У л ь я н а (за дверью). Товарищ Тимофеев, простите, что опять осмелилась беспокоить во время вашей семейной драмы... Что, Ивана Васильевича не было у вас? Его по всему дому ищут. Товарищ Тимофеев, вы не имеете права отмалчиваться! Вы, товарищ Тимофеев, некультурный человек!

Иоанн крестит дверь, и голос Ульяны пропадает.

И о а н н. Что крест животворящий делает! (Пьет водку.)

Пауза. Потом в двери поворачивается ключ. Иоанн крестит дверь, но это не помогает. Тогда Иоанн прячется за ширму. Дверь открывается, и входит З и н а и д а. Бросает чемоданчик. Расстроена.

З и н а и д а. Какой подлец! Все разрушено! И я... зачем же я открыла все этому святому человеку?.. (Смотрит на стол.) Ну, конечно, запил с горя!.. Да, запил... И патефон... откуда же патефон? Хороший патефон... Кока, тебя нет? Ничего не понимаю!.. Здесь оргия какая-то была... Он, наверно, за водкой пошел... С кем он пил? (Разворачивает сверток.) Штаны! Ничего не понимаю! (Заводит патефон, вздыхает.)

Иоанн за ширмой припадает к щелке.

И вот опять здесь... обманутая самым наглым образом...

Через некоторое время на парадном звонок. Зинаида выходит в переднюю, открывает дверь. Входит Я к и н, молодой человек в берете, в штанах до колен и с бородой, растущей из-под подбородка.

Я к и н. Зина, это я.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
З и н а и д а. Как? Это вы?! Вон! (Уходит в комнату Тимофеева.)

Я к и н (у дверей). Зинаида Михайловна, вы одни? Откройте, прошу вас!

З и н а и д а. Я негодяям принципиально не открываю.

Я к и н. Зина! Я молю вас, Зина, я вам сейчас же все объясню. Зина, послушайте меня.

Зинаида открывает дверь.

(Входя в комнату Тимофеева.) Зиночка, что случилось? Почему вы убежали? Я не понимаю...

З и н а и д а. Карп Савельевич, вы негодяй!

Я к и н. Боже, какие слова! Зиночка, это недоразумение, клянусь кинофабрикой!

З и н а и д а. Недоразумение!.. Он объяснит!.. Я бросаю мужа, этот святой человек теперь пьянствует, как черт знает что, я покидаю чудную жилплощадь, расстаюсь с человеком, который молился на меня, сдувал пылинки... гениального изобретателя!.. Еду к этому подлецу, и...

Я к и н. Зина, какие слова!..

З и н а и д а. Вы еще не знаете настоящих слов! И за два часа до нашего отъезда я застаю у него неизвестную даму...

Я к и н. Зина!..

З и н а и д а. Которую он нежно держит за руку!..

Я к и н. Зиночка, я проверял с нею сцену! Это моя профессиональная обязанность!

З и н а и д а. Хватать за локти? Нет, хватать за локти, вы ответьте! (Дает якину пощечину.)

Я к и н. Зинаида Михайловна! Товарищи, что это такое?! З и н а и д а. Вон!

Я к и н. Зинаида, поймите, ведь это же эпизод! Она же курносая!

З и н а и д а. Как? Она будет сниматься?

Я к и н. Маленькая роль... Крохотный, малюсенький эпизодик! Я же не могу снимать картину без курносой! И потом, позвольте, вы меня ударили! Режиссера?!

З и н а и д а. Снимайте курносых, безносых, каких хотите!.. С меня довольно! Я ухожу к Косому, в постановку «Бориса Годунова»!

Я к и н. Косой – халтурщик! Никакой постановки у него не будет!

З и н а и д а. Я извиняюсь, постановка утверждена! И я буду играть царицу! Я не интересуюсь больше вашими «Золотыми яблоками» в Гаграх.

Я к и н. Да поймите же, что у него нет никого на роль Иоанна Грозного! Картину законсервируют ко всем чертям, и тогда вы вспомните меня, Зинаида!

З и н а и д а. Нет Иоанна? Простите, я уже репетировала с ним.

Я к и н. Где вы репетировали?

З и н а и д а. Здесь же, у себя на квартире... И когда мы проходили то место, где Бориса объявляют царем, Косой, уж на что твердый человек, заплакал, как ребенок!..

Я к и н. Репетировать за моей спиной? Это предательство, Зинаида! Кто играет

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Бориса, царя? Кто?

И о а н н (выходя из-за ширмы). Какого Бориса-царя? Бориску?!

Зинаида и Якин застывают.

А подойди-ка сюда, милый!

З и н а и д а. Господи, что это такое?!

Я к и н. Как, вы действительно репетируете? Боже, какой типаж!

З и н а и д а. Кто это такой?!

И о а н н. Бориса на царство?.. Так он, лукавый, презлым заплатил царю за предобреее!.. Сам хотел царствовать и всем владети!.. Повинен смерти!

Я к и н. Bravo!

З и н а и д а. Боже мой... Якин, объясните мне... Якин, спрячьте меня!..

И о а н н. Ну ладно! Потолкует Борис с палачом опосля! (Якину.) Почто ты боярыню обидел, смерд?

Я к и н. Замечательно! Поразительно! Невиданно!.. Я не узнаю вас в гриме. Кто вы такой? Позвольте представиться: Карп Якин. Двадцать тысяч, а завтра в девять часов утра фабрика подписывает с вами контракт. Ставить буду я. Как ваша фамилия?

И о а н н. Ах ты, бродяга! Смертный прыщ!

Я к и н. Bravo!! Зинаида, как же вы скрыли от меня это?!

Иоанн бьет Якина жезлом.

Позвольте!! Что вы, спятили?.. Довольно!..

И о а н н. На колени, червь! (Хватает Якина за бороду.)

Я к и н. Это переходит границы! Это хулиганство!

З и н а и д а. Очевидно, я сошла с ума... Кто вы такой? Кто вы такой?

И о а н н. Князь Тимофеев, ко мне! Поймали обидчика, сукина сына Якина!

Я к и н. На помощь!.. Граждане!.. Кто-нибудь...

З и н а и д а. Помогите! Кто он такой?! Разбойник! В квартире разбойник!

В передней появляется Ш п а к, прислушивается к крикам.

Ах нет! Боже мой, я поняла! Это настоящий царь! Это коке удался опыт! (Иоанну.) Умоляю, отпустите его!

И о а н н (выхватив из-под кафтана нож, кричит Якину). Молись, щучий сын!

Шпак заглядывает в дверь.

Живота или смерти, проси у боярыни!

Я к и н (хрипит). Живота...

И о а н н. Подымайся, гад!

Я к и н. Что же это такое, я вас спрашиваю? (Шпаку.) Гражданин, спасите от разбойника!

Ш п а к. Репетируете, Зинаида Михайловна?

З и н а и д а. Репе... репетируем...

Я к и н. Какая же это репе... Гражданин!

И о а н н. Что?.. Целуй руку! Учили тебя, подлеца!

Я к и н. Руку? Я не жел... Сейчас, сейчас... (Целует руку Иоанну.)

З и н а и д а (Иоанну). Умоляю вас, сядьте!

Иоанн садится.

Ш п а к. Естественно как вы играете! Какой царь типичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. Обокрали меня, Зинаида Михайловна! (Заливается слезами.)

Якин пытается скрыться.

И о а н н. Куды?

Я к и н. Я здесь, я здесь...

З и н а и д а (Шпаку). Погодите, я ничего не понимаю. Как обокрали?

Ш п а к. Начисто, Зинаида Михайловна! Я извиняюсь, граждане, никто не встречал на лестнице блондинку из Большого театра с узлами? Она и обработала... Вот какой домик у нас, Зинаида Михайловна!

И о а н н. Убиваешься, добрый человек?

Ш п а к. Гражданин артист, как же не убиваться?..

И о а н н. Чего взяли-то у тебя?

Ш п а к. Патефон, портсигар, зажигалку, часы, коверкотовое пальто, костюм, шляпу... все, что нажил непосильными трудами, все погибло!.. (Плачет.)

И о а н н. Ты чьих будешь?

Ш п а к. Я извиняюсь, чего это – чьих, я не понимаю?

И о а н н. Чей холоп, говорю?

З и н а и д а. О Боже, что сейчас будет!..

Ш п а к. Довольно странно!..

И о а н н (вынув монету). Бери, холоп, и славь царя и великого князя Ивана Васильевича!..

З и н а и д а. Не надо, что вы делаете?!

Ш п а к. Извиняюсь, что это вы все – холоп да холоп! Какой я вам холоп? Что это за слово такое?

З и н а и д а. Он пошутил!

Ш п а к. За такие шутки в народный суд влететь можно. Да не нужна мне ваша монетка, она ненастоящая.

И о а н н. Ты что же, лукавый смерд, от царского подарка отказываешься?

З и н а и д а. Это он из роли, из роли...

Ш п а к. Эта роль ругательная, и я прошу ее ко мне не применять. До свиданья, Зинаида Михайловна, и не рад, что зашел. Где Иван Васильевич? Я хочу, чтобы он засвидетельствовал жуткую покражу в моей квартире... (Уходит.)

З и н а и д а. Выслушайте меня, Карп, только умоляю вас, спокойно. Это – настоящий Иоанн Грозный... Не моргайте глазами.

Я к и н. Ваш дом, Зинаида, сумасшедший!..

З и н а и д а. Нет, это кокина работа. Я вам говорила про его машину... что он вызвать хочет не то прошлое, не то будущее... Это он вызвал из прошлого царя.

Я к и н. Бред!

З и н а и д а. Я сама близка к помешательству...

Я к и н (всмотревшись в Иоанна). Товарищи, что это такое?.. (Зинаиде.) Что? Что?! Вы правду говорите?!

З и н а и д а. Клянусь!

Я к и н. Позвольте! В наши дни, в Москве!.. Нет, это... Он же умер!

И о а н н. Кто умер?

Я к и н. Я... я не про вас это говорю... это другой, который умер... который... Доктора мне!.. Я, кажется, сошел с ума... Да ведь он же мог меня зарезать!

И о а н н. Подойди! Подойди и отвечай! Доколе же ты...

Я к и н. Аз есмь... умоляю, не хватайтесь за ножик!.. Я сплю... Зинаида, звоните куда-нибудь, спасите меня!.. За что он взъелся на меня? Где ваш муж? Пусть уберет его!

И о а н н. Ты боярыню соблазнил?

Я к и н. Я... я... Житие мое...

И о а н н. Пес смердящий! Какое житие?! Ты посмотри на себя! О, зол муж! Дьявол научиши ты долгому спанию, по сне зиянию, главоболию с похмелья и другим злостям неизмерным и неисповедимым!..

Я к и н. Пропал! Зинаида, подскажите мне что-нибудь по-славянски!.. Ваш муж не имеет права делать такие опыты!! (Иоанну.) Паки, паки... Иже херувимы!.. Ваше величество, смилуйтесь!

И о а н н. Покайся, любострастный прыщ!

З и н а и д а. Только не убивайте его!

Я к и н. Каюсь!..

И о а н н. Преклони скверную твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни...

Я к и н. С удовольствием. Вы меня не поняли!!! Не поняли!..

И о а н н. Как тебя понять, когда ты ничего не говоришь!

Я к и н. Языками не владею, ваше величество!.. Во сне это или наяву?..

И о а н н. Какая это курносая сидела у тебя?

Я к и н. Это эпизод, клянусь кинофабрикой! Зинаида Михайловна не поняла!

И о а н н. Любишь боярыню?

Я к и н. Люблю безумно!..

И о а н н. Как же ее не любить? Боярыня красотой лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союза, телом изобильна... Чего же тебе надо, собака?!

Я к и н. Ничего не надо!.. Ничего!

И о а н н. Так женись, хороняка! Князь отпускает ее.

Я к и н. Прошу вашей руки, Зина!

З и н а и д а. Вы меня не обманете на этот раз, Карп? Я так часто была обманута...

Я к и н. Клянусь кинофабрикой!

И о а н н. Клянись преподобным Сергием Радонежским!

Я к и н. Клянусь Сергием преподобным Радонежским!

И о а н н. Ну, слушай, борода многогрешная! Ежели я за тобой что худое проведу... то я тебя... я...

Я к и н. Клянусь Сергием...

И о а н н. Не перебивай царя! Понеже вотчины у тебя нету, жалую тебя вотчиной в Костроме.

Я к и н (Зинаиде). Еще минута здесь, и меня свезут в сумасшедший дом!.. Едем скорее отсюда!.. Куда-нибудь!.. Везите меня!..

З и н а и д а. Дорогой царь, нам на поезд пора.

И о а н н. Скатертью дорога!

З и н а и д а (Иоанну). Простите, что я вас беспокою... я не понимаю, как кока не догадался... Вам нельзя в таком виде оставаться здесь... вас могут увидеть...

И о а н н. О Господи, Вседержитель!.. Ведь я-то забыл, где я... Я забыл!..

З и н а и д а (берет костюм Милославского). Вы не сердитесь. Я советую вам переодеться. Не понимаю, откуда это тряпье? Карп, помогите ему.

Я к и н. Разрешите, я помогу вам. Пожалуйте за ширму.

И о а н н. Ох, бесовская одежда!.. Ох, искушение!..

Иоанн и Якин уходят за ширму.

З и н а и д а. Я пока записку напишу Николаю Ивановичу. (Пишет.)

Я к и н (за ширмой). А у вас подтяжечек нету?

И о а н н (за ширмой). Не лезь!

Я к и н. Слушаю-с...

З и н а и д а (читает). «Кока! Я возвращалась, но опять уезжаю. Он едва не зарезал Якина, тот сделал предложение. Не выписывай... Зина».

Иоанн выходит из-за ширмы в костюме Милославского. Удручен.

Вот это другое дело! Боже, до чего на нашего Буншу похож! Только очков не хватает...

Я к и н. Вот очки валяются...

З и н а и д а. Очень советую, наденьте очки. (Надевает на Иоанна очки.) Вылитый!

И о а н н (глянув в зеркало). Тьфу ты!..

З и н а и д а. Ну, позвольте вас поблагодарить... Вы очень темпераментный

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
человек!

И о а н н. Мне здесь оставаться? Ох ты, Господи!.. Как это гусли-то очарованные играют?

Я к и н. Это, изволите ли видеть, патефон...

И о а н н. Тебя не спрашивают.

Я к и н. Молчу... слушаюсь...

З и н а и д а. Очень просто, иголочку сюда, и подкрутить.

Патефон играет.

Вот видите... Вы сидите и играйте. А Кока придет, он вас выручит.

Я к и н. Что же это такое?.. У меня путаются мысли... Патефон... Кока... Иоанн Грозный...

З и н а и д а. Да перестаньте вы нервничать! Ну, Иоанн, ну, Грозный!.. Ну что тут особенного?.. Ну, до свиданья!

Я к и н. Честь имею кланяться!

И о а н н. Ехать-то далеко?

З и н а и д а. О да!

И о а н н (Якину). Жалую тебе рясу с царского плеча.

Я к и н. Зачем же?

З и н а и д а. Ах, не противоречьте ему!

Я к и н. Да, да... (Облачается в рясу.)

Зинаида берет чемодан и выходит с Якиным.

З и н а и д а (в передней). А все-таки я счастлива! Поцелуйте меня!

Я к и н. Бред!! Бред!! Бред!! Клянусь Сергием Радонежским!.. (Сбрасывает рясу и уходит с Зинаидой.)

Иоанн один. Подходит к патефону, заводит его. Пьет водку. Через некоторое время звонит телефон. Иоанн подходит, долго рассматривает трубку, потом снимает. На лице его ужас.

И о а н н (в трубку). Ты где сидишь-то? (Заглядывает под стол, крестится.)

У л ь я н а (в передней). Есть кто-нибудь? Ивана Васильевича не видели? (Стучит в дверь Тимофеева, потом входит.) Здравствуйте пожалуйста! Его весь дом ищет, водопроводчики приходили, ушли... жена, как проклятая, в магазине за селедками, а он сидит в чужой комнате и пьянствует!.. Да ты что это, одурел? Шпака ограбили, Шпак по двору мечется, тебя ищет, а он тут! Ты что же молчишь? Батюшки, во что же это ты одет?

Иоанн, отвернувшись, заводит патефон.

Да что же это такое? Вы видели что-нибудь подобное? Он угорел? Батюшки, да у него на штанах дыра сзади!.. Ты что, дрался, что ли, с кем? Ты что лицо-то отворачиваешь? Нет, ты синячищи-то покажи!

Иоанн поворачивается.

Голубчики милые!.. На кого же ты похож? Да ты же окосел от пьянства! Да тебя же узнать нельзя!

И о а н н. Ты бы ушла отсюда. А?

У л ь я н а. Как это – ушла? Ты на себя в зеркало-то погляди!.. В зеркало-то погляди!

И о а н н. Оставь меня, старушка, я в печали...

У л ь я н а. Старушка?! Как же у тебя язык повернулся, нахал? Я на пять лет тебя моложе!

И о а н н. Ну это ты врешь... Погадай мне, старая, погадай насчет шведов.

У л ь я н а. Да что же это такое? Ш п а к появляется в передней, затем входит в комнату.

Ш п а к. Да где же он? Иван Васильевич, какой же вы управдом? Вы поглядите, как мою комнату обработали!

У л ь я н а. Нет, вы полюбуйтесь на голубчика!.. Он же пьян, он же на ногах не стоит!

Ш п а к. Ай да управдом! Человека до ниточки обобрали, а он горный дубняк пьет!.. Меня артистка обворовала!..

И о а н н. Ты опять здесь? Ты мне надоел!

Ш п а к. Какие это такие слова – надоел? Нам такого управдома не нужно!..

У л ь я н а. Очнись, разбойник! Попрут тебя с должности!

И о а н н. Э, да ты ведьма! (Берет у Ульяны селедки и выбрасывает их в переднюю.)

У л ь я н а. Хулиган!

И о а н н (вооружается посохом). Ох, поучу я тебя сейчас!

У л ь я н а. Помогите!.. Муж интеллигентную женщину бьет!.. (Убегает через парадный ход.)

Шпак потрясен.

Ш п а к. Иван Васильевич, вы успокойтесь... ну, выпил нервный мужчина... я вполне понимаю. Однако я не знал, что вы такой! Я думал, что вы тихий... и, признаться, у нее под башмаком... а вы – орел!..

И о а н н. Ведьма!..

Ш п а к. Откровенно признаться, да. Вы правы. Это даже хорошо, что вы ее так... Вы с ней поостроже... Я к вам по дельцу, Иван Васильевич.

И о а н н. Тебе чего надо?

Ш п а к. Вот список украденных вещей, уважаемый товарищ Бунша. Прошу засвидетельствовать... Украли два костюма, два пальто, двое часов, два портсигара, тут записано... (Подает бумагу.)

И о а н н. Как челобитную царю подаешь? (Рвет бумагу.)

Ш п а к. Иван Васильевич... вы выпивши, я понимаю... только вы не хулиганьте...

И о а н н. Ты мне надоел! Что у тебя украли, говори!

Ш п а к. Два пате... то есть один патефон...

И о а н н. Ну, забирай патефон. Подавись. Надоел.

Ш п а к. Позвольте, как же... ведь это чужой... совершенно как мой... А впрочем,
Страница 314

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
пожалуйста!.. А остальное-то как же? Ведь надо же подписать...

И о а н н. Да я же тебе гривну давал? Ты не брал? Суцеглупый!..

Ш п а к. Вот так пьян! Какую такую гривну? Никаких вы мне денег не давали. Вы придите в себя, Иван Васильевич... Мы на вас коллективную жалобу подадим!

И о а н н. Э, да ты не уймешься, я вижу... Что в вас, в самом деле, бесы вселились?.. (Вынимает нож.)

Ш п а к. Помогите!.. Управдом жильца режет!..

Т и м о ф е е в вбегают в переднюю, потом в комнату.

Т и м о ф е е в. Что это происходит? Где он? Кто вас передел? Как вы его впустили?.. Я же вам говорил, чтобы вы не открывали!..

Ш п а к. Вы гляньте, Николай Иванович, на нашего управдома!.. Караул!.. Я в милицию!..

Т и м о ф е е в (Иоанну). Остановитесь, или мы погибнем оба!

Иоанн прячет нож.

Ш п а к (бросаясь в переднюю). Я немедленно в милицию!..

И о а н н. Князь!.. Ты его батогами с лестницы!..

Т и м о ф е е в (бросается вслед за Шпаком в переднюю). Умоляю вас, подождите!.. Это не Бунша!..

Ш п а к. Как не Бунша?

Т и м о ф е е в. Это Иоанн Грозный... настоящий царь... погодите, погодите... я нормален... умоляю, не бегите в милицию!.. Это мой опыт, моя машина времени!.. Я вызвал его... Я открываю вам тайну, вы порядочный человек!.. Не срывайте мой опыт. Скандал все погубит. Я сейчас уберу его... только примерю ключ, вот ключ... Обещайте молчать! Дайте честное слово!

Ш п а к. Позвольте, так это царь?

Т и м о ф е е в. Царь...

Ш п а к. Что делается!..

Т и м о ф е е в. Молчите, потом все объяснится, потом... Даете слово, что ни одному человеку?..

Ш п а к. Честное благородное слово.

Т и м о ф е е в. Ну, спасибо, спасибо. (Убегает в свою комнату, Иоанну.) Зачем же вы открыли двери? Я вас просил не открывать!

Шпак припадает к замочной скважине.

И о а н н. Пошто ты ему по роже не дал?

Т и м о ф е е в. Что вы, Иван Васильевич, не надо никому по роже, ради Бога!.. Тише, тише!.. Вот ключ. Сейчас примерим. (Пытается вложить ключ.) Руки дрожат... А черт, немного велик... Ну да ладно, сейчас подпилим... (Нажимает кнопки в аппарате.)

Комната Тимофеева гаснет. Освещается комната Шпака. Шпак закрывает за собой дверь.

Ш п а к. Монета-то, стало быть, настоящая была!.. Эх-эх-эх!.. (Говорит по телефону шепотом.) Милицию. Милиция? Говорит сегодняшний обокраденный Шпак... Нет, не сердитесь, я не насчет кражи. У нас тут другое дельце, почище... Инженер

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Тимофеев Иоанна Грозного в квартиру вызвал, царя... Я непьющий... С посохом...
Что делается! Даю честное слово! Ну, я сам сейчас добегу до вас, сам добегу!..

Тьма.

Занавес

Действие третье

Звон. Тьма. Освещается палата Иоанна. Б у н ш а и М и л о с л а в с к и й
влетают в палату.

М и л о с л а в с к и й. Вот черт вас возьми с этими опытами! Вот это так так!

Б у н ш а (кидаясь на стену). Товарищ Тимофеев! Товарищ Тимофеев! Как управдом я
требую немедленного прекращения этого опыта! На помощь! Куда же это мы попали?

М и л о с л а в с к и й. Перестань орать! Это нас к Иоанну Грозному занесло.

Б у н ш а. Не может быть! Я протестую!

Зловещий шум и набат.

М и л о с л а в с к и й (запирает дверь на ключ, выглядывает в окно, отчего шум
усиливается. Отскакивает). Вот попали так попали!

Б у н ш а. Это нам мерещится, этого ничего нету, Николай Иванович, вы ответите
за ваш антисоветский опыт!

М и л о с л а в с к и й. Вы дурак! Ой, как они кричат!

Б у н ш а. Они не могут кричать, это обман зрения и слуха, вроде спиритизма. Они
умерли давным-давно. Призываю к спокойствию! Они покойники.

В окно влетает стрела.

М и л о с л а в с к и й. Видали, как покойники стреляют?!

Б у н ш а. То есть... позвольте... вы полагаете, что они могут учинить над нами
насилие?

М и л о с л а в с к и й. Нет, я этого не полагаю. Я полагаю, что они нас убьют к
лешему. Что бы это сделать, братцы, а? Братцы!..

Б у н ш а. Неужели это правда? Николай Иванович, вызывайте милицию! Без номера!
Погибнуть во цвете лет!.. Ульяна Андреевна в ужасе!.. Я не сказал ей, куда
пошел... Кровь стынет в жилах!..

Грохот в дверь, голос: «Отворяй, собака!»

Кому это он?

М и л о с л а в с к и й. Вам.

Б у н ш а (в щелку двери). Попрошу не оскорблять! Я не собака! Поймите, что вас
не существует! Это опыт инженера Тимофеева!

Грохот.

От имени жильцов дома прошу, спасите меня.

Милославский открывает дверь в соседнее помещение.

М и л о с л а в с к и й. Одежа! Царская одежда! Ура, пофартило!

Голос: «Отворяй! На дым пустим палату!»

(Надевая кафтан.) Надевай скорей царский капот, а то пропадем!

Б у н ш а. Этот опыт переходит границы!

М и л о с л а в с к и й. Надевай, убую!..

Бунша надевает царское облачение.

Ура! Похож! Ей-Богу, похож! Ой, мало похож! Профиль портит!.. Надевай шапку...
Будешь царем...

Б у н ш а. Ни за что!

М и л о с л а в с к и й. Ты что же, хочешь, чтобы и меня из-за тебя ухлопали?
Садись за стол, бери скипетр... Дай зубы подвяжу, а то не очень похож... Ой,
халтура! Ой, не пройдет! У того лицо умней...

Б у н ш а. Попрошу не касаться лица!

М и л о с л а в с к и й. Молчи! Садись, занимайся государственным делом. На чем
они остановились? Царь и великий князь... повторяй... всея Руси...

Б у н ш а. Царь и великий князь всея Руси...

Дверь раскрывается, вбегают о п р и ч н и к и, и с ними Д ь я к. Остолбеневают.

М и л о с л а в с к и й (Бунше). Так вы говорите... царь и великий князь?
Написал. Запятая... Где это наш секретарь запропастился?

Пауза.

В чем дело, товарищи? Я вас спрашиваю, драгоценные, в чем дело? Какой паразит
осмелился сломать двери в царское помещение? Разве их для того вешали, чтобы вы
их ломали? (Бунше.) Продолжайте, ваше величество... челом бьет... точка с
запятой... (Опричникам.) Я жду ответа на поставленный мною вопрос. О п р и ч н и
к и (в смятении). Царь тут... царь тут...

Д ь я к. Тут царь...

М и л о с л а в с к и й. А где же ему быть? Вот что, голубчики, положи оружие!..
Не люблю этого.

Опричники бросают бердыши.

Д ь я к. (Бунше). Не вели казнить, великий государь-надежа... демоны тебя
схватили, мы и кинулись... хватъ, ан демонов-то и нету!

М и л о с л а в с к и й. Были демоны, этого не отрицаю, но они ликвидировались.
Прошу эту глупую тревогу приостановить. (Дьяку.) Ты кто такой?

Д ь я к. Федька... Дьяк посольского приказу... с царем пишем...

М и л о с л а в с к и й. Подойди сюда. А остальных прошу очистить царскую
жилплощадь. Короче говоря, все вон! Видите, вы царя напугали! Вон! (Бунше,
шепотом.) Рывки на них, а то они не слушают.

Б у н ш а. Вон!!

Опричники бросаются в ноги, потом выбегают вон. Дьяк бросается несколько раз в
ноги.

М и л о с л а в с к и й. Ну, довольно кувыркаться. Кинулся раз, кинулся два,
хватит.

Д ь я к. Не гляди на меня, аки волк на ягня... Прогневилы мы тебя,
надежа-государь!..

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
М и л о с л а в с к и й. Я думаю. Но мы тебя прощаем.

Д ь я к. Что же это у тебя, государь, зубки-то подвязаны? Али хворь приключилась?

М и л о с л а в с к и й (Бунше, тихо). Ты не молчи, как пень, однако! Я не могу один работать!

Б у н ш а. Зубы болят, у меня флюс.

М и л о с л а в с к и й. Периостит у него, не приставай к царю.

Д ь я к. Слушаю. (Бросается в ноги.)

М и л о с л а в с к и й. Федя, ты брось кланяться... Этак ты до вечера будешь падать... Будем знакомы. А ты что на меня глаза вытарачил?

Д ь я к. Не гневайся, боярин, не признаю я тебя... Али ты князь?

М и л о с л а в с к и й. Я, пожалуй, князь, да. А что тут удивительного?

Д ь я к. Да откуда ты взялся в палате-то царской? Ведь тебя не было? (Бунше.) Батюшка царь, кто же это такой? Не томи!..

Б у н ш а. Это приятель Антона Семеновича Шпака.

М и л о с л а в с к и й (тихо). Ой, дурак! Такие даже среди управдомов редко попадают... (Вслух.) Ну да, другими словами, я князь Милославский. Устраивает вас это?

Д ь я к. (впадая в ужас). Чур меня! Сгинь!..

М и л о с л а в с к и й. Что такое? Опять не слава Богу? В чем дело?

Д ь я к. Да ведь казнили тебя намедни...

М и л о с л а в с к и й. Вот это новость! Брось трепаться, как так казнили?

Б у н ш а (тихо). Ой, начинается!..

Д ь я к. Повесили тебя на собственных воротах третьего дня перед спальней, по приказу царя.

М и л о с л а в с к и й. Ай, спасибо! (Бунше.) Неувязка вышла с фамилией... Повесили меня... Выручай, а то засыплюсь. (Тихо.) Что же ты молчишь, сволочь? (Вслух.) А, вспомнил! Ведь это не меня повесили! Этого повешенного-то как звали?

Д ь я к. Ванька-разбойник.

М и л о с л а в с к и й. Ага. А я, наоборот, жорж. И этому бандиту двоюродный брат. Но я от него отмежевался. И обратно – царский любимец и приближенный человек. Ты что на это скажешь?

Д ь я к. Вот оно что! То-то я гляжу, похож, да не очень. А откуда же ты тут-то взялся?

М и л о с л а в с к и й. Э, дьяк Федя, до чего ты любопытный! Тебе бы в уголовном розыске служить! Приехал я внезапно, сюрпризом, как раз когда у вас эта мура с демонами началась... Ну, я, конечно, в палату, к царю, где и охранял ихнюю особу.

Д ь я к. Исполать тебе, князь!

М и л о с л а в с к и й. И все в порядочке!

За сценой шум.

Чего это они опять разорались? Сбегай, Федюша, узнай.

Дьяк выбегает.

Б у н ш а. Боже мой, где я? Что я? Кто я? Николай Иванович!!

М и л о с л а в с к и й. Без истерики!

Д ь я к возвращается.

Д ь я к. Опричники царя спасенного видеть желают. Радуются.

М и л о с л а в с к и й. Э, нет. Это отпадает. Некогда. Некогда. Радоваться потом будем. (Бунше.) Услать их надо немедленно куда-нибудь. Молчит, проклятый! (Вслух.) А что, Фединька, войны никакой сейчас нету?

Д ь я к. Как же это нету, кормилец? Крымский хан да шведы прямо заедают! Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!..

М и л о с л а в с к и й. Что ты говоришь? Как же это вы так допустили, а?

Дьяк бросается в ноги.

Встань, Федор, я тебя не виню. Ну, вот чего... садись, пиши царский указ. Пиши. Послать опричников выбить крымского хана с Изюмского шляха. Точку поставь.

Д ь я к. Точка. (Бунше.) Подпиши, великий государь.

Б у н ш а (шепотом). Я не имею права по должности управдома такие бумаги подписывать.

М и л о с л а в с к и й. Пиши. Ты что написал, голова дубовая? Управдом? И печать жакта приложил?.. Вот осел! Пиши: Иван Грозный. (Дьяку.) На.

Д ь я к. Вот словечко-то не разберу...

М и л о с л а в с к и й. Какое словечко? Ну, ге...ре... Грозный.

Д ь я к. Грозный?

М и л о с л а в с к и й. Что ты, Федька, цепляешься к каждому слову! Что, он не грозен, по-твоему? Не грозен? Да накричи ты, наконец, на него, великий государь, натапай ножками! Что же это он тебя не слушает?

Б у н ш а. Да как вы смеете?! Да вы!.. Да я вас!..

Д ь я к. (валясь в ноги). Узнал таперича! Узнал тебя, батюшка-царь...

М и л о с л а в с к и й. Ну, то-то. Да ты скажи им, чтобы они обратно не торопились. Какое бы им еще поручение дать? Поют потехи брани... дела былых времен... И взятие Казани... ты им скажи, чтобы они на обратном пути заодно Казань взяли... чтобы два раза не ездить...

Д ь я к. Как же это, батюшка... чтоб тебя не прогневить... Ведь Казань-то наша... ведь мы ее давным-давно взяли...

М и л о с л а в с к и й. А... Это вы поспешили... Ну, да раз взяли, так уж и быть. Не обратно же ее отдавать... Ну, ступай, и чтобы их духу здесь не было через пять минут.

Дьяк выбегает.

Ну, пошли дела кой-как. Что дальше будет, впрочем, неизвестно. Что же он не крутит свою машинку назад?

Б у н ш а. Я должен открыть вам ужасную тайну. Я с собой ключ в панике захватил. Вот он.

М и л о с л а в с к и й. Чтоб ты сдох, проклятый! Все из-за тебя, дурака! Что же

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
мы теперь будем делать? Ну, ладно, тише, дьяк идет.

Дьяк. (входит). Поехали, великий государь.

Милославский. Не удивились? Ну и прекрасно. Дальше чего на очереди?

Дьяк. Посол шведский тут.

Милославский. Давай его сюда.

Дьяк впускает шведского посла. Тот, взглянув на Буншу, вздрагивает, потом начинает делать поклоны.

Посол. Пресветлейши... вельможнейши... государ... (Кланяется.)

Бунша пожимает руку послу. Посол удивлен, делает поклон.

Дер гроссер кениг дес шведишен кенигсрейх зандте мих, зейнен трейен динер, цу инен, царь и фелики князе Иван Васильович Усарусса, дамит ди фраге фон кемска волост, ди ди румфоллвюрдиге шведише арме эроберн хат, фрейвиллиг ин орднунг бринген...

Милославский. Так, так... интурист хорошо говорит... но только хоть бы одно слово понять! Надо бы переводчика, Феденька!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин, да мы его анадысы в кипятке сварили.

Милославский. Федя, это безобразие! Нельзя так с переводчиками обращаться! (Бунше.) Отвечай ему что-нибудь... а то ты видишь, человек надрывается.

Бунша. Я на иностранных языках только революционные слова знаю, а все остальное забыл.

Милославский. Ну, говори хоть революционные, а то ты ведь никаких слов не произносишь... Как рыба на троне! (Послу.) Продолжайте, я с вами совершенно согласен.

Посол. Ди фраге фон кемска волост... шведише арме хат зи эроберн... Дер гроссер кениг дес шведишен кенигсрейхс зандте мих... унд... Дас ист зер эрнсте фраге... кемска волост...

Милославский. Правильно. Совершенно правильно. (Дьяку.) Интересно бы хоть в общих чертах узнать, что ему требуется... Так сказать, идея... смысл... Я, как назло, в шведском языке не силен, а царь нездоров...

Дьяк. Он, батюшка, по-немецки говорит. Да понять-то его немудрено. Они кемскую волость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!..

Милославский. Так чего же ты молчал? кемскую волость?

Посол. О, я... о, я...

Милославский. Да об чем разговор? Да пущай забирают на здоровье!.. Господи, я думал, что!..

Дьяк. Да как же так, кормилец?!

Милославский. Да кому это надо? (Послу.) Забирайте, забирайте, царь согласен. Гут.

Дьяк. О Господи Иисусе!

Посол (обрадован, кланяется). Канн их мих фрейцелен унд ин мейн фатерланд цурюккерен?

Дьяк. Он спрашивает, можно ли ему домой ехать?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
М и л о с л а в с к и й. А, конечно! Пускай сегодня же и едет. (Послу.) Оревуар.

П о с о л (кланяясь). Вас бефельт цар и фелики кнезе Иван Василевич ден гроссен кениг дес Шведенс хинтербринген?

Д ь я к. Он спрашивает: чего королю передать?

М и л о с л а в с к и й. Мой пламенный привет.

Б у н ш а. Я не согласен королю пламенные приветы передавать. Меня общественность загрызет.

М и л о с л а в с к и й. Молчи, бузотер. (Обнимает посла, и у того с груди пропадает драгоценный медальон.) Ауфвидерзеен. Королю кланяйтесь и скажите, чтобы пока никого не присылал. Не надо. Нихтс.

Посол, кланяясь, уходит с Дьяком.

Приятный человек. Валюты у него, наверно, в кармане, воображаю!..

Б у н ш а. Я изнемогаю под тяжестью государственных преступлений, которые мы совершили. О Боже мой! Что теперь делает несчастная Ульяна Андреевна? Она, наверно, в милиции. Она плачет и стонет, а я царствую против воли... Как я покажусь на глаза общему нашему собранию?

Д ь я к входит и ищет что-то на полу.

М и л о с л а в с к и й. Ты чего, отец, ползаешь?

Д ь я к. Не вели казнить, государь... Посол королевский лик с груди потерял... на нем алмазы граненые...

М и л о с л а в с к и й. Нельзя быть таким рассеянным.

Д ь я к. Вошел сюда – был, а вышел – нету...

М и л о с л а в с к и й. Так всегда и бывает. В театрах это постоянно в буфете. Смотреть надо за вещами, когда в комнатуходишь. Да отчего ты так на меня таращишься? Уж не думаешь ли ты, что я взял?

Д ь я к. Что ты, что ты?!

М и л о с л а в с к и й (Бунше). Ты не брал?

Б у н ш а. Может быть, за трон завалился? (Ищет.)

М и л о с л а в с к и й. Ну, нету! Под столом еще посмотри. Нету и нету.

Д ь я к. Ума не приложу... вот горе! (Уходит.)

Б у н ш а. Происшествия все ужаснее и ужаснее. Что бы я отдал сейчас, чтобы лично явиться и заявить о том, что я нашелся. Какое ликование поднялось бы!

Д ь я к. (входит). Патриарх тебя видеть желает, государь. Радуется.

Б у н ш а. Чем дальше, тем хуже!

М и л о с л а в с к и й. Скажи ему, что мы просим его сюда в срочном порядке.

Б у н ш а. Что вы делаете? В присутствии служителя культа я не могу находиться в комнате, я погиб.

Колокольный звон. Входит П а т р и а р х.

П а т р и а р х. Здравствуй, государь, нынешний год и впредь идущие лета!
Вострубим, братие, в златокованные трубы! Царь и великий князь яви нам зрак и

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
образ красен! Царь, в руках демонов побывавший, возвращается к нам. Поддай же тебе, Господи, самсонову силу, александрову храбрость, соломонову мудрость и кротость давидову! Да ты славят все страны и всякое дыхание человеке и ныне, и присно, и во веки веков!

М и л о с л а в с к и й (аплодируя). Bravo! Аминь! Ничего не в силах прибавить к вашему блестящему докладу, кроме одного слова – аминь!

Хор запел многолетие. Милославский отдает честь, поет что-то веселое и современное.

(Бунше.) Видишь, как тебя приветствуют! А ты хныкал!.. (Патриарху.) Воистину воскресе, батюшка! (Обнимает Патриарха, причем у того с груди пропадает панагия.) Еще раз благодарю вас, батюшка, от царского имени и от своего также благодарю, а затем вернитесь в собор, к вашим угодникам. Вы совершенно и абсолютно свободны, в хоре надобности тоже нет. А в случае чего-нибудь экстренного мы вас кликнем. (Провожает Патриарха до дверей, отдавая ему честь.)

Патриарх уходит с Дьяком. Д ь я к тотчас вбегает в смятении обратно.

Чего еще случилось?

Д ь я к. Ох, поношение! У Патриарха панагию с груди...

М и л о с л а в с к и й. Неужто сперли?

Д ь я к. Сперли!

М и л о с л а в с к и й. Ну уж, это мистика какая-то! Что же это у вас делается, ась?

Д ь я к. Панагия – золота на четыре угла, яхонт лазоревый, два изумруда...

М и л о с л а в с к и й. Это безобразие!

Д ь я к. Что делать прикажешь, князь? Уж мы воров и за ребра вешаем, а все извести их не можем.

М и л о с л а в с к и й. Ну зачем же за ребра вешать? Уж тут я прямо скажу, что я против. Это типичный перегиб. С ворами, Федя, если хочешь знать, надо обращаться мягко. Ты ступай к Патриарху и как-нибудь так поласковее с ним... утешь его... Что он, очень расстроился?

Д ь я к. Столбом стоит.

М и л о с л а в с к и й. Ну, оно понятно. Большие потрясения от этого бывают. Уж кому-кому, а мне приходилось видеть в театрах...

Дьяк выбегает.

Б у н ш а. Меня начинают терзать смутные подозрения. У Шпака – костюм, у посла – медальон, у Патриарха – панагия...

М и л о с л а в с к и й. Ты на что намекаешь? Не знаю, как другие, а я лично ничего взять не могу. У меня руки так устроены... ненормально. Мне в пяти городах снимки с пальцев делали... ученые... и все начальники единогласно утверждают, что с такими пальцами человек присвоить чужого не может. Я даже в перчатках стал ходить, так мне это надоело.

Д ь я к. (входит). Татарский князь Едигей к государю.

М и л о с л а в с к и й. Э, нет! Этак я из сил выбьюсь. Объявляю перерыв на обед.

Д ь я к. Царь трапезовать желает.

Тотчас с т о л ь н и к и вносят кушанья, за столыниками появляются г у с л я р ы.

Б у н ш а. Это сон какой-то!..

М и л о с л а в с к и й (Дьяку). Это что?

Д ь я к. Почки заячьи верченые да головы щучьи с чесноком... икра, кормилец. Водка анисовая, приказная, кардамонная, какая желаешь.

М и л о с л а в с к и й. Красота!.. Царь, по стопочке с горячей закуской!.. (Пьет.) Ко мне, мои тиуны, опричники мои!..

Бунша пьет.

Д ь я к. Услали же, батюшка-князь, опричников!

М и л о с л а в с к и й. И хорошо сделали, что услали, ну их в болото! Без отвращения вспомнить не могу. Манера у них сейчас рубить, крошить! Секиры эти... Бандиты они, Федя. Простите, ваше величество, за откровенность, но опричники ваши просто бандиты! Вотр сантэ!

Б у н ш а. Вероятно, под влиянием спиртного напитка нервы мои несколько успокоились.

М и л о с л а в с к и й. Ну, вот. А ты, Федя, что ты там жмешься возле почек? Ты выпей, Федюня, не стесняйся. У нас попросту. Ты мне очень понравился. Я бы без тебя, признаться, как без рук был. Давай с тобой на брудершафт выпьем. Будем дружить с тобой, я тебя выучу в театр ходить... Да, ваше величество, надо будет театр построить.

Б у н ш а. Я уже наметил кое-какие мероприятия и решил, что надо будет начать с учреждения жактов.

М и л о с л а в с к и й. Не велите казнить, ваше величество, но, по-моему, театр важнее. Воображаю, какая сейчас драка на Изюмском шляхе идет! Как ты думаешь, Федя? Что, у вас яхонты в магазины принимают?

Д ь я к. Царица к тебе, великий государь, видеть желает.

Б у н ш а. Вот тебе раз! Этого я как-то не предвидел. Боюсь, чтобы не вышло недоразумения с Ульяной Андреевной. Она, между нами говоря, отрицательно к этому относится. А впрочем, ну ее к черту, что я ее, боюсь, что ли?

М и л о с л а в с к и й. И правда.

Бунша снимает повязку.

Повязку это ты зря снял. Не царская, говоря откровенно, у тебя физиономия.

Б у н ш а. Чего? Попрошу вас?! С кем говоришь?

М и л о с л а в с к и й. Молодец! Ты бы раньше так разговаривал!

Появляется Ц а р и ц а, и Бунша надевает пенсне.

Ц а р и ц а (в изумлении). Пресветлый государь, княже мой и господин! Дозволь рабыне твоей, греемой милостью твоею...

Б у н ш а. Очень рад. (Целует руку царицы.) Очень рад познакомиться. Позвольте вам представить: дьяк... и гражданин Милославский. Прошу вас к нашему столику.

М и л о с л а в с к и й. Ты что плетешь? Сними, гад, пенсне.

Б у н ш а. Но-но-но! Человек! Почки один раз царице! Простите, ваше имя-отчество не Юлия Владимировна?

Ц а р и ц а. Марфа Васильевна я...

Б у н ш а. Чудесно, чудесно!

М и л о с л а в с к и й. Вот разошелся! Э-ге-ге! Да ты, я вижу, хват! Вот так тихоня!

Б у н ш а. Рюмку кардамонной, Марфа Васильевна.

Ц а р и ц а (хихикая). Что вы, что вы...

Б у н ш а. Сейчас мы говорили на интереснейшую тему. Вопрос об учреждении жактов.

Ц а р и ц а. И все-то ты в трудах, все в трудах, великий государь, аки пчела!

Б у н ш а. Еще рюмку, под щучью голову.

Ц а р и ц а. Ой, что это вы...

Б у н ш а (Дьяку). Вы что на меня так смотрите? Я знаю, что у тебя на уме! Ты думаешь, уж не сын ли я какого-нибудь кучера или кого-нибудь в этом роде? Сознавайся!

Дьяк валится в ноги.

Нет, ты сознавайся, плут... Какой там сын кучера? Это была хитрость с моей стороны. (Царице.) Это я, уважаемая Марфа Васильевна, их разыгрывал. Что? Молчать! (Дьяку.) Скажите, пожалуйста, что у вас, нет отдельного кабинета?

М и л о с л а в с к и й. Милые! Да он нарезался! Да ведь как быстро, как ловко! Надо спасать положение. (Гуслярам.) Да что вы, граждане, молчите? Гряньте нам что-нибудь.

Гусляры заиграли и запели.

Г у с л я р ы (поют). А не сильная туча затучилась... А не сильные громы грянули... Куда едет собака крымский царь...

Б у н ш а. Какая это собака? Не позволю про царя такие песни петь! Он хоть и крымский, но не собака! (Дьяку.) Ты каких это музыкантов привел? Распустились здесь без меня!

Дьяк валится в ноги.

М и л о с л а в с к и й. Что, Федюша, у вас нарзану нету?

Б у н ш а. Пускай они румбу играют!

Г у с л я р ы. Ты, батюшка, только скажи, как это... а мы перейдем... мы это сейчас...

Бунша напевает современный танец. Гусляры играют его.

Б у н ш а (Царице). Позвольте вас просить на один тур, Юлия Васильевна.

Ц а р и ц а. Ой, срамота! Что это ты, батюшка-царь...

Б у н ш а. Ничего, ничего. (Танцует с Царицей.)

Дьяк рвет на себе волосы.

М и л о с л а в с к и й. Ничего, Федя, не расстраивайся! Ну, перехватил царь, ну, что такого... с кем не бывало! Давай с тобой! (Танцует с Дьяком.)

Набат и шум. Гусляры замолчали.

Это мне не нравится, что еще такое?

Дьяк выбегает, потом возвращается.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дьяк. Беда, беда! Опричники взбунтовались, сюда едут! Кричат, что царь
ненастоящий. Самозванец, говорят!

Царьца. Ох-ти мне, молодой! С ненастоящим плясала... Ох, чернеческий чин
наложат!.. Ой, погибель моя!.. (Убегает.)

Милославский. Как, опричники? Они же на Изюмский шлях поехали!

Дьяк. Не доехали, батюшка. Смутили их. От заставы повернули.

Милославский. Какой же гад распространил этот гнусный слух?

Дьяк. Патриарх, батюшка, патриарх.

Милославский. Дорогой самодержец, мы пропали!

Бунша. Я требую продолжения танца! Как пропали? Граждане, что делать?

Гусляры исчезают вместе с Дьяком.

Николай Иванович, спасите!

Шум ближе. Звон. Тьма. Свет. Стенка распадается, и рядом с палатой появляется
комната Тимофеева.

Тимофеев. Скорее, Иван Васильевич!

Иоанн (застегивая царское облачение). Слава тебе Господи!

Тимофеев. Вот они, живы!

Милославский. Живы, живы! (Бунше.) Вали, вали, вали! (Вбегает с
Буншей к Тимофееву.)

Иоанн (при виде Бунши). Ой, сгинь, пропади!

Милославский. Временно, временно, отец, не волнуйся!

Иоанн вбегает в палату.

Иван Васильевич! Имейте в виду, что мы шведам Кемскую волость отдали! Так что
все в порядке!

Иоанн. Шведам – Кемь? Да как же вы смели, щучьи вы дети?!

В палату вбегают Опричники Дьяк.

Шведам – Кемь? А ты, лукавый дьяк, куда смотрел?

Дьяк валится в ноги. Иоанн в ярости валит Дьяка на аппарат. Дьяк тотчас
вскакивает, бросается в палату. Тьма. Свет. Палаты нет.

Тимофеев. Аппарат мой! Аппарат! Раздавили! Что вы наделали? Зачем вы его
разозлили?.. Погибло мое изобретение!

В передней появляются млиция и Шпак.

Шпак. Вот они, товарищи начальники, гляньте!

Тимофеев. Ах ты, подлец!

Млиция. Эге!.. (Бунше.) Вы – царь? Ваше удостоверение личности,
гражданин.

Бунша. Каюсь, был царем, но под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева.

Милославский. Что вы его слушаете, товарищи! Мы с маскарада, из парка
культуры и отдыха мы. (Снимает боярское облачение.)

Бунша снимает царское облачение. На груди Милославского – медальон и панагия.

Б у н ш а. Оправдались мои подозрения! Он патриарха обокрал и шведского посла!

Ш п а к. Держите его! Мой костюм!

М и л и ц и я. Что же вы, гражданин, милицию путаете? Они воры?

Ш п а к. Воры, воры! Они же крадут, они же царями притворяются!

Появляется У л ь я н а А н д р е е в н а.

У л ь я н а. Вот он где! Что это, замели тебя? Дождлся, пьяница!

Б у н ш а. Ульяна Андреевна! Чистосердечно признаюсь, что я царствовал, но вам не изменил, дорогая Ульяна Андреевна! Царицей соблазняли, дьяк свидетель!

У л ь я н а. Какой дьяк? Что ты порешь, алкоголик? Какой он царь, товарищи начальники! Он – управдом!

Т и м о ф е е в. Молчите все! Молчите все! Мой аппарат, моя машина погибла! А вы об этих пустяках... Да, это я, я сделал опыт, но нужно же такое несчастье на каждом шагу... явился этот болван управдом и ключ утащил с собой! Старый рамоли, князь-развалина... и этот разозлил Ивана Грозного! И вот нет моего аппарата! А вы об этой ерунде!

М и л и ц и я. Вы кончили, гражданин?

Т и м о ф е е в. Кончил.

М и л и ц и я (Милославскому). Ваше удостоверение?

М и л о с л а в с к и й. Ну, чего удостоверение? Что же удостоверение? Милославский я, Жорж.

М и л и ц и я (радостно). А! Так вы в Москве, стало быть?

М и л о с л а в с к и й. Не скрою. Прибыл раньше времени.

М и л и ц и я. Ну-с, пожалуйста все в отделение.

Б у н ш а. С восторгом предаюсь в руки родной милиции, надеюсь на нее и уповаю.

М и л о с л а в с к и й. Эх, Коля, академик! Не плачь! Видно, уж такая судьба! А насчет панагии, товарищи, вы не верьте, это мне патриарх подарил.

Милиция выводит всех из квартиры. В ту же минуту гаснет свет в комнате Тимофеева. Радостный голос в рупоре в передней: «Слушайте продолжение „Псковитянки“». И тотчас грянули колокола и заиграла хриплая музыка. Комната Тимофеева освещается.

Т и м о ф е е в спит в той самой позе, как заснул в первом акте.

Т и м о ф е е в. Скорей, скорей, Иван Васильевич... Фу, черт, да я заснул! Боже, какая ерунда приснилась... Аппарат-то цел? Цел. Батюшки, меня жена бросила... Да нет, это во сне. Слава Богу, во сне. А вдруг... Косинус... черт, надоел мне с колоколами...

Передняя освещается. Входит З и н а и д а.

З и н а и д а. Коля, это я.

Т и м о ф е е в. Зиночка, ты!

З и н а и д а. Ты так и не ложишься? Колька, ты с ума сойдешь, я тебе говорю. Я тебе сейчас дам чаю, и ложись... Нельзя так работать.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Т и м о ф е е в. Зина, я хотел тебя спросить... видишь ли, я признаю свою вину... я действительно так заработался, что обращал мало внимания на тебя в последнее время... Косинус... ты понимаешь меня?

З и н а и д а. Ничего не понимаю.

Т и м о ф е е в. Ты где сейчас была?

З и н а и д а. На репетиции.

Т и м о ф е е в. Скажи мне, только правду. Ты любишь Якина?

З и н а и д а. Какого Якина?

Т и м о ф е е в. Не притворяйся. Очень талантлив... ему действительно дадут квартиру? Ну, словом, он ваш кинорежиссер.

З и н а и д а. Никакого Якина-режиссера нету у нас.

Т и м о ф е е в. Правда?

З и н а и д а. Правда.

Т и м о ф е е в. А Молчановского нету?

З и н а и д а. И Молчановского нету.

Т и м о ф е е в. Ура! Это я пошутил.

З и н а и д а. Я тебе говорю, ты с ума сойдешь!

Стук в дверь.

Да, да!

Вбегает Ш п а к.

Т и м о ф е е в. Антон Семенович, мне сейчас приснилось, что вас обокрали...

Ш п а к (заливаясь слезами). Что приснилось? Меня действительно обокрали!

Т и м о ф е е в. Как?

Ш п а к. Начисто. Пока был на службе. Патефон, портсигар, костюм! Батюшки! И телефонный аппарат срезали!.. Зинаида Михайловна, позвольте позвонить. Батюшки! (Бросается к телефону.) Милицию! Где наш управдом?

З и н а и д а (распахнув окно, кричит). Ульяна Андреевна! Где Иван Васильевич? Шпака обокрали!

В радиорупоре сильнее грянула музыка.

Занавес

Конец

Зойкина квартира

Трагический фарс в трех актах

Действующие лица

З о й к а.

А б о л ь я н и н о в.

А м е т и с т о в.

М а н ю ш к а.

П о р т у п е я.

Г а н д з а л и н.

Х е р у в и м.

А л л а.

Г у с ь.

Л и з а н ь к а.

М а р ь я н и к и ф о р о в н а.

М а д а м И в а н о в а.

Р о б б е р.

М е р т в о е т е л о.

З а к р о й щ и ц а.

Ш в е я.

П е р в а я д а м а.

В т о р а я д а м а.

Т р е т ь я д а м а.

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й.

Т р е т и й н е и з в е с т н ы й.

Ч е т в е р т ы й н е и з в е с т н ы й.

Действие происходит в Москве в 20-х годах XX столетия.

Акт первый

Видны передняя, гостиная и спальня в квартире Зои. В окнах пылает майский закат. За окнами двор громадного дома играет, как страшная музыкальная табакерка. Граммофон поет: «На земле весь род людской...» Кто-то кричит: «Покупаем примуса!» Другой: «Точить ножи-ножницы!..» Третий: «Самовары паяем!..» Граммофон: «Чтит один кумир священный...» Изредка гудит трамвай. Редкие автомобильные сигналы. Адский концерт. Вот он несколько стихает, и гармоника играет веселую польку.

З о я (переодеваясь у зеркального шкафа, напевает эту польку). Пойдем, пойдем, ангел милый... Есть бумажка!.. Я достала... Есть бумажка...

М а н ю ш к а (внезапно появившись). Зоя Денисовна! Портупея к нам влез!

З о я (шепотом.). Гони его, гони! Скажи, что меня дома нет!

М а н ю ш к а. Да он, проклятый, по черному ходу...

З о я. Выставь, выставь! Скажи, что я ушла. (Прячется в зеркальный шкаф.)

П о р т у п е я (появился внезапно). Зоя Денисовна, вы дома?

М а н ю ш к а. Да нету ее, я вам говорю, нету. И что это вы, товарищ Портупея, прямо в спальню к даме!

П о р т у п е я. При советской власти спален не полагается. Может, и тебе еще отдельную спальню отвести? Когда она придет?

М а н ю ш к а. Откуда я знаю? Она мне не докладается.

П о р т у п е я. Небось к своему хахалю побежала?

М а н ю ш к а. Какие вы невоспитанные, товарищ Портупея. Про кого это вы говорите?

П о р т у п е я. Ты, Марья, дурака не валяй! Ваши дела нам хорошо известны. В домкоме все как на ладони. Домком – око недреманное. Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены.

М а н ю ш к а. Шли бы вы отсюда, Анисим Зотикович, что это вы в спальню залезли?

П о р т у п е я. Ты видишь, что я с портфелем? С кем разговариваешь? Значит, я всюду могу проникнуть. Я лицо должностное, неприкосновенное. (Пытается обнять Манюшку.)

М а н ю ш к а. Вот я вашей супруге скажу, она вам все должностное лицо в кровь издерет!

П о р т у п е я. Да постой ты, юла!

З о я (в шкафу). Портупея, вы – свинья!

М а н ю ш к а. Ах! (Убегает.)

З о я (выйдя из шкафа). Хорош председатель домкома! Очень хорош!

П о р т у п е я. Я думал, вас в самом деле нету. Что ж она врет? И какая вы, Зоя Денисовна, хитрая...

З о я. Неделикатный вы фрукт, Портупея! Гадости, во-первых, говорите. Что значит хахаль? Это про Павла Федоровича?

П о р т у п е я. Я человек простой, в университете не был.

З о я. Жаль. Во-вторых, я не одета, а вы в спальне торчите. А в-третьих, меня дома нет.

П о р т у п е я. Как это нет? Довольно странно!

З о я. Коротко – зачем я вам понадобилась? Опять уплотнение?

П о р т у п е я. Само собой. Вы – одна, а комнат шесть.

З о я. Как одна? А Манюшка?

П о р т у п е я. Манюшка – прислуга, она при кухне шестнадцать аршин имеет.

З о я. Манюшка!

М а н ю ш к а (появилась). Что, Зоя Денисовна?

З о я. Ты кто?

М а н ю ш к а. Ваша племянница, Зоя Денисовна.

П о р т у п е я. Как же ты Зою Денисовну называешь?

М а н ю ш к а. Ма тант.

П о р т у п е я. Ах, дрянь девка!

З о я. Можешь идти, Манюшка.

Манюшка упорхнула.

П о р т у п е я. Так, Зоя Денисовна, нельзя. Что вы мне вола вертите! Манюшка племянница!.. Такая же она вам племянница, как я вам тетка!

З о я. Портупея, вы грубиян!

П о р т у п е я. Первая комната тоже пустует!

З о я. Простите, он в командировке.

П о р т у п е я. Да что вы мне рассказываете, Зоя Денисовна? Его в Москве вовсе нету! Скажем объективно, подбросил вам бумажку из Фарфор-треста и смылся из Москвы! Мифическая личность! А мне из-за вас общее собрание такую овацию сделало, что я еле ноги унес!

З о я. Чего же хочет эта шайка?

П о р т у п е я. Это вы про кого?

З о я. А про общее собрание.

П о р т у п е я. Ну, знаете, Зоя Денисовна, будь другой кто на моем месте...

З о я. В том-то и дело, что вы на своем месте, а не кто-нибудь другой.

П о р т у п е я. Постановили вас уплотнить, а половина орет, чтоб вовсе вас выселить!

З о я. Выселить? (Показывает шиш.)

П о р т у п е я. Это как же понимать?

З о я. Это как шиш понимаете.

П о р т у п е я. Ну ладно! Вот чтоб мне сдохнуть, если я вам завтра рабочего не вселю! Посмотрим, как вы ему шиши крутить будете! Прощенья просим. (Пошел.)

З о я. Портупея, дайте-ка справочку. Почему это у нас в доме жилтоварищества мсье Гусь-Багажный один занял в бельэтаже семь комнат?

П о р т у п е я. Извиняюсь, Гусь квартиру по контракту взял. Он нам весь дом отапливает.

З о я. Простите за нескромный вопрос: сколько лично он вам дал, чтобы квартиру у Фирсова перебить?

П о р т у п е я. Зоя Денисовна, полегче, я лицо ответственное!

З о я (шепотом). Во внутреннем кармане жилетки у вас червонцы лежат. Серия Бэ-Эм, первый номер – 425900, проверьте.

Портупея расстегнулся, достал деньги, оторопел.

Але-гоп!

П о р т у п е я. Вы, Зоя Денисовна, с нечистой силой знаете, я давно уже это заметил.

Пауза.

З о я. Итак, Манюшку и мифическую личность отстоять.

П о р т у п е я. Верьте совести, Зоя Денисовна, Манюшку – невозможно, весь дом знает, что прислуга.

З о я. Ну, хорошо, верю. На одного человека самоуплотнюсь.

П о р т у п е я. А остальные–то комнаты как же?

З о я (вынув бумагу). Нате.

П о р т у п е я (читает). «Сим разрешается гражданке Пельц открыть показательную пошивочную мастерскую и школу...» Ого-го! «...для шитья прозодежды для жен рабочих и служащих... дополнительная площадь...» Елки–палки! Это Гусь выправил документик?

З о я. Ах, не все ли равно? Ну, вот что, уважаемый товарищ, копию этой штуки вашим бандитам, и – кончено, меня нет!

П о р т у п е я. Ну уж конечно, с такой бумажкой это проще ситуация!

З о я. Кстати, дали мне сегодня у Мюра пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Посмотрите, вы ведь спец по червонцам.

П о р т у п е я. Ах, язык! (Смотрит.) Хорошая бумажка.

З о я. А я говорю, фальшивая. Возьмите эту гадость и выбросьте.

П о р т у п е я. Ладно, выбросим.

З о я. Ну, дорогой мой, марш, мне надо одеваться.

П о р т у п е я (пошел). Только вы уж сегодня решите, кем самоуплотнитесь, я найду попозже.

З о я. Ладно.

Где-то заиграл рояль и голос запел: «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной...»

П о р т у п е я (остановившись у двери, глухо и тоскливо). Это что ж выходит, Гусь червонцы выдает, а номера записывает?

З о я. А вы думали?..

Портупеея выходит печальный через гостиную в переднюю, и в то же время появляется А б о л ь я н и н о в. Вид его ужасен.

А б о л ь я н и н о в. Зойка, можно? (Бросает шляпу и трость.)

З о я. Павлик! Конечно, можно. Что, Павлик, опять?

А б о л ь я н и н о в. Я не могу бороться с собой... К китайцу пошлите, к китайцу... я умоляю...

З о я. Ну, хорошо, хорошо... (Кричит.) Манюшка!

М а н ю ш к а появилась.

Павел Федорович нездоров, лети сейчас же к китайцу!

Тьма. Квартира Зои исчезает. Возникает мерзкая подвальная комната, освещенная керосиновой лампочкой. Белье на веревках. Г а н д з а л и н над горячей спиртовкой. Перед ним – Х е р у в и м.

Г а н д з а л и н. Ты зулик китайский, бандит! Цусуцю украл, кокаин украл, где

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
пропадал? Как верить тебе, кто?

Х е р у в и м. Мала-мала молци! Сама бандита есть!

Г а н д з а л и н. Уходи сейчас из працесной, ты вор!

Х е р у в и м. Сто? Гониси бедний китайси? Сто? Мне украли цесуцу на Светном бульвале, кокаин отбил банди, мала-мала меня убивал, смотли! (Показывает шрам.) Я тебе лаботал, а ты гониси! Сто кусать будет бедний китайси в Москве? Палахой товалищ! Убить тебе нада.

Г а н д з а л и н. Замалси! Ты если убивать будись, тебе коммунистая полисия забелет! Ты узнаись!

Пауза.

Х е р у в и м. Сто? Помосники гонись? Я тебе на волотах повесусь!

Пауза.

Г а н д з а л и н. Ты красть, воровать будесь?

Х е р у в и м. Нет, нет!

Г а н д з а л и н. Кази, ий-Богу.

Х е р у в и м. Ий-Богу.

Г а н д з а л и н. Кази ий-Богу исе.

Х е р у в и м. Ий-Богу, Богу Госсопади!

Г а н д з а л и н. Надивай халат, будиси работать!

Х е р у в и м. Голодний, не ел два дня, дай хлепса.

Г а н д з а л и н. Бери хлепса на пецке.

Стук.

Кто, кто, кто?

М а н ю ш к а (за дверью). Открывай, Газолин, свои.

Г а н д з а л и н. Аа, Мануска. (Открывает дверь.)

М а н ю ш к а (входит). Чего ж ты закрываешься? Хороша прачечная, не достучишься!

Г а н д з а л и н. А, Мануска, здрасти, здрасти!

М а н ю ш к а. Ну, Газолин, идем к нашим, Абольянинов опять заболел.

Г а н д з а л и н. Моя не мозет сицас ийти, я тебе дам лекалство.

М а н ю ш к а. Нет, уж ты сам пойди, при них распусти, а то говорят, что ты у себя жидко делаешь.

Х е р у в и м. Сто? Молфий?

Гандзалин говорит что-то по-китайски. Херувим отвечает по-китайски.

Г а н д з а л и н. Мануска, он пойдет, сделает сто нада.

М а н ю ш к а. А он умеет?

Г а н д з а л и н. Умеит, не бойси. (Достает из угла коробочку, дает ее Херувиму, говорит по-китайски.)

Х е р у в и м. Сто ты усись меня? Идем, деуска.

Г а н д з а л и н (Херувиму). Ты пирилицно себя веди, пяти рубли приноси. Ты смотли!

Х е р у в и м. Сто муциси бедни китайси!

М а н ю ш к а. Что ты его бранишь? Он тихий, как херувимчик!

Г а н д з а л и н. Он херувимчик, бандит!

М а н ю ш к а. Ну, прощай, Газолин!

Г а н д з а л и н. До свидания, Мануска! А када за меня замус пойдешь?

М а н ю ш к а. Ишь! Разве я тебе обещала?

Г а н д з а л и н. А, Мануска! А кто говорил?

М а н ю ш к а. Ручку поцелуй даме, а в губы не лезь! Идем! (Выходит с Херувимом.)

Г а н д з а л и н. Хоросая деуска Мануска! Вкусная деуска Мануска! (Напевает грустно по-китайски.)

Гаснет лампочка и спиртовка. Тьма. Прачечная исчезает. Появляется спальня, гостиная и передняя Зои. В спальне – А б о л ь я н и н о в, Х е р у в и м и З о я. Херувим гасит спиртовку. Абольянинов застегивает манжету, поправляет рукав, оживает.

А б о л ь я н и н о в (Херувиму). Сколько тебе следует, любезный китаец?

Х е р у в и м. Семи рубли.

З о я. Почему семь, а не пять? Разбойники!

А б о л ь я н и н о в. Пусть, Зоя, пусть! Он достойный китаец! (Хлопает себя по карманам.)

З о я. Я заплачу, Павлик, погодите. (Дает деньги Херувиму.)

Х е р у в и м. Спасибо...

А б о л ь я н и н о в. Обратите, Зоя, внимание, как он улыбается! Совершенный херувим! Талантливый китаец!..

Х е р у в и м. Таланта мала-мала... (Интимно.) Хоцис, я тебе каздый день пиноносить буду? Ты Гандзалин не говори... Все имеим – молфий, спилт... Хоцись, красивый рисовать будем? (Открывает грудь, показывает татуировку – дракон, становится странен и страшен.)

А б о л ь я н и н о в. Поразительно! Зойка, посмотрите!

З о я. Какой ужас! Ты сам это делал?

Х е р у в и м. Сама. В Санхае делал.

А б о л ь я н и н о в. Слушай, мой Херувим, ты можешь к нам приходиться каздый день? Я нездоров, мне нужно лечиться морфием. Ты будешь приготавливать раствор, идет?

Х е р у в и м. Идет.

З о я. Павлик, осторожнее, может быть, это какой-нибудь бродяга.

А б о л ь я н и н о в. Что вы, нет!.. У него на лице написано, что он добродетельный человек из Китая. Ты не партийный, послушай, китаец?

Х е р у в и м. Мы белие стираем.

З о я. Белье? Ты приходи через час, я с тобой условлюсь, будешь гладить у меня для мастерской.

Х е р у в и м. Ладано...

З о я. Манюшка, проводи китайца!

М а н ю ш к а (появилась). Пожалте. (Идет с Херувимом в переднюю.)

Абольянинов открывает штору в спальне, и показывается вечер над Москвой. Первые огни. Шум – глуше. Голос начал: «Напоминают мне оне...» – и угас.

Х е р у в и м (в передней). До свидани, Мануска, я через час приходить буду. Я, Мануска, каздый день приходить буду, я Абольяну на слузбу поступил.

М а н ю ш к а. На какую службу?

Х е р у в и м. Лекалство пиноносить буду. Поцелуй меня, Мануска!

М а н ю ш к а. Обойдется, пожалте... (Открывает дверь.)

Х е р у в и м (таинственно). Я када богатый буду, ты миня целовать будиси. Богатый, красивый...

М а н ю ш к а. Иди, иди с Богом...

Херувим уходит.

М а н ю ш к а. До чего оригинальный!

А б о л ь я н и н о в (у окна в спальне). «Напоминают мне оне...»

З о я. Павлик, я достала бумагу. (Пауза.) Граф, что же вы не отвечаете даме?

А б о л ь я н и н о в. Простите, задумался. Пожалуйста, не называйте меня графом.

З о я. Почему?

А б о л ь я н и н о в. Сегодня приходит какой-то в охотничьих сапогах, говорит: «Вы – бывший граф»...

З о я. Ну?

А б о л ь я н и н о в. Бросил окурк на ковер... Я поехал к вам, еду в трамвае мимо зоологического и вижу надпись: «Демонстрируется бывшая курица». Спрашиваю у сторожа: а кто она теперь? Он отвечает: «Теперь она петух». Ничего не понимаю...

З о я. Ах, Павлик, Павлик... (Пауза.) Ну, Павлик, отвечайте решительно, согласны ли вы на (шепотом) предприятие?

А б о л ь я н и н о в. Мне все равно теперь... согласен. Я не могу больше видеть бывших кур! Вон отсюда какой угодно ценой!

З о я. О, да, вы таете здесь! Я увезу вас в Париж! К Рождеству мы будем иметь миллион франков, я вам ручаюсь!

А б о л ь я н и н о в. Но как же нам удастся выбратсья?

З о я. Гусь поможет!

А б о л ь я н и н о в. Бывший гусь!.. Он представляется мне всемогущим!.. У меня жажда, Зоя. Нет ли у вас пива?

З о я. Манюшка!

М а н ю ш к а появилась.

Купи пива!

М а н ю ш к а. Сейчас я принесу. (Упорхнула в столовую, оттуда в переднюю, там накинула на себя платок и вышла, забыв закрыть за собой дверь.)

А б о л ь я н и н о в. А мне вдруг стало страшно... Вы не боитесь, что нас накроют?

З о я. Умно будем действовать – не накроют. Пойдем-ка, Павлик, к мифической личности, я не хочу здесь разговаривать, окно открыто. (Уходит с Абольяниновым через гостиную в дверь и закрывает ее за собой.)

Глухо послышались за этой дверью голоса Абольянинова и Зои. Где-то во дворе глупый и тонкий голос запел: «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал. Шел по улице...»

А м е т и с т о в (входит в переднюю). «...малютка... (Печально.) Посинел и весь дрожал!» (Ставит измызганный чемодан на пол, оглядывается. Аметистов в рваных штанах, в засаленном френче, в кепке, с каким-то медальоном на груди.) Фу, черт тебя возьми! Отхлопать с Курского вокзала четыре версты с чемоданом – тоже номер, я вам доложу! Сейчас пива следовало бы выпить! Эх, судьба ты моя горемычная, затащила ты меня опять в пятый этаж! Что-то ты мне тут дашь? (Заглядывает в дверь на кухню.) Эй, товарищ, кто тут есть? Зоя Денисовна дома? Гм... (Заглядывает в гостиную, слышит голоса Зои и Абольянинова, подкрадывается поближе, подслушивает.) О-го-го! Вовремя попал!

М а н ю ш к а (с пивными бутылками входит в переднюю). Батюшки! Дверь-то я не закрыла!

Аметистов возвращается в переднюю.

Кто это? Вам что?

А м е т и с т о в. Пардон, пардон, не волнуйтесь, товарищ! Пиво? Чрезвычайно вовремя! С Курского вокзала мечтаю о пиве!

М а н ю ш к а. Да кого вам?

А м е т и с т о в. Зою Денисовну. А с кем имею удовольствие разговаривать?

М а н ю ш к а. Я племянница Зои Денисовны.

А м е т и с т о в. Очень приятно, очень. Я и не подозревал, что у Зочки такая хорошенькая племянница. Кузен Зои Денисовны. (Целует Манюшке руку.)

М а н ю ш к а (оторопевши). Зоя Денисовна! Зоя Денисовна! (Вбегает в гостиную.)

Аметистов вбегает за Манюшкой в гостиную с чемоданом. На крик Манюшки входят в гостиную З о я и А б о л ь я н и н о в.

А м е т и с т о в. Дорогая кузиночка, же ву салю!

Зоя окаменела.

Познакомьте же меня, кузиночка, с гражданином...

З о я. Ты... ты... вы... Павел Федорович, это мой кузен Аметистов...

А м е т и с т о в. Пардон, пардон.... (Абольянинову.) Путинковский, беспартийный, бывший дворянин.

А б о л ь я н и н о в (поражен). Очень рад...

А м е т и с т о в. Кузиночка, позвольте вас попросить на два слова а парт!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
З о я. Павлик, извините, мне нужно перемолвиться двумя словами с Александром Тарасовичем...

А м е т и с т о в. Пардон, пардон, Василием Ивановичем... Прошел ничтожный срок, и вы забыли даже мое имя и отчество, кузиночка! Мне это горько, ай-яй-яй...

А б о л ь я н и н о в. Пожалуйста, пожалуйста... (Скрывается.)

З о я. Манюшка, иди налей пива Павлу Федоровичу.

Манюшка скрывается. Пауза.

Тебя же расстреляли в Баку?

А м е т и с т о в. Пардон, пардон, так что же из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, и в Москву не могу приехать? Меня по ошибке расстреляли, совершенно невинно...

З о я. У меня голова закружилась...

А м е т и с т о в. От радости?

З о я. Ничего не понимаю...

А м е т и с т о в. Ну, натурально, под майскую амнистию подлетел... Кстати, что это у тебя за племянница?

З о я. Какая там племянница, это моя горничная, Манюшка.

А м е т и с т о в. Тэк-с, понимаем, в целях сохранения жилплощади... (Зычно.) Манюшка!

М а н ю ш к а появилась растерянная.

Милая, приволоки мне пивца, умираю! Какая же ты племянница, шут тебя возьми!

Пораженная Манюшка уходит.

А я ей руку поцеловал! Позор, позор!..

З о я. Где ты собираешься остановиться? Имей в виду, что в Москве жилищный кризис.

А м е т и с т о в. Я знаю. Натурально, у тебя.

З о я. А если я скажу, что не могу тебя принять?

А м е т и с т о в. Ах вот как? Хамишь? Ну что же, хаами, хаами! Гонишь двоюродного брата, пешком першего с Курского вокзала? Сироту! Гони, гони! Что же, я уйду... (Берет чемодан.) И даже пива пить не стану... Только вы пожалеете об этом, дорогая кузина...

З о я. Ах, ты хочешь испугать? Ну нет, это не пройдет!

А м е т и с т о в. Зачем пугать? Я человек порядочный, джентльмен! (Шепотом.) И будь я не я, если я не пойду в ГПУ и не донесу о том, какую мастерскую ты организуешь в своей квартире. Я, дорогая Зоя Денисовна, все слышал! (Пошел.)

З о я. Стой! Как ты вошел без звонка?

А м е т и с т о в. Ла порт этэ уверт... Я даже тебя не облобызал, кузиночка...

З о я (отталкивая его). Судьба, это ты!

М а н ю ш к а входит, вносит бутылку пива и стакан.

Манюшка, ты дверь не заперла? Ах, Манюшка!.. Ну ничего, иди, извинись перед Павлом Федоровичем...

Манюшка уходит.

А м е т и с т о в (пьет пиво). Фу, хорошо!.. Первокласное пиво в Москве! Квартирку–то ты сохранила, я вижу. Молодец, Зоя!

З о я. Судьба!.. Видно, придется мне еще нести мой крест!

А м е т и с т о в. Ты хочешь, чтобы я обиделся и ушел?

З о я. Нет! Что ты хочешь прежде всего?

А м е т и с т о в. Прежде всего – брюки.

З о я. Неужели у тебя штанов нет? А чемодан?

А м е т и с т о в. В чемодане – шесть колод карт и «Существуют ли чудеса?». Спасибо этим чудесам, кабы не они, я бы с голоду издох! Шутка ли сказать, в товарно–пассажирском поезде от Баку до Москвы!.. Понимаешь ли, захватил в Баку в культотделе на память сто брошюрок «Существуют ли чудеса?», продавал их по рублю в поезде... Существуют, Зочка, вот я тут!.. Чудное пиво! Товарищ, купите брошюрку!..

З о я. Карты крапленые?

А м е т и с т о в. За кого вы меня принимаете, мадам?

З о я. Брось, Аметистов! Где ты шатался семь лет?

А м е т и с т о в. Эх, кузина! В девятнадцатом году в Чернигове я отделом искусств заведовал...

З о я расхохоталась.

Белые пришли... Мне, значит, красные дали денег на эвакуацию в Москву, а я, стало быть, эвакуировался к белым в Ростов, поступил к ним на службу... Красные немного погоды... Я, значит, у белых получил на эвакуацию и к красным, поступил заведующим агитационной труппой. Белые! Мне красные – на эвакуацию, я к белым в Крым. Тут я просто администратором служил в ресторанчике в Севастополе... Напоролся на одну компанию, взяли у меня триста тысяч в один вечер в железку...

З о я. У тебя? Ну, это, значит, высокие специалисты были!

А м е т и с т о в. Темные арапы, говорю тебе, темные!.. Ну, а потом, понятно, после белых красные, и пошел я нырять при советском строе. В Ставрополе актером, в Новочеркасске музыкантом в пожарной команде, в Воронеже отделом снабжения заведовал... Наконец убедился, нет у меня никакого карьерного ходу, и решил тогда по партийной линии двинуться... Дай, думаю, я этот бюрократизм изживу, стажи эти всякие... И скончался у меня в комнате приятель мой, Чемоданов Карл Петрович, светлая личность, партийный...

З о я. В Воронеже?

А м е т и с т о в. Нет, это дело уже в Одессе было. Я думаю, какой ущерб для партии? Один умер, а другой на его место сейчас же становится в ряды. Порыдал над покойником, взял его партбилет – и в Баку. Думаю, место тихое, шмэндефер можно развернуть, являюсь, так и так, Чемоданов. И, стало быть, открывается дверь, и приятель Чемоданова – шасьт... Табло! У него – девятка, у меня – жир... Я к окнам, окна во втором этаже...

З о я. Здорово!

А м е т и с т о в. Ну, не везло, что ты скажешь!.. На суде я заключительное слово сказал, веришь ли, не только интеллигентная публика, профессора, но конвойные и те рыдали! Ну расстреляли меня... Ну что же делать? Надо ехать в Москву! Эй, Зойка, очерствела ты в своей квартире! Оторвалась от масс!

З о я. Ну ладно! Ты все слышал?

А м е т и с т о в. Повезло, Зочка.

З о я. Я тебя оставлю.

А м е т и с т о в. Зочка!

З о я. Молчи! Я дам тебе место администратора в предприятии, но смотри, Аметистов, смотри, если ты выкинешь какой-нибудь фокус, всем рискну, но я тебя угроблю! Берегись, Аметистов, ты слишком много о себе рассказал!

А м е т и с т о в. Итак, я грустную повесть скитальца доверил змее! Мон дье!

З о я. Молчи, болван. Где колье? Которое ты перед самым отъездом взялся продать?

А м е т и с т о в. Колье? Постой, постой... Это с маленькими бриллиантами?

З о я. Сволочь ты, сволочь!..

А м е т и с т о в. Мерси, мерси! Видали, как Зочка родственников принимает!

З о я. Документы есть?

А м е т и с т о в. Документов у меня полный карман, весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать, свежее... (Вынимает бумажки.) Карл Чемоданов – об этом речи быть не может! Сигурадзе Антон... Нет, это нехороший.

З о я. Это ужас, честное слово! Ты же – Путинковский!

А м е т и с т о в. Нет, Зочка, я спутал, Путинковский в Москве – это отпадает. Пожалуй, лучше всего моя собственная фамилия. Я думаю, меня уже забыли за восемь лет в Москве. На, прописывай Аметистова! Постой, тут по воинской повинности у меня еще грыжа была... (Достает бумажку.)

З о я (вынимает из шкафа великолепные брюки). Надевай штаны.

А м е т и с т о в. Бог благословит твое доброе сердечко! Сестренка, отвернись!

З о я. Очень ты мне нужен! Штаны потрудись вернуть, – это Павла Федоровича.

А м е т и с т о в. Морганатический супруг?

З о я. Держать себя с ним вежливо, это мой муж!

А м е т и с т о в. Фамилия ему как?

З о я. Абольянинов.

А м е т и с т о в. Граф? У-у!.. Поздравляю тебя, сестра! Впрочем, у него ни черта, наверное, больше не осталось! Судя по физиономии, контрреволюционер... (Выходит из-за ширм, любуется штанами, которые на нем надеты.) Гуманные штанишки! В таких брюках сразу чувствуешь себя на платформе...

З о я. Сам выпутывайся с фамилией... В нелепое положение ставишь... Павлик!

А б о л ь я н и н о в входит.

Простите, Павлик, говорили по делу.

А м е т и с т о в. Увлеклись воспоминаниями детства... Ведь мы росли с Зочкой. Я сейчас прямо рыдал... Смотрите на брюки? Пардон, пардон, обокрали в дороге... Свистнули в Таганроге второй чемодан, прямо гротеск! Я думаю, вы не будете в претензии? Между дворянами на это нечего смотреть...

А б о л ь я н и н о в. Пожалуйста, пожалуйста, я очень рад...

З о я. Вот, Павлик, Александр Тарасович будет у нас работать администратором. Вы ничего не имеете против?

А б о л ь я н и н о в. Помилуйте, я очень рад... Если вы рекомендуете Василия Ивановича...

А м е т и с т о в. Пардон, пардон, Александра Тарасовича... Вы удивлены? Это мое сценическое имя, отчество и фамилия, по сцене – Василий Иванович Путинковский, а в жизни – Александр Тарасович Аметистов. Известная фамилия, многие представители ее расстреляны большевиками... Тут целый роман! Вы будете рыдать, когда я вам расскажу...

А б о л ь я н и н о в. Очень приятно. Вы откуда изволили приехать?

А м е т и с т о в. Я? Откуда я приехал, вы спрашиваете? Из Саратова в данный момент приехал. Тут целый роман, вы будете рыдать...

А б о л ь я н и н о в. Вы беспартийный, разрешите спросить?

А м е т и с т о в. Кель кестьон? Что вы?

А б о л ь я н и н о в. А у вас на груди был... такой... Впрочем, мне это только показалось...

А м е т и с т о в. Ах, нет, нет, это для дороги. Знаете, в поезде очень помогает, плацкарту вне очереди взять, то, другое...

М а н ю ш к а (появилась). Портупея пришел.

З о я. Зови его сюда. (Аметистову.) Имей в виду, председатель домкома.

П о р т у п е я. Добрый вечер, Зоя Денисовна. Здравствуйте, гражданин Абольянинов. Ну, что, надумали, Зоя Денисовна?

З о я. Да. Вот документы. Пропишите Александра Тарасовича Аметистова, он только что приехал. Будет администратором мастерской.

П о р т у п е я. Ага. Послужить, стало быть, думаете?

А м е т и с т о в. Как же, как же... Стаканчик пива, уважаемый товарищ?

П о р т у п е я. Мерси, не откажусь. Жарко, знаете, а тут все на ногах да на ногах...

А м е т и с т о в. Да, погода, погода, как говорится... Громадный у вас дом, товарищ дорогой, такой громадный!..

П о р т у п е я. И не говорите, прямо мученье! А по воинской повинности грыжа у вас?

А м е т и с т о в. Точно так. Вот она. (Подает бумажку.) Вы партийный, товарищ?

П о р т у п е я. Сочувствующий я.

А м е т и с т о в. А, очень приятно! (Надевает свой значок.) Я сам бывший партийный. (Тихо, Абольянинову.) Деван ле жан... Хитрость...

П о р т у п е я. Отчего же вышли?

А м е т и с т о в. Мелкие фракционные трения... Я не согласен со многим... Глянул кругом, вижу – нет, не выходит! Я тогда прямо и говорю в глаза...

П о р т у п е я. Прямо в глаза?

А м е т и с т о в. А мне что терять, кроме цепей? Я одно время громадную роль играл... Нет, говорю, это не дело! Уклонились мы – раз! Утратили чистоту линии – два! Растеряли заветы! Ах, так? – говорят. Так мы, говорят, тебя!.. Горячий народ! Ваше здоровье!

А б о л ь я н и н о в. Он гениален, клянусь!

З о я (тихо). Ах, мерзавец! Ну, довольно политики! Итак, товарищ Портупея, с завтрашнего дня я начинаю дело.

А м е т и с т о в. Итак, мы начинаем! За успех мастерской и за здоровье ее заведующей Зои Денисовны, товарища Пельц! Ура! (Пьет пиво.) А теперь здоровье нашего уважаемого председателя домкома и сочувствующего... (Тихо.) Как его звать-то?

З о я (тихо). Анисим Зотикович Портупея.

А м е т и с т о в. Да, я и говорю: Анисима Зотиковича Портупеи, ура!

Во дворе забренчало пианино, мальчишки запели: «Многая лета...»

Совершенно верно! Многая лета! Многая лета!

Занавес

Акт второй

Гостиная в квартире Зои превращена в мастерскую. Манекены с кукольными лицами, волны материй. Ш в е я трещит на машинке, З а к р о й щ и ц а с сантиметром на плече. Т р и д а м ы.

П е р в а я д а м а. Ах, нет, милая... весь угол нужно вынуть, вынуть, а то ужасное впечатление, как будто у меня не хватает двух ребер. Ради Бога, выньте, выньте!..

З а к р о й щ и ц а. Хорошо.

В т о р а я д а м а (трещит третьей). ...И вообразите, говорит – прежде всего, мадам, вам нужно остричься. Я моментально, конечно, бегу на Кузнецкий, к Жану, остриглась, бегу к ней, она надевает на меня спартри, и, представьте, у меня физиономия моментально становится как котел!

Т р е т ь я д а м а. Хи-хи-хи...

В т о р а я д а м а. Ах, миленькая, вам смешно!

П е р в а я д а м а. Фалдит, дорогая, фалдит...

З а к р о й щ и ц а. Что вы, мадам!

В т о р а я д а м а. И какая наглость! – это, говорит, оттого, что у вас широкие скулы!

Послышался звонок.

А м е т и с т о в (пробегая). Пардон, пардон, я не смотрю...

В т о р а я д а м а. Мсье Аметистов, скажите, как по-вашему, у меня широкие скулы?

А м е т и с т о в. У вас? Кеске аудит, мадам? У вас совсем нет скул! (Скрывается.)

П е р в а я д а м а. Кто это такой?

З а к р о й щ и ц а. Главный администратор школы.

П е р в а я д а м а. Шикарно поставлено дело!

А м е т и с т о в (возвращаясь). Пардон, пардон, я не смотрю... Манто ваше

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru очаровательно!

Первая дама. Какое там очаровательное! Неужели у меня такой зад?

Аметистов. Совершенно правильный зад, мадам! (Звонок. В сторону.) Ах, чтоб тебе сдохнуть! Пардон, пардон... (Улетает.)

Первая дама (снимая мантию). Что же, к пятнице?

Закройщица. Невозможно, мадам, Варвара Николаевна не успеет.

Первая дама. Ах, это ужасно! А к субботе?

Закройщица. К среде, мадам.

Первая дама. До свидания. (Уходит.)

Швея (подаёт сверток Второй даме). Прошу.

Вторая дама. Благодарю вас.

Аметистов (влетая). Оревуар, мадам. (Звонок. В сторону.) Да что это такое? Пардон, пардон... (Улетает.)

Вторая дама уходит.

Швея (заворачивает сверток в бумагу, подаёт Третьей даме). Вот ваш бант, мадам.

Третья дама. Мерси. (Уходит.)

Закройщица (в изнеможении садится). Ффу!..

Аметистов (влетает). Ну, дорогие товарищи, закрывайте лавочку! Довольно!

Швея и Закройщица собираются уходить.

Отдыхайте, товарищи, согласно кодексу труда... съездите на Воробьевы горы, золотая осень, листья...

Швея. Какие тут листья, Александр Тарасович!.. Только бы до постели добраться!

Аметистов. Ах, как я вас понимаю! Сам мечтаю только об одном – как бы лечь. Почитаю что-нибудь на ночь по истории материалистической философии и засну. Не надо убирать, товарищи! Товарищ Манюша все сделает.

Швея и Закройщица уходят.

Замучили, окаянные! В глазах одни зады и банты! (Достает бутылку коньяку и рюмку, выпивает.) Фу-ты, черт их возьми!

Входит Зоя.

Ну, Зочка, дорогая директриса, вот чего: Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке?

Зоя. Не пойдет.

Аметистов. Пардон, пардон... ты меня слушай. Сколько она тебе задолжала?

Зоя. Две тысячи.

Аметистов. Вот и козырек!

Зоя. Заплатит.

Аметистов. Не заплатит, я тебе говорю, у нее глаза некредитоспособные.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
По глазам всегда видно, есть ли у человека деньги или нет. Я по себе сужу: когда я пустой, я задумчив, одолевают мысли, на социализм тянет... Говорю тебе, баба задумывается, деньги нужны ей до зарезу, а денег нет! Ты подумай, экземпляр какой, украшение квартиры. Слушай Аметистова, Аметистов большой человек!

Звонок.

Еще кого-то черт несет!

М а н ю ш к а (входит). Алла Вадимовна спрашивает, можно к вам?

А м е т и с т о в. Во! Жми ее, жми!

З о я. Ладно, не суетись. (Манюшке.) Проси сюда.

А л л а (входит). Здравствуйте, Зоя Денисовна.

З о я. Очень рада, Алла Вадимовна.

А м е т и с т о в. Целую ручку, обожаемая Алла Вадимовна! Алла Вадимовна, если вы увидите те модели, которые мы получили сегодня из Парижа, вы выбросите ваше платье за окно! Даю вам слово бывшего кирасира!

А л л а. Вы были кирасиром?

А м е т и с т о в. Мез'уй. Лечу, покидаю вас! (Исчезает, подмигнув Зое.)

А л л а. Превосходный у вас администратор, Зоя Денисовна. Скажите, он действительно бывший кирасир?

З о я. Не могу вам, к сожалению, сказать точно. Садитесь, Алла Вадимовна.

А л л а. Зоя Денисовна, я к вам по важному делу...

З о я. Слушаю вас.

А л л а. Ах, как неприятно... Я должна была сегодня вам заплатить... Мне очень совестно, Зоя Денисовна, но я... мои финансы в последнее время очень плохи... Я принуждена просить вас ждать... (Пауза.) Вы меня убиваете вашим молчанием, Зоя Денисовна.

З о я. Что же я могу сказать, Алла Вадимовна?

Пауза.

А л л а. До свиданья, Зоя Денисовна, вы правы, конечно... Ну что же, я употреблю все усилия, чтобы достать деньги, и расплачусь... До свиданья, Зоя Денисовна.

З о я. Всего хорошего, Алла Вадимовна.

Алла идет к дверям.

Так плохи дела?

А л л а. Зоя Денисовна, я вам должна, но это не дает права говорить со мной таким тоном!..

З о я. Э, нет, Аллочка, так нельзя! Именно все дело в тоне! Мало ли кто кому должен. Если бы вы пришли ко мне попросту и сказали – дела мои паршивы, мы бы вместе подумали, как выпутаться... Но вы вошли ко мне как статуя... Я, мол, светская дама, а ты портниха... Ну, а раз так, так что же с портнихи спрашивать?

А л л а. Зоя Денисовна, это вам показалось, честное слово. Просто я настолько была подавлена своим долгом, что не знала, как вам смотреть в глаза.

З о я. Да довольно об этом долге! Итак, денег нет? Отвечайте просто и по-дружески: сколько надо?

А л л а. Много надо. Даже под ложечкой холодно – так много.

З о я. А зачем?

Пауза.

А л л а. Я хочу уехать за границу.

З о я. Понятно. Значит, здесь ни черта не выходит?

А л л а. Ни черта.

З о я. Ну, а он?.. Я не хочу знать, кто он, мне его имя не нужно... Ну, словом, разве у него нет денег, чтобы прилично устроить вас здесь?

А л л а. С тех пор как умер мой муж, у меня никого нет, Зоя Денисовна.

З о я. Ой!

А л л а. Правда.

З о я. Вам не удалось уехать тогда, три месяца назад?

А л л а. Не удалось.

З о я. Я берусь вам устроить это.

А л л а. Зоя, если вы это сделаете, вы обяжете меня на всю жизнь!

З о я. Не волнуйтесь, товарищ. А деньги, если хотите, я вам дам возможность заработать, вы расплатитесь с долгами.

А л л а. Зочка, в Москве у меня нет возможности заработать. То есть сколько-нибудь приличным трудом, я понимаю.

З о я. Почему же? В мастерской – приличный труд. Поступайте ко мне манекенщицей, я вас приглашаю.

А л л а. Зочка, но ведь за это платят гроши!

З о я. Гроши! Ну, это понятие растяжимое... Я предлагаю вам тысячу рублей в месяц жалованья, аннулирую ваш долг и, кроме того, помогу выехать. Заняты только вечером, через день. Ну?

Пауза.

А л л а. Через день?.. Вечером?.. (Поняла.) Это штука!

З о я. До Рождества только четыре месяца. Через четыре месяца вы свободны, долги уплачены, и никто, слышите, никто никогда не узнает, как Алла работала манекенщицей. Весной вы увидите Большие Бульвары!

Где-то за окнами голос под рояль запел глухо: «Покинем край, где мы так страдали...»

(Шепотом.) В Париже любимый человек?..

А л л а. Да...

З о я. Весной под руку с ним, и он никогда не будет знать... не будет знать...

А л л а. Вот так мастерская! Вот так мастерская! Занята только вечером... Знаете, кто вы, Зойка? Вы – черт! Но никому, никогда?

З о я. Клянусь. (Пауза.) Ну, как в воду, сразу вниз головой? Алла...

А л л а. Согласна. Через три дня я приду.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
З о я. Гоп! (Распахивает шкаф, в нем вспыхивает ослепляющий свет, в котором загораются парижские туалеты.) Выбирайте – мой подарок, любое!

Тьма. Зоя и Алла исчезают в ней. Потом возникает горящая лампа. Наступил вечер. У лампы А м е т и с т о в и З о я.

А м е т и с т о в. Видала, что значит Александр Аметистов? Я же говорил!

З о я. Ты не глуп, Александр Аметистов.

А м е т и с т о в. Зочка, помни, что половина твоего богатства сделана моими ручонками! Ты не покинешь своего кузена? Возьмешь меня с собой, а? Ах, Ницца, Ницца, когда я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу его в белых брюках!

З о я. Об одном я тебя прошу, не говори ты по-французски! По крайней мере при Алле не говори. Ведь она на тебя глаза таращит.

А м е т и с т о в. Что это значит? Я плохо, может быть, говорю?

З о я. Ты не плохо говоришь, ты кошмарно говоришь.

А м е т и с т о в. Это нахальство, Зоя, пароль донер! Я с десяти лет играю в шмэндефер, и на тебе, плохо говорю по-французски.

З о я. И еще, зачем ты врешь поминутно? Ну какой ты, какой ты, к черту, кирасир? И кому это нужно?

А м е т и с т о в. Нету у тебя большего удовольствия, чем какую-нибудь пакость сказать человеку! Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил в Нарым!

З о я. Перестань болтать! Не забудь, сейчас Гусь придет. Я иду переодеваться. (Уходит.)

А м е т и с т о в. Гусь? Что же ты молчишь? (Впадает в панику.) Гусь! Гусь! Господа, Гусь! И где это Ласточкино гнездо, небесная империя?! Племянница Манюшка!

М а н ю ш к а (является). Вот она я.

А м е т и с т о в. Мне интересно, чего же ты там торчишь! Я, что ли, один все буду двигать?

М а н ю ш к а. Я посуду мыла.

А м е т и с т о в. Успеешь с посудой, помогай!

Начинают прибираться квартиру, зажигать огни. Входит А б о л ь я н и н о в. Он во фраке.

А б о л ь я н и н о в. Добрый вечер.

А м е т и с т о в. Маэстро, мое почтение.

А б о л ь я н и н о в. Простите, я давно хотел просить вас, называйте меня по имени и отчеству.

А м е т и с т о в. Чего же вы обиделись, вот чудак какой! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове «маэстро»?

А б о л ь я н и н о в. Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ».

А м е т и с т о в. Пардон, пардон, это большая разница. Кстати о разнице, нет ли у вас папироски?

А б о л ь я н и н о в. Прошу вас.

А м е т и с т о в. Мерси боку. (Оглядев квартиру.) Вуаля! Ведь это рай! Граф, да

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
вы развеселитесь! Что вы сидите, как квашня!

А б о л ь я н и н о в. А что это такое – квашня?

А м е т и с т о в. Ну, с вами не разговоришься! Как квартиру-то вы находите?

А б о л ь я н и н о в. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру...

А м е т и с т о в. Хороша была?

А б о л ь я н и н о в. Очень хороша, только у меня ее отобрали...

А м е т и с т о в. Да неужели?

А б о л ь я н и н о в. Пришли какие-то с рыжими бородами и выкинули меня...

А м е т и с т о в. Кто бы мог подумать!.. Скажите... Это печальная история...

З о я (выходит). Павлик! Здравствуйте, дорогой! Идемте ко мне! (Уходит вместе с Абольяниновым.)

Условный звонок – три долгих, два коротких.

А м е т и с т о в. Вот он, черт его возьми!

Манюшка убегает. Через некоторое время входит Х е р у в и м.

Где ты пропадал?

Х е р у в и м. Я мала-мала юбки гладил.

А м е т и с т о в. Ну тебя к лешему с твоими юбками! кокаину принес?

Х е р у в и м. Да.

А м е т и с т о в. Давай, давай! Слушай ты, Сам-Пью-Чай, смотри мне в глаза!

Х е р у в и м. Смотрю тебе в галаза...

А м е т и с т о в. Отвечай по совести, аспирина подсыпал?

Х е р у в и м. Ниэт... ниэт...

А м е т и с т о в. Ох, знаю я тебя, бандит ты! Но если только подсыпал, Бог тебя накажет!

Х е р у в и м. Мала-мала наказит.

А м е т и с т о в. Да, не мала-мала, а он тебя на месте пришибет! Стукнет по затылку, и нет китайца! Не сыпь аспирина в кокаин... Нет, хороший кокаин.

Херувим надевает китайскую кофту и шапочку.

Совершенно другой разговор! И какого черта вы себе, китайцы, косы бреете? С косой тебе совершенно другая цена была бы!

Условный звонок. Входит М а р ь я н и к и ф о р о в н а.

М а р ь я н и к и ф о р о в н а. Здравствуйте, Александр Тарасович!
Здравствуйте, Херувимчик!

А м е т и с т о в. Идите одеваться, Марья Никифоровна, а то поздно. Новые модели будем демонстрировать.

М а р ь я н и к и ф о р о в н а. Прислали? Ах, какая прелесть! (Убегает.)

Херувим зажег китайский фонарь в нише и дымит куреньем.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
А м е т и с т о в. Не очень налегай...

Х е р у в и м. Я не буду налегать... (Уходит.)

Условный звонок. Входит Л и з а н ь к а.

Л и з а н ь к а. Почтение администратору этого монастыря...

А м е т и с т о в. Бон суар...

Лизанька уходит. Условный звонок. Аметистов, услышав его, подбегает к зеркалу, охорашивается. Входит м а д а м и в а н о в а, очень красивая, надменная женщина.

Здравствуйте, мадам Иванова.

М а д а м и в а н о в а. Дайте мне папироску.

А м е т и с т о в. Манюшка! Папиросу!

М а н ю ш к а вбегает, подает папиросы Ивановой. Пауза.

Холодно на дворе?

М а д а м и в а н о в а. Да.

А м е т и с т о в. У нас сюрприз – модели привезли из Парижа.

М а д а м и в а н о в а. Это хорошо.

А м е т и с т о в. Изумительные!

М а д а м и в а н о в а. Ага...

А м е т и с т о в. Вы в трамвае приехали?

М а д а м и в а н о в а. Да.

А м е т и с т о в. Много народу, наверно, в трамвае?

М а д а м и в а н о в а. Да.

Пауза.

А м е т и с т о в. У вас погасла... спичечку...

М а д а м и в а н о в а. Спасибо. (Уходит.)

А м е т и с т о в (Манюшке). Вот женщина, ей-Богу! Всю жизнь можно с такой прожить и не соскучишься! Не то что ты, тарахтишь, тарахтишь...

Властный звонок.

Он! Узнаю звонок коммерческого директора! Великолепно звонит! Открывай, потом лети, переодевайся, Херувим будет подавать!

Х е р у в и м (пробегая). Гусь идет!

М а н ю ш к а. Батюшки! Гусь! (Убегает.)

А м е т и с т о в. Зоя! Гусь! Принимай, я исчезаю! (Исчезает).

Входит Г у с ь.

З о я (в вечернем платье). Как я рада, милый Борис Семенович!

Г у с ь. Здравствуйте, Зоя Денисовна, здравствуйте.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

З о я. Садитесь сюда, здесь уютнее... Ай-яй-яй, какой вы нехороший! Сосед, близкий знакомый, хоть бы раз зашел...

Г у с ь. Поверьте, я с удовольствием, но...

З о я. Я шучу, я знаю, что у вас дела по горло.

Г у с ь. И не говорите, у меня прямо бессонница.

З о я. Бедненький, вы переутомитесь, вам надо развлекаться...

Г у с ь. О том, чтобы я развлекался, не может быть и речи. (Оглядывает комнату.)
А у вас очень хорошо.

З о я. Мастерская вам обязана своим существованием.

Г у с ь. Ну, это пустяки! Кстати о мастерской. Я ведь к вам отчасти по делу, только это между нами. Мне нужен парижский туалет. Знаете, какой-нибудь крик моды, червонцев так на тридцать.

З о я. Понимаю. Подарок?

Г у с ь. Между нами.

З о я. Ах, плутишка, влюблен! Ну, признавайтесь, влюблены?

Г у с ь. Между нами.

З о я. Не бойтесь, не скажу супруге. Ах, мужчины, мужчины! Ну хорошо, мой администратор покажет сейчас вам модели, и вы выберете все, что вам нужно. А потом будем ужинать. Сегодня вы мой, и я вас не выпущу.

Г у с ь. Мерси. У вас есть администратор? Посмотрим, какой у вас такой администратор.

З о я. Сейчас вы его увидите. (Скрывается.)

А м е т и с т о в (появился внезапно, во фраке). Кан он парль дю солейль он вуа ле реион! Что в переводе на русский язык означает: когда говорят о солнце, видят его лучи.

Г у с ь. Это вы мне про лучи?

А м е т и с т о в. Вам, глубокоуважаемый Борис Семенович. Позвольте представиться – Аметистов.

Г у с ь. Гусь.

А м е т и с т о в. Желаете иметь туалетик? Доброе дело задумали, глубокоуважаемый Борис Семенович. Могу вас уверить, что такого выбора вы нигде в Москве не встретите. Херувим!

Появляется Х е р у в и м.

Г у с ь. Позвольте, это же китаец!

А м е т и с т о в. Точно так, китаец, с вашего благословения. Не обращайтесь на него внимания, почтеннейший Борис Семенович. Обыкновенный сын небесной империи и отличается только одним качеством – примерной честностью.

Г у с ь. А зачем же китаец?

А м е т и с т о в. Преданный старый мой лакей, драгоценнейший Борис Семенович. Вывез его я из Шанхая, где долго странствовал, собирая материалы.

Г у с ь. Это замечательно. Для чего материалы?

А м е т и с т о в. Для большого этнографического труда. Впрочем, я как-нибудь

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
после рассказа о своих скитаниях, глубочайше уважаемый Борис Семенович. Вы прямо
будете рыдать. Херувим, дай нам чего-нибудь прохладительного.

Х е р у в и м. Цицас. (Исчезает и сейчас же появляется с шампанским.)

А м е т и с т о в. Прошу.

Г у с ь. Это шампанское? Замечательно вы поставили дело, гражданин администратор!

А м е т и с т о в. Же пане! Поработав у Пакэна в Париже, можно приобрести навык.

Г у с ь. Вы работали в Париже?

А м е т и с т о в. Пять лет, любезный Борис Семенович. Херувим, можешь идти.

Г у с ь. Вы знаете, если бы я верил в загробную жизнь, я бы сказал, что он действительно вылитый херувим.

А м е т и с т о в. А глядя на него, невольно уверуешь! Ваше здоровье, достопочтеннейший Борис Семенович! А также здоровье вашего треста тугоплавких металлов, ура! Ура и ура! Нет, нет, до дна, не обижайте фирму!

Г у с ь. У вас хорошо поставлено дело.

А м е т и с т о в. Миль мерси. Итак, она блондинка, брюнетка?

Г у с ь. Кто?

А м е т и с т о в. Пардон, пардон... Та уважаемая особа, для которой предназначается туалет?

Г у с ь. Между нами, она светлая брюнетка.

А м е т и с т о в. У вас есть вкус. Прошу еще бокальчик, а также попрошу вас привстать. К этой визитке светлая брюнетка сама просится. Гигантский вкус у вас, Борис Семенович! Херувим!

Х е р у в и м появляется.

Попроси маэстро, а также мадемуазель Лизу.

Х е р у в и м. Цицас. (Исчезает.)

Входит А б о л ь я н и н о в.

А м е т и с т о в. Конт Абольянинов!

Абольянинов садится к роялю.

Располагайтесь поудобнее, милейший Борис Семенович, миндалю... (Хлопнув в ладоши.) Ателье!

Абольянинов начинает играть. Распахивается занавес, и на освещенной эстраде появляется Л и з а н ь к а в роскошном и довольно откровенном туалете. Гусь смотрит на все это с изумлением.

Благодарю вас, мадемуазель.

Л и з а (шепотом). Вытряхиваться?

А м е т и с т о в. Вытряхивайтесь, Лизанька.

Занавес закрывается.

Что вы скажете, бесценный Борис Семенович?

Г у с ь. М-да...

А м е т и с т о в. Бокальчик?

Г у с ь. Вы прямо обаятельный администратор!

А м е т и с т о в. Да что же, Борис Семенович, пообтесался в свое время, потерялся при дворе...

Г у с ь. Вы были при дворе?

А м е т и с т о в. Эх, Борис Семенович! Когда-нибудь я вам расскажу некоторые тайны своего рождения, вы изойдете в слезах... Ателье!

Занавес распахивается, и на эстраде появляется в очень открытом платье М а р ь я Н и к и ф о р о в н а. Абольянинов играет. Марья Никифоровна под музыку двигается по эстраде.

Больше жизни! (Тихо.) Фить!

М а р ь я Н и к и ф о р о в н а (тихо). Невежа.

А м е т и с т о в. Ву зет тре зэмабль.

Занавес закрывается.

Ателье!

Абольянинов играет «Светит месяц», на эстраде М а н ю ш к а в русском, весьма открытом костюме танцует.

Х е р у в и м (внезапно выглядывает, говорит шепотом). Мануска, када танцуись, мине смотли, гостя не смотли...

М а н ю ш к а (шепотом). Уйди, черт ревнивый...

А б о л ь я н и н о в (внезапно). Я играю, горничная на эстраде танцует, что это происходит?..

А м е т и с т о в. Тсс!.. (Шепотом.) Манюшка, скатывайся с эстрады, накрывай ужин в два счета!

Занавес закрывается.

(Гусю.) Э бьен?

Г у с ь (внезапно). Ателье!

А м е т и с т о в. Совершенно правильно, Борис Семенович, ателье!

Занавес распахивается. Абольянинов играет томный вальс. На эстраде м а д а м И в а н о в а в костюме, открытом сколько это возможно на сцене.

(Вскакивает на эстраду, танцует с мадам Ивановой, говорит шепотом.) В сущности, я очень несчастлив, мадам Иванова... Моя мечта – уехать с любимой женщиной в Ниццу...

М а д а м И в а н о в а (шепотом). Болтун...

Танец заканчивается.

А м е т и с т о в. Мадемуазель, продемонстрируйте мсье платье. (Скрывается.)

Мадам Иванова выходит с эстрады, как фигура из рамы, поворачивается перед Гусем.

Г у с ь (растерян). Очень вам признателен... до глубины души.

М а д а м И в а н о в а. Не смейте так смотреть на меня. Вы дерзкий.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Г у с ь (растерян). Кто вам сказал, что я смотрю на вас?

М а д а м и в а н о в а. Нет, вы дерзкий, в вас есть что-то африканское. Мне нравятся такие, как вы. (Внезапно скрывается за занавесом.)

Г у с ь (исступленно). Ателье!!

А м е т и с т о в (появляется внезапно).

Лампы вспыхивают.

Пардон, антракт!

Занавес

Акт третий

Серенький день. А м е т и с т о в грустный сидит в гостиной возле телефона.

А м е т и с т о в (икнув). Тьфу ты, черт тебя возьми! Вот привязалась! (Пауза.)

Входит А б о л ь я н и н о в, он скучен.

(Икнул.) Пардон.

Звонит телефон.

Херувим! Телефон!

Х е р у в и м (по телефону). Силусаю... да... да... Тебе Гусь зовет. (Уходит.)

А м е т и с т о в (по телефону). Товарищ Гусь? Здравия желаю, Борис Семенович. В добром ли здоровье? Как же, обязательно... ждем, ждем... часикам... (Икает внезапно.) Пардон, вспоминает меня кто-то... Как? Секрет, секрет... Сюрприз, Борис Семенович, вас ожидает. Честь имею кланяться. (Икает.)

А б о л ь я н и н о в. Удивительно вульгарный человек этот Гусь. Вы не находите?

А м е т и с т о в. Да, не нахожу. Человек, зарабатывающий пятьсот червонцев в месяц, может быть вульгарным! (Икает.) Кто это меня вспоминает, желал бы я знать! Какому черту я понадобился? Да-с, уважаю Гуся... Кто пешком по Москве таскается? Вы.

А б о л ь я н и н о в. Простите, мсье Аметистов, я не таскаюсь, а хожу.

А м е т и с т о в. Да не обижайтесь вы! Вот человек, ей-Богу! Ну, ходите. Вы ходите, а он в машине ездит! Вы в одной комнате сидите (пардон, пардон, может быть, выражение «сидите» неприлично в высшем обществе, так восседаете), а Гусь – в семи! Вы в месяц наколотите... пардон, наиграете на ваших фортепьянах десять червяков, а Гусь – пять сотен. Вы играете, а Гусь танцует!

А б о л ь я н и н о в. Потому что эта власть создала такие условия жизни, при которых порядочному человеку существовать невозможно.

А м е т и с т о в. Пардон, пардон! Порядочному человеку при всяких условиях существовать можно. Я порядочный человек, однако же существую. Я, папаша, в Москву без штанов приехал, а вот...

А б о л ь я н и н о в. Простите, но какой я вам папаша?

А м е т и с т о в. Да не будьте вы таким недотрогой! Что за пустяки между дворянами.

А б о л ь я н и н о в. Простите меня, вы действительно дворянин?

А м е т и с т о в. Мне нравится этот вопрос! Да вы сами не видите, что ли?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
(Икает.) А, черт...

А б о л ь я н и н о в. Ваша фамилия, видите ли, мне никогда не встречалась.

А м е т и с т о в. Мало ли что не встречалась! Известная пензенская фамилия. Эх, сеньор! Да если бы вы знали, что я вынес от большевиков, эх... Имение разграбили, дом сожгли...

А б о л ь я н и н о в. У вас в каком уезде было имение?

А м е т и с т о в. У меня? Да вы говорите про... которое?

А б о л ь я н и н о в. Ну да которое сожгли.

А м е т и с т о в. Ах, это... Не хочу я вспоминать, потому что мне тяжело. Белые колонны, как сейчас помню... Семь колонн, одна красивее другой. Э, да что говорить! А племенной скот! А кирпичный завод!

А б о л ь я н и н о в. У моей тетки, Варвары Николаевны, был превосходный конский...

А м е т и с т о в. Что там Варвара-тетка! У меня лично был, да какой! Да что вы так приуныли? Приободритесь, отец!

А б о л ь я н и н о в. У меня тоска!

А м е т и с т о в. Вообразите, у меня тоже. Почему, неизвестно! Предчувствие какое-то... От тоски карты помогают...

А б о л ь я н и н о в. Я не люблю карт, я люблю лошадей. У меня была лошадь фараон...

Голос глухо запел: «Напоминают мне оне...»

Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь – фараон...

А м е т и с т о в. Я любил заложить фараон... Эх, пойдет партнер углами гнуть, вы, батюшка, холодным потом обольетесь! Но зато потом, как срежете ему карту на полном ходу, хлоп! Ляжет, как подкошенная!.. Кто меня расстроил... Эх, убраться бы из Москвы поскорее!

А б о л ь я н и н о в. Да, да, поскорее, я не могу здесь жить...

А м е т и с т о в. Не раскисайте, братишка! Три месяца еще, и уедем в Ниццу. Вы бывали в Ницце, граф?

А б о л ь я н и н о в. Бывал много раз.

А м е т и с т о в. Я тоже, конечно, бывал, только в глубоком детстве. Эх-хо-хо... Моя покойная матушка, помещица, возила меня... две гувернантки с нами ездили, нянька... Я, знаете ли, с кудрями... Интересно, бывают ли шулера в Монте-Карло?

А б о л ь я н и н о в (в тоске). Ах, я не знаю... Ах, я ничего не знаю...

А м е т и с т о в. Схватило! Вот экзотическое растение. Граф, коллега, до прихода Зюежки прошвырнемся в «Баварию»?

А б о л ь я н и н о в. Вы меня прямо ошеломляете вашими словами. В пивных грязь и гадость...

А м е т и с т о в. Вы, стало быть, не видели раков, которых вчера привезли в «Баварию»! Каждый рак величиной, ну, чтобы вам не соврать, с гитару! Херувим!

Появляется Х е р у в и м.

Слушай, дорогой мажордом желтой расы, если придет Зоя Денисовна, скажи, что мы с графом на минутку в Третьяковскую галерею пошли. Ползем, папаня! Во – раки!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
(Уходит с Абольяниновым.)

Х е р у в и м. Мануска! Усли!

М а н ю ш к а (вбегает, целует Херувима). Чем ты мне понравился, я в толк не возьму! Желтый, как апельсин, а понравился! Вы, китайцы, лютеране?

Х е р у в и м. Лютирани, мала-мала, белье стираем... Слушай, Мануска, вазное дело. Мы скоро ехать будим, Мануска. Я тебе беру Санхай.

М а н ю ш к а. В Шанхай? Не поеду я.

Х е р у в и м. Поедеси!

М а н ю ш к а. Что ты командуешь? Что я тебе, жена, что ли?

Х е р у в и м. Я тебе зеню, Мануска. В Санхае.

М а н ю ш к а. Меня нужно спросить, пойду я за тебя или нет. Что, я тебе контракт подписывала, что ли, косою?

Х е р у в и м. Ты, мозет, Ганзалина зенить хоцись?

М а н ю ш к а. А хотя бы и Газолина, я девушка свободная. Ты чего буркалы китайские выпятил, я тебя не боюсь.

Х е р у в и м. Ганзалини?

М а н ю ш к а. Нечего, нечего...

Х е р у в и м (становится страшен). Ганзалини?

М а н ю ш к а. Что ты, что ты...

Х е р у в и м (схватывает Манюшку за глотку, вынимает нож). Я тебе цицас резать буду. (Душит Манюшку.) Кази, Ганзалини целовала?

М а н ю ш к а. Ой, пусти глотку, ангелок... Помяни, Господи, рабу Марию...

Х е р у в и м. Целовала? Целовала?

М а н ю ш к а. Херувимчик, хрустальный... Не целовала... не режь сиротку... Пожалей мою юную жизнь...

Х е р у в и м (спрятал нож). Зенить будеси Ганзалини?

М а н ю ш к а. Нет, нет, нет...

Х е р у в и м. Мне зенить будиси?

М а н ю ш к а. Нет... буду, буду. Что же это он, товарищи, делает?!

Х е р у в и м. Я тебе предлозение делала.

М а н ю ш к а. Ай да предложение, ай да женишок с ножичком... Ты же разбойник, Херувим!

Х е р у в и м. Ниэт... Я ни разбойник, я был пицальный... каздый гоняит... тюрьму хоцит садить китайса, за кокаин... Гандзалин миня тиранил мала-мала... Белье стирал целую ночь... сам денга бирет, мне сорок копиек давал... я страдал, холодный... – китайса не мозет зить холодной Москва... китайса Санхае должен зить... Слушай, Мануска, ты типель собилайся, все собилай, мы скоро ехать будим, я придумал много цирвонцев достать...

М а н ю ш к а. Ой, Херувим, что ты придумал? Боюсь я тебя!

Звонок.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Катись в кухню.

Херувим исчезает.

(Открыв дверь.) Ой, Господи, Боже мой!..

Г а н д з а л и н. Здрасти, Мануска!

М а н ю ш к а. Ой, уйди, Газолин...

Г а н д з а л и н. Нет, я зацем уйди? Я не уйди. Ты одна, Мануска? Я тебе присел предложение делать.

М а н ю ш к а. Уйди, Газолин.

Г а н д з а л и н. Нет, зацем? Ты мне сто говорила, а? Говорила, любиси. Обманула Гандзалин?

М а н ю ш к а. Что ты врешь? Ничего я тебе не говорила. Вот я Зою Денисовну кликну...

Г а н д з а л и н. Ты вресь. Ее дома нету. Ты, Мануска, много вресь! А я тебе люблю!

М а н ю ш к а. Ты с ножом? Говори прямо, если с ножом...

Г а н д з а л и н. Я с нозом. Предложение делать.

Х е р у в и м (появился внезапно). Кто предложение?

Г а н д з а л и н. Ага! Вот он, помосник! Ах, ты!..

Х е р у в и м. Ты иди с квартиры, иди!.. Это моя квартира, Зойкина, моя!

М а н ю ш к а. Ой, что же это будет?

Г а н д з а л и н. Твоя? Бандит! Захватил квартиру Зойкину! Я тебя подобрал? Ты как собака был? А ты... Я предложение буду делать Мануске!

Х е р у в и м. Я узе делала. Она моя зена, она миня любит!

Г а н д з а л и н. Вресь! Она моя зена, она миня любит!

М а н ю ш к а. Врет, врет, врет! Херувимчик, врет он!

Х е р у в и м. Уходи из моей квартиры!

Г а н д з а л и н. Ты уходи! Я милици все рассказы, какой ты китайский тип.

Х е р у в и м. Милици... (Шипит.)

Гандзалин шипит.

М а н ю ш к а. Зайчики, милые, только не режьтесь, дьяволы!

Х е р у в и м. А-а-а-а!.. (Внезапно выхватывает нож, бросается на Гандзалина.)

М а н ю ш к а. Караул! Караул! Караул!

Гандзалин бросается в зеркальный шкаф, захлопывая за собой дверцу. Звонок.

Караул! Брось ножик, черт окаянный!

Звонок.

Звонят! На каторгу тебя заберут!

Звонок.

Х е р у в и м. Я его потом зарезу! (Закрывает шкаф на ключ, ключ прячет в карман и исчезает.)

Манюшка открывает дверь, в переднюю входят д в о е н е и з в е с т н ы х в штатском, оба с портфелями.

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Здравствуйте, товарищ! Это не у вас «караул» кричали?

М а н ю ш к а. Что вы, какой «караул»? Это я пела...

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. А-а...

М а н ю ш к а. А вам что, товарищи?

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. А мы, товарищ, комиссия. Пришли вашу мастерскую осматривать.

М а н ю ш к а. Да заведующей сейчас нету... Сегодня занятия нет...

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. А вы кто же такая сами будете?

М а н ю ш к а. Я ученица-модельщица.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Ну вот вы нам и покажите. А то что же нам два раза ходить.

М а н ю ш к а. Ну, тогда пожалуйста...

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Здесь что помещается?

М а н ю ш к а. А это примерочная.

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Хорошая комнатка! Это что же, на них и примеряют? (Показывает на манекены.)

М а н ю ш к а. Как же, на манекене...

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. А модельщицы для чего?

М а н ю ш к а. А это когда на шагу платье примеривают, так на ученицу надевают...

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Ага.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й (отдергивает занавес).

За занавесом оказывается Херувим с утюгом в руках.

Гм... Китаец!

М а н ю ш к а. А это к нам из прачечной ходит, юбки гладит...

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Ага...

Херувим плюет на утюг и уходит с ним.

Ну, пойдите дальше. (Уходит, за ним Манюшка.)

Второй неизвестный, оставшись один, быстро вынимает ключи, открывает один шкаф, осматривает, закрывает его, открывает второй, отскакивает. В шкафу, скорчившись, сидит Гандзалин с ножом.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Второй! Тсс... Сидишь?

Г а н д з а л и н. Сидю.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В т о р о й н е и з в е с т н ы й (шепотом). А ты что здесь делаешь?

Г а н д з а л и н (плаксиво). Я мала-мала прятался... Меня сицас Херувим-бандит резать будит... Спаси ти меня, мала-мала...

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Тише ты! Спасем, спасем. А ты сам кто будешь?

Г а н д з а л и н. Я Гандзалин, цесный китаец. Я горнисной предлозение делал, а он меня цуть не зарезал! Он сюда опиум таскает, в эту квалтиру.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Ага. Так, так... Выкатывайся из шкафа, иди в отделение милиции и там меня жди. Только ходу не вздумай дать, я тебя на дне моря найду.

Г а н д з а л и н. Я не убегу. Только Херувима забери, он бандит! (Выпрыгивает из шкафа, скрывается в передней, исчезает.)

Второй неизвестный уходит туда, куда ушли Манюшка и Первый неизвестный. Через некоторое время в с е т р о е возвращаются.

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Ну, что же? Все прекрасно, и светло, и ясно... Отлично устроена мастерская.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Что говорить!

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й (Манюшке). Ну, вот что, товарищ, передайте заведующей, что была комиссия и нашла мастерскую в образцовом порядке. Мы вам и бумагу пришлем.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Кланяйтесь.

Оба уходят в переднюю. Манюшка закрывает за ними дверь.

Х е р у в и м (вылетает, как буря, с ножом). А-а, услы? Милиция раскази? Я тебе расказу! (Бросается к шкафу.)

М а н ю ш к а. Дьявол! Караул! Дьявол! Караул!

Х е р у в и м (открывает шкаф и остолбеневаает). Сволоць! У него ключ был!

Занавес

Ночь. Гостиная Зои освещена лампами под абажурами. В нише горит китайский фонарь. Х е р у в и м сидит в своем экзотическом наряде в нише – похож на божка. За дверями слышен звон двух гитар, слышно, как несколько голосов негромко поют: «Эх, раз, еще раз!..» Манекены стоят, улыбаются, не разберешь, живые они или мертвые. Много цветов в вазах.

А м е т и с т о в (выглянув из дверей). Херувим! Шампанского!

Х е р у в и м. Цицас! (Уходит, через некоторое время возвращается и опять садится в нише.)

Звуки гитар сменились роялем, на котором играют фокстрот. Из дверей выходит М е р т в о е т е л о, тоскливо оглядывается, направляется к Херувиму.

М е р т в о е т е л о. Позвольте вас просить, мадам!

Х е р у в и м. Я не мадама иесть...

М е р т в о е т е л о. Что за черт!.. (Подходит к одному из манекенов.) Один тур, мадам... Не желаете, как угодно... Улыбайтесь, улыбайтесь... Только смотрите, чтобы вам потом плакать не пришлось... (Потом подходит ко второму манекену.) Мадам... (Обнимает манекен за талию, танцует с ним.) никогда в жизни не держал в руках такой талии... (Всматривается в манекен, отталкивает его, горько плачет.)

А м е т и с т о в (выскакивает из дверей). Иван Васильевич! Пардон, пардон...

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чего вы расстроились? Чего вам не хватает в жизни?

М е р т в о е т е л о. Подлец ты!..

А м е т и с т о в. Иван Васильевич, я вам нашатырного спирту накапаю.

М е р т в о е т е л о. Новое оскорбление!.. Всем шампанского, а мне – нашатырный спирт...

А м е т и с т о в. Иван Васильевич, родной мой...

Во время этой сцены дверь в глубине полуосвещенной спальни Зои открывается, и в спальне появляется бесшумно П о р т у п е я, прячется за портьерой и наблюдает происходящее. Из двери появляется Р о б б е р.

Р о б б е р. Иван Васильевич, что с тобой?

М е р т в о е т е л о. Нашатырным спиртом поят!

М а р ь я Н и к и ф о р о в н а (появилась в гостиной). Иван Васильевич, милый!

М е р т в о е т е л о. Отойдите все от меня!..

З о я появилась в гостиной.

Р о б б е р. Зоя Денисовна, примите мои глубокие извинения, от имени Ивана Васильевича тоже.

З о я. Пустяки, это бывает.

А м е т и с т о в. Действуйте, берите его танцевать.

Марья Никифоровна увлекает плачущее Мертвое тело к двери, за ними Аметистов.

Р о б б е р. Зоя Денисовна, вечер ваш очарователен! Да, кстати, чтобы потом не забыть при прощании... сколько я должен вам?

З о я. Мы устраиваем эти вечера в складчину... двести рублей.

Р о б б е р. Слушаю-с... Я уплачу и за Ивана Васильевича. Значит, двести и двести...

З о я. Четыреста.

Р о б б е р. Слушаю... (Вручает деньги.) Мерси. Зоя Денисовна, один тур.

З о я. Ах, нет, я не танцую.

Р о б б е р. Ах, Зоя Денисовна, почему же? (Уходит.)

Херувим вдруг шевельнулся, посмотрел в сторону передней. Оттуда выглянула М а н ю ш к а, сделала какой-то знак. Зоя кивнула головой. Тут же бесшумно из передней появляется А л л а В а д и м о в н а. Она в пальто и вуали.

З о я (шепотом). Здравствуйтесь, Аллочка. (Манюшке.) Веди Аллу Вадимовну к себе в комнату, надевай на нее туалет.

Манюшка уходит с Аллой через спальню. Херувим скрывается бесшумно. П о р т у п е я отодвигает портьеру и появляется.

(Вздрагивает, отшатывается.) Что это значит, Портупее? Как вы попали сюда?

П о р т у п е я (шепотом). Через черный ход. У меня ключи от всех квартир. Ай да Зоя Денисовна! Ай да мастерская! Ну, все понятно!

З о я (дает деньги Портупее). Исчезайте, молчите! Когда разойдутся, приходите,

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
дам еще!

П о р т у п е я. Зоя Денисовна, поосторожнее!..

З о я. Уходите...

Портупея уходит через спальню, Зоя за ним. Слышен негромкий фокстрот за дверями. Из дверей выходит Г у с ь. Он мрачен.

Г у с ь. Гусь, ты пьян!.. До чего ты пьян, коммерческий директор тугоплавких металлов, не может изъяснить язык!.. Ты один только знаешь, почему ты пьян... Но ты никому этого не скажешь, потому что ты горд!.. Вокруг тебя вертятся женщины и увеселяют директора, но ты не весел... Душа твоя мрачна... (Манекену.) Ах, манекен!

З о я бесшумно появилась в спальне.

Тебе одному, молчаливый манекен, я доверяю свою тайну: я...

З о я. Влюблен.

Г у с ь. А, Зойка! Ты подслушала меня? Ну, что же... Зоя! Змея обвила мое сердце... Ах, Зоя, я догадываюсь, что она дрянь!.. Но она победила меня!..

З о я. Стоит ли мучиться, о милый Гусь? Ты найдешь другую.

Г у с ь. Ах нет, никогда! Но все равно, Зоя, покажи мне кого-нибудь, чтобы я хоть на время забыл про нее и вытеснил ее из своего сердца... Зоя, она не любит меня!

З о я. О, мой Гусь, мой старый приятель, подожди несколько минут, и ты увидишь такую женщину, что забудешь все на свете! И она будет твоя, потому что какая женщина устоит против тебя, Гусь!

Г у с ь. Спасибо тебе, Зойка, за добрые слова...

Из дверей выходят А б о л ь я н и н о в и А м е т и с т о в – оба во фраках.

я хочу тебя наградить. Сколько я тебе должен?

З о я. Гусь, я ничего не хочу с тебя брать.

Г у с ь. Ты не хочешь брать, ну, а я хочу дать. Бери пятьсот рублей.

З о я. Мерси, Гусь (Аметистову). А-а, администратор! Ты устроил рай, в котором отдохнула измученная душа! Прими!

А м е т и с т о в. Данке зер.

Г у с ь (Абольянинову). Граф! Прекрасно играете на рояле! Прошу вас. (Вручает ему деньги.)

А б о л ь я н и н о в. Мерси. Когда изменятся времена, я вам пришлю своих секундантов.

Г у с ь. Дам, и им дам.

А м е т и с т о в. Bravo, Борис Семенович! Борис Семенович, внимание! Перемена декораций! Сейчас будет продемонстрирован новый туалет! Свет!

Включают свет. Несколько мгновений квартира Зои во тьме, потом лампы наливаются ярким светом. В гостиной сидят: З о я, Г у с ь, Р о б б е р, М е р т в о е т е л о, М а р ь я Н и к и ф о р о в н а, Л и з а н ь к а и м а д а м И в а н о в а.

А б о л ь я н и н о в – за роялем. У занавеса, которым закрыта ниша, возникает А м е т и с т о в.

А м е т и с т о в. Внимание! Сиреневый туалет. Демонстрирован в Париже! Цена –

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
шесть тысяч франков! Ателье!

Абольянинов начинает вальс. А л л а на эстраде выступает под музыку.

В с е. Bravo!

Г у с ь. Что такое?

А л л а. Ах! Это вы! Как вы попали сюда?

Г у с ь. Как вам это нравится? Она спрашивает, как я сюда попал? В то время как я должен спросить ее, как она сюда попала!

А л л а. Я поступила модельщицей.

Г у с ь. Модельщицей!! Женщина, которую я люблю!.. Женщина, на которой я собираюсь жениться, бросив жену и пару малюток, поступает в модельщицы! Да знаешь ли ты, несчастная, куда ты поступила?

А л л а. В ателье.

Г у с ь. Ну да, пишется «ателье», а выговаривается «веселый дом»!

Р о б б е р. Что такое, что такое!

Г у с ь. Видали вы, дорогие товарищи, такое ателье, где туалеты показываются ночью под музыку?!

М е р т в о е т е л о. Правильно!.. На каком основании музыка?.. Будьте любезны...

А м е т и с т о в. Пардон, пардон...

З о я. Ага, теперь понятно! (Передразнивает Аллу.) «У меня никого нет, Зоя Денисовна, с тех пор как умер мой муж»... Ах вы, ломака, ломака! Ведь я же вас спрашивала, предупреждала! Спасибо, Аллочка, за скандал!

Г у с ь. Зоя Денисовна, вы в качестве модельщицы выставили мне мою невесту!

А л л а. Я не невеста вам.

Г у с ь. Она моя любовница, между нами!

М е р т в о е т е л о. Слава тебе Господи, развеселились!..

А б о л ь я н и н о в. Попрошу вас не оскорблять женщину!

Г у с ь. Пианист, оставь меня!

З о я. Господа, это маленькое недоразумение, оно сейчас разъяснится... прошу вас, господа, в залу... Будьте добры, пожалуйста... Аметистов!

А м е т и с т о в. Пардон, пардон, прошу, господа, пожалуйста! Общий грандиозный фокстрот! А тут маленькое интимное объяснение... Такие происшествия нередки в высшем свете... Иван Васильевич! Лизанька, примите меры.

Женщины увлекают мужчин за двери. С ними уходят Аметистов и Абольянинов. Зоя остается в нише и слушает разговор.

Г у с ь. Ты в ателье?

А л л а. А как же вы-то попали в это ателье?

Г у с ь. Я? Я – мужчина! Я хожу в брюках! А не в платье, на котором разрез до пояса! Я хожу сюда потому, что ты выпила из меня всю кровь! А ты зачем?

А л л а. А я за деньгами. Г у с ь. Зачем тебе деньги?

А л л а. Я хочу уехать за границу.

Г у с ь. На это не дам! Опять эта проклятая заграница!

А л л а. Вот я и хотела здесь взять.

Г у с ь. У тебя в Москве было бы все, даже птичье молоко! Я семь раз делал тебе предложение! За границу!.. Как же, за границей уже все дожидаются, президент в Париже волнуется, что это Алла Вадимовна не едет?

А л л а. Да, волнуется, только не президент, а мой жених.

Г у с ь. Кто? Жених? Жених? Ну, знаешь ли, если у тебя там есть жених, ты... ты... дрянь!

А л л а. Не смейте оскорблять меня! Я скрыла это, вер но. Но ведь я никак не полагала, что вы влюбитесь в меня! Я хотела взять у вас деньги на заграницу и удрать...

Г у с ь. Бери, но только оставайся!

А л л а. Нет, ни за что!

Г у с ь. А, теперь!.. Когда ты в моих кольцах, ни за что!.. Ты посмотри на свои пальцы!

А л л а (срывает кольца, бросает на пол). Натe! Натe!..

Г у с ь. К черту кольца! Отвечай, ты пойдешь со мной или нет?

А л л а. Нет, не пойду.

Г у с ь. Нет? Считаю до трех. Раз! Два!.. Считаю до десяти!

А л л а. Бросьте это, Борис Семенович, не считайте. Я не пойду. Я не люблю вас.

Г у с ь. Распутная женщина!

А л л а. Как вы см...

З о я (в нише). О, дура, проклятая!

А м е т и с т о в (внезапно появился). Пардон, пардон, Борис Семенович!

Г у с ь. Вон!

А м е т и с т о в. Пардон, пардон, Борис Семенович!.. Алла Вадимовна, пожалуйста, вам надо отдохнуть!.. Успокоиться...

А л л а (идет). Зоя Денисовна, мне очень жаль, что я была причиной скандала... Туалет я вам верну...

З о я. Я вам его дарю за глупость, идиотка!

Г у с ь. Стой! Ты куда? За границу?!

А л л а (из передней). Издохну, но сбегу!

Аметистов набрасывает на Аллу пальто, и она исчезает.

Г у с ь (вслед). Я не дам тебе этого сделать!

З о я. Успокой, успокой его!

А м е т и с т о в. Ладно, ладно, успокою... Иди к гостям...

Зоя уходит, закрывает за собою дверь. Г у с ь (в пространство). Ты будешь вещи продавать на Смоленском рынке, ты попадешь в больницу! И посмотрю я, как ты в

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
своём сиреневом туалете... (В тоске валится на ковер.)

А м е т и с т о в. Борис Семенович, коврик грязный!.. Все устроится!.. Одна она, что ли, на свете? Плюньте! Она даже и не красива, антр ну суа ди, так, ординер...

Г у с ь. Уйди! Я тоскую...

А м е т и с т о в. Вот и отлично! Потоскуйте... Вот вам ликерчик и папиросы... (Исчезает.)

За сценою фокстрот.

Г у с ь (тоскует). Гусь тоскует... Отчего ты тоскуешь, бедный? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму... Ах я, несчастный! Я всего достиг, чего только можно достичь, и вот ядовитая любовь сразила меня, и я лежу на ковре, и где?.. В веселом доме!.. Алла! Вернись! (Громче.) Алла! Вернись!

А м е т и с т о в (появился). Тихонечко, Борис Семенович, а то внизу пролетариат слышит... (Исчезает, закрыв дверь.)

Х е р у в и м появляется бесшумно, подходит к Гусю.

Г у с ь. Уйди, я тоскую...

Х е р у в и м. Чего тоскуеси мала-мала?

Г у с ь. Не могу видеть ни одного человеческого лица, только ты один симпатичный... Херувим, китайский человек... Печаль меня терзает, и от этого я нахожусь на ковре...

Х е р у в и м. Печаль? я тозе печальный...

Г у с ь. Ах, китаец!.. Чего тебе печалиться? У тебя все впереди...

Х е р у в и м. Мадама обманула? Все мадамы сибко нехоросие мала-мала... Ну, сто? Другую мадаму забираеси... Много мадама Москве...

Г у с ь. Не могу достать другую мадаму!

Х е р у в и м. Тибе денги ниэт?

Г у с ь. Ах, милый китаец! Разве может быть, чтобы я не достал денег? Но вот одного не может придумать моя голова, как деньги превратить в любовь! Смотри! (Выбрасывает из кармана толстые пачки червонцев.) Утром получил пять тысяч! А вечером – удар, от которого я свалился! И вот я лежу на большой дороге, и пусть каждый в побежденного Гуся плюет, как я плюю на червонцы!

Х е р у в и м. Плюесь в денги? Смисно! У тибя денги ест, мадама нет... У меня мадама ест, а денги где? Дай погладить червонцы...

Г у с ь. Гладь...

Х е р у в и м. А, червончики, червончики, милые... (Внезапно ударяет Гуся под лопатку финским ножом. Гусь затихает без звука.) Червонци... и теплый Санхай!! (Прячет червонцы, срывает с Гуся часы с цепочкой, кольца с пальцев, вытирает нож о пиджак Гуся, поднимает Гуся, сажает в кресло, убавляет свет, говорит шепотом.) Мануска!

М а н ю ш к а (выглянула). Чего тебе?

Х е р у в и м. Тссе... Сицас Санхай безим... вокзал...

М а н ю ш к а. Ты что сделал, черт?

Х е р у в и м. Я Гуся зарезала...

М а н ю ш к а. А... Дьявол!.. Дьявол...

Х е р у в и м. Беги, а то тебя резать буду! Цицас мокрая беда будит!..

М а н ю ш к а. Господи! Господи! (Исчезает вместе с Херувимом.)

А м е т и с т о в (вошел тихо). Борис Семенович, я на минуточку, только проведать... Ну, как чувствуете себя? Э, как вы переволновались! Вон и ручка холодная... (Всматривается.) Что?! Сукин кот!.. Бандит! Мокрое дело! Этого в программе, граждане, не было! Как же теперь быть-то, а? Засыпался! Крышка! Херувим!! Да... Конечно, ограбил и ходу дал... А я-то идиот!.. Вот тебе и Ницца! Вот тебе и заграница! (Пауза. Машинально.) Вечер был, сверкали звезды... Чего же я сижу? Ходу? (Сбрасывает с себя фрак, галстук, вбегает в спальню Зои, открывает письменный стол, берет оттуда какие-то бумаги и деньги, прячет в карман, вынимает из-под постели старенький чемодан и из него – френч, надевает его, надевает кепку.) Верный мой товарищ чемодан, опять мы с тобой вдвоем. Но куда податься теперь? Объясните мне, товарищи, куда податься? Ах, звезда ты моя, безутешная!.. Ах, судьба моя!.. Прощай, Зоя, прости! Иначе я поступить не мог! Прощай, Зойкина квартира! (Исчезает с чемоданом.)

Пауза. Дверь в спальню Зои тихонько открывается, и входят П е р в ы й и В т о р о й н е и з в е с т н ы е, а за ними еще д в о е н е и з в е с т н ы х.

З о я (появилась в гостиной). Борис Семенович, вы один? А где же Аметистов? (Всматривается.) О Боже! О Боже! Мы погибли! О Боже! (Тихонько в двери.) Павел Федорович!

А б о л ь я н и н о в вошел.

Павлик, стряслась беда! Посмотрите! (Указывает на Гуся.)

А б о л ь я н и н о в (вглядевшись). Что такое?!

З о я. Павлик, беда! Это китаец, это он с Аметистовым! Павлик, бежать! Сию минуту бежать.

А б о л ь я н и н о в. Как – бежать?

З о я. Павлик, опомнитесь, поймите, в квартире убийство!.. Да что я... Ах, деньги в спальне! Бежать...

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й (выходя). Спокойно, гражданочка. Нельзя бежать.

З о я. Кто вы такие?!

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Спокойно, гражданочка. Мы с мандатами.

А б о л ь я н и н о в. Зоя! Что творится в квартире?

З о я. Ах, понимаю! Павлик, это конец! Будьте мужчиной. Имейте в виду, мы не виноваты.

В т о р о й н е и з в е с т н ы й. Кто там танцует?

З о я. Это мои гости. Запомните, мы не причастны к убийству. Это китаец и Аметистов.

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Спокойно, гражданочка. (Идет к дверям, открывает их.) Ваши документы, граждане.

Темно. Свет. Появляется П е р в ы й н е и з в е с т н ы й – сидит за столиком, В т о р о й н е и з в е с т н ы й осматривает комнату, Т р е т ь и й н е и з в е с т н ы й стоит у дверей, курит. Из дверей, ведущих в спальню, тихонько появляется П о р т у п е я, входит в гостиную, удивлен.

П е р в ы й н е и з в е с т н ы й. Вам чего, гражданин?

П о р т у п е я. Довольно странно. Это я могу спросить, вам чего здесь, в

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
квартире? Я председатель домкома.

Первый неизвестный. А-а-а. Очень приятно.

Портупея. Мне Зою Денисовну.

Второй неизвестный. Сейчас. (Уходит.)

Потом возвращается с Зоей и Абольяниновым. Оба они бледны, молчаливы. Зоя держит за руку Абольянинова. Портупея поражен.

Ну, чего хотел сказать Зое Денисовне?

Портупея (учуял что-то неладное). А вы кто такие, товарищи, будете?

Первый неизвестный. Гуся знал?

Портупея. Как же, они у нас в доме проживают.

Второй неизвестный. Проживали.

Портупея (вздрыгнул). Товарищи, я давно замечаю, подозрительная квартира... Завтра хотел сообщить...

Зоя. Мерзавец! Я ему деньги платила! У него и сейчас мои червонцы в кармане!

Портупея попытался проглотить денежную бумажку.

Второй неизвестный (отняв бумажку). Ты что же – дефективный? Червонцы жуешь?

Первый неизвестный. У тебя под носом Гуся режут, а ты червонцами закусываешь!

Портупея (упал на колени). Товарищи! Я человек малосознательный!.. (С пафосом.) Товарищи, принимая во внимание мою темноту и невежество, как наследие царского режима, считать приговор условным!.. Что такое говорю, и сам не понимаю...

Первый неизвестный. Ну ладно, подымайся. (Зое.) Надевайте пальто, мадам, пора ехать.

Портупея громко рыдает.

Не рыдай. Вместе поедem.

Зоя. Имейте в виду (указывает на Абольянинова), что мой муж болен! Уж вы не обижайте его...

Первый неизвестный. Его в больницу поместят...

Зоя. Прощай, прощай, моя квартира!

Абольянинов. У меня мутится рассудок... Смокинги... кровь... (Второму неизвестному.) Простите, пожалуйста, я хотел вас спросить, отчего вы в смокингах?

Второй неизвестный. А мы в качестве гостей к вам собирались.

Абольянинов. Простите, пожалуйста, к смокингу ни в каком случае нельзя надевать желтые ботинки.

Второй неизвестный (Первому неизвестному). Говорил я тебе?!

Занавес

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
«Кабала святош (Мольер)»

Драма в четырех действиях

Rien ne manque a sa gloire,

IL manquait a la notre[48 – Для его славы уже ничего не нужно. Но он нужен для нашей славы (франц.)].

Действующие:

Жан-Батист Покленде Мольер – знаменитый драматург и актер.

Мадлена Бежар

Арманда Бежарде Мольер

Мариэтта Риваль

Шарль-Варледе Лагранж – актер, по прозвищу «Регистр».

Захария Муаррон – знаменитый актер-любовник.

Филибердю Круази – актер.

Жан-Жак Бутон – тушитель свечей и слуга Мольера.

Людовик Великий – король Франции.

Маркиз д'Орсиньи – дуэлянт, по кличке «Одноглазый, помолись!».

Маркиз дешаррон – архиепископ города Парижа.

Маркиз дельессак – игрок.

Справедливый сапожник – королевский шут.

Шарлатансклавесином.

Незнакомка в маске.

Отец Варфоломей – бродячий проповедник.

Брат Сила

Брат Верность

Ренэ – дряхлая нянька Мольера.

Суфлер.

Монашка.

Члены кабалы священного Писания в масках и черных плащах. Придворные. Мушкетеры и другие.

Действие в Париже в век Людовика XIV.

Действие первое

За занавесом слышен очень глухой раскат смеха тысячи людей. Занавес раскрывается

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru – сцена представляет театр Пале-Рояль. Тяжелые занавесы. Зеленая афиша с гербами и орнаментом. На ней крупно: «КОМЕДИАНТЫ ГОСПОДИНА...» и мелкие слова. Зеркало. Кресла. Костюмы. На стыке двух уборных, у занавеса, которым они разделены, громадных размеров клавесин. Во второй уборной – довольно больших размеров распятие, перед которым горит лампада. В первой уборной налево дверь, множество сальных свечей (свету, по-видимому, не пожалели). А во второй уборной на столе только фонарь с цветными стеклами. На всем решительно – и на вещах, и на людях (кроме Лагранжа) – печать необыкновенного события, тревоги и волнения. Л а г р а н ж, не занятый в спектакле, сидит в уборной, погруженный в думу. Он в темном плаще. Он молод, красив и важен. Фонарь на его лицо бросает таинственный свет. В первой уборной Б у т о н, спиной к нам, припал к щели в занавесе. И даже по спине его видно, что зрелище вызывает в нем чувство жадного любопытства. Рожа Ш а р л а т а н а торчит в дверях. Шарлатан приложил руку к уху – слушает. Слышны взрывы смеха, затем финальный раскат хохота. Б у т о н схватывается за какие-то веревки, и звуки исчезают. Через мгновение из разреза занавеса показывается М о л ь е р и по ступенькам сбегает вниз, в уборную. Шарлатан скромно исчезает. На Мольере преувеличенный парик и карикатурный шлем. В руках палаш. Мольер загримирован Сганарелем – нос лиловый с бородавкой. Смешон.левой рукой Мольер держится за грудь, как человек, у которого неладно с сердцем. Грим плывет с его лица.

М о л ь е р (сбрасывая шлем, переводя дух). Воды!

Б у т о н. Сейчас. (Подает стакан.)

М о л ь е р. Фу! (Пьет, прислушивается с испуганными глазами.)

Дверь распахивается, вбегает загримированный Полишинелем д ю К р у а з и, глаза опрокинуты.

д ю К р у а з и. Король аплодирует! (Исчезает.)

С у ф л е р (в разрезе занавеса). Король аплодирует!

М о л ь е р (Бутону). Полотенце мне! (Вытирает лоб, волнуется.)

М а д л е н а (в гриме появляется в разрезе занавеса). Скорее! Король аплодирует!

М о л ь е р (волнуясь). Да, да, слышу. Сейчас. (У занавеса крестится.) Пречистая Дева, Пречистая Дева! (Бутону.) Раскрывай всю сцену!

Бутон опускает сначала занавес, отделяющий от нас сцену, а затем громадный главный, отделяющий сцену от зрительного зала. И вот она одна видна нам в профиль. Она приподнята над уборными, пуста. Ярко сияют восковые свечи в люстрах. Зала не видно, видна лишь крайняя золоченая ложа, но она пуста. Чувствуется только таинственная, насторожившаяся синь чуть затемненного зала. Ш а р л а т а н с к о е л и ц о моментально появляется в дверях. Мольер поднимается на сцену так, что мы видим его в профиль. Он идет кошачьей походкой к рампе, как будто подкрадывается, сгибает шею, перьями шляпы метет пол. При его появлении один невидимый человек в зрительном зале начинает аплодировать, а за этим из зала громовые рукоплескания. Потом тишина.

М о л ь е р. Ваше... величество... ваше величество... Светлейший государь... (Первые слова он произносит чуть-чуть заикаясь – в жизни он немного заикается, но потом его речь выравнивается, и с первых же слов становится понятно, что он на сцене первокласен. Богатство его интонаций, гримас и движений неисчерпаемо. Улыбка его легко заражает.) Актеры труппы Господина, всевернейшие и всеподданнейшие слуги ваши, поручили мне благодарить вас за ту неслыханную честь, которую вы оказали нам, посетив наш театр... И вот, сир... я вам ничего не могу сказать.

В зале порхнул легкий смешок и пропал.

Муза, муза моя, о лукавая Талия!
Всякий вечер, услышав твой крик,
При свечах в Пале-Рояле я...
Надеваю Сганареля парик.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Поклонившись по чину, пониже, –
Надо! Платит партер тридцать су! –
Я, о сир, для забавы Парижа (пауза)
Околесину часто несу.

В зале прошел смех.

Но сегодня, о муза комедии,
Ты на помощь ко мне спеши.
Ах, легко ли, легко ль в интермедии
Солнце Франции мне смешить?..

В зале грянул аплодисмент.

Б у т о н. Ах, голова! Солнце придумал.

Ш а р л а т а н (с завистью). Когда он это сочинил?

Б у т о н (высокомерно). Никогда. Экспромт.

Ш а р л а т а н. Мыслимо ли это?

Б у т о н. Ты не сделаешь.

М о л ь е р (резко меняет интонацию).

Вы несете для нас королевское бремя.
Я, комедиант, ничтожная роль.
Но я славен уж тем, что играл в твое время,
Людовик!.. Великий!..
(Повышает голос.) Французский!!!
(Кричит.) Король!!!

(Бросает шляпу в воздух.)

В зале начинается что-то невообразимое. Рев: «Да здравствует король!» Пламя свечей ложится. Бутон и Шарлатан машут шляпами, кричат, но слов их не слышно. В реве прорываются ломаные сигналы гвардейских труб. Лагранж стоит неподвижно у своего огня, сняв шляпу. Овация кончается, и настает тишина.

Г о л о с л ю д о в и к а (из сини). Благодарю вас, господин де Мольер!

М о л ь е р. Всепопулярнейшие слуги ваши просят вас посмотреть еще одну смешную интермедию, если только мы вам не надоели.

Г о л о с л ю д о в и к а. О, с удовольствием, господин де Мольер!

М о л ь е р (кричит). Занавес!

Главный занавес закрывает зрительный зал, и за занавесом тотчас начинается музыка. Бутон закрывает и тот занавес, который отделяет сцену от нас, и она исчезает. Шарлатанское лицо скрывается.

М о л ь е р (появившись в уборной, бормочет). Купил!.. Убью его и зарежу!

Б у т о н. Кого бы он хотел резать в час триумфа?

М о л ь е р (схватывает Бутона за глотку). Тебя!

Б у т о н (кричит). Меня душат на королевском спектакле!

Лагранж шевельнулся у огня, но опять застыл. На крик вбегают М а д л е н а и Р и в а л ь, почти совершенно голая, – она переодевалась. Обе актрисы схватывают Мольера за штаны, оттаскивая от Бутона, причем Мольер лягает их ногами. Наконец Мольера отрывают с куском Бутонина кафтана. Мольера удаётся повалить в кресло.

М а д л е н а. Вы с ума сошли! В зале слышно.

М о л ь е р. Пустите!

Р и в а л ь. Господин Мольер! (Зажимает рот Мольеру.)

Потрясенный Ш а р л а т а н заглядывает в дверь.

Б у т о н (глядя в зеркало, ощупывает разорванный кафтан). Превосходно сделано и проворно. (Мольеру.) В чем дело?

М о л ь е р. Этот негодяй... Я не понимаю, зачем я держу при себе мучителя? Сорок раз играли, все было в порядке, а при короле свеча повалилась в люстре, воском каплет на паркет.

Б у т о н. Мэтр, вы сами выделявали смешные коленца и палашом повалили свечку.

М о л ь е р. Врешь, бездельник!

Лагранж кладет голову на руки и тихо плачет.

Р и в а л ь. Он прав. Вы задели свечку шпагой.

М о л ь е р. В зале смеются. Король удивлен...

Б у т о н. Король – самый воспитанный человек во Франции и не заметил никакой свечки.

М о л ь е р. Так я повалил? Я? Гм... Почему же в таком случае я на тебя кричал?

Б у т о н. Затрудняюсь ответить, сударь.

М о л ь е р. Я, кажется, разорвал твой кафтан.

Бутон судорожно смеется.

Р и в а л ь. Боже, в каком я виде! (Схватывает кафтан и, закрывшись им, улетает.)

Д ю К р у а з и (появился в разрезе занавеса с фонарем). Госпожа Бежар, выход, выход, выход... (Исчез.)

М а д л е н а. Бегу! (Убегает.)

М о л ь е р (Бутону). Возьми этот кафтан.

Б у т о н. Благодарю вас. (Снимает кафтан и штаны, проворно надевает одни из штанов Мольера, с кружевными канонами.)

М о л ь е р. Э... э... э... А штаны почему?

Б у т о н. Мэтр, согласитесь сами, что верхом безвкусицы было бы соединить такой чудный кафтан с этими гнусными штанами. Извольте глянуть: ведь это срам – штаны. (Надевает и кафтан.) Мэтр, в кармане обнаружены мною две серебряные монеты незначительного достоинства. Как прикажете с ними поступить?

М о л ь е р. В самом деле. Я полагаю, мошенник, что лучше всего их сдать в музей. (Поправляет грим.)

Б у т о н. Я – тоже. Я сдам. (Прячет деньги.) Ну, я пошел снимать нагар. (Вооружается свечными щипцами.)

М о л ь е р. Попрошу со сцены не пялить глаз на короля.

Б у т о н. Кому вы это говорите, мэтр? Я тоже воспитан, потому что француз по происхождению.

М о л ь е р. Ты француз по происхождению и болван по профессии.

Б у т о н. Вы по профессии – великий артист и грубиян – по характеру.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
(Скрывается.)

М о л ь е р. Совершил я какой-то грех, и послал мне его господь в Лиможе.

Ш а р л а т а н. Господин директор! Господин директор!

М о л ь е р. Ах да, с вами еще. Вот что, сударь. Это... вы простите меня за откровенность – фокус второго разряда. Но партерной публике он понравится. Я выпущу вас в антракте в течение недели. Но все-таки как вы это делаете?

Ш а р л а т а н. Секрет, господин директор.

М о л ь е р. Ну, я узнаю. Возьмите несколько аккордов, только тихонько.

Шарлатан, загадочно улыбаясь, подходит к клавесину, садится на табуретку в некотором расстоянии от клавесина, делает такие движения в воздухе, как будто играет, и клавиши в клавесине вжимаются, клавесин играет нежно.

Черт! (Бросается к клавесину, стараясь поймать невидимые нити.)

Шарлатан загадочно улыбается.

Ну хорошо. Получайте задаток. Где-то пружина, не правда ли?

Ш а р л а т а н. Клавесин останется на ночь в театре?

М о л ь е р. Ну конечно. Не тащить же его вам домой.

Шарлатан кланяется и уходит.

Д ю к р у а з и (выглянул с фонарем и книгой). Господин де Мольер! (Скрывается.)

М о л ь е р. Да. (Скрывается, и немедленно за его исчезновением доносится гул смеха.)

Портьера, ведущая в уборную с зеленым фонарем, отодвигается, и возникает А р м а н д а. Черты лица ее прелестны и напоминают Мадлену. Ей лет семнадцать. Хочет проскользнуть мимо Лагранжа.

Л а г р а н ж. Стоп!

А р м а н д а. Ах, это вы, милый Регистр! Почему вы притаились здесь, как мышь? А я глядела на короля. Но я спешу.

Л а г р а н ж. Успеете. Он на сцене. Почему вы называете меня Регистр? Быть может, прозвище мне неприятно.

А р м а н д а. Милый господин Лагранж! Вся труппа очень уважает вас и вашу летопись. Но, если угодно, я перестану вас так называть.

Л а г р а н ж. Я жду вас.

А р м а н д а. А зачем?

Л а г р а н ж. Сегодня семнадцатое, и вот, – я поставил черный крестик в регистре.

А р м а н д а. Разве случилось что-нибудь или кто-нибудь в труппе умер?

Л а г р а н ж. Нехороший, черный вечер отмечен мною. Откажитесь от него.

А р м а н д а. Господин де Лагранж, у кого вы получили право вмешиваться в мои дела?

Л а г р а н ж. Злые слова. Я умоляю вас, не выходите за него!

А р м а н д а. Ах, вы влюблены в меня?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
За занавесами глухо слышна музыка.

Л а г р а н ж. Нет. Вы мне не нравитесь.

А р м а н д а. Пропустите, сударь.

Л а г р а н ж. Нет. Вы не имеете права выйти за него. Вы так молоды! Взываю к лучшим вашим чувствам!

А р м а н д а. У всех в труппе помутился ум, честное слово. Какое вам дело до этого?

Л а г р а н ж. Сказать вам не могу, но большой грех.

А р м а н д а. А, сплетня о сестре? Слышала. Вздор! Да если бы у них и был роман, что мне до этого! (Делает попытку отстранить Лагранжа и пройти.)

Л а г р а н ж. Стоп! Откажитесь от него. Нет? Ну так я вас заколю! (Вынимает шпагу.)

А р м а н д а. Вы сумасшедший убийца! Я...

Л а г р а н ж. Что гонит вас к несчастью? Ведь вы не любите его. Вы – девочка, а он...

А р м а н д а. Нет, я люблю.

Л а г р а н ж. Откажитесь.

А р м а н д а. Регистр, я не могу. Я с ним в связи и... (Шепчет Лагранжу на ухо.)

Л а г р а н ж (вкладывает шпагу). Идите, больше не держу вас.

А р м а н д а (пройдя). Вы – насильник. За то, что вы угрожали мне, вы будете противны мне.

Л а г р а н ж (волнуясь). Простите меня, я хотел вас спасти. Простите. (Закутывается в плащ и уходит, взяв свой фонарь.)

А р м а н д а (в уборной Мольера). Чудовищно, чудовищно...

М о л ь е р (появляется). А!..

А р м а н д а. Мэтр, весь мир ополчился на меня!

М о л ь е р (обнимает ее, и в то же мгновение появляется Бутон). А, черт возьми! (Бутону.) Вот что: пойді осмотри свечи в партере.

Б у т о н. Я только что оттуда.

М о л ь е р. Тогда вот что: пойді к буфетнице и принеси мне графин вина.

Б у т о н. Я принес уже. Вот оно.

М о л ь е р (тихо). Тогда вот что: пойді отсюда просто ко всем чертям, куда-нибудь.

Б у т о н. С этого прямо и нужно было начинать. (Идет.) Э-хе-хе... (От двери.) Мэтр, скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

М о л ь е р. Что это значит?

Б у т о н. Конные гвардейцы меня спрашивали.

М о л ь е р. Пошел вон!

Бутон уходит.

(Закрыв за ним двери на ключ.) Целуй меня.

А р м а н д а (повисает у него на шее). Вот нос, так уж нос. Под него не подлезешь.

Мольер снимает нос и парик, целует Арманду.

(Шепчет ему.) Ты знаешь, я... (Шепчет ему что-то на ухо.)

М о л ь е р. Моя девочка... (Думает.) Теперь это не страшно. Я решился. (Подводит ее к распятию.) Поклянись, что любишь меня.

А р м а н д а. Люблю, люблю, люблю...

М о л ь е р. Ты не обманешь меня? Видишь ли, у меня уже появились морщины, я начинаю седеть. Я окружен врагами, и позор убьет меня...

А р м а н д а. Нет, нет! Как можно это сделать!..

М о л ь е р. Я хочу жить еще один век! С тобой! Но не беспокойся, я за это заплачу, заплачу. Я тебя создам! Ты станешь первой, будешь великой актрисой! Это мое мечтанье, и, стало быть, это так и будет. Но помни: если ты не сдержишь клятву, ты отнимешь у меня все.

А р м а н д а. Я не вижу морщин на твоем лице. Ты так смел и так велик, что у тебя не может быть морщин. Ты – Жан...

М о л ь е р. Я – Батист...

А р м а н д а. Ты – Мольер! (Целует его.)

М о л ь е р (смеется, потом говорит торжественно). Завтра мы с тобой обвенчаемся. Правда, мне много придется перенести из-за этого...

Послышался далекий гул рукоплесканий. В двери стучат.

Ах, что за жизнь!

Стук повторяется.

Дома, у Мадлены, нам сегодня нельзя будет встретиться. Поэтому сделаем вот как: когда театр погаснет, приходи к боковой двери, в саду, и жди меня, я проведу тебя сюда. Луны нет.

Стук превращается в грохот.

Б у т о н (вопит за дверью). Мэтр... Мэтр...

Мольер открывает, и входят Б у т о н, Л а г р а н ж и О д н о г л а з ы й, в костюме Компании Черных Мушкетеров и с косой черной повязкой на лице.

О д н о г л а з ы й. Господин де Мольер?

М о л ь е р. Ваш покорнейший слуга.

О д н о г л а з ы й. Король приказал мне вручить вам его плату за место в театре – тридцать су. (Подает монеты на подушке.)

Мольер целует монеты.

Но ввиду того, что вы трудились для короля сверх программы, он приказал мне передать вам и доплату к билету за то стихотворение, которое вы сочинили и прочитали королю, – здесь пять тысяч ливров. (Подает мешок.)

М о л ь е р. О король! (Лагранжу.) Мне пятьсот ливров, а остальное раздели поровну между актерами театра и раздай на руки.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Л а г р а н ж. Благодарю вас от имени актеров. (Берет мешок и уходит.)

Вдали полетел победоносный гвардейский марш.

М о л ь е р. Простите, сударь, король уезжает. (Убегает.)

О д н о г л а з ы й (Арманде). Сударыня, я очень счастлив, что случай... кх... кх... дал мне возможность... Капитан Компании Черных Мушкетеров, д'Орсиньи.

А р м а н д а (приседая). Арманда Бежар. Вы – знаменитый фехтовальщик, который может каждого заколоть?

О д н о г л а з ы й. Кх... кх... Вы, сударыня, без сомнения, играете в этой труппе?

Б у т о н. Началось. О мой легкомысленный мэтр.

О д н о г л а з ы й (с удивлением глядя на кружева на штанах Бутона). Вы мне что-то сказали, почтеннейший?

Б у т о н. Нет, сударь.

О д н о г л а з ы й. Стало быть, у вас привычка разговаривать с самим собой?

Б у т о н. Именно так, сударь. Вы знаете, одно время я разговаривал во сне.

О д н о г л а з ы й. Что вы говорите?

Б у т о н. Ей-Богу. И – какой курьез, вообразите...

О д н о г л а з ы й. Что за черт такой! Помолись... (Арманде.) Ваше лицо, сударыня...

Б у т о н (втираясь). ...дико кричал во сне. Восемь лучших врачей в Лиможе лечили меня...

О д н о г л а з ы й. И они помогли вам, надеюсь?

Б у т о н. Нет, сударь. В три дня они сделали мне восемь кровопусканий, после чего я лег и остался неподвижен, ежеминутно приобщаясь святых тайн.

О д н о г л а з ы й (тоскливо). Вы оригинал, любезнейший. Помолись. (Арманде.) Я льщу себя, сударыня... Кто это такой?

А р м а н д а. Ах, сударь, это тушильщик свечей – Жан-Жак Бутон.

О д н о г л а з ы й (с укором). Милейший, в другой раз как-нибудь я с наслаждением послушаю о том, как вы орали во сне.

М о л ь е р входит.

Честь имею кланяться. Бегу догонять короля.

М о л ь е р. Всего лучшего.

Одноглазый уходит.

А р м а н д а. До свидания, мэтр.

М о л ь е р (провожая ее). Луны нет, я буду ждать. (Бутону.) Попроси ко мне госпожу Мадлену Бежар. Гаси огни. Ступай домой.

Бутон уходит. Мольер переодевается. М а д л е н а, разгримированная, входит.

Мадлена, есть очень важное дело.

Мадлена берется за сердце, садится.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Я хочу жениться.

М а д л е н а (мертвым голосом). На ком?

М о л ь е р. На твоей сестре.

М а д л е н а. Умоляю, скажи, что ты шутишь.

М о л ь е р. Бог с тобой.

Огни в театре начинают гаснуть.

М а д л е н а. А я?

М о л ь е р. Что же, Мадлена, мы связаны прочнейшей дружбой, ты верный товарищ, но ведь любви между нами давно нет.

М а д л е н а. Ты помнишь, как двадцать лет назад ты сидел в тюрьме. Кто приносил тебе пищу?

М о л ь е р. Ты.

М а д л е н а. А кто ухаживал за тобой в течение двадцати лет?

М о л ь е р. Ты, ты.

М а д л е н а. Собаку, которая всю жизнь стерегла дом, никто не выгонит. Ну, а ты, Мольер, можешь выгнать. Страшный ты человек, Мольер, я тебя боюсь.

М о л ь е р. Не терзай меня. Страсть охватила меня.

М а д л е н а (вдруг становится на колени, подползает к Мольеру). А? А все же... измени свое решение, Мольер. Сделаем так, как будто этого разговора не было. А? Пойдем домой, ты зажжешь свечи, я приду к тебе... Ты считаешь мне третий акт «Тартюфа». А? (Заискивающе.) По-моему, это вещь гениальная. А если тебе понадобится посоветоваться, с кем посоветуешься, Мольер? Ведь она девчонка... Ты, знаешь ли, постарел, Жан-Батист, вон у тебя висок седой... Ты любишь грелку. Я тебе все устрою... Вообрази, свеча горит... Камин зажжем, и все будет славно. А если... если уж ты не можешь... о, я знаю тебя... Посмотри на Риваль... Разве она плоха? Какое тело!.. А? Я ни слова не скажу...

М о л ь е р. Одумайся. Что ты говоришь? Какую роль на себя берешь? (Вытирает тоскливо пот.)

М а д л е н а (поднимаясь, в исступлении). На ком угодно, только не на Арманде! О проклятый день, когда я привезла ее в Париж!

М о л ь е р. Тише, Мадлена, тише, прошу тебя. (Шепотом.) Я должен жениться на ней... Поздно. Обязан. Поняла?

М а д л е н а. Ах вот что. Мой Бог, Бог! (Пауза.) Больше не борюсь, сил нет. Я отпускаю тебя. (Пауза.) Мольер, мне тебя жаль.

М о л ь е р. Ты не лишишь меня дружбы?

М а д л е н а. Не подходи ко мне, умоляю! (Пауза.) Ну, так – из трупы я уйду.

М о л ь е р. Ты мстишь?

М а д л е н а. Бог видит, нет. Сегодня был мой последний спектакль. Я устала... (Улыбается.) Я буду ходить в церковь.

М о л ь е р. Ты непреклонна. Театр даст тебе пенсию. Ты заслужила.

М а д л е н а. Да...

М о л ь е р. Когда твое горе уляжется, я верю, что ты вернешь мне расположение и будешь видеться со мной.

М а д л е н а. Нет.

М о л ь е р. Ты и Арманду не хочешь видеть?

М а д л е н а. Арманду буду видеть. Арманда ничего не должна знать. Понял? Ничего.

М о л ь е р. Да...

Огни всюду погасли.

(Зажигает фонарь.) Поздно, пойдем, я доведу тебя до твоего дома.

М а д л е н а. Нет, благодарю, не надо. Позволь мне несколько минут посидеть у тебя...

М о л ь е р. Но ты...

М а д л е н а. Скоро уйду, не беспокойся. Уйди.

М о л ь е р (закутывается в плащ). Прощай. (Уходит.)

Мадлена сидит у лампы, думает, бормочет. Сквозь занавес показывается свет фонаря, идет Л а г р а н ж.

Л а г р а н ж (важным голосом). Кто остался в театре после спектакля? Кто здесь? Это вы, госпожа Бежар? Случилось, да? Я знаю.

М а д л е н а. Я думаю, Регистр.

Пауза.

Л а г р а н ж. А у вас не хватило сил сознаться ему?

М а д л е н а. Поздно. Теперь уже нельзя сказать. Пусть буду несчастна одна я, а не трое. (Пауза.) Вы – рыцарь, Варле, и вам одному я сказала тайну.

Л а г р а н ж. Госпожа Бежар, я горжусь вашим доверием. Я пытался остановить ее, но мне это не удалось. Никто никогда не узнает. Пойдемте, я провожу вас.

М а д л е н а. Нет, благодарю, я хочу думать одна. (Поднимается.) Варле (улыбается), я покинула сегодня сцену. Прощайте. (Идет.)

Л а г р а н ж. А все же я провожу?

М а д л е н а. Нет. Продолжайте ваш обход. (Скрывается.)

Л а г р а н ж (приходит к тому месту, где сидел вначале, ставит на стол фонарь, освещается зеленым светом, раскрывает книгу, говорит и пишет). «Семнадцатое февраля. Был королевский спектакль. В знак чести рисую лилию. После спектакля во тьме я застал госпожу Мадлену Бежар в мучениях. Она сцену покинула...» (Кладет перо.) Причина? В театре ужасное событие: Жан-Батист Поклен де Мольер, не зная, что Арманда не сестра, а дочь госпожи Мадлены Бежар, женился на ней... Этого писать нельзя, но в знак ужаса ставлю черный крест. И никто из потомков никогда не догадается. Семнадцатому – конец. (Берет фонарь и уходит, как темный рыцарь.)

Некоторое время мрак и тишина, затем в щелях клавесина появляется свет, слышен музыкальный звон в замках. Крышка приподымается, и из клавесина выходит, воровски оглядываясь, М у а р р о н. Это мальчишка лет пятнадцати, с необыкновенно красивым, порочным и измученным лицом. Оборван, грязен.

М у а р р о н. Ушли. Ушли. Чтоб вас черти унесли, дьяволы, черти... (Хнычет.) Я несчастный мальчик, грязный... не спал два дня... Я никогда не сплю... (Всхлипывает, ставит фонарь, падает, засыпает.)

Пауза. Потом плывет свет фонарика, и, крадучись, М о л ь е р ведет А р м а н д у. Она в темном плаще. Арманда взвизгивает.

Муаррон мгновенно просыпается, на лице у него ужас, трясется.

М о л ь е р (грозно). Сознавайся, кто ты такой?

М у а р р о н. Господин директор, не колите меня, я не вор, я Захария, несчастный Муаррон...

М о л ь е р (расхохотавшись). Понял! Ах, шарлатан окаянный!..

Занавес

Действие второе

Приемная короля. Множество огней повсюду. Белая лестница, уходящая неизвестно куда. За карточным столом м а р к и з д е Л е с с а к играет в карты с Л ю д о в и к о м. Толпа придворных, одетых с необыкновенной пышностью, следит за де Лессаком. Перед тем груда золота, золотые монеты валяются и на ковре. Пот течет с лица у де Лессака. Сидит один Людовик, все остальные стоят. Все без шляп. На Людовике костюм белого мушкетера, лихо заломленная шляпа с пером, на груди орденский крест, золотые шпоры, меч. За креслом стоит О д н о г л а з ы й, ведет игру короля. Тут же неподвижно стоит М у ш к е т е р с мушкетом, не спуская с Людовика глаз.

Д е л е с с а к. Три валета, три короля.

Л ю д о в и к. Скажите пожалуйста.

О д н о г л а з ы й (внезапно). Виноват, сир. Крапленые карты, помолись!

Придворные оцепенели. Пауза.

Л ю д о в и к. Вы пришли ко мне играть краплеными картами?

Д е л е с с а к. Так точно, ваше величество. Обнищание моего имени...

Л ю д о в и к (Одноглазому). Скажите, маркиз, как я должен поступить по карточным правилам в таком странном случае?

О д н о г л а з ы й. Сир, вам надлежит ударить его по физиономии подсвечником. Это во-первых...

Л ю д о в и к. Какое неприятное правило! (Берясь за канделябр.) В этом подсвечнике фунтов пятнадцать... Я полагаю, легкие бы надо ставить.

О д н о г л а з ы й. Разрешите мне.

Л ю д о в и к. Нет, не затрудняйтесь. А во-вторых, вы говорите...

П р и д в о р н ы е (хором, их взорвало). Обругать его, как собаку.

Л ю д о в и к. А, отлично. Будьте любезны, пошлите за ним, где он?

Придворные бросаются в разные стороны. Голоса: «Сапожника! Справедливого сапожника требует король!»

(Де Лессаку.) А скажите, как это делается?

Д е л е с с а к. Ногтем, ваше величество. На дамах, например, я нулики поставил.

Л ю д о в и к (с любопытством). А на валетах?

Д е л е с с а к. Косые крестики, сир.

Л ю д о в и к. Чрезвычайно любопытно. А как закон смотрит на эти действия?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Д е л е с с а к (подумав). Отрицательно, ваше величество.

Л ю д о в и к (участливо). И что же вам могут сделать за это?

Д е л е с с а к (подумав). В тюрьму могут посадить.

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к (входит с шумом). Иду, бегу, лечу, вошел. Вот я. Ваше величество, здравствуйте. Великий монарх, что произошло? Кого надо обругать?

Л ю д о в и к. Справедливый сапожник, вот маркиз сел играть со мной краплеными картами.

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к (подавлен, де Лессаку). Да ты... Да ты что?.. Да ты... спятил, что ли?.. Да за это, при игре в три листика, на рынке морду бьют. Хорошо я его отделал, государь?

Л ю д о в и к. Спасибо.

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Я яблочко возьму?

Л ю д о в и к. Пожалуйста, возьми. Маркиз де Лессак, берите ваш выигрыш.

Д е л е с с а к набивает золотом карманы.

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к (расстроен). Ваше величество, да что же это... да вы смеетесь?!

Л ю д о в и к (в пространство). Герцог, если вам не трудно, посадите маркиза де Лессака на один месяц в тюрьму. Дать ему туда свечку и колоду карт – пусть рисует на ней крестики и нулики. Затем отправить его в имение – вместе с деньгами. (Де Лессаку.) Приведите его в порядок. И еще: в карты больше не садитесь играть, у меня предчувствие, что вам не повезет в следующий раз.

Д е л е с с а к. О сир...

Голос: «Стража!» Де Лессака уводят.

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Вылетай из дворца.

О д н о г л а з ы й. К-каналья!

Камердинеры засуетились, и перед Людовиком, словно из-под земли, появился стол с одним прибором.

Ш а р р о н (возник у камина). Ваше величество, разрешите мне представить вам бродячего проповедника, отца Варфоломея.

Л ю д о в и к (начиная есть). Люблю всех моих подданных, в том числе и бродячих. Представьте мне его, архиепископ.

Еще за дверью слышится странное пение. Дверь открывается, и появляется о т е ц В а р ф о л о м е й. Во-первых, он босой, во-вторых, лохмат, подпоясан веревкой, глаза безумные.

В а р ф о л о м е й (приплясывая, поет). Мы полоумны во Христе.

Удивлены все, кроме Людовика. Б р а т В е р н о с т ь – постная физиономия с длинным носом, в темном кафтане – выделяется из толпы придворных и прокрадывается к Шаррону.

О д н о г л а з ы й (глядя на Варфоломея, тихо). Жуткий мальчик, помолись.

В а р ф о л о м е й. Славнейший царь мира. Я пришел к тебе, чтобы сообщить, что у тебя в государстве появился антихрист.

У придворных на лицах отупение.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Безбожник, ядовитый червь, грызущий подножие твоего трона, носит имя Жан-Батист Мольер. Сожги его вместе с его богомерзким творением «Тартюф» на площади. Весь мир верных сынов церкви требует этого.

Брат Верность при слове «требует» схватился за голову. Шаррон изменился в лице.

Л ю д о в и к. Требует? У кого же он требует?

В а р ф о л о м е й. У тебя, государь.

Л ю д о в и к. У меня? Архиепископ, у меня тут что-то требуют.

Ш а р р о н. Простите, государь. Он, очевидно, помешался сегодня. А я не знал. Это моя вина.

Л ю д о в и к (в пространство). Герцог, если не трудно, посадите отца Варфоломея на три месяца в тюрьму.

В а р ф о л о м е й (кричит). Из-за антихриста страдаю!

Движение – и отец Варфоломей исчезает так, что его как будто и не было. Людовик ест.

Л ю д о в и к. Архиепископ, подойдите ко мне. Я хочу с вами говорить интимно.

Придворные всей толпой отступают на лестницу. Отступает мушкетер, и Людовик – наедине с Шарроном.

Он – полоумный?

Ш а р р о н (твердо). Да, государь, он – полоумный, но у него сердце истинного служителя Бога.

Л ю д о в и к. Архиепископ, вы находите этого Мольера опасным?

Ш а р р о н (твердо). Государь, это сатана.

Л ю д о в и к. Гм. Вы, значит, разделяете мнение Варфоломея?

Ш а р р о н. Да, государь, разделяю. Сир, послушайте меня. Безоблачное и победоносное царствование ваше не омрачено ничем и ничем не будет омрачено, пока вы будете любить...

Л ю д о в и к. Кого?

Ш а р р о н. Бога.

Л ю д о в и к (сняв шляпу). Я люблю его.

Ш а р р о н (подняв руку). Он – там, вы – на земле, и больше нет никого.

Л ю д о в и к. Да.

Ш а р р о н. Государь, нет пределов твоей мощи и никогда не будет, пока свет религии почиет над твоим государством.

Л ю д о в и к. Люблю религию.

Ш а р р о н. Так, государь, я вместе с блаженным Варфоломеем прошу тебя – заступись за нее.

Л ю д о в и к. Вы находите, что он оскорбил религию?

Ш а р р о н. Так, государь.

Л ю д о в и к. Дерзкий актер талантлив. Хорошо, архиепископ, я заступлюсь... Но (понижив голос)... я попробую исправить его, он может служить к славе царствования. Но если он совершит еще одну дерзость, я накажу. (Пауза.) Этот –

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
блаженный ваш – он любит короля?

Ш а р р о н. Да, государь.

Л ю д о в и к. Архиепископ, выпустите монаха через три дня, но внушите ему, что, разговаривая с королем Франции, нельзя произносить слово «требуется».

Ш а р р о н. Да благословит тебя Бог, государь, и да опустит он свою карающую руку на безбожника.

Голос: «Слуга вашего величества господин де Мольер».

Л ю д о в и к. Пригласить.

М о л ь е р (входит, издали кланяется Людовику, проходит при величайшем внимании придворных. Он очень постарел, лицо болезненное, серое). Сир!

Л ю д о в и к. Господин де Мольер, я ужинаю, вы не в претензии?

М о л ь е р. О сир!

Л ю д о в и к. А вы со мной? (В пространство.) Стул, прибор.

М о л ь е р (бледнея). Ваше величество, этой чести я принять не могу. Увольте.

Стул появляется, и Мольер садится на краешек его.

Л ю д о в и к. Как относитесь к цыпленку?

М о л ь е р. Любимое мое блюдо, государь. (Умоляюще.) Разрешите встать.

Л ю д о в и к. Кушайте. Как поживает мой крестник?

М о л ь е р. К великому горю моему, государь, ребенок умер.

Л ю д о в и к. Как, и второй?

М о л ь е р. Не живут мои дети, государь.

Л ю д о в и к. Не следует унывать.

М о л ь е р. Ваше величество, во Франции не было случая, чтобы кто-нибудь ужинал с вами. Я беспокоюсь.

Л ю д о в и к. Франция, господин де Мольер, перед вами в кресле. Она ест цыпленка и не беспокоится.

М о л ь е р. О сир, только вы один в мире можете сказать так.

Л ю д о в и к. Скажите, чем подарит короля в ближайшее время ваше талантливое перо?

М о л ь е р. Государь... то, что может... послужить... (Волнуется.)

Л ю д о в и к. Остро пишете. Но следует знать, что есть темы, которых надо касаться с осторожностью. А в вашем «Тартюфе» вы были, согласитесь, неосторожны. Духовных лиц надлежит уважать. Я надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником?

М о л ь е р (испуганно). Помилуйте... ваше величество...

Л ю д о в и к. Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Пале-Рояле вашу пьесу «Тартюф».

М о л ь е р (приходит в странное состояние). Люблю тебя, король! (В волнении.) Где архиепископ де Шаррон? Вы слышите? Вы слышите!

Людовик встает. Голос: «Королевский ужин окончен!»

Л ю д о в и к (Мольеру). Сегодня вы будете стелить мне постель.

Мольер схватывает со стола два канделябра и идет впереди. За ним пошел Людовик, и – как будто ветер подул – все перед ними расступается.

М о л ь е р (кричит монотонно). Дорогу королю! Дорогу королю! (Поднявшись на лестницу, кричит в пустоту.) Смотрите, архиепископ, вы меня не тронете! Дорогу королю!

Наверху загремели трубы.

Разрешен «Тартюф»! (Скрывается с Людовиком.)

Исчезают все придворные, и на сцене остаются только Шаррон и Брат Верность, оба черны.

Ш а р р о н (у лестницы). Нет. Не исправит тебя король. Всемогущий Бог, вооружи меня и поведи по стопам безбожника, чтобы я его настиг! (Пауза.) И упадет с этой лестницы! (Пауза.) Подойдите ко мне, Брат Верность.

Брат Верность подходит к Шаррону.

Брат Верность, вы что же это? Полоумного прислали? Я вам поверил, что он произведет впечатление на государя.

Б р а т в е р н о с т ь. Кто же знал, что он произнесет слово «требуется»?

Ш а р р о н. Требуется!

Б р а т в е р н о с т ь. Требуется!!

Пауза.

Ш а р р о н. Вы нашли женщину?

Б р а т в е р н о с т ь. Да, архиепископ, все готово. Она послала записку и привезет его.

Ш а р р о н. Поедет ли он?

Б р а т в е р н о с т ь. За женщиной? О, будьте уверены!

Наверху лестницы показывается О д н о г л а з ы й. Шаррон и Брат Верность исчезают.

О д н о г л а з ы й (веселится в одиночестве). Ловил поп антихриста, поймал... три месяца тюрьмы! Истинный Бог, помо... .

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к (появившись из-под лестницы). Ты, Помолись?

О д н о г л а з ы й. Ну, скажем, я. Ты можешь называть меня просто маркиз д'Орсиньи. Что тебе надо?

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Тебе записка.

О д н о г л а з ы й. От кого?

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Кто ж ее знает, я ее в парке встретил, а сама она в маске.

О д н о г л а з ы й (читая записку). Гм... какая же это женщина?

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к (изучая записку). Я думаю, легкого поведения.

О д н о г л а з ы й. Почему?

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Потому, что записки пишет.

О д н о г л а з ы й. Дурак.

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Чего ж ты лаешься?

О д н о г л а з ы й. Сложена хорошо?

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Ну, это ты сам узнаешь.

О д н о г л а з ы й. Ты прав. (Уходит задумчиво.)

Огни начинают гаснуть, и у дверей, как видения, появляются темные м у ш к е т е р ы. Голос вверху лестницы, протяжно: «Король спит!» Другой голос, в отдалении: «Король спит!» Третий голос в подzemелье, таинственно: «Король спит!»

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Усну и я. (Ложится на карточный стол, закутывается в портьеру с гербами так, что торчат только его чудовищные башмаки.)

Дворец расплывается в темноте и исчезает... ..и возникает квартира Мольера. День. Клавесин открыт. М у а р р о н, пышно разодетый, очень красивый человек лет двадцати двух, играет нежно. А р м а н д а в кресле слушает, не спуская с него глаз. Муаррон кончил играть.

М у а р р о н. Что вы, маменька, скажете по поводу моей игры?

А р м а н д а. Господин Муаррон, я просила уже вас не называть меня маменькой.

М у а р р о н. Во-первых, сударыня, я не Муаррон, а господин де Муаррон. Вон как! Хе-хе. Хо-хо.

А р м а н д а. Уж не в клавесине ли сидя, вы получили титул?

М у а р р о н. Забудем клавесин. Он покрылся пылью забвения. Это было давно. Ныне же я знаменитый актер, коему рукоплещет Париж. Хе-хе. Хо-хо.

А р м а н д а. И я вам советую не забывать, что этим вы обязаны моему мужу. Он вытащил вас за грязное ухо из клавесина.

М у а р р о н. Не за ухо, а за не менее грязные ноги, Отец – пристойная личность, нет слов, но ревнив, как сатана, и характера ужасного.

А р м а н д а. Могу поздравить моего мужа. Изумительного наглеца он усыновил.

М у а р р о н. Нагловат я, верно, это правильно... Такой характер у меня... Но актер! Нет равного актера в Париже. (Излишне веселится, как человек, накликающий на себя беду.)

А р м а н д а. Ах нахал! А Мольер?

М у а р р о н. Ну чего ж говорить... Трое и есть: мэтр да я.

А р м а н д а. А третий кто?

М у а р р о н. Вы, мама. Вы, моя знаменитая актриса. Вы, Психея. (Тихо аккомпанирует себе, декламирует.) Весной в лесах... летает бог...

А р м а н д а (глухо). Отодвинься от меня.

М у а р р о н (левой рукой обнимает Арманду, правой аккомпанирует). Как строен стан... Амур-герой...

А р м а н д а. Несет колчан... Грозит стрелой... (Тревожно.) Где Бутон?

М у а р р о н. Не бойся, верный слуга на рынке.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
А р м а н д а (декламирует). Богиня Венера послала любовь. Прильни, мой
любовник, вспени мою кровь.

Муаррон поднимает край ее платья, целует ногу.

(Вздрагивает, закрывает глаза.) Негодяй! (Тревожно.) Где Ренэ?

М у а р р о н. Старуха в кухне. (Целует другое колено.) Мама, пойдём ко мне в
комнату.

А р м а н д а. Ни за что, Девой Пречистой клянусь!

М у а р р о н. Пойдем ко мне.

А р м а н д а. Ты самый опасный человек в Париже. Будь неладен час, когда тебя
откопали в клавесине.

М у а р р о н. Мама, идем...

А р м а н д а. Девой клянусь, нет. (Встает.) Не пойду! (Идет, скрывается с
Муарроном за дверь.)

Муаррон закрывает дверь на ключ.

Зачем, зачем ты закрываешь дверь? (Глухо.) Ты меня погубишь!..

Пауза. Входит Б у т о н с корзиной овощей, торчат хвосты моркови.

Б у т о н (прислушивается, ставит корзину на пол). Странно. (Снимает башмаки,
крадется к двери, слушает.) Ах разбойник!.. Но, господи, я здесь ни при чем...
ничего не видел, не слышал и не знаю... Царь небесный, он идет! (Скрывается,
оставив на полу корзину и башмаки.)

Входит М о л ь е р, кладет трость и шляпу, недоуменно смотрит на башмаки.

М о л ь е р. Арманда!

Ключ в замке мгновенно поворачивается. Мольер устремляется в дверь. Арманда
вскрикивает за дверь, шум за дверь, затем выбегает М у а р р о н, держит свой
парик в руке.

М у а р р о н. Да как вы смеете?!

М о л ь е р (выбегая за ним). Мерзавец! (Задыхаясь.) Не верю, не верю глазам!..
(Опускается в кресло. Ключ в замке поворачивается.)

А р м а н д а (за дверь). Жан-Батист, опомнись!

Б у т о н заглянул в дверь и пропал.

М о л ь е р (погрозил кулаком двери). Так ты, значит, ел мой хлеб и за это меня
обесчестил?

М у а р р о н. Вы смели меня ударить! Берегитесь! (Берется за рукоятку шпаги.)

М о л ь е р. Брось сейчас же рукоятку, гадина!

М у а р р о н. Вызываю вас!

М о л ь е р. Меня? (Пауза.) Вон из моего дома!

М у а р р о н. Вы безумный, вот что, отец. Прямо Сганарель.

М о л ь е р. Бесчестный бродяга! Я тебя отогрел, но я же тебя и ввергну в
пучину. Будешь ты играть на ярмарках. Захария Муаррон, с сегодняшнего числа ты в
труппе Пале-Рояля не служишь. Иди.

М у а р р о н. Как, вы гоните меня из труппы?

М о л ь е р. Уходи, усыновленный вор.

А р м а н д а (за дверью отчаянно). Мольер!

М у а р р о н (теряясь). Отец, вам померещилось, мы репетировали Психею... своего текста не знаете... Что же это вы разбиваете мою жизнь?

М о л ь е р. Уходи, или я действительно ткну тебя шпагой.

М у а р р о н. Так. (Пауза.) В высокой мере интересно знать, кто же это будет играть Дон Жуана? Уж не Лагранж ли? Хо-хо. (Пауза.) Но смотрите, господин де Мольер, не раскажите в вашем безумии. (Пауза.) Я, господин Мольер, владею вашей тайной.

Мольер рассмеялся.

Госпожу Мадлену Бежар вы забыли? Да? Она при смерти... все молится... А между тем, сударь, во Франции есть король.

М о л ь е р. Презренный желторотый лгун, что ты несешь?

М у а р р о н. Несешь? Прямо отсюда отправляюсь я к архиепископу.

М о л ь е р (рассмеялся). Ну, спасибо измене. Узнал я тебя. Но имей в виду, что если до этих твоих слов мое сердце еще могло смягчиться, после них – никогда. Ступай, жалкий дурак!

М у а р р о н (из двери). Сганарель проклятый!

Мольер хватается со стены пистолет, и Муаррон исчезает.

М о л ь е р (трясет дверь, потом говорит в замочную скважину). Уличная женщина.

Арманда громко зарыдала за дверью.

Бутон!

Входит Б у т о н в чулках.

Б у т о н. Я, сударь.

М о л ь е р. Сводник!

Б у т о н. Сударь...

М о л ь е р. Почему здесь башмаки?!

Б у т о н. Это, сударь...

М о л ь е р. Лжешь, по глазам вижу, что лжешь!

Б у т о н. Сударь, чтобы налгать, нужно хоть что-нибудь сказать. А я еще ничего не произнес. Башмаки я снял, ибо... Гвозди, изволите видеть? Подкованные башмаки, будь они прокляты... так я, изволите ли видеть, громыхал ногами, а они репетировали и от меня двери на ключ заперли.

А р м а н д а (за дверью). Да!

М о л ь е р. Овощи при чем?

Б у т о н. А овощи вообще не участвуют. Ни при чем. Я их с базара принес. (Надевает башмаки.)

М о л ь е р. Арманда!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Молчание.

(Говорит в скважину.) Ты что же, хочешь, чтобы я умер? У меня больное сердце.

Б у т о н (в скважину). Вы что, хотите, чтобы он умер? У него больное сердце...

М о л ь е р. Пошел вон. (Ударяет ногой по корзине.)

Бутон исчезает.

Арманда... (Садится у двери на скамеечку.) Потерпи еще немного, я скоро освобожу тебя. Я не хочу умирать в одиночестве... Арманда...

А р м а н д а выходит заплаканная.

А ты можешь поклясться?

А р м а н д а. Клянусь.

М о л ь е р. Скажи мне что-нибудь.

А р м а н д а (шмыгая носом). Такой драматург, а дома... дома... Я не понимаю, как в тебе это может уживаться. Как? Что ты наделал? Скандал на весь Париж. Зачем ты выгнал Муаррона?

М о л ь е р. Да, верно. Ужасный срам. Но ведь он, ты знаешь, негодяй, змееныш... ох, порочный, порочный мальчик, и я боюсь за него. Действительно, от отчаяния он начнет шляться по Парижу, а я его ударил... Ох, как неприятно!..

А р м а н д а. Верни Муаррона, верни.

М о л ь е р. Пусть один день походит, а потом я его верну.

Занавес

Действие третье

Каменный подвал, освещенный трехсвечной люстрой. Стол, покрытый красным сукном, на нем книга и какие-то рукописи. За столом сидят ч л е н ы К а б а л ы С в я щ е н н о г о П и с а н и я в масках; в кресле отдельно, без маски, сидит Ш а р р о н. Дверь открывается, и д в о е в ч е р н о м – люди жуткого вида – вводят М у а р р о н а со связанными руками и с повязкой на глазах. Руки ему развязывают, повязку снимают.

М у а р р о н. Куда меня привели?

Ш а р р о н. Это все равно, сын мой. Ну, повторяй при собрании этих честных братьев свой донос.

Муаррон молчит.

Б р а т С и л а. Ты – немой?

М у а р р о н. Кх... я... святой архиепископ... неясно тогда расслышал и... Я, пожалуй, лучше ничего не буду говорить.

Ш а р р о н. Похоже, сын мой, что ты мне сегодня утром наклеветал на господина Мольера.

Муаррон молчит.

Б р а т С и л а. Отвечай, грациозная дрянь, архиепископу.

Молчание.

Ш а р р о н. С прискорбием вижу я, сын мой, что ты наклеветал.

Б р а т С и л а. Врать вредно, дорогой актер. Придется тебе сесть в тюрьму, красавчик, где ты долго будешь кормить клопов. А делу мы все равно ход дадим.

М у а р р о н (хрипло). Я не клеветал.

Б р а т С и л а. Не тяни из меня жилы, рассказывай.

Муаррон молчит.

Эй!

Из двери выходят двое, еще более неприятного вида, чем те, которые Муаррона привели.

(Глядя на башмаки Муаррона.) А у тебя красивые башмаки, но бывают и еще красивее. (Заплечным мастерам.) Принесите сюда испанский сапожок.

М у а р р о н. Не надо. Несколько лет тому назад я, мальчишкой, сидел в клавесине у шарлатана.

Б р а т С и л а. Зачем же тебя туда занесло?

М у а р р о н. Я играл на внутренней клавиатуре. Это такой фокус, будто бы самоиграющий клавесин.

Б р а т С и л а. Ну-с?

М у а р р о н. В клавесине... Нет, не могу, святой отец! Я был пьян сегодня утром, я забыл, что я сказал вам...

Б р а т С и л а. В последний раз прошу тебя не останавливаться!

М у а р р о н. И... ночью слышал, как голос сказал, что господин де Мольер... женился не на сестре... Мадлены Бежар... а на ее дочери...

Б р а т С и л а. Так чей же это был голос?

М у а р р о н. Я полагаю, что он мне пригрезился.

Б р а т С и л а. Ну вот, чей пригрезился тебе?

М у а р р о н. Актера Лагранжа.

Ш а р р о н. Ну, довольно, спасибо тебе, друг. Ты честно исполнил свой долг. Не терзайся. Всякий верный подданный короля и сын церкви за честь должен считать донести о преступлении, которое ему известно.

Б р а т С и л а. Он ничего себе малый. Первоначально он мне не понравился, но теперь я вижу, что он добрый католик.

Ш а р р о н (Муаррону). Ты, друг, проведешь день или два в помещении, где к тебе будут хорошо относиться и кормить, а потом ты поедешь со мной к королю.

Муаррону завязывают глаза, связывают руки и уводят его.

Так вот, братья, сейчас здесь будет посторонний, и разговаривать с ним я попрошу Брата Верность, потому что мой голос он знает.

В дверь стучат. Шаррон надвигает капюшон на лицо и скрывается в полутьме. Брат Верность идет открывать дверь. Появляется Н е з н а к о м к а в м а с к е и ведет за руку О д н о г л а з о г о. Глаза у того завязаны платком.

О д н о г л а з ы й. Очаровательница, когда же вы наконец разрешите снять повязку? Вы могли бы положиться и на мое слово. Помолись, в вашей квартире пахнет сыростью.

Н е з н а к о м к а в м а с к е. Еще одна ступенька, маркиз. Так... Снимайте.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
(прячется.)

О д н о г л а з ы й (снимает повязку, оглядывается). А! Помолись! (Мгновенно правой рукой выхватывает шпагу, а левой пистолет и становится спиной к стене, обнаруживая большой жизненный опыт. Пауза.) У некоторых под плащами торчат кончики шпаг. В большой компании меня можно убить, но предупреждаю, что трех из вас вынесут из этой ямы ногами вперед. Я – «Помолись». Ни с места! Где дрянь, заманившая меня в ловушку?

Н е з н а к о м к а в м а с к е (из тьмы). Я здесь, маркиз, но я вовсе не дрянь.

Б р а т с и л а. Фи, маркиз, даме...

Б р а т в е р н о с т ь. Мы просим вас успокоиться, никто не хочет нападать на вас.

Б р а т с и л а. Маркиз, спрячьте ваш пистолет, он смотрит, как дырявый глаз, и портит беседу.

О д н о г л а з ы й. Где я нахожусь?

Б р а т в е р н о с т ь. В подвале церкви.

О д н о г л а з ы й. Требую выпустить меня отсюда!

Б р а т в е р н о с т ь. Дверь в любую минуту откроют для вас.

О д н о г л а з ы й. В таком случае зачем же заманивать меня сюда, помолись! Прежде всего это не заговор на жизнь короля?

Б р а т в е р н о с т ь. Бог вас простит, маркиз. Здесь пламенные обожатели короля. Вы находитесь на тайном заседании Кабалы Священного Писания.

О д н о г л а з ы й. Ба! Кабала! Я не верил в то, что она существует. Зачем же я понадобился ей? (Прячет пистолет.)

Б р а т в е р н о с т ь. Присаживайтесь, маркиз, прошу вас.

О д н о г л а з ы й. Спасибо. (Садится.)

Б р а т в е р н о с т ь. Мы скорбим о вас, маркиз.

Ч л е н ы К а б а л ы (хором). Мы скорбим!

О д н о г л а з ы й. А я не люблю, когда скорбят. Изложите дело.

Б р а т в е р н о с т ь. Маркиз, мы хотели вас предупредить о том, что над вами смеются при дворе.

О д н о г л а з ы й. Это ошибка. Меня зовут «Помолись».

Б р а т в е р н о с т ь. Кому же во Франции не известно ваше несравненное искусство? Поэтому и шепчутся за вашей спиной.

О д н о г л а з ы й (хлопнув шпагой по столу). Фамилию!

Члены Кабалы перекрестились.

Б р а т с и л а. К чему этот шум, маркиз?

Б р а т в е р н о с т ь. Шепчет весь двор.

О д н о г л а з ы й. Говорите, а не то я потеряю терпение!

Б р а т в е р н о с т ь. Вы изволите знать гнуснейшую пьесу некоего Жана-Батиста Мольера под названием «Тартюф»?

О д н о г л а з ы й. Я в театр Пале-Рояль не хожу, но слышал о ней.

Б р а т в е р н о с т ь. В этой пьесе комедиант-безбожник насмеялся над религией и над ее служителями.

О д н о г л а з ы й. Какой негодник!

Б р а т в е р н о с т ь. Но не одну религию оскорбил Мольер. Ненавидя высшее общество, он и над ним надругался. Пьесу «Дон Жуан», может быть, изволите знать?

О д н о г л а з ы й. Тоже слышал. Но какое отношение к д'Орсиньи имеет балаган в Пале-Рояле?

Б р а т в е р н о с т ь. У нас совершенно точные сведения о том, что борзописец вас, маркиз, вывел в качестве своего героя Дон Жуана.

О д н о г л а з ы й (спрятав шпагу). Что же это за Дон Жуан?

Б р а т с и л а. Безбожник, негодяй, убийца и, простите, маркиз, растлитель женщин.

О д н о г л а з ы й (изменившись в лице). Так. Благодарю вас.

Б р а т в е р н о с т ь (взяв со стола рукопись). Может быть, вам угодно ознакомиться с материалом?

О д н о г л а з ы й. Нет, благодарю, неинтересно. Скажите, среди присутствующих, может быть, есть кто-нибудь, кто считает, что были основания вывести д'Орсиньи в пакостном виде?

Б р а т в е р н о с т ь. Братья, нет ли такого?

Среди членов Кабалы полное отрицание.

Такого не имеется. Итак, вы изволите видеть, какими побуждениями мы руководствовались, пригласив вас столь странным способом на тайное заседание. Здесь, маркиз, лица вашего круга, и вы сами понимаете, как нам неприятно...

О д н о г л а з ы й. Вполне. Благодарю вас.

Б р а т в е р н о с т ь. Многоуважаемый маркиз, мы полагаемся на то, что сказанное сегодня останется между нами, равно как и никому не будет известно, что мы тревожили вас.

О д н о г л а з ы й. Не беспокойтесь, сударь. Где дама, которая привезла меня?

Н е з н а к о м к а в м а с к е (выходит). Я здесь.

О д н о г л а з ы й (хмуро). Приношу вам свои извинения, сударыня.

Н е з н а к о м к а в м а с к е. Бог вас простит, маркиз, прощаю и я. Пожалуйте со мной, я отвезу вас к тому месту, где мы встретились. Вы позволите вам опять завязать глаза, потому что почтенное общество не хочет, чтобы кто-нибудь видел дорогу к месту их заседаний.

О д н о г л а з ы й. Если уж это так необходимо...

Одноглазому завязывают глаза, и Незнакомка уводит его. Дверь закрывается.

Ш а р р о н (снимая капюшон и выходя из тьмы). Заседание Кабалы Священного писания объявляю закрытым. Помолимся, братья.

Члены Кабалы встают и тихо поют: *Laudamus, tibi, Domine, rex aeternae gloriae...* [49 - Начало молитвы: «Хвалим, Господи, тебе, царю вечной славы» (лат.)]

...Необъятный собор полон ладаном, туманом и тьмой. Бродят огоньки. Маленькая исповедаля архиепископа, в ней свечи. Проходят две темные фигуры, послышался хриплый шепот: «Вы видели „Тартюфа“?.. Вы видели „Тартюфа“?..» – и пропал.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Появляются А р м а н д а и Л а г р а н ж, ведут под руки М а д л е н у.

Та – седая, больная.

М а д л е н а. Спасибо, Арманда. Спасибо и вам, Варле, мой преданный друг.

Орган зазвучал в высоте.

Л а г р а н ж. Мы подождем вас здесь. Вот дверь архиепископа.

Мадлена крестится и, тихо постучав, входит в исповедальню. Арманда и Лагранж закутываются в черные плащи, садятся на скамью, и тьма их поглощает.

Ш а р р о н (возникает в исповедальне). Подойдите, дочь моя. Вы – Мадлена Бежар?

Орган умолк.

Узнал я, что вы одна из самых набожных дочерей собора, и сердцу моему вы милы. Я сам решил исповедовать вас.

М а д л е н а. Какая честь мне, грешнице. (Целует руки Шаррону.)

Ш а р р о н (благословляя Мадлену, накрывает ее голову покрывалом). Вы больны, бедная?

М а д л е н а. Больна, мой архиепископ.

Ш а р р о н (страдальчески). Что же, хочешь оставить мир?

М а д л е н а. Хочу оставить мир.

Орган в высоте.

Ш а р р о н. Чем больна?

М а д л е н а. Врачи сказали, что сгнила моя кровь, и вижу дьявола, и боюсь его.

Ш а р р о н. Бедная женщина! Чем спасаешься от дьявола?

М а д л е н а. Молюсь.

Орган умолкает.

Ш а р р о н. Господь за это вознесет тебя и полюбит.

М а д л е н а. А он не забудет меня?

Ш а р р о н. Нет. Чем грешна, говори.

М а д л е н а. Всю жизнь грешила, мой отец. Была великой блудницей, лгала, много лет была актрисой и всех прельщала.

Ш а р р о н. Какой-нибудь особенно тяжкий грех за собой помнишь?

М а д л е н а. Не помню, архиепископ.

Ш а р р о н (печально). Безумны люди. И придешь ты с раскаленным гвоздем в сердце, и там уже никто не вынет его. Никогда! Значение слова «никогда» понимаешь ли?

М а д л е н а (подумала). Поняла. (Испугалась.) Ах, боюсь!

Ш а р р о н (превращаясь в дьявола). И увидишь костры, а между ними...

М а д л е н а. ...ходит, ходит часовой...

Ш а р р о н. ...и шепчет... зачем же ты не оставила свой грех, а принесла его с собой?

М а д л е н а. А я заломлю руки, Богу закричу.

Орган зазвучал.

Ш а р р о н. И тогда уже не услышит Господь. И обвиснешь ты на цепях, и ноги погрузишь в костер... И так всегда. Слово «всегда» понимаешь?

М а д л е н а. Боюсь понять. Если я пойму, я сейчас же умру. (Вскрикивает слабо.) Поняла. А если оставить здесь?

Ш а р р о н. Будешь слушать вечную службу.

В высоте со свечами прошла п р о ц е с с и я и спели детские голоса. Потом это все исчезло.

М а д л е н а (шарит руками, как во тьме). Где вы, святой отец?

Ш а р р о н (глухо). Я здесь... Я здесь... Я здесь...

М а д л е н а. Хочу слушать вечную службу. (Шепчет страстно.) Давно, давно я жила с двумя и прижила дочь Арманду и всю жизнь терзалась, не зная, чья она...

Ш а р р о н. Ах, бедная...

М а д л е н а. Я родила ее в провинции. Когда же она выросла, я привезла ее в Париж и выдала ее за свою сестру. Он же, обуреваемый страстью, сошелся с ней, и я уже ничего не сказала ему, чтобы не сделать несчастным и его. Из-за меня, быть может, он совершил смертный грех, а меня поверг в ад. Хочу лететь в вечную службу.

Ш а р р о н. И я, архиепископ, властью, мне данною, тебя развязываю и отпускаю.

М а д л е н а (плача от восторга). Теперь могу лететь!

Орган запел мощно.

Ш а р р о н (плача счастливыми слезами). Лети, лети.

Орган замолк.

Ваша дочь здесь? Позовите ее сюда, я прощу и ей невольный грех.

М а д л е н а (выходя из исповедальни). Арманда, Арманда, сестра моя, пойдй, архиепископ и тебя благословит. Я счастлива!.. Я счастлива!..

Л а г р а н ж. Я посажу вас в карету.

М а д л е н а. А Арманда?

Л а г р а н ж. Вернусь за ней. (Уводит Мадлену во мрак.)

Арманда входит в исповедальню. Шаррон возникает страшен, в рогатой митре, крестит обратным дьявольским крестом Арманду несколько раз быстро. Орган загудел мощно.

Ш а р р о н. Скажи, ты знаешь, кто был сейчас у меня?

А р м а н д а (ужасается, вдруг все понимает). Нет, нет... Она сестра моя, сестра...

Ш а р р о н. Она твоя мать. Тебя я прощаю. Но сегодня же беги от него, беги.

Арманда, слабо вскрикнув, падает навзничь и остается неподвижной на пороге исповедальни. Шаррон исчезает. Орган гудит успокоительно.

Л а г р а н ж (возвращается в полумраке, как темный рыцарь). Арманда, вам дурно?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Тьма. ...День. Приемная короля. Л ю д о в и к, в темном кафтане с золотом, – у
стола. Перед ним – темный и измученный Ш а р р о н. На полу сидит С п р а в е д
л и в ы й с а п о ж н и к – чинит башмак.

Ш а р р о н. На предсмертной исповеди она мне это подтвердила, и тогда я не считал
даже нужным, ваше величество, допрашивать актера Лагранжа, чтобы не раздувать
это гнусное дело. И следствие я прекратил. Ваше величество, Мольер запятнал себя
преступлением. Впрочем, как будет угодно судить вашему величеству.

Л ю д о в и к. Благодарю вас, мой архиепископ. Вы поступили правильно. Я считаю
дело выясненным. (Звонит, говорит в пространство.) Вызовите сейчас же директора
театра Пале-Рояль господина де Мольера. Снимите караулы из этих комнат, я буду
говорить наедине. (Шаррону.) Архиепископ, пришлите ко мне этого Муаррона.

Ш а р р о н. Сейчас, сир. (Уходит.)

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Великий монарх, видно, королевство-то
без доносов существовать не может?

Л ю д о в и к. Помалкивай, шут, чини башмак. А ты не любишь доносчиков?

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Ну чего же в них любить? Такая сволочь,
ваше величество!

Входит М у а р р о н. Глаза у него затравленные, запуган и имеет такой вид,
точно он спал не раздеваясь. Людовик, которого он видит так близко – впервые,
очевидно, – производит на него большое впечатление.

Л ю д о в и к (вежливо). Захария Муаррон?

М у а р р о н. Так, ваше величество.

Л ю д о в и к. Вы в клавесине сидели?

М у а р р о н. Я, сир.

Л ю д о в и к. Господин де Мольер вас усыновил?

Муаррон молчит.

Я вам задал вопрос.

М у а р р о н. Да.

Л ю д о в и к. Актерскому искусству он вас учил?

Муаррон заплакал.

Я вам задал вопрос.

М у а р р о н. Он.

Л ю д о в и к. Каким побуждением руководствовались, когда писали донос на имя
короля? Здесь написано: «желая помочь правосудию».

М у а р р о н (механически). Так, желая...

Л ю д о в и к. Верно ли, что он вас ударил по лицу?

М у а р р о н. Верно.

Л ю д о в и к. За что?

М у а р р о н. Его жена изменяла ему со мной.

Л ю д о в и к. Так. Это не обязательно сообщать на допросе. Можно сказать так:
по интимным причинам. Сколько вам лет?

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Муаррон. Двадцать три года.

Людовик. Объявляю вам благоприятное известие. Донос ваш подтвержден следствием. Какое вознаграждение хотите получить от короля? Денег хотите?

Муаррон (вздрыгнул. Пауза). Ваше величество, позвольте мне поступить в Королевский бургонский театр.

Людовик. Нет. О вас сведения, что вы слабый актер. Нельзя.

Муаррон. Я – слабый?.. (Наивно) А в Театр дю Марэ?

Людовик. Тоже нет.

Муаррон. А что же делать мне?..

Людовик. Зачем вам эта сомнительная профессия актера? Вы – ничем не запятанный человек. Если желаете, вас примут на королевскую службу, в сыскную полицию. Подайте на имя короля заявление. Оно будет удовлетворено. Можете идти.

Муаррон пошел.

Справедливый сапожник. На осину, на осину...

Людовик. Шут. (Звонит.) Господина де Мольера!

Лишь только Муаррон скрылся за дверь, в других дверях появляется Лагранж, вводит Мольера и тотчас же скрывается. Мольер в странном виде: воротник надет криво, парик в беспорядке, лицо свинцовое, руки трясутся, шпага висит криво.

Мольер. Сир...

Людовик. Почему и с каким спутником вы явились, в то время как пригласили вас одного?

Мольер (испуганно улыбаясь). Верный ученик мой, актер де Лагранж... проводил. У меня, изволите ли видеть, случился сердечный припадок, и я один дойти не мог... Надеюсь, я ничем не прогневил ваше величество? (Пауза.) У меня, изволите ли... несчастье случилось... извините за беспорядок в туалете. Мадлена Бежар скончалась вчера, а жена моя, Арманда, в тот же час бежала из дому... Все бросила... Платья, вообразите... комод... кольца... и безумную записку оставила... (Вынимает из кармана какой-то лоскут, заискивающе улыбается.)

Людовик. Святой архиепископ оказался прав. Вы не только грязный хулиган религии в ваших произведениях, но вы и преступник, вы – безбожник.

Мольер замер.

Объявляю вам решение по делу о вашей женитьбе: запрещаю вам появляться при дворе, запрещаю играть «Тартюфа». Только с тем, чтобы ваша труппа не умерла с голоду, разрешаю играть в Пале-Рояле ваши смешные комедии, но ничего более... И с этого дня бойтесь напомнить мне о себе! Лишаю вас покровительства короля.

Мольер. Ваше величество, ведь это же бедствие... хуже плахи... (Пауза.) За что?!

Людовик. За тень скандальной свадьбы, брошенную на королевское имя.

Мольер (опускаясь в кресло). Извините... я не могу подняться...

Людовик. Уезжайте. Прием окончен. (Уходит.)

Лагранж (заглянув в дверь). Что?

Мольер. Карету... Отвези... Позови...

Лагранж скрывается.

Мадлену бы, посоветоваться, но она умерла. Что же это такое?

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к (сочувственно). Ты что же это? В Бога не веришь, да? Э... как тебя скрутило... На яблоко.

М о л ь е р (машинально берет яблоко). Благодарю.

Ш а р р о н входит и останавливается, долго смотрит на Мольера. У Шаррона удовлетворенно мерцают глаза.

(При виде Шаррона начинает оживать – до этого он лежал грудью на столе. Приподымается, глаза заблестели.) А, святой отец! Довольны? Это за «Тартюфа»? Понятно мне, почему вы так ополчились за религию. Догадливы вы, мой преподобный. Нет спору. Говорят мне как-то приятели: «Описали бы вы как-нибудь стерву – монаха». Я вас и изобразил. Потому что где же взять лучшую стерву, чем вы?

Ш а р р о н. Я скорблю о вас, потому что кто по этому пути пошел, тот уж наверное будет на виселице, сын мой.

М о л ь е р. Да вы меня не называйте вашим сыном, потому что я не чертов сын. (Вынимает шпагу.)

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. Что ж ты лаешься?

Ш а р р о н (мерцая). Впрочем, вы до виселицы не дойдете. (Зловеще оглядывается.)

Из-за двери выходит О д н о г л а з ы й с тростью.

О д н о г л а з ы й (молча подходит к Мольеру, наступает ему на ногу). Господин, вы толкнули меня и не извинились. Вы – невежа!

М о л ь е р (машинально). Извините... (Напряженно.) Вы толкнули меня.

О д н о г л а з ы й. Вы – лгун!

М о л ь е р. Как смеете вы! Что вам угодно от меня?!

Л а г р а н ж вошел в это мгновение.

Л а г р а н ж (изменился в лице). Мэтр, сию минуту уходите, уходите! (Волнуясь.) Маркиз, господин де Мольер нездоров.

О д н о г л а з ы й. Я застал его со шпагой в руке. Он здоров. (Мольеру.) Моя фамилия – д'Орсиньи. Вы, милостивый государь, прохвост!

М о л ь е р. Я вызываю вас!

Л а г р а н ж (в ужасе). Уходите. Это – «Помолись»!

Ш а р р о н. Господа, что вы делаете, в королевской приемной, ах...

М о л ь е р. Я вызываю!

О д н о г л а з ы й. Готово дело. Больше я вас не оскорбляю. (Зловеще-весело.) Суди меня Бог, великий король! Принимай, сырая Бастилия! (Лагранжу.) Вы, сударь, будете свидетелем. (Мольеру.) Отдайте ему распоряжения насчет имущества. (Вынимает шпагу, пробует конец.) Нет распоряжений? (Кричит негромко и протяжно.) Помолись! (Крестит воздух шпагой.)

Ш а р р о н. Господа, опомнитесь!.. Господа!.. (Легко взлетает на лестницу и оттуда смотрит на поединок.)

Л а г р а н ж. Прямое убийство!..

С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к. В королевской приемной режутся!

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Одноглазый схватывает Справедливого сапожника за шиворот, и тот умолкает.
Одноглазый бросается на Мольера, Мольер, отмахиваясь шпагой, прячется за стол.
Одноглазый вскакивает на стол.

Л а г р а н ж. Бросайте шпагу, учитель!

Мольер бросает шпагу, опускается на пол.

О д н о г л а з ы й. Берите шпагу!

Л а г р а н ж (Одноглазому). Вы не можете колоть человека, у которого нет шпаги в руке!

О д н о г л а з ы й. Я и не колю. (Мольеру.) Берите шпагу, подлый трус!

М о л ь е р. Не оскорбляйте меня и не бейте. Я как-то чего-то не понимаю. У меня, изволите ли видеть, больное сердце... и моя жена бросила меня... Бриллиантовые кольца на полу валяются... даже белья не взяла... беда...

О д н о г л а з ы й. Ничего не понимаю!

М о л ь е р. Я не постигаю, за что вы бросились на меня? Я вас и видел-то только два раза в жизни. Вы деньги приносили?.. Но ведь это было давно. Я болен... уж вы, пожалуйста, меня не трогайте...

О д н о г л а з ы й. Я вас убью после первого вашего спектакля! (Вкладывает шпагу в ножны.)

М о л ь е р. Хорошо... хорошо... все равно...

Справедливый сапожник вдруг срывается с места и исчезает. Лагранж поднимает Мольера с полу, схватывает шпагу и увлекает Мольера вон. Одноглазый смотрит им вслед.

Ш а р р о н (сходит с лестницы с горящими глазами. Пауза). Почему вы его не кололи?

О д н о г л а з ы й. Какое вам дело? Он бросил шпагу, помолись.

Ш а р р о н. Болван!

О д н о г л а з ы й. Что?! Чертов поп!

Ш а р р о н (вдруг плюнул в Одноглазого). Тьфу!

Одноглазый до того оторопел, что в ответ плюнул в Шаррона. Дверь открылась, и влетел взволнованный С п р а в е д л и в ы й с а п о ж н и к, за ним вошел Л ю д о в и к. Ссорящиеся до того увлеклись, что не сразу перестали плевать. Четверо долго и тупо смотрят друг на друга.

Л ю д о в и к. Извините, что помешал. (Скрывается, закрыв за собой дверь.)

Занавес

Действие четвертое

Квартира Мольера. Вечер. Свечи в канделябрах, таинственные тени на стенах. Беспорядок. Разбросаны рукописи. М о л ь е р, в колпаке, в белье, в халате, сидит в громадном кресле. Б у т о н в другом. На столе две шпаги и пистолет. На другом столе ужин и вино, к которому Бутон время от времени прикладывает. Л а г р а н ж в темном плаще ходит взад и вперед и не то ноет, не то что-то напевает, за ним по стене ходит темная рыцарская тень.

Л а г р а н ж. У... клавесин... клавесин...

М о л ь е р. Перестань, Лагранж. Ты тут ни при чем. Это судьба пришла в мой дом

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
и похитила у меня все.

Б у т о н. Истинная правда. У меня у самого трагическая судьба. Торговал я, например, в Лиможе пирожками... Никто этих пирожков не покупает, конечно... Хотел стать актером, к вам попал...

М о л ь е р. Помолчи, Бутон.

Б у т о н. Молчу.

Горькая пауза. Затем слышен скрип лестницы. Дверь открывается, и входит М у а р р о н. Он не в кафтане, а в какой-то грязной куртке. Потерт, небрит и полупьян, в руке фонарь. Сидящие прикладывают руки козырьком к глазам. Когда Муаррона узнали, Лагранж схватывает со стола пистолет, Мольер бьет Лагранжа по руке, Лагранж стреляет и попадает в потолок. Муаррон, ничуть не удивившись, вяло посмотрел в то место, куда попала пуля. Лагранж, хватаясь за что попало, разбивает кувшин, бросается на Муаррона, валит его на землю и начинает душить.

Л а г р а н ж. Казни меня, король, казни... (Рыча.) Иуда!

М о л ь е р (страдальчески). Бутон... Бутон... (Вдвоем с Бутонотом оттаскивают Лагранжа от Муаррона. Лагранжу.) А ведь уморишь меня ты, ты... стрельбой и шумом... Ты что ж еще? Убийство у меня в квартире учинить хочешь?

Пауза.

Л а г р а н ж. Тварь Захария Муаррон, ты меня знаешь?

Муаррон утвердительно кивает.

Куда бы ты ночью ни пошел – жди смерти. Утра ты уже не увидишь. (Закутывается в плащ и умолкает.)

Муаррон утвердительно кивает головой Лагранжу, становится перед Мольером на колени и кланяется в землю.

М о л ь е р. С чем пожаловал, сынок? Преступление раскрыто, стало быть, что можешь ты еще выудить в моем доме? О чем напишешь королю? Или ты подозреваешь, что я еще и фальшивомонетчик? Осмотри шкафы и комоды, я тебе разрешаю.

Муаррон вторично кланяется.

Без поклонов говори, чего тебе требуется.

М у а р р о н. Уважаемый и предрагоценный мой учитель, вы думаете, что я пришел просить прощения. Нет. Я явился, чтобы успокоить вас: не позже полночи я повешусь у вас под окнами вследствие того, что жизнь моя продолжаться не может. Вот веревка. (Вынимает из кармана веревку.) И вот записка: «Я ухожу в ад».

М о л ь е р (горько). Вот успокоил.

Б у т о н (глотнув вина). Да, это труднейший случай. Один философ сказал...

М о л ь е р. Молчи, Бутон.

Б у т о н. Молчу.

М у а р р о н. Я пришел побыть возле вас. А на госпожу Мольер, если бы я остался жить, я не взгляну ни одного раза.

М о л ь е р. Тебе и не придется взглянуть на нее, мой сын, потому что она ушла, и навеки я один. У меня необузданный характер, потому я и могу сперва совершить что-нибудь, а потом уже думать об этом. И вот, подумав и умудрившись после того, что случилось, я тебя прощаю и возвращаю в мой дом. Входи.

Муаррон заплакал.

Л а г р а н ж (раскрыв свой плащ). Вы, учитель, не человек, не человек. Вы –

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
тряпка, которой моют полы!

М о л ь е р (ему). Дерзкий щенок! Не рассуждай о том, чего не понимаешь. (Пауза. Муаррону.) Вставай, не протирай штаны.

Пауза. Муаррон поднялся. Пауза.

Где кафтан?

М у а р р о н. В кабаке заложил.

М о л ь е р. За сколько?

Муаррон махнул рукой.

(Ворчит.) Это свинство – атласные кафтаны в кабаках оставлять. (Бутону.) Выкупить кафтан... (Муаррону.) Ты, говорят, бродил, бродил и к королю даже забрел?

М у а р р о н (бия себя в грудь). И сказал мне король: в сыщики, в сыщики... Вы, говорит, плохой актер...

М о л ь е р. Ах, сердце человеческое! Ах, куманек мой, ах, король! Король ошибся: ты актер первого ранга, а в сыщики ты не годишься – у тебя сердце неподходящее. Об одном я сожалею – что играть мне с тобой не придется долго. Спустили на меня, мой сын, одноглазую собаку – мушкетера. Лишил меня король покровительства, и, стало быть, зарежут меня. Бежать придется.

М у а р р о н. Учитель, пока я жив, не удастся ему вас зарезать, верьте мне! Вы знаете, как я владею шпагой.

Л а г р а н ж (высунув ухо из плаща). Ты поразительно владеешь шпагой, это верно. Но, гнусная гадина, прежде чем ты подойдешь к «Помолись», купи себе панихиду в соборе.

М у а р р о н. Сзади заколю.

Л а г р а н ж. Это по тебе.

М у а р р о н (Мольеру). Буду неотлучно ходить рядом с вами, дома и на улице, ночью и днем, с чем и явился.

Л а г р а н ж. Как сыщик.

М о л ь е р (Лагранжу). Заткни себе рот кружевом.

М у а р р о н. Милый Регистр, не оскорбляй меня, зачем же оскорблять того, кто не может тебе ответить. Меня не следует трогать – я человек с пятном. И не бросайся на меня этой ночью. Ты убьешь меня, тебя повесят, а Кабала беззащитного мэтра заколет.

М о л ь е р. Ты значительно поумнел с тех пор, как исчез из дому.

М у а р р о н (Лагранжу). Имей в виду, что мэтра признали безбожником за «Тартюфа». Я был в подвале у Кабалы... Закона для него нету – значит, жди всего.

М о л ь е р. Знаю. (Вздрагивает.) Постучали?

М у а р р о н. Нет. (Лагранжу.) Бери пистолет и фонарь, идем караулить.

Лагранж и Муаррон берут оружие и фонарь и уходят. Пауза.

М о л ь е р. Тиран, тиран...

Б у т о н. Про кого вы это говорите, мэтр?

М о л ь е р. Про короля Франции...

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Б у т о н. Молчите!

М о л ь е р. Про Людовика Великого! Тиран!

Б у т о н. Все кончено. Повешены оба.

М о л ь е р. Ох, Бутон, я сегодня чуть не умер от страха. Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно – что он меня давит! Идол!

Б у т о н. Повешены оба, и я в том числе. Рядышком на площади. Так вот вы висите, а наискосок – я. Безвинно погибший Жан-Жак Бутон. Где я? В царстве небесном. Не узнаю местности.

М о л ь е р. Всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки – раздавил. Тиран!

Б у т о н. И бьет барабан на площади. Кто высунул не вовремя язык? Будет он висеть до самого пояса.

М о л ь е р. За что? Понимаешь, я сегодня утром спрашиваю его – за что? Не понимаю... Я ему говорю: я, ваше величество, ненавижу такие поступки, я протестую, я оскорблен, ваше величество; извольте объяснить... Извольте... я, быть может, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал?... Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер?... Но ведь из-за чего, Бутон? Из-за «Тартюфа». Из-за этого унижался. Думал найти союзника. Нашел! Не унижайся, Бутон! Ненавижу королевскую тиранию!

Б у т о н. Мэтр, вам памятник поставят. Девушка у фонтана, а изо рта у нее бьет струя. Вы выдающаяся личность, но только замолчите... Чтобы у вас язык отсох... За что меня вы губите?..

М о л ь е р. Что еще я должен сделать, чтобы доказать, что я червь? Но, ваше величество, я писатель, я мыслю, знаете ли, я протестую... она не дочь моя! (Бутону.) Попросите ко мне Мадлену Бежар, я хочу посоветоваться.

Б у т о н. Что вы, мэтр?!

М о л ь е р. А... умерла... Зачем, моя старуха, ты не сказала мне всей правды? Или нет, зачем, зачем ты не учила меня, зачем не била ты меня?... Понимаешь ли, свечи, говорит, зажжем... я приду к тебе... (Тоскует.) Свечи-то горят, а ее нет... Я еще кафтан на тебе разорвал... На тебе луидор за кафтан.

Б у т о н (плаксиво). Я кликну кого-нибудь... Это было десять лет назад, что вы...

М о л ь е р. Укладывай все. Сыграю завтра в последний раз, и побежим в Англию. Как глупо! На море дует ветер, язык чужой, и вообще дело не в Англии, а в том, что...

Дверь открывается, и в ней появляется голова старухи Р е н э.

Р е н э. Там за вами монашка пришла.

М о л ь е р (испугался). Что такое?!.. Какая монашка?

Р е н э. Вы же сами хотели ей дать стирать театральные костюмы.

М о л ь е р. Фу, старая дура Ренэ, как напутала! Э! Костюмы! Скажи ей, чтобы завтра пришла к концу спектакля в Пале-Рояль. Дура!

Р е н э. Мне что. Вы сами велели.

М о л ь е р. Ничего я не велел.

Ренэ скрывается. Пауза.

Да, какие еще дела? Ах да, кафтан... Покажи-ка, где я разорвал?

Б у т о н. Мэтр, ложитесь, ради Бога! Какой кафтан?

Мольер вдруг забирается под одеяло и скрывается под ним с головой.

Всемогущий Господи, сделай так, чтобы никто не слышал того, что он говорил. Применим хитрость. (Неестественно громко и фальшиво, как бы продолжая беседу.) Так вы что говорите, милостивый государь? Что наш король есть самый лучший, самый блестящий король во всем мире? С моей стороны возражений нет. Присоединяюсь к вашему мнению.

М о л ь е р (под одеялом). Бездарность.

Б у т о н. Молчите! (Фальшивым голосом.) Да, я кричал, кричу и буду кричать: да здравствует король!

В окно стучат. Мольер тревожно высовывает голову из-под одеяла. Бутон осторожно открывает окно, и в окне появляется встревоженный М у а р р о н с фонарем.

М у а р р о н. Кто крикнул? Что случилось?

Б у т о н. Ничего не случилось. Почему непременно что-нибудь должно случиться? Я беседовал с господином де Мольером и крикнул: да здравствует король! Имеет Бутон право хоть что-нибудь кричать? Он и кричит. Да здравствует король!

М о л ь е р. Боже, какой бездарный дурак!

...Уборная актеров в Пале-Рояле. И так же по-прежнему висит старая зеленая афиша, и так же у распятия горит лампадка и зеленый фонарь у Лагранжа. Но за занавесами слышны гул и свистки. В кресле сидит М о л ь е р, в халате и колпаке, в гриме с карикатурным носом. Мольер возбужден, в странном состоянии, как будто пьян. Возле него – в черных костюмах врачей, но без грима, Л а г р а н ж и д ю К р у а з и. Валяются карикатурные маски врачей. Дверь открывается, и вбегает Б у т о н; М у а р р о н в начале сцены стоит неподвижно в отдалении, в черном плаще.

М о л ь е р. Ну! Умер?

Б у т о н (Лагранжу). Шпагой...

М о л ь е р. Попрошу обращаться к директору Пале-Рояля, а не к актерам. Я еще хозяин на последнем спектакле!

Б у т о н (ему). Ну, умер. Шпагой ударили в сердце.

М о л ь е р. Царство небесное. Ну что же сделаешь...

С у ф л е р (заглянул в дверь). Что происходит?

Л а г р а н ж (подчеркнуто громко). Что происходит? Мушкетеры ворвались в театр и убили привратника.

С у ф л е р. Э!.. (Скрывается.)

Л а г р а н ж. Я, секретарь театра, заявляю. Театр полон безбилетными мушкетерами и неизвестными мне личностями. Я бессилен сдерживать их и запрещаю продолжать спектакль.

М о л ь е р. Но... но... но!.. Он запрещает! Не забывай, кто ты такой! Ты в сравнении со мной мальчуган, а я седой, вот что.

Л а г р а н ж (шепотом Бутону). Он пил?

Б у т о н. Ни капли.

М о л ь е р. Что я еще хотел сказать?..

Б у т о н. Золотой господин де Мольер...

М о л ь е р. Бутон!..

Б у т о н. ...пошел вон!.. Я знаю, двадцать лет я с вами и слышу только эту фразу или – молчи, Бутон! И я привык. Вы меня любите, мэтр, и во имя этой любви умоляю коленопреклоненно – не доигрывайте спектакль, а бегите – карета готова.

М о л ь е р. С чего ты взял, что я тебя люблю? Ты болтун. Меня никто не любит. Меня раздражают, за мной гоняются! И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня на кладбище. Стало быть, все будут в ограде, а я околею за оградой. Так знайте, что я не нуждаюсь в их кладбище, плюю на это! Всю жизнь вы меня травите, вы все враги мне.

Д ю К р у а з и. Побойтесь Бога, мэтр, мы...

Л а г р а н ж (Бутону). Как играть в таком состоянии, как играть?

Свист и грохот за занавесами.

Вот!

М о л ь е р. Масленица! В Пале-Рояле били люстры не раз. Партер веселится.

Б у т о н (зловеще). В театре Одноглазый.

Пауза.

М о л ь е р (утихнув). А... (Испуганно.) Где Муаррон? (Бросается к Муаррону и прячется у него в плаще.)

Муаррон, оскалив зубы, молчит, обняв Мольера.

Д ю К р у а з и (шепотом). Врача звать надо.

М о л ь е р (выглянув из плаща, робко). На сцене он меня не может тронуть, а?..

Молчание.

Дверь открывается, и вбегает Р и в а л ь. Она в оригинальном костюме, по обыкновению полуобнажена, на голове шляпа врача, очки колесами.

Р и в а л ь. Больше нельзя затягивать антракт. Или играть...

Л а г р а н ж. Хочет играть, что делать?

Р и в а л ь (долго смотрит на Мольера). Играть.

М о л ь е р (вылезая из плаща). Молодец! Храбрая моя старуха, иди, я тебя поцелую. Разве можно начать последний спектакль и не доиграть. Она понимает. Двенадцать лет ты со мной играешь, и, веришь ли, ни одного раза я тебя не видел одетой, всегда ты голая.

Р и в а л ь (целует его). Э, Жан-Батист, король вас простит.

М о л ь е р (мутно). Он... да...

Р и в а л ь. Вы меня будете слушать?

М о л ь е р (подумав). Буду. А их не буду. (Как-то нелепо двинул ногой.) Они дураки. (Вдруг вздрогнул и резко изменился.) Простите меня, господа, я позволил себе грубость. Я и сам не понимаю, как у меня это вырвалось. Я взволнован. Войдите в мое положение. Господин дю Круази....

Д ю К р у а з и, Л а г р а н ж, Б у т о н (хором). Мы не сердимся!

Р и в а л ь. Сейчас же после вашей последней фразы мы спустим вас в люк, спрячем у меня в уборной до утра, а на рассвете вы покинете Париж. Согласны? Тогда начинаем.

М о л ь е р. Согласен. Давайте последнюю картину.

Дю Круази, Лагранж и Муаррон схватывают маски и скрываются. Мольер обнимает Риваль, и та исчезает. Мольер снимает халат. Бутон открывает занавес, отделяющий нас от сцены. На сцене громадная кровать, белая статуя, темный портрет на стене, столик с колокольчиком. Люстры загорожены зелеными экранами, и от этого на сцене ночной уютный свет. В будке загораются свечи, в ней появляется С у ф л е р. За главным занавесом шумит зрительный зал, изредка взывают зловещие свистки. Мольер, резко изменившись, с необыкновенной легкостью взлетает на кровать, укладывается, накрывается одеялом.

М о л ь е р (Суфлеру, шепотом). Давай!

Раздается удар гонга, за занавесом стихает зал. Начинается веселая таинственная музыка. Мольер под нее захрапел. С шорохом упал громадный занавес. Чувствуется, что театр переполнен. В крайней золоченой ложе громоздятся какие-то смутные лица. В музыке громовой удар литавр, и из полу вырастает Л а г р а н ж с невероятным носом, в черном колпаке, заглядывает Мольеру в лицо.

М о л ь е р (в ужасе).

Что за дьявол?.. Ночью в спальне?
Потрудитесь выйти вон!

Музыка.

Л а г р а н ж.

Не кричите так нахально.
Терапевт я, ваш Пургон!

М о л ь е р (садится в ужасе на кровати).

Виноват. Кто там за пологом?!

Портрет на стене разрывается, и из него высовывается д ю К р у а з и – пьяная харя с красным носом, в докторских очках и колпаке.

Вот еще один. (Портрету.) Я рад...

д ю К р у а з и (пьяным басом).

От коллегии венерологов
К вам явился депутат.

М о л ь е р.

Не мерещится ль мне это?!

Статуя разваливается, и из нее вылетает Р и в а л ь.

Что за дикий инцидент?!

Р и в а л ь.

Медицинских факультетов
Я бессменный президент.

В зале: «Га-га-га!» Из полу вырастает чудовище – врач невероятного роста.

М о л ь е р.

Врач длиной под самый ярус.
Слуги! (Звонит.) Я сошел с ума!

Подушки на кровати взрываются, и в изголовье вырастает М у а р р о н.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Муаррон.

Вот и я – Диафуарус,
Незабвенный врач Фома!

Падает третий, дальний, занавес, и за ним вырастает хор врачей и аптекарей в смешных и странных масках.

Мольер.

Но чему обязан честью?..
Ведь столь поздняя пора...

Риваль.

Мы приехали с известьем!

Хор врачей (грянул).

Вас возводят в доктора!!

Риваль.

Кто спасает свой желудок?

Мольер.

Кто ремень пригоршней ест!

Риваль.

Бене, бене, бене, бене!

Хор врачей.

Новус доктор дигнус эст!

Дюкруази.

Например, вот скажем, – луэс?..

Мольер.

Схватишь – лечишь восемь лет!

В зале: «Га-га-га-га!..»

Лагранж.

Браво, браво, браво, браво,
Замечательный ответ!

Риваль.

У него большие знания...

Дюкруази.

Так и рубит он плеча!

Из ложи внезапно показывается Одноголазый, садится на борт ее и застывает в позе ожидания.

Муаррон.

И в раю получит званье...

Хор врачей (грянул).

Бакалавра и врача!

М о л ь е р (внезапно падает смешно). Мадлену мне! Посоветоваться... Помогите!..

В зале: «Га-га-га!..»

Партер, не смейся, сейчас, сейчас... (Затихает.)

Музыка играет еще несколько моментов, потом разваливается. В ответ на удар литавр в уборной Мольера вырастает страшная М о н а ш к а.

М о н а ш к а (гнусаво). Где его костюмы? (Быстро собирает все костюмы Мольера и исчезает с ними.)

На сцене смятение.

Л а г р а н ж (сняв маску, у рампы). Господа, господин де Мольер, исполняющий роль Аргана, упал... (Волнуется.) Спектакль не может быть окончен.

Тишина. Потом крик из ложи: «Деньги обратно!» Свист и гул.

М у а р р о н (сняв маску). Кто крикнул про деньги? (Вынимает шпагу, пробует ее конец.)

Б у т о н (на сцене, задушенно). Кто мог крикнуть это?

М у а р р о н (указывая на ложу). Вы или вы?

Тишина.

(Одноглазому.) Грязный зверь!

Одноглазый, вынув шпагу, поднимается на сцену.

(Идет, как кошка, ему навстречу.) Иди, иди. Подойди сюда! (Поравнявшись с Мольером, глядит на него, втыкает шпагу в пол, поворачивается и уходит со сцены.)

Суфлер внезапно в будке заплакал. Одноглазый глядит на Мольера, вкладывает шпагу в ножны и уходит со сцены.

Л а г р а н ж (Бутону). Да дайте же занавес!

Хор вышел из оцепенения, врачи и аптекари бросаются к Мольеру, окружают его страшной толпой, и он исчезает. Бутон закрыл наконец занавес, и за ним заревел зал. Бутон выбежал вслед за группой, унесшей Мольера.

Господа, помогите мне! (Говорит в разрез занавеса.) Господа, прошу... разъезд... У нас несчастье.

Р и в а л ь (в другом разрезе). Господа, прошу вас... Господа... Господа...

Занавес вздувается, любопытные пытаются лезть на сцену.

Д ю К р у а з и (в третьем разрезе). Господа... Господа...

Л а г р а н ж. Гасите огни!

Дю Круази тушит люстры, шпагой сбивая свечи. Гул в зале несколько стихает.

Р и в а л ь (в разрезе). Войдите в положение, господа!.. Разъезд, господа... Спектакль окончен...

Последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает. Выступает свет у распятия. Сцена открыта, темна и пуста. Невдалеке от зеркала Мольера сидит скорчившись темная ф и г у р а.

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
На сцене выплывает фонарь, идет темный Л а г р а н ж.

Л а г р а н ж (важным и суровым голосом). Кто остался здесь? Кто здесь?

Б у т о н. Это я. Бутон.

Л а г р а н ж. Почему вы не идете к нему?

Б у т о н. Не хочу.

Л а г р а н ж (проходит к себе, садится, освещается зеленым светом, разворачивает книгу, говорит и пишет). «Семнадцатое февраля. Было четвертое представление пьесы „Мнимый больной“, сочиненной господином де Мольером. В десять часов вечера господин де Мольер, исполняя роль Аргана, упал на сцене и тут же был похищен без покаяния неумолимой смертью». (Пауза.) В знак этого рисую самый большой черный крест. (Думает.) Что же явилось причиной этого? Что? Как записать?.. Причиной этого явилась немилость короля и черная Кабала!.. Так я и запишу! (Пишет и угасает во тьме.)

Конец

Драматургия в театре марионеток

Сходство театра и жизни давно перестало быть открытием. Мир – театр, а люди – актеры; это известно каждому, кто не поленился заглянуть в классиков. Хотя бы в объеме школьной программы. Намного труднее применить эти познания к реальной жизненной ситуации: что у нас нынче за пьеса? и какие роли пропишет нам режиссер в следующем действии?

Михаил Булгаков сам писал пьесы, однако, если проследить за его театральной биографией, невольно закрадывается подозрение, что и он был персонажем, только куда более масштабного и бестолкового сценария. Причем сценария коллективного, где каждый следующий сюжетный ход писался обязательно другим драматургом, который понятия не имел о том, что задумывали его предшественники...

* * *

Свои первые пьесы Булгаков написал еще в 1920–1921 годах во Владикавказе. В этот город его забросила недавно закончившаяся гражданская война. Уйти с белыми, как он это первоначально намеревался, Булгаков не успел, и тогда перед ним встала непростая задача – прокормить себя и жену Тасю в голодном и разоренном войной городе. Он работал в подотделе искусств, но там не платили денег, он писал рассказы, но их никто не печатал. Тогда Михаил стал писать пьесы – наспех, ради заработка, хотя первая из них была для него отнюдь не случайной.

Речь идет о драме «Братья Турбины» (1920), замысел которой Булгаков лелеял давно. Уже здесь появляется герой, которого зовут Алексей Турбин – фамилию Турбиных носили предки Булгакова со стороны матери. Действие пьесы происходило в 1905 году, она была снабжена подзаголовком «Пробил час». Как и другие пьесы того периода – «Самооборона», «Глиняные женихи», «Парижские коммунары», «Сыновья муллы», – она была ненавистна самому автору, который безжалостно предал ее огню в 1923 году в Москве.

К прежнему замыслу Булгаков вернулся только в январе 1925 года, когда он начал делать наброски пьесы «Белая гвардия» – пока еще название пьесы было тем же, что и у недавно завершеного романа. В апреле Булгаков получил записку из МХАТа о том, что роман «Белая гвардия» привлек внимание одного из режиссеров театра, как возможный материал для пьесы.

В августе пьеса была уже закончена, а в сентябре завязались отношения с другим театром, выросшим из студии МХАТа – театром им. Вахтангова. С ним Булгаков заключил договор на пьесу «Зойкина квартира». В январе 1926 года эта пьеса была единогласно принята к постановке. В это время был заключен договор и с Камерным театром на пьесу «Багровый остров».

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Во МХАТе после двойственных оценок Луначарским – то «не вижу препятствий к постановке», то «пошлая пьеса» – и некоторых переделок приступили к репетициям. Одновременно был заключен договор на еще одну пьесу – «Собачье сердце». К этому времени булгаковскую прозу перестали публиковать вообще – раз и навсегда (по крайней мере, при жизни автора).

Лето 1926 года у Булгакова на лихорадочные переделки «Белой гвардии» и «Зойкиной квартиры». На основании предварительного просмотра представители Главреперткома заявили, что пьеса «представляет собой сплошную апологию белогвардейцев». Потянулись бесконечные генеральные репетиции пьесы, переименованной в «Дни Турбиных», на которых решался и никак не мог решиться вопрос: разрешат – не разрешат?

2 октября прошла публичная генеральная репетиция пьесы. Появление на сцене офицеров часть молодежи встретила свистом, но в целом публика была настроена сочувственно. Вечером того же дня спектакль активно обсуждался на диспуте «Театральная политика Советской власти», проходившем в Коммунистической академии.

С докладом на диспуте выступил нарком просвещения Анатолий Луначарский. Часть доклада была посвящена пьесе «Дни Турбиных». Луначарский считал, что пьесу ставить можно: ее идеология сомнительна, но для нас неопасна – наш желудок может переварить и острую пищу. «Автор пьесы Булгаков, – говорил нарком, – приятно щекочет обывателя за правую пятку». Или вот Булгаков рыдал над смертью офицера, а Луначарский возражал: «Офицеру должна быть офицерья смерть». Самого автора пьесы Луначарский невзначай охарактеризовал как человека, которому «нравятся сомнительные остроты, которыми обмениваются собутыльники, атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля...»

Докладчику категорически возразил критик Орлинский: показывать зрителям пьесу недопустимо, потому что это «политическая демонстрация, в которой Булгаков перемигивается с остатками белогвардейщины».

Выступил на диспуте и Владимир Маяковский. По его мнению, появление этой пьесы в репертуаре МХАТа было совсем не случайным: «начали с тетей Маней и дядей Ваней и закончили „Белой гвардией“». Он категорически высказался против запрещения пьесы и предложил решить проблему в свойственном ему хулиганском стиле: „Давайте я вам поставлю срыв этой пьесы – меня не выведут. 200 человек будут свистеть, а сорвем, и скандала, и милиции, и протоколов не побоимся... Если на всех составлять протоколы, кто свистит, то введите протоколы и на тех, кто аплодирует“.

5 октября состоялась премьера «Дней Турбиных». Атмосфера в зале царила исключительная, совершенно непохожая на другие премьеры. Люди сидели, словно заколдованные, во время представления случались обмороки, и потому у подъезда театра едва ли не дежурила «Скорая помощь». В этом не было ничего удивительного – со времени окончания гражданской войны минуло чуть больше пяти лет, и у многих зрителей братья, мужья, отцы тоже были офицеры – погибшие, эмигрировавшие, пропавшие без вести, уже сосланные или еще скрывающиеся.

14 октября в «Комсомольской правде» появилось открытое письмо поэта Александра Безыменского. В письме сообщалось, что брат поэта, Бенедикт Безыменский, был убит в киевской тюрьме в 1918-м при владычестве гетмана Скоропадского и... почему-то Алексеев Турбиных. «Я не увидел уважения к памяти моего брата в пьесе, которую вы играете... Я ничего не говорю против автора пьесы Булгакова, который чем был, тем и останется: новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы». Далее автор письма заявлял, что театр «от лица классовой правды Турбиных» дал «пощечину памяти моего брата».

И началось. На недостаток рецензий Булгаков пожаловаться не смог бы при всем желании. Советские критики словно соревновались в языковых нелепостях и демонстрации собственного бескультурья – о воспитанности в данном случае говорить было бы просто нелепо.

«Художественный театр получил от Булгакова не драматургический материал, а огрызки и объедки со стола романиста» (М. Загорский).

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
«Пьеса как вещь – мелочь» (С. Асиллов).

«Дни Турбиных» – домашняя контрреволюция» (А. Черкасский).

«Идеология стопроцентного обывателя» (Э. Бескин).

«И роман, и инсценировка ничтожны по своему содержанию, идеологически чужды современности и явно реакционны» (В. Ашмарин).

«Белый цвет выпирает настолько, что отдельные пятнышки редисочного цвета его не затушевывают» (А. Орлинский).

«Автор одержим собачьей старостью» (В. Блюм).

Тот же Блюм вдохновенно уличал Булгакова в близости к... Чехову: «Но ведь Чехова-то нет в современности, а его драматургия в музее!»

Булгакова обличали даже в рифму (назвать это стихами язык не поворачивается): «Восхищенье до истерики... Шепот кумушек... аншлаг... Снова – душки-офицерики и петлюровский кулак... Много, очень много публики: так рекою и течет! МХАТ, смеясь, считает рублики: „Что поделать-с... хозрасчет!“.

Тем временем «Дни Турбиных» прошли в октябре – 13 раз, а в ноябре и декабре – по 14 раз в месяц. То есть в среднем спектакль показывали каждый второй день. 28 октября состоялась премьера «Зойкиной квартиры» в театре им. Вахтангова. И снова полный аншлаг в зале и поголовный вой в печати. Такова уж была советская критика – она не шла на поводу у публики и ее мнения, потому должна была ее, глупую, воспитывать и образовывать.

На следующий театральный сезон «Дни Турбиных» были сначала сняты из репертуара МХАТа Главреперткомом, а затем все-таки разрешены. Станиславский лично благодарил за это в письме Клима Ворошилова, одного из приближенных Сталина.

Булгаков уже работал над следующей пьесой, которая называлась «Бег». Многие в будущей пьесе стало для Булгакова понятнее после изучения книги генерал-лейтенанта Слащова, человека, послужившего прототипом одного из центральных персонажей пьесы Хлудова. Книга называлась «Крым в 1920 г.» (1924).

Слащов действительно был жестоким, волевым человеком и талантливым полководцем. Он отличался личной храбростью и был ненавидим Врангелем и его штабом. В Константинополе он, кстати, был Врангелем судим и разжалован. Весной 1921 года он обратился к советскому правительству с просьбой о разрешении вернуться в Россию. Осенью того же года он прибыл в Севастополь, под усиленным конвоем был доставлен на железнодорожную станцию и отправлен в Москву.

Несмотря на все жестокости, которыми Слащов прославился в Крыму во время гражданской войны, его амнистировали. Слащов явно был нужен новой власти – Булгаков, к примеру, был вынужден скрывать, что его мобилизовали деникинцы и он служил у них врачом, а Слащов после амнистии служил в Красной армии и преподавал в крупном военном учебном заведении. К 1929 году надобность в услугах Слащова, видимо, отпала, и он был застрелен одним из курсантов, который отомстил таким образом за брата, казненного генералом почти десять лет назад.

1 марта 1928 года МХАТ заключил с Булгаковым договор на «Бег», оговорив возвращение автором аванса, если пьеса будет запрещена (!). 9 мая на заседании Главреперткома «Бег» запретили. 9 июня в «Вечерней Москве» председатель художественно-политического совета при Главреперткоме Федор Раскольников заявил, что из репертуара театра Вахтангова решено исключить «Зойкину квартиру». 30 июня коллегия Наркомпроса утвердила решение Главреперткома о снятии «Бега», а «Дни Турбиных» были оставлены в репертуаре МХАТа до первой новой постановки пьесы.

В сентябре Камерному театру неожиданно разрешили ставить «Багровый остров». 9 октября Главрепертком, после заступничества Горького, разрешил постановку «Бега», а 24-го – запретил. 5 ноября в «Рабочей Москве» вышла подборка материалов, посвященных «Бегу». Подборка сопровождалась заголовком: «Ударим по булгаковщине! Беспребетная политика Главискусства. Разоружим классового врага в театре, кино и литературе». 15 ноября – статья в «Комсомольской правде» все того же Федора Раскольникова, призывавшего «шире развернуть кампанию против „Бега“!»

11 декабря состоялась премьера «Багрового острова» в Камерном театре. Полный аншлаг не помешал худсовету театра осудить постановку и признать ее разрешение Главреперткомом ошибочным (!).

В январе 1929 года «Бег» запретили окончательно.

2 февраля Сталин написал свой знаменитый ответ на письмо драматурга Билль-Белоцерковского (и вопросы, и ответы явно не были экспромтом). Письмо, разумеется, тут же получило широкую известность в литературных и театральных кругах – ради этого и была затеяна вся эта комедия. Оценка Булгакова и его пьес была недвусмысленной: «Бег» – антисоветское явление, «Багровый остров» – макулатура, почему-то охотно пропускаемая для действительно буржуазного Камерного театра. «Бег» еще можно было бы терпеть, если бы к восьми частям пьесы автор добавил еще парочку, где показал бы, что всех центральных персонажей пьесы вышибли из России потому, что они сидели на шее народа и были «честными» сторонниками эксплуатации (?!). «Дни Турбиных» – это, оказывается, «демонстрация всепокрушающей силы большевизма», хотя в успехе пьесы автор «неповинен». Итогом этого совершенно беспардонного словоблудия можно считать следующее глибокомысленное рассуждение: «Почему ставят на сцене пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На безрыбье даже „Дни Турбиных“ – рыба» (кстати, сам усатый искусствовед смотрел спектакль не менее семнадцати раз).

После этого немудрено, что «Вечерняя Москва» уже в марте констатировала: «Театры освобождаются от пьес Булгакова». К лету все было кончено, хотя Булгакова еще долго пинали в советской прессе: «Булгаковы и Замятины мирно сожительствовали в Союзе писателей с подлинными советскими художниками слова», – сокрушалась «Жизнь искусства».

В октябре дирекция МХАТ потребовала у Булгакова возврата аванса ввиду запрещения «Бега». Денег было взять уже неоткуда, выход оставался один – писать для театра новую пьесу. Поразмыслив, Булгаков решил обратиться к биографии Мольера: Франция, далекое прошлое – авось, не запретят.

16 ноября Булгаков побывал на юбилейном заседании объединения Никитинские субботники, в работе которого он регулярно принимал участие. Заседание было посвящено авторской читке и обсуждению драмы «Робеспьер». Автором пьесы был Федор Раскольников, который недавно стал редактором влиятельного литературного журнала «Красная новь» и обещал в ближайшее время порадовать читателей разгромной статьей о Булгакове.

Первые двое выступавших на все лады расхваливали пьесу, третьим попросил слова Булгаков. Его критика была уничтожающей – пьеса не удалась, интриги нет, фигуры неживые, действия нет. После этого обсуждение приобрело иной характер – все смелее посыпались критические замечания, и в итоге драма была признана неудачной. И все по вине человека, у которого были запрещены все пьесы, а судьбу новой должен был вот-вот решать все тот же Раскольников.

18 марта 1930 года Булгакова известили из Главреперткома, что его новая пьеса «Кабала святош» («Мольер») к представлению не разрешена. Последовало отчаянное письмо Булгакова в правительство, с просьбой хотя бы выпустить его за границу, если в России ему все равно не на что жить. Результатом письма стал неожиданный звонок Сталина, подавший Булгакову некоторые надежды на улучшение его положения.

После этого звонка Булгакова приняли во МХАТ режиссером-ассистентом и направили на постановку инсценировки «Мертвых душ». Увидев текст инсценировки, Булгаков схватился за голову: пьесу нужно было писать заново. Весь следующий год Булгаков писал пьесу «Мертвые души», днем работал режиссером во МХАТе, подменял заболевших актеров, вечером отправлялся в ТРАМ (Театр рабочей молодежи) – там он был консультантом.

К лету Булгаков ушел из ТРАМА и взялся за постановку в театре Санпросвета. Мысль о поездке за границу, хотя бы ненадолго, преследовала его, поэтому он снова написал письмо Сталину. На этот раз оно осталось без ответа – Булгаков не изменился, а значит, и беседовать с ним вождю и учителю было не о чем.

22 августа он закончил рукописную редакцию пьесы «Адам и Ева», от которой

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Красный театр, по здравому размышлению, отказался. Несколько недель спустя был подписан договор с Ленинградским драматическим театром на инсценировку «Войны и мира» Л. Толстого. 3 октября наконец-то пришло разрешение на постановку «Мольера».

15 января 1932 года раздался звонок из МХАТа – по звонку сверху срочно восстанавливали и вводили в репертуар «Дни Турбиных». 15 февраля уже состоялась премьера. Успех был вновь ошеломляющим: лишние билеты начинали спрашивать еще на соседних улицах, занавес по окончании представления давали двадцать раз.

Пьесы Булгакова шли не только в Москве. «Дни Турбиных» ставили в Ташкенте, их возил МХАТ на гастроли в Ленинград. Потом, правда, Булгаковым пришлось буквально выжимать причитающиеся им деньги из ленинградских театров. Кроме того, эта драма неоднократно и с успехом ставилась в Соединенных Штатах, известны ее постановки в Лондоне и Норвегии, ее переводили на шведский язык. «Зойкина квартира» шла в Париже, «Мольера» переводили на итальянский и хотели поставить в Польше.

Несмотря на очевидный успех, отношения Булгакова с зарубежными издательствами и агентствами складывались тяжело. Советский Союз не был членом Международной конвенции по авторскому праву, и потому защищать интересы Булгакова за рубежом было практически некому. Особенно скандальная ситуация возникла вокруг бывшего издателя журнала «Россия» З. Каганского. В 1925 году он выехал за границу, где нагло объявил себя полномочным представителем Булгакова и стал предлагать к изданию его произведения. На основании поддельной доверенности он присваивал себе 50% авторских гонораров!

С переводами тоже было не все ладно – во французский вариант «Зойкиной квартиры» без ведома Булгакова вставили имена Ленина и Сталина, разумеется, в ругательном контексте. Пришлось срочно требовать возврата к авторской редакции текста.

С драматургическим творчеством у Булгакова дела шли все хуже. Ему настойчиво предлагали написать что-нибудь на актуальную тему. Например, на антирелигиозную или о перевоспитании бандитов в трудовых коммунах ОПТУ. Не приходится удивляться, что Булгаков все активнее осваивал профессию актера – на всякий случай.

В ноябре 1934 года состоялась генеральная репетиция мхатовской инсценировки «Пиквикского клуба». Булгаков играл судью – красная мантия, белый завитой парик. Несмотря на волнение, отыграл он отлично и даже заслужил похвалы собратьев – маститых профессионалов.

К трудностям цензурного характера добавлялись чисто производственные проблемы – Станиславский представлял себе Мольера по-иному, чем Булгаков, но Станиславский был хозяином положения и мог требовать переработки отдельных эпизодов пьесы. Булгаков приходил в ярость, когда Станиславский вместо репетиции вдруг начинал обсуждать вместе с актерами недостатки пьесы. В конце концов его терпение лопнуло, и он написал письма во МХАТ с категорическим отказом от переделок.

Письмо Булгакова было зачитано актерам перед репетицией. Станиславский призвал их не падать духом, «а добиваться актерскими и режиссерскими средствами осуществления намеченной линии и победить автора, не отступая от его текста. Это труднее, но и интересней».

В начале августа 1935 года Булгаков закончил пьесу о Пушкине, которую он писал в содружестве с писателем Викентием Вересаевым. 20 сентября Репертком разрешил пьесу к постановке. Ею заинтересовался композитор Сергей Прокофьев – одно время он всерьез обдумывал идею написания на ее основе оперы.

В октябре Булгаков сдал в театр Сатиры пьесу «Иван Васильевич». В конце месяца и эту пьесу допустили к постановке, хотя и с небольшими изменениями.

14 февраля 1936 года состоялся первый закрытый показ спектакля «Мольер» – для пролетарского студенчества. Опять шумный успех, вызовы автора, занавес – 21 раз, а на следующий день – злобная статья о спектакле Осафа Литовского в «Советском искусстве».

Премьера «Мольера» состоялась 16 февраля. Зал был полон «знатными лицами», занавес давали не то 21, не то 23 раза. Газеты отреагировали вяло – всего две

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru ругательных рецензии. Зато 21 февраля во мхатовской газете «Горьковец» появились отрицательные отзывы о «Мольере» писателей и драматургов Афиногенова и Всеволода Иванова, актера Грибкова и писателя Юрия Олеши, который с Булгаковым вообще-то дружил и любил бывать у него в доме.

Ничто не предвещало беды, но вот наступило 9 марта, которое принесло редакционную статью в «Правде», главной газете страны. Статья называлась «Внешний блеск и фальшивое содержание» и была посвящена недавней постановке «Мольера». Уже днем насмерть перепуганное руководство МХАТа сняло пьесу. Все наперебой советовали Булгакову оправдывать и спасать положение письмом в высокие инстанции.

10 марта к травле подключилась «Литературная газета» статьей Б. Алперса «Реакционные домыслы М. Булгакова». 17 марта в «Советском искусстве» появилась «чудовищная по тону» заметка о пьесе о Пушкине. Булгаков предложил Вересаеву снять его фамилию с пьесы, чтобы избавить старика от нападок; Вересаев отказался.

В середине мая в театре Сатиры прошла генеральная репетиция «Ивана Васильевича». Немедленно по окончании репетиции пьеса была запрещена.

Свои пять копеек на общее дело внес и Всеволод Мейерхольд, в прошлом неоднократно просивший у Булгакова пьесу. 26 марта он выступил перед театральными работниками Москвы и сказал о театре Сатиры следующее: «В этом театре смех превращается в зубоскальство. Этот театр начинает искать таких авторов, которые, с моей точки зрения, ни в коей мере не должны быть в него допущены. Сюда, например, пролез Булгаков».

Отчаявшись написать хоть что-нибудь, что не было бы тотчас запрещено, Булгаков решил взяться за перевод. Он взялся за «Виндзорских проказниц» для МХАТа. Однако вскоре после начала работы над переводом к нему пристал с советами Горчаков – режиссер, которому предстояло ставить пьесу.

Горчаков предупредил Булгакова, что перевод будет сделан впустую, если Булгаков не послушает его, Горчакова, установок, как именно переводить Шекспира.

– Хохмочки надо туда насовать!.. Вы чересчур целомудренны, мэтр... Хи-хи-хи...

На другой день Булгаков бросил работу и уведомил Горчакова о своем отказе от перевода. 15 сентября он отвез во МХАТ заявление об отказе от службы в театре и перевода, а 10 октября поступил на работу в Большой театр – либреттистом.

Март 1937 года принес иск от Харьковского драматического театра – театр требовал вернуть аванс, поскольку пьеса о Пушкине не была разрешена к постановке. Иск был совершенно неправомерен, но для этого потребовалось идти на суд, доказывать очевидное...

Летом Булгаков работал над инсценировкой «Дон Кихота», в начале октября пьеса была разрешена. Булгаков отдал ее в театр Вахтангова.

Осенью проходили юбилейные дни МХАТа. В число юбилейных спектаклей умудрились не включить «Дни Турбиных», которые за тринадцать лет были показаны в театре больше 800 раз. Ни в одной статье, посвященной юбилею, не упоминалась ни сама пьеса, ни фамилия автора.

Летом 1939 года Булгаков закончил «Батум», пьесу о молодом Сталине. Это была его попытка пойти на компромисс с эпохой, не поступаясь собственными нравственными принципами. Все прослушивающие принимали пьесу восторженно, с Булгаковым даже начали заигрывать некоторые издания, которые за всю свою историю не напечатали о нем доброго слова.

В августе МХАТ собрал целую экспедицию для поездки в район Батума – «для сбора и изучения архивных документов». Уже в поезде по этому поводу хорошо выпили и закусили и... Все закончилось, как и раньше, неожиданно и навсегда. На остановке в Серпухове в вагон принесли телеграмму. Пьеса не получила одобрения «наверху».

Нет, сама пьеса, судя по всему, Сталину понравилась. Просто легенду вокруг своего жизненного пути он выстраивал долго и тщательно, убирая при необходимости

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ненужных свидетелей вроде Камо, и потому Булгаков и МХАТ были совсем не теми людьми, которым он позволил бы копаться в этом материале. Вердикт прозвучал так: нельзя такое лицо, как Сталин, делать литературным персонажем, ставить его в вымышленные положения или вкладывать в его уста выдуманные слова. Поэтому пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать. Во-вторых, наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе. Этот вывод убил Булгакова наповал – его снова ставили перед выбором: или живи и кланяйся, или прозябай и сохраняй достоинство.

У Булгаковых наступил траур – не по «Батуму», а по окончательно утраченным надеждам. Михаил усиленно занимался итальянским языком, а Елена – уборкой квартиры. Жить Булгакову оставалось чуть более полугода. Он так и не смог найти свою роль в этом театре марионеток...

Жизнь знаменитых писателей всегда состоит не только из широко известных фактов и «этапов большого пути», но и из мелких житейских случаев, анекдотов, забавных историй. В них мудрые классики и достойные подражания современники предстают более человечными, чудачковатыми и часто не менее интересными, чем их произведения. Приведенные ниже истории основаны на воспоминаниях людей, в разное время знавших Михаила Булгакова. Итак, однажды Булгаков...

Был когда-то писатель...

...попал в августе 1937 года на совещание в гостинице «Москва». Там к нему подошел поэт по фамилии Чуркин и спросил:

- Скажите, вот был когда-то писатель Булгаков...
- А что он писал, про кого говорите?
- Да я его книжку читал, его пресса очень ругала...
- А пьес у него не было? – насторожился Булгаков.
- Да, была у него пьеса – «Дни Турбиных».
- Это я, – скромно признался Булгаков.

Чуркин выпучил на него глаза.

- Вы ведь даже не были в попутчиках, вы были еще хуже?!..
- Ну что может быть хуже попутчиков? – усмехнулся Булгаков.

Вот что значило лет десять вообще не печататься – можно было попасть в живые ископаемые. А попутчики – это такой политико-искусствоведческий термин, обозначающий писателей, находившихся на опасной периферии советской литературы. Дальше уже шли отбросы общества, на которых рабоче-крестьянскую бумагу и типографскую краску тратить вообще не стоило.

* * *

Пьеса «Дни Турбиных» неизменно пользовалась огромным успехом у публики. Рассказывали такой характерный случай.

...Шло 3-е действие спектакля. Город в руках петлюровцев, в окне турбинского дома виднеется зарево пожара. Елена с Лариосиком с нетерпением ждут остальных. Неожиданно раздается слабый стук в дверь. Оба прислушиваются. И тут из публики раздается взволнованный женский голос:

- Да открывайте же! Это свои!

* * *

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Соревнование, соперничество, конкуренция хороши, если они развиваются в рамках хоть каких-нибудь норм. Куда хуже, если борьба за обладание заветным призом превращается в схватку на выживание любой ценой.

Весной 1932 года Ленинградский Большой драматический театр (БДТ) сначала принял к постановке пьесу Булгакова «Мольер», а затем неожиданно отклонил ее и расторг договор. Когда Булгаков навел справки, наружу выплыла совершенно неприглядная и очень советская история.

На постановку в БДТ рассчитывал еще один драматург, бывший пулеметчик Первой конной Всеволод Вишневский, известный всему Союзу героико-революционной драмой «Оптимистическая трагедия». Вишневский сам выстроил себе образ этакого «братишки», рубахи-парня, человека в общении незамысловатого, но на руку тяжелого. Современникам была хорошо известна его манера всюду таскать с собой кобуру с револьвером, а перед чтением своих пьес в театре отстегивать ее и класть перед собой на стол.

Атаку на пьесу конкурирующей фирмы Вишневский начал с публикации в «Вечерней Красной газете» провокационной статьи «Кто же вы?». В статье БДТ обвинялся в идеологической неразборчивости в связи с... принятием к постановке пьесы «Мольер». Руководство театра перепугалось, и остальное было для бывалого человека уже делом техники. Все довершил личный визит Вишневого в театр. Разумеется, с собственной пьесой под мышкой.

* * *

Булгакова и МХАТ многое связывало – многолетняя работа, общие победы и поражения, а также обиды, ссоры, скандалы с режиссерами и администрацией. Осенью 1936 года Булгакову все это надоело, и он ушел из МХАТа. Позднее мхатовцы неоднократно пытались возобновить сотрудничество, но Булгаков неизменно отказывался.

К примеру, в ноябре 1938 года как-то в половине двенадцатого ночи на квартире у Булгаковых появилось двое посланцев из МХАТа. От имени всего театра Булгакова пригласили снова поработать для МХАТа. Один из гостей так аргументировал эту просьбу:

– Мне приказано стелиться как дым перед вами... Мы протягиваем вам руки... Я понимаю, что не счесть всего свинства, хамства, которое вам сделал МХАТ, но ведь они не вам одному...

(По воспоминаниям Л.Е. Белозерской-Булгаковой, Е.С. Булгаковой, В.П. Катаева, книгам М.О. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова» и Л.М. Яновской «Творческий путь Михаила Булгакова»)

Вадим ТАТАРИНОВ

Примечания

1

Автор ошибается относительно этой даты. Первое представление комедии «Шалый» состоялось в Лионе в 1655 г. (Прим. ред.)

2

Жаль! (франц.)

3

Нет, это невозможно, но все дела! (франц.)

4

С удовольствием! (франц.)

5

Он играет! (франц.)

6

я привезу его (франц.)

7

Если это и неправда, то хорошо найдено (ит.).

8

«Кто уходит на охоту, теряет свое место» (франц.). Здесь и в дальнейшем перевод сделан автором.

9

Будьте любезны, позовите к телефону господина майора фон Дуста. Да... Да... (нем.)

10

Имеем честь приветствовать вашу светлость (нем.).

11

Я очень рад вас видеть, господа. Прошу вас, садитесь... Я только что получил известия о тяжелом положении нашей армии (нем.).

12

Мы об этом знали уже давно (нем.).

13

Это неслыханно! (нем.)

14

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ваше превосходительство, у нас нет времени. Мы должны... (нем.)

15

Тише! (нем.)

16

Родина есть родина (нем.).

17

Господин доктор, будьте так любезны... (нем.)

18

Готово (нем.).

19

Сию минуту (нем.).

20

До свидания (нем.)

21

Тысяча извинений, мадам! (франц.)

22

Греческая молитва. «На все века, владыка!»

23

«Presse du soir» – «Вечерняя газета» (франц.).

24

«Achetez pour votres enfants! – Купите для ваших детей! (франц.)

25

Сколько это стоит? (турецк.) Сколько? (франц.)

26

Cinquante piastres, madame, cinquante! – Пятьдесят пиастров, мадам! (франц.)

27

Ох, нет! Это дорого! (турецк.)

28

Gehen Sie!.. Gehen Sie!.. – Пошла ты!.. Пошла!.. (нем.)

29

Бокал пива! Бокал пива! (франц.)

30

Да здравствует (итал.)

31

Долой! Долой! (англ.)

32

Афера! Афера! (англ.)

33

Ловушка! Ловушка! (англ.)

34

I beg your pardon! – Прошу прощения! (англ.)

35

Жулик! Мошенник! Плут! (итал.)

36

Мерзавец! (итал.)

37

Хип, хип, ура! Да здоровствует Пуговица! (англ.)

38

Сброд! (итал.)

39

Негодяй! (итал.)

40

Стой! Назад! (англ.)

41

Молитва магометан: «Нет бога, кроме бога».

42

Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня. Со стола не надо убирать. Я буду обедать позднее. Да отвечайте же! (франц.)

43

я – дома (франц.).

44

я хотел бы поговорить с мсье... (франц.)

45

A l'instant! – Сию минуту! (франц.)

46

Au revoir, mademoiselle. – До свиданья (франц.).

47

Adieu! – Прощайте! (франц.)

48

Театральный роман. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Для его славы уже ничего не нужно. Но он нужен для нашей славы (франц.).

49 Начало молитвы: «Хвалим, Господи, тебе, царю вечной славы» (лат.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!